МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

СТОЮ ЗА ПРАВДУ И ЗА АРМИЮ!

Стою за правду и за армию!

Сборник, посвященный памяти М. Д. Скобелева

Москва
Берлин
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5
С82

Стою за правду и за армию! : сборник, посвященный
С82 памяти М. Д. Скобелева. – Москва ; Берлин :
Директ-Медиа, 2019. – 609 с.

ISBN 978-5-4475-4823-0

Это издание посвящено памяти выдающегося русского военачальника и стратега, человека огромного личного мужества Михаила Дмитриевича Скобелева (1843-1882 гг.). Вступительный очерк составлен генерал-лейтенантом Сергеем Леонидовичем Марковым, который, по мнению современников, «принадлежал к плеяде генералов скобелевского типа, сочетающих в себе личную храбрость и талант полководца». В издание вошли Приказы Скобелева, относящиеся к 1877-1878 гг., а также книга личного ординарца М. Д. Скобелева Петра Архиповича Дукмасова «Со Скобелевым в огне. (Воспоминания о русско-турецкой войне 1877—1878 годов и о М. Д. Скобелеве)», содержащая помимо рассказа о пребывании со Скобелевым на полях сражений и в мирное время ряд интересных военно-исторических данных. В Приложении представлены свидетельства современников о последних годах жизни боевого генерала.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-4475-4823-0

С. Л. Марков. Памяти М. Д. Скобелева[1]

Выпуская настоящий очерк, составленный по поручению начальника Императорской Николаевской военной академии генерал-лейтенанта Щербачева, я не преследовал цели дать биографию М. Д. Скобелева или, тем более, сказать о нем что-нибудь новое. И то и другое было бы бесполезной и непосильной задачей после всего уже напечатанного. Моя задача значительно скромнее – дать ко дню открытия памятника в Москве «белому генералу» популярный очерк его деятельности и оживить в широких слоях нашего общества те черты, на которые беспощадное время готово наложить свою печать.

И если эти строки лишний раз привлекут симпатии читателя к личности Скобелева, если сознание того, что М. Д. Скобелев появился у нас в России и был наш, заставит заговорить чувство народной гордости и даст веру в возможность появления и в будущем в нашей армии нового Скобелева, – я буду считать мою скромную задачу исполненной.

17 сентября 1843 года в Петербурге родился Михаил Дмитриевич Скобелев. Прошло 34–35 лет, и имя его стало известно во всех уголках нашей обширной Родины. «Белый генерал» сделался народным героем, его портрет, рассказы о нем – и правдивые и легендарные – проникли и в крестьянскую избу, и в нарядную гостиную, приковав к себе общие симпатии, больше – общее поклонение. Минуло еще четыре года, и Скобелева не стало. Стоит хоть бегло познакомиться с прессой 1882 года – года смерти Михаила Дмитриевича, – чтобы увидеть и понять, что эта смерть вызвала народное

[1] Печатается по изданию: С. Л. М. Памяти М. Д. Скобелева. М., 1912.

горе у нас, взволновала все слои общества и, охватив Россию, нашла тот или иной отклик за границей.

В 39 лет был пройден жизненный путь, но как пройден… Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, кавалер ордена Святого Георгия 4, 3 и 2-й степеней, кумир армии, народный герой – вот результат короткой, как метеор промелькнувшей, жизни.

Пожалуй, лучшую оценку значения Скобелева для России вообще, а для всего славянства в частности, дали после его смерти враждебные Михаилу Дмитриевичу иностранные газеты. «Borsen-Courier»[2] между прочим напечатала следующее: «Ну и этот теперь не опасен… Пусть панслависты и русские славянисты плачут у гроба Скобелева. Что касается нас, то мы честно в том сознаемся, что довольны смертью рьяного врага. Никакого чувства сожаления не испытываем. Умер человек, который действительно был способен употребить все усилия к тому, чтобы применить слово к делу».

Своей родословной Скобелев придавал малое значение, считая, что высокое происхождение никогда никого не делало великим. Есть основание предполагать, что род Скобелевых ведет свое начало от шотландских эмигрантов, переселившихся в Россию под фамилией Скобей. Но гораздо любопытнее, чем исследовать родословную, познакомиться с тем, что унаследовал Михаил Дмитриевич от своих ближайших родственников. В наставлении к своему сыну Скобелев-дед писал: «Советую не забывать, что ты не более как сын русского солдата и что в родословной твоей первый, свинцом означенный кружок – вмещает порохом закопченную фигуру отца твоего, который потому только не носил лаптей, что босиком бегать было ему легче. Впрочем, фамилию свою

---

[2] «*Berliner Borsen-Courier*» («Берлинский биржевой курьер») – популярная во второй половине XIX в. немецкая газета.

можешь ты, не краснея, произносить во всех углах нашего обширного Отечества. И сей, исключительно важнейший для гражданина, шаг ты, не употребляя собственного труда, уже сделал, опершись на бедный полуостов грешного тела отца своего, который пролил свою кровь за честь и славу Белого Царя и положил фунтов пять костей на престол милого Отечества».

Уже одно это наставление определяет ту центральную фигуру в родословной Скобелева, от которой он многое мог позаимствовать и многому научиться. И действительно – Скобелев-дед сыграл большую роль в жизни своего внука. Он первый заронил в душу мальчика идею долга перед Родиной, зажег в нем любовь к солдату, научил Скобелева говорить языком, близким и понятным солдату. Сопоставляя приказы Скобелева, отданные им под Плевной, в Фергане и по 4-му армейскому корпусу, с приказами и литературными трудами Скобелева-деда, становится ясно, кто был образцом для Михаила Дмитриевича и чье влияние захватило его.

Скобелев-отец, человек довольно суровый, скупой и старых взглядов, имел меньшее влияние на своего сына. Георгиевские кресты как деда, так и отца с детских лет служили путеводной звездой для Скобелева-ребенка и определили его карьеру. Дед, Иван Никитич Скобелев, заработал свои два Георгиевских креста при взятии Парижа и Варшавы. 25 июня 1807 года, в сражении под Фридландом[3], он был ранен пулею навылет в правую ногу. 20 августа 1808 года, при завоевании Финляндии[4], ему оторвало два пальца правой руки и контузило грудь. 18 марта 1814 года под Парижем он был ранен в

[3] В битве под Фридландом русская армия под командованием Л. Л. Беннигсена сражалась с французскими войсками под командованием Наполеона и потерпела поражение.

[4] Русско-шведская война 1808–1809 гг.

левую руку, а 14 апреля 1831 года в сражении с польскими мятежниками Ивану Никитичу ядром оторвало кисть левой руки. Образ израненного героя-деда не мог не захватить впечатлительного мальчика.

Отец, Дмитрий Скобелев, ездил за своими двумя Георгиями на Кавказ, а затем в Турцию.

Родился Скобелев в семье, занимавшей исключительное положение как по своим родственным связям, так и по материальному обеспечению. Его отец владел 40 000 десятин земли. До шестилетнего возраста Михаил Дмитриевич был баловнем своего деда, умершего в 1849 году. Нанятый отцом гувернер-немец Каница был выбран очень неудачно. Крайне жестокий, он часто бил мальчика за дурно выученный урок и за малейшую шалость. Нервный, впечатлительный, подвижный, независимый по натуре и вспыльчивый до крайности, Скобелев не мог примириться с подобной системой воспитания. Нелепая вражда воспитанника с гувернером лишь озлобляла первого и должна была найти себе исход. Однажды двенадцатилетнего Скобелева в присутствии девочки – его ровесницы, которой он увлекался, гувернер ударил по лицу. Мальчик не выдержал, возвратил немцу пощечину и плюнул в него.

Этот эпизод повлиял на дальнейшую судьбу Михаила Дмитриевича. Отец понял, что жестокий гувернер не справится с его сыном, и отправил мальчика в Париж, в пансион француза Дезидериа Жирарде.

В лице Жирарде Скобелев нашел опытного, образованного педагога и честного, искренне к нему привязавшегося человека. Жирарде имел на Михаила Дмитриевича большое нравственное влияние и, по словам Скобелева, воспитал в нем религию долга. После окончания пребывания Михаила Дмитриевича в Париже Жирарде, по настоянию матери Скобелева, закрыл пансион и последовал за своим воспитанником в Россию.

В 1861 году Скобелев поступил на математический факультет Петербургского университета. Но влечение молодого человека уже определилось – его манила к себе военная служба с ее боевыми подвигами. Облики героя-деда, беседы о походах на Кавказе, в Венгрии, в Крыму отца со старыми боевыми товарищами давно определили жизненный путь Михаила Дмитриевича. Он пользуется первым случаем – беспорядками, возникшими в университете, – бросает его и в ноябре того же 1861 года поступает вольноопределяющимся в Кавалергардский полк.

Скобелев, как и другой великий русский полководец – Суворов, сам кует свою судьбу вопреки слагающейся обстановке. Жизнь обоих направлялась по чуждому им руслу, но призвание к военной службе со всеми ее невзгодами, трудами, капризным счастьем, заманчивой увлекательностью риска и величавой идеей – «душу свою положить за други своя» – взяло верх и помогло преодолеть все препятствия.

Огромное счастье для каждого – найти дело по душе, почувствовать свое истинное призвание, работать в области, захватившей все помыслы, всю энергию. Это счастье стало доступно Скобелеву с того момента, как университетская скамья сменилась конем, а математические книги – военно-историческими сочинениями.

31 марта 1863 года М. Д. Скобелев был произведен в корнеты в тот же Кавалергардский полк. Перед молодым человеком с большими связями, больше чем вполне обеспеченным, открывалась блестящая, видная карьера… но не этого жаждал Михаил Дмитриевич: мирная, хотя бы и блестящая карьера, не прельщала его. Мятежный дух требовал иной деятельности, и таковая деятельность скоро представилась.

В это время Польша была охвачена пламенем восстания. Находясь в отпуске для свидания с отцом, служившим тогда в

Польше, Михаил Дмитриевич случайно встретился в Августовской губернии[5] с Лейб-гвардии Преображенским полком, преследовавшим одну из банд. Этого обстоятельства было достаточно, чтобы вместо отдыха у отца Скобелев провел весь свой отпуск в качестве волонтера при Преображенском полку в погоне за бандой.

Пробыв год в Кавалергардском полку, Скобелев выхлопотал перевод в Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, чтобы в его рядах принять участие в подавлении Польского восстания. 7 апреля 1864 года Михаил Дмитриевич получил боевое крещение в стычках с бандой поляков Шемиота[6] в Радковицком лесу, за что получил первую боевую награду – орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

С окончанием военных действий служба Скобелева в Гродненском полку протекает несколько своеобразно; и здесь в мирной обстановке сказывается его порывистая, жаждущая знаний и сильных ощущений натура. Он то переплывает во время ледохода Вислу, рискуя жизнью, то прыгает со второго этажа своей квартиры вниз в парк, то запирается на целые дни у себя в комнате и с циркулем и карандашом в руке изучает военную историю.

В 1864 году снова пороховой дым и боевая обстановка притягивают Михаила Дмитриевича. Опоздав к войне датчан с пруссаками[7], Скобелев все же берет заграничный отпуск и на месте изучает театр войны. Уже с этих пор у него складывается убеждение, что только на войне можно вполне изучить военное дело. Одной теоретической подготовки мало – нужна

---

[5] *Августовская губерния* – административная единица Царства Польского с центром в городе Сувалки.

[6] *Шемиот Павел Иосифович* (ок. 1819 – после 1886) – участник Польского восстания 1863–1864 гг., сосланный после поражения мятежа в Сибирь; позднее помилован.

[7] Датско-прусская война 1864 г.

практика, привычка к опасности и ответственности командовать под огнем.

Осенью 1866 года Скобелев был принят в Николаевскую академию Генерального штаба. Во время пребывания его в академии о нем сложились разные мнения – товарищи ценили в нем выдающегося человека, начальство считало способным, но ленивым. Подобная оценка являлась вполне естественной. Как и большинство даровитых людей, он не мог подходить под общую мерку. Заниматься одинаково внимательно всем, что требовалось академической программой, он не мог. Но зато, зачастую собрав вокруг себя своих сотоварищей по академии, Скобелев читал им какую-нибудь им составленную записку, касавшуюся походов Наполеона или каких-либо эпизодов из русской военной истории. Подобное чтение всегда увлекало слушателей, вызывая оживленные споры и рассуждения.

Благодаря знанию всех европейских языков и любви к чтению, Скобелев знал все, что так или иначе касалось военного дела. Его любовь к военной истории доходила до такой степени, что даже под Плевной, занятый и день и ночь, он находил время для чтения присылаемых ему из Петербурга новинок в этой области. «Всех офицеров прошу побольше читать, что до нашего дела относится», – пишет Скобелев в одном из приказов по войскам Ферганской области. Требуя впоследствии этого от своих подчиненных, Михаил Дмитриевич сам служил ярким примером для них. Скобелев мало того, что читал – он умел читать, выбирая из книг все полезное и поучительное, делая заметки и заставляя окружающих его офицеров комментировать вместе с ним прочитанное.

В ноябре 1868 года штабс-ротмистр Скобелев был причислен к Генеральному штабу с назначением в штаб Туркестанского военного округа. Решение служить на нашей окраине в Средней Азии как нельзя больше согласовалось со взглядами Скобелева на военное дело и с его вечно

жаждущей острых, новых ощущений натурой. Только здесь он мог пройти на практике боевую школу, только тут мог быть удовлетворен его мятежный дух.

Туркестану принадлежит длиннейший период деятельности Михаила Дмитриевича. Здесь начал из него вырабатываться будущий герой Ловчи и Зеленых гор; здесь, в роли начальника маленьких отрядов, он проявил личную храбрость, научился понимать солдата и понял его психологию; здесь он выказал себя не только выдающимся военным, но и искусным администратором в качестве военного губернатора и командующего войсками Ферганы. Здесь, наконец, в Ахалтекинскую экспедицию 1880–1881 годов Скобелев проявил себя полководцем в полном смысле этого слова. Служба Скобелева в Туркестане может быть разделена на четыре периода.

В первый период он, причисленный к Генеральному штабу, командует 9-й Сибирской казачьей сотней и на деле показывает, что можно потребовать от нашего казака, если начальник сумеет внушить ему безграничное доверие и уважение к себе. За короткое время командования сотня уже слушалась малейшего движения его рук, смотрела ему в глаза. Личный показ и пример – вот главное чудодейственное средство заставить подчиненного совершить любой подвиг. Это средство применял Скобелев и в чине штабс-ротмистра, переплывая со своей сотней в 1870 году несколько раз Сырдарью, и впоследствии, генералом от инфантерии на предсмертном маневре 4-го корпуса в июне 1882 года. Вместе с тем у Скобелева крепнет уверенность, что от солдата можно потребовать почти невозможного, надо только уметь требовать, и эта уверенность создаст новых чудо-богатырей под Ловчей, Плевной, Шейновым и Геок-Тепе.

С июля 1871 года Скобелев находился в одиннадцатимесячном отпуске. В апреле 1872 года он был прикомандирован к Главному штабу, а в июле того же года назначен старшим

адъютантом штаба 22-й пехотной дивизии в Новгороде с переводом в Генеральный штаб капитаном. Скучная, однообразная жизнь в Новгороде не могла удовлетворить Михаила Дмитриевича. 30 августа 1872 года, произведенный в подполковники с переводом в штаб Московского военного округа, он, не прибывая к новому месту службы, прикомандировался к 74-му пехотному Ставропольскому полку для отбытия ценза батальонного командира и отправился на Кавказ.

Волнующаяся Польша, покоряемый Туркестан и только что замиренный Кавказ – вот те окраины и та военная школа, школа практики, которую проходит Скобелев. Он рвется из шумного Петербурга, скучает в Новгороде, проводит отпуска то в погоне за бандой поляков, то изучая поля сражений датчан и пруссаков. Лихой корнет, спортсмен, если хотите – гусар-кутила, проявляет личную храбрость в борьбе с повстанцами в Польше. Та же личная храбрость в небольших экспедициях в Туркестане, умение увлечь своих подчиненных, внушить им, что и невозможное бывает возможным, характеризует первый период службы Скобелева в Туркестане. На Кавказе Михаил Дмитриевич попадает в муштру известного полкового командира из пруссаков – полковника фон Шака[8] и с любовью изучает приемы строевой и стрелковой подготовки солдата. Но, мало того, Скобелев здесь на опыте познает дух армейского товарищества и боевую закваску полка, выработавшуюся в непрерывной борьбе и постоянных лишениях.

Второй период службы Скобелева в Туркестане связан с экспедицией против Хивы в 1873 году. Скобелев приложил

---

[8] *Шак Адольф Вильгельмович* (1828–1897) в 1854 г. поступил на русскую службу из прусской армии в чине подпоручика. С 1 ноября 1869 г. – командир 74-го пехотного Ставропольского полка. Участник Кавказской и Русско-турецкой 1877–1878 гг. войн. С 1886 г. – генерал-лейтенант.

все усилия, чтобы попасть в эту экспедицию. Вначале Михаил Дмитриевич был назначен состоять при отряде полковника Ломакина[9], двигавшегося к Хиве с севера через пустыню Устюрт.

Вот как сам Скобелев рассказывал впоследствии о Хивинском походе:

«В апреле началось движение войск эшелонами. Сначала я находился при одной из колонн и исполнял разные поручения. У колодцев Баш-Акта мне поручено было командование отдельной небольшой колонной. Подвигались вперед мы медленно, испытывая страшные лишения: жара доходила до 45°, духота и сухость воздуха были невыносимы; кругом, куда ни бросить взор, безжизненная пустыня, бесконечные пески, пески. Вода в колодцах была большею частью скверная, солоноватая; колодцы глубоки, иногда до 30 саженей, и доставать воду при таких условиях было очень трудно, и эта операция производилась крайне медленно. Иногда воды недоставало не только для лошадей, верблюдов, овец, которые сопровождали отряд, но даже для людей. Наконец мы поднялись на Устюрт. Сухость воздуха и духота еще более увеличивались, было несколько песчаных ураганов… Словом, мы вступили в царство настоящей пустыни… Вообще, весь этот поход – это непрерывная борьба с природой. О неприятеле ни слуху ни духу! Пищу люди получали более скромную, горячую почти не ели вследствие недостатка топлива.

Двигались утром и вечером, днем же отдыхали или, вернее, мучились, пеклись на солнцепеке, так как палаток у нас не было (брали только самое необходимое). Бывали случаи, когда люди окончательно падали духом, отставали во время похода, и прихо-

---

[9] *Ломакин Николай Павлович* (1830–1902) – участник Кавказской войны и Хивинского похода; с 1874 г. служил начальником Закаспийского военного отдела и командиром Красноводского отряда. В 1879 г., после смерти генерала И. Д. Лазарева, назначен руководителем Ахалтекинской экспедиции; после неудачного штурма Геок-Тепе и последующего тяжелого отступления сдал командование. В 1897 г. произведен в генералы от инфантерии.

дилось прибегать даже к крутым мерам, чтобы их поддержать. Раз я одну роту провел под барабан и на плечо верст шесть, чтобы поднять в них энергию. Особенно тяжелые сцены приходилось наблюдать у колодцев при раздаче воды: люди превращались тогда чуть не в зверей, и только благодаря офицерам порядок устанавливался.

При дальнейшем движении отряда к городу Кяту я получил другое назначение – командовать авангардом. Двигаясь во главе Оренбургского и Кавказского отрядов, я с казаками по пятам преследовал отступавшие к своей столице неприятельские полчища. Хивинский арьергард старался портить дорогу, разрушал и жег мосты через арыки, вообще всеми силами затруднял наше движение. Мне приходилось несколько раз буквально наскакивать на них и мешать им жечь мосты, портить дорогу… С поднятыми шашками бросались мои казаки на хивинцев, и последние, бросая работу, поспешно отстреливались, садились на коней и улепетывали во всю прыть.

Некоторые поломки мы быстро чинили (один мост, помню, впрочем, исправляли целую ночь), и отряд беспрепятственно подвигался вперед. 25 мая я с авангардом подошел к городу Кот-Купырь, который находится верстах в 30 от Хивы. Заметив, что несколько человек хивинцев зажигают мост с целью не допустить, чтобы мы вошли в город, я с казаками карьером понесся к мосту. Хивинцы бежали к садам и оттуда открыли огонь. Вслед за тем мы подошли почти к самой Хиве и остановились у городских стен верстах в 5–6».

29 мая Хива пала. Поход этот принес Скобелеву громадную пользу, послужив подготовкой для будущих операций в пустынях Средней Азии.

В начале августа того же года Скобелев произвел крайне рискованную разведку, которая должна была выяснить – мог ли один из отрядов (полковника Маркозова), двигавшийся от Чикишляра на Хиву и повернувший в конце концов обратно, дойти до последней, если бы продолжал свой путь, или же ему было суждено погибнуть. В сопровождении трех

туркмен, оренбургского казака и своего бывшего крепостного форейтора[10], переодевшись туркменом, совершил Скобелев эту рискованную разведку по пустыне, от колодцев к колодцам, подвергаясь на каждом шагу опасности быть узнанным значительно превосходящим противником. На третий день пути, совершив переход в 34 версты и едва напоив лошадей, небольшой отряд заметил приближающуюся к их колодцам партию человек в 30 иомудов[11]. Туркмены-проводники немедленно уложили Михаила Дмитриевича на землю, накрыли его кошмами, категорически потребовав не подавать никаких признаков жизни, пока иомуды не уедут в степь. Пять часов кряду пролежал Скобелев под кошмами под видом больного лихорадкой караван-баши[12], поджидая, пока отдохнут и уедут иомуды.

В конце концов, после еще и других не менее рискованных положений, рекогносцировка была благополучно окончена и выяснила, что полковник Маркозов поступил вполне правильно, повернув обратно к Каспийскому морю. Его дальнейшее движение на Хиву привело бы к гибели отряда от безводья и зноя. Созванная близ Хивы кавалерская дума[13] приговором большинства признала Скобелева достойным за произведенную разведку ордена Святого Георгия 4-й степени. Деятельность и подвиги Скобелева в Туркестане за период Хивинской экспедиции обратили внимание на него не только России, но и Англии, зорко следившей за нашими

---

[10] *Форейтор* (*нем.*) – при езде цугом, кучер, сидящий верхом на передней лошади и правящий упряжкой.

[11] *Иомуды* – представители одного из главных туркменских племен.

[12] *Караван-баши* (*перс.*) – начальник купеческого каравана.

[13] *Кавалерская дума* – временное собрание кавалеров того или иного ордена (в данном случае Святого Георгия), созываемое для рассмотрения представлений о награждении отличившихся.

успехами в Средней Азии. Имя Скобелева начинает делаться популярным.

Зиму 1873/74 года Михаил Дмитриевич проводит в заграничном отпуске и вновь пользуется своим свободным временем, чтобы отдаться любимому делу. Заинтересовавшись партизанской карлистской войной[14], он пробрался к Дон Карлосу[15] и принял участие в боях против регулярной испанской армии.

В апреле 1875 года Скобелев в третий раз был командирован в Туркестан. На этот раз, кроме участия в Кокандской экспедиции 1875–1876 годов, Скобелев выделился как администратор, сначала в роли начальника Наманганского уезда и затем Ферганского военного губернатора.

В результате почти восьмилетняя деятельность Скобелева в Средней Азии, первоначально в ролях подчиненного, а после и самостоятельного начальника, создала Михаилу Дмитриевичу широкую известность, дала чин генерал-майора, зачисление в Свиту Его Величества, золотую шпагу с бриллиантами и надписью «За храбрость», Владимира 3-й степени с мечами и, наконец, ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степеней. Но кроме всех этих наград Скобелев заработал в горах и пустынях Туркестана еще больше – его служба здесь была той школой, которая создала его известность в Турецкую войну и помогла блестяще сдать экзамен во время Ахалтекинской экспедиции. К видной карьере выдающегося офицера Генерального штаба присоединились деяния, поднявшие Скобелева на высоту военной славы.

К началу войны 1877–1878 годов облик Скобелева окончательно определился – из пылкого юноши вылился порыви-

---

[14] *Карлистские войны* – гражданские войны в Испании (1833–1840; 1872–1876).

[15] *Дон Карлос Младший* (1848–1909) – испанский инфант из династии Бурбонов, герцог Мадридский, вождь карлистов, претендент на испанский и французский престолы.

стый, полный энергии, но понимающий огромную нравственную ответственность военачальник.

Вот как Скобелева в 1878 году описывает один из иностранцев:

«Солдаты, горожане, женщины – все были от него без ума. Я как теперь вижу его прекрасный лоб, украшенный каштановыми волосами, его голубые глаза, светлые, с проницательным взором, столь открыто и прямо смотревшие на вас, его прямой и длинный нос, указывающий на решимость, один из тех носов, которые Наполеон I любил видеть на лице своих генералов, прекрасно очерченный рот, одаренный необыкновенной подвижностью и выразительностью; его круглый могучий подбородок с ямочкой посередине, – словом, отчетливо вижу перед собой его мужественное, энергичное лицо, окаймленное шелковистою бородой, падавшей на его богатырскую грудь…

Этот человек в 33 года все видел, все проделал, все прочел. Он делал разведки до самых степей Памира, вокруг озера Виктории и до Гиндукуша. Он знал на память Бальзака, Шеридана, Герберта Спенсера… Он имел свое мнение о фаворите на будущих скачках, о кухне «Cafe Anglais»[16] и репертуаре госпожи Селины Шомон[17], точно так же, как об английской кавалерии и о бродах Оксуса[18]».

Совершенно невозможно в настоящем кратком очерке охватить деятельность Скобелева в Русско-турецкую войну. Слишком разносторонне, обильна отдельными боевыми эпизодами и богата результатами была эта кипучая работа человека, доказавшего России и всему миру, что заработанные им до сих пор награды и известность достались ему по праву и по достоинству. Еще находясь в Ферганской области, Михаил Дмитриевич с волнением следил за ходом Турец-

[16] Знаменитое кафе в Париже.

[17] *Шомон Селина* (1848–1926) – французская оперная певица XIX в.

[18] *Оксус* – другое название реки Амударьи.

ко-сербской войны. С объявлением войны он покинул свой пост в Фергане и выхлопотал разрешение прибыть в действующую армию.

Недружелюбно встретила новая среда молодого генерала, кавалера двух Георгиев. Нашлись завистники, распространявшие слухи, что Скобелев еще должен заработать свои отличия, полученные в боях с «халатниками». Зависть и недоброжелательство породили несколько недоверчивое и осторожное отношение к Скобелеву со стороны старших начальников. Потребовалось время и неоспоримые доказательства превосходства Скобелева над окружающими, чтобы добиться того положения в армии, которое он и по чину и по праву должен был занимать.

Первое назначение, полученное Михаилом Дмитриевичем, было более чем скромное – ему предоставили занять штаб-офицерскую должность начальника штаба Кавказской казачьей дивизии, которой командовал его отец. После разделения этой дивизии на части Скобелев-сын остался не у дел. Ему не нашлось в армии места, и он сам должен был отыскивать себе дело, не гнушаясь самыми скромными ролями.

Во время переправы у Зимницы Скобелев назначил себя ординарцем-охотником при генерале Драгомирове[19]. Но и эту ничтожную роль Скобелев провел по-своему. Стоит только вспомнить, как он сам вызвался, ввиду отсутствия ординарцев, передать войскам распоряжение Драгомирова. Спокойно, медленно, под сильным огнем турок он обходил длинные ряды стрелков, разговаривая с ними и передавая им приказание. Здесь Скобелев выказал себя и глубоким знатоком солдата. Когда Драгомиров вместе со Скобелевым утром

[19] Драгомиров Михаил Иванович (1830–1906) во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командовал 14-й пехотной дивизией.

15 июня сам переправился через Дунай и осмотрелся, то все показалось ему страшно бестолковым.

«„Ничего не разберешь, лезут, лезут, ничего не разберешь“,– повторял он.

Скобелев был рядом с ним: оба были пешком. В раздумье и молча глядел М. И. Драгомиров. Вдруг раздался голос Скобелева:

– Ну, Михаил Иванович, поздравляю!

– С чем?

– С победою, твои молодцы одолели.

– Где, где ты это видишь?

– Где? На роже у солдата. Гляди на эту рожу! Такая у него рожа только тогда, когда он одолел: как прет – любо смотреть.

Драгомиров взглянул и постиг тайну читать победу на лице солдата…»

Вот еще один из многочисленных примеров, рисующих Скобелева как глубокого знатока солдатской души и его психологии:

«Бывало, едет он – навстречу партия «молодых солдат», по-прежнему – новобранцев.

– Здравствуйте, ребята!

– Здравия желаем, ваше-ство…

– Эко, молодцы какие!.. Совсем орлы… Только что из России?..

– Точно так, ваше-ство.

– Жаль, что не ко мне вы!.. Тебя как зовут? – останавливается он перед каким-нибудь курносым парнем. Тот отвечает.

– В первом деле, верно, Георгия получишь?.. А? Получишь Георгия?

– Получу, ваше-ство!..

– Ну, вот… Видимое дело, молодец… Хочешь ко мне?

– Хочу!..

– Запишите его фамилию… Я его к себе в отряд возьму…

И длится беседа… С каждым переговорит он, каждому скажет что-нибудь искреннее, приятное…

– Со Скобелевым и умирать весело! – говорили солдаты…»[20].

Как Суворов умел делать из своих солдат «чудо-богатырей», внушая им, что они чудо-богатыри, так и каждый солдат в отряде Скобелева переставал быть «серенькой скотинкой», а совершал чудеса, поражая всех и своею выносливостью, и находчивостью, и исключительным мужеством. Он «скобелевец», в него верил любимый вождь, и эта вера не могла не совершить чудес: русский мужик делался воином, русский солдат – героем.

После переправы через Дунай о Скобелеве заговорили. Но только со второй половины июля Михаил Дмитриевич начал приобретать доверие Главнокомандующего, а вместе с ним и более ответственные назначения. К тяжелым дням третьей Плевны Скобелев уже делается популярным не только среди своих подчиненных и сослуживцев, но и в армии. С его именем связывается представление о победе и славе. 30 и 31 августа, полные героизма, создают ему ореол любимого вождя, кумира солдат, больше – народного героя. Увлекателен образ Скобелева в памятный день 30 августа, изображенный двумя участниками боя, совершенно различными и по своему положению, и по своим личным свойствам. Один из авторов – штатский корреспондент, художник слова Немирович-Данченко[21]. Другой – ближайший помощник Скобелева, его боевой товарищ в этом бою – А. Н. Куропаткин.

Вот страничка из «Воспоминаний о Скобелеве» Немировича-Данченко:

---

[20] Отрывок из книги В. И. Немировича-Данченко «Скобелев».

[21] *Немирович-Данченко Василий Иванович* (1848–1936) – русский писатель и журналист. В годы Русско-турецкой 1877–1878 гг. (сборник его корреспонденций этих лет «Год войны» приобрел европейскую известность), Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войн – военный корреспондент.

«Происходит штурм одного из турецких редутов под Плевною 30 августа.

Из-за гребня-пригорка выехал на белом коне кто-то; за ним на рысях несется несколько офицеров и два-три казака. В руках у одного голубой значок с красным восьмиконечным крестом… На белом коне оказывается Скобелев – в белом весь… красивый, веселый.

– Ай да, молодцы!.. Ай да, богатыри! Ловчинские! – кричит он издали возбужденным нервным голосом.

– Точно так, ваше-ство.

– Ну, ребята… Идите доканчивать. Там полк отбит от редута… Вы ведь не такие? А? Вы ведь у меня все на подбор… Ишь, красавцы какие… Ты откуда, этакий молодчинище?

– Вытебской губернии, ваше-ство.

– Да от тебя одного разбегутся турки…

– Точно так, ваше-ство, – разбегутся.

– Ты у меня смотри… чтобы послезавтра я тебя без Георгия не видел… Слышишь? Вы только глядите – не стрелять без толку… Слышите?

– Слышим, ваше-ство.

– А ты, кавалер, не из севастопольцев? – обернулся он к Парфенову. – За что у тебя Георгий?

– За Малахов, ваше-ство…

– Низко кланяюсь тебе! – И генерал снял шапку. – Покажи молодым, как дерется и умирает русский солдат. Капитан, после боя представьте мне старика. Я тебе именного Георгия дам, если жив будешь…

– Рад стараться, ваше-ство…

– Экие молодцы! Пошел бы я с вами, да нужно новичков поддержать… Вы-то уже у меня обстрелянные, боевые… Прощайте, ребята… Увидимся в редуте. Вы меня дождетесь после?

– Дождемся, ваше-ство.

– Ну, то-то, смотрите, дали слово, держать надо…»

А. Н. Куропаткин в своей книге «Ловча и Плевна» дает следующую полную красок и захватывающего интереса картинку боя того же 30 августа:

«Успех боя окончательно заколебался. Тогда генерал Скобелев решил бросить на весы военного счастья единственный оставшийся в его распоряжении резерв – самого себя. Неподвижно, не спуская глаз с редутов, стоял он верхом, спустившись с третьего гребня наполовину ската до ручья, окруженный штабом, с конвоем и значком. Скрывая волнение, генерал Скобелев старался бесстрастно-спокойно глядеть, как полк за полком исчезали в пекле боя. Град пуль уносил все новые и новые жертвы из конвоя, но ни на секунду не рассеивал его внимания. Всякая мысль лично о себе была далеко в эту минуту. Одна крупная забота об успехе порученного ему боя всецело поглощала его. Если генерал Скобелев не бросился ранее с передовыми войсками, как то подсказывала ему горячая кровь, то только потому, что он смотрел на себя, как на резерв, которым заранее решил пожертвовать без оглядки, как только наступит, по его мнению, решительная минута.

Минута эта настала. Генерал Скобелев пожертвовал собою и только чудом вышел живым из боя, в который беззаветно окунулся. Дав шпоры коню, генерал Скобелев быстро доскакал до оврага, опустился или, вернее, скатился к ручью и начал подниматься на противоположный скат к редуту № 1. Появление генерала было замечено даже в те минуты, настолько Скобелев был уже популярен между войсками. Отступившие возвращались, лежавшие вставали и шли за ним на смерть. Его громкое – «Вперед, ребята!» – придавало новые силы. Турки, занимавшие ложементы перед редутом № 1, не выдержали, оставили их и бегом отступили в редуты и траншею между ними.

Вид отступавших от ложементов турок одушевил еще более наших. «Ура», подхваченное тысячами грудей, грозно полилось по линии. Скользя, падая, вновь поднимаясь, теряя сотни убитыми и ранеными, запыхавшиеся, охрипшие от крика, наши войска за Скобелевым все лезли и лезли вперед. Двигались не стройными, но дружными кучками различных частей и одиночными людьми. Огонь турок точно ослабел или действие его, за захватившей всех решимостью дойти до турок и все возраставшею уверенностью в успехе, стало менее заметным. Казалось, в рядах турок замечалось колебание. Еще несколько тяжелых мгновений – и наши передовые

ворвались с остервенением в траншею и, затем, с 4 часов 25 минут пополудни, в редут № 1.

Генерал Скобелев, добравшись до редута, скатился с лошадью в ров, высвободился из-под нее и из числа первых ворвался в редут. Внутри и около редута завязалась короткая рукопашная схватка. Упорнейшие турки были перебиты, остальные отступили назад к своему лагерю, лежавшему в 300 саженях к северу от линии редутов. Другие отступили к редуту № 2.

Интересен следующий эпизод: схватка еще не всюду была кончена, как офицеры и солдаты, шедшие на редут за Скобелевым, как за знаменем, окружили его и умоляли идти назад, умоляя поберечь себя. Тяжелораненый майор Либавского полка тащил его за ногу из седла. Лошадь, на которую Скобелев сел, была повернута и выведена из редута. В эти минуты каждый от сердца готов был прикрыть своею грудью начальника, раз уверовал в него и видел его личный пример, личное презрение к смерти…»

Много подобных воспоминаний дает богатая литература о «белом генерале».

Много в этих рассказах очевидцев разбросано отдельных эпизодов, рисующих и кипучую деятельность Михаила Дмитриевича, и его безумную порой отвагу, и его теплое душевное чувство к солдатам и подчиненным.

Заботливость Скобелева была исключительная. Его дивизия всегда была одета, обута и сыта при самой невозможной обстановке.

То и дело при встрече с солдатами, в период Плевненского сидения, Скобелев останавливал их вопросами:

– Пил чай сегодня?

– Точно так, ваше-ство.

– И утром, и вечером?

– Так точно.

– А водку тебе давали?.. Мяса получал сколько надо?

И горе было ротному командиру, если на такие вопросы следовали отрицательные ответы. В таких случаях Михаил Дмитриевич не знал милости, не находил оправданий.

Но заботы Скобелева о солдате шли дальше вопросов его продовольствия – 13 октября 1877 года он пишет следующий собственноручный приказ по 16-й пехотной дивизии: «Лагерь наш слишком скучный. Желательно было бы, чтобы чаще горели костры, пели бы песни; назначать по очереди перед вечернею зорею в центре позиции играть хору музыки. Разрешается петь и поздно вечером. Во всех ротах обратить серьезное внимание на образование хороших песельников; поход без песельников – грусть, тоска». И музыка у Скобелева была всюду и всегда – под музыку шли в бой, музыка заглушала предсмертные стоны, музыка торжествовала победу, музыка, наконец, завораживала диких текинцев, когда под стенами Геок-Тепе раздавались торжественные звуки вечерней зори и молитвы.

Но наряду с заботливостью о солдате шло строгое взыскание за нерадение и невнимательное отношение к службе, особенно в бою. Вступая в командование войсками, действующими в Закаспийской области, Скобелев писал в приказе:

«…Считаю священным долгом напомнить доблестным войскам, ныне мне вверенным, что основанием боевой годности войска служит строгая служебная исполнительность, дисциплина. Дисциплина, в полном значении этого слова, быть там не может, где начальники позволяют себе относиться к полученным им приказаниям небрежно. Это должно отзываться на отношениях нижних чинов к долгу службы. Строгий порядок в лагере, на бивуаках, строгое исполнение всех, даже мелочных требований службы, служит лучшим ручательством боевой годности части».

Законность отношений есть первое основание дисциплины: «…Всеми действиями военнослужащих должен руководить закон. Им, а не личным произволом должен руководствоваться всякий начальник, как в своих действиях вообще, так и в наложении дисциплинарных взысканий в особенности, чтобы и нижние чины знали, чем они должны

руководствоваться в своей служебной деятельности, и сами бы приобрели уважение к закону».

Говоря об отношении Михаила Дмитриевича с солдатами, нельзя не отметить, с какой настойчивостью развивал он в них чувство собственного достоинства. Раз как-то на глазах у Скобелева один из командиров ударил солдата.

– Я бы вас просил этого в моем отряде не делать… Теперь я ограничусь строгим выговором – в другой раз должен буду принять иные меры.

В ответ на оправдание командира, сославшегося на дисциплину, на глупость солдата, на необходимость зуботычины, Скобелев заметил:

– Дисциплина должна быть железною. В этом нет никакого сомнения, но достигается это нравственным авторитетом, а не бойней… Солдат должен гордиться тем, что он защищает свою Родину, а вы этого защитника как лакея бьете… Гадко… Нынче и лакеев не бьют… А что касается до глупости солдата – то вы их плохо знаете… Я очень многим обязан здравому смыслу солдата. Нужно только прислушиваться к ним.

Своей принадлежностью к отряду Скобелева солдаты гордились в высшей степени. «Мы – скобелевские», – отвечали они на вопрос, какой они части или дивизии. И в этих двух словах звучал особенный смысл и гордость, в них звучали нотки уверенности в будущие победы, в грядущую славу.

События после Плевны лишь еще больше, если это было возможно, подняли восхищение Скобелевым и в армии и в народе. Переход через Балканы, Шейново с пленением армии Вессель-паши, командование авангардом армии и даже стоянка под стенами Константинополя, куда всем своим существом рвался Скобелев, полны почти легендарных рассказов о нем. Здесь действительные подвиги перемешались с анекдотами и воспоминаниями, часто полными наивной прелести и народной веры в созданного им кумира.

Молва народная далеко разнесла его славу, и чувство восторгов Руси было у ног «белого генерала».

Казалось, русская природа
Его из меди отлила
И в руки меч ему дала
Во славу русского народа.
Под неприятельским огнем
Иль в натиске безумно смелом
Он нам в своем колете белом,
Казалось, был прикрыт щитом
Архистратига Михаила…[22]

Настроение Скобелева к концу войны, вызванное остановкой армии перед вратами Царьграда, у порога давно желанной цели, и поражение нашей дипломатии после побед, добытых кровью русского солдата и офицера, крайне ярко определяют следующие слова, приписываемые Михаилу Дмитриевичу: «Что до меня касается, – говорил он, – то я люблю войну. Всякая нация имеет право и обязанность расширять свою территорию до естественных границ. Мы, славяне, например, должны взять Босфор и Дарданеллы, иначе мы потеряем всякое «историческое значение». Если нам не удастся наложить руку на эти проливы, то мы задохнемся, как бы обширна ни была наша земля. Пора покончить с сентиментальными заявлениями, и видеть пред собою только наши интересы. Наполеон их хорошо понял, когда, в Эрфурте и Тильзите, предлагал Александру I сообща переделать карту Европы. Он предлагал нам Турцию, Молдавию, Валахию, но только под тем условием, чтобы мы ему предоставили разделаться по-своему с немцами и англичанами. Мы не сумели его понять. Другими словами, он предлагал

---

[22] Стихотворение Я. П. Полонского «На смерть М. Д. Скобелева». (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

нам истребить самых злейших врагов наших и вдобавок осыпать нас разными благодеяниями, чтобы отблагодарить нас за позволение».

С окончанием войны в числе русских войск, оставленных для оккупации Болгарии, был и 4-й армейский корпус, которым командовал Скобелев.

В этот период его политические верования окончательно приобрели славянофильское направление. Население Болгарии боготворило Скобелева, а он, верный своей натуре, работал над созданием здесь кадра людей, способных отстоять свою независимость и разделаться с турками без помощи русских войск. «Если нужно, отдайте жен, детей, имение, но берегите ваши ружья», – вот завет, оставленный Скобелевым братушкам. И труды Скобелева сказались очень скоро – видевшие маневры его ратников-поселенцев помнят стройные ряды дружеств, их пестрые колонны, проходившие под звуки народного гимна «Шумит Марица окровавленная» с припевом – «Марш, марш, Скобелев наш», и казалось всем, что последний припев звучал пророчески – «марш, марш, Царьград будет наш».

Из Болгарии Скобелев с 4-м корпусом вернулся в Россию и все внимание обратил на обучение своих войск. В 1880 году на Среднеазиатскую окраину надвинулась новая гроза. Ряд постигших нас неудач в борьбе с текинцами требовал решительных мер, искусной подготовки всей операции и постановки во главе экспедиционного отряда опытного, талантливого и энергичного человека. Таковым мог быть в то время только один Скобелев, ему и было вверено покорение Ахалтекинского оазиса.

В первых числах мая 1880 года Михаил Дмитриевич прибыл в Чикишляр и сразу отдался кипучей деятельности по подготовке средств для продвижения отряда в глубь оазиса к единственной крепости текинцев Геок-Тепе.

Пока собиралось продовольствие, стягивались войска и налаживался тыл, Скобелев с отрядом в 800 человек при 10 орудиях произвел рекогносцировку, продвинувшись из Бами на 112 верст, к Геок-Тепе. По сведениям текинцев, в Геок-Тепе было собрано до 25 000, способных носить оружие. Понятно, что успех подобной рекогносцировки, где горсть русских смело шла к цели всей операции, цели, до сих пор недоступной, должен был произвести неотразимое впечатление и на врага-азиата, да и на весь отряд Скобелева.

Только талант Скобелева и его глубокое знание свойств противника помогли закончить эту рекогносцировку с полным успехом. Впечатление получилось огромное. 25 000 текинцев не смогли раздавить горсти людей, отважно проникших к стенам их крепости. Уныние водворилось в Геок-Тепе – будущее поражение текинцев уже предчувствовалось.

Вот одна из сценок, объясняющих нам, каким путем Скобелев достигал той нравственной мощи в своих войсках, о которую разбивались все препятствия, все скопища врага.

«Во время рекогносцировки к крепости Геок-Тепе 6 июля 1880 года, в самом начале боя джигитам нашим удалось вовремя открыть засаду из 400 текинцев под командой Тыкма-Сердара, и для встречи ее ракетная сотня вынеслась на позиции. Первая ракета упала перед станком, прислуга замялась, ожидая близкого разрыва. Скобелев заметил замешательство и явился на батарею. Со второй ракетой произошло то же самое. Командир батареи скомандовал людям отбежать. Но Скобелев со словами «отставить» заставил коня своего стать над шипящей ракетой. Ракету разорвало, ранило в нескольких местах лошадь Скобелева и убило одного казака.

„Я не берусь описывать чувство энтузиазма, – говорит очевидец, – охватившего всех присутствующих. Загремело «ура», полетели вверх шапки… хотелось всем и каждому броситься к этому великому человеку, хотелось расцеловать его, обнять, прикоснуться только к его платью“».

Говоря о личной храбрости Скобелева, следует вспомнить слова художника В. В. Верещагина о Михаиле Дмитриевиче:

«Кто не был в огне со Скобелевым, тот положительно не может себе понятия составить о его спокойствии и хладнокровии среди пуль и гранат, – хладнокровии тем более замечательном, что, как он сознавался мне, равнодушия к смерти у него не было. Напротив, он всегда, в каждом деле, боялся, что его прихлопнут, и, следовательно, ежеминутно ждал смерти. Какова же должна была быть сила воли, какое беспрестанное напряжение нервов, чтобы побороть страх и не выказать его.

Благоразумные люди ставили в упрек Скобелеву его безоглядную храбрость. Они говорили, что «он ведет себя, как мальчишка», что он рвется вперед, как прапорщик, и что, наконец, рискуя «без нужды», он подвергает солдат опасности остаться без высшего командования и т. д. Надобно сказать, что это все речи людей, которые заботятся прежде всего о сбережении своей драгоценной жизни – а там что Бог даст. Пойдет солдат без начальства вперед – хорошо, не пойдет – что тут поделаешь: не для того же дослужился человек до генеральских эполет, чтобы жертвовать жизнью за трусов».

12 января 1881 года крепость Геок-Тепе пала. Покорение оазиса по плану, предложенному Скобелеву, было намечено в течение двух лет. Скобелев окончил всю операцию в девять месяцев. Россия получила целую страну, имя русского стало символом могущества и силы для всей Азии.

За покорение Ахал-Теке Скобелев был произведен в генералы от инфантерии и получил орден Святого Георгия 2-й степени и Святого Владимира 1-й степени. Одна эта операция дает право Скобелеву стать в ряду наиболее выдающихся полководцев мира. В ней Скобелев доказал, что из него вполне сформировался военачальник, способный стать во главе армии и дать ей победу. И весь славянский мир так и смотрел на Скобелева. Он был тот вождь, который должен был повести русские полки, а с ними и единокровных славян

на врага и добиться победы, как бы ни был могуществен этот враг.

Последние месяцы жизни Скобелева полны его работой в 4-м корпусе. Оставшиеся после него приказы по корпусу и поныне должны служить настольной книгой для всякого военного. Сама жизнь бьет со страниц этих казенных документов и увлекает читателя своею простотой, ясностью и глубоким смыслом.

В последние же годы жизни Михаил Дмитриевич выдвигается и как государственный человек, и как политик. Славянофильство Скобелева сказалось в полной мере. Его речь 12 января 1882 года, в годовщину взятия Геок-Тепе, вызвала много шуму и в наших, и в иностранных газетах. Закончил свою речь Скобелев следующей фразой: «Господа, в то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность, именуют разбойниками и поступают с ними, как с таковыми! Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единоверные нам груди… Я не договариваю, господа… Сердце болезненно щемится. Но великим утешением для нас – вера и сила исторического призвания России». Еще больше шуму подняла речь Скобелева, сказанная им в Париже в 1882 году в ответ на приветственный адрес, поднесенный Михаилу Дмитриевичу студентами-славянами.

Все эти речи взбудоражили наших дипломатов и, притянув всеобщее внимание к Скобелеву, чуть не стоили ему очень дорого. Скобелев был вызван в Петербург, недоброжелатели его уже считали, что звезда Скобелева готова закатиться, но милостивая аудиенция императора заставила умолкнуть бесконечные разговоры.

Час пробил, но иной – закатилась не звезда славы Михаила Дмитриевича и его успехов, а приближался час окончания всех счетов земного поприща. Много надежд было связано с

именем Скобелева, много пылких мечтаний могло осуществиться его талантом, его нечеловеческой энергией, и все эти мечты и надежды рухнули вместе с неожиданной смертью «белого генерала».

24 июня 1882 года Михаил Дмитриевич приехал в Москву, воспользовавшись месячным отпуском после маневров. В течение дня Скобелев был весел, шутил, много толковал с офицерами на военные темы. В 11 часов вечера он уехал от известного славянофила И. С. Аксакова[23], а в час ночи, в гостинице «Англия», ему сделалось дурно. Позванная медицинская помощь оказалась запоздалой, через полтора часа приблизительно его не стало.

Не выдержало сердце, всю жизнь усиленно бившееся, не выдержал и железный организм, с юности брошенный в водоворот событий, полных риска, опасностей, гениальных подвигов, громадных удач и еще большей зависти. Не стало Скобелева, а вместе с ним и того человека, в руки которого можно было вверить силу народа – армию и ее грядущие успехи.

Смерть Скобелева вызвала общее народное горе. Толпы окружали прах героя в Москве, те же толпы провожали и встречали траурный поезд на всем пути от Москвы до родового имения Скобелевых – Спасского. Слезы крестьянина смешались с глубоким горем армии и всей России. Генералы, купцы, мещане, высочайшие особы, духовенство, солдаты, женщины, дети – все шли сказать «последнее прости» своему великому современнику, своему кумиру. Цветами был усыпан гроб героя, и непритворные слезы текли по лицам солдат, отдававшим последний долг своему вождю.

Во время отпевания преосвященный Амвросий между прочим сказал: «Слезы текут из глаз, тяжело и горько нам,

---

[23] *Аксаков Иван Сергеевич* (1823–1886) – поэт, публицист, общественный деятель. В годы Крымской войны служил добровольцем в ополчении.

Отечество теряет дорогого сына, а мы – великого современника. Плачь, русская крестьянка, – он был отцом детям твоим, ополчившимся на врагов Отечества. Плачь, русский народ, – в нем ты потерял просвещенного заступника за родную землю и выразителя твоей блестящей славы».

Чувства благодарного народа сказались в ряде стихотворений и легенд, связанных с именем Скобелева.

Не угас в душе народной,
Как русской мощи идеал,
Как чести символ благородный –
Наш славный белый генерал[24].

Память о Скобелеве жива и долго будет жить – миссия человека, подобного Скобелеву, не прекращается со смертью, потомство должно беречь как священную драгоценность память о нем и в его подвигах черпать новые силы в годину испытаний.

И живы в нас Пожарский,
Минин, Суворов, Скобелев, они –
Зовут вперед нас; ими силен
Народный дух в несчастья дни[25].

Воздвигаемый ныне в Москве памятник генерал-адъютанту Скобелеву является лишь ничтожной лептой его сограждан.

---

[24] Из книги С. фон Дитмара. (*Примеч. С. Л. Маркова.*) Автор цитирует стихотворение, помещенное Сергеем Федоровичем Дитмаром (1868–?) в одну из его книг, посвященных М. Д. Скобелеву.

[25] Стихотворение Горцева. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

Письменные распоряжения М. Д. Скобелева, написанные им незадолго до смерти, опубликованные П. А. Дукмасовым

Приказы Скобелева 1877–1878 годов

Всех офицеров прошу побольше читать, что до нашего дела относится.

Из приказа Скобелева по войскам Ферганской области 30 ноября 1876 г. № 418

Несколько слов к приказам

Мне недавно, совершенно случайно, попались на глаза приказы генерал-лейтенанта Скобелева за время его командования 16-й пехотной дивизией (сентябрь – декабрь 1877 года) и за период существования Авангарда действующей армии в войну 1877–1878 годов (январь – апрель 1878 года).

Грустные мысли навеяли на меня эти пожелтевшие, истрепанные страницы славного прошлого. Истекшие тридцать лет, заброшенность документов и бесцеремонность лиц, просматривавших раньше эти приказы, – все оказало на них свое разрушающее действие. Выцветающие чернила, оборванные, захватанные края страниц, целые куски, вырванные невежественными собирателями автографов, помарки карандашом уничтожили уже и теперь отдельные слова, а местами и целые фразы. Зачастую восстановить подлинник вполне не представлялось возможным. Пройдет, вероятно, еще немного лет, и приказы Скобелева навсегда исчезнут для потомства, оставшись лишь смутными воспоминаниями чего-то сильного, захватывающего в памяти бывших подчиненных «белого генерала».

Легче всего было разбирать собственноручные пометки Скобелева. Характерный почерк и, по какой-то странной случайности, лучше сохранившиеся чернила, а главное, почти всюду другой цвет чернил в подписях, исправлениях и приписках самого Скобелева, чем в остальном тексте, позволяли точно копировать фразы, более выпукло подчеркивая творчество и основную мысль автора.

Следует ли говорить о том, как важно не дать погибнуть бесследно, для читающего военного мира, этим приказам и как интересны и ценны они и для нашего времени. Невольно становится обидным вспомнить, как еще в недавно прошедшее время нас старательно знакомили с военными документами и эпизодами, имеющими часто лишь историческое значение, и ни одним словом не обмолвились с кафедры о полных практического смысла, глубокого знания войны и солдата – приказах М. Д. Скобелева. Почему школа военной науки так далеко и тщательно отодвинула от себя школу жизни – уроки Русско-турецкой войны 1877–1878 годов? Перебирая в памяти приказы только что минувшей кампании[26], так и хочется спросить их составителей: «А знакомы ли Вы с приказами Скобелева, подметили ли Вы их главную черту – сегодня приказать, а затем завтра, послезавтра, постоянно и настойчиво следить за выполнением этих приказаний?»

В особенную заслугу М. Д. Скобелеву обыкновенно ставят его удивительную заботливость о подчиненных и знание солдата, но было бы крайне ошибочно считать, что только эта сторона скобелевских приказов может иметь для нас практическое значение. Командуя войсками, едва успевшими сбросить с себя вредную муштру, до севастопольского режима вооруженных «крынками» и картечницами, Скобелев сумел в своих приказах оставить нам ряд чисто практических

---

[26] Русско-японская война 1904–1905 гг.

указаний, драгоценных и в современной войне при наших скорострелках, магазинках и трехлетней службе солдата.

Не задаваясь целью перечислить по пунктам все то полезное, на что натолкнется каждый, прочитавший приказы генерала Скобелева, я остановлюсь на нескольких положениях, выхваченных мною наугад.

Не он ли неоднократно и методично повторял о важности окопного дела даже при наступлении; об огромной роли ротных командиров в бою; не он ли требовал, «осмыслив» полученную задачу, познакомить с нею своих подчиненных, наконец, не он ли разжаловал «капральных» унтер-офицеров в рядовые за проступки чинов его взвода? А ведь все эти требования предъявляются и теперь: усиленные окопные работы в горах и равнинах Маньчжурии; выражение «война капитанов»; ряд приказов о значении взводных унтер-офицеров командира Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Данилова[27], да и многое другое, предусмотренное гением Скобелева, является для нас злободневным вопросом.

Разберитесь внимательно в приказах М. Д. Скобелева перед походным движением зимой и в горы; остановитесь над его характерной просьбой к начальникам частей – энергично закупать вьючные седла, «так как поименованное число седел хотя и назначено, но может быть не доставлено», и Вы поймете всю современную ценность этих приказов. Наконец, и это самое важное: все приказы легендарного «белого генерала» сильны и гениальны умением толкнуть солдата на подвиг, умением сказать – «я так хочу, и так будет». Верой в свои части, знанием и любовью к делу и властной мощью полководца проникнуты каждая фраза, каждая мысль.

В 1882 году был издан первый и единственный сборник «Приказов генерала М. Д. Скобелева (1876–1882)», редакти-

---

[27] *Данилов Владимир Николаевич* (1852–1914) – участник Русско-японской и Первой мировой войн, генерал от инфантерии (1911).

рованный «инженер-капитаном Масловым». Эта книга, охватывая весь период самостоятельной деятельности генерала Скобелева и появившись по горячим следам едва минувших событий, представляла в свое время очень ценное издание, но конечно, не могла быть достаточно полной.

В настоящий сборник вошли приказы Скобелева, отданные им во время обложения Плевны, перехода через Балканы к Константинополю и томительно долгой стоянки у стен столицы Турции. Все, хоть сколько-нибудь любопытное по своему содержанию или исходящее от самого Скобелева, нашло место на этих страницах. Пропущены только сухие номера и пункты с перечислением переводов, наград или дословным объявлением приказов высшего начальства.

Итак, резюмируя все сказанное, настоящий сборник преследует троякую цель:

1) оставить след от разрушающихся подлинных приказов;

2) познакомить широкие слои офицерства с тем, «что до нашего дела относится», и

3) яснее обрисовать личность М. Д. Скобелева.

Чтобы вернее достигнуть последнего, весь текст, написанный рукою Скобелева, все его исправления, вставки и приписки напечатаны особым шрифтом. Наконец, строгая копия подлинного текста до стилистических и типичных орфографических ошибок включительно и целый ряд пояснительных выносок в книге приближает настоящий сборник к оригиналу.

Вот и все, что я считал нужным предпослать «*Приказам Скобелева*».

С. Л. Марков

Приказы по 16-й пехотной дивизии за 1877-й год[28]

19 сентября № 299

Приказом Его Императорского Высочества Великого князя Главнокомандующего от 13-го сего сентября за № 157 я назначен временно командующим 16-й пехотной дивизии, почему, вступив в командование войсками дивизии, предписываю чинам оной по делам службы обращаться ко мне[29].

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 300 (19 сентября)[30]

Тем же приказом назначен исполняющим должность начальника штаба командуемой мною дивизии Генерального штаба капитан Куропаткин, а Генерального штаба полковник Тихменев отчислен от должности начальника штаба и назначен в распоряжение Главного штаба.

Почему предписываю: полковнику Тихменеву сдать, а капитану Куропаткину принять должность начальника штаба командуемой мною дивизии и вступить в [исполнение] оной.

Командующий дивизией генерал-лейте[нант Скобелев]

---

[28] Точный заголовок подлинной книги приказов по 16-й пехотной дивизии за 1877 год, хранящийся и до сих пор в штабе «Скобелевской» дивизии. (*Примеч. С. Л. Маркова*.)

[29] Приказ № 299 не подписан, так как Скобелев имел обыкновение подписывать целую серию номеров приказов сразу за целый день. Таким образом, нумерацию приказов в книге правильнее было бы заменить пунктами, оставляя один номер для нескольких пунктов одного и того же дня. В издании точно сохранен характер подлинника. Под конец появляется обыкновенная система одного номера и ряда входящих в него пунктов. (*Примеч. С. Л. Маркова*.)

[30] Числа и месяцы в скобках, как здесь, так и всюду дальше, взяты не из подлинника, а поставлены для ясности. (*Примеч. С. Л. Маркова*.)

21 сентября № 301[31]

Полкам 16-й дивизии и батареям 16-й [артиллерийской бригады в ме]стах их настоящего расположения [приступить к] постройке шалашей и землянок.

Каждому полку озаботиться, чтобы для околотков были устроены, по возможности, сухие и светлые помещения.

В районе расположения каждого полка и батарей соблюдать возможную чистоту и порядок. В особенности рекомендуется следить за отхожими местами.

Вырываемые для этой цели ямы зарывать каждые два-три дня.

В кухнях в Тученицком овраге ввести порядок. Кухни одного полка отделять от кухонь других. Артельные повозки поставить в порядке, а для припасов устроить помещения.

За чистотою и порядком в районе расположения полка отвечают дежурные по полку, а за порядком на кухнях – заведующие в полках хозяйственною частью.

Полкам Суздальскому, Казанскому и батареям иметь кухни в Тученицком овраге, а полку Углицкому близ устраиваемых колодцев.

Начальникам частей обратить особенное вни[мание на] сохранение здоровья и сил вверенных им [людей. Для] выполнения этой цели рекомендуется:

[1)] Ежедневную мясную порцию на челове[ка дове]сти до одного фунта мяса.

[2) Пищу] выдавать в определенное время [по] возможности горячею, в части [находящимся] на службе или на работе, вне района дивизии.

---

[31] В первом издании, начиная с приказа № 301, утраты в подлиннике были заменены С. Л. Марковым на отточия, к которым он присовокупил следующую сноску: «Точки в приказе № 301 заменяют собой текст, вырванный в подлиннике каким-то собирателем автографов».

[3) Началь]ники частей должны входить с своевре[менны]ми требованиями на получение хлеба, [ч]ая и спирта. Чай выдавать ежедневно, а спирт в сырые и холодные дни и после смены частей со службы или возвращения с работ.

Начальникам частей озаботиться, чтобы в шалашах и землянках было бы достаточное количество подстилочной соломы, покупая ее в случае надобности.

Следить, чтобы люди поддевали фуфайки, а в холод и дождь надевали шинели.

Строго запрещаю составлять в частях экономические суммы из денег, отпускаемых на продовольствие нижних чинов, пока ежедневная дача мяса не доведена до одного фунта на человека. Обратно, одобряю всякий расход из хозяйственных полковых сумм, клонящийся к улучшению пищи и вообще содержания нижних чинов.

Начальникам частей воспользоваться настоящею временною остановкою чтобы:

1. По возможности привести в порядок оружие и сделать запас для смазки его масла. Осмотреть патроны и обсалить[32] их. Принять меры против отсырения их. Оружейным мастерам тщательно осмотреть и исправить ружья со слабою экстракциею.

2. Привести в порядок одежду, амуни[цию, в] особенности обувь.

3. По возможности осмотреть и исп[равить] повреждения в полковых обозах и арт[ельных] повозках.

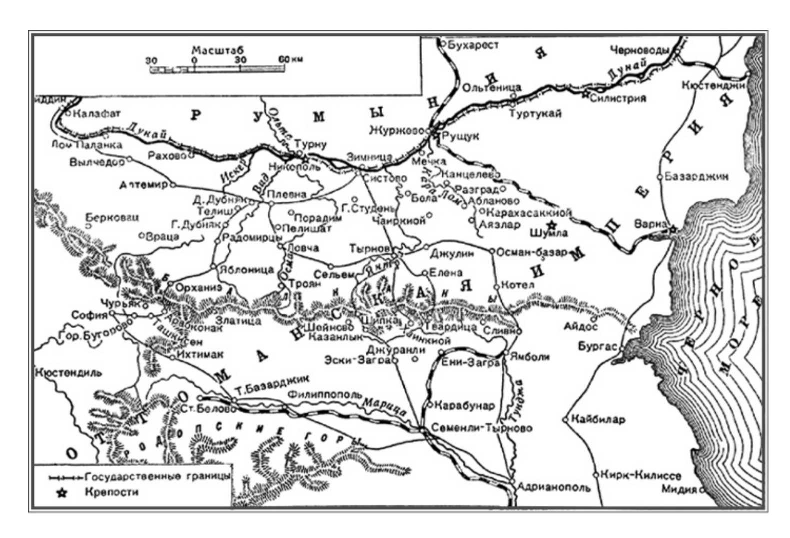
Для занятия устроенных на позиции […] для содержания аванпостной цепи и для [прикры]тия выставленной на позиции артилл[ерии ежед]невно назначать:

---

[32] *Обсаливание патронов* – смазка патронов салом перед боем для предотвращения осечек и заклинивания оружия.

От Углицкого полка:

1/2 роты пехоты для занятия люнета[33] [и при]крытия батарей к стороне деревни Радищева… [для] содержания аванпостной цепи от Радише[ва] оврага до траншеи в центре расположения [ди]визии. У Радишевского оврага цепь должна [иметь] связь с частями, выставленными от [… ди]визии.

Карта Балканского театра военных действий во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

От Казанского полка:

Одна рота для занятия центральной траншеи и для содержания перед нею аванпостной цепи, начиная от левого фланга Углицкого полка. Три роты для занятия деревни Тученицы.

---

[33] *Люнет* (*фр.*) – открытое с тыла полевое укрепление, состоящее из двух боковых линий, прикрывающих фланги, и обращенное непосредственно к противнику. В полевом люнете, как правило, располагалось от одной до четырех рот пехоты и до четырех орудий. Если укрепление закрыто с тыла, это уже редут.

От Суздальского полка:

Одна рота для занятия траншеи на левом фланге позиции, которая будет вырыта, *в случае надобности* [34], на месте, указанном исполняющим должность начальника штаба дивизии, и для содержания перед нею аванпостной цепи от левого фланга Казанского полка до Тученицкого оврага.

Одна рота в деревне Тученице.

Комендантом деревни Тученицы назначается штабс-капитан Казанского полка Бырдин, которому подчиняются все четыре роты, расположенные в этой деревне. Штабс-капитан Бырдин распределяет части для обороны деревни Тученицы и для расположения в ней согласно переданным ему мною лично указаниям.

Затем расход людей в частях должен быть уменьшен до крайности. В случае тревоги частям оставаться на местах.

Командующий дивизией
генерал-лейтенант Скобелев

22 сентября № 302

Предлагаю господам полковым командирам 62, 63 и 64-го полков ежедневно, начиная с сего числа, назначать начальниками всех передовых постов по одному ротному командиру, которые в 5 ½ часов вечера обязаны являться к исполняющему должность начальника штаба дивизии за получением приказания по охранению расположения войск дивизии. Очередь наряда начальников передовых постов при сем объявляю:

22 сентября от 62-го Суздальского полка
23 сентября от 63-го Углицкого полка
24 сентября от 64-го Казанского полка
25 сентября от 62-го Суздальского полка
26 сентября от 63-го Углицкого полка

---

[34] Этим курсивом во всем издании напечатан текст собственноручных пометок, вставок и приписок Скобелева. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

27 сентября от 64-го Казанского полка
28 сентября от 62-го Суздальского полка
29 сентября от 63-го Углицкого полка
30 сентября от 64-го Казанского полка

Командующий дивизией
генерал-лейтенант Скобелев

№ 309 (26 сентября)

Вследствие приказа по 4-му армейскому корпусу от 25 сего сентября за № 137 предлагаю полковым командирам и командиру 16-й артиллерийской бригады представлять мне в деревню Тученицу *каждые три дня*: сведения о числе штаб– и обер-офицеров и числе штыков в полку, а равно о числе недостающих в батареях орудий и *ежедневно*: сведения о числе *заболевающих нижних чинов*.

Сведения эти доставлять в 8 часов утра, начиная с 27 сентября.

Командующий дивизией
генерал-лейтенант Скобелев

27 сентября № 310

В видах лучшего сохранения здоровья нижних чинов вверенной мне дивизии предлагаю завтрашнего числа произвести в расположении частей дивизии следующие перемены:

1. Полки Владимирский, Суздальский и две четырехфунтовые батареи по назначению начальника бригады перейдут в деревню Богот и расположатся там по квартирам у жителей.

2. Двум ротам Казанского полка, двум ротам Углицкого полка и одной девятифунтовой батарее перейти в деревню Тученицу и занять в ней места расположения Суздальского полка, а орудия и зарядные ящики расположить в редюите[35],

[35] *Редюит* (*фр.*) – внутреннее укрепление, возводимое в замкнутых фортификационных сооружениях для их усиления и обеспечения возможности вести бой внутри. Под редюитом также понимают малый

построенном в деревне Тученице, и к ним назначить караул от пехоты.

3. Частям начать передвижение на места их нового расположения в 9 часов утра, причем люди должны быть непременно пообедавши. Следовательно, пообедать не позже восьми часов утра.

4. Начальником войск, имеющим быть расположенными в Боготе, назначается подполковник Мосцевой. На его обязанность возлагается: разбить деревню Богот на участки, для каждой части (двух полков и двух батарей) отдельные, назначить пункты для сбора в случае тревоги и установить порядок охранительной службы.

5. На позиции остаются: Углицкий пехотный полк (без двух рот), два батальона Казанского полка и три батареи. Для охранения расположения этих частей ежедневно назначать по одной роте от Углицкого и Казанского полков. Порядок смены орудий на позиции поручается начальнику бригады.

6. Начальником войск, остающихся на позиции и расположенных в деревне Тученице, назначается командир 2-й бригады дивизии генерал-майор Гренквист[36], которому находиться в деревне Тученице.

Командующий дивизией
генерал-лейтенант Скобелев

№ 314 (27 сентября)

Его Императорское Высочество Великий князь Главнокомандующий изволил воспретить впредь пребывания при

опорный пункт, помещенный внутри более обширного и предназначенный быть последним рубежом обороны.

[36] Гренквист Федор Иванович (?–1886) служил в армейской пехоте. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., будучи в чине генерал-майора, временно исполнял обязанности командующего 16-й пехотной дивизией, до вступления на должность М. Д. Скобелева.

войсках Западного отряда всяким корреспондентам как иностранных, так и русских газет.

О чем, вследствие приказания по 4-му армейскому корпусу от 26 сентября за № 134, объявляя по войскам командуемой мною дивизии, предписываю при появлении названных корреспондентов препровождать таковых прямо в штаб Западного отряда в деревне З…[37]

[Генерал-лейтенант Скобелев]

28 сентября № 317

Начальник Западного отряда приказал, чтобы каждый из полков немедленно же заготовил по 250 черенков (деревянных ручек) для лопат.

О чем, вследствие приказания по корпусу от 27-го сего сентября за № 140, объявляю по войскам командуемой мною дивизии для немедленного исполнения.

Генерал-лейтенант Скобелев

29 сентября № 318

Предлагаю полковым командирам довести мясную дачу в день на человека до одного фунта.

В дополнение к отпускаемым от казны деньгам на покупку волов для мясных порций разрешаю расходовать деньги из экономических сумм для доведения порций до одного фунта.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 319 (29 сентября)

Разрешаю полковым командирам покупать у местных жителей муку и зерно на экономические суммы (например, деньги за экономический провиант) и приготовлять из нее

[37] Название деревни разобрать нельзя. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

лепешки и хлеб, так как интендантством не только печеный хлеб, но и сухари отпускаются в войска дивизии несвоевременно.

Размер хлеба, выпекаемого в день на человека, может доходить до одного фунта.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 320 (29 сентября)

Предлагаю командирам Углицкого и Казанского полков устроить небольшие блиндажи в траншеях, занимаемых караулами от этих полков, чтобы часть людей могла всегда согреваться в них.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 321 (29 сентября)

Предлагаю командирам полков озаботиться устройством бань Углицкого и Казанского полков в деревне Тученице, а Владимирского и Суздальского в деревне Богот.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

30 сентября № 324

Диспозиция по 16-й пехотной дивизии на случай боя

Войскам 16-й дивизии вверена оборона участка позиции перед г. Плевно от деревни Радишево до деревни Тученицы.

При наступлении неприятеля войска исполняют следующее:

1) Выстраиваются на местах их настоящего расположения.

2) Полки Углицкий и Казанский усиливают цепи и траншейные караулы впереди их расположения высылкою еще по одной роте от каждого полка.

Дежурной роте Казанского полка месторасположение будет указано исполняющим должность начальника штаба дивизии. Начальниками участков обороны линии – командиры полков.

3) Дежурная батарея остается в люнете и боковых ложементах и поддерживает оборону роты Углицкого полка.

4) Две батареи, расположенные за Казанским пехотным полком, остаются на занимаемых ими местах в полной готовности к движению.

5) Полку Углицкому вверяется оборона участка позиции от Радишевского лога до центральной траншеи (что занимается караулом от Казанского полка), полку Казанскому оборона участка от центральной траншеи до Тученицкого оврага.

6) Батальон Казанского полка и 2-я батарея 16-й артиллерийской бригады, занимающие деревню Тученицу, составляют ближайшую поддержку войск, расположенных на позиции.

7) Оборона деревни Тученицы возлагается на две расположенные в ней роты Углицкого полка, при двух орудиях 2-й батареи. Начальство возлагается на майора Пневского.

8) Полки Владимирский, Суздальский, 5-я и 6-я батареи 16-й артиллерийской бригады, расположенные в деревне Богот, составляют общий резерв. Резерв этот вводится в бой по моему личному указанию, сообразно силам и направлению атаки неприятеля.

9) В случае ночной тревоги все войска остаются на занимаемых ими местах, причем войска, занимающие деревни, выстраиваются на определенных сборных пунктах.

При начале боя всем обозам выстроиться позади деревень Богот и Тученица.

Пути движения обозов будут своевременно указаны. Перевязочный пункт на ручье, на месте расположения кухонь Казанского полка.

Я буду находиться в начале боя на позиции Казанского полка.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 328 (2 октября)

Предлагаю полковым командирам ввиду неаккуратной доставки сухарей интендантством исполнить следующее:

Приступить к образованию трехдневного неприкосновенного запаса (по шесть фунтов на каждого человека), для чего выдавать в дневную дачу вместо двух фунтов – *полтора*, причем взамен каждых недоданных полуфунта сухарей выдавать полфунта кукурузы и *лишних четверть фунта мяса*.

Командующий дивизией
генерал-лейтенант Скобелев

5 октября № 335

По телеграфическому известию Его Императорским Высочеством Великим князем Главнокомандующим, вчера, в Малой Азии, одержана блистательная победа: Мухтар-паша, разбитый наголову, отброшен от Карса и обращен в бегство[38].

Поздравляю храбрых моих сослуживцев 16-й пехотной дивизии с только что полученной телеграммой Главнокомандующего.

Дело, за которое взялся за оружие миролюбивейший из монархов, наш Августейший Государь, дело правое, на котором лежит благословенье Божие. Оно будет славно окончено.

Напоминаю войскам, что скоро и нам может предстоять боевое испытание; прошу всех об этом знать и крепить дух молитвою и размышлением, дабы свято, до конца исполнить, что требует от нас долг, присяга и честь имени Русского.

---

[38] Речь идет об Авлияр-Аладжинском сражении, или сражении на Аладжинских высотах (Западная Армения), которое происходило 20 сентября – 3 октября 1877 г. и завершилось решительной победой русских войск над турецкими. Эта победа фактически обеспечила России победу на Кавказском театре войны.

Господа офицеры и солдаты, вновь прибывшие из России, в особенности должны вдумываться во вновь созданное им судьбою положение.

Им в бою послужит большим облегчением недавнее пребывание в дорогом Отечестве. Они видели, какие жертвы несет за нас, здесь сражающихся, Россия, чего она от нас ждет.

Приказ этот прочесть во всех ротах, батареях и командах, а завтра, 6-го октября, в частях войск по случаю одержанной победы отслужить благодарственный молебен.

Командующий дивизией
генерал-лейтенант Скобелев

6 октября № 336

Предлагаю полковым командирам, ввиду необходимости однообразия формы, обменять кепи по полкам и закупить сукно для переделки погон и петлиц. Погоны могут быть взяты с гимнастических рубах. Сего же числа представить мне по полкам сведения о числе неформенных кепи, проставляя цвета их околышей.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 339 (6 октября)

Имея в виду необходимость озаботиться заблаговременно обеспечением продовольствия нижних чинов 16-й дивизии, мною командируется в Румынию для покупки волов и продовольственных припасов заведующий хозяйственною частью Владимирского полка подполковник Шаров.

Подполковнику Шарову предписывается закупить в Румынии для каждого полка дивизии по двадцать пар волов [и] по двадцать воловых телег.

Каждому полковому командиру предлагается составить для подполковника Шарова счет продуктам (капусте, буракам[39], кислоте, соли, чаю, сахару, фасолей, крупы, гороха и

[39] То есть свекле.

свиного сала) для покупки их в Румынии и для перевозки их, для каждого полка, на двадцати вышеозначенных повозках.

От каждого полка в распоряжение подполковника Шарова предписывается назначить по одному честному расторопному унтер-офицеру и по шести нижних чинов, в том числе по одному грамотному артельщику. Все люди должны быть здоровые.

Командиру Суздальского полка предлагаю назначить одного офицера в помощь подполковнику Шарову, и о том, кто будет назначен, мне донести.

На расходе для покупки волов припасов предлагаю полковым командирам выдать подполковнику Шарову из полковых сумм по четыре тысячи рублей золотом или по курсу бумажками.

О времени отправки подполковнику Шарову предлагаю донести, равно как и о времени прибытия.

По всем покупаемым предметам предлагаю подполковнику Шарову вести подробный отчет, удостоверяя покупки квитанциями продавцов и подписями помощника и четырех выборных артельщиков от полков.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

12 октября № 349

Завтра, 13 октября, предписываю:

1) Всем частям приступить к усиленному рытью землянок.

Батальоны расположить из середины в колонне по возможности на широких интервалах, головы батальонов на линию. Землянки строить, не нарушая вышесказанного расположения батальонов.

2) Землянки артиллерии: 16-й бригады между бригадами 16-й дивизии; 1-й, 2-й и 3-ей батарей 2-й бригады за Суздальским полком.

3) Саперы, по окончании саперных работ, будут возвращены к своей бригаде. Временно расположить их за полками поротно.

4) Казаков расположить за моим штабом.

5) Посылать, по возможности, безотлагательно унтер-офицеров с командами, достаточно многочисленными, на рубку леса. Требую, чтобы все части воспользовались бы хорошею погодою, чтобы образовать изрядный запас дров не только для кухонь, но и для больших костров; это будет в дурную погоду большим облегчением для солдат.

6) Как только части наделают себе землянки и вообще немного обживутся, посылать команды для сбора кукурузы по окрестным полям.

Это необходимо для образования сухарного запаса не меньше как на шесть дней, по два фунта на день. Об этом, с настоящей минуты, прошу начальников частей думать весьма серьезно. Дивизия может быть вдруг вынуждена к продолжительному форсированному движению при самых неблагоприятных условиях, по краю, вконец разоренному до нашего еще прохождения.

7) Завтра же отвести места с рассветом для кухонь, бань, и главное, обращаю внимание начальников частей на устройство выгребных ям, ежедневное засыпание слоем земли и, по наполнении их, на отводе новых мест под те же ямы. Вообще буду требовать чистоту в лагере и на боевой позиции.

8) Во всех полках озаботиться скорейшим устройством соответствующих землянок под околотки.

9) Всем полкам и батареям наряжать ежедневно посты при унтер-офицерах для наблюдения, чтобы нижние чины отнюдь не испражнялись вне отхожих мест.

Командующий дивизией
генерал-лейтенант Скобелев

13 октября № 350

Осматривая вчерашнего числа пищу нижних чинов дивизии в деревне Богот, я нашел: в Углицком полку: в 1-й стрелковой роте щи хорошими, во 2-й стрелковой роте суп из фасоли дурного вкуса, с недоваренной фасолью; в

9-й роте суп посредственным; в 12-й роте суп с крупою и с примесью пшеничной муки – жидким и дурного вкуса.

В Казанском полку:

В 1-й стрелковой роте щи отличного вкуса и очень наваристые, в 5-й и 10-й ротах щи очень хорошие. Каша во всех поименованных ротах была хорошего вкуса.

Считая, что более или менее хорошая пища нижних чинов всего более зависит от заботливости ротных командиров, я объявляю замечание командирам рот Углицкого полка: 2-й стрелковой, 9-й и 12-й линейных.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 351 (13 октября)

Обходя сего числа бивуак дивизии, я заметил нескольких нижних чинов Суздальского полка, отправляющих свои естественные нужды вблизи расположения бивуака помимо устроенных для этой цели отхожих мест. *Обращая на это внимание начальников частей, предписываю обратить самое серьезное внимание на соблюдение полной чистоты в районах расположения частей*[40].

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 352 (18 октября)

Предлагаю полковым командирам ежедневно назначать по одному штаб-офицеру дежурным по дивизии, в следующем порядке:

14 октября от Владимирского полка;
15 октября от Суздальского полка;
16 октября от Углицкого полка;
17 октября от Казанского полка;

---

[40] Эта фраза написана в подлиннике почерком капитана Куропаткина. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

18 октября от Владимирского полка;
19 октября от Суздальского полка;
20 октября от Углицкого полка;
21 октября от Казанского полка;
22 октября от Владимирского полка;
23 октября от Суздальского полка;
24 октября от Углицкого полка;
25 октября от Казанского полка.

Обязанности этих штаб-офицеров будут главным образом хозяйственные, а именно наблюдение за чистотою на месте расположения отряда.

Дежурные по частям, как пехоты, так и артиллерии, должны немедленно исполнять все приказания дежурных по дивизии штаб-офицеров, относящиеся к поддержанию чистоты.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 353 (13 октября)

Обращаю особенное внимание всех дежурных по частям за наблюдением, чтобы нижние чины не ходили за естественными надобностями помимо отхожих мест. Всех, не соблюдающих это, предписываю ставить на часы на переднюю линейку части.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 354 (13 октября)

Объявляю командиру Владимирского полка мою благодарность за отлично, с соблюдением тишины и порядка, произведенные полком саперные работы по укреплению Рыжей горы.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 355 (13 октября)

Объявляю мою благодарность командиру 1-го батальона Казанского полка подполковнику Завадскому за молодецкий вид солдат батальона и за отличное состояние их оружия.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 356 (13 октября)

Лагерь наш слишком скучный. Желательно было бы, чтобы чаще горели костры, пели бы песни; назначать по очереди перед вечернею зарею в центре позиции играть хору музыки. Разрешается петь и поздно вечером.

Во всех ротах обратить серьезное внимание на образование хороших песельников[41]; поход без песельников грусть, тоска.

Генерал-лейтенант Скобелев

№ 360 (14 октября)

Генерал-адъютант Тотлебен изволил меня предуведомить, что часть легкого парка 16-й артиллерийской бригады будет направлена за Вид к войскам Гвардии.

Предлагаю генерал-майору Боретти немедленно озаботиться пополнением зарядных ящиков девятифунтовых батарей 2-й и 16-й артиллерийских бригад до отхода парка за Вид.

С завтрашнего числа все девятифунтовые батареи поступают впредь до особого приказания в общий резерв артиллерии вверенного мне отряда.

Завтра назначить на передовую позицию дивизион от одной из легких батарей вверенного мне отряда. Назначения, по очереди, ежедневно делает Его Превосходительство начальник 16-й артиллерийской бригады.

Генерал-лейтенант Скобелев

---

[41] *Песельник* (песенник) – исполнитель или сочинитель песен.

Дополнение к приказу

Сего числа вверенная мне дивизия, 16 артиллерийская бригада, 3-я батарея 2-й артиллерийской бригады, 1-я сотня 38-го Донского полка, поднятая по тревоге, была готова к выступлению менее чем в 25 минут времени.

Еще раз молодецкие войска блистательно доказали, что потери и лишения, сопряженные с кровавыми битвами и трудностями позднего осеннего похода, не могут их поколебать.

Я сегодня с гордостью смотрел на вас, дорогих всей Русской земле молодцов, и с уверенностью думал о близком, вероятно, дне, где мы опять станем лицом к лицу с врагом, опять по-детски, грудью постоим за святое дело.

Быстрота, восторг, с которыми все господа офицеры и солдаты изготовились к бою, горя желанием поделиться славою с нашими братьями гвардейцами, служат для меня залогом, что и в новом своем составе войска 16-й дивизии сумеют, как бы ни пришлось трудно, поддержать славу своих бессмертно славных знамен.

Верьте мне, ребята, как я вам верю, и тогда скоро мы опять, во славу Русского народа, заработаем спасибо Батюшки-Царя!

Объявляю мою искреннюю благодарность всем начальникам частей, в особенности также господам офицерам и нижним чинам, бывшим в строю.

Генерал-лейтенант Скобелев

16 октября № 361

Замечено мною, что в полках дивизии, несмотря на отданные мною приказы по дивизии от 21-го и 29-го сентября за № 301 и 318 и 2-го и 11-го сего октября за № 328 и 348, *нижние чины не всегда получают по фунту мяса в день*.

Между прочим, 14-го сего октября на вопрос начальника штаба дивизии о причине недопуска мяса нижним чинам в Суздальском пехотном полку заведующий хозяйством полка майор Вышневский заявил, что полк крайне затруднен в приобретении мяса. Вслед за тем, когда начальником штаба было сделано напоминание, что Его Высочеством Главнокомандующим разрешено производить и отпуск денег на лишних полфунта мяса, сверх положенного по табели, на это майор Вышневский заявил, что такого приказа он не знает и в полку его не читал.

Так как приказ о разрешении производить выдачу лишних по полуфунту мяса на каждого нижнего чина был получен в штаб дивизии 11 октября и в тот же день объявлен в приказ по дивизии за № 348, а копии с этого приказа были разосланы во все части дивизии 12 октября, то, очевидно, майором Вышневским упущен из виду этот приказ, имеющий столь важное значение в деле продовольствия и ближе всех касающийся заведующих хозяйством в частях войск.

Объявляя за такое упущение майору Вышневскому строгий выговор, предлагаю господам полковым командирам и заведующим хозяйством в частях обратить серьезное внимание на улучшение пищи нижним чинам, причем, безусловно, возлагаю на личную ответственность полковых командиров, заведующих хозяйством наблюдать за тем, чтобы в котел клалось не менее фунта мяса на каждого нижнего чина. Приобретение скота на мясные порции, при энергической заботливости заведующих хозяйством, я уверен, не будет затруднительно. В случае же затруднений в приобретении воловьего мяса разрешается покупка баранов в количестве, необходимом для доведения мясной порции до одного фунта.

Генерал-лейтенант Скобелев

№ 363 (17 октября)

Государь Император во время бывшей вчерашнего числа демонстрации изволил заметить, что казаки сотни 38-го Донского полка стреляли, не видя неприятеля.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

20 октября № 373

Ввиду окончания постройки землянок в полках желательно было бы немедленно приступить к устройству шалашей для столовых нижним чинам и в особенности бань; последних на первое время желательно иметь хоть по одной на батальоне.

Генерал-лейтенант Скобелев

№ 376 (22 октября)

Предлагаю господам штаб-офицерам, дежурящим по дивизии, кроме обязанностей по охранению порядка и чистоты на занимаемых дивизией местах, еще каждодневно доносить мне, при представлении утром в 9 часов утра после смены с дежурства, сведения о качестве за день дежурства пищи во всех частях дивизии.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 377 (22 октября)

Предлагаю полковым командирам тщательно проверить состав стрелковых рот в их полках и исключить из этих рот людей слабосильных, мало нравственных или не обещающих быть способными к стрелковой службе.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 378 (22 октября)

Предлагаю полковым командирам деятельно следить, чтобы командиры стрелковых рот пользовались всяким

удобным случаем для обучения нижних чинов их рот стрелковому делу. В этих видах предлагаю полковым командирам не наряжать нижних чинов стрелковых рот на саперные работы и вообще лагерные работы за исключением, конечно, тех работ, которые относятся до благосостояния самих стрелковых рот. Я буду смотреть стрелковые роты по полкам с 1-го ноября.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 381 (23 октября). Диспозиция для ночных работ по укреплению высот впереди (на северо-западе) от деревни Брестовец, с 23 на 24 октября 1877 года. Позиция на Плевно-Ловченском шоссе

Распорядителем всех работ по укреплению высоты к северо-западу от деревни Брестовец и самой деревни назначается полковник Гвардейского саперного батальона Мельницкий.

Начальникам строевых частей, назначенных на работу, строго предписывается следовать указаниям полковника Мельницкого.

Начальники строевых частей отвечают за сохранение тишины и порядка во время производства работ.

Открывать огонь лишь в крайности.

Инструкция для производства саперных работ, приложенная к диспозиции от 12 сего октября, должна служить руководством и при предстоящих работах.

В ночь с 23 на 24 октября, согласно предписанию помощника начальника Западного отряда армии, генерал-адъютанта Тотлебена, на высоте перед деревней Брестовец будут устроены батареи на 24 орудия и ложементы на два батальона пехоты.

Кроме того, северная опушка деревни Брестовец будет приведена в оборонительное положение и за нею устроится помещение для 6 картечниц.

Для работ по возведению предположенных укреплений назначаются:

Владимирский пехотный полк.
Батальон Углицкого полка.
Батальон Казанского полка.
Три роты саперов 3-го батальона.

Частям этим быть построенными к 5 часам пополудни, впереди их расположения.

Для прикрытия саперных работ назначается Суздальский пехотный полк, которому быть построенному впереди его расположения к 7 часам вечера.

Части, назначенные для производства работ и для их прикрытия, двинутся к деревне Брестовец по особому приказанию.

Для занятия завтрашнего числа с рассветом предполагаемых к постройке укреплений назначаются:

Батальон 3-й стрелковой бригады по усмотрению командира бригады.

1, 2 и 3-я батареи 2-й артиллерийской бригады.

Летучий отряд из двух рот стрелков 3-й бригады по назначении командира бригады, шесть картечниц и команды в 50 человек с крепостными ружьями. Начальником летучего отряда назначается майор 10-го стрелкового батальона Гагман.

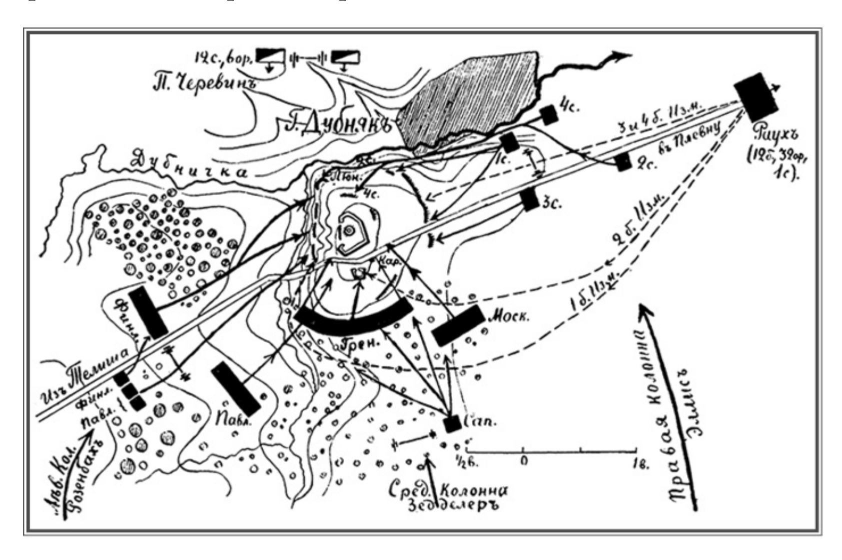
Всем частям, назначенным для занятия позиции, прибыть к 4-м часам утра завтрашнего числа к деревне Брестовец, к месту расположения главного караула сотни, содержащей аванпостную цепь впереди деревни Брестовец. Колонновожатым подпоручик Марков.

В ближайшем резерве частям, назначенным для занятия позиции, остаются Суздальский пехотный полк, шесть рот 3-й стрелковой бригады и 1-я сотня 38-го казачьего полка.

Сотне этой сего же числа вечером перейти в деревню Брестовец.

Перевязочный пункт устраивается позади деревни Брестовец.

Отрядный штаб, впредь до моего особого приказания, переносится в деревню Брестовец.

План сражения при Горном Дубняке 24 октября 1877 г.

Начальнику 1-й бригады 30-й пехотной дивизии генерал-майору Полторацкому[42] предписывается:

1) Во время производства ночных работ впереди деревни Брестовец занимать позицию от Тученицкого оврага до люнета тем же числом войск, как обыкновенно.

2) При готовности к бою в частях этих соблюдать полную тишину.

[42] *Владимир Алексеевич Полторацкий* (1828–1889) в 1846 г–1854 гг. воевал на Кавказе, принимал участие в Хивинском походе 1873 г. Во время Русско-турецкой войны командовал Чугуевским уланским полком, находившимся в составе Дунайской армии.

3) В случае перехода неприятеля в наступление позиция, вверенная генерал-майору Полторацкому, занимается и обороняется, как предписано было в диспозиции на случай боя по Плевно-Ловченском отряду от […][43] октября

Командующий дивизией
генерал-лейтенант Скобелев

24 октября 1877 г. № 382

Сего числа при объезде войск, занимающих передовую позицию, мною замечено:

Только один батальон Суздальского полка имел котлы. Многие нижние чины не имели с собою сухарей. Люди не получили законной дачи спирту.

Лазаретные повозки полка не были на месте, через что раненые вынуждены были ожидать перевязки.

После требования одним из умирающих раненых священника оказалось, что священник Суздальского полка проживает не при полку, а в деревне Богот.

Приписывая все перечисленные беспорядки вине командующего полком, я объявляю строгий выговор майору Безбородову.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 383 (24 октября)

Предлагаю подполковнику Владимирского полка Маневскому вступить завтрашнего же числа во временное командование Суздальским пехотным полком.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 384 (24 октября)

Еще раз обращаю внимание начальников частей на их обязанность заботиться, чтобы нижние чины были сыты при

---

[43] Пропуск в подлиннике, подписанном Скобелевым. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

всех условиях, в которые приходится становиться части. Раз навсегда требую, чтобы артельные котлы всюду следовали за частями и чтобы для нижних чинов не проходило ни одного дня, в который они не получали бы горячую пищу. Исключения всякий раз будут исходить от меня лично.

После самого жестокого боя наступает затишье, и опыт дней 30 и 31 августа убедил меня, что храбрые и распорядительные начальники даже в эти дни находили возможным подвозить горячую пищу своим солдатам.

Наоборот, если нижние чины не накормлены, то происходит это или от растерянности, или от нерадения начальника. И то и другое может повлечь за собою отрешение от должности.

Командующий дивизией
генерал-лейтенант Скобелев

25 октября 1877 г. № 386

Вследствие крайних беспорядков по хозяйственной части, замеченных мною и засвидетельствованных начальником бригады в Суздальском пехотном полку, я назначаю комиссию для производства дознания в составе: председателя комиссии майора Казанского пехотного полка Байковского и членов: Казанского пехотного полка штабс-капитана *Бырдина*, поручика *Повало-Швейковского* и подпоручика 10-го стрелкового батальона *Маркова*.

На комиссию эту возлагается:

1) Снять показания с ротных командиров полка, с каждого отдельно, по следующим вопросам:

В какие числа и в каком размере на человека получались в роту с 20 сентября сего года сухари, спирт, крупа, чай и сахар.

В каком размере и какого качества отпускалось в роту мясо.

2) Проверить тщательным образом всю отчетность по хозяйственной части полка с 20 сентября, как по довольствию

сухарями, спиртом, крупою, сахаром, так в особенности по довольствию мясом.

3) Проверить состояние в полках обоза, лошадей и порядок фуражного довольствия обозных лошадей.

4) Проверить состояние экономических сумм, долженствующих образоваться из остатков от фуражных денег, и от сумм, отпускаемых на мясное довольствие войск. Проверить правильность хранения и употребления этих сумм.

По всем этим пунктам комиссия обязана представить подробный отчет, дабы можно было определить виновных.

Предлагаю командующему Суздальским полком, подполковнику Маневскому, назначить на время производства дознания нового заведующего хозяйственной частью полка, *и о том, кто будет назначен, мне донести*, а майору Вышневскому предложить к утру завтрашнего числа явиться к председателю комиссии майору Байковскому.

Командиру Казанского полка полковнику Лео предлагаю освободить на время производства дознания от наряда на службу всех чинов комиссии.

Господам председателю комиссии и членам ее указываю на важность возложенной на них задачи и надеюсь, что они отнесутся к ней с полною энергией и беспристрастностью. Что касается знания дела, необходимого для выполнения задачи, то состав комиссии может служить ручательством, что ни одна мелочь, способная разъяснить дело, не будет упущена при производстве дознания.

Производство дознания должно быть окончено в возможно непродолжительном времени и отчет за подписью всех членов представлен мне.

Генерал-лейтенант Скобелев

25 октября 1877 г. № 387. Приказ по войскам Плевно-Ловченского отряда

Для постоянного занятия передовой позиции назначаются: полк пехоты, стрелковый батальон, три батареи, батарея картечниц и сотня казаков.

Части эти суть:

1) *Углицкий пехотный полк*, командиру которого предписываю: занять деревню Брестовец в тех же участках, которые были заняты батальонами Суздальского полка. Каждый батальонный участок должен быть разбит на ротные. В ротных участках иметь сборные пункты, на которые собирать роты ежедневно два раза для поверки и для приучения людей к сборным пунктам.

Углицкий полк будет занимать деревню Брестовец. Ежедневно один батальон назначается в боевую линию. Стрелковая рота дежурного батальона становится в резерв, за левым флангом передовой позиции.

2) *9-й стрелковый батальон*: 3-я [и] 4-я роты этого батальона занимают траншеи и опушку деревни Брестовец правее батарей, 1-я и 2 роты батальона становятся в резерв за правым флангом передовой позиции. 9-й батальон должен быть сменен батальоном по назначению начальника 3-й стрелковой бригады 27-го числа сего месяца на рассвете.

3) *Три батареи*, по назначению начальника 16-й артиллерийской бригады. Два орудия из очередных становятся на Рыжей горе. Батареи сменяются через двое суток. На ночь орудия, стоящие на передовой позиции, отходят за деревню Брестовец.

4) *Батарея картечниц* занимает позицию за серединой опушки деревни Брестовец. Два орудия назначаются дежурными.

5) 1-я сотня 38-го Донского полка располагается в деревне Брестовец сзади отрядного штаба. На ночь от нее выставляется пост на нашем крайнем правом фланге.

Начальником всех войск, расположенных в боевой линии, назначается, на время производства саперных работ, полковник Мельницкий.

Генерал-лейтенант Скобелев

1 ноября 1877 г. № 394

Неоднократно высказывал я как господам офицерам, так и нижним чинам вверенной мне дивизии, что основанием успеха при столкновении с неприятелем служит порядок в бою, я назову его лучшим выражением *доблести части.*

Порядка в бою быть там не может, где начальники частей не проникнуты сознанием того, что им приходится делать, не осмыслили себя перед боем, ту задачу, которую предстоит исполнить их части. Я не говорю о личной доблести господ офицеров, ибо заранее убежден, *что офицер не молодец* не может *быть терпим* в 16-й пехотной дивизии; между тем, в бою в ночь с 28-го на 29-е октября мною было замечено, что многие из господ офицеров недостаточно держали своих людей в руках и вообще показались мне не вполне понимающими ни смысла, ни важности того, что делали.

Подобное отношение к делу господ офицеров даже при таком сравнительно ничтожном неприятеле, как турки, *могло бы* иметь вредные последствия.

На будущее время предписываю господам бригадным, полковым и батальонным командирам перед боем, тотчас же по получении диспозиции для боя, собирать (разумеется, соответственно с удобством расположения частей) всех наличных господ офицеров, которым они обязаны не только прочесть, но и выяснить смысл диспозиции и убедиться, что она *ими* понята.

Господа ротные командиры *понятным для солдата языком* делают то же самое относительно фельдфебеля и унтер-офицеров вверенной им роты; причем внушают унтер-офицерам их великое значение в современном пехотном бою, где, при растянутости линии, офицеру везде поспеть трудно.

Господа ротные командиры, проникнитесь и Вы громадностью Вашего боевого современного значения, помните, что одна из лучших ныне европейских армий выиграла две славные кампании одними ротными командирами (1866 и 1870–1871).

Как мне ни прискорбно, нижние чины Владимирского пехотного полка, любя Вас и гордясь славой храброй 16-й дивизии, но в бою с 28-го на 29-е число некоторые из Вас не оправдали моих ожиданий. Вы как будто забыли, что перед Вами стоят те же турки, которых отцы и деды Ваши привыкли бить, не считая; неужели мы покажем себя хуже своих отцов, неужели омрачим славу своих знамен?!.

7, 8, 10 и 12-й ротами я вполне не доволен, они вели себя недостойно русского солдата. Они забыли, что чем неприятель ближе, тем лучше, тем славнее для честного солдатского сердца, что наша русская пехота всегда *умела* работать *штыком* и до сих пор не сверкала пятками перед неприятелем.

Предупреждаю всех чинов вверенной мне дивизии, что как бы тяжело и неблагоприятно ни сложились временно боевые обстоятельства, я сумею заставить всякого исполнить до конца долг службы и присяги, и с виновных будет взыскано по всей строгости законов.

С глубоким уважением упомяну здесь о службе следующих господ офицеров: 1 – командире Владимирского пехотного полка полковнике Аргамакове, 2 – командирах 1-го и 3-го батальонов того же полка подполковнике Маневском и майоре Нечаеве, капитанах Хмелевском и Сполатбоге и командире 12-й роты Углицкого полка поручике Власове.

Нижним чинам 4-й линейной и 2-й стрелковой рот Владимирского полка и 12-й Углицкого полка – мое душевное спасибо. Они честно исполнили свой долг *до конца*. Они гордо могут смотреть в глаза своим товарищам.

Генерал-лейтенант Скобелев

№ 399 (2 ноября)

Третьего дня Его Высочество Главнокомандующий изволил меня посетить, подробно расспрашивал о вверенной мне дивизии, с которою Его Высочество связан воспоминаниями бессмертной обороны Севастополя и сражения 24 октября 1855 года.

Приписывая высокую оказанную мне Главнокомандующим честь молодецкой службе войск 16-й пехотной дивизии, благодарю всех начальников частей и выражаю убеждение, что счастливцам, кои будут достойны командовать в боях этою славною дивизией, всегда будет присуще почетное место в рядах армии.

Самоотверженное в высшей степени поведение всей дивизии в боях 30 и 31 августа, славный штурм редутов Владимирцами и Суздальцами 30-го, геройская оборона их 31-го в особенности, обратили внимание России на славную 16-ю дивизию. Сама Государыня Императрица не оставила нас своим Августейшим вниманием. Из Москвы, из Петербурга шлют в дивизию разные вещи, список коим с распределением по полкам будет объявляться в приказе по дивизии.

Ничего не может быть славнее для солдата, как заслужить внимание своего Монарха и народа. Я уверен, что и в последующих боях вновь создавшаяся по своему личному составу 16-я пехотная дивизия не помрачит славы героев 30-го и 31-го числа и сумеет держать себя так, чтобы иметь право с чистою совестью возвратиться в Россию.

Прошу начальников частей воспитывать вверенные им части в вышеуказанном смысле.

Генерал-лейтенант Скобелев

11 ноября № 407

От 62-го пехотного Суздальского полка представлена ведомость утраченному оружию в ночь со 2-го на 3-е ноября во время вылазки, сделанной двумя ротами полка. По ведомости этой было показано утерянными 119 ружей и 316 штыковых ножен, тогда как из строя выбыло всего 98 нижних чинов убитыми, ранеными и без вести пропавшими, а в вылазке участвовали всего 254 человека. По произведенному расследованию оказалось, что по ошибке заведующего оружием по ведомости были показаны ружья и штыки, утраченные в полку в прежнее время.

За такое невнимание к своему делу предписываю арестовать заведующего оружием в 62-м Суздальском полку штабс-капитана […][44] на двое суток домашним арестом с исполнением служебных обязанностей.

При этом считаю необходимым обратить внимание господ полковых командиров на то обстоятельство, что в каждом деле войска утрачивают весьма крупные цифры оружия и вещей интендантского ведомства и, кроме того, много оружия оказывается попорченным, а это доказывает, что в полках не соблюдаются правила сбора оружия с поля сражения, объявленные в приказании по войскам действующей армии за № 112, и что нижние чины не сберегают своего оружия.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 409[45] (11 ноября)

Предлагаю начальнику 16-й артиллерийской бригады доставлять ежедневно в штаб дивизии сведения, получаемые

---

[44] Фамилию разобрать нельзя. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

[45] Приказы № 409 и 410 написаны рукою капитана Куропаткина. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

им от начальника артиллерийской боевой линии, а равно доставлять и сведения о числе выпущенных в день снарядов и о всем замеченном со стороны неприятеля батареями, состоящими на позиции.

Генерал-лейтенант [Скобелев]

№ 410

Замечено мною, что, несмотря на приказ по дивизии от 6 октября за № 336, в полках еще не существует единообразия в форме.

Вторично предлагаю принять энергичные меры к покупке полками соответствующих цветов сукна для переделки погон, околышей на кепи и петлиц на мундирах и шинелях.

Генерал-лейтенант [Скобелев]

№ 419 (15 ноября)

Сего числа я со штабом переезжаю в деревню Учин-дол.

Позиция, назначенная для обороны Плевно-Ловченскому отряду, разделяется на три участка.

1) Укрепление Зеленой горы;

2) Укрепления Брестовецкие,

3) Укрепления левого фланга (редуты Старинкевича[46] и Мирковича.

Первые занимаются сменными частями полков: Владимирского, Суздальского, Казанского, 9, 10 и 11-го стрелковых батальонов, двумя орудиями и 4-мя картечницами.

Комендантом укреплений на Зеленой горе и начальником войск, их занимающих, остается генерал-майор Гренквист.

---

[46] Военный инженер *Старынкевич Олимпий Иванович* (1837 – после 1908) поступил на службу в 1853 г. после окончания Николаевского инженерного училища, позднее окончил Николаевскую инженерную академию. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта в 1900 г.

Укрепления Брестовецкие занимаются полками Углицким и Ярославским, двумя батареями и двумя картечницами под ближайшим начальством полковника Панютина.

Укрепления левого фланга занимаются и обороняются Шуйским пехотным полком и батареей. Начальником левого фланга назначается начальник 1-й бригады 30-й пехотной дивизии генерал-майор Полторацкий.

Все начальники участков [получают][47] приказании или лично от м[еня, или] через начальника штаба.

Начальником резервного лагеря – г[енерал]-м[айор] Боретти.

Полковнику Панютину вменяется в обязанность в случае атаки наших позиций на Зеленой горе или на левом фланге поддерживать как генерал-майора Гренквиста, так и генерал-майора Полторацкого, *немедленно сообщив мне о сделанном распоряжении.*

Генерал-лейтенант Скобелев

18 ноября № 424

Ввиду появившейся в районе Плевно-Ловченского отряда чумы предписываю всем начальникам частей отряда усилить все меры к соблюдению чистоты в местах расположения частей.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 425 (18 ноября)

Предписываю командирам полков 16-й дивизии ежедневно производить для остающихся от службы людей ученья: ротные, батальонные и полковые. Я начну смотреть части в конце настоящего месяца. Ученья могут не производиться только при дурной погоде.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

---

[47] Вырвано в подлиннике. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

№ 426 (18 ноября)

Предписываю всех пленных турок, перебежчиков и жителей Плевны, остановленных на всех постах отряда, препровождать в штаб отряда для опроса.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 427 (18 ноября)

Предлагаю командиру 3-го саперного батальона назначить офицера для осмотра землянок резервного лагеря и для устройства в них вентиляции. Полковые командиры и батарейные обязываются оказать полное содействие назначенному офицеру.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 428 (18 ноября)

Предлагаю начальнику резервного лагеря генерал-майору Боретти сделать распоряжения и затем наблюдать, чтобы батарейных и обозных лошадей водили на водопой ниже кухонь, на выбранное по его приказанию место.

Точно так же, чтобы белье мылось ниже кухонь.

Для сохранения воды чистою рекомендуется каждой части иметь свои небольшие колодцы близ кухонь.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 433 (18 ноября)

Предлагаю командиру 16-й артиллерийской бригады произвести батареям отряда проездку с полным грузом законом положенного ячменя, с целью определить подвижность каждой батареи отдельно. Время и число батарей для каждой из проездок предоставляется по усмотрению; о результате проездок мне донести[48].

[Генерал-лейтенант Скобелев]

---

[48] В подлиннике – «усмотрению бригад о результате проездок мне донести». (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

№ 434 (18 ноября)

Предлагаю начальникам частей отряда привести в порядок обозы и обозных лошадей. Осмотр обозов я начну с будущей недели.

Генерал-лейтенант Скобелев

№ 436 (19 ноября)

[I]

2-я бригада 30-й пехотной дивизии поступает согласно предписанию начальника Отряда обложения города Плевна в состав Плевно-Ловченского отряда.

II

16-я пехотная дивизия, 3-я стрелковая бригада, № 9 Казачий полк, шесть батарей, по усмотрению начальника 16-й артиллерийской бригады и четыре орудия скорострельной батареи, поступают в общий резерв, который может быть внезапно направлен в том или другом направлении для противодействия ожидаемому прорыву армии Осман-паши.

III

30-я пехотная дивизия и три батареи, по назначении начальника 16-й артиллерийской бригады, назначаются для занятия укреплений позиции отряда от Тученицкого оврага до редута генерала Мирковича включительно.

Начальником всей оборонительной линии назначается начальник 30-й дивизии генерал-майор Шнитников.

IV

Всем войскам, назначенным в состав общего резерва, предписывается:

Образовать неприкосновенный запас сухарей на четыре дня, по два фунта на каждый день.

Образовать четырехдневный неприкосновенный запас спирта, который хранить в запечатанных бочках. Расходовать его не иначе, как на основании приказа по дивизии или личному моему приказанию.

Образовать при частях неприкосновенный запас сахара и чая.

Иметь при частях неприкосновенный запас скота, по расчету на четыре дня по полутора фунта мяса на человека.

Командирам полков озаботиться немедленно, чтобы в патронные ящики были впряжены хорошие лошади, которых особо заботливо кормить.

Начальнику 16-й артиллерийской бригады предлагаю обратить внимание на готовность артиллерии к усиленному движению в продолжение нескольких дней и в местности гористой.

Полковым врачам озаботиться осмотром лазаретных линеек и на случай движения [пополнить] санитарные принадлежности и медикаменты[49].

Полкам 16-й пехотной дивизии оставить при себе по 400 лопат, 100 кирок, 100 мотыг и 400 топоров на полк. Остальной инструмент предписываю сдать командиру 3-го саперного батальона полковнику Рудовскому под квитанцию. Шанцевый инструмент беречь. Он выручит и в полевом сражении. Напоминаю: сколько крови пролито от недостатка в полках шанцевого инструмента 30-го и 31-го августа; верно, не все забыли, как приходилось рыть землю монерками, даже ногтями.

По получении приказа о выступлении войска выстраиваются на занимаемых их[50] местах. При этом:

---

[49] В подлиннике, очевидно, пропуск слова «пополнить» санитарные и т. д. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

[50] Вероятно, [читать] следует «ими». (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

Нижние чины пехоты имеют на себе: двухдневную дачу сухарей и четырехдневную дачу чая и сахара.

Шанцевого инструмента в каждом полку иметь на людях 300 лопат, 120 кирок и мотыг и 150 топоров.

Везти за полками: лопат 100, кирок и мотыг 80. Оставить в резервном лагере топоров 250.

Вместе с войсками приготовить к движению следующий обоз: все патронные ящики, все артельные повозки, часть офицерского обоза, провиантские повозки с двухдневным запасом сухарей.

При каждом полковом обозе иметь стадо скота на четырехдневную порцию мяса.

V

Начальнику 30-й пехотной дивизии, генерал-майору Шнитникову, предписывается сменить части 16-й пехотной дивизии и 3-й стрелковой бригады, занимающих позиции Брестовецкую и на Зеленой горе, и заменить их частями 30-й пехотной дивизии. Смену произвести 20 ноября утром к 10 часам.

VI

Для занятия и обороны позиции от Тученицкого оврага до редута генерал-майора Мирковича включительно предлагаю генерал-майору Шнитникову расположить войска 30-й пехотной дивизии в общих чертах следующим образом:

1-ю бригаду с частью артиллерии, по усмотрению генерал-майора Шнитникова, иметь на Зеленой горе в Брестовце, в траншеях по Брестовецкой горе и в трех левофланговых редутах (Брестов, Старынкевича, Мирковича). Другую бригаду с остальною артиллерией иметь в резерве, расположение которого предоставляется генерал-майору Шнитникову. Если бы бригады оказалось мало в передовых позициях, то ему предоставляется усилить по усмотрению; о делаемых распоряжениях прошу мне сообщать.

VII

Генерал-майору Гренквисту, исполняющему должность коменданта укреплений на Зеленой горе, с занятием позиции 30-й пехотной дивизией, предлагаю вернуться к исполнению обязанностей по командованию 2-й бригадой 16-й пехотной дивизии.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 437 (19 ноября)

Генерал-майор Гренквист назначен был мною комендантом на Зеленой горе в трудное время. Укрепления были еще далеко не окончены, к устройству редутов еще не приступали, неприятель, по всем приметам, далек был от намерения примириться с потерею позиций на первом кряже Зеленой горы, он даже был настолько дерзок, что решался продвигаться вперед траншеями против нашего левого фланга на Зеленой горе.

Генерал-майор Гренквист, со дня назначения своего, вполне оправдал мое к нему доверие. Молодецки отразив несколько усиленных неприятельских попыток сбросить его с занимаемой позиции, он неутомимо приступил к работам по окончательному их укреплению. При нем создалась, под непрерывным, близким, ружейным огнем противника целая система траншей, возникли редуты, войска им приучены спокойно, сознательно исполнять трудную передовую службу в столь близком соседстве с неприятелем.

Все вышеизложенное я приписываю отличной личной храбрости генерал-майора Гренквиста, его неустрашимости, хладнокровной распорядительности при самых трудных обстоятельствах.

Считаю священным и для меня крайне приятным долгом от всего сердца благодарить генерал-майора Гренквиста за его образцовую боевую службу и высказать уверенность, что

он и впредь в бою будет мне таким же самоотверженным помощником.

Генерал-лейтенант Скобелев

20 ноября 1877 г. № 438

По рассмотрении донесения командира Владимирского пехотного полка от 10 ноября за № 4501 по поводу отступления 7, 8 и 12-й рот полка с работ в ночь с 28 на 29 октября я нашел:

1) Командиров 7, 8 и 12-й рот поручика Бетковского, капитана Прозоркевича и штабс-капитана Перфильева виновными в беспорядочном отступлении их рот с работ в ночь с 28 на 29 октября, в отступлении, не вынужденном натиском превосходных сил неприятеля и грозившем успеху молодецкого дела занятия первого гребня Зеленых гор.

2) 7-й роты прапорщику Джепоридзе и 15 нижним чинам, оставшимся на месте работ при бесславном отступлении их товарищей, объявляю мою горячую признательность и ставлю этих молодцов в пример всем, прошу командира полка благодарить этих молодцов поименно в приказе по полку.

По рассмотрении донесения 64-го Казанского пехотного полка от 3 ноября за № 3575 я нашел командиров 9-й и 10-й рот, поручиков Борейшу и Квятковского, виновными в самовольном оставлении, не оставив за себя старших, их рот, расчищавших эспланаду[51] впереди траншей в ночь с 1 на 2 ноября, вследствие чего роты эти беспорядочно отступили.

По соображению изложенного в рапортах командиров полков Владимирского и Казанского с замеченным мною

---

[51] *Эспланада* (*фр.*) – широкая хорошо просматриваемая площадка перед фортификационными сооружениями, не позволяющая противнику незаметно подойти к укреплению.

лично за время боя с 28 на 29 и в ночь с 1 ноября на 2 предписываю:

Командиру Владимирского полка отрешить от командования ротами поручика Бетковского, капитана Прозоркевича и штабс-капитана Перфильева.

Командиру Казанского полка отрешить от командования ротами поручиков Борейшу и Квятковского.

Прапорщика Владимирского полка Джепоридзе предлагаю представить к награде как особенно отличившегося.

Генерал-лейтенант Скобелев

№ 441 (25 ноября)

При производстве рекогносцировки начальником штаба вверенной мне дивизии встречены были им в деревне [...][52] 64-го пехотного Казанского полка 3-й стрелковой роты: унтер-офицер Семен Афанасьев и рядовые Василий Поткалов и Степан Бролкин, все трое без оружия. Нижние чины эти, по их показанию, посланы были за покупкою скота.

Между тем приказами и приказаниями по дивизии неоднократно подтверждаемо было, чтобы люди посылались из бивуаков за покупкою различных вещей, за дровами и проч. не иначе как командами и при оружии.

За такое упущение объявляю строгий выговор командиру 3-й стрелковой роты 64-го пехотного Казанского полка, унтер-офицера же Семена Афанасьева по возвращении в роту предписываю арестовать на два дня простым арестом.

При этом еще раз обращаю внимание господ полковых командиров на точное выполнение приказов и приказаний по дивизии.

Генерал-лейтенант Скобелев

---

[52] Название деревни пропущено в подлинном приказе. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

Приказ по войскам 16-й пехотной дивизии 25 ноября 1877 г. № 442 деревня Учин-дол

По рассмотрении отчета комиссии, назначенной для расследования беспорядков по хозяйственной части в Суздальском пехотном полку, обнаружено:

1) Отчетность хозяйственной части в полку не везде сходится с отчетностью в ротах.

2) Отпуск в роты мяса, несмотря на приказы по дивизии, был неравномерен и не достигал фунта с сентября, как то было предписано в приказах по дивизии от 21 и 29 сентября и 11 октября за № 301, 318 и 348.

Роты полка не получали по ½ фунта мяса 20, 21, 22, 27, 28, 30 сентября и 2, 7, 12 октября, по ¾ фунта 23, 24, 25, 26, 29 сентября. С 12 октября выдавалось по одному фунту.

3) Каша в ротах готовилась не ежедневно, вследствие несвоевременного отпуска крупы от полка.

4) Роты не каждый день готовили ужин.

5) При отпуске от полка продуктов в роты не требовалось полком расписок от ротных командиров.

6) Показания ротных командиров обнаружили, что в некоторых ротах пища давалась неудовлетворительная.

В отдельности ротные командиры дали следующие показания:

1-й роты штабс-капитан Фомин, по случаю откомандирования ротного каптенармуса[53] в Парадим, отказался дать сведения о получаемых в роту сухарях, чае, сахаре и спирте.

Пища в его роте неудовлетворительная.

Мяса и сухарей выдается в недостаточном количестве.

---

[53] *Каптенармус* (*фр.*) – унтер-офицер, заведующий ротным, эскадронным или батарейным имуществом и провиантским (в кавалерии – также фуражным) довольствием.

Каша готовилась не всегда. Количество отпускаемого в роты мяса неизвестно штабс-капитану Фомину, так как вся отчетность ведется заведующим хозяйством полка.

2-й роты прапорщик Орел никакой отчетности не представил, ссылаясь на принятие роты с 25 октября.

6-й роты штабс-капитан Зимин показал, что мясо в роты получалось артельщиками и количество его никуда не вписывалось.

7-й роты штабс-капитан Сурнин отказался дать точное сведение о количестве мяса, получаемого в его роту.

8-й роты подпоручик Тисленко показал, что пища в его роте неудовлетворительная. Каша и ужин готовились не каждый день. Сведения о спирте подпоручиком Тисленком не представлены, так как, по его словам, сведения о спирте на весь полк у каптенармуса. Кроме того, подпоручик Тисленко отказался отвечать за точность доставляемых им сведений, так как о числе продуктов, выдаваемых в роты, не отдавалось в приказ по полку.

9-й роты штабс-капитан Вонсяцкий не доставил сведений о мясе, получаемом в его роту.

2-й стрелковой роты подпоручик Брянчанинов доставил наиболее обстоятельные сведения о получаемых в его роту продовольственных припасах.

Заведующий кухнями полка портупей-юнкер Валюжинич показал, что продукты в роты выдавались по раскладке, утверждаемой полковым командиром; что в ротах, вопреки показанию ротных командиров, ежедневно готовилась каша и на ужин кашица.

[…В да]нных беспорядках виновными [п]ризнать: заведующего хозяйством в полку, заведующего кухнями полка и ротных командиров.

Заведующий хозяйственной частью в полку майор Вышневский виновен:

1) В непринятии мер, по нераспорядительности, к точному выполнению приказов по дивизии относительно доведения мясной порции до одного фунта в день на человека.

2) В непринятии мер к своевременному отпуску в части полка сухарей, крупы и спирта.

3) В непринятии мер к установлению более правильной отчетности по довольствию рот, ибо обязан был следить за отчетностью в ротах и докладывать полковому командиру о неисправностях.

Только принимая во внимание заботливость майора Вышневского к образованию экономических сумм в полку, я ограничиваюсь объявлением майору Вышневскому строгого выговора.

Заведующий кухнями полка портупей-юнкер Валюжинич, показавший вопреки заявлению ротных командиров и майора Вышневского, что ежедневно варилась в полку каша, а на ужин кашица, арестовывается мною на один м[есяц с] отправлением служебных обязанностей.

Наказание это предписываю полковому командиру привести в исполнение.

Что касается ротных командиров Суздальского полка, то многими из них выказано полное непонимание своих обязанностей по отношению к довольствию их рот. Каков бы ни был порядок довольствия, от полка или рот, ротный командир остается хозяином роты и должен заботиться о пище солдат и о своевременном удовлетворении их всеми родами довольствия и ответственен как за дурное довольствие роты, так и за правильное наблюдение, чтобы отпущенное полком доходило бы полностью до нижних чинов. В случае недостатка немедленно заявлять словесно и письменно по команде.

Ограничиваюсь на первый раз строгим выговором всем поименованным ротным командирам, за исключением командира 2-й стрелковой роты. Подпоручика Брянчанинова

благодарю за то, что сумел остаться заботливым ротным командиром. Он не забыл, как дорог всякий солдат Государю и России и какая тяжелая нравственная ответственность на всяком, которому Государь вверил жизнь и здоровье своих молодцев.

Предписываю:

1) в каждой из рот Суздальского полка выбрать артель, как то предписано в положении о ротном хозяйстве в Варшавском военном округе 1866 г. § 11.

2) Ежедневный прием продуктов в роты производить непременно при членах артели.

3) Все полученные припасы на текущий день вписывать в съестную книгу (и артельщицкую тетрадь), которые должны сходиться с приказами по полку о числе выданных в роты продуктов.

4) Ротным командирам присутствовать при приеме продуктов по очереди побатальонно, на ответственности командиров батальонов.

Артельщицкая тетрадь ежедневно подписывается дежурным по роте, членами артели и удостоверяется ротным командиром.

Для вписывания сухарей, хлеба, крупы, спирта, чая и сахара в каждой роте должна существовать провиантская книга. При каждой получке ротный командир должен присутствовать лично с каптенармусом и членами артели и затем по вписании получки в книгу должен расписываться в ней.

Каждый ротный командир обязывается ежедневно посещать ротную кухню, пробовать пищу и о всех замеченных им беспорядках по снабжению вверенной ему роты сухарями, крупою, спиртом, чаем, сахаром и маслом доносить немедленно полковому командиру. За исполнением этого должны строго следить полковые и батальонные командиры, самым решительным образом взыскивая с неисполняющих.

Об офицерах, три раза замеченных полковым или батальонными командирами, не исполняющими этого пункта, доносить мне[54].

Засим каждый ротный командир, замеченный мною в небрежном отношении к продовольствию нижних чинов его роты и вообще незаботливости о них, в обширном смысле слова, будет мною отрешаться от должности и более в бытность мою начальником дивизии роты не получит.

Приказ этот обязателен как для командиров рот Владимирского полка, так и для командиров рот Углицкого и Казанского [полков].

Комиссии в составе: председателя майора Байковского, штабс-капитана Бырдина и подпоручиков Повало-Швейковского и Маркова за отчет по расследованию беспорядков в Суздальском пехотном полку объявляю мою искреннюю благодарность.

Предлагаю командирам полков Владимирского, Углицкого и Казанского представить мне расчет экономическим суммам, образовавшимся в полках с 1 сентября по 15 ноября, как по фуражному довольствию, так и от порционного скота.

Приказ этот прочесть во всех ротах.

Генерал-лейтенант Скобелев

Диспозиция по войскам Плевно-Ловченского отряда на 28 ноября. 27 ноября 1877 г. № 443

По полученным генерал-адъютантом Тотлебеном сведениям неприятель сегодня, 28 числа, в два часа утра решил предпринять прорыв по направлению, вероятно, к Виду.

Предписывается:

1) Передовую позицию от Тученицкого оврага до редута Мирковича занять бригадою 30-й пехотной дивизии при че-

---

[54] Эта последняя фраза как будто зачеркнута в подлиннике, точно определить трудно. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

тырех батареях, по усмотрению генерал-майора Боретти. Начальство на передовой позиции принимает генерал-майор Шнитников.

2) Другой бригаде 30-й дивизии оставаться в лагере за Рыжею горою, в полной готовности двинуться по ближайшей дорожке к деревне Радишову.

3) Двум полкам 16-й дивизии: Казанскому и Владимирскому, 9-му Казачьему полку, четырем батареям, четырем картечницам (самым доброконным) завтра в девять часов утра выступить через Медован к Дальнему Дубняку под начальством полковника Лео.

4) Двум остальным полкам 16-й дивизии при четырех батареях под начальством генерал-майора Гренквиста перейти в Учиндол завтра к девяти часам утра, временно занять расположение 3-й стрелковой бригады и остаться в полной готовности, по первому требованию или идти за Вид или поддержать бригаду 30-й дивизии на передовой позиции.

5) Полки, идущие за Вид, берут часть своих обозов (артельные, зарядные ящики, лазаретные линейки).

6) 3-й стрелковой бригаде двинуться завтра с рассветом в место расположения бригады 5-й пехотной дивизии за деревню Гривицу.

7) За этой колонной следуют, по распоряжению начальника штаба, и лазаретные повозки Красного Креста.

Начальник отряда генерал-лейтенант [Скобелев]

6 декабря № 456

По настоящее *время* полками: 61-м Владимирским, 63-м Углицким и 64-м Казанским не доставлено расчетов об экономических суммах от фуража и порционного скота, требуемых приказом по дивизии от 25 ноября за № 442.

Предлагаю господам полковым командирам завтра к десяти часам утра выслать в штаб дивизии по одному офицеру со следующими сведениями:

1) что сделано по сдаче шанцевого инструмента, полученного из инженерного запаса, и принятии такового от полковника Панютина; причем должно быть доставлено точное сведение об оставшемся в настоящее время в полках шанцевом инструменте;

2) какие приняты меры по приготовлению к предстоящему походу,

3) сколько в полках имеется неприкосновенного запаса сухарей, крупы, спирта и прочих продовольственных продуктов,

4) сколько имеется в настоящее время в полках походных палаток и в каком они состоянии и

5) от 61, 63 и 64-го полков доставить сведения об экономии.

Исполнение сего приказа в точности возлагаю на полную ответственность господ полковых командиров.

Генерал-лейтенант Скобелев

Диспозиция[55] для движения 16-й пехотной дивизии 9 декабря 1877 г.

Для предстоящего движения и действий к 16-й пехотной дивизии с ее артиллерией придаются: 4-й саперный батальон и 9-й Донской казачий полк.

Завтрашнего числа с рассветом первый эшелон дивизии, под начальством генерал-майора Гренквиста, в составе: Суздальского полка, Казанского полка, трех батарей, по усмотрению начальника бригады, и *двух рот* 4-го саперного батальона выступает из резервного лагеря дивизии по шоссе к Ловче и следует до деревень Силкова (Silkova) и Сетова (Setova, Seteva), где и останавливается на ночлег: Суздальский полк в первой из них, а Казанский полк с артиллерией и ротами саперного батальона во второй.

---

[55] Эта диспозиция вшита в книгу «Приказов 10-й пехотной дивизии за 1877 г.» после приказа № 458, что следует отнести просто к ошибке переплетчика. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

Кухни первого эшелона, при офицерах и командах с топорами, должны быть отправлены сего числа после обеда с тем, чтобы завтрашнего числа войска, придя на ночлег, нашли бы обед *непременно* готовым. Вместе с кухнями от частей первого эшелона должны быть высланы квартирьеры для развода войск по приходе их на ночлег.

Завтрашнего же числа полки Владимирский и Углицкий переходят в резервный лагерь.

11 декабря войска первого эшелона следуют до города Ловчи. Квартирьеры и кухни эшелона должны быть отправлены накануне после развода войск на ночлег и после обеда. Того же числа второй эшелон из полков Владимирского и Углицкого, *двух батарей и двух рот 4-го саперного батальона* под начальством генерал-майора Томиловского[56] следует до мест ночлега первого эшелона, где и ночует: Углицкий полк в Силкове, а Владимирский с артиллерией и *двумя ротами саперов* в Сетове.

Квартирьеры и кухни второго эшелона *следуют* тем же порядком, который указан для первого эшелона.

Казачий № 9 следует по дороге в город Сельви по усмотрению полкового командира, выступая 10 декабря.

Всем обозам следовать в хвост эшелонов.

В каждом эшелоне для подъема повозок обоза по пути назначать по две роты от каждого полка.

Штабу следовать с первым эшелоном.

Дивизионному лазарету следовать за вторым эшелоном.

---

[56] Военный инженер *Томиловский Петр Петрович* (1828–1878) является изобретателем металлического понтонного парка, стоявшего на вооружении разных стран до середины XX в. Во время Русско-турецкой войны (1877–1878) командовал 63-м пехотным Углицким полком, затем 2-й бригадой 16-й пехотной дивизии. Погиб 13 июля 1878 г. в чине генерал-майора.

Начальнику штаба подполковнику Куропаткину предлагаю отправиться 10 декабря по дороге к городу Сельви для рекогносцировки возможных путей для действий.

Командиру № 9 казачьего полка назначить в каждый эшелон по взводу казаков и в конвой ко мне еще взвод *доброконных*. Взводам этим быть бессменными до прибытия в город Сельви.

Я буду следовать при первом эшелоне.

Генерал-лейтенант Скобелев

9 декабря 1877 г. № 457. Приказ по Отряду генерал-лейтенанта Скобелева

Ввиду предстоящего зимнего похода предлагаю всем начальникам частей обратить особенное внимание на приготовление их частей к походу.

Оружие войск должно быть осмотрено, вычищено и исправлено. В особенности обратить внимание на экстракцию ружей[57]. Помнить, какое затруднение в бою представляли ружья с дурною экстракцией. Запастись во что бы то ни стало деревянным маслом, смазка ружей которым облегчает экстракцию.

Полковнику Панютину предлагаю вооружить четыре роты командуемого им полка ружьями Мартини-Генри, оставив ружья этих рот системы Крынка в городе Плевно в особом складе. На ружья Мартини-Генри взять с собою возможно более патронов, не менее как по 500 на ружье.

Командиру № 9 Донского полка предлагаю осмотреть ружья и шашки казаков, о состоянии их мне донести, а также донести о количестве имеющихся на каждое ружье патронов.

Начальнику 16-й артиллерийской бригады предлагаю донести о числе орудий, которые можно взять с собою в по-

---

[57] *Экстракция* – процесс извлечения стреляной гильзы или патрона из патронника.

ходе; предлагаю осмотреть орудия, снаряды, лошадей, упряжи и о результатах мне донести.

Предлагаю командирам полков оставить в полках шанцевый инструмент по следующему расчету на каждый полк: лопат 900, кирок 75, мотыг 75, топоров 25. Остальной шанцевый инструмент должен быть *оставлен* в Плевно, при карауле из слабосильных людей.

Полковым командирам предлагается внушить людям крайнюю бережливость по отношению к хранению и носке инструмента, а также озаботиться *однообразною* пригонкою его.

Всем начальникам частей осмотреть одежду нижних чинов **и** вычинить что можно. Запасную обувь взять с собою. Недостающее число фуфаек, теплых носков и рукавиц купить по дороге в попутных городах, или посылкою вперед с этой целью особо назначенных лиц. Рекомендуются суконные портянки. Чулки, портянки должны быть вымазаны салом, что предохранит от отмораживания. Сало наилучшее гусиное, затем свиное и бычачье, *последнее только в крайности.* Сало баранье *не допускается*.

Рекомендуются также для покупки болгарские короткие полушубки, которых в каждый полк следует *купить* в городах Ловче и Сельви возможно большее число.

Ранцы, по их дурному состоянию, предлагаю оставить в их настоящих складах, в Плевно и в Боготе, а сухари и солдатские вещи нести в мешках, хорошее состояние которых и достаточные размеры возлагаю на ответственность начальников частей.

Предлагаю командирам полков 16-й дивизии всех слабосильных нижних чинов, признанных такими при осмотре дивизионного врача, оставить в городе Плевно при офицерах и снабдить их аттестатами на прикомандирование к частям Гренадерского корпуса или для передачи их довольствия агенту Горвица и компании.

Для движения все части отряда должны иметь по возможности неприкосновенный запас сухарей, крупы, гурты скота и спирта на 8–10 дней на каждого человека.

На людях нести трехдневный запас сухарей; а пятидневный везти в обозе.

Для спирта закупить возможно большее число болгарских небольших бочонков, годных для перевозки на вьючных лошадях. Вперед, в город Сельви, полезно направить от полков артельщиков, как для закупки этих бочонков, так и для закупки запаса спирту и *скота*.

Полкам запастись солью на трехнедельную или даже месячную пропорцию.

Помнить, что при отсутствии хлеба можно питаться мясом, если есть соль.

Взять с собою весь имеющийся при частях запас кислоты и уксуса.

Сухарный запас, находящийся при частях, при расходовании его растянуть – в день по ¼ или даже по одному фунту и заменять сухари по возможности покупкою по пути хлеба, болгарских лепешек, кукурузы и увеличенною дачею мяса.

Начальникам частей внушить людям о неприкосновенности носимого ими сухарного запаса. Ежедневно делать поверку, чтобы люди не расходовали его без приказания, и с виновных строго взыскивать.

Начальникам частей принять все меры, чтобы нижние чины в походе получали горячую пищу. Допускается как варка в ротных котлах, так и варка в манерках[58].

Желательно варку в котлах делать на обеде, а в манерках на завтраке.

---

[58] Индивидуальный походный металлический котелок с крышкой.

При движении до города Сельви всем частям после обеда высылать кухни вперед на следующий ночлег. При кухнях следов […].[59]

[Генерал-лейтенант Скобелев]

10 декабря 1877 г. № 458 деревня Сетово. Приказ по Отряду генерал-лейтенанта Скобелева

Обращаю внимание полковых командиров на необходимость озаботиться по прибытии на места ночлегов о кормлении лошадей и волов. Не совсем успешное движение обоза сегодня я приписываю изнурению как тех, так и других. Вообще хвосты обозов шли в полном беспорядке, повозки ломались от небрежности возчиков, не избегавших [попадания в] замороженны[е] коле[и].

Предлагаю начальникам эшелонов назначать дежурных офицеров по эшелонам, на обязанности которых должно лежать и наблюдение за порядком в обозах.

Вообще повозки слишком нагружены, так, например в 12-й роте 62-го Суздальского полка везли несколько телег с воловьими шкурами. Не отвергая пользу подобных хозяйственных распоряжений в роте, я, однако, думаю, было бы целесообразнее отправить эти шкуры особо, не задерживая войскового обоза.

Повозки шли вперемешку: артельные повозки с запасными продуктами впереди патронных ящиков и т. д.

Прошу начальников эшелонов на будущее время определить порядок движения обозов.

---

[59] Конец настоящего приказа отсутствует и в подлинной книге приказов по 16-й пехотной дивизии за 1877 год; очевидно, что он исчез давно, так как и в издании инженер-капитана Маслова 1882 года приказ № 457 закончен словами «на следующем ночлеге». Самый приказ, написанный *лиловыми* чернилами, носит много помарок, вычеркиваний, запятых и вставок, сделанных черными чернилами рукою Скобелева. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

Людям, конвоирующим обоз, иметь при себе веревки (лямки).

Прошу полковых командиров негодных лошадей и волов заменять покупкою или обменом у жителей. Расходы на этот предмет мною будут утверждены.

Еще раз обращаю внимание начальников отдельных частей на необходимость высылки кухонь вперед и на принятие самых энергичных мер, чтобы ко времени прихода людей на ночлег горячая пища всегда была готова.

Сегодня не прибыли согласно диспозиции кухни 2-й стрелковой роты 64-го пехотного Казанского полка. Желательно, чтобы впредь этого не было.

Вообще люди шли хорошо, отсталых было мало, но самовольно отсталых я вообще не допускаю. Солдат может отстать или по приказанию начальника, или по болезни, как в том, так и другом случае не без ведома ротных или полубатарейных командиров. Поэтому предписываю строго взыскивать со всех самовольно отстающих.

Ротные командиры должны всегда иметь в памяти подробный расход роты и мочь дать отчет на словах.

Прошу начальников частей тотчас по приходе на место ночлега, а во время дурной погоды и на привале, убеждаться, что у них нет ознобленных людей, и в случае ознобления принять все меры.

Особенно избегать на походе людям мочить ноги.

По приходе на дневку начальники частей обязаны осмотреть сапоги и исправлять их постепенно и вообще держать их в постоянной исправности, для чего людям иметь при себе материал.

Сегодня замечено мною, что у многих еще не вычернены сапоги[60], предписываю по прибытии в Ловчу вычернить и вообще сделать общую смазку сапог.

---

[60] *Вычернение сапог* – чистка и натирание сапог ваксой.

При осмотре мною сегодня кухонь оказалось:

1) Кухни Суздальского полка пришли на место слишком поздно.

2) В ротах Казанского полка пища мною найдена удовлетворительною.

По исправности пища найдена мною в следующей постепенности:

1) в 11-й и 6-й ротах,

2) в 9-й и 7-й ротах,

3) в 1-й и 8-й ротах и

4) в 5-й роте пища была неудовлетворительна.

В прочих ротах этого полка люди уже пообедали, за исключением 2-й стрелковой, кухни коей еще не прибыли.

Прошу полковых командиров озаботиться, чтобы по расчету людей на походе имелись вязанки сухих дров на случай, если бы полк был застигнут в поле в ненастье и в сильный мороз, дабы всегда иметь возможность развести костер и кипятить чай по приказанию.

В хвосте полковых обозов следовать дежурному по эшелону врачу с несколькими санитарами и лазаретной линейкой. При этой линейке иметь несколько казаков, ежедневно сменяемых.

Генерал-лейтенант [Скобелев]

11 декабря 1877 г. № 459 город Ловча. Приказ по Отряду генерал-лейтенанта Скобелева

Предписываю первому эшелону отряда выступить из города Ловчи завтра 12-го декабря; в 5 часов утра выступить голове колонны и следовать до Сельви.

Кухни полков и батарей выслать теперь же, которым, по прибытии в город Сельви, немедленно приступить к приготовлению пищи с тем, чтобы к приходу частей горячая пища была готова.

От каждого полка и батарей теперь же выслать в город Сельви офицеров-квартирьеров, которым явиться [к] начальнику штаба дивизии и по его распоряжению занять квартиры.

Обозы полков и батарей, накормивши лошадей, *выступают по распоряжению генерал-майор Гренквиста.* В прикрытие к обозу назначить от каждого полка по *две* роты, которым иметь с собою по фунту мяса **и** *запасный спирт*.

Второму эшелону 13-го декабря перейти из города Ловчи в город Сельви тем же порядком, который предписан первому эшелону.

Предлагаю подпоручику Баранку нанять возможно большее число воловых подвод, как для облегчения грузов на слабосильных повозках, так и в особенности для отстающих слабосильных людей.

Из шести следующих при эшелоне госпитальных повозок назначить две в хвост колонны позади обоза при особо назначенных генерал-майором Гренквистом двух медиках с санитарами. При этих повозках, кроме обыкновенных госпитальных принадлежностей, иметь […][61] ведер спирта, для согревания отстающих[62], как слабосильных, так и обозных нижних чинов, по свойству службы, при теперешнем трудном следовании обозов, более других подверженных случайностям от ознобления.

Для надзора за обозами назначить одного офицера на полк и одного от батарей эшелона для наблюдения: 1) за порядком следования, 2) за успехом движения, для чего принимать все возможные по пути меры для облегчения

---

[61] Цифру в подлиннике разобрать нельзя, во всяком случае, она однозначная. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

[62] Вероятно, следует [читать] «отстающих». (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

следования, 3) за нижними чинами, находящимися при обозе и 4) вообще за тылом колонны во всех отношениях.

Начальником вагенбурга и конвоя назначается майор Нефедьев. Так как нельзя надеяться, чтобы обоз мог следовать за колонною войск, и так как кухни частей уже отправлены вперед, то остальной обоз следует со своим конвоем особою колонною по усмотрению майора Нефедьева, по возможности не изнуряя лошадей и волов. В случае необходимой более продолжительной остановки начальнику вагенбурга озаботиться немедленным разведением костров, для чего иметь топоры, и вообще прошу неустанно заботиться о людях и не допускать отсталых ни от колонны войск, ни от обоза. Наблюдать за окрестностями до ночи, для чего назначены казаки.

Полагаю полезным в голове колонны обоза иметь команду с кирками и топорами для исправления на более трудных местах оледеневших подъемов.

9-й Казачий полк, отделив вагенбургу 20 человек казаков в распоряжение начальника оного, следует в Сельви, по усмотрению командира полка.

Подробности движения эшелона войск с артиллерией, порядок его следования возлагаются на генерал-майора Гренквиста и Томиловского. В распоряжение генерал-майора Гренквиста назначается знакомый с местностью сотник Харанов.

Еще раз напоминаю об исполнении в точности приказа по дивизии за № […][63].

Относительно следования обоза генерал-майор Томиловский руководствуется вышеизложенным.

Спирт иметь также при полках.

Генерал-лейтенант Скобелев

---

[63] Номер пропущен и в подлиннике. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

Приказ по Отряду генерал-лейтенанта Скобелева 14 декабря 1877 г. № 460 город Сельви

Вчерашнего числа в городе Ловче мною встречен был рядовой 3-го дивизионного летучего парка Мирон Савельев, продававший выданные ему казенные новые сапоги.

Предписав командиру парка предать суду названного рядового за растрату казенных вещей, прошу начальников отдельных частей внушить всем нижним чинам, что и в мирное время растрата солдатом выданных ему вещей преследовалась судом, а в военное – виновные в сем будут наказаны по всей строгости законов.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 461 (14 декабря)

Замечено мною, что еще до настоящего времени не у всех нижних чинов вычернены и смазаны сапоги, в особенности это замечается у нестроевых. Предписываю по прибытии в город Сельви немедленно вычернить. Если и после всего будут встречаться люди в нечерненых сапогах, то с виновных начальников частей будет взыскано как за неисполнение приказа по отряду.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 462 (14 декабря)

Проезжая того же числа из города Ловчи в Сельви, я встретил 62-го Суздальского полка рядовых: 7-й роты Антона Павлова; 3-й роты Алексея Самоменцева, Осипа Мурзу, Дементия Мартынова, Сергея Пубукова, Перца Менкеля, Никона Сергеева, Григория Фомина, Лаврентия Писарева, Емельяна Дорого, Федора Самосура; 5-й роты унтер-офицера Якова Пономарева и рядового Ивана Кузмина; 64-го Казанского полка рядовых: 7-й роты Рыськина, 8-й роты Макара Иванова и нестроевой Максима Лобастова; 3-й батареи ка-

нонира Савелия Наумова, несколько нижних чинов 4-й батареи и 4-го саперного батальона. Все эти нижние чины отстали самовольно от своих частей и следовали по одному, по два, по три – в разброде, не имея никакого солдатского *бравого* вида.

Предписываю начальникам частей на первый раз сделать строгое взыскание с помянутых нижних чинов и внушить им, что если и после этого они станут отставать, то будут преданы суду как за уклонение от службы.

Еще раз предлагаю принять самые строгие меры к точному исполнению приказа по отряду № 458.

Подполковнику Мосцевому объявляю мою искреннюю благодарность за отличное состояние и порядок на марше командуемого им батальона, *конвоировавшего обоз полка*.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

№ 463 (14 декабря)

Предлагаю командирам полков осмотреть обувь нижних чинов и донести о числе стоптанных сапог, приняв немедленно меры к починке их.

Предлагаю господам полковым и батарейным командирам предписать медикам осмотреть ноги нижних чинов и списки нижних чинов со стертыми ногами представить ко мне.

Предлагаю начальникам частей отыскать городские бани, устроить бани, если городских не окажется, и начать водить нижних чинов партиями, требуя, чтобы все перемылись.

Предлагаю ротным командирам время от времени досматривать ноги нижних чинов и требовать чистоты их содержания.

Генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по 16-й пехотной дивизии 20 декабря 1877 г. № 467

Сего числа на улицах города я встретил несколько человек нижних чинов 63-го Углицкого полка, шатающихся, по-видимому, без всякой цели и большинство из них –

пьяные. К крайнему моему неудовольствию, люди эти одеты были весьма неопрятно и грязно; шинели оборваны, шапки выпачканы мукой и тестом, вместо портупей некоторые были опоясаны веревками, пояса надеты небрежно, патронные сумки совершенно назади, амуниция у всех невычищенная и истрепанная.

Прошу господ полковых командиров, обратив внимание на приведение в исправность мундирной одежды и амуниции, отнюдь не допускать, чтобы нижние чины *были бы неряшливо одеты; одежда может быть старая, но не изорванная; амуниция же и оружие всегда должны быть в исправном виде; требую от всех чинов в дивизии приличного воинского вида.*

Генерал-лейтенант Скобелев

Приказ на 18 декабря по Отряду генерала Скобелева

Завтра полки Углицкий, Казанский, 4-я батарея и две роты саперов выступают под общим начальством генерал-майора Гренквиста к Габрову в деревни Новаковицы, Армени и Враниловцы.

Полку Суздальскому и 1, 2, 3 и 6-й батареям оставаться в г. Сельви, Казачьему полку в деревне Чадырли, Владимирскому полку в деревне Рахово, дивизионному лазарету в деревне Боготов вперед до особого приказания.

Начальник отряда генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Отряду генерал-лейтенанта Скобелева. 18 декабря 1877 г. город Сельви

I

Завтра с рассветом генерал-майору Томиловскому выступить по дороге в Габрово с вверенной ему бригадой.

Порядок следования: 62-й Суздальский полк со своим обозом и 61-й Владимирский полк со своим обозом.

Суздальскому полку собираться и выступить двумя часами позже 61-го Владимирского полка.

Бригаде ночевать в деревнях: Новаковцы, Армени и Враниловцы (на тех местах, где сегодня ночует 2-я бригада).

Кухням и квартирьерам отправиться сего числа.

II

Отряду генерала Гренквиста завтра, 19 декабря, перейти тем же порядком, как следовал и сегодня, к деревне Нетовцы, находящейся в восьми верстах за Габровом у Чертова моста вправо от шоссе.

Генерал-лейтенант Скобелев

Приказ этот сообщить немедленно
г[енерал]-м[айору] Столетову и Блофиельду.

Приказ[64] по 16-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Скобелева. 20 декабря 1877 г. № 469 город Габрово

Ввиду движения вверенного мне отряда в горы предписываю теперь же приступить к окончательному приготовлению в походе, согласно указаниям, сделанным мною лично господам начальникам частей.

Выступая в походе, части должны иметь с собою восьмидневный запас: сухарей (по два фунта на человека в день), крупы, соли и различных припасов, чая, сахара, спирта (по ½ чарки на человека в день) и ячменя, *сколько имеется в полках и батареях. Собранный ячмень реквизиционным способом и полученный из Габровского интендантского склада иметь в Габрове в неприкосновенном складе, по раздаче полкам 16-й пехотной дивизии и батареям четырехдневного запаса ячменя по 228 пудов на*

---

[64] Этот приказ Скобелева изобилует характерными пометками, исправлениями и вставками генерала. Все написанное самим Скобелевым легко отличить по другому цвету чернил, чем основной текст приказа. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

полк[65]. Сухарный запас на четыре дня раздать людям на руки, а на четыре везти на вьюках.

Патронов иметь по 172 на каждого человека, из коих по 96 патронов на руках у людей и по 76 на вьюках.

При расчете вышеупомянутых запасов и патронов принять за среднее число по 140 человек в роте.

Лошадей этих принять в городе Габрове 23 декабря от подполковника Шарова с *вьючными седлами в 12 часов дня*.

Для дивизии потребно вьючных седел 1048 (по 262 на полк). Кроме того, предполагается к доставке: из Сельви 300 седел, Тырново – 100 и Габрово – 300 и 150 саней, а всего 700. Недостает 346[66].

Ввиду сего прошу начальников частей энергически приступить к закупке и заготовлению возможно большего числа вьючных седел, так как поименованное число седел хотя и назначено, но может быть не доставлено. Вообще необходимо приспособить обозных лошадей в необходимом количестве без вьючных седел для грузки по усмотрению командиров полков.

Частям отряда иметь восьмидневный запас порционного скота, который и гнать в вагенбурге. Полковым командирам теперь же озаботиться пополнением запаса скота. Озаботиться также получкой консервов.

Для перевозки спирта частям немедленно закупить нужное число небольших бочонков.

Запас сухарей, крупы, чая, сахара, спирта полкам, в которых недостает, получить из интендантского склада, причем чаю и сахара во время движения давать по два раза в день.

---

[65] Эта фраза, точно скопированная здесь, совершенно искажена в издании инженер-капитана Маслова в 1882 году «Приказы генерала Скобелева». (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

[66] Все цифры, видимо, проверены генералом Скобелевым, но тем не менее проследить правильность итогов по приказу нельзя. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

Мелочные продукты, как то: лук, перец и проч., иметь тоже на восемь дней и выдать их людям на руки.

Частям котлов с собою не брать, а выдавать продукты людям на руки для приготовления пищи в котелках, причем каждому человеку обязательно выдавать по фунту мяса.

Частям взять в поход аптечные вьюки без одноколок, проверив, имеется ли в них все положенное, а также взять санитарные ранцы, проверив число перевязок с таким расчетом, чтобы в отряде имелось на передовых перевязочных пунктах 5000 перевязок и при дивизионном подвижном лазарете 10 000 перевязок.

1) При полках быть вьючным лошадям под аптеки по шесть на полк, из коих две для больных или раненых.

2) Было бы желательно иметь при каждом полку одну tente-abri[67].

3) Этапные лазаретные пункты: в Зеленом-древе в хатах. Там должны быть одни сани от подвижного лазарета и семь вьючных лошадей, хотя бы голых, от лазаретного обоза. Врачи, перевязочные средства, согревающие средства по распоряжению дивизионного врача.

4) Другой этапный пункт будет в Топлице – размеры по распоряжению дивизионного врача – пообширнее.

5) Устройство тыла лежит на медицинском начальстве[68].

Полковым командирам теперь же проверить число и состояние санитарных носилок, привести их в должный вид и, в случае надобности, заготовить, не придерживаясь установленной формы.

---

[67] *Tente-abri* (*фр.*) – походная палатка.

[68] Все эти пять пунктов написаны рукою генерала Скобелева дополнительно на особом листке, помеченном «*Начальник штаба*» «*Габрово. 21.XII.1877*». Листок вшит в книгу приказов. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

Весь колесный обоз оставить в Габрове, оставив при нем слабосильные команды. Начальство над вагенбургом дивизии поручается казначею Углицкого полка – помощником к нему Владимирского полка прапорщик Шатилов. Обозы сосредоточить к одному пункту именно на плаце города Габрова при въезде из города Сельви. Офицерский обоз тоже оставить. Затем все подъемные лошади форменного и неформенного обозов, по вышеназванному расчету, должны быть взяты под вьюки.

Патроны взять из патронных ящиков все без остатка и навьючить на здоровых и сильных лошадей непременно с вьюками. Патронные вьюки следуют за ротами.

Обязываю кормить и вьючных животных, поставленных от населения, помня, что сохранить их в интересах славы дивизии.

С проводниками и возчиками обращаться ласково, не отказывая им в горячей пище, а буде возможно и в порции спирта; но наблюдать за ними, для чего к каждому обозу полка придать по два казака.

Прошу гг. начальников частей обратить внимание, чтобы люди не обременяли себя в походе лишними вещами. Не зачем брать солдату двух пар сапог, лучше поделиться с нуждающимся товарищем, но само собою разумеется, что шило и дратва у сапожника, иголка и нитка у портного обязательны.

Напоминаю частям мои приказы за №№ 394, 457.

Винтовки теперь же во всех частях осмотреть и привести в порядок; деревянное масло иметь у людей на руках и проверить количество патронов.

Полковым врачам теперь же проверить число санитаров.

В походе гг. генералам, штаб и обер-офицерам разрешается иметь лошадей с вьюками: бригадным командирам по две, полковым и батальонным командирам по одной, адъютантам по одной и по одной на роту для состоящих в ней офицеров.

Кроме того, офицеры могут иметь верховых лошадей.

Для перевозки денежной казначейской сумки и самых необходимых канцелярских дел иметь по одному вьюку каждой отдельной части.

О времени движения будет объявлено особо.

Генерал-лейтенант Скобелев

21 декабря № 470

Высочайшим приказом 6-го ноября сего года произведен за отличия по службе исполняющий должность начальника штаба вверенной мне дивизии Генерального штаба капитан Куропаткин в подполковники.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

Приказы по авангарду действующей армии за 1878 г.[69]

Эски-Загра 4 января 1878 г. № 3[70]

Вверенная мне дивизия сего числа выступила против приказа часом позже; не входя в разбирательство причин подобного равнодушного отношения к делам службы, я на первый раз ограничиваюсь строгим выговором всем начальникам частей и прошу их на будущее время избавить меня от печальной необходимости напоминать им о значении исполнительности на войне.

Молодцам-стрелкам 3-й и 4-й стрелковых бригад мое искреннее и душевное спасибо.

Приказ этот прочесть во всех ротах.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

Приказ по Авангарду действующей армии. 10 января 1878 г. № 12 город Адрианополь

Поздравляю вверенные мне храбрые войска с занятием второй столицы Турции. Вашею выносливостью, терпением, храбростью приобретен этот успех.

Великий князь Главнокомандующий приказал мне благодарить всех. Порадовали Вы Государя Императора, порадовали нашего Августейшего вождя, порадовали всю Россию.

---

[69] Точный заголовок книги приказов, хранящейся в штабе 16-й пехотной дивизии. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

[70] Приказа этого в книге приказов по Авангарду действующей армии за 1878 год, хранящейся в штабе 16-й пехотной дивизии, нет, и в настоящий труд он целиком перепечатан из сборника «Приказов генерала М. Д. Скобелева», изданного в 1882 г. под редакцией инженер-капитана Маслова. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

Отдавая Вам должную справедливость, не могу, однако, Вам не высказать, что за последние дни я заметил некоторую распущенность. На вчерашнем переходе из Хоскиоя было слишком много отсталых, я даже заметил некоторых из нижних чинов, которые, забывая честь мундира, оставляли ряды с целью грабежа.

Обращаюсь ко всем начальникам частей, ко всем господам офицерам, ко всем честным солдатам вверенных мне доблестных войск и напоминаю им, что на нас, счастливцев, Авангард действующей армии, обращены взоры всей России, всего мира.

Да избавит нас Господь от искушений […].

Сохраним во всей чистоте славу Русского имени и славу полков, поддержанную в эту войну ценою крови.

Предупреждаю все чины вверенного мне отряда, что за всякую самовольную отлучку от частей, не говоря уже о мародерстве, пьянстве и преступлениях, предусмотренных законами военного времени, виновные будут преданы полевому суду.

Всякий случай мародерства будет признаваться мною доказательством бездействия власти начальников частей. Приказ этот прочесть во всех ротах, сотнях, эскадронах и батареях.

Подлинный подписал:
начальник Авангарда действующей армии,
Генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии. 10 января 1878 г. № 13 город Адрианополь

Ввиду сильного уменьшения состава казачьих частей и необходимости сохранения боевой силы оных предписываю вперед от казачьих полков содержать только следующие наряды впредь до изменения:

1) Ко мне и в штаб моего отряда тридцать человек.

2) Ко всякому начальнику или командующему дивизией по шесть казаков.

3) Ко всякому командиру стрелковой бригады по четыре казака.

4) В распоряжение Адрианопольского коменданта одна сотня возможно полного состава.

5) Для содержания почты от Эски-Загры до Адрианополя по усмотрению начальника кавалерии Авангарда армии две сотни, а если возможно, и менее.

Остальных казаков по распоряжению господ полковых командиров казачьих полков присоединить к своим полкам.

Определенные настоящим приказом наряды производить по усмотрению начальника кавалерии Авангарда армии генерал-лейтенанта Дохтурова[71] с завтрашнего же числа.

Подписал:
начальник Авангарда действующей армии,
Генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии. 15 января 1878 г. № 18 город Адрианополь

[…]

III

Ввиду предстоящего движения к Константинополю строжайше подтверждается приказ мой от 3 января за № 2

---

[71] *Дохтуров Михаил Николаевич* (1824–1911) начал службу в 1843 г. В 1859 г. был произведен в полковники и возглавил государственное конно-заводство, поставив себе целью улучшить качества российских скаковых пород. В 1874 г. назначен командующим 1-й кавалерийской дивизии; два года спустя произведен в генерал-лейтенанты. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. со своей дивизией принимал участие в боевых действиях. После падения Плевны во главе трех полков и конно-артиллерийской батареи перешел Балканы по Иметлийскому перевалу и соединился с колонной Скобелева.

относительно обозов. Предупреждаю господ начальников частей, что, если во время похода будут замечены мною какие бы то ни было лишние повозки или даже вьюки, то я прикажу таковые сжечь. Ответственность же падает прямо на начальника той части, в которой этот беспорядок будет замечен. Повторяю, что кроме вьюков или повозок с патронами (возможно больше), с сухарями и хлебом, с водкою и положенное число вьюков для офицеров, я не допускаю другого обоза. Весь остальной хлам предписываю бросить в Адрианополе.

[…]

Подписал:
начальник Авангарда действующей армии,
генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии. 17 января 1878 г. город Люле-Бургас № 20

Подтверждается к исполнению приказ мой за № 12 перед вступлением в Адрианополь, за исключением касающегося занятия жилых помещений. Войскам соблюдать на квартирах строгую дисциплину. Предупреждаю, что в случае нарушения ее, кроме законного наказания, которое постигнет виновных, целые части, которые будут замечены в неисполнении этого приказа, будут выведены мною из города и поставлены бивуаком, несмотря на непогоду.

Командирам частей хлеб и сухари растягивать по возможности, давая мяса вволю.

В Люле-Бургасе все проходящие части получают по ½ фунта хлеба или сухарей на два дня, так как я надеюсь сосредоточить продовольственные запасы в достаточном количестве не ранее как в Чорлу. О дневках последует особое распоряжение.

Подписал: начальник Авангарда,
генерал-лейтенант Скобелев

18-го января 1878 г. № 21[72]

Прибывающим войскам в город Люле-Бургас располагаться по квартирам по указанию высланных вперед от части офицеров.

Еще раз напоминаю, что в случае беспорядков части, в которых окажутся виновные все, будут выведены из города и расположены бивуаком.

Для наблюдения за порядком в городе выслать от каждой части патрули вокруг расположения этой части. Сохранение порядка в каждом квартале лежит на ответственности начальника части, расположенной в оном.

Ввиду легко возможных, страшных по последствиям пожаров, предписываю начальникам частей принять всевозможные меры к предотвращению оных.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

Приказ по Авангарду действующей армии. 19 января 1878 г. № 24. Город Люле-Бургас

Несмотря на неоднократные мои приказания и приказы о соблюдении порядка, дисциплины при постое вверенных мне войск на квартирах, я, к сожалению, узнаю, что на это начальниками частей не обращается достаточного внимания.

Сего числа снова поступили ко мне жалобы на поведение нижних чинов, которые позволяют себе грабить лавки и вообще производить беспорядки.

Отправившийся, по указанию жалующихся, на место беспорядков начальник штаба отряда доложил мне, что солдаты разных частей действительно сотнями рассыпались по

---

[72] Приказ этот тоже взят целиком из сборника, редактированного инженер-капитаном Масловым; в книге приказов, хранящейся в штабе 16-й пехотной дивизии, приказа № 21 нет. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

улицам города, целыми шайками вламываются в лавки и дома, где берут все, что попадается им под руку.

Между прочими и остановлен им унтер-офицер 11-й роты Углицкого полка Поршаков.

Обращая снова внимание господ начальников на такое неисполнение вверенными им частями моих приказов, я полковнику Панютину ставлю последнее на вид, причем ему предписываю:

1) 11-ю роту немедленно вывести из города и поставить на бивуак в поле не ближе двух верст от города. При роте находиться на бивуаке непременно и господам офицерам. Возвратить роту в город по моему особому приказанию.

2) Ротный командир 11-й роты арестовывается мною на двое суток домашним арестом с исполнением обязанностей службы.

3) Капральный того взвода 11-й роты Углицкого полка и унтер-офицер этой роты Поршаков разжаловываются в рядовые.

Приказ этот прочесть во всех ротах и батареях, эскадронах и сотнях Авангарда.

Подписал: генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии. 19 января 1878 г. № 26, город Люле-Бургас

Завтра вверенному мне отряду выступить к Чорлу двумя колоннами в два перехода.

1) Правая под начальством генерал-майора Томиловского.

Состав колонны:

4-я стрелковая бригада;

1-я бригада 16-й пехотной дивизии;

восемь человек Лейб-гвардии Уланского полка.

Колонне этой двигаться без всякого обоза по полотну железной дороги. Ночлеги назначаются: для 1-й бригады 16-й пехотной дивизии в Боле Ходжа, 4-й стрелковой бригаде

на железной дороге у *Садлера* и Чифликкиоя. Частям иметь двухдневное довольствие хлебом или галетами по одному фунту в день на человека и продуктами на людях, мяса не менее трех фунтов на человека. Мясо иметь также при себе.

2) Левая колонна под начальством генерал-майора Блофиельда:

Состав колонны:

Три батальона 3-й стрелковой бригады;

Лейб-гвардии конная Наследника Цесаревича батарея;

обозы всех частей, следующих по полотну железной дороги;

восемь человек Лейб-гвардии Уланского полка.

Ночлег назначается в Кариштеране.

Хотя и предписано мною от всех частей правой колонны оставить при обозе команды соответствующей численности, но, тем не менее, благополучное следование всех обозов до Чорлу возлагается на попечение генерал-майора Блофиельда. Само собою разумеется, что батарея должна прибыть с бригадою.

В авангарде следует до Корештераны впереди левой колонны, не входя в состав оной, дивизион Лейб-гвардии Уланского полка; после ночлега в Корештеране весь Уланский полк следует в авангард до Чорлу. Выступление:

а) кавалерии в $7^1/_2$ часов утра;

б) пехоте в 8 часов утра;

в) артиллерия при пехоте.

Движение производить в полном порядке, соблюдая в особенности на ночлеге все военные предосторожности.

Для сведения сообщаю:

Неприятель сосредоточен в числе до 50-ти тысяч, при 200-х орудиях у Хадынскиоя и Чаталджи. Черкескиой на железной дороге за Чорлу занят неприятельскою кавалерией. Со стороны Кирк Килисы казаки доносят, что в той местно-

сти есть неприятельские шайки. По слухам, неприятель еще не очистил Родоста и Силиврьі.

Наша кавалерия занимает Айроболь Чорлу, Сарай Бунар – Гусар и Кирк Килису.

Прошу всех начальников частей доставлять ежедневно в отрядный штаб сведения о количестве хлеба, ими получаемого, из устроенных в Люле-Бургасе и Чорлу хлебопекарен.

Подтверждается для исполнения посылать от всех частей к 9-ти часам вечера офицеров в штаб отряда за приказаниями в пунктах расположения этих частей совместно со штабом Авангарда.

Подлинный подписал:
начальник Авангарда действующей армии,
генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии. 4 февраля 1878 г. № 34 город Чаталджа

[…]

III

Мною замечено, что приказание мое относительно очищения города от валяющихся трупов и нечистот вяло приводится в исполнение. Точно так же до сведения моего доходит, что в городе Чаталджа квартирующими здесь войсками беспрестанно производятся беспорядки, грабежи и другие обиды местным жителям, на что служат указанием неоднократные жалобы, представляемые мне последними.

Обращая на это внимание коменданта города полковника Панютина, я требую, чтобы им были приняты немедленные и энергические меры к предотвращению подобных явлений. Ежедневно в 11 часов дня коменданту являться ко мне с подробным донесеньем.

IV

[…]

V

От заведующего железнодорожными и телеграфными сообщениями на занимаемом нами районе представлена жалоба относительно уничтожения нижними чинами телеграфных столбов и употребление последних как топлива.

Господам частным начальникам строжайше подтвердить во вверенных им частях, чтобы нижние чины отнюдь не дозволяли себе трогать ни телеграфных столбов, ни шпал и вообще никаких материалов, собранных правлением железных дорог на линии и могущих служить для исправления последней, под ответственностью по полевым уголовным законам.

Подписал:
начальник Авангарда армии,
генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии, февраля 18 дня 1878 г. № 47 город Чаталджа

Завтра, 19 февраля, вверенному мне Авангарду выступить по направлению к Константинополю:

1) Первая колонна из дивизиона московских драгун, Санкт-Петербургского Уланского и № 1-го Донского казачьего полков, 1-й конной батареи под начальством генерал-лейтенанта Дохтурова, собравшись у селения Накас, следует мимо селения Ясы-Ерен, через Тусун-Киой, Аязмы и Арнаут-Киой к Богаз-Киою. Квартиры занять в Арнаут-Киое, Богаз-Киое и Боклудже.

2) Вторая колонна из трех полков 30-й пехотной дивизии и горной батареи под начальством генерал-майора Шнитни-

кова[73], собравшись в Орджунмо, следует через новые мосты по реке Карасу и Чифлик-Грума к Ташалыку, где и ночует. Горная батарея, не заходя в Орджунмо, следует прямо к мостам по Карасу.

3) 2-я бригада 16-й пехотной дивизии, дивизион драгун, Суздальский пехотный полк и вся полевая артиллерия под начальством генерал-майора Томиловского переходят в Беюк-Чекмедже.

4) Я буду находиться при 3-й колонне.

5) Всем частям иметь при себе довольствие на четыре дня.

6) О движении на 20-е число последует особое приказание.

Подписал: генерал-лейтенант Скобелев

[село] Св. Георгий 22 февраля 1878 г. № 50[74]

Вследствие расположения значительной части войск вверенного мне авангарда бивуаком предписываю:

1) *Людям, которые живут не под крышами, тотчас по получении настоящего приказа приступить к устройству землянок или же закрытий, пользуясь стенами заборов и домов.* Работы эти произвести самым усиленным образом, чтобы в частях, расположенных: в Св. Георгии, Шамларе, Арнауткиое, Богоскиое, Боклудже и Хадымкиое, через сутки, а в прочих местах через двое суток, по начатии их, люди имели бы закрытия от ветра и непогоды. Делаю различие во времени устройства закрытий соответственно большей или меньшей близости кустарника.

---

[73] *Шнитников Николай Федорович* (1823–1881) – участник подавления Венгерской революции (1848–1849), Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войн.

[74] Приказ № 50 взят целиком из сборника, редактированного инженер-капитаном Масловым в 1882 г.; в книге приказов, хранящейся в штабе 16-й пехотной дивизии, этого приказа нет. (*Примеч. С. Л. Маркова.*)

2) Немедленно отвести места для кухонь, боен и отхожих мест. Последние ежедневно засыпать слоем земли, и по наполнении их засыпать слоем не менее аршина и вырывать новые. Всю падаль в местах расположения войск зарыть на глубине не менее двух аршин. Обращаю особенное внимание на поддержание чистоты, так как при настоящем, по необходимости, скученном расположении войск неопрятность может повести к заболеванию людей.

3) Для наблюдения за чистотою в каждом месте расположения войск назначить офицера. Но это не избавляет от ответственности за несоблюдение чистоты и опрятности в районе квартирования: а) старшего начальника; б) дежурного офицера.

4) Все указания врачей относительно сбережения здоровья людей выслушивать и, насколько окажется возможным, приводить в исполнение.

5) Под околотки отвести лучшие помещения.

6) Отрядный лазарет перевести в Св. Георгий. Для выбора помещения под этот лазарет (80 кроватей) завтра собраться комиссии из всех врачей под председательством коменданта. Комиссия эта имеет [право] осмотреть все наиболее подходящие помещения, не исключая и моего собственного, и составить соображения, какие желательно было бы сделать приспособления в помещениях ими избранных; акт предоставить мне завтра.

7) Труднобольных 30-й дивизии эвакуировать в город Адрианополь. Прошу генерал-майора Шнитникова представить завтра письменно соображения насчет устройства санитарной части в районе расположения 30-й пехотной дивизии.

8) Обратить особенное внимание на пищу людей. Отпуск мяса ни в каком случае не должен быть менее одного фунта. Прошу начальников дивизии и бригаду Авангарда представить к 24 числу февраля свои соображения о возможности

довольствия людей усиленной дачею мяса. Командирам полков 16-й пехотной дивизии представить мне отчет о состоянии имеющихся в ротах и полках экономических сумм и о предстоящих в близком будущем экстраординарных расходах, которые мною будут утверждены, если они по существу своему направлены к обеспечению, в обширном смысле слова, быта нижних чинов.

В тех частях Авангарда, в которых пища приготовляется не в ротных котлах, а в котелках, не менее фунта мяса должно выдаваться без костей, а в частях, имеющих артельные котлы, не менее фунта мяса с костями.

Предписываю, чтобы люди имели овощи, для чего начальникам частей немедленно сделать соответствующие распоряжения. О таковых в 16-й дивизии донести мне со всей подробностью.

9) Представить мне самые подробные сведения о настоящем порядке довольствия людей.

10) Заготовить дрова, для чего послать команды с получением сего. В холодную погоду постоянно поддерживать огни.

[Генерал-лейтенант Скобелев]

Приказ по Авангарду действующей армии. 22 февраля 1878 г. № 52

Войска вверенного мне Авангарда!

После славной победы под Шейновом, где Вы уничтожили 60 неприятельских батальонов, взяли 104 орудия, Вы не дошли, а долетели до стен Константинополя.

Ваше молодечество преодолело все трудности, и когда Вы под стенами Царьграда грозно предстали пред неприятелем, побежденная Турция просила у нашего Главнокомандующего мира. 19-го февраля в 6 часов вечера подписан славный мир между Турцией и Россией, мир, купленный дорогой ценою Ваших усилий и Вашей крови.

Отныне мы стоим здесь в стране дружественной. Отношения наши к побежденному народу должны быть не только законно правильными, но и великодушными, ибо храброе Русское войско искони не умело бить лежачего врага.

Я не сомневаюсь, что все чины вверенных мне войск вполне поймут их новые отношения, которые со дня заключения мира должны существовать между нами и жителями той страны, которую занимают Русские войска.

По приказанию Его Императорского Высочества, Главнокомандующего объявляю, что всякое мародерство или насилие относительно жителей, в каком бы ничтожном размере или форме они ни проявлялись, повлекут за собою взыскание с виновных по всей строгости законов военного времени. Но, кроме того, Его Императорское Высочество Главнокомандующий изволит смотреть на подобный случай в части, как на доказательство недостаточного личного влияния на своих подчиненных, а потому и предписал подвергать ответственности кроме непосредственно виновных еще и начальника той части, в которой беспорядок проявится.

Я убежден, что вверенные мне храбрые войска не помрачат своей бессмертной боевой славы несоответствующим поведением в мирное время, и, помня, что одна паршивая овца может испортить целое стадо, – будут сами строго следить за теми из них, которые могли бы поддаться искушению – затемнить дорогое нам доброе о нас мнение Августейшего Главнокомандующего.

Подписал: генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии. 4 марта 1878 г. № 62-й

Замечено мною, что пища для нижних чинов в частях 16-й дивизии, даже приготовляемая в ротных котлах, крайне безвкусна, что происходит, между прочим, оттого, что в суп

не кладется никакой приправы. Предлагаю непременно класть в пищу для приправы перец и лавровый лист.

Подписал: начальник Авангарда, генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии. 9 марта 1878 г. № 73

Предписываю начальникам дивизий и стрелковых бригад сделать распоряжение, чтобы сапоги, принятые от интендантства и вообще купленные частями, немедленно были зачернены, для чего купить чернильных орешков, деревянного или другого масла. Отрицательный опыт 16-й дивизии, не зачернившей сапог, полученных под Плевною, доказал всю важность своевременно это сделать.

Подписал: начальник Авангарда действующей армии,
Генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии. 11 марта 1878 г. № 75, город С[ан]-Стефано

I

По распоряжению Его Императорского Высочества Главнокомандующего армией Лейб-гвардии Конно-гренадерский, Лейб-гвардии Драгунский и 8-й драгунский Астраханский полки включены в состав войск вверенного мне Авангарда.

II

По прибытии полков, упомянутых в пункте первом приказа, в район расположения Авангарда предлагаю генерал-майору Томиловскому немедленно сформировать конно-саперную команду в 64 человека (не считая здесь коноводов), которые будут иметь при себе следующее количество шанцевого инструмента: 20 кирок, 64 лопаты и 20 топоров. Команда должна быть под начальством кавалерийского офицера. Для руководства при работах назначить

одного офицера от 2-й роты 4-го саперного батальона и четырех унтер-офицеров. Команду расположить в Богас-Киое.

Подписал: начальник Авангарда,
генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии. 18 марта 1878 г. № 79, город С[ан]-Стефано

Полковым командирам произвести немедленно выбор соответственных людей в команду, после чего выслать их в село Св. Георгия к 22 марта, где она будет сформирована и проверена генерал-майором Томиловским.

Лошадей иметь без мундштуков[75].

Полкам на случай движения обеспечить людей, назначенных в команду, шестидневным довольствием сухарей и круп, десятидневным запасом чая и четырехдневным фуража.

По сформировании команду расположить в Богас-Киое и занимать ее практическими работами. Наряд на работы и назначение времени для работ предоставляется исключительно саперному офицеру, назначенному в команду.

Предупреждаю, что на конно-саперную команду могут быть возложены обязанности большой важности, и молодецкое исполнение их будет поставлено ей в особую заслугу.

Подписал: начальник Авангарда,
генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии. 25 марта 1878 г. № 81, Сан-Стефано

Осмотрев вчерашнего числа под селением Св. Георгий Владимирский, Суздальский и Казанский полки, 1, 2, 3, 4 и

---

[75] *Мундштук* (*нем.* Mundstück – буквально «деталь для рта») – часть железных удил, применяемых при управлении лошадью.

6-ю батареи 16-й артиллерийской бригады, я нашел их в следующем состоянии:

1) Вид и выправка людей хороши.

2) Оружие везде содержится в большем порядке: в полках винтовки чищены и смазаны, что касается патронов, то таковые не везде в исправности, есть без пачек и без обсалки; в особенности много необсаленных патронов в Суздальском полку.

3) Шанцевый инструмент имеется приблизительно в таком количестве, в каком я требовал иметь его под Плевной. Владимирский полк освежил свой инструмент покупкою в Константинополе, вследствие чего он у него в большей исправности, чем в полках Казанском и Суздальском. В этом последнем вынесен был такой инструмент, который при употреблении его может принести мало пользы. Замечено, что при том фунте, какой существует в районе расположения Авангарда, лопаты малодействительны; надо больше кирок и мотыг. Я уже сделал распоряжение о заказе 300 кирок с мотыгами, которые будут привезены сегодня в Сан-Стефано и распределены по полкам. Если бы и затем оказалось, что кирок с мотыгами недостаточно, то предписываю немедленно купить необходимое количество этого инструмента.

Инструмент, попорченный вчерашнего числа на работах, исправить.4) Обувь приведена в исправность: почти все люди имеют новые сапоги.

5) Одежда, насколько было возможно, вычинена. Чище других одет Владимирский полк.

6) Люди, которым я приказал раздеться, имели исправные рубахи и шерстяные чулки.

7) Пища безвкусная, требую приправ: моркови, луку, перца. Суп будет вкуснее и здоровее.

Вообще, в материальном отношении все три полка находятся в отличном состоянии. Исправнее других представился Владимирский полк, затем Казанский и, наконец, Суздальский.

Лошади не во всех батареях в должных телах. С освобождением войск от обязанности доставлять провиант и фураж собственными средствами есть полная возможность привести лошадей в порядок.

Вызванная мною 7-я рота Владимирского полка окопалась в твердом грунте в 10 минут. Указанные мною под Плевною приемы при окапывании отчасти забыты. Прошу помнить, что без траншей теперь воевать нельзя. На произведенном маневре участвовали все три полка и девятифунтовые батареи с усиленною запряжкою от четырехфунтовых батарей. Артиллерия по крутому подъему выехала на позицию без помощи пехоты. Цепи двигались, применялись к местности и окапывались ловко. Атака позиции была произведена лихо. Замечу только, что слишком много войск послано было сразу в атаку; лучше было бы послать вдвое менее батальонов, а затем постоянно подливать к ним новые силы.

Ответы нижних чинов на сделанные мною вопросы относительно того, как в данном случае действовать против неприятеля, были толковы и осмысленны. Видно, что люди в прошлую кампанию работали не одними руками и ногами, но и головою.

Из вчерашнего осмотра я убедился, что дивизия к бою готова и что опыт прошлой войны для нее не прошел бесследно.

От души благодарю командующего 16-ю дивизией генерал-майора Томиловского, командира 16-й артиллерийской бригады генерал-майора Боретти, полковых командиров: полковников Аргамакова и Лео[76], заведующих хозяйственною частью в полках, и всех офицеров.

---

[76] *Лео Михаил Христофорович* (1836–1904) во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командовал 64-м пехотным Казанским полком. С 1879 г. – командир 1-й бригады 30-й пехотной дивизии, с 1886 г. – начальник 1-й стрелковой бригады. В 1900 г. был уволен со службы с производством в генералы от инфантерии.

Молодцам-солдатам сердечное спасибо.

Дивизионный лазарет в большом порядке. Имея по штату всего 84 кровати, лазарет может дать помещение для 170-ти больных. Все это достигнуто трудами статского советника Хохлова и его помощников. Объявляю искреннюю мою признательность статскому советнику Хохлову, медицинским чинам и заведующим хозяйственной частью лазарета. Фельдшерам и санитарам мое спасибо.

Начальник Авангарда генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии. 1 апреля 1878 г. № 86, Сан-Стефано

I

31-го марта я произвел неожиданный осмотр 63-му пехотному Углицкому полку, 5-й батарее 16-й артиллерийской бригады и 2-й горной батарее и нашел их в следующем виде:

1) Оружие содержится неисправно, много нечищенных ружей, есть ржавчина. Число патронов на людях крайне разнообразно: у иных было по восьми пачек, у других по четыре, по две, по одной, а некоторые вместо патронов имели тряпки. У большей части людей патроны не связаны в пачки; вследствие этого при движении патроны терялись.

2) Шанцевого инструмента недостаточно: вместо 60 лопат самое большее число их было в одной роте 32; топоров и кирок с мотыгами почти не было. Мне, впрочем, было доложено, что шанцевый инструмент из полка взят на дорожные работы.

3) Выведено было лишь по 12 рядов во взводах.

4) Обувь исправная.

5) Рубахи и подштанники до сих пор не приняты от интендантства; вследствие чего люди имеют только по одной рубахе, и то у некоторых сгнившей.

6) Больные в околотке помещены крайне неудобно: рядом с околотком отхожее место, содержащееся крайне неопрятно. Напоминаю приказы мои за № 37 и 50.

7) На произведенных ученьях: ротном 1-й роте, батальонном 2-му батальону и полковом, я нашел: 1) что хотя командир 1-й роты поручик Гернгросс[77] и знает свое дело, но, видно, с ротой занимался слишком мало; 2) что 2-й батальон учился порядочно, но командир батальона майор Бродский плохо знает свое дело, поручик Медников не знает команды, а поручик Бужинский не умел применять к местности сомкнутую часть и 3) полковое ученье ведено было хорошо.

8) Артиллерия представилась в хорошем виде во всех отношениях.

Углицкий полк, по состоянию материальной части, не может быть сравниваем с остальными полками дивизии.

Не сомневаюсь, что Углицкий полк в скором времени представится мне в том блистательном виде, в котором я привык видеть полки 16-й дивизии.

Хорошее состояние батарей обязывает меня благодарить генерал-майора Боретти и батарейных командиров.

II

63-го пехотного Углицкого полка ефрейтор Семен Зорин за отлично усердную службу производится мною в унтер-офицеры.

---

[77] *Александр Алексеевич Гернгросс* (1851–1925) в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. за боевые отличия произведен в штабс-капитаны. В 1900 г., уже в чине полковника, был назначен начальником гарнизона Харбина. Участвовал в Китайской кампании (подавлении Ихэтуаньского восстания) 1900–1901 гг. В 1904 г. произведен в генерал-лейтенанты. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. командовал 1-м Восточно-Сибирским стрелковым корпусом. В 1910 г. произведен в генералы от инфантерии.

III

63-го пехотного Углицкого полка унтер-офицера из вольноопределяющихся Бровковича награждаю знаком отличия военного ордена [Святого Георгия] 4-й степени под № 64 579 за мужество и храбрость, оказанные им во время обложения Плевны.

Подписал: генерал-лейтенант Скобелев

Приказ по Авангарду действующей армии. 11 апреля 1878 г. № 99, С[ан]-Стефано

I

6 сего апреля я произвел смотр 1-му батальону 61-го пехотного Владимирского полка и 3-му батальону 62-го пехотного Суздальского полка.

Смотр начался двухсторонним маневром.

Владимирский батальон окопался на избранной позиции, а Суздальский атаковал эту позицию; по окончании маневра Владимирский батальон проделал несколько уставных построений; в заключение оба батальона прошли церемониальным маршем.

Смотр этот доставил мне истинное удовольствие; обе части представились образцово; вид людей был очень хорош; шаг крупный и твердый; роты двигаются в порядке, несмотря на то, что в рядах их находится половина новобранцев; маневрирование и укрепление позиции производятся вполне осмысленно и старательно.

Некоторые замеченные мною мелкие ошибки не в виде порицания, а как совет указываю для будущего:

Вследствие торопливости в распоряжениях ложементы, расположенные вообще удачно, были построены Владимирцами только на правом фланге позиции; эта ошибка была исправлена позже, 3-я рота Владимирского полка рано и

неудачно стала для стрельбы залпами; выстрелы первого взвода роты не могли попасть в неприятеля.

На «ура» кинулись Владимирцы тоже рано.

Командующий 3-м батальоном Суздальского полка, желая обойти левый фланг неприятеля, не задержал соответственно с этим своего левого фланга, так что значительная часть батальона не успела принять участия в атаке; батальон слишком растянулся; 11 – я рота залегла на совершенно открытом месте, хотя левее она могла бы скрыться от выстрелов с левого неприятельского фланга, двигаясь по косогору.

В батальонном учении батальона Владимирского полка была замечена некоторая нетвердость в знании устава.

Церемониальный марш был очень хорош.

Осмотренные наудачу ружья во Владимирском полку оказались в образцовом порядке.

По окончании смотра была вызвана по тревоге 3-я батарея 16-й артиллерийской бригады; батарея была запряжена быстро, без всякой суеты, все движения исполнялись вполне в порядке, ездовые и пешая прислуга видно, что отлично понимают дело.

Замечено только, что ящики двигались недостаточно быстро, что объясняется тем, что лошади еще не вполне поправились.

Найдя войска в прекрасном виде и полной боевой готовности, считаю приятным долгом выразить мою признательность командующему дивизиею генерал-майору Томиловскому, командиру 16-й артиллерийской бригады генерал-майору Боретти, полковникам: Аргамакову, Эрну, Савицкому[78], под-

---

[78] *Людвиг Федорович Савицкий* (1837–1905) – участник подавления Польского восстания и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., во время которой в чине полковника командовал 4-м батальоном лейб-гвардии Егерского полка.

полковнику Маневскому, капитану Мицкевичу и всем господам офицерам. Молодцам солдатам мое сердечное спасибо.

II

[…]

Подписал: начальник Авангарда,
генерал-лейтенант Скобелев

П. А. Дукмасов
Со Скобелевым в огне. Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов и о М. Д. Скобелеве его ординарца Петра Дукмасова

Предисловие к первому изданию

Предлагаемые воспоминания Петра Архиповича Дукмасова, бывшего ординарца одного из видных деятелей последней Русско-турецкой войны – Михаила Дмитриевича Скобелева, появляются в свет далеко не своевременно: много времени прошло уже с тех пор, как Россия вложила свой могучий и гигантский меч в ножны, закончив, на берегах Мраморного моря, славную, победоносную войну за освобождение от векового рабства своих младших братьев-болгар и даровав им свободную жизнь и почти независимого князя. Много воды утекло за эти годы! Многих из участников войны, счастливо уцелевших от неприятельских пуль и снарядов, уже судьба унесла в могилу. Многие вышли из кампании с тяжелыми ранами или хроническими недугами, которые постоянно напоминают им о минувших боевых днях. Многие юные офицеры, прямо со скамейки попавшие на кровавый поединок креста с полумесяцем, уже стали солидными и опытными начальниками, командуют батальонами, батареями…

Но, несмотря на такой значительный промежуток времени, русское общество, и особенно военное, находится еще под впечатлением давно пережитых тяжелых дней и живо помнит все подробности, все подвиги и временные неудачи на Балканском полуострове нашего славного оружия… До сих пор не только в военных кружках, но и в среде совершенно

мирных граждан часто слышатся разговоры о разных эпизодах войны за освобождение Болгарии, о более или менее выдающихся деятелях ее. И такие имена, как Радецкий, Гурко, Тотлебен, Драгомиров, Скобелев, Струков, Куропаткин, Гейман[79], Тергукасов[80] и др., не говоря уже, конечно, о двух августейших главнокомандующих на европейском и азиатском театрах войны и об обожаемом начальнике Рущукского отряда, на долю которого выпала такая тяжелая, хотя и неблагодарная, не бьющая в глаза роль… – все эти имена, повторяю, долго еще будут свято храниться в памяти народа, и особенно войска, а признательное потомство и история оценят их важные государственные заслуги и честную службу… Каждый из военных людей, который может хоть что-нибудь внести для будущего историка этих важных дней жизни России, для более полной характеристики и боевой деятельности этих важных деятелей войны, нравственно обязан это сделать, сообщая, конечно, лишь голую правду, действительные факты…

Будучи сам военным человеком и любя горячо свою специальность, я не мог не относиться с глубоким уважением к истинно военным людям, в особенности к более или менее крупным деятелям и талантам.

Принимая участие в минувшей кампании, мне пришлось совершенно случайно несколько раз сталкиваться с одним из выдающихся героев войны – с Михаилом Дмитриевичем Скобелевым. Но и эти короткие встречи оставили по себе

---

[79] *Гейман Василий Александрович* (1823–1878) – русский военачальник, участник покорения Кавказа и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Начинал службу унтер-офицером в Нижегородском пехотном полку. В 1872 г. произведен в генерал-лейтенанты.

[80] *Тергукасов Арзас Артемьевич* (1819–1881) – русский военачальник, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

глубокое впечатление и незаметно привязали мою, юношескую тогда, душу к этому замечательному человеку. В Плевне, после взятия этого города, мне пришлось завтракать у Скобелева, и здесь я, между прочим, познакомился с одним из ординарцев его – хорунжим Войска Донского П. А. Дукмасовым. Об этом офицере я слышал еще ранее от своих товарищей, как об отчаянном головорезе, который, не задумываясь, отправлялся в самые опасные предприятия.

Впоследствии, в конце кампании, это реноме отважного, отчаянного героя вполне утвердилось за Дукмасовым, а те награды, которые украшали его грудь в чине хорунжего (впоследствии корнета Гвардии), служат лучшим доказательством его удали и храбрости. Немного найдется в рядах славной Русской армии офицеров, которые в первом офицерском чине имели бы такие высокие, почетные награды, как Святого Георгия, Владимира с мечами, золотое оружие, Станислава 2-й и 3-й степени и Анны 3-й степени!..

Правда, в среде нашей jeunesse doree militaire[81] есть немало баловней, грудь которых щедро украшена всевозможными регалиями и которые они при других условиях – при отсутствии крупного титула, знатных тетушек и приличных средств вряд ли получили бы! Но Дукмасов – из бедной донской дворянской семьи, человек без всякого светского лоску, без необходимых в жизни талантов – уменья понравиться начальству, без всяких связей, протекции. Он был только храбр, исполнителен, честен, и этого для Скобелева было достаточно, чтобы приблизить к себе.

Дукмасов, равно как и многие из ординарцев Скобелева, презирал опасность, смотрел прямо, вызывающе в лицо смерти и «точно и беспрекословно» исполнял самые смелые, подчас даже безумные поручения своего начальника. Скобе-

---

[81] Золотой военной молодежи (*фр.*).

лев, отличавшийся, как известно, и сам замечательной храбростью, любил таких детей войны, таких отважных удальцов, умел выбирать их из толпы, и за эти драгоценные боевые качества прощал им многое… Будучи сам аристократ по происхождению, по воспитанию и привычкам, Скобелев не особенно-то долюбливал людей своей среды, окружал себя преимущественно более простым людом и любил искренне самого простого человека – солдата!

Все русское общество, даже вся Европа живо интересовались личностью знаменитого русского полководца, личностью Скобелева, и те немногие сочинения, которые появлялись о нем, читались всеми нарасхват. Полной биографии этого замечательного государственного человека и, вместе с тем, глубокого патриота-славянофила до сих пор еще нет. А между тем память о Скобелеве еще слишком жива в русском обществе, особенно в военном. Каждый истый патриот глубоко чтит покойного героя, справедливо гордится им и искренно желает для своего отечества побольше таких дельных и отважных сынов.

Горсть недоброжелателей Скобелева слишком ничтожна: это, большей частью, люди, которым он стал на дороге, которых он быстро перегнал в служебной иерархии. Вся русская и иностранная (кроме разве немецкой) пресса относилась к покойному герою очень сочувственно, сердечно и с глубоким уважением. Таких сочинений, как например, брошюра господина Градовского[82], пропитанная явным нерасположением к Скобелеву, в которой автор сажает чуть не на скамью подсудимых перед лицом всей России нашего народного любимца, приписывая ему целый ряд преступлений – очень немного. Конечно, у Скобелева, как и у

[82] См.: *Градовский Г. К.* М. Д. Скобелев: Этюд по характеристике нашего времени и его героев. СПб., 1884.

каждого смертного, были свои недостатки: идеалы существуют только в воображении, и на солнце даже есть пятна!

Та громадная популярность, которой пользовался Скобелев не только среди армии и своего народа, но и во всей Европе, то обаяние, которое производил он на подчиненных ему офицеров и солдат (даже на совершенно посторонних людей), увлекая за собой в бою почти на верную гибель, – все это под руку только человеку недюжинному, человеку с сильною душой, с высоким нравственным духом. Одно имя Скобелева имело магическое действие. По обаянию, которое он оказывал на солдат, его можно сравнить с великими полководцами мира (Наполеон I, Фридрих II, Суворов), одно появление которых на том или другом пункте поля сражения наэлектризовывало сражающихся, удесятеряло их силы и действовало подавляющим образом на противника.

Известно всем, какой страх наводил на турок наш знаменитый «Ак-паша» одним своим появлением на позиции, одною своею белой фигурой! Припомнив же мудрое изречение Наполеона I, этого великого знатока военного дела, что «на войне успех зависит на три четверти от нравственного элемента и лишь на одну четверть от материальных сил», мы невольно согласимся, какое громадное значение нужно придавать этому нравственному влиянию полководца… Служить у Скобелева было далеко не легко и притом очень опасно: процент убитых и раненых в его отряде и в свите всегда был довольно значителен. И, тем не менее, все охотно шли к нему – и солдаты, и офицеры, – хотя каждый знал, что его ожидает здесь бóльшая, чем где-либо, опасность, почти верная гибель… Каждый верил в Скобелева, верил, что с этим начальником он не пропадет, не будет побит, а, напротив, сам побьет… А служить в такой части, конечно, особенно лестно каждому! Рассказывают следующий эпизод (не знаю только, насколько он правдив): когда покойный Государь

ехал по железной дороге в действующую армию, то на одной из станций Его Величеству представлялся какой-то старый, седой как лунь фельдфебель, ветеран 1812 года, украшенный многочисленными медалями. Государь милостиво изволил обратить на него внимание и, желая наградить честного старого служаку, спросил, чего он хочет.

– Прошу принять меня снова на службу Вашего Императорского Величества: хочу положить свой живот за Царя и Отечество! – отвечал старина, сам еле удерживаясь на ногах от преклонных лет.

Государя сильно тронул этот неподдельный патриотизм старика.

– Хорошо, куда же ты желаешь поступить? – спросил Государь.

– В отряд генерала Скобелева, – отвечал старик.

Не знаю, чем дело кончилось, но эта фраза служит лучшим доказательством той громадной популярности, которую приобрел в своем народе знаменитый русский «белый генерал».

Эту популярность, столь трудно добываемую в России, можно сравнить отчасти с популярностью бывшего военного министра Французской республики, генерала Буланже[83], с которым покойный Михаил Дмитриевич имел, кажется, много общего. Я не видел портрета Буланже, но вот как описывается его внешность в одной французской брошюре: «Он был молодец и красавец, среднего роста, плотного сложения. У него все ухватки, свойственные бодрому и молодому человеку. Физиономия дышит холодною отвагой, глаза голубые, взор живой и ясный!» Все это одинаково подходит и к Скобелеву, кроме разве роста (Скобелев – высокого роста).

---

[83] *Буланже Жорж Эрнест* (1837–1891) – французский военачальник, политический деятель и основатель реваншистско-антиреспубликанского движения, известного как буланжизм.

Последняя Ахалтекинская экспедиция[84], в которой Скобелев явился самостоятельным начальником крупного отряда, окончательно утвердила за ним его почетное боевое реноме. Все действия Скобелева в этой степной войне с энергичным, храбрым противником глубоко поучительны и обнаруживают у молодого полководца, помимо храбрости и распорядительности, еще необходимую в таких случаях осторожность, необыкновенное чутье, знание местности, характера противника, особенную заботливость о солдате, о всевозможных мелочах, которые часто играют такую важную роль в военное время. Даже скептики и недоброжелатели Скобелева и то признали в нем крупную силу!

Карьера, которую составил себе Скобелев, была выходящая из ряда: в 20 лет офицер, в 33 – генерал-майор, в 38 – полный генерал с Георгием 2-й степени – ореол славы военного человека! Это был какой-то молодой орел, который быстро и высоко поднялся над поверхностью земли, оставив далеко под собой своих учителей, товарищей и потом, вдруг, сраженный какой-то злой феей, свалился в бездну вечности… Свалился тогда, когда отечество ждало от него еще многого, когда враг страшился одного имени «белого генерала», за которым пошли бы в бой, на верную гибель, десятки тысяч молодых жизней…

Трусов Скобелев делал храбрыми, нерешительных – отважными! Невольно вспоминается старая пословица, что «стадо баранов, предводимое львом, лучше стада львов, предводимого бараном». Будучи сам человеком замечательно подвижным, деятельным, энергичным, Скобелев и окру-

---

[84] *Ахалтекинская экспедиция* (1880–1881) – военная операция Русской армии в целях присоединения к России Ахалтекинского оазиса Туркмении. Под командованием М. Д. Скобелева русские войска штурмом взяли крепость Геок-Тепе, затем заняли Ашхабад, обеспечив таким образом успех операции (другие районы Туркмении вошли в состав Российской империи после этой экспедиции добровольно).

жавшим его лицам не давал никогда покоя, постоянно находил им работу. Так что человеку ленивому или со слабым здоровьем и недостаточным запасом отваги и энергии служить у Скобелева было немыслимо. Он не жалел себя, раз речь шла о службе, но не жалел и подчиненных. Солдаты буквально обожали, чуть не боготворили своего молодого полководца, и одно слово его так электрически действовало на них, так их одушевляло, что они львами, совершенно бессознательно, лезли вперед на почти верную гибель, на целый лес неприятельских штыков…

В 1885 году, в Новочеркасске, куда я был переведен на службу из Москвы, мне снова пришлось столкнуться с Дукмасовым, который был в это время на льготе.

В беседах с ним о минувшей кампании я слышал от него много интересных подробностей о покойном русском герое, так безвременно погибшем в центре России – в Москве, о его боевой деятельности и частной жизни, о его взглядах, привычках, странностях…

Дукмасов души не чаял в Скобелеве, слепо был привязан к нему и пользовался, в свою очередь, явным расположением Михаила Дмитриевича. По моей просьбе автор написал настоящие воспоминания, которые я решаюсь предложить благосклонному читателю в надежде, что они будут встречены сочувственно не только в нашем военном обществе, но и в среде мирных граждан – почитателей (которых так много) покойного русского богатыря…

Чтобы сделать книгу более доступной и интересной для невоенного читателя, автор старался уменьшить, насколько возможно, ее специально-военный характер в некоторых местах, отбросив большую часть цифр, чисел, названия частей и проч.

Будущему историку недавних войн России на Балканском полуострове и на равнинах Турана придется определить роль Скобелева в них и его значение в армии, как офицера и

полководца. Задача автора более скромная: обрисовать, насколько возможно, яснее личность Скобелева, его привычки, взгляды, недостатки, сообщить об этом, бесспорно, замечательном русском человеке все мелочи, эпизоды, сценки, по которым складывается понятие о характере человека, о его убеждениях и внутреннем мирке… Словом, всем, что автор сам видел или слышал от более или менее компетентных лиц, он делится с читателем.

Генерал М. Д. Скобелев
Фотография 1870-х гг.

Между автором и Скобелевым, конечно, громадная разница по положению, образованию, воспитанию, привычкам… В одном только отношении они похожи друг на друга: оба были отважны и храбры, оба горячо любили свою Родину и свое боевое призвание, оба честно и ревностно исполняли свой долг перед Царем и Отечеством.

Предлагаемая книга разбита на три небольшие части: в первой автор описывает свою службу и деятельность в полку или, вернее, в сотне, во второй – пребывание со Скобелевым на полях сражений, в виду постоянных боевых опасностей, и в третьей – поход из Андрианополя в Константинополь и мирное пребывание на турецкой территории между Черным и Мраморным морями, близ берегов исторического Босфора. В конце книги помещен рассказ Скобелева о Хивинской и Кокандской экспедициях, в которых он принимал активное участие, и который не вошел в первое издание. Приложена также карта театра военных действий.

Весьма вероятно, что в книге явятся некоторые погрешности, недостатки, неточности… С благодарностью примем все замечания, особенно от лиц, более или менее близко стоявших к покойному герою. Также скажем великое спасибо тем бывшим сослуживцам автора, которые будут настолько любезны и сообщат нам свои заметки и воспоминания о покойном полководце и позволят воспользоваться ими для дополнения сведений о боевой деятельности и частной жизни Михаила Дмитриевича. Адресовать просим в город Новочеркасск, Донской кадетский корпус, полковнику Александру Петровичу Струсевичу.

А. П. Струсевич[85]

[85] *Струсевич Александр Петрович* (1855–?) – полковник русской армии, из донских казаков. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Автор нескольких книг по военной истории, в том числе и о М. Д. Скобелеве.

С полком

Глава I[86]

Прежде чем начать свои боевые воспоминания, я позволю себе вкратце познакомить читателя со своею личностью, сказать несколько слов о годах своего детства и юности.

Родом я казак Войска Донского, станицы Усть-Быстрянской. Здесь, на берегу Донца, я и получил свое первоначальное воспитание: в 10 лет умел уже отлично скакать на неоседланном коне, взятом прямо из косяка, по улицам станицы и в привольной степи, недурно джигитовал, стрелял из отцовского ружья разных диких и свойских пернатых, хорошо плавал, смело делал гимнастику и еще смелее дрался на кулачки… Но зато читал очень плохо, писал еще хуже, сведения по арифметике и Закону Божьему были тоже крайне смутные. Словом, физическое развитие мое шло обратно пропорционально умственному, да, пожалуй, и нравственному, так как общество, в котором я вращался, не могло научить меня ничему иному, кроме развития силы, ловкости и удали.

Родители мои были люди добрые, простые, и ни в чем меня не стесняли. Я рос совершенно сыном степи и еще ребенком усвоил себе твердо традиции казачества и свое боевое призвание. Особенно сильное впечатление производили на меня, помню, рассказы старых казаков о разных походах, сражениях, о лихой, боевой жизни, полной невзгод и опасностей. Они-то, главным образом, и бросили в мою впечатлительную детскую душу военную искорку, любовь к коню, к

---

[86] Текст печатается по изданию: *Дукмасов П. А.* Со Скобелевым в огне: Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и о М. Д. Скобелеве его ординарца Петра Дукмасова. Изд. 2-е. СПб., 1895.

шашке и винтовке. Я мечтал о походах, сражениях, смотрел с любовью и умилением на оружие и с некоторым отвращением и презрением на книги…

Несмотря на такую слабую умственную подготовку, я, тем не менее, в 1866 году кое-как выдержал экзамен в Воронежскую военную гимназию (ныне Кадетский корпус) и надел кадетскую куртку. Воспоминания мои об этом заведении довольно смутные. Помню только, что я больше дрался с товарищами, сидел в карцере или стоял в углу («на штрафу»), чем готовил уроки и слушал объяснения преподавателей.

Дрался я, правда, по отзыву вполне беспристрастных людей, превосходно и никогда не стеснялся ни возрастом, ни ростом, ни силой противника. Ходил вечно в синяках, грязный, оборванный и все свободное время употреблял, помимо драк, на разные гимнастические упражнения (хождение на голове, прыганье через кафедру…) и на развитие мускулов. Дразнили меня «казачонком, башибузуком[87], Разиным» и т. д. Сначала я злился, выходил из себя и лез в драку к обидчику, но потом, мало-помалу, совершенно привык к этим кличкам и находил их даже лестными для моего казачьего самолюбия.

Не помню уже, по какой причине, но только через год, в 1867 году, меня перевезли в более северные страны – на берега Волги, в Нижний Новгород, и поместили тоже в корпус. Здесь я оставался верен своим кулачным принципам и, в первый же день по приезде в столицу ярмарок, на боевом турнире, в присутствии многочисленной публики (кадет), очень ловко выбил кому-то из своих новых товарищей что-то два зуба. Дежурный воспитатель (к сожалению, позабыл его фамилию; помню только, что это был очень добрый человек

---

[87] *Башибузук* – здесь: сорви-голова, отчаянный, дерзкий человек, способный на безумные поступки.

и большой юморист), которому немедленно донесли о моем подвиге, поставил меня возле себя на штраф и записал в журнал. Я отнесся к этому совершенно индифферентно. «Ты откуда?» – спросил он меня, насмешливо осматривая мою куцую фигуру и раскрасневшуюся физиономию. «С Дона, – с гордостью отвечал я. – Я казак!» – «Оно и видно, – сказал, улыбаясь, добряк. – Молодчина же ты, брат, казак – ловко дерешься! Не хочешь ли со мной на кулачки – давай попробуем…» И он, оставив свой стакан с чаем, начал засучивать рукава.

В это время в дежурную комнату вошел какой-то другой воспитатель. «Позвольте вам представить, – обратился к нему комик, – вновь приезжего дантиста из Войска Донского… Отлично лечит от зубной боли…»

При встрече со мной этот воспитатель постоянно ласково трепал меня по голове и добродушно подсмеивался: «Ну что, господин профессор мордобития, как дела? Никому еще зуба не выбил?.. Если ты, братец, так же хорошо будешь бить неприятеля, как товарищей, то из тебя непременно выйдет герой!..»

С первых же дней поступления в корпус я познакомился с помещением карцера и нашел его очень удобным. Особенно же мне показалось приятным общество карцерного сторожа, почтенного, громадного роста человека, прозванного нами министром тюрьмы. С ним я скоро свел самую тесную дружбу и, как завсегдатай этих уединенных уголков, часто вел приятельские беседы, с наслаждением слушая его рассказы о деревне, о прежней службе и проч. Я находил даже, что гораздо приятнее сидеть в карцере, чем в классе, где нужно было ломать голову над трудными арифметическими задачами, выслушивать скучные объяснения о разных «masculin, feminin, plus-que-parfait, passe indefini», зубрить эти глупые заливы, острова и какие-то тропики Рака и Козе-

рога, наконец, получать, кроме дурных отметок, еще скучные выговоры от преподавателей и воспитателя…

Здесь же, на досуге, я обдумывал планы разных новых шалостей, проделок и предприятий, мечтал о войне и боевых подвигах, думал о родной станице, о своей лошадке, о шашке, пике и уличных приятелях…

Впрочем, удовольствие это я стал получать впоследствии только в свободное от классов время – в рекреационные часы: на уроки же меня обыкновенно выпускали.

«Если вы будете так учиться и вести себя, – сказал мне как-то воспитатель, – вас непременно исключат из корпуса». – «Куда исключат?» – полюбопытствовал я. «Конечно, домой, к родителям отправят!» – «Ах, как это будет прелестно, – подумал я. – Значит, опять поеду в станицу, в родные степи, на зимовник!..» И я решил, что нужно ускорить свое возвращение домой.

Словом, в Нижнем Новгороде, так же как и в Воронеже, научные занятия мои подвигались очень туго: зато по части шалостей и всяких проказ я делал большие успехи и за свою отчаянность пользовался известным авторитетом в среде товарищей.

Директором Нижегородского корпуса был тогда генерал Павел Иванович Носович[88], человек очень умный, гуманный и сердечный – большой любимец всех кадет. Обращался с нами он ласково и больше стращал или стыдил, чем наказывал.

Воспитатель мой, некто Семенов, известный географ, тоже очень образованная и в высшей степени симпатичная личность, о которой я сохранил самое теплое воспоминание… Слишком только уж он был мягок, снисходителен. Несмотря на мое отчаянное, невозможное поведение, он,

---

[88] *Носович Павел Иванович* (1829–1887) – русский военачальник, генерал-майор.

видимо, был ко мне расположен и даже несколько раз брал к себе в отпуск.

Классные занятия, как я упоминал уже, подвигались у меня очень туго, и я больше изощрял свой ум на изобретение разных проказ, причем объектами выбирал обыкновенно учителей. Вообще я являлся почти всегда инициатором и коноводом всех более или менее крупных проступков, и моему самолюбию очень льстило это атаманство.

Помню, был у нас учитель французского языка – некто Нюкер, человек в сущности хороший, добрый. Но так как предмет его мне никак не давался и, кроме того, сам он был чересчур уж комичен, то я больше всего и потешался над ним. Знаю, что не пожалуется по доброте своей, – можно безнаказанно проказить. Кадеты говорили про него, что он был барабанщиком в Наполеоновской армии в 1812 году, затем попался в плен и сделался преподавателем. Конечно, все это шутки…

Нюкер, между другими его странностями, очень боялся мышей. Раздобыв как-то от служителя мышь, я поместил ее в коробке под кафедрой и, когда Нюкер занял свое место, с помощью особого приспособления выпустил мышь на свободу… Нужно было видеть испуг учителя и радость нашу – кадет. Нюкер, сидя на стуле и со страхом подняв ноги, стал громко кричать: «Леви мишь, леви!.. Кто поймайт – 12 балль поставлю!» Весь класс со страшным шумом и гвалтом бросился в погоню за несчастною мышью. Я, конечно, первый овладел ею и, схватив за хвост, поднес трепетавшееся животное чуть не к самому носу Нюкера. «Вот она, господин учитель, вот – я поймал!..» – орал я на весь класс. «В окно ее, в окно!» – кричал Нюкер, отмахиваясь испуганно руками. Мышь стремительно полетела в окно, со словами: «Ишь шельма – вот тебе!» Все со смехом уселись по местам и успокоились, а довольный Нюкер с благодарностью поставил мне

в журнал обещанные 12, хотя по его предмету я был форменный сапожник и вряд ли больше пяти мог бы получить за заданный урок. (Впрочем, 12 эти Нюкер не взял в расчет при выводе среднего балла за четверть, и я по-прежнему получил пятерку.)

С ним же я устроил еще одну штуку, хотя и довольно злостную. Дело в том, что Нюкер был большой франт и одевался всегда очень изящно. Входя в класс, он имел обыкновение бросать свою шляпу на подоконник. Пришла мне раз фантазия смазать этот подоконник керосином. Вошел в класс Нюкер, любезно раскланялся с нами и ловко швырнул свою шляпу на обычное место. Окно было отворено, шляпа скользнула и полетала на двор. Перепуганный Нюкер подскочил к окну, облокотился на него руками и грудью, чтобы посмотреть на место падения шляпы, – и моментально же отскочил: руки и чистая жилетка его были совершенно вымазаны керосином… В классе, разумеется, поднялся хохот.

– Чте это, чте? – совершенно растерялся Нюкер, растопырив руки и злобно смотря на нас.

– Это ламповщик, скотина, пролил керосин! – реву я с задней скамейки, громче всех заливаясь смехом.

– Ах он мошенник, подлец! – ругается Нюкер и просит нас спасти его шляпу.

Несколько человек стремглав, наперегонки, бросаются вниз выручать шляпу, и через минуту целый десяток рук приносит ее торжественно в класс. Нюкер ушел менять платье, урока не было, и мы провели время очень весело, прыгая через кафедру и столы.

Припоминая теперь все это, я, конечно, краснею за свое ужасное поведение и дикие выходки, но все-таки откровенно делюсь с читателем воспоминаниями о своем детстве.

Помню, сделал я еще такую штуку. Дело было в начале года – я кое-как перешел во 2-й класс. Кадеты 3-го класса не

выучили заданного им трудного урока по французскому языку, и некоторые из них стали просить меня выручить их из беды. «Пожалуйста, Дукмасов, помоги! – просили они меня. – А то он единиц накрутит нам, а потом без отпуска и сиди». – «Извольте, могу, – согласился я, немало польщенный этою просьбой. – Я буду у вас за новичка… Только смотрите – не выдавать. А то хоть вы и третьеклассники, а за измену всех вас отдую…» Учитель был у них другой, не Нюкер, и, следовательно, меня не знал.

После звонка я уселся в 3-й класс, ближе к краю, чтобы, в случае опасности, можно было легче удрать.

Вошел учитель (не помню его фамилии, какой-то строгий и сердитый), выслушал рапорт дежурного кадета, сел на свое место, высморкался, осмотрелся и заметил мою, незнакомую ему, физиономию. «Это кто?» – ткнул он на меня пальцем. «Это новичок, господин учитель. Только сегодня поступил к нам…» – ответило разом несколько голосов. «А, прекрасно!.. Как фамилия?..» – обратился он ко мне. Я встал и смело соврал какую-то фамилию. Учитель аккуратно записал ее в свою книжку и стал меня подробно расспрашивать: откуда я, где воспитывался, кто мои родители и проч. Я врал, не заикаясь.

Затем он заставил меня читать. Для 3-го класса я читал, конечно, отвратительно, и учитель недоумевал, как это меня приняли. «Плохо, плохо, – говорил он, качая головой. – Вам надо хорошенько подзаняться, вы положительно ничего не знаете!..» Кадеты, между тем, усердно хихикали, и учитель, заметив мою излишнюю развязность, пересадил меня ближе к середине – путь отступления оказался теперь гораздо затруднительнее. Тем не менее, когда, наконец, француз, оставив меня в покое, стал спрашивать других, ходя между скамьями, я, выбрав удобную минуту, стремительно вскочил с места, бросился к двери и, сильно хлопнув ею, через зал со

всех ног полетел в свой класс. У нас в это время был урок немецкого языка. Учитель, господин Шмидт – человек очень серьезный и строгий (с ним я тоже как-то устроил шутку: над кафедрой висела лампа, которую ламповщик для чего-то снял; перед уроком Шмидта я, вместо лампы, навесил на проволоку грязную тряпку. Конечно, за это угодил в карцер).

Как бомба влетел я в свой класс и перепугал всех. «Что это, где вы были?..» – закричал на меня удивленный немец. «В ватерклозете, господин учитель! – отвечал я, запыхавшись и садясь на свое место. – У меня очень живот болит, я касторку принимал…» – «Ступайте в угол!..» – рассердился окончательно Шмидт. Я занял свое обычное место.

Между тем учитель-француз, которого я так ловко поднадул, поняв после моего бегства, в чем дело, отправился за мной в погоню. Встретив в зале инспектора классов, он рассказал ему о моей проделке, и они отправились по классам разыскивать виновного.

Минут за десять до окончания урока дверь нашего класса вдруг отворилась, и в нее вошел инспектор с учителем. Все встали. «Нет, здесь его нет», – сказал учитель-француз, осмотрев внимательно всех воспитанников, и уже вышел было за двери. Между тем Шмидт, узнав от инспектора, в чем дело, вдруг проговорил: «А вот не этот ли, посмотрите?» Я стоял в это время незамеченный за печкой, прижавшись, затаив дыхание и стараясь как бы слиться со стеной. Француз снова вошел в класс, взглянул на меня и радостно воскликнул: «Это он, он!»

Повели меня, раба Божия, прямо в карцер и просидел я в нем что-то дня три. Педагогический комитет поручил сбавить мне балл за поведение и спороть погоны – высшая мера наказания после розог. Молодцы кадеты 3-го класса – так и не

выдали меня, сказав, что не знают моей фамилии. За это все они наказаны были без отпуска.

Много подобного я еще творил, много раз моя фамилия фигурировала в журнале, и я подвергался всевозможным наказаниям – теперь уж не припомню всего.

Должно быть, я сильно надоел начальству своими проказами, потому что в 1870 году меня из Нижнего Новгорода сплавили по Волге и поместили в город Вольск, в военную прогимназию – единственное в России исправительное заведение военно-учебного ведомства. Здесь, кажется, я вел себя несколько приличнее, хотя по временам и прорывался. Дрался реже, но зато крепче… Высшее начальство, к счастью, было хорошее: директор, полковник Остелецкий, добрый, сердечный человек, за свою набожность прозванный нами архиереем. Инспектор классов, капитан Гржимайло, человек честный, строгий и при этом замечательно хладнокровный, флегматичный, невозмутимый…

Воспитательный и учебный персонал был похуже, хотя и попадались порядочные люди, оставившие по себе хорошее воспоминание.

В 1873 году, т. е. 17 лет от роду, я окончил курс в прогимназии и из Вольска, уже в форме урядника, т. е. унтер-офицера, приехал в Новочеркасск. Явившись к начальнику штаба, генералу Леонову[89], и будучи зачислен в учебный полк, я получил отпуск в хутор на Быстрой речке, где и проболтался около года. В 1874 году я поступил в Варшавское юнкерское училище, в казачью полусотню, но через год за маленькую историйку был исключен и вернулся снова в полк. Еще через год я опять поступил в то же училище, уже прямо в старший класс, и в конце того же 1876 года окончил, наконец, курс.

---

[89] *Леонов Георгий Алексеевич* (1831–1892) – русский военачальник, генерал-лейтенант.

Начальником училища был в то время полковник Левачев[90], человек, правда, горячий, строптивый, но честный, справедливый, добрый и образованный. Юнкера его любили, уважали, хотя и побаивались.

Суровая воинская дисциплина и казарменная обстановка несколько отполировали меня, и я стал принимать более регулярную внешность, хотя внутренний мирок мой оставался по-прежнему иррегулярным, казачьим…

Как видит читатель, немало пришлось мне постранствовать по разным военно-учебным заведениям Российской империи, прежде чем надеть погоны казачьего офицера. Греха таить нечего, лентяй я был порядочный, хотя способности и память имел довольно хорошие. Главный же мой враг – это моя буйная, горячая натура, созданная скорее для военного, чем для мирного времени, и с трудом подчинявшаяся разным казарменным стеснениям.

Еще сидя на юнкерской скамейке старшего класса Варшавского училища, услышали мы впервые толки о войне. Нечего и говорить о том радостном чувстве, о том ликовании, с каким вся наша пылкая юнкерская братия встретила эти тревожные слухи. Возбужденное, лихорадочное состояние овладело всеми нами… Топография, тактика, администрация, иппология[91], уставы – все это порядком уже надоело нам. Молодая казачья душа рвалась в бой и увлекала по традиционной дороге предков. Мы только и говорили, что о войне, о скором выпуске, о новой боевой жизни, которая, по сравнению с монотонной училищной, представлялась каким-то раем. Об опасностях, конечно, никто и не думал, ри-

---

[90] *Левачев Илларион Михайлович* (1837–1901) – генерал от инфантерии; в 1868–1874 гг. – начальник Рижского пехотного училища, в 1874–1883-м – начальник Варшавского пехотного училища, затем возглавлял Донской кадетский корпус и 3-е военное Александровское училище.

[91] *Иппология* – наука о лошадях.

совались только одни светлые, заманчивые стороны войны. «Докажем, – говорили некоторые, более экзальтированные юноши, – что мы, казаки Александра II, умеем драться не хуже наших дедов – казаков Александра I, что Европа недаром до сих пор так боится нас, что мы достойны назваться внуками графа Платова[92], который за удаль своих донцов получил даже от сынов Альбиона почетную дорогую саблю, и детьми Бакланова, имя которого хорошо известно всем храбрым кавказским горцам».

Мечты мало-помалу начали сбываться: в некоторых округах уже объявлена была мобилизация.

Еще ранее, в июле 1876 года, мы были произведены в портупей-юнкера[93] и отправились по полкам. Я взял вакансию в полк номер 6-й.

После осенних маневров, очень поучительных для нашего брата юного воина, произведенных в окрестностях Скерневиц, полк направился на зимние квартиры через город Плоцк в Млавский уезд. Мне пришлось остаться при штабе полка, в д. Шренске.

В начале октября от начальника дивизии генерала Эссена было получено приказание быть готовыми по первой телеграмме о выезде офицеров, назначенных для укомплектования полков 2-й очереди[94]. На мою долю выпал полк № 26, куда я назначался с тремя товарищами.

---

[92] Имеется в виду *Матвей Иванович Платов* (1751–1818) – атаман Донского казачьего войска (с 1801 г.), участвовавший во всех войнах XVIII – начала XIX в., в том числе в трех Русско-турецких (1768–1774, 1787–1791 и 1807–1809), герой Отечественной войны 1812 г.

[93] *Портупей-юнкер* – звание окончивших юнкерские училища до присвоения им офицерского чина.

[94] В мирное время Войско Донское держит на службе только 1-ю очередь (15 полков); 2-я же и 3-я очереди (по 15 полков в каждой) находятся на льготе и призываются лишь в военное время. До войны 1877–1878 гг. число всех полков было 60, из них в 1-й очереди 20. (*Примеч. автора.*)

Упомянутая телеграмма породила в обществе офицеров и казаков самые оживленные, воинственные толки. Припоминались прошлые войны с турками, рассказы стариков о тех зверствах и неистовствах, которые проделывали мусульмане с нашими ранеными и пленными, соразмерялись силы наши с неприятельскими и проч., и проч. Женатый люд, впрочем, не особенно разделял эти восторги молодежи и более сдержанно относился к нашим воинственным, оживленным беседам. Перспектива расставания с семьей и близкими, дорогими людьми была, конечно, не особенно заманчива и невольно заставляла серьезно задумываться о будущем. В конце октября от Эссена была получена снова телеграмма – немедленно отправить от нашего полка трех офицеров и одного портупей-юнкера (меня) в Донской казачий 26-й полк, сборным пунктом которого была назначена Нижнечирская станица.

На другой же день, напутствуемые теплыми пожеланиями командира полка и товарищей, мы выступили из нашей деревушки в Варшаву. Прекрасное солнечное утро вполне гармонировало нашему радостному настроению и еще более оживило картину проводов. Остававшиеся товарищи называли нас счастливцами и завидовали, что мы идем в Болгарию, в бой, тогда как они должны пребывать пассивными зрителями этой предстоящей кровавой борьбы креста с полумесяцем.

С нами же отправлялись на Дон и семейства моих трех товарищей, разместившись в нескольких польских фургонах. Мы же, все верхами на наших родных степняках, в полном боевом снаряжении, джигитовали от одного фургона до другого, делясь с барынями своими впечатлениями. Шествие замыкали три верховых казака.

В Варшаве мы уселись в вагоны и быстро помчались на восток – через Брест-Литовск, Смоленск, Орел и Грязи в Калач. Здесь, на берегу родимого тихого Дона, который в это

время уже «всколыхнулся, взволновался»[95], мы вышли из вагонов, уселись снова на коней и благополучно добрались до Нижнечирской станицы – нашего конечного пункта.

На другой день маленькая компания наша явилась к командиру полка, полковнику Краснову[96], который принял всех очень радушно, облобызался со всеми прежними сослуживцами и сказал несколько простых, но теплых, задушевных слов: «Сердечно рад, господа, вас видеть и очень доволен, что вы ко мне назначены… Вполне уверен, что вы честно и добросовестно исполните свой долг. Служили мы хорошо в мирное время, теперь покажем себя достойными сынами Дона и под пулями… Докажем, что дух наших боевых предков живет и в наших сердцах, что мы молодецки умеем драться за Батюшку-Царя и дорогую Родину и не пожалеем наших голов, если это потребуется для пользы общего родного дела…» Краснов остановился. Слезы показались на глазах ветерана. «Полк уже в сборе, – продолжал он спустя минуту. – Люди все молодцы, настроение превосходное… Лошади только немного худоваты. Ну да это, Бог даст, поправим!.. Пожалуйста, господа, обратите серьезное внимание на ваши части и, пока здесь станичные атаманы, заставляйте их пополнять недостающие у казаков вещи[97]. Ну, пока до свидания!..»

---

[95] Из известной, любимой на Дону песни: «Всколыхнулся, взволновался, православный тихий Дон и послушно отозвался на призыв монарха он…». (*Примеч. автора.*)

[96] *Краснов Даниил Васильевич* (1817–1893) – сын простого казака, прошел все ступени служебной лестницы и дослужился до чина генерал-лейтенанта.

[97] Казак является на службу на полном своем иждивении: лошадь, обмундирование, вооружение, снаряжение – все свое. На обязанности станичных атаманов лежит наблюдать, чтобы все это было хорошего качества, и если казак не в состоянии сам себе чего справить, то ему обязана помочь станица. (*Примеч. автора.*)

Полковник Краснов – честный, добродушный и простой казак – представляет собой очень симпатичный тип старого ветерана-севастопольца, кавказца, – тип, который, к сожалению, теперь все реже и реже попадается. Беззаветная преданность своему долгу, любовь к военной службе, к казаку и его другу – лошади, теплое, отеческое, а не казенное (сухое, официальное) отношение к подчиненному. Наконец, храбрость, отвага со спокойным, твердым и ровным характером – все эти драгоценные для воина качества совмещались в полковнике Краснове. С таким человеком не страшно было идти в бой – он невольно внушал к себе полное доверие! Каждый знал, что он не потеряется в трудную, опасную минуту. Прошлое полковника Краснова полно боевых опасностей: грудь его украшена была солдатским Георгиевским крестом за отличие на Кавказе, офицерским Георгием за какую-то безумную храбрость в Венгерскую кампанию и многими другими орденами[98].

На следующий день мы представлялись атаману отдела[99], который был сильно занят осмотром казаков и снабжением их всеми необходимыми вещами.

24 ноября полк наш приезжал инспектировать командир Лейб-гвардии Атаманского полка, флигель-адъютант полковник Мартынов[100].

---

[98] В последнюю кампанию (1877–1878) Краснов получил Святого Георгия 3-й степени за отбитие 40 неприятельских орудий под Филиппополем. (*Примеч. автора.*)

[99] Все Войско Донское в административном отношении делится на шесть военных отделов, причем в каждом есть свой атаман отдела (генерал). (*Примеч. автора.*)

[100] *Мартынов Андрей Дмитриевич* (1838–1913) – русский военачальник. В августе 1875 г. был назначен командиром Лейб-гвардии Атаманского полка, во главе которого в 1877 г. выступил на Дунай на войну против Турции.

Пропустив сначала сотни справа по одному, Мартынов собрал затем, по старому казачьему обычаю, весь полк в круг и обратился к казакам и офицерам с теплым, отеческим словом: выразил уверенность, что на боевом поприще казаки покажут себя молодцами и оправдают надежды, возлагаемые на них Государем и Россией. Затем Мартынов распростился с нами и уехал инспектировать другой полк.

26 ноября назначено было днем нашего выступления. Рано утром еще полк, с полным походным вьюком, выстроился покоем[101] за станицей в ожидании напутственного молебна. Торжественно-трогательную картину представляли эти сотни удалых всадников, покидавших родные степи и дорогих, близких людей! Туманное, мрачное будущее рисовалось в это время у каждого перед глазами… «Кому-то из нас придется вернуться обратно и кому суждено остаться навеки там?» – читалось в глазах у каждого казака. Выражение у всех было сосредоточенное, серьезное.

В середину образовавшейся небольшой площадки поместился священник с причтом, атаман отдела, офицерство, станичные атаманы и прочий чиновный люд. Вокруг разместились спешенные казаки, держа в поводу коней, а позади них и между ними – жены с маленькими детьми на руках, отцы, матери, сестры, братья, знакомые. Лица у казачек были заплаканные, многие просто навзрыд рыдали. Даже малютки, видя слезы своих матерей, бессознательно поднимали плач и этим еще более усиливали и без того тяжелую картину проводов.

Покрытые сединами старые казаки, которым годы и силы не позволяли уже разделить трудов и опасностей боевой жизни со своими детьми и внуками, безмолвно стояли тут же, опустив на грудь свои серьезные морщинистые лица.

---

[101] В форме буквы «П», которая ранее называлась «покой».

Покорность судьбе и твердая, непоколебимая решимость жертвовать всем дорогим для благародной земли и ее могучего Властелина ясно выражались на этих задумчивых, печальных лицах. Слова дьякона «Благослови, Владыка!» заставили всех временно забыться и перенестись с теплой мольбой к Всевышнему. Горячо молился православный люд – от старика до ребенка – и слезы стояли у каждого на глазах. Да в такие минуты нельзя и не молиться!.. Неверующий и тот, если и не прочтет молитву, то проникнется особенным благоговейным настроением…

После молебствия священник сказал краткое напутственное слово, благословил всех крестом и окропил святою водой. Атаман отдела поздравил с походом, простился с казаками и пожелал быть всем героями и кавалерами. Краснов приказал дежурному офицеру вести полк, а сам, со всеми нами, отправился на завтрак к атаману отдела.

После плотной закуски, хорошей выпивки, задушевных, горячих тостов, бесчисленных искренних пожеланий и поцелуев мы уселись на коней и догнали полк всего в трех верстах за станицей. Причиной такого медленного движения были провожавшие казаков, в санях и верхами, родные и родственники. Женские слезы, всхлипывания, причитанья и ответные увещания воинов долго еще слышались по пути движения полка.

Мы двигались вверх, по берегу Дона, на Калач. Здесь поэшелонно мы уселись в вагоны и по железной дороге через Царицын, Грязи, Орел, Курск и Киев добрались до Жмеринки. Отсюда обыкновенным маршем направились в Ямпольский уезд и расположились на зимние квартиры в Качковке и близлежащих деревнях, где и пробыли до апреля 1877 года.

Воинственное настроение и восторги наши оказались, таким образом, несколько преждевременными, и дипломатии угодно было помучить нас несколько, затянув свои, непонятные для нас, переговоры.

Невесела жизнь в той глуши, куда забросила нас судьба! Впрочем, «когда здоров да молод, без веселья весел!» – гласит русская пословица. И мы умудрялись разнообразить скучные зимние вечера: устраивали пикники, танцы, и барышни окрестных помещиков охотно являлись, в сопровождении своих неизбежных маменек, в наш скромный кружок повеселиться и поплясать. Командир полка, несмотря на свой солидный возраст и вполне боевое призвание, был большой любитель этих soiree[102], усердно ухаживал за смазливенькими девицами и вообще немало оживлял танцы. Наплясавшись до упаду, мы принимались за хоровое пенье, причем барышни охотно примыкали к нашему кругу. От них-то мы выучились, между прочим, многим малороссийским песням, а их, в свою очередь, научили нашим казачьим. После пения снова начинался пляс, и так вперемешку до рассвета.

В декабре я был произведен в первый офицерский чин, в хорунжие, и еще с большим нетерпением стал рваться в бой…

В апреле мы покинули нашу стоянку в Ямпольском уезде, переправились через Днестр и расположились в городе Сороки. В этом переходе я не участвовал с полком: совершенно экспромтом мне удалось съездить в Варшаву.

Вышло это так. Компания офицеров (все юнцы – я, Чеботарев, Платонов и др.) отправилась из Качковки в город Ямполь со специальною целью – кутнуть и спустить часть полученного жалованья. Остановились мы в какой-то невозможной, жидовской гостинице, верней – на постоялом дворе. Грязь и вонь, конечно, невообразимые – семиты без этого жить не могут. Кто-то из товарищей, за бутылкой пива, высказал мысль, что вот недурно бы съездить в баню и помыться. «Вот стоит в жидовской бане мыться!» – заметил я. «А что ж, когда другой нет, – отвечал товарищ. – Не ехать же в Вар-

[102] Вечеров (*фр.*).

шаву, за тысячу верст, в баню!» – «Отчего ж и не поехать? Вот завтра возьму, да и отправлюсь!..» – стал я спорить. «Ну, брат, разбрехался, – сказал Чеботарев. – Ведь отпуска из действующей армии совершенно воспрещены!» – «Хочешь пари, что поеду! – предложил я, разгорячившись вином. – Дюжина шампанского!..»

Предложение мое было принято. Товарищи заранее ликовали…

Заплатив должные дани Бахусу и Венере, мы с пустыми кошельками вернулись в Качковку.

– Полковник, позвольте мне съездить в Варшаву! – обратился я к Краснову, явившись на другой день к нему на квартиру.

– Это зачем? – удивился он.

– Дело есть, господин полковник.

– Какое такое дело?

– Да вот хоть бы кос купить! – сказал я, зная, что Краснов все собирался запастись косами на всю кампанию.

– Каких кос? Бабьих, что ли?

– Нет, не бабьих, полковник, а чтобы траву косить в Румынии и Болгарии. Вы же сами говорили, что нужно…

– Во-первых, косы уже куплены, а во-вторых, отпуска, как вам небезызвестно, воспрещены.

Но я, зная доброе сердце своего командира, продолжал его упрашивать, и, действительно, Краснов согласился. Отпуска я получить не мог, и поэтому мне дали предписание отправиться в командировку для покупки кос.

В Варшаве я был в бане, очень весело провел время, и когда вернулся через неделю в полк, то застал его уже не в Качковке, а в Сороках.

В Бессарабии жилось гораздо хуже, чем в Подольской губернии: мы не встретили здесь того теплого радушия, которое находили по левую сторону Днестра. Жители держали

себя очень сдержанно, даже сухо в отношении нас и, видимо, тяготились присутствием войск.

К счастью, нам недолго пришлось здесь стоять: 12 апреля мы выступили из Сорок. 17-го переправились через реку Прут у деревни Унгени и вступили в страну румын. Первый румынский город, который мы проходили, Яссы – бывшая столица Молдавии – очень хорошенький, чистенький и довольно оживленный. Кроме молдаван и вездесущих жидов, мы нашли здесь довольно много русских сектантов. Путь наш лежал далее через города Вырлад, Текучь, Фокшаны, Бузео и Бухарест. Не буду описывать этот путь, свои дорожные впечатления и проч. Русскому читателю все это, наверное, хорошо уже известно из многочисленных корреспонденций, рассказов, мемуаров…

В окрестностях румынской столицы мы остановились. Так как через город, согласно конвенции, русским войскам проходить воспрещалось, то, чтобы добраться до деревушки, назначенной для нашей стоянки, мы должны были обойти предместьями Бухареста, что составляло втрое дальнейшее расстояние.

Командир полка, впрочем, разрешил офицерам ехать прямо через город, и большинство из нас воспользовалось этим позволением.

Бухарест произвел на меня очень приятное впечатление: широкие улицы, прекрасные дома, роскошные магазины, отличные извозчики (русские) и хорошие, чистые гостиницы – словом, столица Румынии смело может стать в один ряд с нашим Киевом, Одессой, Варшавой, хотя, конечно, далеко ей до Петербурга.

Так как час был адмиральский[103], то мы и решили пообедать в одном из лучших ресторанов. Выбор наш остановился на «гранд-отеле», помещавшемся на бульваре.

---

[103] *Адмиралтейский, или адмиральский, час* – своего рода «обеденный перерыв».

Здесь мы узнали от одного знакомого офицера, что бригада наша (полки № 21 и 26) поступила в состав Кавказской казачьей дивизии, начальником которой был назначен генерал-лейтенант Скобелев 1-й[104], а начальником штаба – сын его, Скобелев 2-й. Здесь же мне пришлось впервые увидеть своего будущего начальника – незабвенного Михаила Дмитриевича. Во время нашего обеда в зал вошел молодой свитский генерал с несколькими офицерами, между которыми были и полковники, и капитаны, и даже прапорщики. Мы поспешно все встали. Генерал любезно с нами раскланялся и просил садиться.

Вошедшая со Скобелевым компания (человек десять) поместилась против нас за отдельным столиком и занялась едой. Оживленный, чисто военный разговор долетал до нас. Скобелев спокойно выслушивал мнение каждого и мягко, с улыбкой, оппонировал или развивал дальше известную мысль.

Я с любопытством рассматривал мощную, симпатичную фигуру героя Турана и завоевателя Кокандского ханства, одетого в свитскую форму, с Георгием на шее и с золотою шашкой через плечо. Я с удивлением присматривался к тому простому, товарищескому обращению, с которым Скобелев относился к своим компаньонам – совершенно молодым офицерам. Бритая голова Михаила Дмитриевича и небольшие, светло-голубые, смеющиеся глаза особенно привлекали мое внимание. И это насмешливое выражение глаз, этот добродушный юмор не сходили с его лица во все время обеда.

Меня что-то тянуло к этому сильному человеку, машинально влекло к нему… Мне вдруг захотелось познакомиться

---

[104] *Скобелев Дмитрий Иванович* (1821–1879), отец Михаила Дмитриевича (Однофамильцев в русской армии различали по «номерам»; первый давался самому старшему и далее до самого младшего.)

с ним, посидеть возле него, послушать его речей, взглядов, мнений. Но сделать это было, конечно, нельзя, и я только чутко прислушивался к долетавшим до меня отдельным фразам генерала и не сводил глаз с этого умного, дышащего отвагой и энергией, лица.

Расплатившись за обед, мы снова уселись на коней и крупною рысью поехали по бухарестским улицам, рассматривая по пути хорошеньких румынок, к месту стоянки полка – маленькой деревушке, верстах в трех от города. Здесь нам назначена была дневка.

На другой день я был дежурным по полку и совершенно случайно имел маленькое, но жаркое дело с неприятелем. Врагом, впрочем, оказались не турки, а семиты – прихвостни пресловутой вампирской компании «Когана и Горвица».

Я сидел за самоварчиком в своей скромной конурке, когда явился дежурный урядник и доложил, что казаки не хотят принимать сено, доставленное упомянутым товариществом. «Помилуйте, ваше благородье, лошади вовсе не едят его – один бурьян!» – жаловался он.

На моей обязанности, как дежурного по полку, лежала приемка фуража от товарищества. Выйдя на площадь и осмотрев сено, я нашел его действительно никуда не годным и забраковал. Жидам же категорически объявил, чтобы они немедленно доставили хорошее сено, так как, в противном случае, оно будет куплено на счет товарищества.

Два жидка, поверенные «Когана и Горвица», размахивая руками и крича, очень развязно и нахально стали уверять меня, что сено прекрасное и лучшего быть не может, что точно такое сено у самого Великого князя принимают, что сколько уже прошло через их руки артиллерии и кавалерии – и все были очень довольны и благодарны им, что это только мы, казаки, такие требовательные и т. д. А когда все эти доводы ни к чему не привели, и я оставался при своем

решении, то жиды стали даже меня стращать Коганом, который-де пожалуется Великому князю и мне достанется от Главнокомандующего за излишнее стеснение.

Меня, наконец, взбесили эти нахалы. «Ах вы, черти иродовы, – ишь, распетушились!» – крикнул я на них и отправился к командиру полка, чтобы доложить ему о забракованном сене. Полковник вполне одобрил мое решение.

Когда, вернувшись назад, я снова энергично приказал жидам немедленно привезти нам хорошее сено, один из них, с юркою, плутоватою физиономией, подошел ко мне очень близко и тихонько, но убедительно попросил принять дурное сено. «Ми вас будем благодарить!..» – многозначительно проговорил он. В то же время рука его незаметно опустилась в мой карман, и я почувствовал присутствие в нем двух полуимпериалов. Кровь бросилась мне в голову, рука машинально ухватилась за нагайку. «Ах ты, мерзавец, жидовская харя!..» – злобно крикнул я и с силой швырнул эти золотые монеты в подлую, противную морду Сруля. Вслед за этим плеть моя звучно вытянулась несколько раз по согнувшейся, костлявой, жидовской спине.

Взвизгнул испуганный иудей и со всех ног пустился наутек.

– Эй, станичники! Хорошенько его, подлеца! – крикнул я казакам.

Но жида уж и след простыл. Вскоре явился какой-то другой еврей, более приличный, отрекомендовался главным поверенным, очень вежливо извинился передо мной за поступок своего собрата и объявил, что другое, хорошее сено, будет немедленно доставлено…

На следующий день мы двинулись через Фратешти к Дунаю и заняли посты по реке ниже Журжева. 15-я Донская батарея, присоединенная к нашей бригаде, расположилась на позиции у самого берега. Никто нас не беспокоил – противника мы совсем не видели. И лишь глухие пушечные

выстрелы, доносившиеся со стороны Рущука и Журжева, убеждали, что неприятель уже близко и отделен от нас только широкою полосой воды, которую предстояло нам преодолеть.

Полковой адъютант, ездивший в штаб Кавказской дивизии за приказаниями, вскоре вернулся и сообщил, что бригада наша опять выделена в самостоятельную единицу и ей приказано перейти в Александрию.

Потянулись мы опять на запад. Проходя возле Журжева, взоры всех внимательно устремились на южный берег Дуная, на котором, как раз против румынского города, красиво раскинулся со своими стройными белыми минаретами и грозными укреплениями турецкий Рущук. Но, за дальностью расстояния, город казался точно мертвый и только масса палаток, белившихся вблизи его, доказывала, что защитников крепости имеется немало.

В Александрии бригада разместилась бивуаком у самого города. Офицерство расположилось по квартирам. Здесь мы пробыли почти месяц. Отдохнули, привели в порядок поистасканные за поход вещи, подкормили лошадей, позаботились о снаряжении… Словом, отдых употребили с пользой.

Александрия – маленький, тихенький городок: две грязные, тесные гостиницы (вернее, кабачка), несколько отчаянных, развеселых домов, десятка три скверных жидовских лавчонок – вот и вся, так сказать, коммерческая часть города.

По улицам постоянно проходили разные войска – пехота, артиллерия и кавалерия, направлявшиеся к Дунаю. Мы, конечно, на правах как бы хозяев старались быть им полезными, быстро знакомились, угощали, чем могли, и расспрашивали про новости. Впрочем, все новости мы обыкновенно получали от жидов: эти пронырливые люди всегда первые знали, что затевается, предполагается.

Но, в общем, мы томились от бездействия!..

В первых числах июня в нашу бригаду прибыли новые боевые товарищи и вместе начальники – для нашего брата, субалтерна[105]: бригадный командир полковник Чернозубов[106] с дивизионерами – адъютант военного министра, ротмистр Мартынов, флигель-адъютант, штаб-ротмистр барон Корф, поручик барон Розен и войсковой старшина барон Штакельберг[107] (первые два в наш полк, последние в 21-й). Офицерство наше, в особенности старшие сотенные командиры, рассчитывавшие на дивизионерство, встретили новых сослуживцев крайне недружелюбно, угрюмо. «Ишь, понаслали всяких паркетных моншеров[108] из Питера – баронов да адъютантов. Видывали мы таких: за наградами приехали у нашего брата отнимать… И без них дело сделаем!..» – ворчали некоторые сотенные командиры и холодно, сухо держали себя вначале с ними.

Вскоре, впрочем, новые сослуживцы своим прекрасным, искренним поведением и открытым, честным характером завоевали себе расположение всех офицеров, а впоследствии, под огнем, перед лицом смерти, где люди всех положений становятся равными, окончательно закрепились с ними самые тесные товарищеские отношения.

Почти одновременно с этими офицерами в город прибыл конвой Главнокомандующего – дивизион Лейб-гвардии казачьего полка, и все ждали проезда Его Высочества. По всему

---

[105] *Субалтерн-офицер* – младший офицер роты, эскадрона, батареи.

[106] *Чернозубов Григорий Федорович* (1835 – после 1891) – участник Крымской войны. Во время Русско-турецкой 1877–1878 гг. командовал 2-й бригадой 9-й кавалерийской дивизии, а затем 2-й бригадой 1-й Донской казачьей дивизии. С 1877 г. генерал-майор.

[107] *Барон Штакельберг Георгий Карлович* (1851–1913) – участник Хивинского похода (1873), Кокандской экспедиции (1875), Русско-турецкой войны (1877–1878), Китайской кампании (1900–1901) и Русско-японской войны (1904–1905). С 1907 г. генерал от кавалерии.

[108] *Моншер* (*устар.*) – пренебрежительное название франта, модника.

было видно, что армия приступает к решительным действиям, что мы накануне крупных военных событий. И действительно, 16 июня с быстротой молнии разнеслась по городу радостная весть об удачной переправе через Дунай дивизии Драгомирова. Глаза у всех весело заблистали, мы радостно поздравляли друг друга, оживленно рассказывались подробности переправы, и все с нетерпением рвались вперед.

Глава II

17 июня бригада наша двинулась к Зимнице и, в ожидании переправы, расположилась бивуаком на берегу Дуная. Через три дня, т. е. 21 июня, войдя в состав передового отряда генерала Гурко, мы переправились через понтонный мост на турецкую территорию у города Систова и через болгарские деревни Павло, Ебели и Трембеш совершенно спокойно дошли до реки Янтры, нигде – ни с юга, ни с запада – не встречая противника.

Радостное, теплое чувство испытывал я (да, вероятно, и каждый из нас), ступив в первый раз на правый берег исторической славянской реки. Сильно забилось молодое сердце, и душа рвалась все вперед-вперед, через суровые Балканы, в долину болгарской Марицы, к вратам еще более славянского Царьграда. Машинально снял я шапку и набожно перекрестился. «Дай-то Бог, – думалось мне, – скорее и с меньшими потерями добраться нам до Босфора… Уж теперь не выпустишь его из рук!.. Украду из гарема одну из жен султана, да к себе в станицу и повезу!..»

Конь мой Дон, бодро выступавший перед сотней, казалось, вполне разделял мои мысли, весело помахивая головой и внимательно посматривая по сторонам на аппетитные маисовые поля.

Жители-болгары с восторгом и радостными криками встречали нас в деревнях и гостеприимно выносили казакам хлеб, вино, фрукты и другие продукты.

24 июня несколько братушек из ближайших к Тырнову деревень явились в наш отряд и убедительно, со слезами на глазах, просили помощи против черкесов, которые, по их словам, грабили, жгли жилища, угоняли скот и убивали жителей-болгар. Немедленно назначены были три сотни для нападения на черкесов. Но последние, увидев опасность, быстро отступили к Тырнову, предварительно подпустив красного петуха. Казаки наши вернулись, не догнав противника.

В тот же день бригадный командир, полковник Чернозубов, получил от Гурко приказание произвести рекогносцировку по направлению к Тырнову. Для этой цели назначены были от нашего полка три сотни (в том числе и 6-я, где я служил) с двумя орудиями донской казачьей № 15 батареи.

Утром рано 25-го, под командой полковника Краснова, мы двинулись на юг. Со всеми предосторожностями прошли мы по шоссе около 10 верст, а турок все не было видно. Наконец, перейдя речку Руситу, авангард наш заметил возле деревни Поликраешти человек 50 черкесов, которые при нашем появлении быстро стали отступать к Тырнову. Таким образом, мы дошли без выстрела до д. Самовод, находившейся как раз у входа в Тырновское ущелье. Здесь мы заметили, что отступавшие черкесы разбились на две партии, причем одна из них отошла к монастырю, видневшемуся в ущелье, а другая переправилась на правый берег Янтры и двигалась горой.

У Самовод Краснов остановил отряд, спешил людей и нас, офицеров, собрал на совет. Предстояло решить вопрос, по какой дороге продолжать наступление к Тырнову, так как по шоссе вследствие дефиле[109] (ущелье и лес), двигаться было крайне опасно.

---

[109] *Дефиле* (*воен.*) – узкий проход между возвышенностями или водными преградами.

Вправо Краснову, видимо, не хотелось идти, потому что там, через деревню Карабунар, наступала драгунская бригада Великого князя Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского, к которой пришлось бы присоединиться, а Краснову, очевидно, хотелось сохранить самостоятельность.

Решено было произвести маленькую рекогносцировку. Меня с десятью казаками послали влево от шоссе через реку Янтру, а другого офицера (Попова) вправо от деревни Самовод. Обе рекогносцировки окончились вполне благополучно и без выстрела.

Быстро переправился я вброд через Янтру, рысью поднялся с казаками на горы и увидел, что черкесы спустились в ущелье по тропинке, ведущей в монастырь Святой Троицы. В другом монастыре (Преображенском), на левом берегу реки, я заметил турецкую пехоту, хотя количество ее не мог определить, так как она скрывалась за монастырскими стенами и в близлежащем лесу. С вершины горы в бинокль открывался чудный вид на древнюю столицу Болгарии – Тырново, стройные минареты которого особенно рельефно выделялись из утопавших в зелени красивых белых домиков, разбросанных в котловине на берегу Янтры между виноградными горами. К западу от города я ясно рассмотрел траншеи для пехоты и батарею приблизительно на четыре орудия.

Обо всем этом, вернувшись, я доложил командиру полка.

Вскоре возвратился и Попов, производивший рекогносцировку вправо от Самовод, и сообщил, что противника он не встретил и что подъем на горы очень крут.

После некоторых споров и обсуждений, какой избрать путь, остановились, наконец, на втором – к западу от Самовод.

Дорога оказалась действительно отвратительная – очень узкая, с крутыми подъемами и спусками. Когда же мы вышли на хорошую дорогу, то от встреченного драгуна узнали, что часть отряда Евгения Максимилиановича, двигавшегося через деревню Карабунар, уже впереди нас, в долине. Дей-

ствительно, через четверть часа к нам подъехал начальник всего передового отряда генерала Гурко и приказал одной сотне и двум орудиям занять позицию в горах на случай неудачной атаки Тырнова и отступления наших войск. Две же остальные сотни продолжали движение и остановились в резерве у фруктовых садов, за возвышенностью, близ самого города.

Как раз против нас, по правую сторону Янтры, на вершине горы, скат и подошва которой были покрыты лесом, виднелась турецкая батарея. Внизу же, близ реки, был раскинут турецкий лагерь, который, впрочем, по занятии спешенными драгунами Казанского и Астраханского полков близлежащей возвышенности и открытия ими огня был брошен турками, отошедшими к своей батарее.

Вскоре драгуны спустились по склону горы, не переставая стрелять, еще ниже и ближе к противнику, а место их заняла 16-я конная батарея подполковника Ореуса[110]. Лихо, точно на ученье, вынеслись на позицию конно-артиллеристы. Но на самой вершине встретилось некоторое препятствие: каменные стены садов не позволяли развернуть вполне фронта батареи. Поэтому нашей сотне приказано было помочь артиллеристам и разобрать скорее преграду. Турки очень хорошо воспользовались этою задержкой и открыли меткий и частый артиллерийский и даже ружейный (хотя расстояние до противника было около версты) огонь, нанося чувствительный вред батарее и казакам. Очевидно, неприятель еще ранее пристрелялся по возвышенности, так как первые же снаряды стали попадать в цель.

Неприятное впечатление испытывал я, когда пули, одна за другой, как-то жалобно стали посвистывать, казалось, у

---

[110] *Ореус Михаил Федорович* (1843–1920) – русский военачальник, генерал от артиллерии (1906), командир Гвардейской конной артиллерии и Гренадерского корпуса.

самых моих ушей. Звук лопавшихся гранат и сильный, пронзительный гул осколков были для меня не так страшны, как эти предательские, свинцовые пчелки… «И этот миниатюрный кусочек металла, – думалось мне, – может совершенно стереть с лица земли человека или, что еще хуже, исискалечить, исковеркать его жизнь!..» Но «привычка – вторая натура!» – гласит пословица. Человек ко всему, говорят, привыкает, и даже шильонский узник[111] привык к своей мрачной темнице. Так же можно привыкнуть и к постоянной опасности!.. Припоминая потом, в середине и в конце кампании, испытанное мною в первом, Тырновском, бою неприятное чувство при пролете над головой пуль и слыша возле себя постоянно те же предательские звуки свистящих пчелок и гудящих осколков, я невольно улыбался и удивлялся своему прежнему страху.

Эти звуки мне казались такими обыкновенными, я так с ними сроднился, засыпая и просыпаясь под их унылый концерт, так относился индифферентно, спокойно к этой летающей грозной смерти, что, кажется, совершенно позабыл даже, что рискую каждый миг отправиться к праотцам, и волновался часто из-за самых ничтожных, пустых вещей…

Здесь же, на позиции 16-й конной батареи, я увидел, между прочим, и первые жертвы беспощадной войны. Турецкие снаряды своими осколками производили ужасные раны между нашими бойцами и особенно тогда, когда граната попадала в каменную ограду – сноп чугуна и камня со злобным свистом летел в батарею и прикрытие, сея вокруг себя смерть и страдание… На моих глазах одним удачным выстрелом ранило трех человек: одному артиллеристу совершенно оторвало ногу, других страшно изувечило.

---

[111] *Шильонский узник* – главный герой одноименной поэмы Джорджа Байрона.

Несчастных отнесли шагов на 50 в сторону, и здесь, под теми же выстрелами, раны их были осмотрены врачом нашего полка К. О. Загроцким. Несмотря на опасность места, беспрерывно осыпаемого пулями и снарядами, Загроцкий совершенно спокойно, точно у себя в госпитале, занялся осмотром ран и перевязкой.

Артиллерийский бой велся самый оживленный, горячий. Наши орудия, хорошо замаскировавшись в деревьях и кустах, отлично стреляли, и не более как через полчаса две турецкие пушки были подбиты и прекратили огонь, а вскоре и вся неприятельская батарея снялась с позиции и отступила на восток.

Спешенные драгуны, в это время находившиеся в цепи на склоне горы перед нашей батареей, перешли в наступление, переправились вброд через реку Янтру и бросились на турецкую позицию… Одновременно и нашей сотне приказано было двинуться в Тырнов, чтобы узнать – очистил ли его неприятель или нет. Сотня спустилась с горы, покрытой фруктовыми садами, и кратчайшим путем двинулась к городу. Впереди ехал я с бароном Корфом; командир сотни Родионов следовал позади. Благополучно достигли мы окраины города, справа по три продолжали движение по узким, кривым улицам и скоро очутились на широкой площади, края которой были застроены хорошими кирпичными зданиями и красивым конаком[112].

Несколько одиночных выстрелов, произведенных во время нашего движения из пустых турецких домов, к счастью, не причинили нам никакого вреда. На площади мы временно остановились, чтобы привести в порядок растянувшуюся сотню. Но в это время от генерала Гурко получено было

---

[112] *Конак* (*тур.*) – на Балканах и в Турции дворец, дом сановника, вельможи или князя.

приказание вернуться сотне обратно. Повернув коней, мы прежним путем направились обратно в долину.

Здесь нам попался взвод 16-й конной батареи.

– Вы куда это, капитан? – обратился я к почтенному артиллерийскому офицеру, командиру взвода.

– Да вот приказано преследовать неприятеля – турки ведь бежали, – а прикрытия между тем у нас нет… Вот и жду, не знаю, как быть!..

Мы решили составить прикрытие артиллерии, и я, со своею полусотней, направился в авангард, отыскал с помощью пик брод через Янтру и, несмотря на крутой спуск и подъем, благополучно перетащил с казаками на правый берег реки два наших орудия.

День был жаркий, солнце жгло невыносимо. Переход по отвратительной дороге в 40–50 верст без еды и водопоя и известное нравственное волнение при первом боевом испытании – все это давало себя чувствовать.

Впереди со своею полусотней ехал я, выслав шагов на 400 маленький авангардик (человек в пять), за мной следовали два орудия, а еще позади другая полусотня.

Чтобы выбраться на шоссе, нам пришлось очень медленно, около версты, двигаться по тяжелой песчаной дороге. Наконец, кое-как дотащились мы до шоссе и здесь заметили следы турецкого бегства: брошенные ружья, ранцы и сумки, масса снарядов и патронов, артиллерийские ящики и повозки, одно подбитое и опрокинутое в ров орудие, несколько палаток, разный домашний скарб и проч.

Все это свидетельствовало о той поспешности и беспорядочности, с которой бежали перепуганные защитники Тырнова.

Проехав по шоссе версты полторы, мы стали постепенно подниматься в гору. Вдруг авангардик мой чего-то остановился.

– Чего вы стали? – закричал я, подскакав к нему.

– Да там, ваше благородье, кажись, турки! – сказал взволнованный урядник, показывая рукой на верхушку горы.

– Где? Я ничего не вижу!.. Рысью марш! – скомандовал я и с пятью казаками быстро двинулся вперед. Но не успели мы сделать и сотни сажен, как внезапно на вершине горы и шагах в 300 перед собой увидели около эскадрона всадников.

– Черт возьми, да это наши драгуны! – закричал я с досадой, принимая всадников, по красным обшлагам на рукавах и воротникам, за казанцев[113].

– Вот свинство! И стоило лезть нам из кожи! Сколько трудов, усилий, и вдруг оказывается, что впереди нас все время идет своя же кавалерия, которую мы так усердно преследуем!

– Шагом! – крикнул я громко несколько отставшему от меня разъезду, и думая направиться обратно к своим людям.

Команду мою, вероятно, услышали предполагаемые драгуны (оказавшиеся на самом деле турецкими арнаутами[114]), и вдруг дружный залп из магазинок[115] был ответом на мои слова. «Э, да вот оно что!» – подумал я и, повернув коня, понесся обратно к полусотне, рассыпал ее по обе стороны шоссе и перешел в наступление[116]. Капитан со своими орудиями немедленно выехал на позицию, тут же на шоссе, и шагов с 400 от неприятеля пустил в него картечью. Как черти, разорялись конные арнауты и внезапно открыли свою отступавшую пехоту. Капитан направил тогда огонь по этой

[113] Так назывались имевшие чины служащие 64-го пехотного Казанского полка, сформированного в 1700 г.

[114] *Арнауты* – субэтническая группа албанцев, представители которой зачастую нанимались на службу в армии различных государств.

[115] *Магазинка* – ружье с магазином.

[116] В брошюре Л. М. Чичагова «Подвиги русских офицеров в Русско-турецкую войну» автор упоминает, будто я, как сумасшедший, понесся один в атаку на турок… Как это ни лестно для моего казачьего самолюбия, но на самом деле этого не было!.. (*Примеч. автора.*)

последней, которая, после незначительной перестрелки, бросив ранцы, поспешно и в беспорядке отступила. Одно турецкое орудие появилось возле шоссе, пустило в нас три гранаты и быстро умчалось за своими войсками…

Момент был самый удобный для кавалерийской атаки, и я поехал предупредить об этом сотенного командира. Но в это время подъехал командир полка и приказал нам вернуться в Тырново.

Несмотря на мои усиленные просьбы разрешить атаковать расстроенных и, видимо, деморализованных турок, Краснов оставался непреклонен, мотивируя свой отказ тем, что лошади и люди сильно устали и, кроме того, настает вечер.

Конечно, неприятель сказал нам большое спасибо за нашу любезность и гуманность, которые позволили ему спокойно убраться восвояси!..

Вернувшись к городу, мы построились у окраины его, левее драгун. Генерал Гурко со своим блестящим штабом объехал войска и поздравил нас со славною победой. Радостное, громкое «ура» было ответом на это поздравление с первым и таким удачным кавалерийским делом: с ничтожными жертвами мы овладели с помощью одной только конницы таким важным стратегическим и административным пунктом, как Тырново, и заставили в беспорядке отступить пять таборов[117] пехоты с артиллерией.

Было около семи часов вечера, когда мы расположились бивуаком с восточной стороны города, близ шоссе, идущего на Осман-Базар, куда отступила бóльшая часть турецких войск, защищавших древнюю болгарскую столицу.

Измученные, голодные, но вместе веселые и счастливые, опустились мы на землю. Казаки рассыпались по соседним полям и начали таскать снопы пшеницы и кукурузы для своих усталых коней. Некоторые захватили прекрасные

---

[117] *Табор* – войсковой турецкий лагерь с обозом.

круглые палатки, брошенные турками, и теперь разбили их для себя и офицеров. На первый план у всех явилась забота об отдыхе и еде. Зажглись костры, закипали котелки, появилась закуска и местное вино, а с ним и оживленная товарищеская беседа…

Не успел я прилечь на солому и слегка забыться, как меня потребовал к себе командир полка. «Вы вот там все охотились на турок, – сказал добродушно Краснов. – Так не угодно ли теперь взять полусотню и занять аванпосты верстах в трех от бивуака. Посторожите нас, а мы отдохнем спокойно!..» – «Слушаю, полковник!» – отвечал я, хотя невольно состроил кислую гримасу: вместо сна и отдыха приходилось снова на целую ночь садиться на коня.

Темень стояла страшная, в десяти шагах невозможно было различить человеческую фигуру. Выбрав трех полковых урядников и дав каждому из них по восемь казаков, я приказал им направиться по трем главным дорогам, идущим от Тырнова в северо-восточном направлении на Лесковац, снабдив при этом необходимыми инструкциями. Ночью раза два объехал дороги, проверил посты и порядком проблудил в совершено незнакомой местности. Только под утро вернулся на бивуак, завалился в свою палатку и заснул как убитый.

Ночь прошла совершенно спокойно.

Утром, часов в 11, меня снова позвал к себе Краснов.

– Вот вам новое поручение: разузнайте, куда отступил неприятель и где его главные силы. Направляйтесь с вашею полусотней через деревни Арнауткиой, Горные и Дольние Раховицы до деревни Лесковац, а оттуда обратно другой дорогой. Разузнайте подробно обо всем… Ну, до свидания, желаю успеха!

«Черт возьми! – думал я, собираясь в новый путь, – почему это гусар не назначают в разъезды и аванпосты, а все мы, казаки, отдуваемся? Вчера эти господа в резерве отдыхали и сегодня тоже барствуют!..»

Выступив со всеми военными предосторожностями с бивуака, я направился к деревне Арнауткиой, до которой было около шести верст. Версты за две еще до селения мы услышали колокольный звон и удары в тарелки, а у самой окраины нас встретили жители-болгары с радостными, сияющими лицами, в нарядных праздничных костюмах. Впереди толпы стоял священник в полном облачении и с крестом в руках, несколько пожилых болгар держали образа и хоругви.

Сняв шапки и сложив на груди руки, болгары, при нашем приближении, стали громко и восторженно кричать: «Да живо Царь Александр, Царь Николай, да живо русско воинство!..» Женщины и девушки в своих красивых национальных костюмах, с букетами и вышитыми полотенцами в руках, при проезде нашем осыпали казаков цветами и дарили им свои рукоделья. А в самой деревни жители повытаскивали на улицу ушаты с водой, ведра с водкой и вином, всевозможные фрукты, пироги, сладости и проч. Все это предлагалось нам молодыми красивыми девушками, которые смело бросались между лошадьми и с сияющими, смеющимися личиками упрашивали казаков взять их угощения и подарки.

Но особенно трогательную картину представляла из себя группа стариков-болгар с обнаженными седыми головами, с глубокими морщинистыми лицами. Они протягивали нам свои грубые, мозолистые руки и, со слезами на глазах, благодарили за спасение их от ненавистных мучителей турок, за освобождение от тиранства и позорного, векового рабства. Они говорили, что давно уже ждали этой счастливой минуты, что мы – желанные, дорогие гости, что теперь они могут спокойно умереть под нашею защитой… Невольно и у меня навернулись на глазах слезы при виде этой торжественной, глубоко патриотической сцены.

Я остановил полусотню, слез с коня и приложился к кресту, который держал в руках священник. Меня моментально окружила толпа братушек, и несколько хорошеньких болгарок наперерыв предлагали мне фрукты, вино и цветы…

Невольно залюбовался я красивым и здоровым типом молодой болгарской женщины – глаза мои разбегались во все стороны…

Помню, особенно привлекла мое внимание молоденькая девушка лет 14–15. Она стояла впереди всех с букетом в руках в простом, но очень изящном костюме (очень похожем на наш малороссийский и состоявшем из прекрасно вышитой шелком рубахи, шерстяной юбки, красивого фартука с поясом и разного ожерелья) и как-то вопросительно, удивленно смотрела на меня своими большими темно-карими и задумчивыми глазками. Ум, энергия и страсть светились в этих чудных глазах южной красавицы, длинная черная коса которой опускалась ниже колен. Я машинально протянул руку к букету юной болгарки и долго не мог отвести глаз от ее выразительного, симпатичного личика… А букет этот хранился почти всю кампанию в моем походном чемоданчике.

– Ну что, турок нет близко? – спросил я окружавших меня болгар, оторвавшись, наконец, от лица деревенской Психеи.

– Э, ич нема – бегал на Балкан! – радостно и смеясь отвечали братушки, характерно прищелкивая языком и указывая на горы.

Побеседовав еще немного с гостеприимными жителями, я двинулся далее, напутствуемый самыми теплыми пожеланиями.

Не успели мы даже выехать из деревни, как о нашем приближении были извещены с помощью условных знаков жители соседних селений, и там поднялся самый усердный трезвон в колокола и тарелки. (Этим же звоном жители

старались спастись и от беспокойных шаек башибузуков[118], бродивших в горах.)

Подъезжая к деревне Горные Раховицы, мы с удивлением увидели большую толпу болгар (около тысячи человек), медленно двигавшуюся нам навстречу.

С горы открывался чрезвычайно красивый, живописный вид: большая кирпичная церковь посреди селения, довольно много хороших домов, окруженных зеленеющими садиками, и богатые костюмы жителей, причем на многих женщинах красовались даже шелковые платья – все это свидетельствовало о благосостоянии этого глухого уголка Болгарии.

Здесь нам устроена была самая торжественная встреча: почти за версту от селения нас встретила эта громадная толпа жителей, впереди которой стояло несколько священников с крестами, Евангелием и святой водой. Некоторые из болгар держали иконы и хоругви.

Чтобы дать возможность приложиться казакам к кресту и Евангелию, я перестроил полусотню рядами, разомкнув их шагов на десять, и, остановив, спешил. Сам подошел к кресту и был окроплен святою водой.

Почтенный и совершенно седой священник с умною, выразительною и чрезвычайно симпатичною наружностью обратился к нам с теплою, задушевною речью, сказанною им, к нашему удивлению и радости, на чистом русском языке.

От лица всего болгарского народа он благодарил Россию за ее всегдашнее бескорыстное сочувствие к своим младшим, единокровным, братьям, за неоднократную помощь и защиту… Прославлял нашего Государя, Главнокомандующего, армию и весь русский народ… В лице нашем благодарил все

---

[118] *Башибузуки* (*тур.* başıbozuk) – бойцы отряда турецкой нерегулярной кавалерии, прославившиеся своей жестокостью и недисциплинированностью.

русские войска за мужественную борьбу, за тяжелые жертвы и лишения…

«Да поможет нам Господь Бог, – продолжал свою речь умный пастырь, – сбросить с себя тяжелые цепи турецкого рабства!.. Да пошлет Он нам от России свет, радость, счастье, давно ожидаемую свободу и освобождение от ненавистного, позорного, мусульманского ига!..»

Затем, обратившись ко мне и благословив крестом, он сказал: «Вознесемте, свободные и храбрые россияне, вместе с нашим народом, за освобождение которого вы проливаете теперь свою кровь, горячую молитву к Небесному Владыке. Пусть поможет Он нам испить до дна горькую чашу и увидеть желанный свет Христов!» Тут он запел со всеми священниками: «Слава в вышних Богу!»

Вся эта разумная, искренняя речь старого духовного пастыря подействовала на нас как-то особенно живительно, ободряюще. Каждый с гордостью, казалось, сознавал, что вера болгар в нашу силу, в наш успех не обманывает их, что мы действительно выйдем победителями из этой тяжелой борьбы и вырвем, наконец, их из вековых и мучительных объятий зверского мусульманского народа. Наконец, эти слова, сказанные на болгарской земле природным болгарином чистым русским языком, и это радостное настроение жителей не могли не подействовать на нас тоже благотворно.

По окончании пения священник провозгласил многолетие нашему могучему Государю, Наследнику Престола, Главнокомандующему и всему русскому воинству. Казаки приложились к кресту и Евангелию и были окроплены святою водой.

Еще при начале слов священника все жители – мужчины, женщины и дети – опустились на колени и все время горячо молились. По окончании же многолетия, пропетого почти всем народом, толпа шумно поднялась и радостно стала кричать: «Ура, да живио царь Александр!» Примолкнувшие

во время речи колокола снова разразились оглушительным звоном и еще более увеличивали трогательную картину торжества.

Несколько старейшин подошли ко мне и почтительно просили принять угощение от всего общества. Я изъявил на это полное согласие, так как все равно нужно было дать лошадям маленький отдых. Приказав вахмистру построить полусотню на площади, я отправился с духовенством и старейшинами в церковь. Здесь, разоблачившись, отец Иоанн (так звали священника) показал мне иконы, разную церковную утварь и другие вещи, пожертвованные русскими людьми (многих из них он называл по фамилиям).

Осмотрев внимательно прекрасный алтарь, мы вышли из церкви и направились на площадь. По дороге отец Иоанн, оказавшийся притом очень веселым и остроумным собеседником, рассказал мне, что церковь выстроена на деньги, пожертвованные некоторыми русскими, которые и теперь не забывают ее, что во время обедни он постоянно провозглашает многолетие нашему Императору, царствующему дому и всему русскому народу. Вспоминал с видимым удовольствием о своем путешествии по России, о Москве, Петербурге, Киеве, Троице-Сергиевой Лавре и других святых местах на Руси, высказывал самые горячие симпатии ко всему славянскому миру и к протекторату России… И вообще проявил свой недюжинный ум, проницательность и трезвый, светлый взгляд. Незаметно подошли мы к площади. Здесь я увидел страшную суету: женщины и девушки, разостлав на земле холсты, со всех изб чуть не бегом таскали всевозможное угощение довольным казакам: пироги, лепешки, жареные гуси, утки, куры, разные фрукты, сласти и прочее – всего в страшном изобилии (очевидно, они еще ранее позаботились об этом); мужчины носили исключительно водку и вино.

Для меня и священников был приготовлен стол и скамейки. Старейшины окружили меня и просили, чтобы я

разрешил наших лошадей подержать болгарам, пока казаки пообедают. Сначала я не решался на это, опасаясь, как бы турки из гор не напали на нас врасплох, и хотел даже немедленно отправить разъезд, но братушки уверили меня, что не предвидится ни малейшей опасности и что, наконец, на всех возвышенных пунктах в окрестностях стоят конные юнаки[119], которые тотчас же дадут знать об опасности условными знаками. Оказалось, что болгары уже сами организовали разумную охранительную службу, и я со своею полусотней совершенно спокойно отдыхал под охраной юных милиционеров, воинов-крестьян, пробуждавшихся из векового рабского состояния к самостоятельной гражданской жизни.

Усевшись за стол, я с аппетитом занялся истреблением болгарских яств, запивая их очень хорошим красным вином. Духовные отцы тоже оказались молодцами по части выпивки и закуски и ничуть не отставали от меня. Казаки, разместившись на земле, шумно и с аппетитом ели, любезничая с угощавшими их веселыми болгарками. Лошади наши оставались под присмотром болгар всех возрастов, причем на одно животное приходилось чуть ли не десять коноводов. Каждый считал за особую честь и удовольствие держать казачьего коня. Во время трапезы болгары рассказали мне, между прочим, что на их селение несколько дней тому назад нападали черкесы и башибузуки, отступавшие от Дуная, с намерением отнять у них скот, лошадей и каруцы[120].

Жители решились отчаянно защищать свое имущество: все выходы из деревни были забаррикадированы, стар, млад и даже женщины вооружились вилами, ломами, железными

[119] *Юнак* (*серб.*) – герой, богатырь, храбрец; у южных славян – борец против турецких завоевателей.

[120] *Каруца* (*рум.*, *молд.*) – у румын и молдаван арба, телега или повозка.

прутами и проч. Кто же имел ружья и ятаганы[121], вышли в поле и образовали особый отряд, действовавший активно. Черкесы и башибузуки, не ожидавшие такого энергичного сопротивления, были отбиты с уроном, а ободрившиеся болгары начали даже преследовать отступавшего неприятеля, вооружаясь оружием убитых. Стоявшие возле меня два молодых болгарина, в доказательство своей победы, показали мне две магазинки, отбитые ими у черкесов. Я похвалил храбрость братушек и сказал, что если их хорошо вооружить и обучить, то они, наверное, не уступят в мужестве русским воинам и что скоро вот, когда мы освободим их, они будут иметь свою собственную армию. Слова мои быстро облетели толпу, и она радостно начала кричать «ура». Многие упрашивали меня дать им оружия и патронов, чтобы они могли защищаться от нападения башибузуков. Я, конечно, не мог удовлетворить их желание, но посоветовал отправить депутацию к генералу Гурко в Тырнов, который, может быть, и выдаст им часть турецкого оружия.

Отдохнув, таким образом, часа полтора и изрядно подкрепившись, мы распростились, наконец, с гостеприимными и радушными жителями д. Горные Раховицы, уселись на коней и двинулись дальше. Перед выездом я предложил священнику денег за угощение себя и казаков, но он энергично отказался принимать плату, а окружавшие нас старики стали тоже его подталкивать и уговаривать не брать денег. «Ну, в таком случае, – предложил я, – примите эти монеты на вашу церковь и, когда будете молиться за нашего царя и сражающихся русских воинов, зажигайте постоянно свечи…» Священник и окружавшие его почетные жители остались, видимо, довольны моим предложением, и маленькое недоразумение окончилось обоюдным согласием.

---

[121] *Ятаган* (*тур.*) – оружие турецких янычар.

При выступлении полусотни с площади на казаков вновь посыпались свежие цветы из группы хорошеньких юных болгарок, которые провожали нас даже за окраину селения. Прощание с жителями было самое искреннее, дружеское. Крепким рукопожатьям и теплым пожеланиям не было конца. Громкие крики провожавших нас болгар долго еще раздавались по пути нашего следования.

Было около семи часов вечера, когда мы через Дольние Раховицы доехали до Ласковац и расположились на ночлег бивуаком близ дороги на Осман-Базар и к востоку от деревни версты на полторы. Так же как и в Раховицах, нас встретили здесь жители очень радушно и упрашивали ночевать в самой деревне. Но я не рискнул на это, потому что, по слухам, в горах рыскали шайки башибузуков, и можно было ожидать ночного нападения. На бивуаке же опасность была гораздо меньше, а боевая готовность, напротив, больше.

Жители немедленно доставили нам на бивуак сена, соломы, дров и разных съестных припасов – всего в изобилии. Старшина деревни (чордбаджий), по собственной инициативе, сейчас же назначил несколько братушек в охрану – на помощь нашим казакам.

Ночь прошла совершенно благополучно, тихо. Утром я направил один разъезд на юг в горы, а с другим двинулся сам по дороге к Осман-Базару. Кроме жителей-турок, убегавших со своими пожитками, мы никого не видели.

Часов в 11 я встретился с уланским разъездом отряда генерала Леонова[122], поделился с ним своими сведениями и узнал, что неприятельских регулярных войск близко нет.

Вернувшись на бивуак, я собрал полусотню и прямой дорогой направился обратно к Тырнову, куда и прибыл около

---

[122] *Леонов 1-й Николай Степанович* (1824–1877) – участник Кавказских походов и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

4-х часов дня. По пути валялась масса разного турецкого тряпья, ранцев, манерок[123] и даже патронов, которые они бросали при поспешном отступлении из Тырнова.

О результатах своей миссии я доложил командиру полка.

Глава III

28 июня сотня наша занимала аванпосты верстах в шести по направлению к Габрово, а на следующий день, 29-го, мы двинулись через деревушку Калофер и присоединились к маленькому авангарду генерала Рауха[124], шедшего впереди всего передового отряда генерала Гурко. Главная цель последнего состояла в том, чтобы овладеть Балканами, которые представляли на пути движения русской армии вторую после Дуная серьезную преграду. Так как самый удобный из проходов – Шипкинский, сильно укрепленный турками и обороняемый значительными силами, очень трудно было взять с той стороны, откуда враги ожидали нас, т. е. с севера, то очень умно и хитро решено было в главной квартире пробраться как-нибудь неприятелю в тыл и овладеть проходом с юга, со стороны Казанлыка, откуда нашего появления совершенно не ожидали, действуя в то же время и со стороны Габрово.

Для этой цели выбрана была дикая и почти недоступная горная тропинка, ведущая от Тырнова в долину реки Тунджи у селения Ханкиой. Преодолеть этот трудный и опасный путь и должен был передовой отряд Гурко, впереди которого двигался авангард Рауха.

Русскому солдату, бывавшему не раз уже на Балканах, удалось и на этот раз успешно выполнить предприятие, на

---

[123] *Манерка* – походная фляжка.

[124] *Раух Оттон Егорович* (1834–1890) в ноябре 1876 г. был назначен для особых поручений при Главнокомандующем действующей против Турции армией.

первый взгляд кажущееся просто безумным. Он не любит долго ломать голову и рассуждать, это не в характере русского человека: ему приказано взять, стало быть, нужно это сделать во что бы то ни стало, хоть тресни!..

Героями этого трудного и опасного перехода явились саперы (конно-пионеры), которые мужественно и неутомимо, с топором и киркой в руках и с винтовками за плечами, прокладывали горную дорогу, расширяли ее, устраивали спуски для артиллерии, разбивали громадные каменные глыбы, растаскивали столетние исполинские дубы, лежавшие поперек горных потоков, на дне которых пролегал путь… Словом, главную тяжесть перехода несли на своих плечах.

Работа, действительно, египетская[125] и в мирное время, а тем более при постоянной боевой готовности, ежеминутно рискуя получить пулю в голову, при известном нравственном тревожном настроении, и притом в страшную дневную жару, сменяемую холодными, сырыми ночами. Все выше и выше поднимались мы, борясь с негостеприимною природой и, шаг за шагом, завоевывая себе узкую, опасную тропинку. Горные орлы парили над нашими головами, очевидно, недоумевая неожиданному появлению непрошеных гостей.

Пот градом катился с лиц тружеников-саперов, но они и не думали об отдыхе.

Я с полусотней шел непосредственно за саперами, первым из нерабочих людей проходя, таким образом, по новой дороге и невольно любуясь величавыми и живописными горными пейзажами, открывавшимися перед нашими глазами. Позади нас двигались пластуны[126].

---

[125] *Египетская работа* – тяжкий, изнурительный труд (по ассоциации с сооружением гигантских пирамид Египта).

[126] *Пластуны* – казаки специального разведывательного подразделения казачьего войска.

Поздно вечером прекращались работы по проложению дороги и рано утром снова начинались с еще большею энергией и поспешностью.

Три ночи провели мы в глухом Ханкиойском проходе, и ночи эти, наверное, живо сохранились в памяти у каждого из участников этого смелого и счастливого предприятия!..

На высшей точке перевала (близ деревни Паровцы) командир конно-пионеров, отважный полковник граф Роникер, устроил очень оригинальный памятник в честь прохода русских героев через этот пункт: из громадного столетнего дуба, толщиною в четыре обхвата, был вырублен большой столб около трех сажен длины и зарыт на одну треть в землю. На четырех обтесанных сторонах вырезаны были фамилии офицеров, унтер-офицеров и урядников, перешедших здесь первыми Балканы.

Один из саперных офицеров очень искусно нарисовал на белом шелковом платке наш национальный герб и прикрепил этот импровизированный флаг к небольшому шесту, утвержденному наверху дубового памятника. Картина вышла очень эффектная!

До сих пор мы карабкались вверх, теперь же стали спускаться вниз.

1 июля мы были уже верстах в шести от деревни Ханкиой, которую, по слухам, сообщенным жителями ближайших горных селений, занимал незначительный турецкий отряд. Работы были приостановлены, и приняты всевозможные меры к соблюдению полной тишины и спокойствия. Мы ждали, пока по разработанной пионерами дороге подтянутся наши главные силы, чтобы затем уже сразу и неожиданно дебушировать[127] в долину Тунджи. Вперед выслали сотню

[127] *Дебушировать* (*воен.*) – выводить войско из тесного места, где можно двигаться только походным порядком, на место открытое, где можно развернуться в боевой порядок.

пластунов, этих отчаянных головорезов, которых сам ад и сатана, кажется, не устрашит. К нам, в авангард, приехал помощник начальника штаба подполковник Сухомлинов, очень молодой, веселый и симпатичный офицер Генерального штаба, вместе с князем Цертелевым[128], бывшим секретарем нашего посольства в Константинополе, поступившим с объявлением войны в Кавказскую казачью бригаду вольноопределяющимся.

Князь Цертелев, переодеваясь в болгарский и турецкий костюмы, еще ранее принимал участие в разных рискованных предприятиях, и грудь его была украшена уже тремя солдатскими Георгиевскими крестами. Теперь, в сопровождении болгарского патриота Славейкова, он отправился вперед, в д. Ханкиой, чтобы собрать там сведения о турецких войсках. Прекрасное знание им местных языков и обычаев в значительной степени обеспечивало за ним успех его смелых предприятий.

В ожидании возвращения князя Цертелева и Славейкова, офицерство все собралось в кучку вокруг разговорчивого Сухомлинова и оживленно беседовало на тему о предстоящем дебушировании и сражении.

Для большей безопасности, кроме пластунов, были выдвинуты также вперед и стрелки; весь отряд постепенно подтягивался. Спустя несколько времени приехал начальник штаба, полковник Нагловский[129], справился о положении дел и сообщил, что скоро прибудут артиллерия и начальник

---

[128] *Князь Цертелев Алексей Николаевич* (1848–1883) – дипломат, писатель, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С началом Русско-турецкой войны перешел на военную службу, был ординарцем у М. Д. Скобелева, затем у И. В. Гурко.

[129] *Нагловский Дмитрий Станиславович* (1838–1890) с началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял для поручений при начальнике штаба действующей армии, затем занимал должность начальника штаба Западного отряда генерала И. В. Гурко.

отряда, но что сегодня дальнейшее движение, вероятно, не состоится, так как люди сильно устали и уже довольно поздно.

Вскоре благополучно вернулись из своей опасной экскурсии князь Цертелев и Славейков. Оказалось, что они очень удачно исполнили свое поручение: им удалось проникнуть в самую деревню Ханкиой, где стояли лагерем два табора пехоты, и даже беседовать с турецкими солдатами и офицерами. Последние высказывали им свое твердое убеждение, что Балканы представляют для русских почти неодолимую преграду, так как Шипкинский перевал очень сильно укреплен, а через другие немыслимо пробраться (проход Ханкиойский сами турки назвали Хаин Богаз, т. е. предательский проход).

Горькое разочарование ожидало самонадеянных, беспечных и наивных османов! Безотчетный, панический страх напал на них, когда они увидели вдруг на расстоянии действительного ружейного выстрела от себя воинственные фигуры наших пластунов и штыки русских стрелков.

В этот день (2 июля), т. е. день дебуширования авангарда передового отряда в Долину Роз, мне пришлось разыграть довольно комическую роль.

Бригадный командир, полковник Чернозубов, приказал мне отправиться с четырьмя казаками в деревню Эссекчи и узнать, занята ли она неприятелем. Рысью подъехал я долиной к северной окраине деревни и еще издали увидел в ней турецкую пехоту и вооруженных жителей. Остановившись шагах в трехстах от крайних зданий, я отправил одного казака с донесением к Чернозубову и занялся, в ожидании приказания, наблюдениями. Удивило меня немало то обстоятельство, что, несмотря на близость расстояния, в меня никто не стрелял, хотя появление наше турки, очевидно, заметили. Были ли османы в миролюбивом настроении или на них просто напал панический страх – судить не берусь, но выстрела из деревни ни одного не раздавалось. Кажется, что

наше внезапное появление их сильно смутило, и они заботились только о сохранении своей шкуры.

Во время моих наблюдений я получил вторичное приказание от Чернозубова ехать в деревню. «Черт возьми! Да как же я туда сунусь с двумя казаками? – думал я. – Ведь застрелят, как собаку…» И я снова послал к полковнику казака, прося хоть несколько человек в помощь. Но в ответ получил третье энергичное приказание – немедленно скакать в деревню.

У меня оставался только один казак (остальные не возвращались), и вот я, как Дон Кихот, обнажив шашку и скомандовав своему Санчо Пансо: «Пику на бедро!» – марш-маршем понесся в деревню по главной улице. Я ожидал, что меня встретит целый град пуль, и решил как истый кавалерист действовать только холодным оружием…

Но с каждым скачком лошади удивление мое все более и более возрастало. Турки, вместо того чтобы подстрелить меня, как зайца, бросали свои пожитки и испуганно, через заборы и канавы, бежали из деревни. Я доскакал до моста через реку Тунджу и здесь остановился.

Бежавшие между тем турки наткнулись за деревней на наших казаков (26-го полка) и были ими тотчас же атакованы. Положение мусульман стало критическое, им ничего не оставалось делать, как только бросаться с крутого берега реки в Тунджу в надежде пробраться на другую сторону. Я прекрасно видел с моста, как они целыми десятками бросались в воду и тщетно боролись с быстрым течением реки.

Казаки в это время открыли по пловцам частый и меткий огонь из своих берданок[130], и река мало-помалу стала покрываться несчастными убитыми и ранеными, которых течением быстро уносило вниз.

---

[130] Так называли винтовку Бердана, состоявшую на вооружении русской армии в 1869–1891 гг.

В то время как я, стоя близ моста со своим казаком, с грустью смотрел на расстреливание несчастных и обезумевших фанатиков, самоотверженно решившихся лучше погибнуть в волнах Тунджи, чем отдаться живыми в руки гяуров[131], и, признаться, не особенно-то завидовал подвигам своих станичников, – через мост проезжала запряженная двумя буйволами каруца, нагруженная разным домашним хламом. Красивый и довольно молодой еще (лет тридцати) турок, вооруженный старинным ружьем, пистолетом и несколькими ятаганами, заткнутыми за пояс, вел быков. За возом шла одетая в черный костюм турчанка с чадрой на голове. Очевидно, они нас не замечали, беспокойно оглядывались по сторонам и торопливо погоняли буйволов. Проехав уже мост, турчанка, случайно оглянувшись, увидела вдруг нас, испуганно вскрикнула: «Москов!» и навзничь упала на землю без чувств (не знаю, может быть, и притворилась – женщины ведь на это мастерицы!). Я подъехал к турчанке, нагнулся с коня и хотел заглянуть ей в лицо. «Если молодая да красивая, – подумал я, – то надо будет привести в чувство. Если ж старая, то, Бог с ней, пускай лежит!»

В этот самый момент что-то свистнуло мимо моего уха, и одновременно раздался ружейный выстрел. Я быстро поднял голову, увидел шагах в сорока от себя дымок и понял, что в меня стрелял тот самый турок, который шел с возом. Видя свою оплошность, последний бросился бежать, желая спрятаться за ближайшее толстое дерево. Но мой казак быстро прицелился в бежавшего, и пуля угодила ему в затылок…

Позади раздался лошадиный топот. Я оглянулся и увидел проходившую через деревню 2-ю сотню нашего полка. Впереди ехал сотенный командир, есаул Полухин. «Послушайте,

---

[131] *Гяур* (*тур.* «неверный») – презрительное обозначение человека, не исповедующего ислам, любого немусульманина.

Дукмасов, не хотите ли пристроиться к нам? – обратился он ко мне. – Мы сейчас думаем атаковать турецкий обоз, который вон там двигается…»

Я отказался, так как обоз был бабий, т. е. с мирными жителями, хотя и вооруженными. Кроме того, на ближайших возвышенностях, влево от нас, виднелась неприятельская пехота и артиллерия. Сотня атаковала обоз, но, встреченная сильным ружейным и артиллерийским огнем, должна была отступить.

Одновременно с проездом 2-й сотни ко мне вернулись те три казака, которые были посланы мною еще ранее с донесениями к полковнику Чернозубову. Выругав их хорошенько за неисправность и мешкотню, я направился с ними охотиться на басурманов: с моста я заметил, как человек 10–12 турок, переплыв удачно реку, скрылись на противоположном берегу в небольшой рощице. Вот сюда-то я и направился со своею миниатюрной командой, перебравшись предварительно на правый берег Тунджи.

Подъехав шагов на сто к роще, я знаками стал объяснять туркам, чтобы они положили оружие и сдались. Но вместо ответа на нас посыпались пули. Тогда я решился со своими ничтожными силами штурмовать рощу, предварительно подготовив атаку ружейным огнем. Двух человек я поставил с фронта, а двух таким образом, чтобы они могли фланкировать засевших в роще турок; сам же расположился между ними. Стрелять условились по очереди: сначала фронт, затем фланг. Кусты в роще были в высоту не более роста человека. Посреди нее находилась небольшая площадка (шагов в 50 шириной), на краю которой и расположились эти 10–12 злополучных турок. Для производства выстрела они приподнимались, а затем быстро прятались. Этими моментами мы и пользовались: как только показывалась голова турка, казаки быстро прицеливались и стреляли. Не прошло

и четверти часа, как половина защитников была нами перебита, и оставалось только шесть человек.

Было около шести часов вечера. Бой на всех пунктах в живописной, прелестной Долине Роз уже прекратился, турки везде отступили частью на восток, частью на юг в Малые Балканы. Ружейная перестрелка уже давно замолкла, и только мой крошечный отрядик продолжал еще с увлечением перестреливаться близ рощи с оставшимися в живых шестью отчаянными фанатиками, предпочитавшими верную смерть и рай Магомета позорному плену.

Верстах в полутора от нас, по левую сторону Тунджи, собралось наше начальство (генерал Раух, полковники Чернозубов и Краснов) и, очевидно, недоумевало, что это за неугомонные бойцы. Посланный от них ротмистр Мартынов прискакал ко мне с трубачом, чтобы узнать о причине стрельбы. «Что это вы тут стреляете, в кого? – обратился ко мне подъехавший Мартынов. – Генерал Раух прислал меня узнать, в чем дело». – «А вот видите, – отвечал я, указывая на мелькавшие в роще огоньки, – охотимся здесь на красную дичь – двуногих и красноголовых зверей. Не хотите ли принять участие? Сейчас поведем решительную атаку… Предлагал несколько раз сдаться – не хотят, подлецы! Вот мы попробуем, кстати, хорошо ли отточены наши шашки…» – «А что ж, пожалуй», – отвечал Мартынов, и красивые глаза его заблистали. Мы вынули револьверы и стали медленно подходить к роще, постепенно уменьшая круг.

Оставалось не более 30-ти шагов, как вдруг из ближайшего куста быстро поднялся молодой высокий турок, торопливо прицелился из ружья и выстрелил. К счастью, пуля пролетела мимо, никого из нас не задев. Сопровождавший Мартынова трубач соскочил с коня и, выхватив шашку, бросился на турка, намереваясь изрубить его. Еще два-три шага, и голова фанатика покатилась бы на землю. Но он быстро и лов-

ко отскочил назад, вторично, почти в упор, прицелился из своей магазинки в бежавшего на него трубача и спустил курок. Раздался новый выстрел, а за ним – глухой, раздирающий душу крик.

Мы увидели, как трубач, точно подкошенный, повалился на землю – пуля фанатика впилась ему в живот. Жалобно застонал смертельно раненный, корчась на земле в страшных мучениях… Потеря товарища ожесточила моих казаков: стремительно ворвались они в рощу и, соскочив с лошадей, стали крошить шашками оставшихся в живых турок. Не могу вспомнить без содрогания этой ужасной картины! Люди превратились в каких-то диких, бешеных зверей, которые рвут и мечут без разбора все, что попадается им на пути. Куски человеческого мяса, точно листья, летали по воздуху, русская сталь обильно обагрилась мусульманскою кровью…

Я въехал на упомянутую небольшую площадку посреди рощицы и увидел семь-восемь человеческих трупов в самых ужасных, безобразных позах с застывшими, страшными лицами. Три человека еще были живы и окружены моими казаками. С каким-то бессмысленным, идиотским выражением страшного испуга смотрели они, присев на корточки, на нас и что-то бормотали… Мне стало жаль этих людей, и я хотел спасти им жизнь… Но все было напрасно! На одного из них казак налетел верхом и с силой вонзил свою пику ему в грудь. Другой, соскочив с коня, выхватил из рук опешившего турка ружье и прикладом его же собственного оружия разбил ему череп. Мозг так и остался на крепком ложе турецкой магазинки…

Я люблю войну и не отличаюсь слабостью нервов, но и то не мог без отвращения и содрогания смотреть на эту сцену. Но, оглянувшись в сторону, увидел еще более тяжелую и ужасную картину: шагах в двадцати от меня, под густым кустом сидел высокий седой старик. К нему, стоя на коленях и

вся дрожа, прижалась бледная молодая женщина с крошечным ребенком на руках. Старик, подняв глаза к небу и сложив руки на груди, мирно качал головой и что-то усиленно бормотал. Лихорадочный блеск его черных, больших глаз, болезненно-желтый цвет лица и эти шевелящиеся сухие губы надолго врезались мне в память. (Помню, потом я видел точно такое же выражение у одного преступника в Адрианополе, приговоренного к повешению и стоявшего уже у виселицы.)

Широко раскрыв глаза, смотрел я на этого молящегося перед смертью старика, обезумевшую, полуживую женщину и плачущего младенца. Глухой удар прикладом о череп турецкой головы заставил меня обернуться в противоположную сторону, и в ту же минуту я услышал голос одного из своих казаков: «Ваше благородие, – берегитесь!», а вслед за этим пуля пролетала над самым моим погоном. Я быстро обернулся и увидел дымок возле молящегося старика, а в дрожащей руке его большой старинный пистолет. Взор его по-прежнему был обращен к небу, губы еще чаще шептали молитву… Один из казаков подбежал к старику, приставил к его груди свою винтовку и хотел выстрелить. «Что ты, Бога бойся! – остановил я его вовремя. – Посмотри на ребенка и мать…»

Казак несколько сконфузился, торопливо проговорил: «Виноват, ваше благородие», вырвал только из рук старика пистолет и от души помянул его родителей. Вероятно, и ему невольно вспомнилась его родная станица, его мать, семья, и екнуло доброе казачье сердце, и зверь снова на время превратился в человека…

Я приказал осмотреть кусты, думая найти если не живых, то хоть раненых врагов. Но, кроме одиннадцати трупов и трех живых существ (старика и ребенка с матерью), никого не оказалось. Поворотив коня и поблагодарив сердечно Провидение за то, что счастливо избавился от направленной в меня

опасной пули, я поехал к Мартынову, который заботливо хлопотал возле опасно раненного и сильно мучившегося трубача. Положив его на шинель, два казака осторожно на пиках понесли несчастного товарища на перевязочный пункт.

Овладев так счастливо Ханкиойским проходом, передовой отряд генерала Гурко двинулся 4 июля долиной реки Тунджи к городу Казанлыку.

Накануне же, т. е. 3 июля, две сотни (5-я и 6-я) нашего полка получили приказание произвести рекогносцировку города Ени-Загры.

Рано утром, под общею командой адъютанта военного министра, ротмистра Мартынова, двинулись мы через горы к цели нашей рекогносцировки. Дорога была довольно плохая – узкая, каменистая, с постоянными подъемами и спусками. Хотя Малые Балканы и невысоки, но зато очень круты и обрывисты. Узкая дорожка, по которой наши две сотни растянулись на значительное расстояние, вилась по довольно живописной местности, покрытой роскошною растительностью. Громадные густолиственные каштаны, ореховые, дубовые и буковые рощи, роскошные чинары и местами зеленые луга покрывали крутые и обрывистые склоны Малых Балкан и придавали этому горному уголку очень живописный, красивый вид. А внизу, под нашими ногами, в глубине ущелья и между утесами, с шумом катили свои холодные воды в долины Марицы и Тунджи горные быстрые ручьи.

Беспрерывные подъемы и спуски сильно утомляли наших лошадей, но мы, всадники, не чувствовали усталости и были в самом веселом настроении духа, полною грудью вдыхая этот здоровый, горный и ароматический воздух и любуясь чудными пейзажами.

Наконец, мы благополучно достигли деревни Бузаача, откуда начинался спуск в долину. Вдали, верстах в семи, вид-

нелась Ени-Загра со своими красивыми белыми домиками и высокими, стройными минаретами.

Мартынов приказал мне произвести рекогносцировку с взводом казаков влево от города, а хорунжему Ретивову вправо. Подъехав к крайним домам Ени-Загры, приблизительно на версту, я отчетливо увидел, даже без помощи бинокля, около табора неприятельской пехоты и два эскадрона черкесов, расположившихся за городом. Дальше наступать было бесполезно, и я, вернувшись, доложил обо всем Мартынову. Вскоре возвратился тоже Ретивов и сообщил, что он испортил телеграф, ведущий из Эски-Загры в Ени-Загру, и что у железнодорожной станции стоят два турецких табора. Заметивши нас, противник, видимо, засуетился, но огня не открывал.

Несмотря на присутствие довольно значительного неприятеля, Мартынов решил сделать попытку взорвать железнодорожный мост и испортить телеграф. (Ени-Загра лежит на железной дороге из Филиппополя и Адрианополя в Ямполь; железнодорожная станция находится почти у самого города.) Во взводной колонне рысью двинулись две наши сотни к полотну железной дороги между городом и расположенной вправо от нас деревней Эрлемиш. Местность была открытая, ровная, очень удобная для действий кавалерии.

В двух верстах от города нам навстречу, с левой стороны, быстро выехали черкесы (около двух эскадронов) и тотчас же рассыпались. Две полусотни наши немедленно сделали заезд налево, рассыпались и образовали таким образом заслон против черкесов для остальных двух полусотен, которые продолжали наступление к полотну железной дороги.

Я со своею полусотней находился в упомянутом заслоне, который смело повел наступление на черкесскую цепь. Последняя, очевидно, избегая столкновения, стала медленно отступать, рассчитывая подвести нас под огонь своей пехоты и

артиллерии (всего около пяти таборов, как оказалось впоследствии), которые занимали сильную позицию между городом и железнодорожной станцией. Увидев эту грозную пехотную силу, поняв хитрую тактику отступавших черкесов и безрассудность преследования, я вовремя поворотил своих людей.

И действительно, только что мы начали отступать, как черкесы, вместо того чтобы нас преследовать, быстро очистили фронт перед своею позицией, поскакав на фланги ее, и позади нас вдруг раздались сильные ружейные залпы и орудийные выстрелы. Сотни пуль полетели за нами вдогонку, засвистав над головами, а турецкие гранаты стали рваться у самых ног наших испуганных лошадей. Одновременно у деревни Эрлемиша показались два неприятельских орудия, которые стали тоже в нас стрелять… Мы очутились внезапно под перекрестным артиллерийским огнем. Все это было так неожиданно и так дурно подействовало на нас в нравственном отношении, что в рядах смущенных казаков произошел некоторый беспорядок, путаница, и наиболее трусливые бросились даже было наутек. И только благодаря энергии и мужеству офицеров, порядок скоро был восстановлен, и начавшееся бегство перешло в стройное отступление шагом. Черкесы нашим временным беспорядком не воспользовались и даже не делали попыток нас преследовать. Несмотря на сильный огонь, мы отделались очень счастливо, потеряв только пять убитых лошадей.

Цель рекогносцировки была все-таки более или менее достигнута: хотя железную дорогу нам и не удалось разрушить, но силы и расположение неприятеля были обнаружены довольно точно. Мы спокойно возвращались в Долину Роз прежнею дорогой через Малые Балканы. При подъеме на горы, близ деревни Бузаач, мы нашли две каруцы, нагру-

женные ящиками с патронами Пибоди[132]. Очевидно, они были брошены турками при отступлении от Ханкиоя. Сотенный командир мой, есаул Гречановский, вздумал было уничтожить эти патроны: приказав казакам подложить под возы соломы, он сам стал поджигать ее. Пламя вспыхнуло, раздалась оглушительная трескотня, и Гречановский едва не поплатился жизнью за свою безумную забаву.

Спустившись с Малых Балкан снова в Долину Роз, мы двинулись к западу, вверх по течению Тунджи, и догнали наш полк, который вместе с другими войсками передового отряда, выступив из Ханкиоя 4 июля, 5-го вступил уже с боем в Казанлык после жарких и блестящих дел при селениях Уфлаки и Уфландиркиой. Наша бригада расположилась бивуаком у северной окраины города Казанлыка в розовых садах (розы, к сожалению, уже отцвели тогда).

Еще днем погода стала портиться, с Балкан надвинулись густые тучи, подул сильный ветер, и к вечеру полил дождь.

Было около 11 часов вечера. Большинство на бивуаке уже спало. Забравшись в свою палатку, отнятую казаками у турок, и завернувшись в бурку, я собирался уже уснуть, как вдруг услышал отдаленный ружейный выстрел, за ним другой, третий, и поднялась трескотня. Моментально вскочил я на ноги и выбежал из палатки, чтобы узнать, в чем дело. Дождь лил как из ведра, темнота была такая, что соседней палатки я не мог рассмотреть. Трубачи энергично играли тревогу, казаки торопливо впотьмах разыскивали своих лошадей, слышались громкие приказания офицеров – выводить с коновязи коней, убирать палатки и проч. Поднялась невообразимая суета, беготня… Команды начальников, кри-

---

[132] Патроны к армейской винтовке Пибоди-Мартини, которая в 1869–1871 гг. фирмой с таким же названием выпускалась в США и состояла на вооружении армий ряда стран, в том числе и Турции.

ки казаков, топот и фырканье испуганных лошадей, шум ветра и дождя и все усиливающаяся перестрелка – все это слилось в какой-то нестройный ночной концерт. Прошло еще несколько минут суеты, и все были уже готовы к выступлению, несмотря на страшную темноту и дождь. Палатки все убраны, вещи наскоро уложены. Я, впрочем, рассчитывая почему-то, что из этого ничего серьезного не выйдет, приказал не убирать свою палатку, решив в крайности лучше ею пожертвовать.

Итак, все были готовы, но приказания выступать не получалось.

Ко мне в палатку скоро собралось несколько офицеров, чтобы хоть немного укрыться от дождя. В ожидании приказаний мы занялись беседой.

Вдруг пули стали что-то очень часто летать возле палатки, в которой горела свеча. «Тушить огонь, огонь потушить!» – услышали мы крики, и в палатку вскочил урядник. «Ваше благородие! Командир полка приказали потушить свечу – турки стреляют по огню…» – торопливо произнес он. Кто-то из нас дунул на свечу, и в то же мгновение несколько пуль пронзило палатку, к счастью, никого не задев.

Между тем стрельба мало-помалу начала ослабевать и вскоре совершенно прекратилась. Из аванпостной цепи приехали несколько казаков и привели с собою пять турок, захваченных ими в плен. Оказалось, что всю эту кашу заварили человек 30 каких-то отчаянных башибузуков, всполошивших весь отряд силою в полторы тысячи!

Приказано было снова поставить лошадей на коновязь, а людям расположиться на отдых. Мокрые, совершенно в грязи, не имея сухой нитки и сухой пяди земли, все мы были в очень жалком положении. От сильного дождя и происшедшей во время тревоги топотни бивуак представлял какое-то топкое болото – грязи было чуть не по колено. Сено, заготовленное для лошадей, оказалось тоже втоптанным в грязь…

Ни лечь, ни сесть немыслимо было!.. Так всю ночь, до рассвета, казаки и простояли, держа в поводу лошадей, которые то и дело выдергивали колья из размокшей от дождя земли. Убедились мы горьким опытом, что значит ночная тревога!.. Будем ее хорошо помнить!..

Единственный сухой уголок во всем бивуаке оказался в моей неразобранной палатке, и потому скоро она битком набилась нашим офицерством с командиром полка во главе.

Привели для допроса пленных турок – грязных, оборванных и перепуганных – и через переводчика узнали, что они пробирались в Эски-Загру из отряда, разбежавшегося под Шипкой, и нечаянно в темноте наткнулись на нашу цепь, с которою и завязали перестрелку.

В то время как Гурко со своими храбрыми войсками (главным образом лихою 4-ю стрелковой бригадой)[133] занят был атакой почти неприступного грозного Шипкинского перевала с юга, со стороны деревни Шипки, на нашу долю выпала довольно скромная роль – обезоружения турецкого населения в соседних с Казанлыком деревнях.

7 июля я был послан со своею полусотней в горы, к северу от Казанлыка, для отобрания у жителей-турок деревень Гусева, Хаскиой, Янина и др. всего имевшегося у них оружия. Все шло благополучно, сопротивления нигде я не встречал, и турки беспрекословно выдавали нам свои, большею частью старинные, ружья, ятаганы, кинжалы и проч.

Но в одной из деревень (названия ее не помню) около 60-ти вооруженных турок заперлись в мечети и, как только

---

[133] 4-я стрелковая бригада неоднократно отличалась во время войны с Турцией. Ее 13, 14, 15 и 16-й стрелковые батальоны с успехом приняли участие в переправе через Дунай у Зимницы, Забалканском походе Передового отряда генерала И. В. Гурко, в походе на выручку Шипки и др. За стойкость и мужество бригада получила неофициальное название «Железной» бригады, или «железных стрелков», которое сохранилось за ней до последних дней существования русской армии.

мы показались на площади, открыли по нам ружейную пальбу. Через болгарина я предложил им сдаться и положить оружие, обещая полную амнистию и свободу. Но все предложения мои оказались напрасными, и турки, видимо, решились отчаянно защищаться.

Видя недействительность паллиативных мер[134], я решился действовать более энергично. Несколько казаков по моему приказанию спешились, подкрались к мечети и стали закладывать окна и двери соломой и дровами и обливать все это дегтем (весь материал обязательно доставили жители-братушки). Турки, видя эти приготовления и поняв, что я хочу поджечь мечеть и выкурить их оттуда, – решились, наконец, сдаться. Оружие было сложено у дверей мечети, и толпа в шесть десятков здоровенных, преимущественно пожилых, турок с зверскими, фанатическими лицами, вышла на площадь, при радостных восклицаниях братушек, которым я разрешил разобрать сложенное оружие.

Меня тотчас же окружила громадная толпа болгар и, видимо, возбужденная, с криком и, жестикулируя, стала указывать на некоторых из бывших в мечети турок, обвиняя их в разных преступлениях, зверствах, убийствах и грабежах, а некоторых даже в том, что они убивали беременных болгарок, распарывали ятаганами у них животы и вынимали оттуда живых младенцев… Страшно возмущенный этими рассказами, этим неслыханным варварством и зверством, я, под впечатлением минуты негодования, исполнил просьбы болгар и отдал им на расправу этих преступников… Не прошло и десяти минут, как я узнал, что их постигла очень печальная участь и тяжелая кара: все они, т. е. тринадцать человек, были повешены!..

«Смерть за смерть!» – злорадно говорили обрадованные болгары.

---

[134] *Паллиативная мера* – полумера.

Остальных турок я распустил. Поздно вечером, усталый физически и особенно разбитый нравственно, вернулся я в Казанлык, на бивуак. Тени этих тринадцати повешенных турок не давали мне целую ночь покоя: мне все мерещилось, что они окружают мою палатку и требуют объяснения за мой несправедливый, жестокий суд…

Оказалось, что эпизод с повешенными турками сделался известным генералу Гурко, и на другой день я был потребован для объяснения к начальнику отряда. В первый раз мне пришлось говорить с этим славным героем лихого Забалканского набега. Сосредоточенным, серьезным, даже слегка угрюмым показался мне этот бесспорно храбрый и дельный генерал, и вместе истый русский патриот. Строго распек он меня за самоуправство, отечески дал затем несколько теплых наставлений и предупредил, что если вперед повторится что-либо подобное, то он без колебаний отдаст меня под суд и – я буду расстрелян… Повесив нос, вышел я из палатки генерала и твердо решился быть вперед осторожнее и поменьше увлекаться.

7 июля Шипкинский перевал находился, как известно, уже в наших руках, и передовой отряд Гурко вошел в соединение с Габровским отрядом князя Святополк-Мирского. Теснимые с двух сторон и опасаясь быть захваченными в плен, турки ночью бежали с перевала горными тропинками на Калофер и далее к Филиппополю, оставив в наших руках орудия, снаряды, часть обоза, лагерь и кучу голов наших убитых и раненых воинов, павших в несчастном бою 6 июля.

Радость наша была, конечно, всеобщая, хотя многие и недоумевали, как это удалось улизнуть совершенно незаметно и безнаказанно такой массе, как 10 000 человек, при значительной кавалерии с нашей стороны.

Глава IV

10 июля сотня наша (6-я) в составе отряда генерала Столетова (Казанский драгунский полк, взвод 16-й конной батареи и дружины болгарского ополчения) двинулась по дороге к Эски-Загре. Отряд имел, главным образом, целью захватить проход к этому городу через Малые Балканы и обеспечить, таким образом, за передовым отрядом путь к его дальнейшему наступлению в долину Марицы.

Рано утром, лишь солнце показалось из-за гор, мы двинулись уже в путь, наша сотня шла в авангарде. Дорога тянулась сначала вдоль левого берега Тунджи по совершенно открытой ровной местности. Пройдя около 22 верст и переправившись через мост на реке Тундже, отряд наш остановился на привал близ селения Горные Чайникчи, как раз у подножия Малых Балкан. Генерал Столетов решил самое жаркое время провести в отдыхе. Людям приказано было варить пищу, лошадям раздали сено, в горы выставили аванпосты. Офицеров нашей сотни пригласил к себе закусить ротмистр Мартынов, расторопный денщик которого уже успел занять удобное местечко и поставить самовар. Вскоре подошла голова колонны главных сил, впереди которой ехал Столетов со свитой. Мартынов встретил его, доложил о расстановке аванпостов и пригласил закусить. Генерал – представительный, любезный и простой человек и при этом большой говорун и весельчак – охотно принял предложение Мартынова, слез с коня и подошел к ковру, на котором уже появились разные закуски, вино и самовар.

Вскоре к нашей компании подъехал также командир болгарской дружины, полковник Калитин[135], с несколькими

---

[135] *Калитин Павел Петрович* (1846–1877) – подполковник, командир 3-й дружины болгарского ополчения. Геройски погиб 19 июля 1877 г. в бою при Эски-Загре.

своими офицерами. Завязался оживленный разговор о пережитых днях, предположения о будущем и проч. Столетов и Калитин вспоминали о своих лихих туркестанских походах. Большинство офицеров болгарской дружины оказались тоже люди, более или менее опытные в боевом деле и понюхавшие уже не раз пороха на полях Туркестана. Беседа длилась долго, вино и чай гостеприимного хозяина быстро уничтожались…

Так как нашей сотне приказано было тронуться в путь в два часа дня, а было только около 12-ти, то я, напившись чаю, отправился осматривать теплые минеральные источники, вытекавшие вблизи из гор. Каменное здание, выстроенное турками для купанья, помещалось на окраине деревни. Посреди большой комнаты устроен был мраморный резервуар шириной около 15 аршин[136], глубиной в два аршина. По краям стен устроены были низкие диваны для раздевания. Все это было, конечно, в самом грязном, запущенном виде. Я позвал несколько казаков, приказал им спустить воду, обмыть резервуар и наполнить его свежею водой. Через полчаса все это было готово, и я отправился на бивуак. Офицерство, подзакусив и выпив изрядно, валялось на траве в самых разнообразных позах. Одни тщетно старались уснуть и найти защиту от палящих лучей солнца; другие очень весело насвистывали болгарский национальный марш «Шумит Марица»[137], выученный ими от добровольцев болгарской дружины; третьи, лежа на спине, лениво перекидывались фразами.

---

[136] *Аршин* – мера длины, соответствующая 71,12 см.

[137] «*Шумит Марица окровавленная*» – первая строка популярного во время освободительной войны 1877–1878 гг. болгарской песни, написанной Н. Живковым, ставшей боевым маршем болгарских добровольцев в Сербии. В 1885 г. она стала государственным гимном Болгарии, который оставался неизменным до 1945 г.

– Публика! – обратился я к этой компании. – Кто желает лечиться за счет султана: купаться в турецких минеральных источниках?

– Где, какие источники? – послышались вопросы.

– А вот идем, покажу. У кого есть сувениры из Румынии – может, поможет: состав воды, кажется, вроде Пятигорской…

Желающих нашлось очень много, и мы целою ватагой отправились к упомянутому зданию. Хотя температура воды была довольно высокая (около 25°С), но мы все-таки выкупались с удовольствием. После нас в бассейн битком налезли казаки, и вода приняла какой-то бурый цвет.

В два часа дня сотня наша уселась на коней и двинулась дальше, к Эски-Загре, до которой оставалось около 18 верст. Малые Балканы, которые нам приходилось переходить уже третий раз (считая два конца при рекогносцировке Ени-Загры), представляли и здесь довольно красивую, хотя и не столь живописную группу, как Большие Балканы: роскошная растительность (каштан, дуб, бук, чинар), покрывавшая местами склоны гор; быстрые горные ручьи, с шумом низвергавшие свои воды с водопадами и каскадами в низкие долины и глубокие ущелья; постоянные подъемы и спуски – все это разнообразило наш трудный путь, открывало перед нами все новые и новые прелестные ландшафты, которыми все мы невольно любовались. Неприятеля нигде не встречалось. Мы шли совершенно спокойно.

Подходя к Эски-Загре, выслан был вперед разъезд, который вскоре донес, что в городе турецких войск вовсе нет. Новость эта была для нас, конечно, очень приятна. Появление наших разъездов на улицах Эски-Загры вмиг облетело город и произвело самое отрадное впечатление на болгарское население и, напротив, удручающее на турецкое. Болгары целыми толпами высыпали на улицы и бросились навстречу подходившему отряду. По всему городу, за отсутствием

колоколов, стали бить в железные доски. Турецкие власти стремительно бросились бежать из города, который очутился, таким образом, в нашей полной власти.

У входа в город шедшая в авангарде наша сотня остановилась и выстроилась для встречи начальника отряда. Около шести часов вечера показалась колонна главных сил, впереди которой ехал генерал Столетов со свитой.

Приняв депутацию от города, встретившую его хлебом-солью, Столетов любезно отвечал на радостные приветствия духовенства и жителей. Затем войска вступили в город, улицы которого были буквально запружены жителями в праздничных, нарядных костюмах, громкими криками «живио»[138] и бросанием в нас цветов выражавшими свою радость. Особенно восторгам их не было конца, когда они увидели своих единокровных братьев, шедших в рядах болгарского ополчения и явившихся сюда защищать свободу, честь и жизнь своих отцов, матерей, братьев и сестер. Молодые болгарские воины, еще недавно лишь мирные граждане, не умевшие даже держать в руках оружия, теперь гордо и стройно маршировали бок о бок со своими старшими братьями – русскими опытными солдатами и веселым, сердечным «ура» отвечали на приветствия своих родных, знакомых и соотечественников. Воинская дисциплина не позволяла им выйти из строя и броситься на шею этих близких людей, для спасения которых они решились жертвовать своею жизнью.

Что-то великое, могучее, какая-то твердая вера в свое будущее, в свою силу слышалось в этих оглушительных русских «ура», вырывавшихся из молодых, экзальтированных болгарских грудей! У меня у самого что-то екнуло в груди, невольно слезы выступили на глазах, и хорошее, сладостное чувство испытывал я – совершенно посторонний зритель –

---

[138] Да здравствует! (*болг.*)

при виде этой трогательной, счастливой сцены… Этот народ, целые столетия не смевший даже думать о гражданской свободе, целые века находившийся в положении несчастных, забитых рабов и призываемый теперь к новой, счастливой и свободной жизни своими могучими северными братьями, видел свою собственную стройную армию, защиту своей жизни, имущества, свободы… Да, для болгарского патриота это была великая, торжественная минута!.. Когда войска прошли город, расположились вне его бивуаком, приняли меры охранения и солдатам разрешено было отлучиться, тогда уже юные болгарские воины бросились в объятия дорогих, близких людей, и слезы радости и счастья текли из глаз стариков и детей, мужчин и женщин.

Большинство офицеров поместилось с войсками на бивуаки, некоторые же, в том числе и я, в городе, на квартирах. На мою долю достался очень хороший дом одного богатого турецкого бея[139], бежавшего как раз перед нашим приходом в Филиппополь. Ротмистр Мартынов поместился вблизи, тоже в доме какого-то бея, и пригласил меня являться к нему каждый день на обед.

Не успел я войти в мои роскошные апартаменты, лишь несколько часов перед этим находившиеся во владении турецкого деспота-бея, как несколько казаков привели ко мне какого-то безобразного пожилого турка с феской на голове. «Это что за зверь – где вы его поймали?» – обратился я к казакам. «Это, ваше благородие, евнух – начальник, значит, гаремный… Тут, сказывают, жены хозяина остались, и он с ними…» – отвечал один из казаков, самодовольно ухмыляясь. «А, – подумал я, – это преинтересная, должно быть, штука. Нужно будет с этим господином покороче познакомиться!..», и заманчивые картины из «Тысячи и одной ночи» невольно

[139] *Бей* (*тюрк.*) – титул мелкого вассального князя.

замелькали в моем воображении. После трудов и лишений суровой боевой жизни эти сладкие иллюзии казались особенно привлекательными. Я с любопытством взглянул на евнуха. Это был человек лет 45–50, небольшого роста, с черными, безжизненными глазами, с полною, обрюзглою физиономией; без бороды и усов. Он исподлобья и как-то испуганно смотрел на меня.

Через переводчика-грека я узнал, что владетель этого дома, турецкий бей, очень богатый человек, был бичом для болгарского населения Эски-Загры. Своими зверскими поступками, бесчеловечным обращением с болгарами, постоянными несправедливыми доносами губернатору и самым нахальным лихоимством он приобрел себе громадное состояние, с одной стороны, и ненависть всего христианского населения – с другой. Симпатизировавший ему губернатор, с которым он, вероятно, делился своими незаконными доходами, назначил его, по объявлении войны, начальником башибузуков в Филиппополе, куда бей и переехал в последнее время с четырьмя любимыми женами. 9-го же июля, вечером, он приезжал снова в Эски-Загру, чтобы забрать остальных жен и оставленное имущество, как вдруг, 10-го, около пяти часов вечера, разнесся слух о появлении перед городом русских войск. Бей, дрожа за свою шкуру, поспешно бежал, захватив с собою только двух слуг и четырех лошадей и оставив все свое награбленное имущество и до 30-ти женщин в гареме на произвол судьбы.

Все эти сведения мне сообщил один местный грек, довольно сносно объяснявшийся по-русски. Меня чрезвычайно интересовал домашний быт богатого турка, и я решился подробно осмотреть все хозяйство бея. Входя с улицы воротами на двор, направо находилось одноэтажное кирпичное здание, где помещался сам бей, налево – деревянные здания для прислуги и разные хозяйственные склады, напротив были

устроены конюшни для лошадей и сараи для скота и экипажей. Небольшой, почти квадратный двор (около 40 шагов в длину и ширину), обнесенный с двух сторон высокой кирпичной стеной, был чрезвычайно изящно вымощен каменными плитами, а посреди его находился красивый мраморный фонтан с золотыми рыбками в резервуаре.

Вдоль стен росли деревья, причем лунка у каждого была очень искусно обложена разноцветными камнями. Через балкон, обвитый виноградом и находившийся под тенью роскошных чинар и каштанов, я вошел в одноэтажное здание, расположенное направо от ворот. В этом доме, где постоянно жил сам бей, с правой стороны находились две маленькие комнаты, а с левой – большая зала, посреди которой устроен был фонтан с резервуаром для купанья. Пол залы и резервуар сделаны были из прекрасных мраморных плит. Кругом всей залы, вдоль стен, находились широкие и низкие диваны с подушками из дорогого малинового бархата. Через стеклянные двери я вышел снова на двор, обошел все строения, конюшни, сараи и, к удивлению своему, не нашел того, куда стремились все мои молодые помыслы и желания, т. е. гарема. «А где же гарем?» – обратился я к переводчику, все время сопровождавшему меня вместе с евнухом.

Грек молча показал рукой по направлению на сараи. «Скажи евнуху, чтобы он сейчас вел меня туда», – обратился я снова к нему. Евнух беспрекословно повиновался, но переводчик с выражением испуга на лице наотрез отказался сопровождать нас, объяснив, что по турецким законам его за это могут повесить.

Захватив с собою на всякий случай револьвер и шашку, я отправился один вслед за евнухом. Подойдя к потайной двери, устроенной во дворе против фонтана, между зданием для прислуги и сараями, евнух остановился, вынул из-за пояса какой-то особенный ключ и вложил его в едва заметную

скважину. Еще мгновение, дверь тихо отворилась, я переступил порог, сделал несколько шагов вперед и – в изумлении остановился… Совершенно новый, никогда не виданный мною мирок открылся перед моими глазами: небольшой фруктовый сад, обсаженный по краям роскошными, тенистыми ореховыми и персиковыми деревьями, каштанами, миртами и чинарами; великолепный мраморный фонтан посредине сада, окруженный красивыми ароматическими цветниками; двухэтажный, изящной архитектуры и обвитый виноградом дом – влево от меня и, наконец, около 30-ти женщин в турецких оригинальных костюмах и с открытыми лицами – вот что открылось перед моими глазами.

В момент моего входа почти все обитательницы этого таинственного уголка находились в саду; одни, сидя на коврах под тенью деревьев, занимались рукодельем, другие возились у цветов, третьи – тихо гуляли по дорожкам и спокойно беседовали. Я как вкопанный остановился на месте и, широко раскрыв глаза, несколько даже растерявшись, смотрел на гаремных обитательниц. Неожиданное появление мое в это совершенно недоступное постороннему человеку жилище произвело на всех, видимо, сильное впечатление: дщери гарема точно застыли или окаменели в тех позах, в каких они увидели меня, и только невольное восклицание не то ужаса, не то удивления вырвалось у некоторых…

Это была живая картина, достойная кисти лучшего художника! Не могу точно передать того чувства, которое я испытывал в эту минуту. Какая-то радость, что вот, наконец, мне удалось-таки проникнуть в этот таинственный магометанский мирок, и вместе с тем какая-то неловкость, что я так грубо нарушаю этот строгий мусульманский обычай, – эти два чувства, кажется, боролись во мне тогда.

Несколько мгновений женщины смотрели на меня испуганными, вопросительными глазами. «Кто это такой? Что

ему надо?» – говорило выражение каждой из них. В глазах некоторых старух я прочел даже ужас. Кажется, они догадались, что видят перед собою ненавистного москова, гяура.

Евнух что-то грозно крикнул, и картина сразу изменилась: женщины быстро опустили свои покрывала – и вместо красивых, античных личик я увидел только черные, неподвижные статуи. Такою переменой я, конечно, не мог остаться доволен и, в свою очередь, стал объяснять евнуху, чтобы он приказал им снова открыться. Долго он не мог ничего понять и, выпучив свои бессмысленные и безжизненные глаза, испуганно-тупо смотрел ими на меня. Но когда я более энергично стал жестикулировать руками, показывая в то же время на лицо, евнух быстро понял, в чем дело. Вновь послышалась его команда, и я опять мог любоваться на южных чернооких красавиц Востока. Я обошел всех женщин и внимательно рассмотрел их: из тридцати гаремных обитательниц только 10–12 было очень молодых, в возрасте от 15-ти до 20-ти лет, с правильными, красивыми чертами лиц и смуглым цветом кожи. Впрочем, две были блондинки и одна шатенка. Особенно врезалась мне в память одна из виденных мною красавиц: она стояла, прислонившись к стене, и держала в руках какое-то рукоделье. Ей было не более семнадцати лет. Никогда не забуду я эти чудные, выразительные глазки, смотревшие на меня как-то вопросительно и с каким-то любопытством, эти роскошные, видневшиеся из-под чадры, черные волосы, миниатюрную, обутую в изящную туфельку, ножку и вообще всю эту маленькую стройную фигурку южной красавицы. Много после того мне пришлось пережить разных невзгод, не раз рисковать своею бездельною жизнью и видеть смерть у самых глаз, но образ Пембы (так звали красавицу, как после сказал мне евнух) до сих пор еще не изгладился из моей памяти.

И у меня вдруг явилось непреодолимое, страстное желание подойти ближе к этой очаровательной темной фигурке,

обвить руками ее стройную, тонкую талию и – целовать, целовать без конца эти глубокие, черные глазки, красивый смуглый лобик, полуоткрытые губы, покрытые слабым румянцем щеки… и забыть всю эту окружающую обстановку, эту войну с ее ужасами, воплями и кровью… Мысли стали путаться, в глазах потемнело… я чувствовал, что еще мгновение, и – я превращусь в зверя!

Я уже сделал шаг по направлению к красавице, протянул к ней руки… как вдруг услышал какое-то странное, непонятное восклицание и в то же время увидел устремленные на себя злые, страшные глаза старухи-турчанки, стоявшей близ Пембы. Казалось, она поняла мои мысли и намерения и, как старый цербер, решилась защищать юную красавицу от диких объятий гяура. Я остановился, пришел несколько в себя, оглянулся кругом и увидел десятки ненавистных, испуганных глаз, устремленных на меня, увидел снова евнуха, стоявшего недалеко с какою-то старухой и что-то ей бормотавшего, увидел несколько полунагих детей, вначале мною незамеченных, трех молодых негритянок и проч.… И когда я снова стал отыскивать глазами Пембу, ее уже не было – она куда-то скрылась.

Я понял, что она убежала в здание гарема, и решился его немедленно же осмотреть. Крикнув евнуха, я вошел с ним в нижний этаж, где оказались две залы, несколько спален и кладовых. Затем мы поднялись наверх, где находилась баня и опять спальни. Обстановка была самая богатая, роскошная. Все располагало к неге, наслаждениям, любви… В одной из комнат я снова встретил Пембу. Она стояла, прижавшись к стене, и так же вопросительно, удивленно смотрела на меня… В этот раз я не мог уже удержаться. Евнух предупредительно куда-то скрылся, нас никто не видел. Я быстро и решительно подошел к Пембе, крепко обнял ее и долго, долго целовал эти бледные, дрожавшие губы… Она не со-

противлялась и молча, покорно отдалась своему новому временному повелителю… Чудный, блаженный миг – никогда я его не забуду!.. И теперь вспоминаю тебя с наслаждением, с любовью!.. И как скучна, как бесцветна кажется эта настоящая будничная, серенькая жизнь по сравнению с теми счастливыми, незабвенными минутами!..

Спустившись вниз, я осмотрел находившуюся на противоположном конце сада кухню, причем евнух с помощью пантомимы объяснил мне, что все женщины едят вместе и что число кушаньев за обедом бывает обыкновенно шесть-семь, а иногда доходит даже до пятнадцати. Затем я отправился домой.

На другой день, после обеда у Мартынова, мы осматривали вместе гарем его хозяина, тоже какого-то бея, командовавшего регулярною кавалерией в Адрианополе, и нашли там 32 женщины, большею частью молодых, красивых. Обстановка и здесь была богатая, роскошная…

Вообще день 11 июля мы провели в Эски-Загре очень весело… Самое радостное настроение господствовало во всем нашем отряде, которому вполне гармонировало состояние духа всего болгарского населения города. Блестящие успехи передового отряда Гурко в Долине Роз, перевалившего даже теперь, в лице нашем, Малые Балканы, положительно отуманили нам голову. Мы рвались с нетерпением все вперед и вперед, мечтали даже о завладении Адрианополем, о полнейшем истреблении турецких армий, о скором окончании всей кампании. В шовинизме, словом, у нас недостатка не было, мы шапками готовы были забросать врага! «Побед и славы!» – сделалось нашим капризным лозунгом…

Правда, носились темные и грозные слухи о том, что из Черногории двигается Сулейман-паша с отборными, испытанными войсками, что нам угрожает серьезная опасность встретиться с сильным и энергичным противником, который

может остановить наше победное шествие… Но все это были лишь слухи, предположения, догадки!.. А тут южное солнце так ярко и тепло светило нам, чудная июльская природа так нежно ласкала своею прелестью, роскошные сады манили в свои тенистые объятия, прекрасное местное вино так приятно пилось, веселые русские песни дружно пелись и хорошенькие болгарки так мило и приветливо улыбались нам, своим избавителям… До грустных ли дум в такие счастливые, сладкие минуты!..

12 июля наша сотня назначена была в состав отряда, состоявшего из двух эскадронов казанских драгун и взвода (двух орудий) 16-й конной батареи под общею командой дивизионера упомянутого полка, майора Теплова.

Задача отряда состояла в том, чтобы разрушить железную дорогу у станции Каяджик (на линии Филиппополь – Адрианополь), взорвать железнодорожный мост, порвать телеграфное сообщение, уничтожить запасы… Словом, наделать возможно больше зол противнику. Исполнив все это, мы должны были вернуться обратно в Эски-Загру. Туда и обратно около сотни верст – расстояние приличное! Вообще это был настоящий кавалерийский набег – смелый, лихой! Мы дерзко вторгались чуть не в самое сердце турецкой территории, мы вздумали порвать их важную коммуникационную линию, соединявшую такие крупные административные центры, как Филиппополь и Адрианополь. Я, конечно, был очень доволен предстоящею поездкой и заранее предвкушал ее удовольствия.

Рано утром 12 июля наш небольшой отряд двинулся налегке по довольно хорошей дороге прямо на юг к деревне Кечерлы, лежащей на реке Марице. Расстояние это было пройдено очень быстро и без всяких задержек. Противник отсутствовал. Наша сотня, по обыкновению, шла в авангарде со всеми мерами охранения, с головным и боковыми разъез-

дами. Я находился впереди, при головном разъезде. Не доходя верст шести до Кечерлы, мы свернули вправо с большой дороги и проселком направились к деревне Каяджик. Железная дорога лежала по правую сторону Марицы, и, следовательно, нужно было переправиться на противоположный берег. Подъехав к реке близ деревни, я с помощью пик отыскал брод и перебрался со своими казаками на правую сторону Марицы. Брод был довольно неудобный (полтора-два аршина глубины), течение очень быстрое, но мы переправились все-таки совершенно благополучно.

Еще ранее, из деревни, мы заметили близ железнодорожной станции партию черкесов и башибузуков, которые при нашем приближении удалились без выстрела в горы и оттуда продолжали издали наблюдать за нашими действиями. Переправившись через Марицу (причем мои казаки, на виду черкесов и башибузуков, весело распевали «Шумит Марица, окровавленная…», песню, выученную ими от солдат болгарского ополчения – наших товарищей по Забалканскому походу), я направил десять человек под командой урядника на станцию железной дороги, дав ему известную инструкцию, а сам с остальными десятью казаками поскакал ближайшим путем к полотну. Мой Дон первым, кажется, из всех русских боевых коней ступил на турецкие рельсы. Высоко подняв голову, он гордо посматривал по сторонам, точно любуясь незнакомой, красивой долиной болгарской Волги…

Не теряя ни минуты, я приступил со своими казаками к делу, т. е. к разрушению, истреблению и сожжению всего того, что находилось близ полотна дороги, что было необходимо или полезно нашему врагу. Телеграфная проволока была вмиг сорвана, столбы срублены, сторожевые будки разрушены. Откуда взялась у всех сила и энергия! Ни утомительный, длинный переход, ни страшная жара, ни голод и усталость – ничто не помешало нам с замечательною быстротой уничтожать и истреблять все. Отыскав в будке лом и

ключ, я попробовал разобрать рельсы – и попытка моя увенчалась полным успехом.

Оставив казаков продолжать разрушительную работу, я поскакал по полотну на железнодорожную станцию и через несколько минут был возле нее. Соскочив с коня и привязав его к телеграфному столбу, я вбежал в помещение маленькой станции. У аппарата сидел какой-то господин в штатском платье, который при моем виде вскочил и отрекомендовался начальником станции и подданным Французской республики.

Я его, тем не менее, попросил сейчас же убраться восвояси, а находившимся здесь казакам приказал испортить аппарат, бить стаканчики, рвать проволоку и рубить столбы. В углу, между прочим, я заметил какой-то массивный железный сундук. «Это что?» – обратился я к перепуганному французу, который с ужасом смотрел на моих казаков, безжалостно истреблявших все его дорогие аппараты, у которых он, быть может, так долго и спокойно работал, мечтая о своей милой Франции, о скорой пенсии и возвращении на родину… И вдруг являются сюда эти северные медведи, ломают все, что попадается им под руку, разрушают все его планы, надежды, заветные мечты…

– Что это? – повторил я вопрос, указывая на сундук.

– Касса, мсье, касса, – отвечал вежливо и торопливо француз.

– А, финансы! Отличная штука – пригодится нам, – решил я вслух и тотчас же поставил к этому сундуку в качестве часового одного казака.

В это время на станцию прибыл мой сотенный командир, есаул Гречановский, которому я и доложил о своих распоряжениях, а сам отправился к водокачке, чтобы разрушить ее динамитом[140].

---

[140] Динамитные патроны имеются в каждом кавалерийском полку. (*Примеч. автора.*)

Спустя четверть часа на правый берег Марицы переправился эскадрон наших драгун и рысью направился к каменному железнодорожному мосту, находившемуся верстах в трех от станции у какой-то горной речки, и вскоре разрушил его динамитом. Другой же эскадрон казанцев оставался в прикрытии к артиллерии, которая заняла позицию на левом берегу Марицы и должна была прикрывать наше отступление в случае нападения противника и неудачи.

Явился и начальник отряда, майор Теплов, и приказал зажечь станцию, все железнодорожные постройки, склады с хлебом и военными припасами и проч. Из железного же сундучка (кассы), у которого я поставил часового, майор Теплов вынул деньги и приказал их положить на одну из двух каруц, найденных в деревне. Сюда же поместились начальник станции (он же и телеграфист) с женой, детьми, нянькой и некоторыми вещами. Все же остальное имущество француза (мебель, дорогие картины, зеркала и проч.) сгорело вместе со станцией[141].

Исполнив все, что нужно было, т. е. истребив, взорвав и разрушив, сотня наша и эскадрон переправились на левый берег Марицы и направились обратно к Эски-Загре. На нас, казаков, возложена была снова самая трудная обязанность – двигаться в арьергарде. Поднимаясь на гору, я оглянулся назад. Картина правого берега реки сильно изменилась, и следы наших трудов, следы опустошения и разорения резко бросались в глаза: пылающие и разрушенные здания, порубленные телеграфные столбы, масса спутанной проволоки, битые стаканчики, испорченный путь – все это были результаты наших подвигов. Да, подвигов! В мирное время это

---

[141] Впоследствии, впрочем, француз взыскал с нашего правительства все причиненные ему этой рекогносцировкой убытки и получил вознаграждение чуть ли не 50 000 звонкой монетой. (*Примеч. автора.*)

можно было бы назвать разбоем, вандализмом, зверством. Неумолимые же законы войны возводят такой лихой кавалерийский набег в особый подвиг…

Между тем черкесы и башибузуки, которые все время издали наблюдали за нашими действиями, спустились с гор, переправились вслед за нами через Марицу и стали все смелее наседать на наш слабый арьергард.

Я ехал сначала рядом со своим сотенным командиром, есаулом Гречановским; третий наш офицер, хорунжий Ретивов, находился в левом боковом разъезде. Есаул Гречановский был человек среднего роста, средних лет (около 40), брюнет, очень любезный, вежливый и разговорчивый. Образование он получил университетское, что так редко встречается между нашими офицерами, и был прекрасный товарищ и вместе отличный начальник. Но при всем этом он был, на мой взгляд, вовсе не создан для военной службы и более походил на мирного гражданина – административного деятеля, чем на природного воина-казака: той лихости и отваги, которые так присущи нашим степным сынам, у Гречановского не было в натуре… Ретивов был еще совсем молодой офицер, простак, весельчак и добряк; любил очень уединение, за что мы его звали «волчком» и «зеброй».

Пройдя около трех верст от деревни Каяджик, Гречановский вдруг получил донесение из левого бокового разъезда от Ретивова, который сообщал, что на него сильно наседают башибузуки с черкесами, и просил скорейшей помощи. Так как людей в сотне было очень мало[142], то Гречановский отправил казака к майору Теплову, бывшему при главных силах отряда, с донесением Ретивова и с просьбой о помощи.

---

[142] Всего восемь рядов во взводе, следовательно, 64 рядовых при 10 урядниках; в боковые разъезды были посланы по 12 человек, и в главных силах сотни оставалось только 50 казаков. (*Примеч. автора.*)

Но последняя не явилась, и майор предложил нам управиться собственными силами. Тогда Гречановский решил сам помочь Ретивову и, взяв с собою 24 человека, приказал мне с остальными 26-ю продолжать следовать за колонной главных сил, присоединив к себе также правый боковой разъезд. Образовалось около сорока всадников, и я с ними медленно продолжал отступление. Местность, по которой мы двигались, была волнистая, покрытая мелким кустарником. Солнце продолжало невыносимо жечь, усталые кони медленно шли, опустив головы. Скоро Гречановский со своими людьми совершенно скрылся из наших глаз. Казаки затянули какую-то «жалостливую» песню про «шинкарку», и под ее минорный мотив я невольно задумался. Но мысли мои были не дома, не на Дону, а в Эски-Загре, в гареме турецкого бея. Чудный образ миниатюрной брюнетки с черными выразительными глазками, с симпатичным смуглым личиком и стройной фигуркой носился перед моими глазами, сидел со мною рядом на седле…

Вдруг унылая песня сразу оборвалась и веселая, плясовая громко огласила волнистые окрестности.

Раздушечка казак молодой, (bis)
Разудалый добрый молодец! (bis)

* * *

Что не ходишь, что не жалуешь ко мне? (bis)
Без тебя, мой друг, постелька холодна, (bis)

* * *

Одеяльце заиндевело, (bis)
Подушечка потонула во слезах! (bis)

Точно они угадали мои мысли об уютном уголке, об отдыхе, о Пембе!..

Было около пяти часов вечера, когда отрядик мой подошел к деревне Ак-Бунар, отстоявшей от Каяджика верст на двенадцать. Передохнув здесь с четверть часа и напоив лошадей, мы двинулись дальше. Черкесы, рассыпавшись на высотах к северо-западу от деревни, держали себя очень скромно и ни разу даже в нас не выстрелили. Перед выходом из деревни я приказал трубачу играть генерал-марш, и черкесы с видимым удивлением прислушивались к непонятным звукам наших сигналов.

С песнями прошли мы через деревню Узух-Хассан, у которой черкесы прекратили свое преследование. Солнце уже село, когда мы подошли к реке Сюютли, на берегу которой находилась какая-то пустая помещичья усадьба (чифтлик), вероятно, покинутая владетелем турком. От Гречановского я не получал никаких известий и потерял его совершенно из виду. Поэтому я решился остановиться здесь на ночлег и дожидаться его. Я поместился в пустом турецком доме, а казаки расположились в большом дворе, обнесенном кирпичной стеной. Распорядившись относительно мер охранения на случай нечаянного нападения, я заснул как убитый на мягком и широком турецком диване. Ночь прошла совершенно спокойно. Утром рано приехал от Гречановского казак, сообщил, что у них тоже все благополучно и что башибузуки не тревожили их больше. Нам приказано было двигаться дальше.

Позавтракав наскоро яйцами, молоком и хлебом, откуда-то раздобытыми казаками, я снова уселся на коня и направился со своею командой к Эски-Загре, до которой оставалось еще около 15-ти верст. Дон весело и бодро выступал впереди, оглядываясь по временам на своих боевых товарищей, с которыми он так приятно провел ночь в турецких конюшнях, наевшись вволю прекрасного овса.

Еще усевшись только на коня, я заметил, что седло мое как-то особенно блестело и издавало приятный, сильный запах.

– Чем это вы смазали амуницию? – обратился я к казакам, увидев, что и их седла тоже блестят.

– А это, ваше благородие, – отвечал, улыбаясь, урядник, – нынче утром казаки отыскали в погребе маленький бочонок, зарытый в землю, с каким-то маслом. Так вот им и смазали амуницию, сапоги, а кое-кто и голову. Пахучее оно, должно, из него турки помаду делают!

Я тогда только догадался, что это был бочонок с розовым маслом, который бежавший помещик не успел, вероятно, захватить с собой.

Казаки сильно опечалились, когда узнали от меня, что этот бочонок стоил больших денег…

– Ну, братцы, в другой раз будем умнее! – говорили они друг другу. – Кто ж его знал, что оно такое дорогое!..

– А вы, подлецы, не смейте этого в другой раз делать, – выругал я казаков. – От масла вся амуниция погореть может…

Проехав несколько верст, я услышал во время беседы казаков произнесенную ими несколько раз фамилию начальника отряда, майора Теплова, и при этом не особенно лестные эпитеты по его адресу. Заинтересованный этим, я придержал несколько коня, чтобы лучше слышать разговор, и скоро понял, в чем дело: во время разрушения железнодорожной станции и истребления разных складов и запасов в Каяджике некоторые из казаков воспользовались турецкими шелковыми рубахами, чтобы заменить ими свое старое рваное белье. Увидав это, майор сильно рассердился, стал ругаться и одного из казаков побил даже нагайкой. Все же рубахи приказал бросить в огонь. Так вот за это они его теперь и ругали. «А в самом деле, – думал я, – отчего бы и не разрешить заменить старые порванные рубахи новыми? Кому с того польза, что их пожег?.. Будь я на его месте, то,

напротив, приказал бы бросить в огонь наше старье, а не прекрасное новое!..» Вообще, кажется, майор Теплов не особенно-то долюбливал нас, казаков.

Так, например, он обещал Гречановскому, что деньги, которые окажутся в кассе (найденной мной на железнодорожной станции в Каяджике), он разделит поровну на весь отряд. Не знаю, может быть, драгуны и артиллеристы получили, но казакам ничего не досталось. Вообще, какая участь постигла эту кассу и сколько в ней оказалось денег я об этом ничего не слыхал. Далее: донося рапортом о результатах рекогносцировки, о порче железной дороги и телеграфа и упомянув подробно о действиях своих эскадронов и конноартиллерийского взвода, а также назвав по фамилиям всех драгунских офицеров и даже некоторых унтер-офицеров, майор Теплов только в конце рапорта упомянул про нас: «и сотня казаков», не назвав при этом ни номера полка и сотни, ни фамилии ее командира и офицеров – точно роль наша в этой рекогносцировке была самая ничтожная, мизерная… А сотня, между тем, при наступлении шла в авангарде, а при отступлении – в арьергарде, т. е. на ее долю выпала при движении самая тяжелая роль, уже не говоря о разрушении железнодорожных построек.

В Эски-Загру я прибыл около 12 часов дня, и вскоре туда же явились Гречановский и Ретивов с остальными казаками нашей молодецкой сотни.

В тот же день, вечером, я получил приказание произвести рекогносцировку дорог в Малых Балканах и два дня должен был провести на коне в несколько знакомых уже мне горах, не выпуская почти из рук планшета с компасом и карандашом.

Два дня я дышал здоровым горным воздухом, любовался с высоких вершин на видневшиеся вдали роскошные долины Марицы и Тунджи, отдыхал в тени столетних каштанов и дубов, в то время как Дон мой с аппетитом пощипывал вкус-

ную ароматическую травку, – словом, провел эти два дня в здоровом, приятном труде.

Наконец, я окончил свою работу, вычертил кроки [143], написал легенду и представил все это в штаб начальника кавалерии передового отряда, Николая Максимилиановича Лейхтербергского, за что и удостоился лично получить благодарность от Его Высочества.

Глава V

Между тем слухи о наступлении с юга и юго-востока грозных сил Сулеймана все более и более подтверждались как нашими рекогносцировками, так равно и рассказами бежавших испуганных жителей. Пронесся также слух, что в Ени-Загре появился довольно значительный турецкий отряд. Чтобы проверить эти сведения, туда направлен был, 17 июля, дивизион казанских драгун, который действительно, не доходя Ени-Загры, встретил сильный неприятельский отряд и должен был отступить. В тот же день отряд Николая Максимилиановича (казанские и астраханские драгуны, киевские гусары, болгарское ополчение, 16-я конная батарея, взвод 10-й донской батареи и наша сотня) тоже двинулся из Эски-Загры по дороге в Ени-Загру и, пройдя верст 25, близ деревни Карабунар, столкнулся с турецкими силами, которые шли нам навстречу.

Завязалась перестрелка, хотя довольно и нерешительная. Наша сотня во время дела охраняла правый фланг отряда, находившегося между деревнями Карабунар и Чаулыкиой.
Было около двух часов дня, когда мы заметили сильные колонны неприятельской пехоты и артиллерии (тысяч около шести), которые медленно приближались к деревне Карабунар, предшествуемые густою цепью черкесов. Я был послан

---

[143] *Кроки* – план местности, выполненный приемами глазомерной съемки и от руки.

Гречановским к Его Высочеству с донесением о наступлении турок. Великие князья Николай Максимилианович и Евгений Максимилианович, окруженные блестящей свитой, находились при резерве между деревнями Долбока и Чаталы. Выслушав мое донесение, Николай Максимилианович приказал в случае сильного напора со стороны турок медленно отойти сотне к деревне Чаталы и остановиться здесь на правом фланге наших войск. Бывшие в это время в резерве дружины болгарского ополчения развертывались в боевой порядок и занимали позиции между деревнями Долбока и Чаталы.

Поскакав обратно в цепь, я передал приказание Его Высочества сотенному командиру, и так как черкесы в это время стали сильно напирать на нас, то мы и покинули занятую нами линию курганов, медленно отступив к деревне Чаталы.

Не успели мы отойти и на полверсты, как на одном из покинутых нами курганов показалась группа всадников, в числе которых особенно выделялся человек на великолепном белом коне.

Взвод 16-й конной батареи, находившейся на позиции вблизи нас, открыл по этой группе огонь, и так удачно, что первым же выстрелом была убита белая лошадь с всадником и еще несколько человек; остальные быстро рассыпались. Этот удачный выстрел был приветствован громким «ура» в нашей, казачьей, цепи…

Хотя сражение под Карабунаром и не имело решительного исхода и хотя даже противник, вследствие обходного движения нашей кавалерии, отступил в горы, отряд наш, тем не менее, на следующий день, т. е. 19 июля, двинулся обратно к Эски-Загре ввиду важного стратегического значения этого пункта и наступления к нему с юга сильной неприятельской армии.

Поспешно бежавшие с берегов Марицы болгары со страхом рассказывали нам о наступлении грозных полчищ Су-

леймана со стороны Тырново-Сейменли (железнодорожного узла). Сулейман-паша, пользовавшийся в своей армии репутацией опытного, боевого и энергичного полководца, очевидно, решился отбросить наши слабые силы за Балканы и снова овладеть проходами.

Разъезды наши, сталкиваясь постоянно с сильнейшим противником, постепенно отступали к Эски-Загре. Верстах в десяти от позиций наших войск у города Сулейман-паша выслал вперед всю свою кавалерию и под ее прикрытием начал выстраивать свои многочисленные таборы в боевой порядок. Наши передовые части (пехотная и казачья цепь) медленно отступили до самых виноградных садов, расположенных к югу от города, и здесь, на опушке, прочно засели. Двигаться дальше турецкая конница не решалась, а остановившись от нашей цепи в расстоянии около полуверсты, завязала с нею перестрелку. Некоторые отчаянные смельчаки марш-маршем [144] подскакивали довольно близко к нашей цепи в виноградниках и, не прицеливаясь, очень эффектно стреляли в нас. Многие из них, впрочем, были скоро сбиты с коней меткими пулями наших стрелков. У некоторых убиты лошади, и спешенные черкесы во весь дух улепетывали обратно восвояси, возбуждая своим комичным положением смех и остроты наших казаков и солдат.

В то время как турки стали теснить нас с юга, с востока – со стороны Джуранлы, где находился генерал Гурко, доносились тоже глухие оружейные выстрелы.

Наша сотня стояла в резерве у города, и около 11 часов была вытребована полковником Красновым для подкрепления двух сотен в боевой линии, сильно теснимых неприятельскою цепью. Поспешая по чрезвычайно пересеченной местности на подмогу к своим товарищам, мы попали под

---

[144] То есть очень быстро.

сильный ружейный и артиллерийский огонь. Снаряды то и дело взрывали землю впереди нас, позади и по сторонам, пули целыми тучами проносились над головами. В это же время черкесы вдруг очистили перед нами фронт и полуоборотом поскакали на наш правый фланг к Филиппопольскому шоссе, где стояли незначительные части болгарского ополчения. Мы очутились лицом к лицу с турецкой пехотной цепью, за которой виднелись густые колонны таборов и батареи.

– Хорунжий Дукмасов! – обратился ко мне подъехавший полковник Краснов. – Поезжайте скорее с взводом на правый фланг – туда поскакали черкесы!..

Я немедленно двинулся к месту назначения, с трудом пробираясь через виноградники и поперечные углубления дороги. По пути нам то и дело встречались толпы бегущих болгар – мужчин, женщин и детей, испуганно кричавших: «Турци, турци!». При повороте одной углубленной дороги я вдруг заметил довольно близко к стороне неприятеля густое облако пыли, быстро приближавшееся к нам.

Присмотревшись внимательно, я увидел около полусотни черкесов, рысью подвигавшихся к Филиппопольскому шоссе.

Так как местность не позволяла нам действовать в конном строю, т. е. броситься в атаку, а спешиться, между тем, не было времени, то я и решил встретить врага огнем с коня. Повернув взвод во фронт и подпустив черкесов шагов на полтораста, я скомандовал уже: «Взвод…», как вдруг услышал торопливое замечание некоторых казаков: «Ваше благородие, да это наши казаки-кавказцы!..» Действительно, костюм у скакавших всадников был настолько похож на форму кавказских казаков, что я сам вначале заколебался, и только отсутствие погон убедило меня, что мы имели перед собою подданных не русского Царя, а турецкого султана. Они были уже совсем близко, и я ясно различал эти смуглые, во-

инственные физиономии, блестящее черные глаза и дикое выражение лиц…

– Стрелять! – крикнул я энергично. – Это неприятель. Взвод – пли!

Раздался дружный залп, и два черкеса слетели с коней, а остальные, огорошенные неожиданными выстрелами, бросились в сторону и наскочили на залпы нашей сотни.

Отбросив, таким образом, со своим миниатюрным взводиком втрое сильнейшего противника, я продолжал движение к правому флангу и скоро доехал до Филиппопольского шоссе. Здесь, возле самого города, я выбрал небольшую площадку, впереди которой, шагах в ста всего, начинались виноградники. Мы находились, таким образом, между нашей сотней и ротой болгарского ополчения, занимавшей часть местности вправо, от Филиппопольского шоссе до самых гор.

Не успел я осмотреться и сообразить, каким образом мне удобнее действовать при нападении противника, как неожиданно в виноградниках показалась конная цепь черкесов, а по дороге двигался целый неприятельский эскадрон, во главе которого резко выделялся красивый синий значок[145]. Минута была критическая, и, будь враг поэнергичнее, посмелее, мы были бы смяты, уничтожены. Броситься нашей горсти в атаку было бы безумием, и я решился снова действовать огнем. «Целься лучше, братцы! – обратился я к казакам. – Взвод – пли!» Несколько всадников слетело с коней, остальные в нерешительности остановились. Казаки поспешно зарядили берданки. «Взвод – пли!» – заорал снова я, решив после второго залпа броситься с места марш-маршем в пики… Но в эту тяжелую для нас минуту черкесы вдруг поворотили коней и понеслись обратно…

---

[145] В турецкой армии, как и в русской, воинские части имели свои отличительные значки, изображавшиеся на штандартах или цеплявшийся к головному убору.

Я пустил им вдогонку еще третий залп, а затем бросился с казаками врассыпную (лавой) преследовать беглецов. Мысль завладеть неприятельским синим значком, который так рельефно развевался посреди удалявшихся в беспорядке всадников, не давала мне покоя, и я нещадно бил плетью своего дорогого, усталого степняка. Но пересеченная местность, виноградники и канавы не позволяли нам развернуть вполне быстроту наших коней, и черкесы, привычные к таким местам, скоро далеко ускакали.

Собрав людей, я возвратился на прежнее место, на площадку. Результатом наших первых двух залпов оказалось шесть убитых и два раненых черкеса. Один из казаков, проезжая мимо раненого врага, не выпускавшего, впрочем, из рук оружия, быстро всадил ему в грудь пику. Вместо того чтобы окончательно свалиться, экзальтированный мусульманин, собрав последние силы, с поднятою саблей, пополз на казака, намереваясь его зарубить. Видя такую отчаянную решимость, казак бросил пику, глубоко воткнутую в грудь азиата, осадил коня и снял со спины берданку. Раздался выстрел – и пуля влепилась в глаз фанатика.

В то время, когда мы выстрелами отражали нападение врага, позади нас, на холме, собралась большая толпа болгар (человек 400–500) и громкими «ура» приветствовала наши залпы, желая, вероятно, выразить этим свое сочувствие и поддержать нас нравственно[146].

---

[146] За проявление всего этого сочувствия турки жестоко отомстили впоследствии болгарам: многие были варварски убиты, тысячи изувечены, город совершенно разрушен и сожжен, имущество расхищено. Женщины и дети не избегли той же участи. Немногие спаслись бегством за Балканы… Словом, Сулеймана, разрушившего Эски-Загру, можно смело поставить рядом с другими именами, приобретшими историческую известность своим варварством (например, Тилли, разрушивший Магдебург…). (*Примеч. автора.*)

Возвращаясь обратно после неудачной погони за синим значком, я немало был удивлен, увидев убитых нами черкесов почти голыми и не найдя вовсе бывшего при них оружия. Оказалось, что это братушки уже постарались и вооружились черкесскими ружьями и шашками.

Об отбитии неприятельской атаки я послал с донесением командиру полка и своим соседям по обороне – Гречановскому и роте болгарского ополчения. Черкесы после неудачных попыток ворваться в город с западной стороны отошли за свой левый фланг и предоставили действовать пехоте и артиллерии.

Вскоре подошли к нам, т. е. на Филиппопольское шоссе, два полка драгун (казанцы и астраханцы[147]), но так как в них не было уже надобности, то они и ушли обратно на восточную окраину города, наиболее угрожаемую. Через некоторое время я получил приказание присоединиться к своей сотне и спешиться.

Между тем, на нашем левом фланге и в центре завязалось горячее, кровавое дело. Туда, очевидно, повел Сулейман свою главную атаку. Частые пушечные выстрелы, ружейная трескотня и залпы не прекращались ни на минуту. Ясно видно было, как густые колонны турецкой пехоты одна за другой лезли на нашу позицию на линии курганов, усиленную земляными укреплениями, как встреченные дружными залпами болгарского ополчения и картечью артиллерии, а также контратаками, красные фески поворачивали обратно и в беспорядке бежали, провожаемые меткими пулями берданок и крынок…[148] Но новые, свежие таборы двигались на

---

[147] Чины 12-го гренадерского Астраханского полка, сформированного в 1700 г.

[148] Винтовки системы Крнка (Крынка), находившиеся на вооружении русской армии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

смену отброшенных, и новый славянский огонь встречал рассвирепевших мусульман и грозное, могучее «ура» заглушалось пронзительными, адскими криками «Алла, алла!».

Я невольно залюбовался этой величественной картиной боя, этим смертельным поединком двух исторических врагов. Любовался также славным боевым дебютом юных болгарских дружин, с честью умиравших за свободу и счастье своей дорогой родины. Как львы дрались молодые воины, лишь несколько месяцев оторванные от сохи, с вдесятеро сильнейшим и, притом, опытным противником, с остервенением и злобой бросались они на целый лес турецких штыков, на почти верную гибель… Много уже отважных голов легло здесь, у окраины родного города, много болгарской крови впиталось в родную землю, и немногим из этих честных бойцов суждено было увидеть желанную, счастливую минуту освобождения их народа от векового, позорного и ненавистного ига.

Уже пал мертвым со знаменем в руках мужественный командир дружины, полковник Калитин[149], пало еще геройской смертью много храбрых офицеров этого ополчения, но юные милиционеры и не думали об отступлении и готовы были все до единого умереть у окраины родного города.

«Гвардия умирает, но не сдается!» – писал Наполеон I в Париж с Ватерлооского поля сражения. Ту же фразу можно было бы повторить теперь относительно болгарских дружинников, в которых русские инструкторы сумели вложить

[149] Один мой товарищ по поводу геройской смерти Калитина применил к нему очень уместно, не помню чей-то, стих:

Он, презирая смерти страх,
Вооруженною рукою
Народ болгарский защищал
И за его свободу пал… (*Примеч. автора.*)

русскую же отважную душу и уменье всецело жертвовать собой за честь и счастье родной земли…

Но и для героев есть невозможное! Сила солому ломит! Как грозные тучи, все более и более надвигались турки на наши слабые позиции, целыми потоками магометанской крови завоевывая себе каждый шаг поля сражения.

Было около трех часов. Город от турецких артиллерийских снарядов горел в нескольких местах. Острый запах крови стоял в воздухе; страшная картина разрушения и смерти виднелась со всех сторон. Большинство жителей Эски-Загры бежали из домов и расположились группами на возвышенных местах за городом, внимательно следя за ходом сражения. Тут были и мужчины, и женщины, и дети. Раненым они подавали помощь, относили их в дома и снова возвращались на свои места. Я немало удивлялся железным нервам болгарских женщин, которые, казалось, довольно спокойно смотрели на эту тяжелую картину колоссальной бойни.

Несмотря на неудачи, турки не отступали, и все новые атаки следовали одна за другой. Ожидаемое подкрепление из Ени-Загры к нам не подходило, так как Гурко сам имел жаркое дело с отрядом Реуфа-паши у Джуранлы.

Наконец, в исходе пятого часа войска наши, совершенно обессиленные в неравной борьбе с многочисленным врагом, по приказанию начальника отряда Николая Максимилиановича стали отступать.

Около четырех тысяч русских и болгар в продолжение шести часов упорно выдерживают атаку 25-ти тысяч лучших турецких войск, испытанных на боевой практике в Черногории и Сербии и под командой такого опытного, энергичного и сурового начальника, как Сулейман-паша!.. Военная история представляет немного подобных примеров! Невольно приходится вспомнить афоризм Наполеона I, что «на войне успех зависит на три четверти от нравственного элемента и

лишь на одну четверть от материальных сил». Благодаря только этому сильному нравственному элементу мы и могли бороться так упорно с юными, неопытными войсками против грозных, испытанных полчищ Сулеймана.

Бой на Шипкинском перевале 9–14 августа 1877 г.

Отряд, значительно поредевший, стал медленно и в порядке отступать на восток, по дороге в Ени-Загру. Четыре же сотни нашего полка, будучи удалены от центра и левого фланга, принуждены были двинуться по другой дороге. Тес-

нимые превосходными неприятельскими силами, спешенные казаки едва успели добраться до своих коней и через город начать отступление. Узкие и кривые улицы горевшего города были буквально запружены каруцами бежавших жителей, разным домашним хламом, бревнами и баррикадами, устроенными болгарами против вторжения неприятеля. Словом, хаос был страшный, особенно если прибавить к этому постоянно лопающиеся на улицах, дворах и домах снаряды и жалобно свистящие над головами пули.

С неимоверными усилиями, постоянными остановками для разбрасывания баррикад, то в одну, то в две лошади[150] выбрались мы, наконец, на северную сторону этого несчастного, разоренного города и по горной тропинке вытянулись в ущелье Малых Балкан.

Наша сотня шла в хвосте, и пули все время провожали нас, хотя, по счастливой случайности, мы лишились при этом отступлении только двух лошадей.

Мало-помалу мы скрылись, наконец, в горах от турок и вздохнули несколько свободнее. Двигаясь все время в северо-восточном направлении, то по едва заметной тропинке, то прямо через овраги и леса, мы ночью уже спустились с Малых Балкан и расположились бивуаком у правого берега Тунджи между селениями Ельгово и Эссекчи. Усталые, изнуренные, голодные и нравственно потрясенные хотя геройской, но все же неудачной защитой Эски-Загры, провели мы ночь в роскошной Долине Роз. Выбрав себе поуютнее местечко у самого берега Тунджи и разостлав на траве пальто, я улегся на ночлег под старым каштаном.

К северу едва виднелись покрытые густыми лесами грозные выси Великих Балкан, к югу – только что пройденная живописная группа Малых Балкан. И по ту, и по другую

---

[150] То есть: то по одному, то по два в ряд.

сторону этих чудных гор льются теперь целые потоки русской, болгарской и турецкой крови. Целый рой мыслей вертелся в моей голове. Несмотря на усталость, я никак не мог уснуть…

«И зачем все это? – думалось мне. – Какая польза нам от этого?.. Освободить братушек! Да хорошо, если они будут верными друзьями нашими, не забудут этих благодеяний и десяток тысяч погибших из-за них жертв!.. А если нет, если они заплатят нам черной неблагодарностью и сделаются нашими недоброжелателями, зачем тогда вся эта бесполезная бойня?..» Невольно припомнился мне чудный стих Байрона, которого я так любил, которым увлекался в дни юнкерской жизни:

О! Для того ль, скажи, мой Бог,
Весь этот мир создать Ты мог,
Чтоб люди гибнули со страхом
И, покорясь своей судьбе,
Ложились трупами в борьбе!

«А какой чудный уголок эта Долина Роз! – продолжал я свои размышления, устремив глаза на быстро бегущие воды Тунджи. – Не чета нашему Дону с его скучными, монотонными степями! Вот бы здесь жить мирным гражданином! Привольно, легко! Здоровый климат, роскошная природа, богатство во всем… Тут на берегу выстроить бы себе домик и жить мирно, спокойно, хотя бы с той же Пембочкой!.. А что-то теперь с ней, бедной? Наверно, какой-нибудь урод-паша завладел ею и забавляется, как вещью!.. А несчастные болгары! Что-то теперь с ними делают турки в Эски-Загре?.. Не одна сотня, я думаю, будет повешена, расстреляна, замучена! А зачем это мы удрали так далеко и так поспешно?.. И где теперь остальные наши войска?» Мысли мало-помалу стали путаться, глаза закрылись, и я заснул нервным, тревожным сном…

Рано утром меня растолкал казак.

– Ваше благородие, сейчас сотни выступают!

Я вскочил, умылся в реке и уселся на коня. Командир полка приказал снова двигаться через Малые Балканы к Ени-Загре с целью присоединиться к отряду, который отступил по направлению к упомянутому городу.

Как мы ни уговаривали его направить туда только разъезд, а самим, ввиду страшного изнурения лошадей, дожидаться приказаний от генерала Гурко, Краснов был неумолим, и по отвратительной дороге мы двинулись в юго-восточном направлении к Ени-Загре… Около деревни Бузаач нам попался разъезд от 4-й сотни нашего же полка, который сообщил, что отряд Гурко стоит у деревни Калена. Спустившись с гор и изменив направление, потянулись мы по шоссе вдоль южного подножья Малых Балкан и около трех часов достигли деревни Калена, пройдя по страшной жаре до 60-ти верст.

Подходя к деревне, мы заметили нашу пехоту и артиллерию, отступавшую к северу по горной тропинке. Сотни наши остановились, и Краснов поехал вперед доложить начальнику отряда о своем прибытии. Вернувшись через несколько минут, он сообщил, что Гурко приказал нам немедленно же двигаться снова через Балканы в долину Тунджи и не задерживать пехоту. Новость эта была для нас крайне неприятна: после тяжелого и утомительного перехода люди и лошади были сильно уставшие. Всем страшно хотелось есть, и новым форсированным переходом по отвратительной горной тропинке, доступной лишь вьючным ослам и мулам, мы окончательно могли испортить наших степняков, непривычных к таким крутым подъемам и спускам, и превратиться в жалкую пехоту.

Все эти соображения мы, офицеры, высказали Краснову и просили его ходатайствовать перед Гурко хотя бы о коротком

отдыхе. Разрешение последовало, и мы немного отдохнули и подкрепились.

К вечеру весь отряд благополучно спустился по убийственной горной тропинке снова в Долину Роз. Великое спасибо Сулейману, что он не тревожил нас, не преследовал и позволил нам спокойно перевалить горы с обозом и артиллерией. Вероятно, он так обрадовался своей победе над горстью русских и болгар, а также овладением Эски-Загрой, что и не подумал о том вреде, какой мог бы нанести нам при энергичном преследовании. Несомненно, мы много обязаны нашему спасению славной, хотя и тяжелой победе генерала Гурко над Реуфом-пашой при Джуранлы.

Потерпи мы здесь поражение, Сулейман, наверное, не оставил бы нас в покое! А может быть, видя тот героизм, который проявил наш маленький отряд при Эски-Загре, Сулейман просто боялся со своими сорока тысячами напасть на десять тысяч русских! Может быть, наконец, он припомнил тот исторический факт, как почти сто лет тому назад 15-тысячный русский отряд, предводимый Румянцевым-Задунайским[151], разбил при Кагуле 100-тысячную турецкую армию!..[152] Как бы то ни было, но мы, не тревожимые неприятелем, перевалили Малые Балканы и расположились на отдых в долине Тунджи, а Сулейман стал возводить зем-

---

[151] Выдающийся военный и государственный деятель генерал-фельдмаршал граф *Румянцев-Задунайский Петр Александрович* (1725–1796) во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. разгромил превосходящие силы турок при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле, занял левый берег нижнего течения Дуная, а затем успешным наступлением на Шумлу вынудил Османскую империю заключить в 1774 г. выгодный для России Кючук-Кайнарджийский мир.

[152] Сражение при Кагуле, состоявшееся 1 августа 1770 г., вошло в историю как одна из ключевых битв Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., в ходе которой 32-тысячная русская армия разгромила в несколько раз превосходящее ее турецкое войско.

ляные укрепления вокруг разграбленного и полусожженного города.

22 июля я был послан с десятью казаками к Эски-Загре с целью собрать сведения о неприятеле, разузнать, что поделывают турки и какие намерения у Сулеймана.

Получив надлежащие инструкции от Генерального штаба подполковника Сухомлинова, я в восьмой раз отправился в путь через Малые Балканы. В сумерках остановился я в горах, верстах в трех к северо-востоку от Эски-Загры, оставив здесь восемь казаков, с остальными двумя, без лошадей, подобрался еще ближе к городу.

Красивая, хотя и страшная картина разорения и смерти раскидывалась внизу под моими ногами. Вся окрестная местность, насколько только хватал глаз, носила в себе следы турецкого зверства, вандализма. Город, разрушенный и разграбленный, во многих местах еще горел ярче, огненные языки красиво вспыхивали над печальными развалинами болгарских жилищ… Турки, как оказалось потом, не только не тушили пожара, но, напротив, старались совершенно уничтожить все уцелевшие болгарские дома. Несколько деревень, разбросанных в широкой долине в окрестностях города, тоже пылали в огне, и густые клубы красноватого дыма высоко стояли над ними… Тихая красота природы лежала рядом с мрачной картиной человеческого истребления и бедствия!

Шум, крики и говор нескольких десятков тысяч людей, стук повозок, ржание, фырканье и топот лошадей, доносившиеся из города и окрестностей, нарушали торжественное молчание наступавшей южной ночи. Пять отдельных, больших лагерей, расположенных возле города, резко бросались в глаза благодаря ярким кострам, и по ним можно было приблизительно определить силу каждого лагеря в 7–8 тысяч человек.

Наступила прелестная, тихая и теплая ночь. Здоровый горный воздух, пропитанный ароматическим запахом ореховых деревьев, чинара, каштана и душистых трав, мелодичное журчание воды в быстрых горных потоках и эта волшебная картина пылающего города и окрестных деревень – все возбуждало нервную систему, заставляло слегка забыться и мечтать. Молча смотрел я на эти всепожирающие огненные языки, охватившие весь город, и сердце невольно болезненно сжалось за этих несчастных жителей-болгар, лишившихся теперь, вследствие нашего легкомысленного набега, своего крова, имущества, а многие и жизни… Вспомнил также я о красавице, оставшейся в этом горящем Содоме. «Бедная Пембочка! – думал я, стоя у крутого лесистого оврага, на дне которого быстро стремился куда-то маленький ручеек. – Где ты теперь и что поделываешь? Наверное, какой-нибудь черномазый паша завладел тобой, и ты, как рабыня, беспрекословно исполняешь все его дикие прихоти!.. Эх, жаль турецкого языка не знаю, а то пробрался бы в город, нарядившись в платье какого-нибудь убитого турка, увез бы красавицу из гарема и отправил пока на Дон… Ведь в старину наши предки, казаки, таким образом и добывали себе жен!.. И как это раньше мне в голову не пришло этого!»

Резкий, пронзительный крик раздался вдруг в расстоянии шагов трехсот от меня, и снова все замолкло… Широко раскрыв глаза, с бьющимся сердцем, всматривался я в темноту, но ничего невозможно было разобрать. Оставаться на месте было опасно, и я со своими двумя спутниками осторожно перебрался несколько западнее и еще ближе к городу. Здесь я провел время до самого рассвета. Огни в турецких лагерях мало-помалу начали тухнуть, шум и говор почти прекратились, сделалось заметно прохладнее… Наконец, на востоке появилась светлая полоса, стало понемногу светать… Я в бинокль уже ясно различал расположение неприятельских

войск, увидел те же пять больших лагерей, печальную картину разрушенного и сожженного города и несколько земляных батарей и траншей, устроенных турками в продолжение ночи… Все было вокруг тихо – враг наш, очевидно, спал!

Я подобрался еще ближе к городу, по крайней мере на версту, и меня никто не беспокоил, никто не видел… Признаться, меня немало удивляла эта беспечность турок и полное отсутствие мер охранения, уже не говоря о разведывании. Лихой кавалерийский отряд мог бы наделать им немало зол! Выбрав несколько позади новый наблюдательный пост, скрытый от взоров противника и удобный для обороны, я собрал всех своих людей и решил провести здесь полдня в наблюдении за неприятелем, а затем ехать обратно к своим.

Под утро меня сильно стало клонить ко сну, и даже о Пембе я совершенно позабыл. Но сознание долга, а главное, опасность быть открытым заставили отклонить всякую мысль об отдыхе.

Было по моим часам около семи, когда я заметил в двух лагерях движение, и вскоре затем две большие колонны вытянулись по направлению к Ени-Загре, причем одна шла по шоссе, а другая по большой дороге, вдоль подошвы Малых Балкан. Судя по числу таборов, эскадронов и батарей, довольно отчетливо виденных мною даже простым глазом, сила каждого отряда простиралась в 7–8 тысяч человек.

«Вероятно, – думал я, – Сулейман хочет с частью своих сил броситься на нас со стороны Ени-Загры, а с остальными оборонять Эски-Загру, ввиду чего он и настроил эти укрепления…»

– Ваше благородие! – шепотом прервал вдруг урядник мои размышления. – Вон турки на нас едут.

Я взглянул по указанному направлению и, действительно, увидел черкесский разъезд, прямехонько двигавшийся на нас.

Сила разъезда была почти такая же, как и наша. Удрать незамеченным нельзя уж было, волей-неволей приходилось вступать в поединок. Я тихонько приказал взвести замочные трубки заряженных уже ружей, и спешенные казаки притаились за кустами. Лошади наши оставались несколько позади и в лощине. «Ждите команды, братцы, и целиться лучше!» – предупредил я людей. Черкесы ехали совершенно беспечно, не замечая нас и, очевидно, не подозревая даже о возможной близости гяуров. Их маленькие лошаденки дружно шли по две в ряд. Впереди, на вороном коне, ехал стройный красивый черкес, вероятно, унтер-офицер.

Я уже хотел подать сигнал своим людям стрелять, как неожиданно, не доезжая каких-нибудь полутораста шагов до нас, разъезд своротил на восток и двинулся вдоль гор за своим отрядом. Очевидно, это был левый боковой разъезд турецких походных колонн. Опасность, таким образом, миновала, мы спустили замочные трубки и успокоились.

Но не прошло и четверти часа, как в тылу у нас, в горах, показался один черкес (вероятно, из шатавшихся мародеров). Выехав на возвышенное место, он осмотрелся, заметил вдруг нашу группу и в изумлении остановился. Он, видимо, был сильно поражен этою неожиданной встречей и, разинув рот, тупо смотрел на нас испуганными глазами. Я мог его легко снять с коня нашей берданкой, но боялся своим выстрелом поднять тревогу в Эски-Загре.

– А ну-ка, как бы нам этого черта поймать! – обратился я к казакам. – Сидоров, у тебя быстрый конь!

Сидоров понесся за черкесом, а последний, выстрелив в него, стал улепетывать по направлению к деревне Новая Махала. Догнать черкеса не удалось, так как в горах их лошади имеют, конечно, преимущество перед нашими степняками. «Однако он поднимет на ноги всех турок в Махали! Нужно давать тягу!» (Я позабыл упомянуть, что деревни Дервент и

Новая Махала, лежащие в Малых Балканах к северо-востоку от Эски-Загры, были населены жителями-турками.) Мы быстро уселись на коней и без дорог, ориентируясь по компасу, оврагами, балками и перелесками благополучно добрались до бивуака отряда у деревни Ханкиой. Обо всем мною было доложено Краснову, Чернозубову, Сухомлинову и начальнику штаба генералу Нагловскому. Потребовал меня также и начальник отряда Гурко, и я снова подробно повторил рассказ о своей рекогносцировке и наблюдениях. Генерал со вниманием выслушал меня и затем поблагодарил за труды и старание.

На этом, собственно, и кончается мое участие в Забалканском походе, который все-таки обеспечил за нами обладание одним из важнейших горных проходов – Шипкинским и еще раз доказал всему миру, что русский солдат способен на самые тяжелые, героические подвиги… Не на нем, конечно, лежит нравственная ответственность за те грустные последствия, которые постигли несчастных жителей Эски-Загры и окрестностей!..[153]

Бригада наша, т. е. донские казачьи № 21 и 26 полки, вместе с другими кавалерийскими полками (казанскими и астраханскими драгунами, киевскими гусарами) направлена была к северу от Тырнова в деревню Ново-Никуп для отдыха и укомплектования в людях и лошадях. Здесь мы были обречены на скучное бездействие – самое несносное, томительное состояние в военное время и особенно тогда, когда другие работают, дерутся…

---

[153] По поводу Забалканского набега один мой товарищ, большой руки остряк, сочинил следующее оригинальное четверостишие:

Если б на Шипку мы не пошли так шибко,
А за реку Вид – plus vite (*фр.* – быстрее);
То было б гуд
И туркам – капут! (*Примеч. автора.*)

От скуки мы, офицеры, целыми ватагами ездили в Тырнов, который принял уже совсем другую физиономию после того, как я его видел в последний раз. Лавки, ресторанчики и кабачки попадались на каждом шагу. На улицах то и дело встречались, кроме офицеров, докторов и интендантов, всевозможные подрядчики и прихвостни гг. Когана, Горвица и Варшавского, разные аферисты, комиссионеры, мишурисы[154] и другие гешефтмахеры[155], слетевшиеся как мухи на мед, намазанные горизонталки со своими мадамами и прочая челядь, которая неизбежно всюду следует в тылу действующей армии. Вся эта спекулятивная орава с азартом накидывалась на добродушных и щедрых офицеров и алчно высасывала из их карманов трудовые желтые монетки. Содержание, правда, мы получали порядочное, но и цены на предметы первой необходимости стояли тоже довольно изрядные.

Скучно жилось в Новом Никупе. Проснешься утром в своей палатке (мы все стояли лагерем) и слышишь отдаленные орудийные выстрелы с трех сторон: с юга, со стороны Шипки, от Радецкого, с востока – из отряда наследника цесаревича[156], с запада – со стороны Плевны и Ловчи, из отряда князя Имеретинского. И только с севера – далекого, родного – веяло миром, любовью и тишиной. Отсюда мы получали письма и известия от дорогих, близких людей, и в них находили нравственную поддержку для новых трудов, жертв и подвигов.

Как-то проснулся я на заре. Те же отдаленные выстрелы с трех сторон явственно доносились до моего уха. «Черт зна-

---

[154] *Мишурис* – прислужник; в данном контексте как синоним афериста и спекулянта.

[155] *Гешефтмахер* – ловкий делец, спекулянт.

[156] Под командованием наследника престола Александра Александровича находился Рущукский отряд.

ет! – думал я, лежа на постели. – Да скоро ли, наконец, нас направят куда-нибудь?.. Неужели для конницы не могут найти никакого дела?.. Просто бессовестно: там товарищи умирают, мучатся, а тут кайфуешь себе, бездельничаешь, киснешь да шатаешься по тырновским кабакам!.. Попытаюсь-ка попроситься куда-нибудь!» И я решительно вскочил с постели, оделся и отправился к командиру полка.

– Господин полковник! Прикомандируйте меня, пожалуйста, к 1-й или 2-й сотне, которые остались на Шипке! – обратился я к нему.

– Что, захотелось подраться? – улыбнулся добродушно Краснов, хлопая меня по плечу. – Успеете еще, юноша, имейте терпение… Будет скоро и нам работа…

Так я ни с чем и ушел.

Вскоре, однако же, по бивуаку пронесся слух, что на днях нас двинут в Ловчу или Плевну. Во все полки пришли из России команды для укомплектования недостающих людей и лошадей и привезли нам новости из родных мест.

Наконец, 20 августа, из главной квартиры получено было предписание: кавалерии, стоящей в Новом Никупе, направиться к Плевне и Ловче. Все встрепенулись, просияли, ожили… Бригада наша двинулась на запад, и ночь с 22-го на 23-е провела на бивуаке между деревнями Павликени и Слатина, т. е. несколько восточнее Плевно-Ловчинского шоссе.

22 августа, как известно, отряды Скобелева и князя Имеретинского взяли штурмом город Ловчу. Находившийся в это время в Плевне Осман-паша, намереваясь помочь ловчинскому гарнизону и рассчитывая поспеть еще вовремя, вышел со значительною частью своих сил из Плевны и двинулся на юг, к городу Ловче. 23 августа, когда Ловча была уже в наших руках, силы эти имели столкновение как с нашим отрядом, так равно и с войсками Скобелева, выступившими им навстречу.

Утром рано, 23 августа, я был послан с разъездом в десять человек к деревне Зилково. По шоссе же к Плевне направился другой разъезд с хорунжим Платоновым. Проехав Зилково, я стал подниматься в горы и вдруг увидел отступающей по шоссе разъезд Платонова. Вскоре он присоединился ко мне и сообщил, что турки наступают со стороны Плевны, что силы их довольно значительны и состоят из трех родов оружия.

– Ты, как старший, делай, что хочешь! – закончил свой рассказ Платонов.

– Да что ж тут делать с двадцатью казаками! – усмехнулся я. – Давай, брат, займемся наблюдениями.

В это время на возвышенности, покрытой кустарником и лежавшей по обе стороны шоссе шагах в тысяче от нас, показалась густая цепь турецкой пехоты, а за нею и сомкнутые части. Я рассыпал всех людей в цепь и послал с донесением к командиру полка, прося поддержки. Между тем турки, увидав нашу горсть, остановились, заняли позицию и простояли выжидательно минут двадцать. Но вот вдали, в кустах, мелькнул возле красной фески знакомый зловещий огонек, жалобно просвистел над головой смертоносный кусочек свинца, затем еще, еще и – целая огненная линия все ближе и ближе стала приближаться к нам…

Турки перешли в наступление. За цепью двигались сомкнутые части пехоты, а между ними – восьмиорудийная батарея. Позади, на красивых лошадях, два полка черкесов. Турок было около шести тысяч. Невольно залюбовался я в бинокль на черкесских всадников: один полк был на серых лошадях, другой – на белых. Таких чудных коней мне ни разу не приходилось видеть! И только после кампании, когда мне удалось быть на смотру турецких войск в Константинополе в присутствии султана, я видел подобных же великолепных лошадей. Так как бороться нашей горсти с такой грозной силой было бы безумием, то я, не отвечая на огонь турецкой

пехоты, отвел свою цепь в деревню Зилково. Вскоре на смену мне явилась сотня Сизова, а я получил приказание присоединиться к полку.

Между тем, Краснов с тремя сотнями на рысях двинулся в тыл наступавшим туркам, приказав Сизову одновременно теснить их с фланга. Против сотни Сизова турки рассыпали, в свою очередь, цепь черкесов и, видя движение в свой тыл трех сотен Краснова, быстро заняли на поперечной возвышенности позицию и открыли учащенный пехотный огонь, и из двух орудий, по нашим казакам.

Продолжать атаку было рискованно, и Краснов скрыл свои сотни от выстрелов в безопасную лощину. Сотня Сизова успешно боролась с черкесами и заставила отойти их к своей пехоте. В то время как мы отражали нападение неприятеля близ шоссе у д. Зилково, стараясь не допустить его к Ловче, к юго-западу от нас тоже гремела канонада, где тот же турецкий отряд натолкнулся на храбрые и победоносные войска Скобелева и Имеретинского и встретил с их стороны энергичный отпор.

Часов около двенадцати турецкие войска, находившиеся против нас, стали медленно и в порядке отступать обратно к Плевне, оставив на своей позиции только три убитые лошади. У нас потерь в людях тоже не было; у одного казака только убили лошадь, да у Гречановского ранили.

Мы, офицеры, собрались вокруг Краснова и занялись обсуждением наших действий.

– А что, господин полковник, – обратился я довольно храбро к нашему симпатичному, любимому начальнику, – ведь действовали-то мы, кажется, несколько вяло, нерешительно! Если бы побольше энергии, смелости да пустить в дело оставшиеся в резерве три сотни 21-го полка и батарею, да поднажать на них, подлецов, с тыла и флангов – они не отделались бы так дешево…

– Ну, батенька, – спокойно отвечал Краснов, – слишком молоды вы еще критиковать действия начальства!.. Да и мало ли чего нам не хочется! Вот, например, я просил у бригадного командира два орудия – не дал, что ж поделаешь…

24 августа мы отдыхали на бивуаках у деревень Зилково и Сотово, близ Плевно-Ловчинского шоссе, и любовались на героев Ловчи – войска князя Имеретинского и Скобелева, проходивших мимо нас к Плевне.

Со Скобелевым в огне

Глава I

На следующий день, т. е. 25 августа, наша бригада направилась туда же, к этому заколдованному и роковому для нескольких тысяч русских воинов городу, и расположилась бивуаком в лощине между шоссе и деревней Баготом.

С 26 августа я почти не считаю себя кавалеристом, так как мне приходилось иметь дело преимущественно с пехотой и пешей артиллерией – главными родами оружий при плевненских операциях.

Так как мне придется довольно долго остановиться на своем пребывании под Плевной, на Зеленых горах, то я позволю себе вкратце описать эту местность, на которой так упорно и мужественно боролись храбрые скобелевские войска. Где пролито было так много молодой русской крови, и которой все-таки справедливо гордится каждый истый русский патриот.

К юго-востоку от деревни Брестовец (в расстоянии от нее около версты) находится наиболее возвышенная часть этого района – гора Рыжая. К северу же и северо-востоку от упомянутой деревни местность постепенно понижается, образуя в последнем случае так называемый первый гребень Зеленых гор, южный скат которого, вместе с северною покатостью горы Рыжей, представляет довольно глубокую лощину, местами переходящую в овраг и называемую Брестовецким логом. К востоку от деревни Крышино (в расстоянии тоже около версты) находится довольно обширная возвышенность, которая образует два длинных гребня: южный (или второй гребень Зеленых гор) тянется почти в восточном направлении и северный (или третий гребень Зеленых гор) – в северо-восточном направлении к южной окраине города.

Все эти три гребня, имевшие такое важное значение при атаке и обороне этой местности, оканчиваются у Тученицкого оврага, очень крутого, местами совершенно обрывистого, на дне которого протекает небольшая речка того же имени. У самого города в реку Тученицу вливается с западной стороны незначительный ручей Зеленогорский, левый берег которого на протяжении 150–200 сажен довольно круто поднимается и увенчан был сильными турецкими укреплениями: Иса-Ага (или Скобелевский № 2) – ближайший к городу, Каванлык (или Скобелевский № 1) – к западу от последнего и соединенный с ним траншеей, и Баглык Сарты (или Садовое) – еще западнее. К северу от деревни Крышино турки устроили на высотах тоже несколько редутов, причем ближайший из них – Юнус-бей – отстоял от деревни почти на полверсты.

Вот вкратце характер местности и укрепления гор левого берега Тученицы, получивших название «Зеленых» вследствие того, что они покрыты виноградниками, кустами и отдельными деревьями.

Зеленые горы! Как сильно бьется сердце у каждого русского воина при воспоминаниях об этих кровавых, славных местах! И какая страшная разница между этими словами и другими двумя, с ними сходными, – Зеленым островом! Здесь – смех, веселье, радость, музыка, аплодисменты. Там – смерть, мучения, пушечные громы, ружейная трескотня, скорбь, слезы, кровь…

Да, много русских костей осталось там, на этих страшных горах, где теперь болгарин-земледелец мирно и спокойно разрабатывает свои виноградники и нивы, удобренные русскими трупами!

После двух неудачных и тяжелых попыток (8 и 18 июля) овладеть Плевной и разбить армию Османа, в нашей главной квартире решено было, собрав к этому важному пункту значительное число войск, произвести в третий раз решитель-

ную атаку плевненских укреплений, подготовив ее предварительно в достаточной степени сильным артиллерийским огнем. С востока и севера действовали войска 4-го и 9-го корпусов, а также румынская армия; с юга, со стороны деревни Брестовец и к западу от Тученицкого оврага, назначены были действовать те самые войска (князя Имеретинского и Скобелева), которые 22 августа с такою отвагой овладели Ловчей.

Расположение русских войск во время осады Плевны в 1877 г.

Наша бригада (собственно семь сотен, так как пять сотен осталось на Шипке), под командой полковника Чернозубова, вошла в состав этих войск и подчинилась князю Имеретинскому.

Еще с утра 26 августа завязался оживленный артиллерийский бой между батареями 4-го и 9-го корпусов, а также ру-

мынскими – с одной стороны, и турецкими орудиями, помещавшимися в редутах, – с другой. Пушечные выстрелы, то одиночные, то залпами, почти непрерывно раздавались к северо-востоку от нас. Отряд князя Имеретинского в этот день почти бездействовал, и только казаки наши имели незначительное столкновение с черкесами, оттеснив их цепь с первого гребня Зеленых гор.

27 августа бой продолжался.

Нашей сотне приказано было занять цепь на первом гребне Зеленых гор. Я со своей полусотней расположился вправо от шоссе в северо-восточном направлении до Тученицкого оврага. Ретивов с другою полусотней – влево от шоссе до деревни Брестовец, которая была занята нашей пехотой.

Сотни русских орудий гремели к востоку и югу от Плевны, и турецкие дальнобойки энергично отвечали на наш страшный огонь.

Против нашей сотни, на первом же гребне, находилась цепь черкесов, с которой мы изредка перестреливались. Было около трех часов дня, когда я получил приказание отбросить эту цепь с первого гребня. Медленно начал я подвигаться со своими людьми вперед, постепенно учащая огонь. Черкесы сначала шагом отступали, затем быстро очистили фронт и навели нас на свою пехоту, которая и открыла по казакам сильный огонь. Волей-неволей пришлось остановиться, и я послал просить себе помощи. К счастью, скоро подошла наша пехота (цепь Калужского полка), и мы совместными силами стали энергично наседать на турок, поражая их метким огнем из крынок и берданок. Красные фески, выпуская целые тучи пуль, поспешно отступили и заняли второй гребень Зеленых гор.

В это время прискакал казак и передал мне приказание Гречановского – собрать свою полусотню и расположиться за

правым флангом, зорко наблюдая Тученицкий овраг на случай обхода нас неприятелем. Лишь только я успел собрать людей, как калужцы[157] двинулись вперед, в атаку на второй гребень. Я с полусотней направился вслед за ними. Турки не выдержали дружного натиска нашей пехоты и бежали. Спустившись с первого гребня в лощину и поднявшись затем по заросшему частым кустарником скату на второй гребень, очищенный турками, я остановился на пологом хребте между деревьями.

К нам скоро подошла какая-то рота Калужского полка и залегла тут же, в виноградниках. Турки с редутов, очевидно, заметили наше присутствие и начали буквально обсыпать нас снарядами, которые скоро избороздили вокруг всю землю. Нужно было иметь много присутствия духа и самообладания, чтобы спокойно и неподвижно стоять под этим убийственным огнем. Особенно подействовало это на пехотных солдат, и некоторые из них, вероятно более молодые, стали потихоньку, озираясь по сторонам, удирать назад.

Не видя офицера и замечая, какое сильное нравственное впечатление производят на солдат эти рвущиеся с пронзительным, злобным шипением неприятельские гранаты, я подъехал к ним. – «Ну, как вам не стыдно, братцы, убегать! А еще Скобелевские герои!.. И нашли, кого бояться – турецких снарядов! Они только пугают, а вреда не делают… Вот посмотрите на казаков, как они стоят!» Действительно, мои казаки, как бывалые уже и опытные, держали себя молодцами. Солдатики, видимо, ободрились после моих слов и стали гораздо спокойнее. За разбежавшимися же я послал нескольких казаков.

Через некоторое время роте этой, так же как и другим частям Калужского полка, приказано было двинуться в атаку.

---

[157] Чины 5-го пехотного Калужского полка, сформированного в 1805 г.

С замечательным мужеством и самоотвержением ринулись они вперед, на врага. Некоторые солдаты увлеклись до того, что овладели не только вторым гребнем, но даже третьим, и преследовали сбитых и бежавших турок до самого Зеленогорского ручья и далее, до редута. Но тут, на крутом скате, их встретили неприятельские резервы и в свою очередь атаковали наших малочисленных и усталых храбрецов…

Во время этой атаки я с казаками охранял правый фланг и зорко наблюдал за Тученицким оврагом. Вскоре ко мне подъехал есаул Гречановский и приказал, собрав полусотню, присоединиться к полку.

Двигаясь обратно со своей командой по шоссе, я увидел в стороне скакавшую от позиции и по направлению к нам группу всадников, над которой рельефно развевался белый значок и впереди которой особенно выделялся на белой лошади молодой красивый генерал. Я сразу узнал Скобелева 2-го, о котором так много уже слышал и которого видел еще ранее в Бухаресте, в гостинице, и 24 августа, после взятия Ловчи, при прохождении отряда князя Имеретинского в Плевну.

– Смирно! Пики в руку! – скомандовал я полусотне и сам взял под козырек.

– Пожалуйте сюда! – подозвал меня генерал, подъехав ближе, – вы откуда и куда?

– Я с полусотней все время находился на правом фланге, между шоссе и Тученицким оврагом. А теперь командир сотни приказал мне присоединиться к полку…

– А знаю… Спасибо, казаки, за службу! – крикнул он полусотне.

– Рады стараться, ваше превосходительство! – дружно отвечали они под аккомпанемент свистящих и плачущих пуль.

– Я – начальник боевой линии отряда, – продолжал генерал, обращаясь ко мне, – а потому приказываю вам сейчас же вернуться обратно на позицию, рассыпать ваших людей и

подобрать всех наших раненых. Старайтесь пробираться даже через цепь. Надеюсь, что вы исполните возлагаемое на вас поручение добросовестно, честно!

– Слушаю, ваше превосходительство, постараюсь! – отвечал я.

– А завтра утром, – прибавил он, – доложите мне, сколько всего раненых вы подобрали… И, дав шпоры лошади, герой Зеленых гор поскакал дальше, по направлению к Брестовцу.

Хотя контратака турок и была отбита прибывшими подкреплениями и мы удержали за собой второй гребень Зеленых гор, но калужцы потеряли в этом бою несколько сот человек, и оба гребня были усеяны убитыми и ранеными воинами. Мне с полусотней предстояло работы немало.

Известив Гречановского о своей новой миссии и дав наставление казакам по исполнению совершенно неизвестной для них обязанности санитаров, я, рассыпав полусотню лавой, двинулся через виноградники на позицию.

Началась тяжелая работа по эвакуации раненых с поля сражения, и под пулями, на перевязочный пункт. Крепкие нервы нужно было иметь, чтобы терпеливо переносить эти ужасные стоны страдальцев, их хватающие за душу мольбы, а часто и проклятия. Некоторых раненых казаки несли, устраивая из шинелей и пик импровизированные носилки, других вели под руки, третьих сажали на своих коней и поддерживали на ходу.

Так работали мы всю ночь без отдыха.

– Ваше благородие! – подъехал ко мне на заре вахмистр. – Казаки не возвращаются с перевязочного пункта, застряли там чего-то. Совсем людей из полусотни мало осталось…

– А раненых много еще?

– Никак нет, ваше благородие, всех подобрали уже.

– Ну, так вот что… – распорядился я, еле удерживаясь сам от одолевавшего меня сна, – ты побудь здесь, а я отправлюсь назад и посмотрю, что там делается.

Оказалось, что большинство казаков чуть держались на ногах от усталости. Лошади тоже были страшно изнурены и другие сутки работали без корма.

Было уже совершенно светло, когда я, приказав вахмистру собрать людей и отвести их в полк, поехал доложить об этом командиру полка. На бивуаке застал Гречановского, съел у него наскоро кусок курицы, выпил вместо чаю водки и поскакал затем на гору 16-й дивизии, возле которой, в логу, устроен был перевязочный пункт. «Нужно будет узнать здесь, сколько всего раненых, – рассуждал я. – Скобелев приказал считать их, а я этого положительно не мог делать…» Получив от доктора все необходимые мне сведения, я поехал разыскивать Скобелева.

Ввиду того, что предположенная на 28 августа атака плевненских укреплений была по некоторым соображениям отложена, Скобелев, дабы не подвергать своих людей напрасным потерям, приказал очистить второй гребень Зеленых гор и отступить на первый. Калужский полк, как сильно пострадавший в бою 27 августа, был убран в резерв и заменен эстляндцами[158].

Утро 28 августа началось на Зеленых горах грохотом орудий и сильной ружейной трескотней: турки перешли в наступление на наши войска, занимавшие позицию первого гребня. Но несколько попыток их не увенчались успехом, и эстляндцы, поддержанные стрелками, мужественно отразили все смелые атаки турок.

Скобелева я нашел на Рыжей горе. Он сидел на походном складном стуле возле длинной нашей батареи и в бинокль рассматривал позицию.

– Ваше превосходительство изволили приказать мне вчера доложить вам о числе раненых: полусотня работала всю ночь,

[158] Чины 8-го пехотного Эстляндского полка, сформированного в 1711 г.

и на перевязочный пункт доставлено 450 человек, – доложил я генералу.

– Хорошо, благодарю вас, – отвечал он.

Я хотел ехать восвояси.

– Постойте, – обратился ко мне снова генерал, – вот вам новая работа: возьмите мой бинокль, садитесь на этот стул и внимательно наблюдайте за всей позицией. Если заметите что особенное – сейчас дайте мне знать. В вашем распоряжении оставляю трех казаков. А я поеду к князю Имеретинскому… И, усевшись на коня, он поскакал в Богот.

Я уместился поудобнее на трехногом скобелевском стуле, вооружился его биноклем и стал рассматривать Зеленогорскую позицию, высоты по обе стороны Тученицы и Крышинский редут. (Лежавший в лощине город Плевна с его белыми домиками и стройными минаретами с моего места не был виден.)

«Господи, да когда же, наконец, мы возьмем этот заколдованный, страшный город? – думал я под грохот стоявших возле меня нескольких батарей, в числе которых была одна, составленная из турецких дальнобойных орудий, взятых 9-м корпусом под Никополем. – Ведь вот, кажется, пустое: никакой крепости нет, непривычному глазу почти не видно даже этих укреплений – каких-то ничтожных земляных насыпей; как будто даже там нет никого, точно спит все или вымерло… А попробуй-ка сунься туда – в это мертвое царство! И какой ад поднимется там, какие громы станут изрыгать эти серые земляные насыпи, эти длинные тонкие ровики!.. И сколько жизней – молодых, здоровых, сильных – за которых теперь молятся десятки миллионов славян, снова вырвут эти злые свинцовые пчелки, эти куски чугуна, разрывающие в клочки человеческое мясо и кости… Но, рано или поздно, сломим же мы наконец это геройское сопротивление Османа! Терпение и труд все перетрут!.. Настанет же некогда

день и погибнет кровавая Плевна, храбрый погибнет Осман и весь стан мушир-гази Османа!»[159] – пародировал я известные слова Гомера, сказанные им относительно знаменитой Трои.

Турки отвечали временами довольно энергично на огонь наших батарей, и неприятельские гранаты рвались и зарывались в землю то впереди, то позади орудий, то между ними, к счастью не задевая никого из нас. После бессонно проведенной ночи меня страшно клонило ко сну, и нужно было много усилий, чтобы не поддаться этому тяжелому состоянию. Сначала я беседовал с ординарцем Скобелева, нашего же полка хорунжим Чеботаревым. Но скоро он улегся возле меня на землю, завернулся в пальто и, не обращая внимания на турецкие гранаты, зарывавшиеся возле нас, захрапел через минуту так громко и аппетитно, что мне сделалось просто завидно.

Так просидел я под огнем на скобелевском стуле около пяти часов. Наконец, часа в четыре, я увидел приближавшуюся конную группу со знакомым значком и с белым всадником впереди. «Ну что нового?» – обратился ко мне Скобелев, подъехав к батарее и останавливая коня. «Ничего особенного нет, ваше превосходительство! – отвечал я. – За это время турки передвигали только незначительные части пехоты, по которым стреляла наша артиллерия…»

Побыв еще некоторое время на батарее, Скобелев со штабом, к которому пристроился и я, поехал осматривать позиции наших войск на Зеленых горах. Невзирая на сильный артиллерийский и ружейный огонь, который открыли турки по нашей конной группе, Скобелев смело галопировал даже за линией аванпостов, внимательно осматривая местность и позиции – наши и неприятельские.

– Господа, – обратился к нам между прочим Скобелев, – старайтесь хорошенько запоминать окружающую местность

[159] Речь идет о маршале (мушире) Османе Нури-Гази-паше.

и расположение наших войск. Во время боя я буду часто посылать вас с приказаниями, и вы должны быстро исполнять их и не блудить… Даже по ночам вам придется нередко ездить… От толкового и храброго ординарца часто зависит успех боя!

Объехав все позиции, мы шагом направились к Брестовцу. Солнце уже садилось, в воздухе стало заметно свежеть. Скобелев разослал почти всех бывших при нем ординарцев с разными приказаниями, и скоро из десяти человек остался один я.

– Дукмасов, – обратился вдруг генерал ко мне, – поезжайте сейчас ко всем командирам частей и объявите им, чтобы к завтрашнему дню они непременно пополнили свои патроны, а в батареях снаряды. Чтобы везде была приготовлена горячая пища и непременно по полтора фунта мяса на человека. Я строго взыщу с командиров, если замечу отступление от этого. Затем пусть позаботятся о шанцевом инструменте[160], и чтобы каждую минуту были готовы двинуться в атаку… На передовых позициях пусть люди углубляют траншеи, и чтобы имели при себе по фунту мяса. Вы поняли, что я вам сказал? Не позабудете?

– Помню все, ваше превосходительство, будьте покойны! – отвечал я.

Но генерал прервал меня.

– Нет, лучше пойдемте в лагерь, я прикажу начальнику штаба все это написать. А то вы, пожалуй, перепутаете еще, а я потом буду взыскивать с командиров частей… Смотрите только, когда будете ночью развозить приказание, не попадитесь в руки турок! Хорошо ли вы запомнили местность и расположение наших войск?

---

[160] *Шанцевый инструмент* – инструмент, предназначенный для рытья окопов и выполнения других инженерных работ в полевых условиях.

– Не беспокойтесь, ваше превосходительство, какой же я казак после этого буду! – отвечал я.

В лагере Скобелев представил меня своему начальнику штаба, капитану Алексею Николаевичу Куропаткину. Это был довольно молодой еще офицер Генерального штаба – небольшого роста, брюнет, с маленькими, черными и выразительными глазами, очень спокойный, хладнокровный и рассудительный. Вообще, Куропаткин произвел на меня самое приятное впечатление. В нем не было того высокого, порой надменного отношения к нам, маленьким офицерам, которое мне нередко приходилось встречать в людях, носящих мундир Генерального штаба, и которое всегда так глубоко оскорбляло нас, неученых строевиков. Он крепко, по-товарищески, пожал мне руку, сейчас же написал приказание Скобелева и, передав мне бумаги, пожелал успеха и счастливого пути.

Вообще, Куропаткин представлял некоторый контраст со Скобелевым – не по уму, конечно, а по натуре. Спокойный, несколько медлительный, осторожный, осмотрительный и дельный, он представлял противовес пылкой, увлекающейся и нервной натуре Михаила Дмитриевича.

Получив от Куропаткина письменные приказания, я повез их развозить начальникам пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей. Ночь была безлунная, темная, в трех-четырех шагах ничего не было видно. Нередко попадая в канавы, овраги, то пешком, то верхом, рыскал я всю ночь по траншеям, развозя приказания. И только под утро попал я на бивуак своего полка, командиру которого тоже передал пакет.

Забравшись в первую попавшуюся палатку и повалившись здесь на землю, я крепко и почти моментально уснул после двух тяжелых бессонных ночей.

Часов в восемь утра я проснулся. Товарищи мои уже встали и пили чай.

– А, и ординарец скобелевский глаза продрал! Ишь, разважничался, фазан этакий! Ну, поднимайся, у нас коньяк есть! – так приветствовали меня станичники – господа хорунжие и сотники.

М. Д. Скобелев. Фотография ок. 1877 г.

Откровенно говоря, мне вовсе не нравилась ординарческая, посыльная служба. Я знал, как мы, строевые офицеры, недружелюбно, порой враждебно даже, относились к этим штабным деятелям, отнимавшим у нас обыкновенно награды и лавры, называя их фазанами, моншерами, шаркунами, полотерами и другими эпитетами, хотя многие из них совершенно и не заслужили этого. Я с глубоким уважением и любовью относился только к строевой службе и хотел всю кампанию оставаться в рядах своей сотни… И только имя

Скобелева, его популярность в армии и народе и, наконец, самая опасность моего положения мирили меня с этим местом.

Поболтав с товарищами, напившись чаю и поделившись с ними своей ночной поездкой по позиции (к счастью, ночь эта прошла у нас совершенно спокойно), я снова уселся на коня и поехал разыскивать генерала. Нашел его, по обыкновению, на позиции, под пулями.

– А, здравствуйте, казак! – сказал он весело, увидев меня. – А я думал, что вы попались туркам и они вас на кол посадили!

– Ну, вряд ли это им удастся, ваше превосходительство! – отвечал я, здороваясь с новыми своими товарищами. – Живым-то я не дамся им, ну а с мертвым пускай делают что хотят!

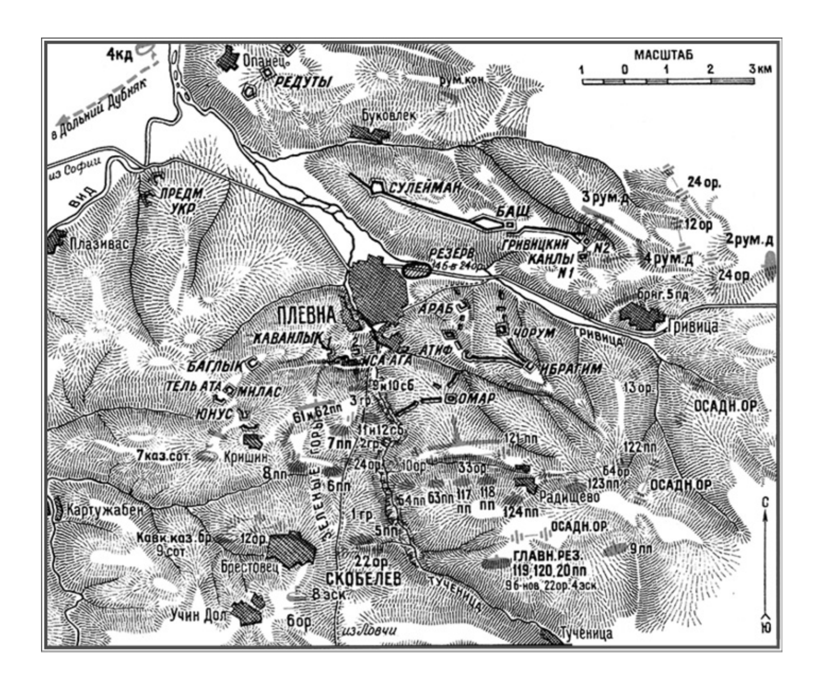
Генерал засмеялся и посмотрел на меня одобрительно.

В этот день, т. е. 29 августа, после полудня войска наши, по приказанию Скобелева, с первого гребня двинулись вперед и быстро овладели вторым гребнем. Турки в беспорядке бежали и открыли как с третьего гребня, так и с редутов сильный ружейный и артиллерийский огонь по нашей передовой линии, на которой, под пулями и снарядами, наши солдаты уже начали рыть закрытые для себя траншеи. В ночь с 29-го на 30-е турки снова делали слабые попытки наступать на наши позиции на втором гребне, но по-прежнему были отражены эстляндцами.

Глава II

Наконец наступил кровавый день 30 августа. Густой туман окутывал нас со всех сторон, мелкий дождик зарядил, по-видимому, на весь день, образуя липкую грязь на глинистых, поросших виноградниками и кукурузой скатах Плевненских возвышенностей. С раннего утра уже загремели пушечные выстрелы вокруг Плевны, и целые сотни русских гранат и бомб, шипя и свистя, летали в редуты, траншеи и в город. Большинство их, конечно, впивалось не в человеческое

мясо, а в землю и камень. Турки отвечали довольно вяло. Уже давно мы все на ногах, или, вернее, на конях, и ездим по позициям за Скобелевым, у которого сегодня лицо необыкновенно серьезно, озабоченно. Вот вся группа остановилась на возвышенности, и Скобелев внимательно рассматривает расположение войск.

Третья атака Плевны русскими войсками
30–31 августа (11–12 сентября) 1877 г.

– Послушайте, – внезапно обратился он к Куропаткину, – я и забыл совсем. Как бы назначить кого-нибудь из расторопных офицеров, чтобы позаботился о доставке воды на позицию для войск во все время сражения, – это необходимо!

Куропаткин оглянулся кругом и остановился на мне.

– Да вот – Дукмасов может. Пожалуйте-ка сюда!

И Куропаткин начал объяснять мне мою новую обязанность. Вначале я страшно обиделся за такое поручение. «Вот, черт возьми, – думал я, слушая наставление Куропаткина, – неужели я ни к чему более не способен, как только развозить воду… Люди идут в бой, грудью столкнутся с врагом, и вся честь победы падет на их долю, а тут изображай из себя водовоза». Наконец, я не выдержал.

– Господин капитан, – обратился я к Куропаткину, – нельзя ли вас просить избавить меня от этой обязанности. Назначьте, пожалуйста, какого-нибудь урядника, что ли. Я предпочел бы идти в атаку, на штурм, чем возиться с таким небоевым делом!

Капитан, заметя по выражению моего лица и тону голоса мое неудовольствие, слегка улыбнулся.

– Вы напрасно думаете, – мягко и дружески заметил он, – что то дело, которое вам поручено, так ничтожно и обидно для самолюбия: каждый приносит долю пользы в этом общем, великом деле. Доставлять ближнему облегчение в страданиях, подкреплять его силы – это, напротив, великая роль, и каждый принесет вам за это искреннюю благодарность. Доводы Алексея Николаевича были настолько убедительны, что я вполне с ним согласился, и задетое слегка самолюбие было совершенно успокоено.

Вообще, нельзя не отдать должную справедливость уму Алексея Николаевича, такту его и уменью обращаться с подчиненными. Ведь другой на его месте на мое замечание о назначении урядника распоряжаться подвозом воды крикнул бы просто: «Извольте не рассуждать, а исполнять, что вам приказывают!» Положим, я и стал бы исполнять, но не с такою энергией, не с таким глубоким сознанием пользы и важности порученного мне дела, а просто с формальной лишь стороны… Здесь же сила убеждения, спокойная логика и теплое, товарищеское обращение вполне достигают своей цели.

Куропаткин ускакал догонять Скобелева, а я решился добросовестно заняться своей новой мирной миссией в сфере пуль и гранат. Обидно мне было только то, что меня могли убить или ранить в то время, когда я занимался самым мирным занятием.

Получив в свое распоряжение десять казаков, я отправился с ними в деревню Брестовец, собрал там несколько каруц с волами и бочками и организовал подвоз воды на позицию. Двенадцать бочек с водой постоянно стояли на известных местах, а четыре безостановочно снабжали войска на позициях.

– Вот спасибо, дай Бог вам здоровья, казачки! – говорили солдатики, утоляя томительную жажду в самом разгаре жаркого боя.

Устроив таким образом порученное мне дело, я вернулся снова в свиту Скобелева исполнять свои ординарческие обязанности.

Не буду останавливаться на описании подробностей боя 30 августа на Зеленых горах, на геройских подвигах наших войск. Русскому читателю эти подвиги прекрасно известны из многочисленных корреспонденций, рассказов и особенно из правдивого, подробного и высокохудожественного описания этого славного боя в капитальном труде генерала Куропаткина «Ловча и Плевна». В летописях русской военной истории бои 30 и 31 августа на Зеленых горах прибавят еще несколько славных страниц.

План Скобелева атаковать редуты № 1-й и 2-й действительно гениален и сильно поразил турок и их недюжинного предводителя своею неожиданностью, смелостью, даже дерзостью. Идея блестящая, исполнение – не менее славное. И если храбрые бойцы и их гениальный полководец не получили своевременно поддержки, помощи, то в этом не их вина! Будь направлена сюда главная атака всех оставшихся

свободных резервов – несомненно, что армия Османа-паши сложила бы оружие или, в противном случае, совершенно была бы истреблена.

Общая атака плевненских укреплений назначена была в три часа дня, но на Зеленых горах бой начался гораздо раньше: Скобелев решил занять сначала третий гребень, укрепиться на нем и затем уже двинуться в три часа, вместе с другими войсками, на штурм редутов.

Под грохот наших батарей двинулись в атаку, в десять часов утра, на третий гребень владимирцы[161] и стрелки. Прикрываемые туманом, они быстро и молодецки оттеснили турок с этого гребня. Некоторые, как приказано было им, остановились здесь и занялись самоокапыванием, другие же, не видя ясного очертания гребня, продолжали преследовать бежавшего врага до самых редутов, причем несколько смельчаков даже вскочили в неприятельское укрепление. Впрочем, вскоре турки вытеснили эту слабую горсть храбрецов и, в свою очередь, перешли в наступление. Но, встреченные огнем владимирцев и суздальцев[162], мусульмане принуждены были отойти обратно к своим редутам, оставив третий гребень в наших руках.

Общий штурм начался ровно в три часа дня. Владимирцы получили приказание атаковать редут 1-й, суздальцы – редут 2-й, стрелки 9-го и 10-го батальонов – направились правее последних.

Стройно, в полном порядке и под музыку, двинулись эти части вперед, быстро спустились с третьего гребня, перескочили ручей и стали карабкаться наверх по скользкому,

---

[161] Чины 61-го пехотного Владимирского полка, сформированного в 1700 г.

[162] Чины 62-го пехотного Суздальского полка, сформированного в 1700 г.

вследствие дождей, и голому скату… Но тут убийственный огонь неприятеля заставил их временно остановиться. Поддержанные ревельцами[163], которые из резерва подошли к ним на подмогу, наши молодцы снова полезли по вязкому грунту навстречу страшному свинцовому дождю, теряя по дороге сотни своих храбрых товарищей… На половине ската солдаты снова приостановились: эти тучи пуль на совершенно открытом скате производили ужасное опустошение в рядах наших бойцов, что, в связи с физическою усталостью, делало дальнейшее наступление почти невозможным. Еще несколько мгновений – и наступающие части бросятся назад!.. Момент был критический!.. Скобелев решился тогда на последнюю, крайнюю меру – бросить в боевую линию весь оставшийся в его распоряжении резерв – три батальона либавцев[164] и два стрелков…

Я позволю себе здесь выписать почти две страницы высокохудожественного и правдивого описания этих боевых минут из замечательного труда генерала Куропаткина «Ловча и Плевна»:

«Пять свежих батальонов, – пишет почтенный автор, – скрылись в зловещей долине, которая так же быстро поглотила их, как уже поглотила одиннадцать батальонов, ранее посланных. Эта лощина представлялась каким-то чудовищем, которое ненасытно требовало и поглощало все новые и новые жертвы. Несколько тысяч человек уже убыли из строя. Либавцы и стрелки молодецки достигли лощины и, оставив там свои жертвы убитыми, ранеными и отсталыми, стали, в свою очередь, карабкаться по скату. Вот они уже достигли изнемогавших в борьбе с губительным огнем наших передовых частей, слились с ними и начали продвигаться вперед

---

[163] Чины 7-го пехотного Ревельского полка, сформированного в 1775 г.

[164] Чины 6-го пехотного Либавского полка, сформированного в 1806 г.

сперва довольно быстро, затем все медленнее. В это время турки перешли сами в наступление против нашего крайнего правого фланга из города Плевны. Тут были у них пехота, черкесы и башибузуки. […]

Дрались врукопашную. Наш правый фланг приостановился. Фронт и левый фланг были тоже близки к остановке. […]

Успех боя окончательно заколебался. Тогда генерал Скобелев решил бросить на весы военного счастья единственный оставшийся в его распоряжении резерв – самого себя. Неподвижно, не спуская глаз с редутов, стоял он верхом, спустившись с третьего гребня на половине ската до ручья, окруженный штабом, с конвоем и значком. Скрывая волнение, генерал Скобелев старался бесстрастно спокойно глядеть, как полк за полком исчезали в пекле боя. Град пуль уносил все новые и новые жертвы из конвоя, но ни на секунду не рассеивал его внимания. Всякая мысль лично о себе была далека в эту минуту. Одна крупная забота об успехе порученного ему боя всецело поглощала все. Если генерал Скобелев не бросился ранее с передовыми войсками, как то подсказывала ему горячая кровь, то только потому, что он смотрел на себя как на резерв, которым заранее решил пожертвовать без оглядки, как только наступит, по его мнению, решительная минута.

Минута эта настала. Генерал Скобелев пожертвовал собою и только чудом вышел живым из боя, в который беззаветно окунулся. Дав шпоры коню, генерал Скобелев быстро доскакал до оврага, опустился или, вернее, скатился к ручью и начал подниматься на противоположный скат к редуту № 1. Появление генерала было замечено даже в те минуты, настолько Скобелев уже был популярен между войсками. Отступавшие возвращались, лежавшие вставали и шли за ним на смерть. Его громкое: «Вперед, ребята!» – придавало

новые силы. Турки, занимавшие ложементы[165] перед редутом № 1, не выдержали, оставили их и бегом отступили в редуты и траншею между ними. […]

Вид отступавших от ложементов турок воодушевил еще более наших. «Ура», подхваченное тысячами грудей, грозно полилось по линии. Скользя, падая, вновь поднимаясь, теряя сотни убитыми и ранеными, запыхавшиеся, охрипшие от крика, наши войска за Скобелевым все лезли и лезли вперед. Двигались нестройными, но дружными кучками различных частей и одиночными людьми. Огонь турок точно ослабел или действие его, за захватившей всех решимостью дойти до турок и все возраставшей уверенностью в успехе, стало менее заметным. Казалось, в рядах турок замечалось колебание. Еще несколько тяжелых мгновений – и наши передовые ворвались с остервенением в траншею и затем, в 4 часа 25 минут пополудни, в редут № 1. […]

Генерал Скобелев, добравшись до редута, скатился с лошадью в ров, высвободился из-под нее и из числа первых ворвался в редут. Внутри и около редута завязалась короткая рукопашная схватка. Упорнейшие турки были перебиты, остальные отступили назад к своему лагерю, лежащему в 300 саженях к северу от линии редутов. Другие отступили к редуту № 2. […]

Интересен следующий эпизод: схватка еще не всюду была кончена, как офицеры и солдаты, шедшие на редут за Скобелевым, как за знаменем, окружили его и умоляли идти назад, умоляли поберечь себя. Тяжелораненый майор Либавского полка тащил его за ногу из седла. Лошадь, на которую Скобелев сел, была повернута и выведена из редута. В эти минуты каждый от сердца готов был прикрыть своею грудью

---

[165] *Ложемент* (*фр.*) – окопы с бруствером для прикрытия от неприятельских выстрелов и для стрельбы лежа или с колена.

начальника, раз уверовав в него и видя его личный пример, личное презрение к смерти…»[166]

Итак, редут № 1 и часть траншеи вправо от него остались за нами. Попытка овладеть редутом № 2 сначала была неудачна, и турки отразили наши атаки как с юга, так равно и со стороны редута № 1. Но зато и наши войска, занимавшие редут № 1 и ближайшую траншею, отбросили ружейным огнем турок, пытавшихся через полчаса после потери своего укрепления вновь его захватить.

Несколько позже, по прибытии свежих подкреплений, бойцы наши (суздальцы и либавцы) снова бросились на редут № 2, и, имея впереди достойного предводителя в лице подполковника Мосцевого[167], ворвались в него, переколов на бруствере отчаянно сопротивлявшихся фанатиков. Остальные в страхе бежали в Плевну.

Наконец, наступила ночь – тяжелая, страшная. Не ночь отдыха, успокоения, а напротив, ночь новых трудов, новых треволнений. Днем, когда видишь перед собой врага, стоящего на месте, приближающегося или удаляющегося, опасность не так страшна, но ночью нравственное состояние делается гораздо тяжелее, нервы слишком напрягаются. Каждую минуту ожидаешь неожиданного нападения… Не до отдыха, конечно, было в такие тяжелые минуты! Все ординарцы были разосланы с приказаниями и донесениями. Мне тоже было приказано отправиться с бумагами к князю Имеретинскому. Темень наступила страшная, дождь не прекращался ни на минуту. Завязая в грязи, доехал я до первого гребня, где возле шоссе была разбита палатка князя. Кроме него, в ней помещался начальник штаба полковник Парен-

---

[166] *Куропаткин Л. Н.* Действия отрядов генерала Скобелева в Русско-турецкую войну 1877–78 годов. Ч. 2.

[167] *Мосцевой* – участник Русско-турецкой войны, подполковник.

сов[168] и несколько адъютантов. Все они, несмотря на поздний час, были заняты делом. Нашему брату, ординарцу, приехавшему с донесением, конечно, не нашлось места в палатке укрыться от дождя и непогоды.

Соскочив с коня, я завернулся в бурку и прилег на мокрой земле возле палатки. Веки скоро сомкнулись, и я уснул тяжелым, свинцовым сном. Недолго, впрочем, пришлось мне наслаждаться отдыхом. Вскоре я почувствовал, что меня кто-то расталкивает.

– Послушайте, бумаги готовы – поезжайте скорей. От души желаю вашему отряду полного успеха, – говорил мне Паренсов.

– Передайте, пожалуйста, Скобелеву, – сказал в это время вышедший из палатки князь, – что я ему буду посылать все, что только возможно собрать в тылу, а также что я послал в главную квартиру и просил подкреплений. Ну, поезжайте, дай Бог удачи!

Передав Скобелеву бумаги и слова князя, я думал на зорьке хоть немного вздремнуть, так как те несколько минут, которые я не заснул, а забылся возле палатки князя, не подкрепили, а, напротив, утомили меня еще более.

Но Скобелев не дал мне спать.

– Послушайте, Дукмасов, – обратился он ко мне, – возьмите человек двадцать казаков да займитесь подвозом патронов стрелкам на позиции, а то они жалуются на недостаток.

Снова вскочил на уставшего не менее меня Дона и всю ночь, до самого утра, ездил от патронных ящиков до редутов,

---

[168] *Паренсов Петр Дмитриевич* (1843–1914) накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. около полугода под видом путешественника вел разведку в Румынии и Болгарии. С началом военных действий назначен начальником штаба Кавказской казачьей дивизии, затем – начальником штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии, исполнял обязанности начальника штаба Северного отряда.

снабжая стрелков патронами Бердана, которые казаки помещали в свои торбы и карманы.

Суровое пасмурное утро 31 августа осветило непроглядную, мрачную картину на Зеленых горах. Туман, пропитанный запахом крови, стоял в воздухе. Сотни молчаливых убитых и целые тысячи стонущих раненых, ожидание уцелевшими новых жертв, новой бойни – все это ухудшало нравственное настроение храбрых, но несчастных воинов. Лица их были суровы, угрюмы, разговоры были сдержанны… Хотя большинство и получило пищу, но немногим пришлось сомкнуть глаза и запастись силами для новых тяжелых испытаний. Ожидания наши не были напрасны. С раннего утра уже загремела канонада с обеих сторон. Туман мало-помалу стал рассеиваться. Кроме артиллерийского огня, турки участили и ружейный. Со всех сторон летели свинцовые и чугунные чудовища в Скобелевские редуты, защищаемые несколькими тысячами наших измученных солдат (суздальцев, эстляндцев, владимирцев).

Доступы к редутам – склон третьего гребня и подъем за Зеленогорским ручьем сильно обстреливались неприятельским перекрестным огнем. Сообщения по этому пространству производились большею частью одиночными людьми, и притом бегом. Самые редуты и траншеи между ними представляли для защитников очень слабое закрытие, и турецкий огонь убивал в них немало народу.

После короткой бомбардировки нашей передовой позиции турки густыми цепями двинулись в атаку на Скобелевский редут № 1, но, встреченные дружным огнем нашей пехоты с редутов и Горталовской траншеи, принуждены были немедленно отступить, несмотря на значительное превосходство в силах, понеся большие потери и оставив несколько сот убитых и раненых.

Главная сила турок двигалась при этом со стороны Садового редута. «Слава Богу! Атака отбита», – вздохнули мы свободнее и перекрестились.

Спустя часа три после описанных, неожиданных для нас атак, часов около десяти утра, они снова начали усиленно обстреливать нашу передовую позицию, а затем густыми цепями красных фесок двинулись в атаку и повели ее так энергично, так храбро, что едва не овладели укреплениями, стоившими нам таких ужасных жертв. Видно было, как несколько десятков человек наших солдат дрогнули и бросились бежать из редутов. За ними вскоре последовали еще большие кучки, и число защитников становилось все менее и менее. Если бы не гений Скобелева, не его обаяние и безумная храбрость в эту тяжелую минуту, то турки в этот раз наверно овладели бы редутом.

Видя критический момент боя, Скобелев вихрем понесся на своем красивом белом коне, окруженный свитой, к редутам. Увидев любимого начальника, скакавшего навстречу врагу со своим рельефным значком среди этого свинцового дождя, наэлектризованные его словом, его самоотвержением, отступавшие бросились обратно к покинутым местам и дружным, убийственным огнем встретили почти в упор наступавшего врага. Последний не выдержал, дрогнул и, оставив у самых рвов редутов несколько десятков тел своих храбрецов, быстро отступил.

В это время на правом фланге позиции у Тученицкого оврага завязалась оживленная перестрелка. Турки, не тревожимые нашими войсками со стороны Радишева, после нескольких неудачных атак их на редут Омар-бей-табию, рассыпав густую цепь стрелков по правому берегу Тученицкого оврага и видя, что силы скобелевского отряда с этой стороны очень слабы, смело начали спускаться в овраг и даже подниматься на левый берег его. Наша редкая цепь, не

будучи в состоянии сопротивляться, стала медленно отходить, цепляясь за деревья, кусты и энергично отстреливаясь. Турки наступали все смелее и смелее.

Видя новую угрожающую опасность, Скобелев поскакал к отступавшим солдатам, удержал их и приказал во что бы то ни стало отбросить турок за овраг. К счастью, в это время подошло подкрепление из резервов – две роты, которые, вместе с бывшими в боевой линии людьми, дружно бросились на турок, заставили их торопливо спуститься в Тученицкий овраг и убраться восвояси. На пути они оставили немало тел – пули и фанаты наши делали свое дело. Героем в этой стычке был подполковник Эрн[169].

Я позабыл упомянуть, что на взятый нами редут (Скобелева № 1) еще ночью с 30 на 31 августа были втащены два наших орудия, которые все время прекрасно действовали и принесли большую пользу для защитников редута. Но, поражаемые со всех сторон, орудия эти около полудня 31-го были подбиты, и большая часть прислуги истреблена. Тогда Скобелев приказал перевезти в тот же редут еще три орудия. С громадными усилиями и с большими жертвами притащили их до места назначения, и новые орудия снова завязали оживленную перестрелку с турецкой артиллерией.

Один из зарядных ящиков, привезенный с этими орудиями, был поставлен за траверсом[170] и послужил причиной страшного несчастья: турецкая фаната ударилась в него, разорвалась – и ящик взлетел на воздух! Оглушающий удар раздался по всей позиции, и целый столб дыма и земли поднялся над редутом. Несколько человек артиллеристов и лошадей были убиты и страшно изувечены, а некоторые

---

[169] *Эрн Август Вернерович* (1826–?) – полковник, командир 62-го пехотного Суздальского полка.

[170] *Траверс* – горизонтальная балка несущей конструкции.

буквально разорваны на клочки; убит был осколком храбрый генерал Тебякин[171], ранен командир стрелкового батальона полковник Курсель[172]; начальник штаба Куропаткин этим же злополучным взрывом был контужен и обожжен, но, несмотря на это, остался на позиции и продолжал так же хладнокровно распоряжаться обороной.

Конечно, на наши войска этот взрыв, стоивший нам таких жертв, произвел крайне тяжелое впечатление и в первое время просто ошеломил… Турки, напротив, приветствовали его громкими криками и, совершенно основательно рассчитывая на наше смущение, бросились неожиданно в атаку. Но и в этот раз им не удалось овладеть редутом. Дружные залпы наших рот, особенно из Горталовской траншеи, заставили их постепенно отойти. Это было около часу.

Мы снова вздохнули свободнее. По отбитии этой атаки Скобелев поехал на правый фланг, на редут № 2. Я немного отстал от него и догнал только тогда, когда он выезжал уже из этого редута.

– Вот посмотрите, Дукмасов, – обратился ко мне, когда я подъехал, Скобелев, указывая на полусотню казаков, бывших впереди редута. – Этим господам я приказал выбить из огородов и виноградников черкесов и башибузуков, которые засели там в канавах и сильно беспокоят наших.

Я посмотрел на своих станичников и увидел, что действительно они действовали очень вяло, нерешительно: верхом медленно подвигаясь вперед, осторожно перебираясь через канавы и другие препятствия.

---

[171] *Тебякин Владимир Александрович* (1825–1877) – русский военачальник, генерал-майор.

[172] *Курсель Виктор Магнусович* (1836–?) – участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командир 139-го пехотного Моршанского полка.

– Вот ваши казаки (тут генерал употребил крепкое, ругательное слово), – продолжал Скобелев, заметно раздражаясь. – Поезжайте и скажите, чтобы сейчас же выбили эту сволочь!

Своим нецензурно-ругательным словом Скобелев сильно задел мое казачье самолюбие. Вспылив и не сознавая ясно, что говорю, я, взяв под козырек, твердо ответил:

– Если вы, ваше превосходительство, ругаете так нас, казаков, то я не могу исполнять вашего приказания.

– Как вы смеете рассуждать, хорунжий! – грозно крикнул на меня Скобелев, весь вспыхнув. – Я прикажу вас расстрелять сейчас!

– Как угодно будет вашему превосходительству! Хотя мы стоим теперь под перекрестным огнем и каждый из нас может быть расстрелян неприятельскими пулями, но, если прикажете, меня расстреляют свои пули.

У Скобелева, между тем, вспышка горячности прошла. Он протянул мне руку и с добродушною улыбкой сказал:

– Ну, довольно… Извините меня, голубчик, я погорячился!

Эта искренняя фраза генерала, который действительно мог предать меня суду за мою дикую выходку, за дерзкое возражение, еще более расположила меня к этому человеку, в котором я и прежде души не чаял, которым был просто очарован. Прикажи он мне тогда скакать в главный лагерь и привезти голову Османа-паши, и я ни минуты не колебался бы, не задумался бы отправиться на это сумасшедшее предприятие!.. Я поехал к казакам, передал им приказание Скобелева, и они немедленно и дружно его исполнили, оттеснив черкесов и башибузуков из близлежащих виноградников.

Вскоре после этого я получил новое поручение. Мне приказано было отправиться на левый фланг позиции и с сотней донских казаков 34-го полка охранять этот фланг со стороны Крышинского редута, удерживая этим турок от атаки в тыл наших войск, действовавших в центре Зеленых гор. Сотней командовал бравый есаул Енютин, с которым вместе мы

направились в цепь. Выйдя из виноградников, Енютин рассыпал полусотню, которая тотчас завязала перестрелку с турецкой пехотой, занимавшей траншеи и ложементы близ Крышинского редута. Несмотря на близость неприятеля (шагов 500), казаки успешно состязались в стрельбе с турецкими пехотинцами и, прикрываясь деревьями и кустами, держались до самого вечера на позиции, не допуская турок атаковать наши войска, находившиеся в центре. Потери нашей сотни были довольно ничтожны: два-три казака и шесть-семь лошадей.

Исполнив это поручение, я снова вернулся к Скобелеву и застал его крайне встревоженным и огорченным. В руках он держал телеграмму от генерала Зотова[173] и говорил Куропаткину: «Черт знает что такое! Пишут, что нет подкреплений, а между тем мы видим у них целые колонны, ничего не делающие… Хоть бы произвели демонстрацию с той стороны и отвлекли от нас таким образом часть неприятельских сил! Ведь нам приходится бороться чуть не со всею армией Османа-паши! Отряд наш истощает свои последние силы в непосильной борьбе!» От внутреннего волнения у него показались даже слезы на глазах. Он опустил голову и отвернулся. «Если бы мне теперь свежую бригаду – я доказал бы…» – проговорил он тихо немного спустя (окончания фразы я не расслышал). Затем он поднял голову и, обратившись ко мне, сказал твердым голосом:

– Дукмасов! Поезжайте сейчас на оба редута и прочтите там вслух вот эту телеграмму, которую я получил от генерала Зотова.

Не зная содержания телеграммы и видя Скобелева крайне возбужденным, взволнованным, я немало был удивлен этим лаконическим приказанием.

---

[173] *Зотов Павел Дмитриевич* (1824–1879) – русский военачальник, генерал от инфантерии.

– Слушаю, ваше превосходительство, – отвечал я, взяв под козырек. – Больше ничего не прикажете?

– Нет, ничего. Это решило все! Поезжайте и прочтите войскам эту телеграмму.

Ударив плетью своего коня, я рысью направился к редуту № 1, до которого было около тысячи шагов. Пули свистали вокруг меня точно рой пчел, но я не обращал на них никакого внимания и больше думал о Скобелеве. Мне стало жаль его, мне было грустно, что мы не выиграем дела, которое так славно начали. Лошадь моя часто спотыкалась о трупы наших солдат, многие из которых уже разложились и наполняли воздух ужасными зловониями. При подъеме на скат, где находились взятые нами редуты, огонь турок еще более усилился, и возле меня стали шлепаться со злобным шипеньем одна за другою неприятельские гранаты.

Я решил, что целый не выйду из этого царства смерти и ужаса… Один из осколков прогудел вдруг над самым моим ухом. Я схватился машинально за голову и думал, что контужен. Но счастье не покидало меня, и я невредимый добрался до цепи. Быстро вскочил я вовнутрь укрепления и был поражен той страшной картиной, которая открылась перед моими глазами: целые груды трупов – православных и мусульман – валялись возле редута и внутри его. Раненые, которых немыслимо было вынести из этой кровавой заколдованной горы, лежали тут же, рядом с убитыми, оглашая воздух стонами, мольбами и проклятиями. Та часть бруствера, которая обращена была к городу, состояла буквально из куч мертвых тел, присыпанных слегка с наружной стороны землей. Два русских орудия стояли безмолвно, подбитые и негодные к употреблению. Несколько сот солдат различных полков, в самых разнообразных позах, стояли, сидели и лежали на банкете[174], по временам стреляя через вал… Они

[174] *Банкет* (*фр.*) – насыпь или ступень, расположенная с внутренней стороны бруствера и предназначенная для размещения на ней стрелков.

как-то тупо, апатично посмотрели на меня, когда я верхом вскочил в редут.

– Послушайте, братцы, а где тут ваш командир? – обратился я к ним, не видя офицера.

– А вон там – в энтой траншее, что впереди, – ответило несколько голосов, указывая по направлению к Садовому редуту.

Пришлось скакать еще шагов полтораста, и снова под убийственным перекрестным огнем… Невредимый доехал я, наконец, до самой траншеи, занятой тоже нашими солдатами.

– Где тут командир? – повторил я тот же вопрос, останавливая на всем скаку своего коня.

– А я самый и есть! Что прикажете? – проговорил какой-то офицер, приподнимаясь с земли.

Я увидел перед собою человека небольшого роста, средних лет, довольно плотного, с симпатичным, добродушным и чисто русским лицом, в старепьком пальто с потертыми, древними капитанскими погонами и в такой же шапке.

– Позвольте познакомиться, – продолжал он, обращаясь ко мне, – майор Горталов[175]. Чем могу служить?

Майор Горталов – личность историческая в военном отношении, которая должна занять почетное место наряду со Скобелевым, Добровольским[176], Куропаткиным, Эрном и другими героями Зеленых гор.

– Очень приятно. Хорунжий Дукмасов, ординарец генерала Скобелева, – отвечал я, пожимая радушно протянутую мне руку храброго воина. – Только не с радостными вестями я к вам, майор! Генерал Скобелев прислал меня сюда и приказал прочесть телеграмму, которую он только-то получил от генерала Зотова.

---

[175] *Горталов Федор Матвеевич* (1839–1877) – майор 61-го пехотного Владимирского полка, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

[176] *Добровольский Владимир Михайлович* (1834–1877) – генерал-майор, командир 3-й стрелковой бригады.

Тут я громко прочитал телеграмму, гласившую, что подкрепления не могут быть присланы, ибо таковых не имеется, и что он, генерал Зотов, надеется, что войска Скобелева удержатся собственными силами.

Новость эта произвела на героев-защитников, изнемогавших в неравной борьбе с энергичным противником и каждую минуту ожидавших подмоги, видимо удручающее впечатление. Невольно закрадывалась мысль, что эти отважные бойцы, под впечатлением грустной вести, падут духом и будут обороняться далеко уже не с прежним энтузиазмом, не с прежнею отвагой…

Хотя меня и не уполномочил Скобелев говорить им что-либо еще, но я, тем не менее, стал уверять солдат, будто генерал вполне уверен, что они и без подкреплений сами удержатся на завоеванной позиции, что Великий князь, Главнокомандующий, обещал непременно прислать им помощь и проч. Словом, всеми силами старался хоть немного подбодрить их.

– Ну, до свиданья, дай Бог счастья! – проговорил я на прощанье, пожимая руку Горталова и поворачивая своего усталого коня.

В это время турки неожиданно перешли в наступление против этого участка. Увидев мою фигуру на лошади и принимая, вероятно, меня за какого-нибудь начальника, они открыли шагов с 300 самый убийственный огонь. Пули назойливо стали свистеть мимо моих ушей, и вдруг одна из них злобно влепилась в голову моего верного боевого товарища Дона. Зашаталось бедное животное, грохнулось затем на землю и жалобно застонало… Я едва успел соскочить на землю. «Это Бог меня наказывает за вранье!» – подумал я, прощаясь с несчастным любимым другом.

– Эх, жаль, братцы, хорошая лошадь была! – говорили пехотные солдатики, с соболезнованием смотря на бедное

животное, которое, откинув назад голову, страшно хрипя и конвульсивно вздрагивая ногами, боролось со смертью.

«Вот уж одному из нас не суждено вернуться в родные степи, на Дон, – думал я, маршируя обратно от Горталовской траншеи к редуту № 1 и из кавалериста превратившись в пехотинца. – Скоро и мой черед, пожалуй! Может, сейчас вот какой-нибудь роковой кусочек свинца влепится мне в спину или в затылок и уложит так же, как и моего верного Пегаса!..»

Не заходя в редут № 1, я направился ближайшим путем к редуту № 2. Подходя к нему, я встретил знакомого офицера (причисленного к Генеральному штабу штабс-капитана Сокольского), который возвращался из редута тоже пешком.

– Что же это пешечком? – обратился я к нему. – А конь твой где?

– Убили только что, – отвечал он, пожимая мою руку.

– Ну, в таком случае, мы с тобой товарищи: я тоже лишился своего дорогого Дона. Вот что: ты подожди меня здесь немного, я объявлю сейчас приказание генерала на редуте и отправимся вместе назад.

– Ладно, ступай, я подожду!

На редуте № 2 командиром был подполковник Мосцевой, которому я передал то же известие и прочитал телеграмму. И здесь новость эта произвела видимо удручающее впечатление. Не желая заставлять ждать себя, я пустился в обратный путь и вскоре подошел я к Сокольскому. Он сидел на камне между редутами и совершенно спокойно курил папиросу под перекрестным неприятельским артиллерийским и ружейным огнем.

– А я тебя все поджидаю, – хладнокровно сказал он, точно дело происходило где-нибудь на бульваре или в гостиной.

– Однако, ты храбрец! – невольно заметил я, удивляясь тому месту, которое он выбрал себе для отдыха. – Тебе как будто доставляет удовольствие сидеть здесь, ты каждый миг рискуешь быть убитым.

– Э, брат, все равно, куда ни прячься – один черт! – спокойно отвечал Сокольский.

Повторяю еще раз читателю, что я не задаюсь вовсе целью воспроизвести перед его глазами полную картину боя на Зеленых горах в порядке, в системе и подробностях!.. Я описываю лишь те эпизоды, которых был сам свидетелем или слышал тут же, под огнем, от более или менее авторитетных лиц. Поэтому, весьма вероятно, что в описаниях моих могут явиться и некоторые неточности. Моя главная цель – писать все без утайки, одну лишь голую правду, будь она лестная для нашего национального самолюбия или, напротив, неприятная.

Около четырех часов дня турки открыли усиленный артиллерийский и ружейный огонь по нашим редутам. Еще раньше Скобелев начал получать донесения от Горталова и Мосцевого о значительном сосредоточении неприятельских войск против нашего отряда. Очевидно, Осман-паша вздохнул свободнее после отбития атаки на других пунктах позиции и, не тревожимый более никем, решил обрушиться почти всеми своими резервами на самого назойливого и опасного врага, который завладел такими важными в тактическом и стратегическом отношениях пунктами, как редуты № 1 и 2.

Густые цепи турок с сильными поддержками позади неистово лезли вперед, несмотря на страшный огонь наших солдат из редутов и траншей. Целые сотни их валились на землю от русских пуль и гранат. Но это не удерживало остальных, и они, с дикими криками «Алла, Алла!», с пением и со стрельбой на ходу, неудержимою волной все ближе и ближе подвигались к нашим. Впереди ясно развевалось зеленое знамя Пророка: несколько мулл в белых чалмах двигались с атакующими таборами, держа высоко над головами священные Кораны. И все эти тысячи мусульман, как бы

опьяненные, с каким-то диким энтузиазмом, точно сумасшедшие или разъяренные звери, стремительно подвигались к редутам. Они, вероятно, поклялись или погибнуть, или победить!.. Вместе с пехотой двигалось несколько сот черкесов и башибузуков, которые своим дьявольским видом, своими криками и гиканьем придавали этой фанатической атаке какой-то адский характер…

В этот роковой момент Скобелев со своею свитой и значком стоял на втором гребне Зеленых гор и с грустью смотрел, как была захвачена турками сначала Горталовская траншея, а затем и редут его имени (№ 1). Отчетливо было видно, как кучки наших солдатиков поспешно спускались с кровавого ската к Зеленогорскому ручью, как красные фески появились в редуте и огласили воздух неистовым, радостным «Алла!». Горсть русских героев не захотела отступить из завоеванных дорогой ценой укреплений и штыками встретила ворвавшихся сынов Магомета. В числе этих павших в неравном штыковом бою богатырей, память о которых будет всегда священна на Руси для каждого истинного патриота, был и честный храбрец – майор Горталов. Отступавшие солдаты наши видели, как несколько ворвавшихся в редут здоровых турок, от которых он защищался шашкой, подняли его безжалостно на штыки… Вечная память тебе, скромный герой и честный воин! Дай Бог, чтобы в рядах Русской армии было побольше таких, беззаветно преданных своему долгу, людей, чтобы пример твой не пропал даром для нашего потомства!

Как мизерны и ничтожны кажутся перед таким истинным героем те мишурные, изящные и паркетные воины, которые с закрученными усиками и с пенсне на носу очень мило и увлекательно рассказывают в обществе об ужасах войны и своих подвигах, заставляя этим нервных барынек вздрагивать и закрывать глаза… Этих господ очень метко охарактеризо-

вал наш талантливый художник Верещагин[177] своей прелестной картиной «Si juenne et si decore!»[178] Какой-то философ сказал, что «количество получаемых боевых наград обратно пропорционально квадратам расстояний, получаемых от неприятеля». И действительно! Что, если бы Горталов каким-нибудь чудом остался жив и удержал за собою этот редут или хотя спасся с горстью своих храбрецов?.. Что бы было ему? Да ничего особенного. Много-много, если бы получил Георгия – и только! И то это у Скобелева. У других, может быть, и того не получил бы. И поплелся бы он после войны с родным полком на стоянку в какую-нибудь Черниговскую или Полтавскую губернию, и хорошо еще, если бы получил после какой-нибудь отдельный батальон!.. На этом идеале и закончил бы свое мирное существование такой герой, память о котором для потомства, по всей справедливости, следовало бы увековечить хотя бы скромным монументом!

Не могу не рассказать здесь, кстати, раз зашла речь о наградах, курьезного эпизодика, который, как мне рассказывали, имел место в Систове. (За достоверность его, впрочем, не ручаюсь.) В один из ресторанов (вернее, кабачков), где в общей зале сидело за столом много офицеров различных родов оружия – армейских и гвардейских – и за бутылками вина вели они оживленные беседы о военных событиях, о наградах и проч., – в один из таких ресторанов, повторяю, зашел уже не особенно молодой морской офицер, капитан-лейтенант – известный юморист – заметно навеселе. Шапка его была на затылке, он сильно покачивался.

На пороге моряк остановился и, заложив руки в карманы пальто, обвел присутствующих мутным, блуждающим и

---

[177] Имеется в виду Василий Васильевич Верещагин.

[178] «Такой молодой, а уже отличившийся» (*фр.*).

вместе насмешливым взором. Постоял так минуты две, прислушиваясь к беседам. За ближайшим столом сидели два гвардейских офицера и с ними блестящий офицер Генерального штаба. Мундир последнего моряк почему-то сильно недолюбливал. Разговор шел о наградах. «Момент! – подняв голову, внезапно громко проговорил сын флота, махнув головой на аксельбанты. – Георгия!» – «Э… гвардия! – продолжал он, повелительно указывая рукой на гвардейских офицеров. – Владимира с мечами и бантом!» В самом углу, у столика смиренно за бутылкой пива сидел пехотный офицер. И его заметил комик-моряк. «А – армия!.. Ну, тебе, брат, клюкву!..» (так офицерство называет красный темляк), – и махнул при этом рукой так, как бы говоря, – Бог с тобой, что тебя обижать, дам и тебе что-нибудь»…

Никто, конечно, не обратил внимания на пьяного моряка, но офицер Генерального штаба считал своим долгом обидеться и шумно поднялся. «Позвольте, капитан-лейтенант, – обратился он к нему, желая, очевидно, потребовать объяснения. – «Что, мало Георгия? – закричал вдруг на него свирепо моряк. – Ну, золотое оружие еще!» И, махнув рукой, повернулся кругом и вышел из залы, сопровождаемый дружным хохотом всех присутствовавших.

Глава III

Однако я отвлекся от рассказа. Я сказал, что редут № 1 был взят турками. Затем они бросились по траншее к редуту № 2, который был одновременно атакован и со стороны города. И здесь так же дружно встретили наши войска залпами наступающие таборы… Но Скобелев видел, что сопротивление напрасно, бесполезно, и, чтобы спасти своих лучших, испытанных солдат, он приказал им отступать. Один из ординарцев уже несся во весь дух к редутам с приказанием Скобелева. Не успел он доскакать до редута № 1, как его уже

покинули наши… Но защитники редута № 2 и не думали об отступлении.

Хотя турки стали даже заходить им в тыл, они продолжали упорно отстреливаться. Скобелев послал снова ординарца к Мосцевому с категорическим приказанием покинуть редут. Но тот все не оставлял своего поста, купленного такой дорогою ценой. Наконец, генерал отправил еще третьего ординарца с тем же приказанием… И только тогда Мосцевой вывел свой геройский отряд из редута и, составив из него небольшое каре, в полном порядке и не торопясь, стал отступать к Зеленогорскому ручью, отстреливаясь от напиравших со всех сторон турок и черкесов, а местами даже штыками прокладывая себе путь, раненых своих солдаты забирали с собой. Завладев обратно редутами, турки развернули на них свои знамена и огласили воздух долго не умолкавшими криками «Алла!» и какими-то дикими песнями[179].

Между тем Скобелев и его начальник штаба делали энергичные распоряжения, чтобы сильнее укрепить второй гребень Зеленых гор и чтобы не допустить далее неприятеля. Вся артиллерия (24 орудия) была поставлена здесь на позицию на два фронта (к стороне Крышинского редута и к северным) и все резервы стянуты сюда. Сходившихся со всех сторон к передовой позиции солдат формировали в роты и батальоны, не стесняясь тем, что часто смешивались люди даже разных полков, назначали тут же начальников и проч. Все ординарцы Скобелева были разосланы собирать людей и формировать их в роты.

---

[179] Впоследствии от некоторых офицеров, бывших в свите Государя императора, я слышал, что когда Его Величество увидел критическое положение нашего отряда, то хотел направить к нему подкрепление. Но некоторые генералы отсоветовали это Его Величеству, уверяя, что крайне опасно и рискованно ослаблять главный резерв. Что если Скобелев и будет даже разбит, то все же в главных силах турки при наступлении встретят надежный отпор. (*Примеч. автора.*)

К этому времени успел, к счастью, подойти Шуйский пехотный полк (или, вернее, батальон, потому что в нем не было и тысячи человек), которым Скобелев воспользовался, чтобы прикрыть отступление наших войск.

Относительно Шуйского полка сначала была получена телеграмма от генерала Зотова, а вслед за тем приехал ординарец от Его Высочества с тем же известием. «Поздно! – сурово, сквозь зубы проговорил Скобелев. – Двумя часами раньше мне нужно было только бригаду, еще раньше – достаточно было даже полка… Теперь же этот полк может только прикрыть отступление… Хотя, в сущности, что это за полк, когда в нем 700 штыков и 26 офицеров! Это, скорее, батальон, хотя и с тремя знаменами!..»[180]

Тем не менее, эта свежая часть принесла громадную пользу и образовала ядро, вокруг которого мало-помалу сгруппировались отступавшие и разрозненные кучки. Между тем турки, после временной передышки на редутах, снова двинулись следом за нашими отступившими войсками. Черкесы и башибузуки с гиком выносились вперед и беспощадно рубили отставших одиночных людей и беззащитных раненых. Мы не могли помочь этим несчастным: нам нужно было очистить скорее место и встретить атаку сильным фронтальным огнем с занятой нами позиции на втором гребне. Несколько сот черкесов и башибузуков, увлекшись преследованием наших солдат, зарвались слишком вперед и были встречены сильным и метким огнем нашей пехотной цепи, которая помещалась на склоне горы.

Целые десятки этих звероподобных людей повалились с коней, остальные обратились в поспешное бегство и скоро

---

[180] Шуйский пехотный полк, бывший под командой полковника Бохана, неудачно атаковал 30 августа так называемый Радишевский редут (Омар-бей-табию) и потерял почти две трети солдат и половину офицеров.

попрятались за свою пехотную цепь. Несколько испуганных лошадей без всадников неслось прямо в нашу сторону. Турецкая пехота между тем продолжала наступление и все ближе и ближе подходила к нашей оборонительной позиции. По приказанию Скобелева войска наши молчали в ожидании, когда неприятель подойдет на более близкое расстояние. Но вот Скобелев махнул рукой – сигнал был подан, и по всей линии вдруг открылся сильный артиллерийский и ружейный огонь. Залпы пехоты и частые орудийные выстрелы нескольких батарей встретили смелого врага и заставили его тотчас же в беспорядке податься назад. Момент был очень удачный для действия кавалерии. Две сотни казаков (донцов и терцев) стремительно кинулись, по команде Скобелева и под предводительством его самого, за отступавшим врагом, и шашкам и пикам была хорошая работа…

Преследование продолжалось до оврага. Когда же испуганные турки стали подниматься густыми колоннами по склону горы к взятым ими редутам, наша артиллерия и пехота воспользовались удобным моментом и положили их там не одну сотню… Таким образом, наш отряд был спасен благодаря только энергии, распорядительности и спокойной находчивости такого умного и храброго начальника, каким был Скобелев, и его талантливого помощника Куропаткина. Шуйский полк остался на позиции, а большая часть войск отошла назад и расположилась бивуаком близ деревни Брестовец. Второй гребень был занят нами довольно сильно, и приступлено к его укреплению. На третий же были выдвинуты аванпосты – казаки. Ночь провели мы довольно спокойно, и турки нас не тревожили.

Несмотря на сильное возбуждение нервов в этот ужасный, кровавый день 31 августа и ожидание ночной атаки со стороны неприятеля, я уснул крепким, тяжелым сном прямо на сырой земле. Рано утром вскочил я на ноги. Дождик пере-

стал, небо прояснилось и показалось солнце. С турецкой стороны дул легкий ветерок и приносил с собою зловоние от разлагавшихся трупов. В войсках кипела уже работа: разборка людей по полкам, ротам и формирование в новые единицы. Часто из батальона получалась рота, из полка – батальон.

Часов в пять Скобелев и Куропаткин уселись на коней и поехали на второй гребень. Мы, ординарцы, были разосланы с приказаниями, чтобы резервы и артиллерия отходили к Рыжей горе. Скобелев объехал позицию и поправил расположение некоторых частей на ней. В это время с третьего гребня, с аванпостной цепи, прискакал казак.

– Ваше превосходительство, у турецких редутов собираются войска, а в цепи заметно движение, – торопливо доложил он.

– Наступать хотят, – проговорил спокойно Скобелев. – Что ж, пусть сунутся!

– Смотрите, ребята, – говорил он, проезжая по гребню, который занимали шуйцы, – сейчас неприятель станет наступать. Будьте готовы встретить его, как истые русские герои! Если только мы уступим врагу эту позицию, то все погибнем: резервов у нас нет совсем, войска в тылу расстроены… Подпускать ближе и бить залпами, попусту не стрелять. Глядите же, молодцы, держитесь крепко!

– Постараемся, ваше превосходительство! – дружно и весело ответили сотни голосов, и слова эти видимо ободрили самого Скобелева: он прочел в них твердую решимость и веру в себя. Выражение лиц шуйцев было спокойное, в нем можно было прочесть, что они не боятся теперь врага и его атак.

В это время к Скобелеву подскакало еще несколько казаков.

– Ваше превосходительство, турецкая пехота перешла овраг и напирает на нашу конную цепь. С Крышинского редута тоже вышла турецкая цепь…

Действительно, через несколько минут турки оттеснили наших казаков с третьего гребня и стали двигаться к месту расположения нашей пехоты. Последняя, помня приказание Скобелева, подпустив эти мелькающие в виноградниках красные фески на близкое расстояние, встретила их сильными, отчетливыми залпами, которые, вместе с картечным огнем наших орудий, заставили их быстро податься назад и отступить к оврагу, где они начали собираться, очевидно готовясь к новой атаке. В это время совершенно уже рассвело.

Скобелев окинул глазами нашу позицию и заметил, как слабо была она усилена окопами.

– Шанцевого инструмента нет почти, ничего не поделаешь! – ответил кто-то на замечание Скобелева.

– Послушайте, Дукмасов! – обратился Скобелев ко мне. – Поезжайте к князю Имеретинскому и скажите, что я прошу его прислать мне саперов с лопатами.

– Слушаю, ваше превосходительство! – отвечал я и поскакал назад.

Еще утром я чувствовал себя крайне нехорошо: голова трещала, тело ломило, и я еле сидел на коне. Вероятно, я простудился за ночь, пролежав в тяжелом сне несколько часов на мокрой земле. Я остановил коня (после смерти Дона я купил у одного казака другую лошадь), слез с него и едва не повалился на землю – так вдруг мне стало скверно. «Однако, дело подлец! – подумал я, удерживаясь за седло. – Нужно хоть передать приказание Скобелева, а там заехать в госпиталь…» С трудом вскарабкался я снова на лошадь и кое-как доехал до палатки князя Имеретинского.

– Ваша светлость! Генерал Скобелев просит прислать ему сапер с шанцевым инструментом, – доложил я.

– Хорошо, – отвечал князь, – сейчас получите.

Но здесь силы окончательно меня оставили, и я почувствовал, что не в состоянии возвратиться обратно на позицию.

– Господин полковник, – обратился я к начальнику штаба полковнику Паренсову, – позвольте вас просить назначить вместо меня кого-нибудь другого, чтобы отвел саперов к генералу Скобелеву: я нездоров и не могу ехать.

Паренсов назначил одного из ординарцев князя, которому я объяснил, куда вести саперов и где находится Скобелев. Сам же я побрел на бивуак нашего полка (Донского казачьего 26-го), который находился вблизи. Полковой доктор, уважаемый господин Загроцкий (уже знакомый читателям из описания Тырновского боя), осмотрел меня внимательно и покачал головой.

– Ну, батенька, у вас тиф. Держать вас здесь, в полковом лазарете, нельзя. Вам надо немедленно в госпиталь!

На тряской подводе меня отвезли в госпиталь Красного Креста. Со мной ехал хорунжий Чеботарев, тоже больной. Здесь нас любезно встретила княгиня Шаховская, предложила чаю, закуску, но объявила, что принять к себе не может, так как болезнь моя, тиф, очень опасна и прилипчива, и, кроме того, у нее много раненых. Как это ни было грустно, но пришлось ехать дальше на этой же самой подводе. Через два дня мы дотащились до Зимницы и были помещены в одной из палаток походного госпиталя. На другой день нас осмотрели доктора и назначили меня и Чеботарева еще дальше – в Румынию, в город Яссы, куда нас вскоре эвакуировали сначала на повозках, а затем по железной дороге.

Не буду останавливаться на своей жизни в стенах госпиталя. Душно и скучно показалось мне здесь после кипучих дней 30 и 31 августа на Зеленых горах! Почти полтора месяца провалялся я на койке ясского госпиталя и с нетерпением ожидал времени, когда вырвусь отсюда. Казалось, что, выйдя целым и невредимым из того адского огня, из той страшной опасности, в которой я находился на Зеленых горах, и находясь теперь в теплой уютной комнате гостеприимного госпиталя, наслаждаясь полным комфортом, спокойствием и

заботливым уходом, я должен был бы благословлять свою судьбу! А между тем я скучал за Зелеными горами, за Скобелевым, за Куропаткиным, за своими боевыми товарищами, за всем лихим отрядом, с которым я так сжился, сроднился… Я скучал даже за этим грохотом, за этой трескотней… В ушах то и дело раздавались эти свистящие и гудящие звуки, с которыми я так свыкся, сроднился…

Мне даже смешно становилось: тут заболит у человека, у последнего солдатика, голова, почувствует он незначительный озноб, и доктора внимательно расспрашивают его о подробностях болезни, выслушивают грудь, стукают в живот, пичкают всевозможными лекарствами, ухаживают как за тяжелобольным или раненым и т. д. А там, на полях битв, где смерть летает, как у нас в комнате мухи, где тысячи людей падают, умирают, мучаются и взывают о помощи – там гибель единичного человека, даже десятков, почти не ценится, а считаются лишь сотни, тысячи… Какая страшная, поражающая разница! Живет человек, лелеет себя, делает сбережения, строит планы, идеалы, призывает при малейшем прыщике докторов, посылает в аптеку за лекарствами… И вдруг этот роковой кусочек свинца – хлоп! – и нет жизни, нет мыслей, желаний – ничего нет! Остается лишь какая-то масса, которая через день-другой начинает издавать страшное зловоние!

Итак, повторяю, я не чувствовал под собою ног, когда 11 октября мне позволено было уехать обратно в действующую армию. Снова перебрался я через Дунай, снова очутился на болгарской территории и торопился скорее к Зеленым горам.

13 октября я доехал до Парадима, где помещалась главная квартира. Полковник Скалон[181] любезно предложил мне пе-

---

[181] *Скалон Василий Данилович* (1835–1907) – русский военачальник, генерал от инфантерии. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командовал Лейб-гвардии саперным батальоном.

реночевать у него. Узнав, что я еду к Скобелеву, он просил меня захватить с собой несколько ящиков, которые присланы были с разными вещами и пожертвованиями мирных русских патриотов для офицеров и солдат славного Зеленогорского отряда. Я, конечно, с удовольствием взялся исполнить поручение. Поблагодарив радушного и гостеприимного хозяина, на другой день, рано утром, я выехал дальше по направлению к Плевне. На половине пути, между Парадимом и Брестовцом, я столкнулся со Скобелевым, который ехал мне навстречу. Узнав меня, он любезно поздоровался и приказал остановиться своей коляске. Я слез с повозки и передал поручение Скалона.

– А, спасибо! – сказал он. – Что это вы тогда так внезапно покинули позицию?

– Не мог, ваше превосходительство, заболел тифом. Приказание ваше я исполнил и передал князю о саперах, а полковника Паренсова попросил назначить вместо меня другого офицера вести саперов. Не знаю, получили ли вы их, ваше превосходительство?

– Как же… Мы тогда ведь отбили турок!.. Впрочем, – прибавил он, – в сущности, вы мало потеряли, что отсутствовали это время: дела никакого не было и мы больше баклушничали. Вот дня через два у нас ожидается работа! Ну, вы поезжайте ко мне в лагерь. Я еду в главную квартиру и к обеду вернусь. До свидания! – Скобелев пожал мне руку, и коляска быстро покатилась по направлению к Парадиму.

После трех неудачных попыток овладеть Плевной открытой атакой, в главной квартире решено было обложить это заколдованное турецкое гнездо нашими войсками со всех сторон и, усилив себя фортификационными укреплениями, принудить к сдаче Османа-пашу голодом. Решено было, словом, блокировать Плевну. План, бесспорно, хорош, но для этого требовалось достаточное количество войск и достаточно терпения. О материальных расходах, конечно, и

говорить нечего: каждый лишний день войны стоил России громадных денег!

Так как Осман-паша мог легко получать подкрепление и припасы, главным образом со стороны Софии, то надо было отрезать ему сообщение со всеми пунктами. По дороге к Софии у Османа было две сильно укрепленные позиции – Телиш и Горный Дубняк, в каждом считалось до трех тысяч защитников. Так как рискованно было облагать Плевну со всех сторон, имея в тылу такие сильные укрепления с солидными гарнизонами, то решили взять сначала их, а затем уже, владея всей Орханийскою дорогой и обеспечив себя таким образом с юга, произвести полное обложение Плевны. Честь взять эти два укрепления выпала на гвардию, которая только что пришла из России для усиления наших сильно поредевших войск.

12 октября пал Горный Дубняк, а 16-го, после ожесточенной бомбардировки, Телиш. В день штурма Горного Дубняка нашему Зеленогорскому отряду приказано было произвести демонстративную атаку, чтобы отвлечь внимание турок от Гурко. Ложная атака произведена была так искусно нашим отрядом, благодаря мудрой распорядительности Скобелева и его начальника штаба Куропаткина, что Осман-паша не решился направить на помощь Горно-Дубнякскому гарнизону часть своих сил и все предполагал, что со стороны Ловчинского шоссе ведется настоящая атака. Войска наши были вовремя остановлены Скобелевым на ближней позиции, поддерживая все время усиленную перестрелку, и оставались в таком положении до тех пор, пока храбрые гвардейцы не овладели Горным Дубняком, где 3000 турок после довольно упорной обороны положили оружие. Государь император, наблюдавший все время за действиями наших боевых молодцов, остался очень доволен ими и передал свою Высочайшую благодарность.

С целью возможного уменьшения линии русских войск и укреплений, охватывающих Плевну, нашему отряду, между прочим, приказано было продвинуться от Учин-Дола несколько вперед и занять Рыжую гору и деревню Брестовец. На Рыжей горе Скобелев решил поместить артиллерию, в числе которой находилась также дальнобойная батарея из турецких орудий, взятых в Никополе. Углицкий пехотный полк должен был занять деревню Брестовец, укрепить ее и баррикадировать улицы; казаки 9-го Донского полка получили приказание выдвинуть аванпостную цепь влево от деревни Брестовец на высоте и к долу Камбулатке.

Все это было исполнено в ночь с 23 на 24 октября чрезвычайно тихо и без всяких потерь. На занятых местах пехота и артиллерия устроили себе в ту же ночь ложементы и траншеи.

Лишь только рассвело и турки заметили наше приближение и постройки, тотчас же открылась с их стороны оживленная артиллерийская и ружейная пальба, хотя, к счастью, мало действительная. Скобелев, заметив утром, что прикрытия для пехоты чрезвычайно слабы – самой незначительной глубины профили, тотчас же послал узнать о причине этого и получил ответ, что лопат очень мало. Генерал распорядился, чтобы шанцевый инструмент был взят из других полков и по счету сдан Улицкому полку и батареям. Приказание Скобелева было немедленно приведено в исполнение. Угличане под огнем продолжали оканчивать свои фортификационные работы – углублять и расширять ровики и траншеи. Перед вечером огонь турок несколько стих. Скобелев с начальником штаба и ординарцами поехал осматривать позиции. Только наша группа показалась на возвышенности, как турецкие гранаты одна за другою стали шлепаться возле нас, взрывая большие комья земли. Тем не менее Скобелев объехал все расположение передовой линии и затем повернул к лагерю.

С 25 до 30 октября происходили ежедневно перестрелки между нашими и турецкими войсками. Передовые неприя-

тельские войска занимали первый гребень, где ими устроены были траншеи. Скобелев решил овладеть этим гребнем и этими траншеями. 30 октября, около полуночи, в глубокой тишине и темноте войска наши двинулись вперед и, без выстрела, с криком «ура» стремительно вскочили в неприятельские траншеи. Турки в паническом страхе бежали во второй ряд своих траншей на том же гребне, отстоявших шагов на 250–300, и оттуда открыли беспорядочную пальбу. Несколько десятков трупов со штыковыми ранами осталось в траншеях, которые войска наши торопливо стали перекапывать, устраивая себе прикрытие против сильного неприятельского огня. Скобелев и Куропаткин все время были впереди и энергично распоряжались работами и расположением частей на новой позиции.

– Послушайте, Дукмасов, – обратился ко мне Михаил Дмитриевич, от которого я не отставал ни на шаг, – я пойду в лагерь, а вы останьтесь здесь, и когда все успокоится – дайте мне знать. Слышите?

– Слушаю, ваше превосходительство!

Скобелев с Куропаткиным уехали, а я слез с коня и, прислонившись головой к сырой земле в только что вырытой турецко-русской траншее, употреблял страшное усилие, чтобы не заснуть. Пули беспрерывно жужжали над головой, и их монотонные, смертельные песни действовали на меня убаюкивающим образом.

Солдатики усиленно и в глубоком молчании работали маленькими лопатами, положив ружья позади себя. Пот ручьями лился по их усталым, загорелым лицам, но они и не думали даже о минутном отдыхе. Впереди работавших была выдвинута цепь, прикрывавшая их.

– Эх ты, Господи! – слышалось по временам. – Лопаты маловаты, что ею сделаешь?! Тут бы заступ хороший!

– Ой, братцы мои, убили насмерть, – жалобно застонал кто-то возле меня и, выпустив из рук лопатку, тяжело повалился на землю.

– Где носилки? Клади его скорее, – раздался голос офицера в темноте.

Около часа продолжалась ружейная трескотня, потом постепенно начала стихать. Я прошелся по всем траншеям. Работа подвигалась довольно тихо, так как лопат было очень мало. (В боях под Ловчей и Плевной солдаты подрастеряли их, а запасных близко не было.) Некоторые солдатики, за неимением лопат, манерками и руками выгребали землю и бросали ее вперед. Наконец, стрельба почти совсем прекратилась, и я решил поехать назад доложить Скобелеву о положении дела. Темнота была такая страшная, что буквально в трех шагах ничего нельзя было рассмотреть. Немудрено при таких условиях заехать вместо Скобелева к Осману! Но я этого не боялся: местность изучил я прекрасно, еще когда расставлял аванпосты. Я уже подъезжал к Брестовцу, как с турецкой стороны снова вдруг открылся сильный огонь. «Вот тебе и раз, – стал я размышлять, остановив коня, – куда же ехать: к Скобелеву или обратно на позиции?» Но в это самое время я услышал вдруг голос генерала.

– Черт знает что такое! – ругался он. – Куда вы меня завели?! Этак мы к туркам попадем!..

В темноте я увидел свет от маленького фонаря, который держал в руке кто-то из лиц, сопровождавших Скобелева… Свет направлялся к краю обрывистого оврага.

– Куда вы, ваше превосходительство! – закричал я. – Осторожнее, там овраг!

– А, это вы, Дукмасов! – обрадовался он. – Выведите меня, пожалуйста, из этой трущобы… Меня вот эти господа повели напрямик, да вот куда и залезли…

– Поезжайте за мной, я дорогу знаю, – отвечал я и двинулся над краем крутого оврага. По пути я изложил генералу

ход работ и обстоятельства дела. – Я ехал, – продолжал я, – к вам доложить о благополучии, а в это время там снова поднялась трескотня…

– Вы смотрите не заблудитесь – еще к туркам заведете! – снова заметил Скобелев.

– Будьте покойны, не ошибусь. Какой же после этого буду я казак!

Мы переехали шоссе и спустились в Брестовецкий дол, откуда нам нужно было подниматься по скату первого гребня. Здесь мы невольно остановились, увидев бегущих солдат Владимирского полка. Некоторые были с ружьями, другие без них.

– Это что такое?! – закричал Скобелев на них громовым голосом. – Стой! Что это за безобразие! Где офицер?!

Подошел испуганный офицер и взял под козырек.

– Объясните, что это значит? – грозно обратился к нему генерал.

– Ваше превосходительство! Турки открыли такой сильный огонь и такую панику нагнали на солдат, что они, несмотря на наше старание, побросали лопаты, а некоторые и ружья, и бросились бежать… Мы ничего не могли с ними сделать! – смущенно докладывал офицер.

– Какой же вы офицер после этого! Как вам не стыдно! У вас самолюбия никакого нет! Вы своего долга не знаете! Вы забыли присягу, данную Государю – не щадить живота! Стыдитесь, молодой человек! – кричал на него генерал. Подошло еще несколько офицеров, и их тоже пристыдил Скобелев.

– Соберите скорее ваших людей, разберитесь по ротам и в порядке идите обратно в траншеи. Смотрите, ребята, – обратился он к сильно сконфуженным солдатам, – вы должны загладить вашу страшную вину – иначе я не хочу вас знать, не хочу вами командовать! Будьте молодцами – солдатами, а не

бабами! Господа! Пойдемте пешком в траншеи, – обратился Скобелев ко мне и поручику Лисовскому.

Мы слезли с коней и передали их казакам. Туман ничуть не уменьшался, в воздухе было очень сыро. Мы шли по виноградникам, поминутно спотыкаясь. Наконец мы добрались до наших траншей, но они были совершенно пусты.

– Это отсюда, значит, бежали те две роты владимирцев, которых мы встретили, – заметил Михаил Дмитриевич. – Пойдемте к правому флангу…

Мы направились по траншее по направлению к Тученицкому оврагу. Здесь солдаты оказались на своих местах и за работой.

– Не отвечайте на мои слова, а только выслушайте, – обратился Скобелев к солдатам. – Прежде всего, спасибо вам, братцы, за вашу храбрость и старание! Потом, молодцы, постарайтесь к рассвету как можно глубже углубиться. Землю не бросайте вперед, а только вверх… Ну, еще раз спасибо и желаю от души успеха!

Затем мы направились обратно. Скобелев постоянно спотыкался о виноградные пни, и мы с Лисовским взяли его под руки. Мы снова прошли пространство траншеи, которую покинули владимирцы. Последние до сих пор не возвращались еще.

– Черт знает, что они копаются! Сходите, пожалуйста, – обратился он к Лисовскому, – поторопите их, чтобы скорее занимали свои места!

Затем мы прошли на левый фланг. Тут тоже все было в порядке, и Скобелев благодарил солдат за службу и работу.

Отсюда мы стали спускаться к Брестовецкому логу, где стояли наши лошади. Генерал опирался на меня и все-таки спотыкался. Темнота ничуть не уменьшалась. Мы шли уже долго вдвоем, никого не встречая.

– Вот темень-то, – говорил дорогой Скобелев, постоянно спотыкаясь и раздражаясь этим. – Вы смотрите не заведите

меня еще к туркам, а то они нас обоих на кол посадят!.. Особенно это они с удовольствием проделают со мной… Впрочем, вы за мою голову можете получить от Османа хорошие деньги – советую пользоваться случаем…

– А вы за мою можете получить тоже приличный куш, – перебил я, смеясь, генерала.

– Ну, что за вас дадут – два галагана…[182] Турки ведь обезьян не любят! Фу, чуть не упал! Смотрите, тут какой-то овраг…

Наконец мы добрались до лошадей, уселись на них и направились в деревню Брестовец, куда Скобелев перевел свою штаб-квартиру. Выстрелы стали раздаваться все реже и реже и наконец почти совершенно прекратились. Изредка только проносились над нашей позицией одиночные пульки, которые выпускали турецкие часовые как доказательство своего бодрствования.

На рассвете следующего дня турки снова открыли сильный огонь по нашим траншеям, которые уже довольно ясно обрисовывались на первом гребне и из которых солдаты свободно стреляли стоя на коленях. Лишь только поднялась трескотня, Скобелев вскочил с постели и нетерпеливо начал кричать: «Скорее лошадь мне, чего копаетесь!». Вся свита была возле него. Рысью спустились мы в Брестовецкий лог, оставили здесь коней и пешком направились на левый фланг позиции. Осмотрев траншеи, он поблагодарил капитана Бырдина за распорядительность и выразил надежду, что войска скоро окончат работу. – «Ну, желаю вам успеха, господа, до свидания!» Затем, спустившись к лошадям, мы направились рысью к позиции Углицкого полка, находившейся у деревни Брестовец, а отсюда – на Рыжую гору, к батареям. Везде генерал делал замечания, некоторых хвалил и выражал надежду, что войска будут держать себя с честью.

---

[182] *Галаган* – в переводе с украинского «индюк».

2 ноября Скобелев снова поехал осматривать траншеи, которые углубились уже настолько, что во рву можно было свободно ходить, прикрываясь от пуль насыпью. Этому много способствовал Куропаткин, который приказал доставить на позиции весь шанцевый инструмент, бывший в обозе, а также собранный у болгар.

– Еще немножко надо, господа, углубить траншеи, – говорил Скобелев офицерам, – так, чтобы одна шеренга помещалась на банкете, а другая свободно могла сидеть позади во рву, оставив между ними проход.

В одном месте траншея была несколько расширена.

– Господа, – обратился генерал к сопровождавшим его, кроме ординарцев, Куропаткину и генералу Гренквисту, бригадному командиру, – присядемте здесь и обдумаем некоторые вопросы: где нам удобнее разбить редут, который будет служить опорным и сборным пунктом для всех траншей; где удобнее расположить подходные пути (а то сообщение резервов с траншеями сильно обстреливается); где, наконец, устроить отхожие места для солдат, а то они выходят для этого из траншей и часто делаются жертвами пуль… Все эти вопросы надо обсудить обстоятельно.

– Да, вот еще что… Так как позиция неприятеля находится очень близко от нашей, а мы, т. е. начальство, находимся довольно далеко, что крайне неудобно в смысле командования, своевременности распоряжений, то я решил лучше перебраться со всем штабом сюда, в траншеи. Я надеюсь, господа, что с помощью вашей, – он обратился к нам, ординарцам, – и в особенности вас, Алексей Николаевич, мы устроим все и приведем в порядок, а потом можно будет переселиться обратно. Пока же, господа, забудьте о деревне. Нам сюда будут приносить обед и завтрак. Когда размеры траншей увеличим, притащим сюда музыкантов, и нам не будет скучно. Музыка подбодрит солдат, и они, наверное, будут высматривать веселее.

Затем общим советом было выбрано место для редута позади линии траншей. Редут этот должен был соединяться прикрытым путем как с траншеями, так равно и с Брестовецким логом, обеспечивая, таким образом, безопасное сообщение. Кроме этого, решено было устроить еще два прикрытых пути прямо от траншей до Брестовецкого лога, чтобы по ним люди могли свободно подносить на траншеи пищу, патроны и проч.

В этих ходах Скобелев приказал устроить отхожие места, которые через известное время зарывать. Словом, были обсуждены все кажущиеся на первый взгляд мелочи, которые, однако же, в военное время играют очень важную роль и сохраняют нередко не только здоровье, но и жизнь людей. Ко всему этому решено было приступить немедленно и постепенно окончить к 30 ноября. Мы все поселились вместе со Скобелевым в траншеи и ночевали здесь, кутаясь в бурки. Солдаты были видимо обрадованы, что Скобелев разделяет с ними невзгоды траншейной жизни. Левый прикрытый путь, соединявшей траншеи с Брестовецким логом, был готов уже на третий день, и по нему свободно, без всяких потерь, прошел хор Казанского пехотного полка.

– А, музыканты к нам пришли! – обрадовался Скобелев, сидя на земле в траншее. – Ну-ка, марш из «Жизни за царя»!

Это было как раз перед нашим обедом, около четырех часов. И вдруг грянула музыка нашего прекрасного оркестра, и звуки русского марша понеслись далеко над нашею и неприятельскою позицией. Турки, стрелявшие обыкновенно без перерыва, вдруг прекратили пальбу и, как бы очарованные, с удивлением прислушивались к незнакомым мотивам музыки «гяуров».

Затем оркестр прекрасно исполнил народный гимн «Боже, Царя храни», во время которого головы всех благоговейно обнажились. Через несколько минут в траншею принесли

обед. Денщик Скобелева, Круковский, в противоположность своему барину большой трус, подавая суп, испуганно посматривал вверх, где то и дело свистали пульки. Он предусмотрительно наклонял быстро голову и выделывал такие ужасные гримасы, что мы все от души хохотали над забавным и трусливым поляком. Скобелев нередко, находясь в хорошем расположении духа, потешался над своим денщиком, дразнил его «обезьяной», «попугаем» и проч. Круковский сначала обыкновенно старался разыгрывать роль обиженного, но потом заражался общим веселым настроением и уходил с хохотом.

– Ты чего тут рожи строишь и нагибаешься! – обратился к нему Скобелев, когда Круковский чуть не пролил суп, усердствуя спрятаться от пуль. – Я вот прикажу твое высокообезьянство выставить на этот вал. Турки, наверное, разбегутся в ужасе, увидев такую рожу.

Круковский струхнул не на шутку. Он посмотрел искоса на генерала, потом на траншею, как бы соображая – шутит ли генерал или нет, а также о степени опасности, и еще более углубился в свое дело.

– Ты думаешь, что я шучу? Нисколько! На ночь ты останешься здесь и пойдешь на вылазку с охотниками. Слышишь?

Круковский еще более пугался, а мы хохотали над его смущением.

Обед с музыкой прошел очень оживленно, с шутками, остротами. Я в этот день был дежурный при Скобелеве и после обеда, по своей обязанности, ходил по всем траншеям проверить расположение и доложить генералу. Солдатики высматривали заметно бодрее, везде слышались разговоры, остроты. «Хорошо это янарал выдумал, что музыку сюда пригнали. Не так страшно и не скучно. Да и турок надо позабавить: они, видь, нехристи, небось от роду не слышали

такой. Вот бы под музыку и энти редуты брать. Помирать бы веселее!..» Словом, настроение сразу изменилось к лучшему. Постройка нашего редута между тем быстро подвигалась вперед. На левом нашем фланге впереди траншеи и параллельно ей устроены были в некотором расстоянии одна от другой ямы, куда по ночам залезали наши секреты. Секретами этими заведовал молодчина унтер-офицер Владимирского полка Попов, обладатель трех Георгиевских крестов. Он-то и предложил соединить ночью эти ямы траншеей. Куропаткин согласился с его мыслью и предложил на обсуждение Скобелеву.

– Что ж, прекрасно, – отвечал Михаил Дмитриевич, – я ничего против не имею. Так как инициатива этой траншеи принадлежит Попову, то пусть он будет и начальником ее.

Попов, услышав о приказании Скобелева, был в восторге от возложенной на него миссии и поклялся, что живым не отдаст неприятелю своей траншеи.

– За Государя, за начальство и за Рассею живот свой положу, – говорил он.

Мне несколько раз после того приходилось видеть Попова, слышать его рассуждения, взгляды, и я всегда поражался, что в простом, необразованном человеке был такой светлый ум, такая сила логики, такое разумное и честное отношение к своему долгу при твердой воле и замечательной отваге. Его команда состояла от 30 солдат, в которых он умел вложить такие же убеждения и энергию.

– Смотрите, братцы, – говорил он им, – генерал на нас надеется. Докажем, что мы не трусы! Отступать не сметь ни в каком разе!

Сообщение этой траншеи с позади лежащей возможно было только по ночам. Днем это расстояние в 50 шагов было немыслимо пробежать даже одиночному человеку, так как до турецких траншей было не более 200 шагов. Чтобы хотя немного обезопасить храбрых защитников этой передовой

траншеи, Скобелев приказал соединить ее ночью прикрытым путем с главною траншеей, а также расположить впереди ее проволочную сеть и каменные фугасы[183] – все это на случай атаки неприятеля. Траншеи все росли в своих размерах и наконец достигли надлежащей высоты. Прикрытые пути были тоже устроены, и сообщение стало совершенно безопасно. На флангах траншей даже поставили скорострельные орудия. Хотя траншейные работы были почти все окончены, но Скобелев все не покидал позиции – ему хотелось окончить еще постройку редута и вооружить его четырехфунтовыми орудиями.

Эти дни перестрелка не прекращалась совершенно ни на один час. В то время как на других пунктах плевненских позиций царствовала глубокая тишина, изредка лишь прерываемая одновременным грохотом целых сотен орудий, у нас трескотня не умолкала. Особенно бесило, когда ночью, утомленный, только что заснешь на земле – вдруг ни с того ни с сего раздается перепалка. Вскакиваешь на ноги и бежишь узнавать о причине, а причина обыкновенно самая пустая, часто даже вовсе без причины. Главнокомандующий очень интересовался нашим отрядом и ежедневно присылал ординарца, который справлялся о положении дел у нас и неприятеля. Так как от нашей позиции на первом гребне до турецких редутов (Скобелевского № 1, № 2, Крышинского и проч.) было довольно далеко, до трех и более верст, и наши «крынки», конечно, не доставали на это расстояние, то турки обыкновенно высыпали днем на валы редутов и на траншеи, спокойно разгуливая по ним и рассматривая наши позиции. Скобелева это ужасно бесило. «Надо их отучить от этого», – сказал как-то он и обратился с просьбой к Главнокомандующему прислать ему несколько крепостных ружей Бердана,

---

[183] То есть заложенные таким образом, что при подрыве на противника обрушиваются груды камней.

которые стреляли на значительные расстояния. Его Высочество приказал выдать нам 16 ружей, и скоро несколько басурман поплатились жизнью за свое любопытство. Остальные же перестали более выставляться напоказ.

Глава IV

Жизнь в траншеях крайне тяжела: постоянно начеку, постоянно в ожидании неприятельского нападения. Через каждые три дня батальоны менялись: бывшие в траншеях уходили в резерв, а эти последние заступали место первых. Смена, во избежание потерь, происходила в десять часов вечера. Все люди обязательно получали горячую пищу два раза в день – это была единственная поддержка их сил. Пища в котлах привозилась в Брестовецкий лог, и сюда уже приходили по очереди люди из траншей по прикрытому пути. Некоторые, впрочем, ходили и прямо, ближайшим путем. На этих обыкновенно охотились турецкие стрелки. По утрам в траншеях солдатики варили себе в котелках чай.

Как-то ночью секреты донесли Скобелеву, что у турок совершаются какие-то сборы, приготовления и что по всем признакам к ним прибыли свежие подкрепления. Скобелев сделал распоряжение, чтобы, в случае неприятельского наступления, секреты наши, дав ему об этом знать, быстро отошли к своим траншеям и очистили место для стрельбы из последних.

– Алексей Николаевич, – сказал генерал, обращаясь к Куропаткину, – вы идите, пожалуйста, на левый фланг, а я пойду на правый. Надо предупредить офицеров и солдат.

Ординарцы разделились пополам, я пошел с Куропаткиным. Через полчаса из секретов пришло новое донесение, что турки покинули свои траншеи и перешли в наступление. Секреты наши, как было им приказано, быстро отошли за главную траншею. Куропаткин со мной обходил траншеи левого фланга.

– Смотрите, братцы, не стрелять зря, слушать команды ваших начальников. Господа, подпускайте атакующих как можно ближе и тогда только открывайте огонь залпами. Целить ниже – в ноги. Если ворвутся в траншею, принимать их штыками – они этого никогда не выдерживают. При отступлении неприятеля – не выходить из траншей, а преследовать его тоже залпами. Будьте молодцами, не торопитесь…

Спокойно и хладнокровно отдавал он приказания, обращаясь то к солдатам, то к офицерам. На скорострельной батарее мы остановились. В это время из траншеи унтер-офицера Попова, расположенной впереди шагах в пятидесяти, послышалась частая стрельба. Затем огоньки показались и в траншее крайнего левого фланга, которая была загнута несколько вперед к стороне неприятеля. Наконец и мы стали слегка различать на скате горы, между виноградниками, какие-то движущиеся фигуры. Фигуры сначала показались десятками, а затем и сотнями. Они быстро подвигались к нам без выстрела, слегка нагнувшись. «Пальба ротой! – зычно крикнул стоявший возле меня ротный командир. – Рота – пли!» Раздался оглушительный залп – и впереди лежащая местность на мгновение осветилась.

Мы ясно увидели шагах в ста от нас синие куртки и красные фески турецких солдат. Целые тучи пуль полетели навстречу непрошеным гостям, и десятки этих фигур повалились в тот же миг на землю. Послышались стоны, крики «Алла!», и движущаяся лава в нерешительности остановилась. «Рота – пли!» – снова раздалась команда, и снова падающие синие куртки… А тут картечницы[184] наши сильно затрещали, изрыгая на врага тоже тысячи пуль. Последний

[184] *Картечница, или митральеза,* – скорострельное многоствольное артиллерийское орудие, которое вело залповый огонь патронами винтовочного калибра и имело полностью ручную перезарядку.

не выдержал и в беспорядке бросился в свои покинутые траншеи. «Рота – пли!» – кричал все тот же капитан охриплым голосом, и пули владимирцев вновь догоняли испуганных мусульман, и мы снова с радостью видели их падающие фигуры… Атака была отбита. Турки, не ожидавшие, вероятно, такой бдительности с нашей стороны, окончательно отступили на свои позиции и открыли оттуда такой убийственный огонь, продолжавшийся около часа, что из главной квартиры прискакало несколько ординарцев узнать о причине такой перепалки. Там думали, что неприятель перешел в наступление и занял наши позиции.

Во время оживленного огня турок наши не отвечали им ни одним выстрелом, приберегая патроны для более важного случая. Отступившие секреты снова заняли свои места впереди траншей. «Не стрелять попусту! – говорил Куропаткин, обходя траншеи. – Молодцы! Один штурм отбили, но не зевайте, будьте готовы к другому – турки, вероятно, повторят атаку… Слушайте команду офицеров!» Обходя траншеи Владимирского полка, мы натолкнулись случайно на труп одного ротного командира.

– Ваше высокоблагородие, – обратился фельдфебель к Куропаткину, – у нас офицеров нет – все перебиты!

– Хорунжий Дукмасов, останьтесь здесь и командуйте пока ротой, – сказал мне Куропаткин, а сам ушел далее на левый фланг.

Волей-неволей пришлось изобразить из себя пехотинца. Объявив солдатам о том, что начальник штаба назначил меня командовать ротою, я сказал, чтобы слушались моих приказаний. Солдаты знали меня хорошо и раньше, так как, находясь при Скобелеве, я довольно часто показывался им на глаза. Обойдя позиции своей роты, проверив часовых и познакомившись с взводными унтер-офицерами, я объяснил им, как действовать в случае нового неприятельского наступ-

ления. – «Смотрите, братцы, без моей команды не стрелять и, главное, не суетиться. В случае, если меня убьют, слушайтесь фельдфебеля!..» Стрельба турок между тем начала понемногу стихать. Солдатики несколько успокоились и перестали волноваться – чувство весьма естественное, когда каждую минуту ожидаешь нападения. Я присел на банкет и задумался.

– Где начальник штаба? – услышал я чей-то оклик.

– Хомичевский, это ты? – крикнул я, узнав знакомый голос одного из ординарцев Скобелева.

– А, Дукмасов, ты чего здесь? – подошел он ко мне и подал руку.

– Да вот, брат, в пехоту перевелся – ротой командую!

– Каким образом?

– Куропаткин приказал. Офицеров в роте нет, так вот пока я.

– А Алексей Николаевич где? – спросил Хомичевский.

– Пошел на левый фланг – вероятно, скоро вернется. Зачем он тебе?

– Да Скобелев послал за ним. Из секретов донесения, что турки снова собираются атаковать нас. Ну, прощай, брат, пойду искать Алексея Николаевича!

Через несколько минут они возвращались обратно вдвоем.

– Надеюсь, Дукмасов, – обратился ко мне Куропаткин, останавливаясь на минуту, – что вы со своею ротой молодцами отобьете неприятельскую атаку, я уверен в вас!

– Будьте покойны, капитан, – отвечал я, – мы за себя постоим, живыми в руки не дадимся.

– Ну, дай Бог успеха! – отвечал он, крепко пожимая мне руку, и затем быстро направился на правый фланг к Скобелеву.

Прошло несколько минут тяжелого затишья – предвестника грозы. Вдруг в темноте перед траншеей замелькало несколько фигур, быстро приближавшихся к нам. «Тише, не

стрелять, это наши секреты отступают», – крикнул я, когда некоторые из солдат нервно схватились за ружья. Действительно, через минуту несколько человек быстро перелезли через бруствер. «Ну что?» – обратился я к ним. – «Наступают, ваше благородие», – взволнованно отвечали они, пристраиваясь к брустверу и укладывая на него поудобнее свои ружья. Турки снова повели атаку, но только в этот раз сначала на правый фланг, а затем уже в нашу сторону. Вправо от нас уже давно раздавались частые и мерные залпы, но в нашем участке еще было все спокойно.

Наконец я разглядел впереди траншеи движущиеся фигуры. Все ближе подвигались они ломаною линией к нам, перебегая от одного куста к другому. Раздались одиночные выстрелы, несколько испуганных голосов закричало: «Турки идут, турки!» – «Не сметь стрелять, команду слушать!» – громко крикнул я. Оставалось не более ста шагов до довольно густой неприятельской цепи. «Пора! – сказал я сам себе и громко скомандовал. – Рота – пли!» Турки остановились, несколько человек упало, солдаты торопливо зарядили ружья… «Рота – пли!» – закричал я снова, не давая опомниться ошеломленному врагу… Неприятель бежал по всей линии, оставляя по пути сотни тел. И на правом, и на нашем флангах атака снова была отбита. Как и в предшествовавшую неудачную атаку, турки, отойдя в свои траншеи, открыли оттуда сильный огонь, продолжавшийся около часу. Секреты наши снова выдвинулись вперед и заняли свои места в ямках, кустах и проч.

Спустя некоторое время мы заметили впереди, до самых турецких позиций, блуждающие в темноте огоньки. Сначала я не мог объяснить себе этого явления, но потом оказалось, что это турецкие санитары с фонарями в руках подбирают своих раненых. Наши солдаты, конечно, не стреляли в них – не брали в этом отношении примера с неприятеля.

Обходя на заре траншеи и проверяя часовых, я натолкнулся на одного молодого солдата, опершегося на бруствер и вытянувшего вперед голову. Мне показалось, что он внимательно рассматривает что-то впереди.

– Что это ты там видишь? – обратился я к нему, останавливаясь. Ответа не последовало – солдат молчал, не переменяя своего положения.

– Слышишь, кого ты там рассматриваешь? – повторил я свой вопрос, дотрагиваясь до молчаливого воина. Он свободно отшатнулся и по-прежнему ни слова… Тогда только я заметил, что он был мертв: на лбу у него виднелась маленькая ранка с запекшеюся кровью. Очевидно, он расстался с жизнью, ничуть не изменяя своей прежней позы…

Я позвал фельдфебеля, приказал убрать бесполезного часового и на его место поставить другого. Турки атак не повторяли более, не беспокоили нас своей стрельбой и всю ночь занимались уборкой своих раненых и убитых, которых было, конечно, немало. Тем не менее всю ночь мы были начеку, и я вовсе не сомкнул глаз. На другой день, часов в девять, явился начальник штаба, горячо поблагодарил солдат и меня за отбитие неприятельской атаки и приказал мне сдать роту другому офицеру (поручику Юрьеву).

– Будьте всегда такими молодцами, как эту ночь, – прибавил Куропаткин на прощанье. Я отправился к прежнему своему посту, в распоряжение Скобелева.

– Мне говорил начальник штаба, как вы ловко отбили турок, и я слышал ваши прекрасные залпы… Спасибо вам большое! – сказал генерал, крепко пожав мне руку.

С тех пор как Скобелев поселился в траншеях, к нам нередко заглядывали не только посторонние офицеры, посылаемые по делам службы, но даже совершенно частные люди, по собственной охоте. В числе последних явился,

между прочим, доктор Студицкий[185], устроивший по собственной инициативе и с согласия Скобелева перевязочный пункт в прикрытом пути. За это доброе и чрезвычайно важное дело каждый русский сказал, конечно, великое спасибо честному труженику и истому патриоту. Скорая помощь раненым была крайне необходима, а перевязочные пункты между тем помещалась обыкновенно довольно далеко от места бойни, и пока раненый добирался до них, он терял немало крови и сил. Наконец, при этом надолго отрываются от дела и люди, которые несут или ведут обыкновенно раненых. Вообще, этот вопрос – о возможно ближайшем расположении перевязочных пунктов – чрезвычайно важен.

Затем к нам в траншеи явился новый гость – корреспондент «Нового времени»[186] Василий Иванович Немирович-Данченко. Это был довольно молодой еще человек, среднего роста, брюнет, хорошо сложенный, с красивым и выразительным лицом и очень симпатичным характером. Скобелев принял его радушно, любезно, и всем нам он скоро понравился своей простотой, общительностью и веселым нравом. Штатский костюм Немировича-Данченко как-то резко выделялся из нашей исключительно военной среды. Сначала мы несколько иронически посматривали на этого представителя газетного мира, предполагая, что пули заставят его скоро убраться отсюда. Но своим поведением под огнем и умением владеть собой он заставил нас вскоре изменить составленное о нем первоначально мнение. Скобелев пригласил его на

---

[185] *Студицкий Владимир Андреевич* (?–1880) – военный врач, друг М. Д. Скобелева. С началом боевых действий против Турции, с учреждениями московского Красного Креста, в качестве хирурга отправился на фронт, работал в Черногории, Сербии и Болгарии. Во время Ахалтекинской экспедиции 1879–1880 гг. состоял при Скобелеве; погиб 21 июня 1880 г.

[186] «*Новое время*» – российская газета, издававшаяся в 1868–1917 гг.

обед, который был, по обыкновению, с музыкой, и Немирович-Данченко остался в восторге от нашей боевой обстановки, от обеда под пулями.

– Да вы оставайтесь ночевать у нас, если вам нравится! – обратился к нему Скобелев.

– Очень вам благодарен, – с удовольствием воспользуюсь вашим разрешением! – отвечал Василий Иванович. А узнав, что на следующий день предполагается вылазка, он согласился остаться еще, чтобы быть свидетелем подвигов наших молодцов.

Вылазка должна была совершиться под начальством командира Владимирского полка полковника Кашнева теми ротами, которые бежали с поля сражения при занятии первого гребня Зеленых гор.

– Я предоставляю вам эту честь, – обратился Скобелев к солдатам, – чтобы вы могли загладить ваш прежний позорный проступок! Я надеюсь, вы докажете, что достойны носить звание русского солдата и снимете черное пятно с вашего славного боевого полка!

Слова Скобелева, горячие, прочувствованные, произвели на них видимое впечатление.

– Постараемся, ваше превосходительство! – дружно отвечали солдаты, и по их лицам заметно было, что это не обыкновенная казенная фраза, а действительно голос, исходящий из глубины души. В нем слышалось полное сознание своей тяжелой вины и искреннее желание загладить, хотя бы ценой жизни, свой неопытный шаг.

Скобелев разрешил также принять участие в вылазке волонтерам Владимирского полка, чтобы убедиться в их боевой годности. Один из них был отставной подпоручик Узатис[187],

---

[187] *Узатис Алексей* (?–1880) – поручик, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. По окончании войны стал капитаном полиции в Восточной Румелии – автономии в составе Османской империи со столицей в Филиппополе (ныне – Пловдив).

другой – какой-то штабс-капитан, высокого роста, с вызывающим выражением лица и довольно комичной фигурой.

Такие храбрые на вид господа на самом деле большею частью бывают никуда не годны при первом серьезном испытании. Я невольно припоминаю добродушные и ничуть уж не воинственные лица и скромные фигуры нескольких знакомых мне истинно храбрых людей, вполне героев, глядя на которых трудно предположить, чтобы они были способны на какой-нибудь отчаянный, безумный подвиг…

Упомянутый второй волонтер, или, как мы прозвали его, «воронье гнездо», потому что на голове у него была громадная белая папаха, которой, очевидно, он хотел придать себе более воинственный вид, производил сразу впечатление человека, который на словах берет города, а на деле боится куста. Он очень много рассказывал о своих кавказских подвигах, которых, наверное, в действительности не было вовсе, и важно расхаживал по траншеям, заложив руки в карманы.

Наступил вечер. Все, и особенно участники вылазки, были в каком-то лихорадочном, тревожном настроении. Лица солдатские были серьезные, сосредоточенные, все молчали или перекидывались изредка отдельными лаконичными фразами. Всем хорошо известно было, что предстояла тяжелая, рискованная работа, которая неизбежно вырвет несколько десятков этих молодых, крепких жизней. Полковой командир Кашнев все бегал, суетился и был в каком-то возбужденном состоянии. Между 11 и 12 часами Скобелев позвал к себе Кашнева и дал ему инструкции, как действовать при вылазке.

– Ну, с Богом, желаю вам от души успеха! Главное, смелее, без колебаний, – закончил Михаил Дмитриевич свою беседу и отпустил полковника.

– А вы, господа, – обратился он к нам, – извольте разойтись по траншеям и следить, чтобы люди не открывали огня

до окончания вылазки. А то еще своих, пожалуй, перебьют. Предупредите об этом офицеров и солдат!

Мы разошлись по разным местам. Я направился к тому пункту, откуда началась вылазка. Две роты наши осторожно перелезли через насыпь и тихо направились вперед, по направлению к неприятельским траншеям. Скоро я потерял их из виду – они совершенно скрылись во мгле ночи. Кругом стояла глубокая тишина, ни одного выстрела не было слышно… Так прошло несколько томительных минут… Вдруг впереди мелькнул огонек, за ним другой, третий – и вся турецкая линия осветилась сотнями этих зловещих, вспыхивавших в темноте огоньков. Пули сотнями засвистали над нашими головами… Очевидно было, что турки наших заметили и открыли по ним сильную пальбу. Войска, занимавшие траншеи, оставались пассивными зрителями этой кровавой экскурсии. Стрелять нашим солдатам нельзя было – они могли легко попасть в своих. Так прошло еще несколько тяжелых минут. Трескотня все усиливалась с неприятельской стороны, наши молчали и затаили дыхание в тревожном ожидании… «Чем-то это кончится, удастся ли им эта попытка?» – одна дума стояла у каждого из нас в голове.

– Кто-то идет! – тревожно проговорил стоявший возле меня солдатик. Впереди, в темноте, медленно подвигалась к нам какая-то фигура, постоянно спотыкаясь и опираясь на ружье.

– Должно, раненый, – прибавил, немного погодя, тот же голос, несколько спокойнее уже. Действительно, это был раненый в ногу солдат, участвовавший в вылазке.

– Ну что, как там? – жадно обратилось к нему с вопросом несколько человек.

– Ой, Господи, братцы мои, поранили меня, – жалобно стонал он.

– Побили наших, страсть сколько легло… Ничего не поделаешь – их сила…

Затем появился другой, третий – все раненые. Кто шел сам, кого вели под руки, одни были с ружьями, другие, немногие, без них… Наконец стали появляться и здоровые, сначала поодиночке, затем и кучками. Все говорили одно и то же: «Их сила, ничего не поделаешь!» А пули все свистели и свистели, догоняя отступавших, здоровых и раненых. Наконец появились и остальные с офицерами. От последних мы услышали более обстоятельный, правдивый рассказ. Оказалось, что передовую турецкую траншею наши взяли без выстрела и перекололи там несколько человек. Но затем подошли неприятельские резервы, выгнали их оттуда и открыли убийственный огонь… В результате вылазка оказалась неудачна, хотя все-таки она показала туркам, что мы не ограничиваемся только пассивной блокадой. Я вернулся к Скобелеву и доложил обо всем виденном и слышанном мною. Здесь, между прочим, рассмешил нас своим рассказом Немирович-Данченко.

– Когда вы все разошлись, господа, – говорил он нам, – и Скобелев с Куропаткиным тоже ушли куда-то, я остался совершенно один. Состояние, конечно, я испытывал не особенно приятное, и нервы у меня были сильно настроены. Наконец, тишина прекратилась страшной трескотней со стороны неприятеля. Я вынул револьвер и в волнении стал ходить по траншее. Вдруг замечаю, что в темноте кто-то лезет на бруствер прямо против меня. Я, не разобрав хорошенько, кто это – свой или чужой, и, конечно, испугавшись, стал кричать и угрожать револьвером. Фигура моментально перескочила обратно, за бруствер… Тогда только, внимательно присмотревшись, я увидел, что это был наш волонтер – «воронье гнездо»…

Мы от души все посмеялись над храбрым волонтером, который сначала так рисовался своею боевою опытностью. День прошел спокойно, перестрелка была довольно редкая.

Кто-то сообщил приятную новость – об успехах наших войск на азиатском театре войны и о взятии крепости Карса. По предложению, кажется, Куропаткина Скобелев решил поделиться с турками этою крупною новостью (она не могла быть им известна, так как плевненские защитники были отрезаны нашими войсками от сообщения со всем миром) и приказал сделать транспарант из сшитых попон, посередине которого вырезано было по-турецки только два слова: «Карс взят». Вечером, часов в девять, транспарант этот был выставлен в передовой траншее и сразу освещен тридцатью фонарями.

Все это было устроено при помощи переводчика, болгарина Александра Луцканова. Картина получилась в темноте чрезвычайно эффектная, и туркам прекрасно видна была громадная лаконичная надпись, сделанная на их родном языке. Даже одиночные выстрелы с неприятельской стороны прекратились – очевидно, турки любовались устроенной специально для них иллюминацией. Но спустя несколько минут, вероятно по приказанию начальства, мусульмане сразу открыли такой ожесточенный ружейный и даже артиллерийский огонь по несчастному транспаранту, что середина его была моментально прострелена несколькими пулями. Чтобы не дразнить гусей, Скобелев приказал убрать транспарант.

Жизнь в траншеях тянулась своим чередом. Хоть было и жутко, но мы мало-помалу втянулись в нее и совершенно освоились. Человек, кажется, ко всему привыкает! Неприятно было только одно – это наступившие холода. Одежды теплой, кроме бурки, у меня не было, почему приходилось часто ежиться и поневоле прибегать к магической фляжке…

Как-то при обходе траншей Скобелев обратился к нам:

– А меня, господа, можете поздравить с обновкой: отец прислал мне прекрасный полушубок – с наставлением, чтобы

я непременно носил его. Но мне что-то он не нравится, главное, потому, что черный…

Суеверие не обмануло Скобелева: через несколько дней после этих слов, во время обхода траншей, он был контужен пролетевшею возле него неприятельскою пулей. Мы все вначале сильно перепугались, но вскоре успокоились, узнав, что контузия довольно незначительна.

– Господа! – сказал нам после этого Куропаткин, когда Скобелев отошел в сторону. – Если генерал будет становиться на банкет и выставлять таким образом себя напоказ неприятелю, становитесь, пожалуйста, и вы тоже… Я уверен, он реже будет тогда рисковать собой!

Спустя некоторое время, при обходе траншей, Скобелев со дна рва поднялся на банкет и стал рассматривать неприятельские позиции. Мы все тотчас же тоже влезли на банкет. Пули учащенно засвистали над нашими головами… Скобелев удивленно посмотрел на нас и, не говоря ни слова, слез с банкета и пошел дальше. Через несколько шагов он повторил то же – и мы опять повылазили и выставили себя под расстрел туркам.

– Да чего вы торчите здесь? Сойдите вниз! – недовольным голосом обратился к нам генерал.

– Мы обязаны брать пример с начальства, – иронически заметил Куропаткин. – Если вы подвергаете себя опасности, то и нам, подчиненным, жалеть себя нечего!

Скобелев молча пожал плечами, соскочил в ров и пошел дальше.

В другой раз Скобелев был контужен довольно сильно. Я в это время был послан на правый фланг для поверки траншейной службы, а Скобелев с Куропаткиным отправился на левый. Хомичевский, который находился с ними, рассказывал мне потом, что в то время, когда генерал сходил с банкета, на котором долго стоял, рассматривая неприятельские

позиции, предательская пуля так сильно контузила Скобелева в спину, что он моментально упал, но тотчас же с трудом поднялся и, очевидно сдерживая сильную боль и не показывая на лице испытываемого страдания, чтобы не подорвать этим нравственного состояния солдат, направился, поддерживаемый Куропаткиным и Хомичевским, через прикрытый путь в деревню Брестовец. В эту ночь мы снова ожидали неприятельской вылазки: секреты наши доносили о каких-то приготовлениях с турецкой стороны. Вечером начальник штаба со мной обходил траншеи левого фланга. У скорострельной батареи Куропаткину донесли, что артиллерийский офицер (не помню его фамилии) ранен и некому командовать.

– Дукмасов, – обратился ко мне Куропаткин, – потрудитесь остаться здесь и командуйте пока батареей. Я распоряжусь, чтобы прислали другого офицера.

«Вот тебе и раз! – подумал я. – Это выходит, во всех родах оружия приходится служить!» Пехотную службу я еще знал, но с артиллерийской, а тем более с этими скорострелками, я был знаком очень мало.

– Послушайте, братцы, – обратился я к солдатам-артиллеристам, когда Куропаткин ушел дальше, – вы меня поучите, как действовать из ваших орудий… Я ведь казак! Коня, пику, ружье и шашку хорошо знаю, а с этими трещотками никогда не имел дела.

– Да вы, ваше благородие, – отвечал, улыбаясь, бравый фейерверкер[188],– не извольте беспокоиться! Только прикажите нам, когда стрелять, а мы все это сами хорошо знаем…

– Ну ладно, слушайте же команду!

Вылазка неприятельская действительно состоялась, хотя и очень нерешительная. Ночью турки вышли из своих

---

[188] *Фейерверкер* – воинское звание и должность в артиллерийских армейских частях.

траншей. Встреченные огнем наших солдат, они остановились и открыли беспорядочную, учащенную стрельбу – явный признак колебания, трусости. Вся линия наших траншей тоже осветилась огоньками, которые то в одиночку, то разом целыми сотнями вспыхивали в том или другом месте расположения наших войск. Мои скорострелки тоже затрещали, выбрасывая из своих тоненьких горлышек целые тысячи смертоносных кусочков свинца. Неприятель и не пытался даже более наступать. Он быстро отступил в свои траншеи и открыл оттуда частую пальбу, продолжавшуюся около часа.

На следующий день я сдал батарею какому-то прибывшему артиллерийскому офицеру и, вместе с другими лицами свиты Скобелева, направился в деревню Брестовец, чтобы проведать любимого контуженого начальника.

Скобелев помещался в довольно просторной болгарской хате и лежал на постели, когда мы вошли к нему. Он был бледен и видимо болен, хотя и совершенно спокоен. Несмотря на несомненные физические страдания, он старался казаться веселым, любезным и все время шутил с нами.

– Это все, господа, виноват черный полушубок! – говорил он, улыбаясь. – Не надень я его – наверное, ничего бы этого не было… Но, во всяком случае, все это пустяки! Скоро я снова явлюсь к вам в траншеи.

Его Высочество, узнав о контузии Скобелева, лично приехал навестить славного героя Зеленых гор. В то время, когда Главнокомандующий со своей свитой подъезжал к Брестовцу, турки открыли по этой группе всадников учащенный огонь. Николай Николаевич[189] совершенно спокойно и не торопясь сошел с коня и вошел в комнату Скобелева, у которого и оставался довольно долго. Пули между тем так и свистали возле того места, где стояла свита в ожидании выхода

[189] То есть Великий князь Николай Николаевич Старший (1831–1891).

из избы Главнокомандующего. Несколько раз докладывали Его Высочеству об опасности положения, но он все продолжал свою беседу со Скобелевым.

– Ведь скандал, господа, – волновались некоторые из лиц свиты, – если Главнокомандующего убьют вдруг! Мы отвечать будем за это перед Государем и историей!

Наконец Николай Николаевич любезно распростился со Скобелевым, пожелав ему скорее поправляться, и, усевшись на коня, благополучно вернулся, провожаемый турецкими пулями, в Богот.

В свите Главнокомандующего приезжал навещать Скобелева также отец его – почтенный, всеми уважаемый генерал-лейтенант Дмитрий Иванович Скобелев 1-й. Со своей обычной добродушной улыбкой Михаил Дмитриевич рассказывал нам после, как он, воспользовавшись «размягчением родительского сердца», взял слово с «папаши», что последний непременно пришлет для всей его дивизии 10 000 полушубков.

– Ты запиши за мной, – сказал я ему. – А потом я тебе возвращу эти деньги… Конечно, и не подумаю! У него денег тьма-тьмущая, на что ему столько? Впрочем, он и не будет в претензии, если я не отдам ему их! У него только трудно выпросить! Вот, значит, господа, контузия не прошла без пользы!

Мы все, конечно, от души хохотали, слушая этот откровенный рассказ Скобелева о его остроумной и полезной хитрости. Действительно, через некоторое время полушубки были получены и розданы солдатам, к их великому удовольствию.

Жизнь на позициях, в траншеях продолжалась своим обычным чередом, несмотря на болезнь Скобелева, обязанность которого исполнял старший в чине после него генерал Гренквист. Он же вместе с тем был и комендантом воздвигнутого за траншеями редута, куда ежедневно назначались дежурить ординарцы Скобелева. Несмотря на свою

контузию, Михаил Дмитриевич продолжал фактически распоряжаться делами: впереди деревни Брестовец он приказал поставить девятифунтовую батарею, позади, у ручья, расположить перевязочный пункт. Деревню занимал Углицкий полк, командир которого, полковник Панютин, устроил в деревне же офицерскую столовую, где можно было достать все необходимое по сравнительно очень дешевым ценам. Все продукты выписывались из Бухареста. Нельзя не помянуть за это добрым словом энергичного и заботливого Панютина, благодаря которому мы сохранили в наших карманах немало денег, перешедших бы, в противном случае, в руки алчных маркитантов.

Между тем здоровье Скобелева, благодаря его крепкой натуре, быстро поправлялось, и через неделю он уже снова сидел на своем боевом коне и объезжал позиции. Солдаты радостно приветствовали любимого полководца, к которому они так привыкли, который одним своим присутствием так ободрял их, который делил с ними в траншеях и горе, и радость, и все боевые невзгоды…

Популярность «белого генерала» с каждым днем все более и более увеличивалась не только в народе (как гласили газеты), но и среди войск действующей армии, особенно же окружавших Плевну. Солдаты часто, преимущественно по вечерам, когда фантазия особенно разыгрывается, рассказывали про него разные небылицы: что он заколдованный, что от него отскакивают пули и проч. Я не раз слышал это собственными ушами. Словом, вера в него росла с каждым днем.

В то время как весь блокирующей плевненский отряд безмолвствовал, у нас на Зеленых горах кипела беспрерывная жизнь, как должно понимать ее в боевом смысле. Контузия же Скобелева, как и всякое несчастье, еще более расположила к нему общественное мнение. И действительно, Скобелев не щадил себя и находился всегда в наиболее опасных и, следовательно, важных местах.

– Что ж, братцы, слышал я часто рассуждения солдатиков, – ежели таперича он, сам янарал наш, идет прямо под пули, так нашему брату, простому мужику, и подавно жалеть себя нечего!..

На Зеленые горы к нам нередко приезжали офицеры с других позиций, а также румыны и из главной квартиры. Все живо интересовались ходом дела на нашем участке и, главное, личностью самого начальника. Приехал, между прочим, какой-то немецкий принц (не помню его имени) и убедительно просил Скобелева показать ему расположение укреплений на Зеленых горах. Скобелев изъявил на это полное согласие и подозвал меня.

– Вот этот принц, – сказал он мне тихо, – просит показать ему наши траншеи и редут. Поезжайте с ним и покажите ему хорошенько все… Я уверен, вы это сделаете так, что у них не явится более охоты осматривать…

В этой фразе сказалась нелюбовь Скобелева ко всем немцам вообще, которую он, впрочем, как человек честный и прямой, никогда и не скрывал.

– Ваше Высочество! – обратился Михаил Дмитриевич к принцу. – Вот этот офицер, – он указал на меня, – проведет вас на позицию и подробно все объяснит Вашему Высочеству. Он находился все время в траншеях и прекрасно знает местность…

Я взял под козырек, принц любезно мне поклонился. Усевшись на коней, мы рысью направились к Брестовецкому логу. С нами ехал еще ординарец Главнокомандующего, состоявший при принце, и два лейб-казака. В лощине мы остановились, слезли с лошадей и пешком направились прикрытым путем к редуту. Здесь принца встретил комендант, генерал Гренквист, которому я объяснил цель нашего прихода. Турки в это время молчали, и мы свободно могли рассматривать из редута впереди лежащую местность.

Осмотрев опорный пункт нашего расположения, я провел принца по прикрытому пути сначала на правый фланг, а затем, траншеями, на левый. Когда мы подошли к левому флангу, турки вдруг почему-то открыли ружейный огонь, и пули часто засвистали над нашими головами. Принц в нерешительности остановился. Видимо, эти предательские, действующие так сильно на нервы звуки произвели на него неприятное впечатление.

– Самая интересная траншея, Ваше Высочество, – сказал я, обращаясь к принцу, – это вон та, что виднеется впереди. Ее стоить осмотреть – перед нею расположены проволочные сети и фугасы…

Хотя огонь все усиливался, но принц, после некоторого колебания, изъявил согласие отправиться дальше и посмотреть на указанную мною траншею. Мы быстро двинулись вперед по соединительному прикрытому пути под довольно сильным неприятельским огнем. Пули беспрерывно, все чаще и чаще почему-то, жужжали над нашими головами.

– Это ничего, – старался я утешить принца, который заметно начал волноваться и нагибать голову. – Здесь постоянно летают пули… Нагибайтесь ниже, Ваше Высочество!

Наконец мы дошли до самой передовой траншеи. Я стал на банкет, открывая, таким образом, свою голову и плечи неприятелю, и предложил спутникам сделать то же. Принц довольно неохотно последовал моему примеру.

– Вот, взгляните, Ваше Высочество, – обратился я к нему, – здесь находится проволочная сеть, в которой турки запутаются, если вздумают атаковать нас. А вон там – устроены фугасы, которые мы взорвем при той же попытке с их стороны…

Пули целыми десятками так и резали воздух мимо наших голов (расстояние до неприятеля было около 150 шагов), некоторые впивались в рыхлую землю насыпи возле нас, к

счастью не задев никого из людей. Через минуту мы направились обратно к своим лошадям и благополучно вернулись в Брестовец.

– Ну что? – спросил меня Скобелев. – Как принц вел себя под огнем?

– Да как будто сробел немного, особенно когда пришлось стать на банкет в передовой траншее, – отвечал я.

За обедом, на котором присутствовал и принц, Скобелев обратился к нему по-немецки.

– Довольны ли Вы, Ваше Высочество, Вашим проводником – Дукмасовым?

– О да, – отвечал весело принц, – я очень, очень доволен. И как прекрасно у вас все устроено, все эти траншеи, редуты, сети… Однако, я думаю, очень опасно находиться так близко к неприятелю! Нужно быть в постоянной боевой готовности встретить его. Ведь это страшно утомительно для офицеров и солдат! Наконец, этот постоянный огонь так неприятно действует!

Во время этого разговора в столовую, где мы все находились, вошел скобелевский повар-француз, держа в руках над своею головой большое полено. Мы все с удивлением смотрели на него, на эту комичную фигуру и взволнованное выражение его лица.

– Что вам надо? – обратился к нему по-французски Скобелев.

Джентльмен-повар, опустив полено у ног Скобелева и сильно жестикулируя, стал быстро говорить.

– Помилуйте, генерал, это невозможно: мне нет покоя на кухне от турецких пуль! Я заставил плиту несколькими дверьми, и все-таки одна проклятая пуля («une maudite balle») испортила мне лучшую кастрюлю… Наконец, вот только что в это бревно (он с ужасом указал на полено, лежавшее у ног Скобелева), возле которого я стоял, ударилась

большая пуля («une grande balle»)… Посмотрите, она здесь, – продолжал француз, тыкая пальцем на маленькое отверстие в дереве.

– Я, конечно, ужасно испугался и вот принес вам показать это полено… Я не могу так работать, генерал!.. (Je ne puis pas ainsi travailler, general!) В Крымскую кампанию[190] я тоже был поваром у англичан, но со мною ничего подобного никогда не случалось! Я ведь гражданин, а не воин! (Je suis citoyen, mais pas soldat!) Я не могу продолжать вам готовить, как угодно! Меня могут убить, а я хочу жить, – и так далее.

Все это он говорил чрезвычайно быстро, как истый француз, и я половины не понял из его тирады. После уже мне рассказали товарищи. Скобелев, дорожа хорошим поваром, начал уговаривать и утешать француза.

– Ведь без этого невозможно на войне! – говорил он, улыбаясь. – Вот и моя палатка, посмотрите, тоже пробита пулями. Вам в доме гораздо лучше, безопаснее: стену не пробьет пуля, а двери и окна закладывайте бревнами… Но повар был неумолим и все что-то болтал, размахивая руками. Наконец это надоело Скобелеву, и он хотел было уже его выгнать.

– Ваше превосходительство! – сказал кто-то. – Да вы прикажите выдать ему бутылку красного вина – он сейчас успокоится…

– А в самом деле, – улыбнулся генерал. – Хомичевский, распорядитесь, пожалуйста, чтобы храброму гражданину Французской республики красного вина дали! – Повар был совершенно удовлетворен и тотчас же успокоился.

По приказанию Главнокомандующего Скобелев должен был принять от генерал-адъютанта Гурко так называемые Волынские редуты. Принимать эти редуты Скобелев напра-

---

[190] Крымская война (1853–1856) велась между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской и Османской империй, а также Сардинского королевства.

вился со своей свитой, состоявшей из Куропаткина, инженер-полковника Мельницкого, Баранка, Хомичевского, меня и пяти казаков.

Мы выехали из Брестовца и направились прямо на север через аванпостную цепь к деревне Крышино. Вскоре мы подъехали к ней, благодаря лощине, очень близко и совершенно незаметно. Несколько турецких солдат, бывших на окраине деревни, заметив неожиданно нас, подняв крик, бросились в испуге бежать, и в то же время из ближайших траншей открыли по нашей группе частый ружейный огонь. У полковника Мельницкого тотчас же была ранена лошадь, и он должен был вернуться обратно.

– Алексей Николаевич! – обратился Скобелев к Куропаткину. – Да вы поезжайте с Баранком тоже назад: там ведь есть спешные бумаги…

Так что далее продолжали путь только Скобелев, Хомичевский, я и два казака.

Редут, куда мы приехали, занимал Лейб-гвардии Волынский полк с двумя орудиями. Мы слезли здесь с коней и вскоре увидели ехавшего от реки Вид генерала Гурко с большой свитой. Возле редута Гурко спешился, вошел в укрепление и дружески поздоровался со Скобелевым. Они стояли на платформе у самого орудия и оживленно о чем-то разговаривали. Я же с Хомичевским беседовал в это время с лицами свиты Гурко, которая почти исключительно состояла из гвардейских офицеров. Впереди редута, в котором мы находились, турки строили какое-то укрепление, и масса рабочих совершенно открыто копала землю.

– А не пустить ли нам гранату по этим рабочим? – обратился Гурко к Скобелеву.

– Отчего же, не мешает попугать их! – согласился последний.

Гурко приказал артиллерийскому офицеру навести орудие и выстрелить по рабочим. «Пли!» – послышалась

команда, и граната, завывая, шлепнулась где-то далеко возле рабочих, которые быстро разбежались и попрятались. Но в ту же минуту в неприятельском редуте мелькнул огонек. «Огонь!» – крикнул кто-то, и все быстро попрятались за бруствер и траверсы, а генерал Каталей нашел себе приют даже под дулом орудия. На своих местах остались только Гурко, Скобелев, Хомичевский и я. Неприятельская граната с шумом пролетела мимо орудия и ударила в траверс – целый сноп земли обсыпал всех нас. Опасность миновала, и все вышли из своих укрытий. Гурко подал руку Скобелеву и крепко пожал ее.

– Вы, – сказал он, улыбаясь, – с молодых лет еще привыкли к боевой жизни, почему и относитесь к этому так спокойно…

Впрочем, нужно отдать справедливость, что Гурко держал себя под огнем с таким же достоинством, как и Скобелев, подавая этим хорошей пример своим подчиненным. Через несколько мгновений снова блеснул огонек в турецком редуте и снова повторилась прежняя картина – все бросились под прикрытие земляных насыпей. Вторая граната не долетела далеко до редута и зарылась в землю шагах в 150 от нас. Видя, что турецкая артиллерия не остается в долгу, наши орудия прекратили стрельбу, и неприятельские рабочие снова повыползали и спокойно занялись на наших глазах своим делом. Скобелев уговорился с Гурко относительно сдачи и приема редута и смены Волынского полка войсками нашего отряда. Затем мы дружески распростились, уселись на коней и разъехались по домам.

Глава V

В последних числах ноября у нас стали носиться упорные слухи, что со дня на день должно ожидать каких-нибудь решительных действий со стороны Османа. Все мы находились в понятном тревожном ожидании. Все эти слухи вызывали самые оживленные, бесконечные толки, предположения, всех

охватило какое-то лихорадочное настроение. Большинство ложилось ночью спать в полной боевой готовности, с револьверами в руках, и самая незначительная перестрелка поднимала на ноги чуть не весь отряд. Словом, все были в возбужденном, нервном настроении. Бежавшие из Плевны болгары-жители, а также дезертиры-турки показывали, что Осман собирается прорваться. Но в какую сторону, куда именно – это было неизвестно. Наиболее вероятный путь был, конечно, за реку Вид.

Генералом Тотлебеном были разосланы приказания во все части войск об исправлении дорог, ведущих к реке Вид, и проложении новых – чтобы в случае движения турок на запад все отряды, облегающие Плевну, могли удобно и быстро двинуться во фланги и в тыл прорывающемуся врагу. Наш отряд, в случае прорыва турок за реку Вид, должен был тоже двинуться на выручку Гренадерского корпуса Ганецкого[191]. Везде закипела лихорадочная деятельность, все чувствовали, что дни Османа сочтены, что еще несколько дней ожидания и терпения – и опасный зверь будет пойман в своей неприступной берлоге.

В эти дни ожиданий я получил командировку.

– Дукмасов! – обратился ко мне рано утром Куропаткин. – Генерал Скобелев приказал вам ехать сейчас же на реку Искер и произвести тщательную рекогносцировку ее. Хорошенько осмотрите все: ширину, глубину, свойство берегов, быстроту течения, есть ли броды, где удобнее места для наводки мостов между деревнями Койнаре и Махалата, где можно найти для этого материал и проч. Да кроки не забудьте представить. Пожалуйста, все повнимательнее

[191] *Ганецкий Иван Степанович* (1810–1887) – участник подавления Венгерской революции 1848 г., Польского восстания 1863–1864 гг., Кавказской войны. Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. начал в должности командира Гренадерского корпуса, участвовал в осаде Плевны.

осмотрите и разузнайте обо всем. Очень может быть, что Осман туда ударит и попробует прорваться на Виддин… Возьмите с собой десять казаков и с Богом!

Я немедленно уселся на коня и выехал с казаками из деревни Брестовец на Картужабен и Медован. В этой деревне мы встретили дивизион Лейб-гвардии Казачьего полка, который занимал аванпосты.

– А, станичники, здорово! – обрадовался, увидя нас, любезный дивизионер, полковник Поздеев. – Ну, как хотите, а мы не пустим вас без закуски, – отвечал он, – узнав цель моего приезда. – Кстати, мы можем сообщить вам кое-какие полезные сведения.

Пришлось волей-неволей слезать с коня и закусывать. Полковник Поздеев познакомил меня с несколькими офицерами, от которых я собрал кое-какие сведения о турках, о бродах через Вид и проч. Подкрепившись наскоро и распростившись с радушными гвардейцами, мы двинулись далее, переправились вброд через реку Вид, проехали деревни Горный Дубняк, Телиш и у деревни Койнаре переправились через реку Искер. Здесь я осмотрел все дороги, ведущие к этой реке, измерил глубину ее и быстроту течения, собрал от жителей нужные сведения и затем направился по течению Искера к деревне Глава. Солнце уже садилось, стало заметно темнеть, и я решил ночевать в Главе, тем более что казаки и лошади сильно устали, пройдя около 50-ти верст без корма и почти без отдыха. В ближайшей избе деревни мы остановились на ночлег.

Рано утром на следующий день я переправился со своей маленькой командой на правый нагорный берег Искера, измерил снова пиками глубину реки и, вернувшись опять на левую сторону, добрался до деревни Махалата. Здесь я нашел нашу пехоту и саперов, которые уже навели мост через Искер. Отдохнув немного и побеседовав с саперными офице-

рами, мы двинулись в обратный путь и к вечеру, через Дубняк и Картужабен, благополучно достигли дома, то есть Зеленых гор и Брестовца. Все свои работы, кроки и описание я передал Куропаткину и на другой день получил от Скобелева благодарность за хорошее исполнение данного мне поручения.

Часов около двенадцати ночи с 27 на 28 ноября, когда мы, ординарцы Скобелева, еще бодрствовали и беседовали о предполагаемом прорыве Османа, послышался чей-то голос:

– Господа, казачий разъезд привез с аванпостов турка!

Мы бросились из избы к Скобелеву, к которому повели пленного низама[192] – здорового, плотного мужчину в старом поношенном пальто с башлыком. Смотрел он на нас довольно спокойно, апатично и, казалось, совершенно примирился со своим положением. Вскоре явился переводчик и занялся опросом пленного, который, как оказалось, попал в наши руки случайно, заблудившись в темноте. Он же сообщил, что боевых запасов у турок осталось очень немного, так что Осман уже две недели тому назад приказал совершенно прекратить стрельбу из орудий и возможно реже открывать ружейный огонь (действительно, в последние дни турки почти совершенно прекратили стрельбу даже по более или менее значительным группам, тогда как прежде они пускали гранаты в кучки из четырех-пяти человек); что два дня тому назад всем солдатам роздан был трехдневный запас галет, кофе и рису со строгим приказанием отнюдь не расходовать эту провизию; что в эту ночь войскам со всех редутов и траншей велено было собраться у моста через реку

Вид, откуда они должны направиться в крепость Виддин. Затем пленный сообщил, что он все время служил на редуте Юнус-бея (Крышинский), что с вечера он крепко заснул в

[192] *Низам* – солдат турецкой армии.

землянке и не заметил, как товарищи его ушли. Отправившись же догонять их, он заблудился и набрел на наш разъезд.

– А ну-ка, посмотрите, господа, – обратился к нам Скобелев, – что у него в ранце?

Мы сняли ранец и раскрыли его. Там оказался тот самый запас, о котором упоминал турок (галеты, рис, кофе), незначительное количество белья и разная мелочь.

– Ну, белье-то неважное! – заметил как бы про себя Михаил Дмитриевич.

– Передайте ему, – продолжал он, обращаясь к переводчику Луцканову, – что он должен вести наш отряд на Крышинский редут, и если окажется, что он наврал, то будет там же убит!

Турок изъявил на это полное согласие.

– Ну а пока прикажите, господа, накормить его хорошенько. Да вот что, Алексей Николаевич, – продолжал генерал, обращаясь к Куропаткину, – нужно будет обо всем этом сейчас же послать телеграмму в главную квартиру и генералу Тотлебену, а затем вызвать охотников и направить их в Крышинский редут со всеми предосторожностями…

Через несколько минут к редутам были двинуты охотники с пленным турком, и вскоре удостоверились, что они действительно очищены неприятелем. Для более сильного занятия их из Брестовца направился Углицкий полк, захвативший не только ближайшие, но и самые дальние редуты над рекой Видом и отрезав, таким образом, путь отступления туркам, которые могли бы, в случае неудачи прорыва, снова вернуться под прикрытие этих грозных укреплений. Остальные же три полка лихой 16-й дивизии с артиллерией двинулись еще до рассвета за реку Вид.

Всю ночь была зловещая тишина – ни одного выстрела не раздавалось в воздухе. Часов в семь утра памятного для всех русских и турок 28 ноября, – лишь только туман слегка рас-

сеялся, и мы стояли уже на своих местах, за Видом, – на правом фланге Гренадерского корпуса раздался ружейный выстрел, за ним другой, третий… И скоро страшная трескотня, вместе с частыми орудийными выстрелами, огласила всю окрестность. Мы увидели, как густые цепи красных фесок стремительно атаковали передовые траншеи наших гренадер, которые, не будучи в силах удержать дружного натиска врага, бежали к своим резервам.

Турки без остановки бросились далее, и через несколько минут та же участь постигла наши батареи, несмотря на тот страшный картечный огонь, валивший целые кучи турецких тел, которым встретили они непрошеных гостей. Было что-то фанатическое, отчаянно-демоническое в этой бешеной атаке! Казалось, что турки поклялись или умереть, или прорваться! На несколько минут остановились мусульмане для маленькой передышки у захваченных ими русских орудий и затем снова стремительно, храбро бросились вперед…

Тогда Скобелев отдал приказание переменить фронт своей дивизии и направиться правее Плевно-Софийского шоссе, во фланг наступавшему врагу, до которого было около четырех верст. Войска, в боевом порядке, в две линии, имея впереди казачью цепь, стройно двинулись на рассвирепевшего врага.

Скобелев, чтобы лучше видеть картину боя, поскакал по шоссе к Плевне. Мы от него не отставали. Между тем военное счастье переменилось: на выручку гренадерам подошла из их резерва свежая бригада и дружно в свою очередь атаковала усталых победителей. Последние не выдержали и подались назад. Эта удача еще больше ободрила гренадер, и они энергично стали теснить врага. Вот они уже взяли обратно свои батареи и брошенные орудия, вот турки бегут через траншеи к Виду, а гренадеры, с победным криком «ура», преследуют их и штыками, и страшными залпами, от

которых ложатся целые сотни лучших, испытанных турецких солдат.

Сначала турки цеплялись за каждую траншейку, отбиваясь от рассвирепевших гренадер, но вскоре, объятые паническим страхом, они просто бежали, как стадо испуганных баранов. А в эту густую массу человеческих тел со всех сторон со злобным свистом сыпались тысячи русских пуль, гранат и картечей… На мосту через Вид мы увидели страшную картину: масса войск и множество каруц с обезумевшими жителями, плачущими детьми и женщинами – все это стремилось в неимоверной давке пробраться на другой берег реки. Большинство турецких воинов, спасаясь от наших солдат и не имея возможности попасть на мост, бросалось прямо в реку и гибло здесь десятками, не будучи в состоянии переплыть в одежде и амуниции через узкую полосу быстрой воды. Многих же пловцов русские пули догоняли уже в то время, когда они достигали противоположного берега… Трупы их неслись по течению… Некоторые части неприятельского войска, преследуемые и беспощадно расстреливаемые нашими солдатами, бросились к покинутым редутам. Но здесь, с южной стороны, их встретили дружными залпами угличане, а с северной – захватившие эти редуты румыны. Положение было безвыходное – басурмане были окружены со всех сторон! Со всех сторон их беспощадно расстреливали! Осману ничего больше не оставалось делать, как выкинуть белый флаг. Действительно, он скоро и показался возле моста – турки бросали оружие…

С трудом могли остановить наши офицеры своих солдат, которые вымещали на неприятеле кишевшую злобу за все те жертвы, испытания и неудачи, которые причинил он им, за своих павших товарищей, – словом, за все, за все… Как звери, гнали они этого бегущего, объятого ужасом врага, и ничто, казалось, не могло сломить теперь их дикой, безумной храбрости… «Ура, урааа!..» все еще слышалось в кровавой долине

Вида, и эти радостные, победные крики долго носились над живыми, ранеными и мертвыми ратниками… Русская честь была восстановлена: мы отомстили за своих павших товарищей, за тяжелые неудачи, поражения…

Трудно передать то счастливое, блаженное настроение, которое охватило всех нас, присутствовавших при сдаче армии Османа-паши. Нужно было самому прожить целые месяцы на позициях, вокруг этого заколдованного турецкого гнезда, нужно было самому перенести эти бесконечные нравственные и физические страдания и муки, видеть отчаянные, но тщетные усилия наших героев, участвовать самому в этих ужасных атаках на смертоносные редуты, у которых погибли тысячи наших боевых сотоварищей, наших дорогих друзей… Повторяю, нужно самому все это испытать, пережить, перечувствовать, чтобы понять то неподдающееся описанию чувство, которое испытывали все мы, плевненские бойцы, увидев развевающийся белый флаг, увидев эти десятки тысяч врагов, нанесших нам столько вреда, бросавших теперь оружие и отдававших в полное наше распоряжение свою судьбу… Недаром говорят, что нужно отведать горького, чтобы оценить прелесть сладкого! Кто не перенес сильного горя, сильных страданий, тот вряд ли может испытать и полную радость!

Однако я забежал вперед – возвращаюсь к своему рассказу. Скобелев, видя, что участь турецкой армии решена и без его помощи, что гренадеры одни управились с неприятелем, послал приказание полкам приостановить движение, а сам со свитой поскакал к мосту, где развевался этот желанный белый флаг. Еще ранее начальник Гренадерского корпуса генерал Ганецкий послал к Осману парламентера, свиты Его Величества генерал-майора Струкова[193], которому храбрый,

---

[193] *Струков Александр Петрович* (1840–1911) – генерал от кавалерии, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

раненый в ногу предводитель турок передал, что сдается со всей своей армией (40 тысяч и 70 орудий) на волю и милость нашего Государя. При этом он просил только, чтобы офицерам позволено было оставить при себе все вещи, прислугу и лошадей. Ганецкий, которому вернувшийся Струков передал просьбу Османа, сказал, что сообщит об этом Главнокомандующему.

Между тем к мосту, к которому мы подъехали, собралась масса нашего генералитета и офицеров. Некоторые зашли в землянку, где помещался Осман, и с удивлением рассматривали раненого турецкого героя и начальника его штаба (некоторые же, даже солидные чины, немедленно занялись торговлей – покупкой прекрасных лошадей и оружия у турецких пашей, предлагая им цены слишком уж обидные)… Осман-паша, несмотря на полученную рану, был довольно спокоен и старался, по возможности, любезно отвечать на всеобщие приветствия, хотя сумрачное выражение его лица доказывало, что его нравственное состояние духа далеко не соответствовало наружному спокойствию. Это был мужчина среднего роста, средних лет, брюнет, с довольно выразительною физиономией, с умными, проницательными глазами. Одет он был в самый простой турецкий костюм с красной феской на голове.

Многие из окружавших его наших офицеров говорили ему по-французски льстивые речи, удивлялись его храбрости, его стойкости… «Браво, Осман, брависсимо!» – слышалось даже по временам. Словом, ему чуть не аплодировали! Он относился ко всему этому довольно хладнокровно и пасмурно смотрел на всю эту плеяду блестящих русских мундиров. Не такой триумф рисовался храброму защитнику Плевны! Он мечтал, вероятно, о торжественной встрече в Стамбуле, об объятиях султана, об овациях всей турецкой

знати, всего сераскериата[194] и духовенства… И вдруг теперь эти северные «гяуры» расточают перед ним свои любезности, сыплют ему панегирики, и все это за то, что он отправил на тот свет десятки тысяч храбрых братьев этих же самых льстецов…

Между тем дано было знать о судьбе турецкой армии Главнокомандующему, и все стали готовиться к торжественной встрече Его Высочества. Стрельба прекратилась, изредка раздавались только одиночные выстрелы. Я воспользовался этою суетой и подъехал осмотреть поле сражения и ближайшие неприятельские укрепления (предмостные).

Пришлось проезжать мимо турецких землянок, которые снова заняли уцелевшие хозяева. Некоторые, сидя на земле, сами перевязывали себе раны, другие без всякого дела апатично посматривали на наших солдат-гренадер, стоявших тут же, возле них. При моем приближении турки вставали и отдавали по-своему честь. Офицеры тоже почтительно кланялись и добродушно, с любопытством посматривали на меня. На лицах у всех я заметил даже некоторое довольство. Один из офицеров заговорил со мною по-польски. Я за время своей службы в Полыни немного знал этот язык и вступил с ним в беседу. Оказалось, что они очень довольны таким исходом.

– Кончились, по крайней мере, наши страдания и вечное ожидание смерти, – прибавил он с улыбкой. – А скоро нас поведут в Россию? Будут нас хорошо содержать, кормить? – закидывал он меня вопросами.

– Да вам-то, офицерам, будет, конечно, хорошо, – отвечал я, – а вот солдатам – вероятно, придется попоститься! Ведь наше интендантство не предвидело такого счастливого эпилога плевненского сидения и не позаботилось, конечно, о достаточных запасах для 40 тысяч пленников. Да и теплой

[194] Военное министерство (*тур.*).

одежды у вас, вероятно, нет, а придется ведь ночевать не в землянках, а на открытом воздухе…

Взглянув назад, я увидел, что едет Главнокомандующий со свитой. Пожав руку пленному офицеру, я поскакал обратно к мосту. Войска наши были уже выстроены шпалерами[195] по шоссе для встречи Его Высочества, а также окружали землянку Османа-паши. Николай Николаевич был очень весел, здоровался с солдатами и благодарил их за молодецкую службу и пленение турецкой армии. Побеседовав с Османом-пашой около десяти минут, Его Высочество подъехал к Государю императору, приказав отделить штабных офицеров от солдат и отправить первых в город; туда же отвезли и Османа. Комендантом Плевны Главнокомандующий назначил Скобелева. Последний пригласил к себе в Брестовец начальника штаба Османа генерал-лейтенанта Тевфика-пашу, который изъявил на это полное согласие. Вещи его Скобелев приказал отправить в Брестовец. По дороге Тевфик-паша, довольно молодой еще человек с внешностью европейца, рассказывал много интересного относительно обороны Плевны, и особенно про отряд Скобелева. Я, плохо понимая французский язык, уловил только кое-что из их беседы.

– Когда 30 августа, – рассказывал паша, – вы захватили наши редуты – Еаванлык и Иса-ага, на военном совете мы решили отбить их обратно у вас во что бы то ни стало, и если это не удастся, то покинуть Плевну и отступить. Но нам, благодарю Бога, помогли ваши же генералы! Сначала мы очень боялись за Гривицкие редуты – Ибрагим-бей-табию и Омар-бей-табию. Мы думали, что на эти пункты русскими будет поведена главная атака, ввиду чего и сосредоточили здесь свои резервы. Но оказалось, что самым опасным и ре-

---

[195] То есть шеренгами по сторонам шоссе.

шительным противником явились вы, и так как взятые вами редуты были очень важны в стратегическом и тактическом отношениях, то мы и приняли вышеупомянутое решение. К нашему счастью, русские ограничились взятием редута Кавлы-табия (Гривицкий № 1). На других же пунктах они были отбиты, и, видимо, не были расположены повторять атаку. Поэтому мы незаметно перевели большую часть резерва к редутам Каванлык и Иса-ага, оставив на других пунктах лишь самое необходимое число войск… И все-таки, несмотря на такое численное превосходство, мы отобрали редуты лишь после пяти атак, потеряв значительное число лучших наших солдат… Да, вы держались замечательно стойко! Мы больше всего боялись вашего отряда…

Тевфик-паша еще много говорил. Говорил ли правду или льстил Скобелеву – не берусь судить. Многого я не понял и пропускал мимо ушей, не разбирая быстрой французской речи. За обедом, который продолжался очень долго и прошел чрезвычайно оживленно под впечатлением счастливого исхода плевненского сидения, Тевфик-паша продолжал рассказывать различные эпизоды из осады Плевны. Когда Скобелев похвалил укрепления турок и хорошее их расположение, паша с гордостью и удовольствием заявил, что все редуты и траншеи строили природные турки, участвовавшие большей частью в Крымской кампании и на Кавказе в качестве ротных и батальонных командиров. (Названия редутов даны в честь строителей.) Вообще Тевфик-паша был очень весел и, кажется, даже доволен тем, что попал в плен и вышел цел и с честью из такого опасного положения. С Тевфиком-пашой приезжал также один пленный полковник Тахир-бей, очень симпатичный турок, с которым мне пришлось впоследствии встретиться под Константинополем. На другой день, переночевав у нас, Тевфик-паша был отправлен в главную квартиру, а Скобелев со штабом перебрался из

Брестовца в Плевну и вступил в отправление своей новой обязанности – коменданта разгромленного города, заваленного грудами неприятельских и частью болгарских тел. На улицах, площадях, в домах, в подвалах – везде беспощадная смерть оставила свои ужасные следы…

Бродя по городу и заглядывая в развалины некоторых подвальных помещений, я натыкался часто на самые потрясающие душу сцены. Рядом с трупами мужчин, женщин и детей лежали полуживые скелеты, полутрупы, в зараженном страшными миазмами воздухе. Страдальческие стоны несчастных умирающих, вид этих беспомощных малюток, расстающихся с жизнью тут же, на груди своих матерей – все это было поистине ужасно! Человек с маломальски слабыми нервами не выдержал бы этих тяжелых нравственных пыток! Только война и безвыходное положение осажденных воинов, которым было не до мертвых, раненых и больных, могли создать такие потрясающие душу картины!

Скобелев употреблял все усилия, чтобы скорее освободить город от мертвых тел, перевезти больных и раненых, очистить дома от клоаков всевозможных заразительных болезней. Сотни каруц то и дело медленно разъезжали по городу и нагружались человеческими телами, которые вытаскивали из домов и, как дохлых собак, бросали у ворот. Все это вывозилось за город и зарывалось в глубокие ямы.

Насколько Михаил Дмитриевич был искусным военачальником, настолько же он оказался и искусным административным мирным деятелем. И тут снова сказался его характер – энергичный, подвижный. Он разъезжал верхом по городу и деятельно хлопотал о приведении всего в порядок.

К завтраку и обеду Скобелев возвращался домой – в один из хорошеньких домиков Плевны, счастливо уцелевших от бомбардировки, и обыкновенно привозил с собой кого-нибудь. 2 декабря, между прочим, он возвратился домой

в обществе одного молодого артиллерийского офицера 5-й бригады, которого он встретил на улице и, как знакомого, затащил к себе завтракать. Вот этот-то офицер, с которым я тогда познакомился, встретившись со мной восемь лет спустя после кампании, и навел меня на мысль составить настоящие воспоминания.

Скобелева видимо тяготила комендантская обязанность – не по его натуре она была – и он несколько раз это нам откровенно высказывал. Его тянуло снова в бой, на Шипку, и он деятельно к этому готовился. Полковым, батальонным, ротным и батарейным командирам он постоянно твердил, чтобы они озаботились о приведении в порядок всего испорченного имущества, а также о снабжении людей всем необходимым для тяжелого зимнего похода через горы. Постоянно слышались разговоры о сухарях, патронах, вьюках, лошадях, об обуви, платье, оружии, порохе и проч. Он обращал их внимание даже на кажущиеся мелочи, которые на самом деле играют очень важную роль в солдатском быту.

2 декабря Государь император изволил объезжать позиции города Плевны и свои победоносные войска. Извещенный об этом заранее, Скобелев приготовил для Его Величества почетный караул от Владимирского пехотного полка у своей квартиры, куда Государь согласился заехать после объезда для отдыха и завтрака. Здесь же, у дома, собралась депутация от почетных граждан города Плевны с хлебом-солью для торжественной встречи Царя-Освободителя, а также группа болгарских девушек в белых национальных костюмах с цветами в руках.

Скобелев со штабом направился к выезду из города для встречи Его Величества. Вскоре показалась свита, впереди которой ехал Государь. Скобелев подъехал к монарху и отрапортовал, как комендант города, о благополучии. Его Величество горячо поблагодарил генерала и его начальника

штаба за службу и любезно поздоровался с нами, ординарцами. Затем Государь изволил отправиться через город на то место, где сдалась армия Османа-паши. Скобелев, проводив Его Величество, вернулся на квартиру для приготовления встречи.

Спустя некоторое время Государь показался возле ворот, где Его Величество встретила депутация от жителей Плевны с хлебом-солью. Затем Государь подъехал к почетному караулу, поздоровался с ним и поблагодарил за молодецкую службу. Музыканты играли при этом «Боже, Царя храни!». После этого Государь император изволил слезть с коня и подняться по ступенькам на крыльцо. Стоявшие здесь болгарские девушки усыпали при этом путь царя цветами, а одна из них сказала простую, но сердечную речь, которой Государь был видимо тронут.

«Всемилостивейший Государь! – говорила она. – Велико Твое благодеяние к нам. Ты не только предпринял великую войну из любви и сострадания к нам, но и удостоил нашу убогую страну Твоим царским посещением, подвергнув Себя всем трудностям походной жизни. Всемилостивейший Государь! Наша признательность к Тебе не имеет пределов, но извини, Великий Государь, нашей простоте, не умеющей достойно встретить Тебя и показать свою глубокую признательность. Болгары будут до конца мира благословлять Твое великое имя и имя Твоего Августейшего Дома».

Завтрак был заранее прислан из главной квартиры и оказался, конечно, на славу. Так как домик был очень маленький, то помещения в столовой едва хватило для самых значительных лиц, преимущественно генералитета. Мы же, штабные, разместились на открытом воздухе. Всего было вволю, и от царского стола досталось не только офицерам, но даже солдатам и казакам.

Генерал-лейтенант М. Д. Скобелев. Гравюра 1878 г.

По окончании завтрака Государь вышел на крыльцо, благосклонно простился с офицерами, сел на лошадь и несколько минут что-то говорил стоявшему возле царского коня Скобелеву. Что именно – я не расслышал. Но по веселому, улыбающемуся лицу Государя и счастливой физиономии Скобелева можно было догадаться, что слова монарха выражали похвалу нашему храброму генералу. При звуках народного гимна и восторженных криках народа Государь выехал на улицу.

Еще ранее описанного приезда Государя начальник штаба Куропаткин передал мне приказание Скобелева перевести всех пленных турок за реку Вид и передать их в распоряжение других войск. Выехав за город на Софийское шоссе, я увидел громадную площадь, покрытую массой людей,

повозок, буйволов, лошадей. Здесь находилась вся пленная армия Османа-паши – около 40 000 человек, а включая сюда женщин, детей и стариков – более 50 000.

Пленными турками распоряжался отец Скобелева, который, для большего удобства раздачи продовольствия, разделил их на сотни. В каждой сотне был выбран особый старший, который и выдавал для своей сотни получаемый провиант и был ответственен за всякие беспорядки. Пленных офицеров, как упомянуто было раньше, совершенно отделили от солдат. В армии оказалось немало татар, поляков и других народностей, знавших довольно порядочно русский язык. С помощью их-то и велись обыкновенно переговоры с пленными. Чтобы перевести эту 50-тысячную массу, мне дана была только одна сотня казаков. Вместе с сотенным командиром я объяснил казакам их обязанности по конвоированию пленных, которых нужно было окружить цепью парных часовых на значительном протяжении. Подъехав к пленным, я вызвал упомянутых старших в каждой сотне и обратился к ним по-русски:

– Мне приказано генералом Скобелевым перевести вас за реку Вид и сдать другим командам, которые препроводят вас в Россию и от которых вы получите все необходимое. Хотя вас будет сопровождать очень малая часть всадников, но вы со всех сторон окружены нашими войсками, и потому всякая мысль о побеге бесполезна. Передайте вашим товарищам, чтобы они двигались в полном порядке и исполняли все приказания конвойных. За всякую же попытку к побегу или сопротивление – виновный будет немедленно убит.

Старшие, которым передали мои слова, понимавшие по-русски, почтительно сняли фески и ручались, что все будет в порядке… Разойдясь по сотням, они сейчас же сообщили мои слова остальным солдатам, и вся эта многотысячная толпа заколыхалась, готовясь к движению. С

небольшой возвышенности мне хорошо виден был весь громадный лагерь когда-то грозной для нас турецкой силы, находившейся теперь в полной нашей власти… И будь это несколько веков тому назад или даже и теперь, но где-нибудь в африканских или азиатских дебрях, и этих военнопленных ожидала бы если не смерть, то вечное рабство, позор, унижение!.. Теперь же они совершенно спокойны, многие даже очень довольны: каждый знал, что при настоящем положении у него гораздо больше шансов вернуться домой, к своему очагу, чем в том случае, если бы попытка Османа прорваться удалась… Тогда предстояли бы новые сражения, новые страшные испытания и новые шансы форсированным маршем попасть в рай Магомета, о котором турки хотя и мечтают, но не особенно охотно, кажется, туда отправляются. Каждый из пленников отлично знал, что рано или поздно война кончится, и из России их отправят обратно на родину.

Несомненно, что для начальника плененной армии, для того лица, которое приказывает выкинуть белый флаг, факт сдачи составляет крайне тяжелое явление: помимо нравственной, это лицо подвергается большею частью и известной легальной ответственности, не говоря уже об общественном мнении[196], и только тогда, когда будет доказано, что другого выхода из критического положения не было, что нужно или гибнуть почти всем, или сдаваться (например, положение Османа-паши), общественное мнение может еще оправдать капитуляцию. В большинстве же случаев на месте ответственного начальника лучше пустить себе пулю в лоб или,

---

[196] Невольно приходится вспомнить Базена которого в прошлом году в Мадриде, ударил кинжалом какой-то экзальтированный молодой француз, заявивший при аресте, что лично против бывшего защитника Меца он ничего не имеет, но сделал это из патриотизма и чтобы отомстить за позор, причиненный его отечеству несчастною капитуляцией. (*Примеч. автора.*)

что благородней, во главе отряда ринуться вперед, чем отдавать врагу свое оружие. Нижний же чин почти всегда выигрывает от этого!

Через полчаса я подал сигнал движения и поехал впереди с восемью казаками. Оглянувшись назад через некоторое время, я увидел длинную и густую колонну фесок, вытянувшуюся по шоссе. Только кое-где мелькали между этою, когда-то грозною массой наши верховые казаки с пиками.

Через несколько времени я встретил главного героя 28 ноября – генерала Ганецкого.

– Ваше превосходительство, – подъехал я к нему, взяв под козырек, – генерал Скобелев приказал мне перевести всех пленных за реку Вид. Конвоирует всего одна сотня, что крайне недостаточно. Необходимо назначить хоть батальон пехоты…

– Хорошо, можете ехать обратно – я распоряжусь относительно конвоя, – сказал генерал.

Я вернулся восвояси.

Помощником своим и полицмейстером города Плевны Скобелев назначил командира Углицкого полка полковника Панютина – веселого, симпатичного и энергичного человека. Последний деятельно стал хлопотать о приведении в порядок города, о скорейшей уборке тел, о расквартировании наших войск и свозе оружия пленных. Орудия были отвезены за город и расположены близ Софийского шоссе, ружья и патроны сложены в самом городе. Панютину пришла счастливая мысль вооружить свой полк этими ружьями (системы Пибоди), которые, несомненно, были гораздо лучше наших, Крынка. Мысль свою Панютин высказал Куропаткину, а последний Скобелеву. Сообща вопрос этот решен был в утвердительном смысле, и Скобелев, съездив в главную квартиру, получил на это согласие Главнокомандующего. Панютин был очень доволен, что мысль его была применена к делу.

– Вы не особенно-то радуйтесь, – заметил ему на это Скобелев. – Ваш полк я постоянно буду посылать вперед вместо стрелков, так как ружья теперь у вас гораздо лучше, чем в остальной пехоте…

– Что ж, я очень рад буду этому, ваше превосходительство! – совершенно спокойно отвечал Панютин.

Скобелев хотел перевооружить этими прекрасными ружьями всю свою дивизию, но побоялся, что снабжение патронами встретит некоторое затруднение.

– Вы смотрите, – сказал он на прощанье Панютину, – позаботьтесь, чтобы патронов было достаточно, а также не забудьте насчет вьюков!

В Плевне к Скобелеву заезжал прощаться корреспондент американской газеты «Нью-Йорк Геральд» Мак-Гахан[197], друг Михаила Дмитриевича еще по Хивинской экспедиции[198]. Он бывал еще у нас на Зеленых горах и проводил там целые дни. В штабе нашем он приобрел общее расположение, как чрезвычайно симпатичная, правдивая и трудолюбивая личность.

– Заехал к вам попрощаться, – обратился к нам Мак-Гахан, – теперь у вас делать нечего. Поеду в Бухарест, отошлю свои корреспонденции, а затем отправлюсь на Шипку, к Радецкому.

Мы расстались с ним самым дружеским образом и просили скорее возвращаться снова к нам. Вообще, Мак-Гахан сильно выделялся из среды других корреспондентов, которые нередко, собравшись вместе, говорили совсем не то, что хотели писать и что думали, стараясь как бы провести один

---

[197] *Мак-Гахан Януарий Алоизий* (1844–1878) – американский военный корреспондент, работавший на нью-йоркские и лондонские газеты.

[198] *Хивинская экспедиция* (1873) – военная кампания русской армии под командованием генерала К. П. Кауфмана, в результате которой Хивинское ханство признало российский протекторат.

другого… Мы, посторонние наблюдатели, часто от души хохотали над их дипломатическими маневрами друг перед другом.

Утром 5-го мы проснулись и с удовольствием увидели на крышах снег, выпавший за ночь и прикрывший хотя немного те безобразные картины, которые были на улицах и площадях. Невольно вспомнилась русская зима, санки, тройки, Масленица, блины… Но как далеко все это было от действительности!.. В этот день Скобелев уехал в главную квартиру и вернулся довольный, сияющий.

– Ну, господа, – сказал он, слезая с коня, – привез радостные вести: послезавтра выступаем на Шипку. Снова побываем в Ловче, а там через Сельви в Габрово…

Мы все, конечно, вполне разделяли радостное настроение своего любимого вождя: сидеть без дела в Плевне было довольно скучно, и мы с нетерпением жаждали новой боевой деятельности… Странным покажется мирному гражданину это желание! Желать снова подставлять лоб под пулю, снова рисковать своею жизнью, здоровьем! А между тем в большинстве случаев это так бывает! По крайней мере, я за себя и за своих товарищей ручаюсь в этом!

В штабе у нас закипела письменная работа: предписания, рапорты, отношения – все это спешно рассылалось во все стороны. В полках и батареях энергично готовились к выступлению. И надо отдать справедливость, что, благодаря распорядительности Скобелева, Куропаткина и полковых командиров лихой 16-й дивизии, а также частной благотворительности русских патриотов (особенно московских купцов) и Красному Кресту, люди были прекрасно снабжены всем необходимым. Самым необходимым, конечно, являлась теплая одежда и полушубки, так как предстоял тяжелый зимний переход через горы по ужасным дорогам или, вернее, без всяких дорог. Даже предметы роскоши – табак, чай,

водка и прочее – все это было поровну разделено на полки и батареи[199].

Накануне выступления мы провели вечер у А. Н. Куропаткина по случаю производства его в подполковники, а также дня ангела его родного брата, Нила Николаевича, батарейного командира, такого же симпатичного, как и Алексей Николаевич. Здесь собрались все штабные, все полковые и батарейные командиры – все это зеленогорские деятели. Далеко за полночь затянулась трапеза в самой оживленной, дружеской беседе. Много было произнесено горячих задушевных тостов, захватывавших каждого за самую чувствительную струнку сердца, много было теплых пожеланий и, наконец, веселых, остроумных рассказов, от которых все общество дружно хохотало. Особенно оживлял всех Всеволод Федорович Панютин, командир Углицкого полка.

Вечер закончился танцами и песнями. Товарищ мой, тоже ординарец Владикавказского полка, сотник Хоранов, очень искусно протанцевал свой национальный танец – лезгинку. Вся хохотали и дружно аплодировали ему. Затем он затянул какую-то невозможную, монотонную кавказскую песню и при этом строил такие забавные рожи и, жестикулируя руками, испускал такие дивные звуки, что все мы буквально хватались за животики…

– Ну, пора и по домам, господа, – сказал, наконец, Михаил Дмитриевич, вставая и зевнув. – Завтра в поход – на Шипку!

Веселые и довольные вечером, разбрелись мы по своим временным жилищам, и я в последний раз уснул богатырским сном в объятиях исторической, кровавой Плевны, поглотившей столько тысяч русских жизней.

---

[199] Грустно, что того же не было в других отрядах. Там даже офицеры, более чувствительные к невзгодам, вовсе не имели теплой одежды. (*Примеч. автора.*)

Общий ход военных действий на Балканах

В отряд Скобелева входили, кроме 16-й дивизии (полки: Владимирский, Суздальский, Углицкий и Казанский) с артиллерией, еще стрелковый батальон, болгарская дружина, Донской казачий 9-й полк ([полковника А.] Нагибина), и сотня уральцев[200] (войсковой старшина Кирилов). Порядок движения и время выступления были определены еще с вечера диспозициями, и рано утром колонны потянулись из

[200] То есть казаки Уральского казачьего войска.

Плевны по Ловчинскому шоссе через те самые Зеленые горы, которые так долго служили ареной для кровавого турнира креста с полумесяцем.

До рассвета еще вскочили мы на ноги и вышли на двор. Скобелев уже оделся и оживленно о чем-то разговаривал с Куропаткиным. Чистое, голубое небо, тихое, слегка морозное утро и только что поднявшееся над горами солнце, заигравшее серебристым светом по рыхлому снеговому покрову на окрестных полях и крышах плевненских домов, – все это вполне гармонировало с нашим веселым душевным настроением. Полною грудью вдыхая этот здоровый утренний воздух, мы подошли к лошадям, которых держали под уздцы казаки. Везде слышались смех, шутки, остроты. Отряд весело вытянулся в походную кишку.

– На подмогу к янаралу Радецкому, значит, на гору Шипку. Что ж, это можно! Отчего не пособить товаришшам! – слышались замечания между солдатиками.

– А ежели, брат, у них другой Осман там появится? – спрашивал молодой солдатик другого, более опытного. – Что тогда?

– Что ж, и его заберем. Теперь, брат, мы знаем, как и брать! Ученые стали!

Отряд мало-помалу вытянулся по шоссе, и двинулись обозы.

Между тем Скобелеву подали коня. Быстро вскочил он на него и обратился к нам, предварительно поздоровавшись с каждым за руку:

– Ну, господа, едем! Слава Богу, наконец мы покидаем эту проклятую Плевну. На Шипке, Бог даст, будет счастливее…

Скобелев был необычайно весел, оживлен, со всеми шутил, смеялся и вспоминал разные эпизоды из обороны Зеленых гор. Только проезжая мимо редутов своего имени (Скобелева № 1 и 2), с которыми связаны были воспоминания о славных наших атаках и еще более геройской обороне этих

кровавых мест, чело Скобелева сильно омрачилось. Он снял шапку и набожно три раза перекрестился. Вся свита его сделала то же.

– Сколько здесь жертв легло! И все это напрасно! Не поддержали вас вовремя! – как бы про себя проговорил Скобелев, и слезы показались на его глазах.

Несколько минут царило молчание: каждый задумался и вспоминал тяжелые, недавно пережитые дни. Невольно вспомнились имена героев-защитников этих укреплений, имена Горталова, Добровольского, Тебякина и других, и невольно каждый прошептал про себя: «Вечная память вам, герои-мученики, за великое славянское дело!..» [201] Поравнявшись с логом, где был убит художник-волонтер Верещагин, Скобелев вспомнил об этом грустном эпизоде, обратившись к Куропаткину[202]. Вспомнил также про киргиза Нарубайко, которого Скобелев вывез с собой из Туркестана и который в деле 30 августа был смертельно ранен.

А когда поравнялись с первым гребнем Зеленых гор, Скобелев обратился ко мне и, смеясь, сказал:

---

[201] Можно ли было тогда предполагать, что эти самые братья-славяне, за освобождение которых мы пожертвовали столькими жизнями, в недалеком будущем отплатят нам такою черною неблагодарностью!.. (*Примеч. автора.*)

[202] Сергей Васильевич Верещагин поступил к Скобелеву в качестве волонтера-ординарца и добровольно исполнял все опасные поручения Михаила Дмитриевича касательно рекогносцировки местности. Будучи прекрасным художником, Верещагин приносил отряду большую пользу своим искусством: он смело приближался к неприятельским позициям и быстро, под пулями, набрасывал карандашом на папку расположение войск противника и позицию его. Еще под Ловчей Верещагин проявил свое замечательное мужество и искусство. В роковой же день 30 августа этот благородный воин-художник был в куски изрублен черкесами в то время, когда хладнокровно занимался своим делом впереди линии нашей цепи… (*Примеч. автора.*)

– А помните, Дукмасов, как вы в этих траншеях водили принца и знакомили его с турецкими пулями?

Веселые воспоминания менялись с грустными. Последних, конечно, было гораздо больше. Каждый кустик здесь был нам знаком, каждый шаг напоминал собой какой-нибудь грустный эпизод, какую-нибудь смерть… Здесь осколком гранаты в грудь убит такой-то офицер, тут пулей в живот смертельно ранен другой, там – взорван зарядный ящик и в итоге – целые кучи изуродованных тел и т. д., и т. д. Более мелкие поранения не так действовали на нервы и воображение, не так сильно врезывались в память…

Проехали мимо Брестовца, где так долго была штаб-квартира Скобелева и где он лежал больной и контуженый. Мы начали обгонять обозы и за Рыжей горой догнали хвост колонны. «Смирно, смирн-о-о-о!..» – послышались команды офицеров, и солдаты на ходу быстро стали подтягиваться, выравниваться в рядах, оправлять амуницию, поправлять кепи…

– Здорово, молодцы! – весело крикнул Скобелев. – Поздравляю вас с походом!

Солдаты дружно, в таком же веселом тоне, отвечали на приветствие любимого вождя.

– Смотрите же, – продолжал Михаил Дмитриевич, – будьте такими же молодцами, как и раньше! Вы теперь отдохнули, привели в порядок оружие, одежду, собрались с новыми силами… Впереди предстоит нам еще много трудов! Но, Бог даст, мы скоро докончим с турками на Шипке, а потом дойдем до Царьграда и отдохнем уже там вволю!

Солдаты с удовольствием слушали слова своего обожаемого генерала, и по их бодрым, самодовольным, раскрасневшимся на морозе лицам, по их блестящим, веселым глазам видно было, что они вполне соглашаются со словами своего начальника.

Гулко грохотала артиллерия по шоссе, мирно и твердо отчеканивала шаги пехота, и целый лес штыков красиво блестел на солнце… И рядом с русскими штыками Крынка и Бердана виднелись штыки и турецких ружей Пибоди у солдат Углицкого полка, которые были очень довольны, что превратились некоторым образом в стрелков… У многих солдат красовались на груди серебряные Георгиевские крестики, у некоторых унтер-офицеров виднелось их по два, по три. Это все боевые ветераны, побывавшие уже во многих перепалках на Зеленых горах, а некоторые и под Ловчей. Все люди испытанной храбрости, видавшие у самого носа неприятельские штыки, ходившие не раз охотниками в глухую ночь и переколовшие или уложившие прикладом в неприятельских траншеях не одного басурмана… На этих людей можно было положиться, и Скобелев их особенно любил: он знал их всех по фамилиям, даже по именам.

– Здорово, Попов, как поживаешь? – обращается он к одному из унтер-офицеров, проезжая мимо. (Это тот самый Попов, по инициативе которого были сделаны траншеи на первом гребне, получившие название Поповских траншей.)

– Здравия желаю, покорнейше благодарю, ваше превосходительство! – самодовольно осклабясь и весь сияя, громко отвечает счастливый Попов, готовый в это время выпрыгнуть из строя, чтобы хоть дотронуться только до стремени боготворимого генерала.

– Смотри, брат, поучи молодых, чтоб такие же молодцы были, как ты! – говорит Скобелев и едет дальше.

– Постараюсь, ваше превосходительство! – посылает вдогонку ему счастливый Попов и затем обращается к окружающим его молодым солдатам. – Ну, братцы вы мои, в жисть, то есть мою, не видал такого генерала… Отец родной!

Дальше я не слышу его разглагольствований и спешу догнать Скобелева. Скобелев обогнал весь отряд и впереди

проехался немного с офицерами и побеседовал с ними, а затем направился прямо в Ловчу, чтобы заранее распорядиться о разных хозяйственных нуждах отряда.

Так как было довольно холодно и морозно и не требовалось особенной боевой готовности ввиду удаленности противника, то Скобелев приказал останавливаться на ночлег в деревнях, по домам, сберегая таким образом силы солдат. Поэтому отряд разбросался на ночлег не только в Ловче, но и в ближайших деревнях – Зилкове, Сотево, Бахоеце, Придуншец и др. На следующий день движение продолжалось на город Сельви, причем части, имевшие ночлег в дальних деревнях, например в Зилкове, останавливались последовательно в Ловче или Павликени, Какрино, Акенджилар.

Погода благоприятствовала нашему движению: дни стояли хотя и морозные, но ясные, хорошие… Скобелев все время хлопотал о том, удобно ли расквартированы войска на ночлег, хорошо ли они снабжены теплой одеждой и обувью, получают ли хорошую горячую пищу и т. д. Мы, ординарцы, постоянно получали от него приказания проверять все это и подробно доносить ему, особенно относительно качества пищи. Вообще, лучше заботиться о солдатах, как заботился Скобелев, вряд ли возможно!

В Ловче мы переночевали и выехали в Сельви довольно поздно, около полудня. В это время некоторые полки и батареи проходили через город. Скобелев пропускал их мимо себя, делая постоянно разные замечания то офицерам, то солдатам. Ничто не ускользало от его опытного глаза: последний обозный рядовой, запасная лошадь, лазаретная фура – все подвергалось контролю его начальнического ока.

Глава VI

В Сельви мы приехали вечером. По дороге Скобелев проверял полки, уже расположенные на отдыхе. На следующий день снова на коня. Наконец мы добрались до Габрово и

здесь, у подножия Балкан, на время остановились в ожидании приказаний от генерала Радецкого, к которому наш отряд вошел в подчинение. Простояли мы в Габрово четыре дня, употребив это время на отдых и на заготовление необходимых предметов для предстоящего тяжелого перехода через горы. Скобелев съездил к Радецкому на гору Св. Николая (с ординарцами Марковым и Абадзиевым[203]) и, возвратившись оттуда, сообщил план дальнейшего движения через Балканы.

Силы наши, действующие против турецкой Шипкинской армии, разделялись на три отряда: центральный и главный (генерала Радецкого) стоял прямо против неприятеля и должен был действовать пассивно, оборонительно. Активная же роль выпала на долю двух обходных колонн – левой (князя Святополк-Мирского 2-го), действовавшей с восточной стороны, и правой (Скобелева), наступавшей с запада. Мы решили охватить турок с трех сторон. План был, бесспорно, очень разумный, хотя несколько рискован, даже дерзок. Но мы знали, что имеем дело с противником непредприимчивым, нерешительным, прикованным к своим земляным окопам, не рискующим на быстрые наступательные движения, действия.

По возвращении от Радецкого в Габрово Скобелев энергично занялся приготовлением отряда к тяжелому зимнему переходу, причем особенное внимание обратил на вьюки. О повозках, конечно, не могло быть и речи, так как пути, по которым нам предстояло двигаться, были доступны зимой лишь для диких коз да оленей. Летом даже по ним лишь с трудом пробирался привычный болгарин со своим вьючным

---

[203] *Абациев (Абадзиев) Дмитрий (Дзамболат) Константинович* (1857–1936) – личный ординарец М.Д. Скобелева, участник почти всех сражений Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

мулом. Для батарей подполковника Куропаткина Скобелев приказал приготовить сани (на колесах тащить орудия было немыслимо). Всем же остальным батареям (кроме горной вьючной Лихачева, которая тоже следовала с отрядом), а также обозу приказано было остаться в Габрово. Патроны, сухари и другие необходимые предметы – все это было помещено на вьюках.

Словом, в отряде кипела самая горячая деятельность. Начиная со Скобелева и кончая последним рядовым, все работали, хлопотали… Каждый сознавал, что предстоит совершить серьезный, тяжелый подвиг, который не обойдется без жертв, что придется воевать и с противником и, главное, с суровой природой, с холодом, морозом. Много помогала нам беспечность неприятеля и вера его в неодолимость такой преграды, как Балканы, и притом в такое суровое время года. Наиболее важные проходы турки оберегали довольно тщательно, за остальными присматривали слегка, а тропинки совершенно игнорировали. Мы же на последние-то и обратили все свое внимание. Горький опыт Севастопольской кампании (сражение при реке Альме)[204] послужил нам хорошим уроком в этом отношении, и мы научились кое-чему у англичан… «Где пройдет один солдат, там пройдет и целая армия!» – сказал Наполеон.

Наконец, мы имели перед собой блестящий пример отряда Гурко, прошедшего почти полгода тому назад Ханкиойский проход, и верили в успех нашего предприятия. Главная же вера в успех была в отряде нашем потому, что вел его вперед Скобелев, а мы все почему-то твердо были убеждены, что с ним никогда не проиграем дела, что с ним всюду

---

[204] *Альминское сражение* (сражение на реке Альме) закончилось поражением русской армии, но позволило приостановить продвижение неприятеля к Севастополю.

сломим врага и даже природу. Словом, настроение отряда было самое прекрасное, а известно, как много значит на войне это нравственное состояние, этот дух войск, который сам уже есть отчасти залог победы… Артиллеристы, остававшиеся в Габрове, неподдельно скорбели и завидовали своим товарищам (горной батарее и батарее Куропаткина), отправлявшимся в поход. «Тут сиди без дела да плесни, а вы там понахватаете крестов!..»

Особенно в восторге были от предстоящего движения в поэтическую долину Тунджи (или роз) юные воины болгарского ополчения: они давно уже горячо рвались в бой, давно пылали благородным чувством – отомстить варварам за те страшные зверства, которые причинили они им, за смерть своих отцов, братьев, детей… Старания и труды инструкторов – наших офицеров и унтер-офицеров – не пропали даром: братушки знали свое дело прекрасно. При отряде нашем, готовящемся к походу, были два переводчика: Луцканов и Славейков. Последний, болгарский литератор, участвовал уже в первом Забалканском походе Гурко и ранее занимал пост председателя совета в Эски-Загре. Когда же войска наши отступили, то и Славейков бежал с нами. Вообще, он был заклятый враг турок, не раз сидел в тюрьме за разные патриотические воззвания, не раз бежал из заточения и скитался в горах, преследуемый заптиями[205], не раз жизнь его висела на волоске… Семья его была вся перерезана турками, он остался совершенно один и поклялся всю свою жизнь посвятить на месть вековому врагу его родины и семьи. Естественно, такой человек, хорошо знавший самые глухие места в горах и одушевленный такою фанатическою враждой к общему врагу, при известном уме и опытности, был очень дорог для отряда.

---

[205] *Заптий* (*тур.*) – турецкий жандарм.

24 декабря отряд собрался у подножия Балкан в ближайших деревнях, а 25-го, в день Рождества Христова, двинулся вперед или, вернее, вверх. Штаб Скобелева с раннего утра был уже на ногах и ожидал выхода генерала у его квартиры. Михаил Дмитриевич скоро вышел из дому и весело поздоровался с нами.

– Нам предстоит, господа, тяжелая работа, – сказал он между прочим. – Пожалуйста, приложите побольше энергии и труда… Раз мы победим здесь, нам, вероятно, не встретится уже препятствий, и мы легко займем Адрианополь, даже Константинополь!

Усевшись на коней, мы переехали через горную речку, у которой собрались части войск нашего отряда: Казанский полк, саперы и сотня уральцев Кирилова. Скобелев поздоровался с солдатами и сейчас же назначил авангард из уральцев, саперов (для продолжения хоть какой-нибудь дорожки) и одного батальона Казанского полка под общею командой адъютанта Его Высочества полковника Ласковского[206].

– Извольте занять деревню Зелено-Древо, – отдавал Скобелев инструкции, – а затем как можно скорее захватывайте главный перевал и Марковы столбы (первый перевал)… Двигайтесь как можно осторожнее, чтобы турки вас не заметили, и торопитесь завладеть возвышенностью!

Так как священника при отряде не было, то Скобелев приказал снять всем шапки и прочитать молитву.

– Ну, теперь с Богом! Дай Бог счастья! – сказал он.

Отряд стал тихо подниматься в гору. Впереди двигалась лихая сотня уральцев на своих маленьких, косматых, но крепких лошадях. Народ все это был сильный, отважный,

---

[206] *Ласковский Федор Павлович* (1842–1905) – герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-лейтенант (1896). После взятия Плевны был командирован в отряд М. Д. Скобелева.

надежный. Бравый командир их, войсковой старшина Кирилов, был действительно молодчина во всех отношениях и подавал пример своим станичникам в мужестве и выносливости. При сотне находился и упомянутый уже проводник Славейков, взявшийся провести отряд.

С каждым шагом двигаться становилось все хуже, все труднее. Особенно тяжело приходилось передним людям. Двигались, конечно, гуськом, один за одним… Лошаденки казачьи то быстро карабкались по почти отвесным скалам, то, осторожно упираясь передними ногами, постепенно сползали на задних вниз, рискуя ежеминутно свалиться в глубокую пропасть. Да и не раз приходилось видеть, как несчастное оступившееся животное вместе с всадником стремглав летело вниз в страшную бездну… Никоторые казаки, спешившись, хватались за хвосты своих лошадей, которые тащили их таким образом вверх. Снег становился все глубже и глубже, особенно в лощинах. Лошади проваливались по самое брюхо, пехотинцы вязли по колено. За авангардом двигались остальные части отряда. Скобелев всех их пропускал мимо себя, ободрял и высказывал уверенность в победе. Наконец от полковника Ласковского приехал гонец и сообщил, что деревня Зелено-Древо занята без боя, что турецкие позиции хорошо видны, но турки, очевидно, не замечают нашего движения.

– Поезжайте скорее вперед, – обратился Скобелев к ординарцу, поручику Маркову, – и скажите Ласковскому, чтобы занимал немедленно Марковы столбы!

Через несколько времени мы услышали орудийные выстрелы… Оказалось, что турки заметили, наконец, наше движение и открыли огонь. К счастью, впрочем, он не причинил нам никакого вреда, и войска наши продолжали наступление. Вдали, в турецком лагере заметен был переполох, и неприятельские колонны стали спускаться с гор в до-

лину. При первых выстрелах Скобелев летел уже вперед, с трудом обгоняя двигающиеся войска.

Позиции неприятеля, его батареи, редуты и траншеи, а также наши укрепления на Шипкинском перевале, на этих огромных горных массах, были видны довольно ясно зловещими черными и серыми линиями… По склону горы виднелись турецкий лагерь и землянки.

– Поезжайте скорее назад, – обратился Скобелев к сотнику Хоранову, – и приведите горную батарею. Хоть два орудия притащите: нужно открыть огонь по неприятельскому лагерю…

Хоранов повернул назад. Между тем наступал вечер, стало заметно темнеть. Войска прошли, проползли, прокарабкались около десяти верст по страшным кручам, по колено в снегу и буквально выбились из сил. Скобелев, видя это утомление солдат, решил остановить отряд на ночлег. Осмотрев ближайшую местность, он отыскал довольно глубокую долину, которая скрывалась от неприятельских взоров густым лесом. Вот здесь-то он и решил расположить отряд бивуаком. Начальник штаба Куропаткин обозначил место для каждой части войск, и вскоре эта мертвая долина, где, кроме диких зверей, едва ли бывало прежде живое существо, осветилась яркими кострами. Мы, штабные, разбрелись по разным углам бивуака, отыскивая себе местечко поуютнее, и разбились на группы, человека по три-четыре каждая.

В одной из таких групп был я, художник Верещагин (Василий Васильевич) и корреспондент «Нового Времени» Немирович-Данченко (Василий Иванович). Расчистив до земли глубокий снег на пространстве квадратной сажени и образовав таким образом снеговую яму, мы разложили на дне этой берлоги небольшой костер и разместились возле него на ночлег под открытым небом. Конец декабря и мороз давали себя чувствовать. Ноги сильно коченели, озноб про-

хватывал насквозь. Из теплой одежды, кроме обыкновенного офицерского пальто и бурки, у меня ровно ничего не было, по свойственной мне беспечности. Сотоварищи мои по ночлегу чувствовали себя, кажется, тоже не особенно хорошо и тепло, потому что были угрюмы, не разговорчивы, как обыкновенно, усиленно подбрасывали только в костер сырое дерево и совали свои ноги чуть не в самый огонь. Конечно, после пружинных матрасов, после роскошного номера где-нибудь в бельэтаже, очутиться в такой обстановке не особенно приятно!

Несмотря на такую неблагоприятную обстановку, я уснул скоро крепким сном, укутавшись в свою бурку. Сожители же мои, как оказалось потом, не будучи в состоянии уснуть от холода, продолжали усердно подбрасывать дрова в костер, и постепенно тем увеличивали его размеры. Во время сна я раскрылся, и бурка моя очутилась у самого костра. Не отличая ее в темноте от земли, господа волонтеры стали разводить огонь и на ней… На заре я проснулся от сильного холода и ветра и быстро вскочил на ноги. Сожители мои по берлоге, против моего ожидания, спали в самых неживописных позах… Усталость, видно, взяла-таки свое! Дрожа от холода, я, накинув на себя бурку, направился к ближайшей яме, которую занимали товарищи мои, тоже ординарцы – Лисовский, Хоранов и Абадзиев. Они все бодрствовали и о чем-то беседовали.

– Господа, посмотрите на него! – услышал я веселый голос Лисовского и вслед за этим всеобщий смех.

– Хорош, молодчина! – продолжали раздаваться из ямы веселые замечания.

Я оглянулся на себя и тогда только заметил, что бурка моя – единственная защита от всех невзгод – совершенно обгорела позади до самой спины… Пришлось ее выбросить в самое нужное время, когда другой не достанешь ни за какие деньги.

– Черт знает что такое! – сказал я, рассматривая с соболезнованием свою бурку. – Это все господа писатель и художник наделали… Пойду ругаться с ними! Я вернулся обратно и без церемонии разбудил спавших сотоварищей.

– Что такое, в чем дело? – испугались они спросонку.

– Господа! Это свинство, черт знает что такое! – обратился я к ним. – Вы мне спалили бурку: подбрасывали слишком усердно дрова, и вот результаты – полюбуйтесь!

Те сначала было удивились, а потом давай извиняться и хохотать.

– Ну, ничего, я вам за это нарисую картину, даю слово! – пообещался Василий Васильевич.

– А я вам куплю прекрасную бурку непременно! – сказал Василий Иванович.

Но ни тот ни другой по сие время не исполнили своих обещаний. Впрочем, «никогда не поздно исправиться», и я с удовольствием готов рассчитаться с ними хоть сейчас!

Снежные вершины гор стали между тем освещаться лучами восходящего солнца, и мало-помалу бивуак наш зашевелился. Черные пятна в глубоком снегу обозначали места костров, над которыми еще в некоторых местах поднимался дым: солдатики возились со своим скудным имуществом, некоторые тщательно осматривали оружие, другие подпрыгивали на месте, стараясь согреться от утреннего мороза и ветра. Утром вернулся поручик Марков и сообщил, что перевал занят нашими войсками, которые рассчитывают удержаться на нем против неприятеля. Скобелев и Куропаткин сильно повеселели при этом известии.

Дано было приказание двигаться отряду дальше. Снова потянулись войска узкой, длинной и винтообразной лентой. Снова стали карабкаться по почти отвесным скалам, скатываться вниз, а иногда и лететь в глубокие обрывы. Движение сделалось еще более затруднительным, снег становился все

глубже и глубже, природа все суровее, негостеприимнее, число несчастных случаев – падения в пропасти людей и лошадей – все увеличивалось. Скобелев поехал вперед на Марковы столбы (так называлась позиция на главном перевале). Достигнув этого пункта, мы невольно остановились.

Чудная картина открывалась вниз, на юг, в долину реки Тунджи. Несколько десятков деревень виднелось вдали, разбросанных там и сям в живописной Долине Роз. А прямо под ногами, на громадном протяжении, тянулся скат – местами совершенно обрывистый, местами страшно крутой. Тут сходить уже было немыслимо – нужно было просто катиться на седалище, упираясь ружьем, цепляясь за кусты и рискуя ежеминутно оборваться и сломать себе шею в глубокой бездне… Положение всадников, которые тащили своих лошадей в поводу, было еще хуже: нужно было беречь и себя, и своих боевых товарищей.

Осмотрев местность, Скобелев приказал полковнику Ласковскому двинуться немедленно с занимаемых позиций и решительно дебушировать в долину Тунджи против расположившегося там противника. Один батальон Казанского полка (полковника Завадского[207]) храбро повел наступление, но, встреченный убийственным огнем значительно сильнейшего противника, батальон остановился и залег на неудобной позиции. Атакованные же, в свою очередь, со всех сторон массами турок, бойцы наши принуждены были отойти назад, оставив на месте несколько человек убитыми[208].

Отступившие с Ласковским казанцы залегли снова на близлежащих высотах и были тотчас же окружены с трех

---

[207] *Завадский Виктор Валентьевич* (?–1901) – участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командир 64-го пехотного Казанского полка.

[208] Турки варварски отрубили им головы. Эти головы мы нашли после взятия Шейновского редута в их же собственных башлыках. (*Примеч. автора.*)

сторон турками, которые, в значительных силах, удобно применившись к местности, открыли сильный огонь по нашему несчастному батальону с 300–400 шагов. Уже несколько гонцов было прислано к Скобелеву от Ласковского с донесением о критическом положении батальона и с просьбой о подмоге. Но генерал не мог помочь – не было чем! Войска, как известно, могли двигаться по глубокому снегу и убийственному пути крайне медленно, один за одним, и каждая рота даже собиралась чрезвычайно долго. Наконец явился еще посланный от Ласковского.

– Ваше превосходительство! Полковник ранен, просят убедительно помощи. Никак невозможно держаться…

Генерал сильно нахмурился.

– Дукмасов! – обратился он вдруг ко мне, – поезжайте сейчас туда и узнайте подробно, что там делается!

– Слушаю, ваше превосходительство! – отвечал я и ударил плетью коня.

С величайшим трудом добрался до этого батальона. Я ехал прямо, кратчайшим, хотя зато самым опасным путем. Пули сотнями свистали возле меня, впивались в землю, визжали под самым ухом, но меня не цепляли. А тут еще эти постоянные обрывы, пропасти, эти ужасные подъемы и спуски. Предполагая, вероятно, во мне какого-нибудь начальника, турки направили в меня самый убийственный огонь… К счастью, ни я, ни конь мой не были ранены. Я благополучно добрался до нашего батальона и доложил Ласковскому, что генерал прислал меня узнать о положении дела.

– Что ж, вы сами видите, что у нас делается: с трех сторон мы окружены неприятелем, солдаты еле держатся, я ранен… Словом, то же, что я докладывал раньше! Пожалуйста, сообщите обо всем генералу и попросите его прислать хоть несколько рот!

Я повернул коня назад и, провожаемый таким же свинцовым дождем, благополучно добрался до Скобелева.

– Ну что, как там? – нетерпеливо обратился он ко мне.

– Плохо, ваше превосходительство, – отвечал я. – Ласковский легко ранен, солдаты сильно напуганы и видимо деморализованы. Батальон потерял много людей, несколько офицеров убито и ранено. Ободренные турки дерзко наседают с фронта и флангов!

– Черт знает что такое! – проговорил сердито, сквозь зубы, Михаил Дмитриевич. – Что, есть у нас хоть какое-нибудь подкрепление? – обратился он к стоявшему тут же Куропаткину.

– Ничего нет! – отвечал последний. – Собравшаяся рота двинута на левый фланг против показавшихся там турок… Теперь собирается рота казанцев, но не готова еще. Ужасно медленно и тяжело: поодиночке ведь спускаются!..

– Ну, в таком случае, – обратился Скобелев решительно ко мне, – ведите меня к авангарду!

Я поехал вперед. За мною следовали Скобелев, Куропаткин, Баранок и десять человек казаков. Проехав некоторое расстояние, мы очутились на довольно открытой местности и попали под сильный неприятельский огонь. Такая цель, как дюжина всадников, была, конечно, довольно заманчива… Один из казаков сразу же был подстрелен, нам грозила та же участь…

– Ваше превосходительство, нам лучше здесь спешиться, – обратился я к генералу, опасаясь за его жизнь.

– Что вы глупости говорите, поезжайте вперед скорей! – отвечал с раздражением генерал.

Наконец мы доехали до левого фланга позиции батальона. Солдаты лежали на гребне горы, за кустами и складками земли, и изредка стреляли в неприятеля. Они посмотрели на нас как-то испуганно, безучастно.

– Здоро́во, братцы! – крикнул Скобелев.

К удивлению, солдаты не отвечали на это приветствие любимого полководца… Учащенный свист неприятельских

пуль над нашими головами был только ответом на эти слова. Скобелев несколько смутился, хотя не показал виду и, только сильнее пришпорив коня, въехал быстро в самую середину расположения батальона.

– Здоро́во, братцы! – крикнул генерал еще раз своим звучным, громким голосом, и вся воинственная фигура его на коне представляла собой в эту минуту какую-то особенную, торжественную позу.

– Здравия желаем, ваше превосходительство! – ответило несколько десятков голосов, но ответило как-то вяло, нерешительно, точно боясь этим криком своим навлечь на себя новое наступление врага.

– Охотники, ко мне! – крикнул снова Скобелев.

Человек 20 солдат (кажется, из 3-й роты) встали с земли и медленно подошли к генералу, переглядываясь между собой. А турки в это время особенно участили свой огонь по нашей группе.

– Дукмасов, – обратился снова генерал ко мне. – Возьмите вот этих людей – и отбросьте во что бы то ни стало левый фланг неприятеля… Я вас прошу это сделать непременно.

Турки, как мною упомянуто было, охватили расположение нашего батальона с трех сторон (в виде подковы) и особенно приблизились своим левым флангом к нашему правому, охватив его в то же время, так что расстояние до неприятеля в этом месте было никак не более 300 шагов. Кроме того, турки хорошо прикрывались в кустах и в командующих горах.

Получив категорическое приказание от генерала, я слез с коня и со своей маленькой командой охотников двинулся в горы, решив незаметно подкрасться к левому флангу неприятеля и в то же время обойти его.

– Смотрите, молодцы, дружнее напирайте на басурман, да метче стреляйте! Хоть вас и 20 человек только, но я буду

называть вас ротой… Мне не в первый раз эту сволочь выгонять… Главное, храбрее! – ободрял я по дороге своих солдатиков, которые видимо уже подбодрились и даже с шуточками и остротами пробирались, сильно нагнувшись, через густой кустарник. Подкравшись незаметно на близкое расстояние к левому флангу неприятеля, загнутому вперед, мы открыли внезапно сильный и частый огонь и двинулись вперед с таким ужасным криком «ура», что турки, не видя вследствие кустов наших сил и предполагая, что против них здесь действует более или менее значительная часть, стремглав бросились удирать вниз, в долину. «Ура, ура!..» – орали мы и, как угорелые, гнались вдогонку за ошеломленным врагом… Воспользовавшись тем эффектом, который произвел мой неожиданный обход, и распаленный успехом, я решился ударить во фланг расположения всего неприятельского отряда, хотя этого мне и не было приказано. Не давая им опомниться и поддерживая на бегу частый огонь, мы с криком «ура» начали быстро теснить врага по всему фронту, двигаясь, таким образом, впереди и параллельно расположения нашего батальона.

Неожиданность, кусты (скрывавшие силы моей слабой команды), бегство левого фланга неприятеля и, наконец, наша дерзость помогли нам и здесь. Я с радостью увидел, как красные фески одна за другою вскакивали с земли и из-за кустов и быстро катились вниз, в долину… А за этими одиночными трусами повалили уже целые кучки, десятки, сотни… Все это стремглав, перегоняя друг друга, в самом хаотическом беспорядке и, очевидно, в паническом страхе от нашего внезапного появления и флангового огня, бежало, летало и катилось вниз, в долину Тунджи, провожаемое дружными залпами моих обрадованных молодцов… Победа была за нами: турки поспешно оставили все свои позиции и в беспорядке бежали вниз к деревне Иметли. Я ни на шаг не

отставал от них, не давал им опомниться и по пятам бежал за мелькавшими впереди фесками. Несколько человек по дороге мы докололи штыками. У одного легкораненого, который хотел выстрелить в меня из-за куста, я вырвал ружье и его же собственный штык всадил ему наполовину в живот… Тот ужасный, глубоко страдальческий взгляд, который он бросил на меня, расставаясь с жизнью и конвульсивно хватаясь руками за окровавленный штык, долго потом чудился мне и не давал по ночам покоя. Я бросил ружье и с шашкой в руках побежал дальше… И здесь мой клинок впервые отведал мусульманской крови!

Спустившись вниз за бежавшим неприятелем, мы (т. е. охотники) временно заняли деревню Иметли, но затем отошли несколько назад и расположились на возвышенности в углубленной дороге, к северу от деревни, провожая залпами отступавшего врага.

К юго-востоку от того места, где расположился я с охотниками, и в расстоянии около полуверсты находился небольшой лесок, где, вероятно, поместилось турецкое начальство и откуда постоянно скакали к войскам гонцы. Не успели мы сделать несколько залпов, как увидели выехавшего из этого леска всадника (оказавшегося потом офицером), скакавшего на красивом гнедом коне по направлению к деревне Иметли, к отступавшему неприятелю. Так как путь его лежал мимо нас, то мне сильно захотелось не допустить его до места назначения.

– А ну-ка, братцы, давайте-ка этого черта снимем с коня… Лошадь дарю вам, – сказал я.

– Целить на 250–300 шагов.

Всадник скакал полным марш-маршем, сильно пригнувшись на седле, как раз против нас. «Рота – пли!» – скомандовал я. Последовал дружный залп. Лошадь сделала еще отчаянный прыжок и вместе с всадником повалилась на бок. Оба более уже не вставали.

– Эх, ваше благородье, жаль, – сказал один из солдат, – за что ж коня-то убили – хорошая лошадь была!

Не прошло и двух минут, как мы увидели другого всадника, выехавшего из того же леса по тому же направлению. Вероятно, и этот ехал с тем же приказанием, как и первый.

– Вон еще, еще, ваше благородие! – обрадовались мои охотники и стали быстро готовиться к новому залпу.

– Да лошадь не бейте, братцы. Лучше заберем себе! – говорили они друг другу.

Всадник (это был тоже офицер) снова поравнялся с нами… Новый залп, и новые две жертвы – животное и человек.

– Ах ты, Господи! – соболезновали солдатики, – опять лошадь убили!

– Ну это, братцы, не я, – заметил один, – я ему в башку прямо целил!

– А попал в хвост! – сострил кто-то.

Более гонцов уже не было, потому что и других, наверное, постигла бы такая же участь.

Горы были совершенно очищены от турок. Войска их разбежались по всей долине. О результатах своих действий я донес письменно Скобелеву и просил подкрепления и патронов, так как все они были выпущены. Донесение это, написанное на клочке бумаги и на спине одного из солдат-охотников, я послал с ним же к Скобелеву. Через несколько времени на смену мне явилась целая рота штабс-капитана Повало-Швейковского, который сообщил, что мне с охотниками приказано вернуться к батальону.

– Ружья вольно, шагом марш! – скомандовал я своей маленькой, но лихой команде, и вскоре вернулся на наши позиции.

– Ну, братцы, теперь я должен с вами расстаться, – обратился я к охотникам. – Спасибо вам от души за ваш молодецкий подвиг, благодаря которому турки очистили свои

крепкие позиции. Генерал Скобелев видел вашу службу и не забудет ее. Я же со своей стороны попрошу генерала, чтоб он походатайствовал перед Главнокомандующим о награждении вас всех Георгиевскими крестами… Ну, прощайте еще раз, будьте здоровы!

– Счастливо оставаться, ваше благородие, покорнейше благодарим. И вас пусть хранит Господь! Жаль, что нас покидаете: с таким начальником мы никого не боимся! – кричали они мне вслед, и эти простые солдатские голоса глубоко запали мне в сердце. Видно было, что они действительно полюбили меня за эти несколько часов между жизнью и смертью и расставались со мной с искренним, неподдельным сожалением… Это не то, что те громкие, витиеватые фразы, которые произносятся на торжественных обедах при проводах любимого начальника! Там все поддельно, искусственно, все соображено, взвешено… Здесь же – вся простая, неиспорченная душа выворачивается наизнанку…

Отыскивая Скобелева, я встретился с полковником Ласковским (раненым) и Завадским (командиром батальона), которые стали крепко жать мне руку и горячо благодарить за разбитие турок… Офицеры тоже наперерыв изъявляли мне свое удовольствие по поводу победы.

– Ну, вы их ловко отделали! Ведь, как бараны, покатились они, подлецы, вниз после вашего натиска… Мы вам аплодировали с позиции.

Солдаты указывали на меня пальцами… Конечно, все это не могло не льстить, не щекотать моего самолюбия!

Наконец, я увидел Михаила Дмитриевича и подошел к нему.

– Приказание вашего превосходительства я исполнил в точности! – сказал я, взяв под козырек.

– А, здравствуйте, Дукмасов! Ну, спасибо вам великое, голубчик! – сказал радостно Скобелев, горячо обнимая и целуя

меня. – Еще раз, очень, очень вам благодарен! Поздравляю вас Георгиевским кавалером!

Не могу передать то приятное ощущение, тот прилив радости, который почувствовал я при последних словах генерала. Нужно быть самому воином, любить военное дело и бывать в боях, чтобы понять это хорошее, счастливое чувство! Его можно сравнить, и то отчасти только, с тем чувством, которое испытывает юнкер или офицер после тяжелых и долгих трудов, добивающийся права на офицерские погоны или на академический значок. Кажется, что тут особенного – надеть на грудь этот маленький беленький крестик! Прав особенных он не дает, материальных выгод тоже. И как много мы видим людей, украшенных этою высшей воинской наградой, в самой ужасной жизненной обстановке, в нужде, в лишениях… И все-таки как гордятся они этим крестиком, который составляет для них почти единственное утешение в их тяжелой жизни и который они не уступят ни за какие сокровища, как бы ни было безвыходно их положение!

И чем тяжелее достается эта награда, чем более потеряно здоровья, более потрясена нервная система, более пережито страшных, роковых минут, тем дороже и милее становится для него этот крестик… Он делается самым дорогим другом для этого человека, с которым последний не расстается уже во всю земную жизнь, до самой гробовой доски… Невоенному человеку, может быть, покажется несколько странным эта слепая привязанность к неодушевленному предмету, но истинный сын Марса, я уверен, поймет меня и согласится со мною.

Однако я отвлекся от рассказа. Итак, Скобелев поздравил меня с Георгиевским крестом, а вслед за ним стали поздравлять и все товарищи мои. Хотя право выдавать награду зависело от Главнокомандующего и Государя, но все мы знали, как высоко тогда стояли фонды Скобелева при главной

квартире, и потому не сомневались, что просьба генерала будет непременно уважена.

– А где же Алексей Николаевич? – обратился я к товарищам, не замечая присутствия нашего доброго и любимого начальника штаба.

– А, ты не знаешь… – сказал Лисовский, и веселое лицо его сделалось сразу серьезным. – Представь, он, бедняга, ранен, и довольно серьезно! Марков повез его в Габрово. Это было в то время, когда ты с охотниками пошел в атаку на фланг. В свите у нас убито несколько казаков и лошадей, а мы, как видишь, целы! Ну, а ты как – рассказывай!

Новость эта болезненно отозвалась в моем сердце. Потеря Куропаткина сильно подействовала на Скобелева. Чело его нахмурилось, он сделался молчалив, раздражителен и как-то весь ушел в себя. Лишиться вообще дорогого, полезного помощника и вместе человека – товарища и друга, было тяжело, а тем более в такое критическое время.

Куропаткин был его правая рука, его ближайший советник, который не раз сдерживал Скобелева в его подчас слишком смелых, рискованных предприятиях. Куропаткин был, пожалуй, не менее храбр, чем Скобелев, хотя и не обладал такою импозантностью, не мог так увлекать солдат в бою, так электрически действовать на массу. Но он был, бесспорно, более осторожен, благоразумен и более спокоен – качества, крайне необходимые для крупного военного начальника. Скобелев поверял Куропаткину все свои тайны и нередко горячо спорил с ним, причем Алексей Николаевич спокойно и хладнокровно, со своей обыкновенной улыбкой, которая постоянно светилась в его умных, блестящих глазах, возражал Скобелеву, стоял на своем и часто заставлял генерала соглашаться с ним. Вообще, Скобелеву, с его пылкою, увлекающеюся натурой, было положительно необходимо иметь такого человека, каким был Куропаткин. Скобелев сам,

казалось, это чувствовал и сознавал тяжелую утрату такого помощника и советника в это горячее время…

К востоку от той тропинки, по которой гуськом двигались наши солдаты, находилась небольшая гора, занятая турками, которые устроили на ней траншею и стреляли по спускавшимся с гор войскам, причиняя им немалые потери (расстояние было довольно незначительное – около полуверсты). Чтобы избавиться от этой несносной трескотни, Скобелев приказал сотнику Хоранову с полуротой солдат захватить упомянутую траншею ночью, когда стрельба обыкновенно прекращалась. Спустя некоторое время после того, как стемнело, от Хоранова было получено донесение, что упомянутая высота им занята.

Тяжелый день 26 декабря близился к концу. Солнце давно уже зашло за горы, в воздухе стало гораздо холоднее, темнота быстро увеличивалась, и отдельные выстрелы раздавались все реже и реже. Скобелев со своим штабом расположился на ночлег в одном из ближайших оврагов, возле ручья… Холодно, сыро, а укрыться нечем – бурку мою попалили господа писатель и художник.

Движение войск с гор ночью продолжалось. И если днем они двигались так медленно, с такими неимоверными усилиями, утопая по колено в снегу, срываясь с крутых скатов в пропасти, то легко себе представить трудность движения ночью, в темноте, по совершенно незнакомой, дикой местности и вблизи врага. А двигаться необходимо было: силы наши были слишком ничтожны, нам следовало как можно скорее собраться для дружного удара с задней стороны на многочисленного неприятеля. Ночь провели мы кое-как. Я сильно мерз и несколько раз просыпался от холода, невольно хватаясь руками вокруг себя и не находя спасительной бурки…

Рано утром 27 декабря мы все вскочили на ноги, Скобелев был в числе первых. Получено было донесение, что полтора

батальона Углицкого полка успело за ночь спуститься с гор и несколько отдохнуть. Скобелев решил двинуть их вперед и заменить усталых казанцев.

– Посмотрим, как они будут действовать! – прибавил генерал. – Да поторопите, пожалуйста, горную батарею, – обратился он к кому-то. – Хотя особенной материальной пользы она и не принесет, зато нравственная будет несомненно: пехота пойдет веселее, да и турки подумают, что мы обладаем серьезными силами, и выдвинут против нас значительную часть своих войск. Радецкому и Мирскому будет тогда легче…

Становилось все светлее и светлее. Вдруг мы услышали в стороне и несколько позади сильную ружейную трескотню. Оказалось, что это стреляли турки по двигавшимся по дороге войскам из той самой траншеи на горке, которую Скобелев приказал занять ночью сотнику Хоранову и которая, как донес он, была им уже занята…

Скобелев страшно рассердился, приказал позвать Хоранова и начал его распекать. Оказалось, что Хоранов, по ошибке, занял в темноте совсем другую горку и принял ее за искомую.

– Черт знает что такое! – выругался генерал и, чтобы самому убедиться в ошибке Хоранова, поскакал к тому месту так быстро, что мы не могли поспеть за ним. Я догнал его в то время, когда он возвращался уже обратно, сильно рассерженный. Увидев меня, он сказал:

– Послушайте, возьмите сейчас полуроту солдат и выбейте турок с этой горы!..

Как раз в это время мимо нас, по дороге, двигалась 12-я рота Казанского полка.

– Здоро́во, молодцы! – крикнул им Скобелев.

– Здравия желаем, ваше превосходительство! – последовал дружный и громкий ответ.

– Откуда, ваше превосходительство, прикажете взять полуроту? – обратился я к генералу.

– А вот хоть из этой! – отвечал он, указывая на проходивших солдат…

Я поехал к роте.

– Дукмасов! – окликнул меня Скобелев. – Впрочем, возьмите всю роту… Да смотрите непременно овладейте горой!

– Постараюсь, ваше превосходительство! – ответил я и подъехал к ротному командиру.

– Господин штабс-капитан, – сказал я, взяв под козырек, как младший в чине, – генерал Скобелев приказал мне с вашей ротой выбить турок вон с той позиции… Поэтому я поведу первую полуроту в атаку, а вы со второй двигайтесь, пожалуйста, за нами в качестве резерва, и если меня отобьют, то поддержите… Местность эта мне знакома, и я проведу солдат самым удобным путем…

– Прекрасно, с Богом! – отвечал штабс-капитан.

И я немедленно с первой полуротой двинулся вперед, разомкнув ее предварительно, чтобы менее терпеть от огня. Местность к стороне неприятеля постепенно понижалась; затем следовала небольшая седловина и, наконец, довольно крутой подъем до самой вершины, где находилась неприятельская траншея.

Я заметил, что турецкие пули ложились все в определенном районе по склону горы, на которой мы стояли. Поэтому я со своими солдатами бегом пробежал это опасное место – и действительно, скоро пули стали свистать лишь над нашими головами. Все ближе и ближе ускоренным шагом, чуть не бегом, двигались мы в тумане вперед, поднимаясь к неприятельской траншее. К удивлению моему, огонь становился все реже и реже… Очевидно, защитники траншеи сочли более благоразумным заранее покинуть свою позицию, не рискуя штыками встретить нас…

Было не более пятидесяти шагов, когда я скомандовал своим солдатам «на руку!» и с криком «ура» кинулся в траншею. Штабс-капитан с остальными людьми следовал позади, в расстоянии около ста шагов. «Ура, ура-аа!» – подхватили шедшие позади нас казанцы, и вся рота, перегоняя друг друга, с одушевлением бросилась вперед. Вот, наконец, мы и наверху, в самой траншее неприятеля. Несколько смельчаков турок, стрелявших в нас почти в упор, были тут же переколоты. Остальные еще раньше удрали, и только красные фески их мелькали в отдалении между густыми кустами, в которых продолжали вспыхивать зловещие огоньки. Кроме траншеи мы захватили пороховой погреб с массой патронов, несколько ружей, ранцев, сумок и проч. Потери наши были ничтожны, сколько – не знаю наверно…

– Ну, капитан, поздравляю вас с победой! – сказал я, стоя на траншее возле убитого мною низама и пожимая от души руку довольного ротного командира. – Теперь позвольте вас покинуть: я поезду к генералу и доложу ему о нашем успехе…

Мы дружески простились. Вскоре я был возле Скобелева.

– Траншея взята 12-й ротой, ваше превосходительство, – доложил я, – турки отступили!

– Да, да, мы видели вашу лихую атаку… Сердечное вам спасибо! – и генерал крепко пожал мне руку.

Это дело было тоже упомянуто Скобелевым при представлении им меня к ордену Святого Георгия и обозначено в высочайшей грамоте.

Глава VII

Еще утром 27 декабря мы слышали с востока отдаленную артиллерийскую канонаду, которая не прекращалась в продолжение всего дня. Туман не позволял различить точно место сражения, но все решили, что это действует отряд князя Святополк-Мирского.

– Несомненно, что это Мирский действует! – говорил несколько раз Скобелев в сильном волнении. – Необходимо нам поддержать его и хоть часть сил неприятеля отвлечь на себя! Господи, как долго это стягиваются наши войска – поторопите их, пожалуйста!

Словом, Скобелев не раз в продолжение дня сердился, не раз высказывал сожаление, что не может немедленно двинуться на помощь сражающимся товарищам.

Наконец, к вечеру только 27-го около половины отряда успело спуститься в долину с гор: Углицкий полк, стрелки, болгары, казачий 9-й полк, уральская сотня и горная батарея.

Скобелев приказал немедленно же, т. е. вечером, собравшимся войскам двинуться вперед, на Шейново, и отчасти на Шипку, придерживаясь ближе к Балканам. Горной батарее приказано было выехать на позицию возможно ближе к неприятелю и, подкопав предварительно насколько можно больше хобота[209], сделать несколько залпов. Войска, пройдя некоторое расстояние по направлению к Шейново, остановились. Наступал уже вечер – темнота все увеличивалась. По приказанию Скобелева все музыканты и барабанщики торжественно сыграли зорю. Затем войска развели массу костров и отступили к Иметли, оставив на линии огней лишь аванпостную цепь.

Всеми этими мерами Скобелев хотел возможно больше напугать, обмануть турок относительно силы своего отряда и отвлечением на себя известной части неприятельских сил помочь этим Мирскому, действовавшему по ту сторону Шейново. Как оказалось впоследствии, хитрость эта достигла известных результатов, и испуганные турки отделили значительную часть своей армии против нашего отряда, а масса

[209] Задняя удлиненная часть лафета полевого артиллерийского орудия, служащая для ручной наводки на цель.

неприятельской кавалерии выдвинута была по направлению к Иметли.

Сильно измучившись физически и, главное, нравственно за тяжелые дни 26 и 27 декабря, я думал немного отдохнуть за ночь, когда поздно вечером отряд наш расположился бивуаком у деревни Иметли. Я уже предвкушал заранее сладость отдыха и высматривал только поуютнее местечко для ложа, как вдруг ко мне явился граф Келлер, исполнявший после Куропаткина обязанности начальника штаба.

– Вам Скобелев приказал сейчас же отправиться на Шипку к генералу Радецкому с важными бумагами… Генерал испрашивает приказаний у Радецкого и доносит, что завтра утром он может начать дело.

– Вот тебе и отдых! – подумал я, скорчив недовольную мину. – Граф, попросите, пожалуйста, генерала, нельзя ли назначить кого-нибудь другого вместо меня. Я страшно устал и за эти два дня положительно не имел отдыха, все время был в делах…

– Нет, генерал окончательно решил этот вопрос. Он именно и надеется, что вы, как казак, скорее выполните эту трудную задачу – пробраться ночью по горам к Радецкому и привезти к утру приказание от него.

Как ни лестны были для моего самолюбия эти слова графа, но я с удовольствием бы в то время передал эту честь кому-нибудь, лишь бы меня оставили в покое и дали отдохнуть – забыться и заснуть хоть на два-три часа… Человеку, который не испытал сильной усталости души и тела, трудно понять, как тяжело пересиливать натуру, какие нужны для этого сверхъестественные усилия… Волей-неволей пришлось снова усесться на своего усталого коня и одному пробираться по совершенно незнакомой местности к горе Св. Николая.

Перед выездом, собираясь в ночное путешествие, я столкнулся в темноте с художником В. В. Верещагиным.

– Что, собираетесь в путь? – сказал он мне, улыбаясь. – А знаете, это по моему настоянию Скобелев посылает вас на Шипку… Если воротитесь к утру, генерал обещает вам крест, а если опоздаете – арест…

Мне было не до разговоров, я торопился скорее в дорогу.

Выехал я из Иметли в девять часов вечера, когда было уже совершенно темно. С неимоверными усилиями, рискуя ежеминутно сломать себе шею, пробирался я еле заметной тропинкой через глубокие ущелья и балки, карабкался на громадные горы, скатывался в какие-то пропасти, поросшие густым лесом. Раза два я падал с лошади, раз сорвался вместе с ней в небольшой, к счастью, овраг и отделался только ушибом и ссадинами на физиономии. Но лошадь моя сильно захромала, и я принужден был оставить ее в горах на оказавшемся, к счастью, вблизи казачьем посту (казаки 9-го полка содержали здесь полевую почту), а сам пересел на лошадь казака.

Наконец, после целого ряда тяжелых испытаний и ожиданий сделаться навсегда калекой (не от пули, а от падения), я добрался, около двух часов ночи, до отряда Радецкого на гору Св. Николая. Генерал Радецкий – очень умный, симпатичный и простой человек – принял меня в своей неприхотливой и вполне боевой землянке чрезвычайно любезно, гостеприимно, напоил чаем с ромом и предложил закусить. Великое спасибо ему за этот чай с ромом, который сильно поддержал мои упавшие силы. (Кроме Радецкого, тут были еще начальник штаба его, генерал Липинский[210], и несколько адъютантов.)

– Я очень, очень рад вашему приезду! – добродушно улыбаясь, говорил генерал в то время, как я с волчьим аппетитом

---

[210] *Липинский Александр Иосифович* (1831–1882) – участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Командир 35-го пехотного Брянского полка, затем – начальник штаба 9-го армейского корпуса.

истреблял закуску. – Я сильно-таки беспокоился за ваш отряд, не получая оттуда никаких известий. Ну, слава Богу – теперь я совершенно спокоен!

– Генерал Скобелев послал вашему превосходительству еще утром донесение – не знаю, отчего оно не получено! – отвечал я. – Дорога у нас ужаснейшая. Люди и лошади буквально выбиваются из сил, и ранее вчерашнего вечера немыслимо было спуститься тем частям, которые находятся в долине близ Иметли…

Затем я рассказал подробно генералу все дела нашего отряда 26 и 27 декабря, про зорю с церемонией[211] и прочие подробности. Радецкий слушал рассказ мой, несмотря на поздний ночной час, с живейшим интересом и, в свою очередь, рассказал мне про действия своего отряда.

– Да, конечно, – согласился Радецкий, – при таких условиях трудно было спуститься скорее! Но все-таки я сильно побаивался за вас. Вчера утром еще я получил донесение от князя Мирского, в котором он сообщает про свое критическое положение и просит непременно поддержки со стороны моего отряда. «Что же касается отряда Скобелева, – пишет он, – то о нем я не имею никаких известий». Я ответил князю, что поддержу его и сделаю вылазку, чтобы привлечь на себя хоть часть неприятельской силы. Сообщил ему также, что про ваш отряд ничего не знаю, но каждую минуту поджидаю донесения… И вот, чтобы поддержать князя, я должен был решиться на атаку неприступной неприятельской позиции, – продолжал он. – Я предвидел, что все окончится неудачей, но не мог, конечно, отказать князю в этой помощи…

Да, день 27 декабря нам дорого стоил, – сказал генерал немного погодя, глубоко вздохнув, – я потерял своих лучших солдат, которые оказали буквально чудеса храбрости: им

---

[211] *Зоря* – в русской армии сигнал к построению.

пришлось двигаться в атаку узким фронтом по дороге, перекопанной в нескольких местах траншеями, через глубокие ущелья, под убийственным огнем… И все-таки они взяли три ряда этих траншей, пока, наконец, немыслимо было двигаться дальше… Полки потеряли почти две трети своих людей – и особенно пострадал лихой Подольский полк полковника Духонина…[212] Конечно, этой атакой я спас Мирского и удержал до 35 таборов, которые собирались уже на него ринуться. Видно было даже, как некоторые части турецкого войска стали спускаться с гор в долину, но потом опять поднялись вверх.

Услышав от меня, что начальник штаба наш ранен, Радецкий с неподдельным сочувствием воскликнул:

– Куропаткин ранен! Ах, как жаль, как жаль! Такой прекрасный, полезный офицер! Это большая потеря для вас!

Радецкий положительно очаровал меня своею обходительностью, простотой, доступностью и вместе умом и ясностью изложения. Всего я пробыл у благородного и симпатичного героя Шипки около двух часов. За это время необходимые бумаги были написаны, и Радецкий передал их мне. Кроме письменного приказания, генерал передал также и словесно весь план действий на 28 декабря. Получив все необходимое, я встал и раскланялся.

– Ну, до свиданья, – сказал добродушно Радецкий, пожимая мою руку. – От души желаю успеха вашему отряду. Передайте поклон мой Скобелеву! Счастливой дороги!

Было около четырех часов утра и совершенно еще темно, когда я снова уселся на коня и поехал в обратный путь. Ехать

---

[212] *Духонин Михаил Лаврентьевич* (1837–1895) – участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Командир 55-го пехотного Подольского полка; участник обороны Шипки. После войны занимал должность начальника штаба 4-го армейского корпуса во время командования им М. Д. Скобелева.

было, пожалуй, еще хуже: хотя дорога была более или менее знакома уже, но зато приходилось преимущественно спускаться или просто скатываться на задних ногах лошади. Где дорога позволяла, я, боясь опоздать, скакал во весь дух, несмотря на крайне неудобное сиденье – туго набитую подушку, где хранится обыкновенно все имущество и походное богатство казака и которую он бережет как зеницу ока. Было уже совершенно светло (часов около восьми), когда я доехал до того места, где еще ночью полетел с лошадью в овраг. Конь мой несколько оправился, и я снова пересел на него. Наконец, я спустился в долину и направился к Иметли. Еще с гор я увидел, что отряд наш уже выступал с бивуака и развертывался в боевой порядок. При этом правый фланг направлялся в обход Шейнова, очевидно с целью отрезать путь отступления туркам. Это совершенно согласовалось с видами генерала Радецкого, а потому я успокоился и несколько сдержал скакавшего все время коня…

Вдали, между войсками, виднелась группа всадников, над которой рельефно развевался белый значок. Я направился на этот знак и скоро был возле Скобелева.

– Ваше превосходительство! Бумаги от генерала Радецкого! – сказал я, передавая ему пакеты.

Генерал прочитал, поблагодарил меня за быстрое исполнение поручения и в продолжение всего дела не тревожил уже более.

Между тем войска наши продолжали наступление против неприятельской позиции, которая резко обозначалась несколькими редутами и линией траншей по обе стороны Шейново.

На правом фланге двигался Углицкий полк, в центре и на левом – стрелки, болгарское ополчение и горная батарея. Донцы находились правее угличан, а уральцы Кирилова охраняли отряд с тыла, со стороны Карлова.

Бой завязала наша горная батарея. Несмотря на ничтожный калибр, действия ее были прекрасны, и маленькие снаряды рвались в самых турецких редутах и траншеях. Неприятель энергично отвечал нам не только артиллерийским, но и сильным ружейным огнем. Вдруг один из снарядов наших ударился в неприятельский зарядный ящик, находившийся в редуте, и в то же мгновение последовал страшный взрыв… Радостный крик прогремел среди наших войск, и, воспользовавшись этой удобной минутой, они бросились в атаку на неприятеля. Атака эта, к несчастью, не имела, однако, успеха. Силы наши были еще слишком ничтожны, позиция неприятельская слишком сильна, а пространство, по которому пришлось двигаться атакующим войскам, не представляло для них ровно никакого прикрытия. На правом фланге Углицкий полк, предводимый храбрым командиром, полковником Панютиным, смело ринулся вперед… Но, встреченный страшным свинцовым дождем, который вырывал из рядов десятки жертв, он должен был остановиться и залег в одной из складок местности. Путь полка резко обозначался массой убитых и раненых, рассеянных по полю. Последние поодиночке тащились обратно, оглашая воздух жалобными стонами…

В центре и на левом фланге такая же участь постигла болгарское ополчение и стрелков Меллера-Закомельского. Хотя они и овладели неприятельским редутом, но, потеряв при этом значительную часть бойцов и сильно расстроившись, не могли удержаться во взятом укреплении и должны были отступить из редута, который снова перешел во власть турок. Видя, как наши стрелки отступают из купленного такой дорогой ценой редута, так и хотелось броситься вперед, крикнуть им: «За мной, братцы!», ворваться вновь в укрепление и прочно засесть за земляною насыпью.

Еще ранее Скобелев разослал ординарцев торопить движение остальных войск – в них была настоятельная нужда. В

то время, когда передние бойцы наши потерпели временную неудачу и принуждены были приостановить атаку, не будучи в силах двигаться дальше, подмога, в лице Владимирского и Суздальского полков, уже спешила к ним в боевую линию на выручку.

Общими силами (оставив в частном резерве два батальона) войска наши вновь бросились на неприятеля, и снова загорелся ожесточенный бой. Успех видимо склонялся на нашу сторону, и в некоторых редутах и траншеях уже показались русские кепи. Чтобы поддержать сражающихся и еще более развить успех атаки, Скобелев приказал двум батальонам частного резерва двинуться на подмогу стрелкам и угличанам, а также отправил одного из ординарцев на левый фланг, где находился Казанский полк, охраняющий наше расположение со стороны Шипки, с приказанием направиться возможно скорее упомянутому полку в общий резерв. В самый разгар этого боя на поле сражения прибыл генерал Дохтуров со своею кавалерией.

– В распоряжение вашего превосходительства я прибыл с 1-ю кавалерийской дивизией. Куда прикажете направиться? – доложил генерал Дохтуров, подъехав к Скобелеву.

– Направляйтесь, пожалуйста, скорее на правый фланг. Постарайтесь отрезать совершенно туркам путь отступления и войдите непременно в связь с отрядом князя Святополк-Мирского.

Каждая минута была дорога, и Дохтуров немедленно же поскакал приводить в исполнение приказание Скобелева. Бой между тем продолжался. Раздавалась непрерывная ружейная трескотня, частые орудийные выстрелы, со всех сторон слышались громкие, победные крики «ура». Скобелев внимательно следил за картиной боя и с одного места постоянно переезжал на другое, нимало не стесняясь тем обстоятельством, что возле него то и дело шлепались гранаты и

зарывались в землю пули. Он весь был поглощен этой мрачной картиной человеческого истребления, весь был сосредоточен на одной мысли – овладеть во что бы то ни стало этими редутами, батареями, траншеями… Победа или смерть! – иного выбора для него, казалось, не было. Это читалось в его блестящих глазах, в порывистых движениях каждого мускула его воинственного лица, в беспокойных, нервических подергиваниях поводом и ногами по бокам лошади… Еще неудача – и он сам с последним резервом ринется вперед и выйдет наверное победителем, если только какая-нибудь шальная пуля не уложит на месте этого беспокойного гения войны!

– Два батальона Казанского полка пришли в общий резерв! – доложил кто-то из ординарцев.

– Хорошо, – отвечает генерал, не поворачивая головы.

– Генерал Дохтуров прислал доложить вашему превосходительству, что он вошел в связь с отрядом князя Святополк-Мирского! – раздается донесение другого гонца.

– Слава Богу, – отвечает снова генерал, и лицо его несколько просияло.

– От князя Мирского приехал казачий офицер с пакетом!

Скобелев нетерпеливо разорвал пакет и прочел сообщение князя.

– Ну, теперь пора двигаться в решительную атаку! – сказал генерал, поднимая голову, и отдал соответствующие приказания.

Четыре батальона, поротно в две линии, с распущенными знаменами и с музыкой двинулись вперед. Этот вид стройно двигавшихся под музыку, точно на параде, русских батальонов с развевавшимися историческими знаменами, бывшими на полях Германии и Франции и получившими, почти четверть века тому назад, новое боевое крещение на бастионах Севастополя, произвел на турок положительную панику. Бросив орудия, снаряды, лагерь, они бежали на Казанлык. Но

тут их встретила кавалерия Дохтурова, и целые сотни мусульман гибли под ударами шашек русских гусар, улан, драгун и казаков. Целые таборы, видя свое безвыходное положение, бросали орудие, знамена и умоляли только о пощаде, о сохранении жизни. А с востока и севера между тем на турок сильно стали наседать войска Мирского и Радецкого, и с каждой минутой все меньше и меньше делались те роковые стальные тиски, которые крепко охватывали расположение неприятельских войск.

Турки были окружены со всех сторон – их положение сделалось критическим. Исходов было два: честный – пробиться через эту грозную стену русских штыков и шашек и хоть горсти отступить на Казанлык и дальше; позорный – выкинуть белый флаг и просить пощады и великодушия победителя! Турки выбрали последнее – это дело было им уже привычное. Скобелев только что выехал из лесу на поляну перед вторым батальоном общего резерва, который он лично вел в атаку, как его догнал сотник Хоранов, посланный генералом за батальоном Казанского полка. Еще издали он что-то кричал и махал шапкой.

– Что это он – сдурел, что ли? – сказал Скобелев, заметив жестикуляции Хоранова…

– Ваше превосходительство! На главном кургане турки выкинули белый флаг! – радостно прокричал он наконец, подскакав ближе.

– Что вы – правда ли это? Вы разве видели?

– Так точно, ваше превосходительство, ей-богу, видел! – запыхавшись и весь красный, отвечал он.

Действительно, присмотревшись, мы ясно различали на большом кургане развевавшийся белый флаг – роковой и позорный для турок, славный, счастливый для нас.

– Остановите резерв, – обратился Скобелев к батальонному командиру. – А вы, – продолжал он, обращаясь к Хоранову, – ведите меня к главному кургану.

Крупной рысью мы двинулись вперед. Стрельба против нас прекратилась, турецкие солдаты бросали оружие… Мы быстро проехали мимо палаток Красной Луны… [213] Несколько докторов (турок и англичан) вышли нам навстречу и низко поклонились Скобелеву. Наконец, мы подъехали довольно близко к главному кургану и увидели здесь несколько белых флагов.

– Поезжайте с переводчиком вперед, – обратился генерал к поручику Лисовскому, – и узнайте от Весселя-паши[214], на каких условиях он сдается.

Вскоре Лисовский вернулся и сообщил, что Вессель-паша сначала пожелал узнать, какой чин у Скобелева, и когда ему сказали, что генерал-лейтенант, то только тогда согласился на сдачу, причем вполне отдавался на милость победителя. Веселая, счастливая улыбка осветила лицо Скобелева. Мы все, конечно, вполне разделяли радость нашего полководца. «А что, – пришла мне в это время мысль, – что, если бы Скобелев был на месте Весселя-паши и в таком же критическом положении?» Я не сомневался ни на минуту, что он никогда не отдал бы своей шашки врагу, что он принял бы другое, более рыцарское решение – прорваться и, в крайности, с честью умереть, «мертвые бо сраму не имут!».

Мне почему-то думалось, что Скобелев мало того что прорвался бы, но, действуя энергично, отчаянно, одержал бы даже победу… Военная история представляет немало по-

---

[213] Сейчас этот символ носит название Красного Полумесяца. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Османская империя отказалась использовать в качестве эмблемы комитета Международного Красного Креста красный крест на белом фоне, считая, что этот символ вызывает негативные ассоциации у мусульман.

[214] *Вессель-паша* – турецкий военачальник, командующий армией, окруженной и взятой в плен русскими войсками в сражении при Шейново 27–28 декабря 1877 г.

добных примеров! Не думаю, чтобы турецкий солдат уступал в храбрости русскому при условии мужественного, энергичного и дельного начальника! Осман-паша под Плевной доказал нам это!

Между тем на нашем правом фланге и у Мирского стрельба продолжалась – им не была еще известна наша общая радость. Скобелев разослал гонцов во все стороны с известием об этом событии. Вессель-паша, глубоко вздохнув, то же сделал со своей стороны относительно турецких войск. Мало-помалу по всей окровавленной долине стрельба стала стихать. Скобелев приказал войскам своего отряда собраться у главного редута, впереди Шейново, и выстроиться фронтом к Шипке; генералу Столетову с двумя офицерами он поручил отправиться к северу от Шипки в горы и предложить сдаться тем турецким войскам, которые занимали там позицию против отряда Радецкого.

Турецкий полковник, командовавший этими войсками, отказался вступить в переговоры с генералом Столетовым и угрожал стрелять в него, если он не повернет обратно. Тогда Скобелев приказал: всем войскам, собравшимся у главного редута, с музыкой и распущенными знаменами двинуться вперед в боевом порядке по направлению к Шипке (стрелки и кавалерия находились впереди). Затем вторично послан был генерал Столетов, чтобы предупредить турок, что если они не сдадутся, то будут беспощадно разгромлены с двух сторон – с севера и с юга. Вместе со Столетовым поехал турецкий офицер от Весселя-паши с поручением передать полковнику приказание сдаться, причем упомянуть о грозной силе русских войск и бесполезности сопротивления.

Столетову же Скобелев передал и шашку Весселя-паши, которая служила бы таким образом турецкому полковнику наглядным доказательством сдачи его собратьев; затем эту шашку генерал Столетов должен был вручить начальнику

всех русских войск, оперировавших в окрестностях Шипки – генералу Радецкому.

Вскоре мы увидели с наших мест, что миссия Столетова увенчалась полным успехом: над грозными турецкими укреплениями, расположенными в горах к северу от Шипки, показалось несколько белых флагов… Радостный, победоносный крик прогремел по всей долине, шапки наши полетели высоко вверх… Это был финал нашей славной общей победы в долине Тунджи, финал триумфа наших мужественных полководцев – Радецкого, Скобелева и Святополк-Мирского! Хотя львиная доля победы приходилась, бесспорно, на наш отряд, но нельзя умалять также громадных подвигов нашего северного и восточного отрядов, хотя действия их и не были обставлены таким наружным блеском.

Скобелев был поэтом войны и умел самый кровавый эпизод боя – атаку, штурм – облечь в красивую, поэтическую форму (распущенные знамена, музыка, барабанный бой), что действует так возбуждающе на нервы сражающихся, так сильно на воображение массы. Беспристрастному историку, конечно, лучше известно, кому следует надеть лавровый венок – Радецкому, Скобелеву или Мирскому. Мое личное скромное мнение, что его вполне достойны все три славных наших полководца, и прежде всего, конечно, Радецкий. Государь так и оценил подвиги каждого из них, и Георгиевские кресты красуются на каждом из героев Шипки и Шейнова… Долго еще разносило эхо в суровых Балканах радостное русское «ура», и тяжело отзывалось оно в сердцах бросивших оружие пленных османов.

Кто не был в сражении, кто не видел перед лицом своим неумолимую смерть, кто, наконец, не испытывал горького, щемящего чувства при неудачах, поражениях, кто не плакал нравственно при виде бегущих товарищей, тот не поймет того сладостного, счастливого чувства, которое испытывает са-

мый последний рядовой при этом магическом слове «победа»… По-видимому, не все ли равно для этого ничтожного рядового – победить или сдаться в плен, назваться победителем или побежденным?! Ни в том ведь, ни в другом случае его не ожидает ничего особенного, радостного! А между тем всмотритесь в эти простые, загорелые солдатские лица: сколько в них счастья, оживления, какое невыразимое блаженство светится в этих блестящих глазах!

Нужно самому быть участником этих событий, самому пережить такие минуты, чтобы понять их, понять то сильное, радостное чувство, которое не забывается во всю жизнь… «Господи, как хорошо, как сладко жить в этом мире!» – выражает лицо каждого из победителей. И, несмотря на это наслаждение земной жизнью, предложите этим самым людям броситься опять в новый смертельный бой – и они, не задумываясь, совершенно добровольно, как звери, ринутся на новую, почти верную гибель. Странно, загадочно создан человек! Трудно понять душу его и громадное влияние на нее другой, более сильной человеческой души! Одно слово, одна фраза любимого полководца – и тысячи охотно бросаются на смерть, на страшные, мучительные пытки!

Скобелев выстроил войска покоем[215].

– На молитву, шапки долой! – раздалась его зычная команда, и головы быстро обнажились…

Теплая, сердечная молитва долго носилась над этой многотысячной толпой. Многие плакали, благодаря Творца за дарованное счастье нашему оружию, нашему царю и Родине, а потом уже за избавление от опасности и спасение жизни в этом адском, кровавом бою… Молились за павших товарищей, за оставшихся в живых, за царя, за Россию… И эта картина горячей молитвы русских православных воинов,

[215] То есть в виде буквы «П», тремя сторонами четырехугольника.

благодарящих Бога за славную победу, – тоже, наверное, живо врезалась в память каждого участника. Наконец молитва была окончена.

– Накройсь! – прозвучала новая команда по рядам батальонов, и солдаты надели шапки.

Тогда Скобелев объехал свои войска и горячо благодарил их за лихую службу, за храбрость, за победу! Величественна была эта фигура «белого генерала» на красивом белом коне, мчавшегося мимо своих победных войск. Сколько жизни и энергии виднелось в этом оживленном, умном и воинственном лице молодого отважного вождя. Сколько силы представляла собой вся эта красивая фигура героя Плевны и Шейново!

– Именем Государя, именем России, спасибо, братцы, за вашу службу! – благодарил генерал, и новое сердечное, оглушительное «ура» вылетало из рядов и огласило кровавую Долину Роз…

Этим криком русские воины выражали свою преданность обожаемому монарху и постоянную готовность броситься на новые испытания по одному Его слову. Чудную и незабвенную картину эту высокоталантливый наш художник В. В. Верещагин (свидетель всего этого) воспроизвел и увековечил для потомства в своей прелестной картине «Победа».

Духовная дань была, таким образом, заплачена. Нужно было позаботиться теперь о пополнении израсходованных физических сил, об отдыхе и еде победителей, о судьбе, наконец, побежденных (в отношении которых русский человек никогда не применял знаменитой и страшной в свое время фразы: «горе побежденному!», а напротив, насколько он беспощаден в разгар боя, настолько же великодушен и гуманен к врагу безоружному, помня русскую пословицу, что «лежачего не бьют!»), о погребении тех несчастных и неизбежных жертв, дорогой ценой которых куплена эта славная

победа, о призрении многочисленных раненых, которые рассеяны были по всему полю и давно уже молили о помощи… Словом, нужно было позаботиться о тех бесчисленных житейско-боевых нуждах, которые окружают сражающихся во все времена человеческих кровавых распрей.

Войска расположились бивуаком у Шейново, и закипела работа по устройству временного жилья и приготовлению пищи. Скобелев пригласил к себе на обед Весселя-пашу и некоторых турецких докторов. Мы же, штабные, разбрелись по разным местам искать приюта и пищи.

Ранее мы всегда продовольствовались у Михаила Дмитриевича, и не только мы, но и все лица, приезжавшие к Скобелеву по какому-либо делу, находили у него радушный прием и обильное угощение… Перед переходом же через Балканы Скобелев предупредил нас, чтобы каждый позаботился о собственном продовольствии, так как он не может нас кормить при столь неблагоприятной обстановке. Впрочем, я, несмотря на свою беспечность и безалаберность, никогда не был голоден, никогда не нуждался в еде. В любом полку, эскадроне, в любой батарее и сотне я всегда находил себе продовольствие, все любезно приглашали к себе и охотно делились своими скудными запасами…

До 31 декабря все мы почивали на лаврах: высыпались, наедались, починялись и приготовлялись к приезду Главнокомандующего, которого ожидали в последний день тяжелого, кровавого 1877 года[216]. Впрочем, это приготовление не составляло для нас труда, а напротив, скорее было радостно. Нам приятно было порадовать августейшего полководца,

---

[216] Потери Русской армии в 1877 г. составили: 15 567 человек убитыми, 56 652 – ранеными, 89 460 – умершими от ран и болезней и 1713 – погибшими от несчастных случаев и жары. Турция потеряла около 17 000 убитыми и около 60 000 человек умершими от ран и болезней; Румыния – 1350 человек убитыми.

приятно было увидеть, как он разделит с нами радость и скажет свое дорогое для нас «спасибо». Мы с нетерпением поэтому ожидали Великого князя. Раненые – наши и турецкие – были подобраны и перевязаны, убитые зарыты в землю. Долина роз вновь приняла поэтический мирный вид, и незаметно было даже, что она поглотила в себя целые ручьи русской и турецкой крови.

В десять часов утра 31 декабря отряд наш выстроился перед Шейново, фронтом к Шипке. У последней деревни находились офицеры, которые должны были предупредить отряд при появлении Его Высочества.

Около двенадцати часов дня из Шипки выехала группа всадников, впереди которых ехал Великий князь. Музыка заиграла марш. Скобелев подъехал к Главнокомандующему и отрапортовал ему. Николай Николаевич подал руку Скобелеву, затем горячо обнял и поцеловал его и поздравил со шпагой, украшенной бриллиантами. Затем Его Высочество стал объезжать войска. Он останавливался возле каждого полка, снимал фуражку и сердечно благодарил воинов за молодецкую службу Государю, за славную, лихую победу… Вновь громкое русское «ура» покатилось по Долине Роз, и это родное, сердечное «спасибо» из уст высокого полководца и от лица самого Государя было особенно дорого нам, бойцам, после целого ряда этих лишений, потерь и опасностей.

Затем Главнокомандующий поехал к войскам князя Мирского, которые стояли бивуаком близ дороги из Шипки в Казанлык, а наш отряд в тот же день направился в Казанлык, до которого было только двенадцать верст, где и разместился на квартирах. Здесь, на самом берегу Тунджи, мы скромно встретили Новый год. Каждый невольно задавал себе вопросы: что-то нас ожидает в этом новом году? долго ли еще протянется эта человеческая бойня? увенчаются ли достойной наградой наши победы? и проч. и проч.

В день Нового года отряд быстро двинулся далее. Надо было торопиться и возможно скорее достигнуть Адрианополя – турецкой Москвы…[217]

Западный отряд нашей армии двинулся, как известно, под предводительством Гурко после падения Плевны на юг, перешел Балканы с неимоверными трудами и страшными жертвами[218] у Араб-Конака, имел несколько блестящих дел на вершинах гор и у подножия их, завладел столицей Болгарии – Софией, разбил на всех пунктах турецкую армию и форсированным маршем двигался теперь на восток – на соединение с нами, по направлению на Филиппополь и Адрианополь.

Остатки этой растерзанной турецкой армии, под предводительством Сулеймана (нашего знакомого по Эски-Загре), поспешно отступали на восток, и мы боялись, что они предупредят нас в Адрианополе. Овладеть этим пунктом для нас было чрезвычайно важно: помимо его административного, политического и экономического значения он был, как нам доносили болгары, укреплен чрезвычайно солидно, и при занятии этих фортификационных построек приличными силами мы могли наткнуться на новую Плевну…

Из Казанлыка мы двинулись сначала к востоку, вдоль левого берега реки Тунджи, а затем, перейдя ее, свернули на юг, перевалили через Малые Балканы и достигли Эски-Загры. Знакомый путь, знакомые, печальные места! Каждый куст был здесь мне памятен, каждая горка наводила на то или другое воспоминание! А вот и Эски-Загры! Боже, как сильно забилось у меня сердце при виде этих жалких развалин, это-

---

[217] Город Эдирне (Адрианополь, *греч.*) с 1365 по 1453 г. – столица Османской империи.

[218] Причем главный враг явился в виде мороза, стужи и нашего интендантства, не доставившего войскам теплой одежды. (*Примеч. автора.*)

го пепелища когда-то славного, цветущего города. Живо припомнилась мне сердечная встреча и умиление жителей при виде своих – болгарских войск; счастливые дни здесь в обществе хорошенькой, стыдливой Пембы; мое участие в набеге на берег реки Марицы и разрушение железной дороги у станции Каяджик; радостное возвращение в Эски-Загру, в объятия очаровательной Пембы – все это быстро пронеслось в моей голове!

Но светлые мысли сменились тяжелыми, мрачными: вот грозные слухи о движении армии Сулеймана-паши; вот зловещие выстрелы в виноградниках, к югу от города; вот, наконец, наступление этих грозных туч, этой страшной массы турецкой армии. Ужасный неравный бой!.. «Бойцы умирали, но не сдавались!» – смело мог бы повторить Гурко знаменитую наполеоновскую фразу. Бедные юные болгарские воины! Сколько вас легло здесь, на окраине родного вам города, защищая его своею грудью бок о бок со старшими северными братьями, которые так бескорыстно пришли сюда для освобождения вас от векового рабства! Глубоко вздохнул каждый из нас, помянув этих честных бойцов, и набожно перекрестил свой лоб, пожелав им спокойной жизни там – в неведомом нам мире!

Отряд двинулся далее к юго-востоку, до станции Карабунара (на линии Ямболь – Тырново-Сейменли) и отсюда, вдоль течения реки Саллы-дере, до этой последней станции. Расстояние это – 130 верст – от Казанлыка до Тырново-Сейменли отряд прошел всего в три дня. И это после таких ужасных дел, после такого чудовищного перехода через горы! Особенно же надо было удивляться выносливости нашей пехоты. Тырново-Сейменли – пункт очень важный: здесь сходятся железнодорожные пути из Филиппополя, Ямболя и Адрианополя. Владея этой станцией, мы совершенно отрезали туркам сообщение с их второй столицей из упомянутых двух пунктов.

Впереди отряда двигалась кавалерия под командой генерала Струкова (дивизия Дохтурова, № 9 донской казачий полк); за ними, в некотором расстоянии, следовали 16-я пехотная дивизия и 3-я стрелковая бригада. Кавалерии открылось широкое поле для действия, и она вполне оправдала возлагавшиеся на нее надежды. Дерзко и смело нападала она даже на солидные пехотные неприятельские силы, преграждавшие ей путь в укреплениях, и мало-помалу один за другим переходили в наши руки турецкие деревни, города, железнодорожные узлы и проч. С каждым часом мы все больше и дальше углублялись внутрь турецкой территории, все более и более расширялся район наших завоеваний.

В Тырново-Сейменли Струков одержал блестящую победу – захватил железнодорожный мост через реку Марицу и деревню. Табор пехоты, защищавший этот важный пункт, после незначительной перестрелки стремительно бежал из редута от нашей конницы, оставив в распоряжении драгун и казаков шесть крупповских дальнобойных пушек. Струков донес Скобелеву о своей победе и, вместе с тем, просил прислать скорее пехоту, так как опасался, что из города Германлы, отстоящего от Тырново-Сейменли верст на пятнадцать, могут напасть находившиеся там четыре табора пехоты.

Скобелев сделал распоряжение о скорейшем движении нашей пехоты и сам со штабом почти без остановки проскакал от Эски-Загры до Тырново-Сейменли, куда и прибыл 3 января вечером. Здесь нас встретил Струков. Скобелев горячо поблагодарил своего друга и товарища за лихое дело и с удовольствием принял предложение Струкова отпраздновать победу ужином на вокзале. Еще ранее Струков об этом позаботился, и мы, голодные и измученные длинным переходом, с наслаждением поели прекрасно приготовленный ужин, запив его отличным вином. Весело и оживленно про-

шел этот ужин в турецком вокзале, на узле важных железнодорожных линий. Задушевные тосты, горячие пожелания и теплая товарищеская беседа соратников продолжалась далеко за полночь. Наконец, мы разошлись спать, а Скобелев со своим начальником штаба, графом Келлером, занялись делами и почти до рассвета были погружены в разные вычисления, писания и планы.

На следующий день, 4 января, Струков с кавалерией двинулся далее – на Германлы и Мустафапашу. В последнем городе, на железнодорожной станции он встретил поезд, пришедший из Адрианополя, на котором находилось двое пашей, специально командированных султаном к Главнокомандующему – для переговоров о перемирии. Паши хотели ехать далее, но Струков предложил им выйти из вагона и продолжать путь в экипаже, а поезд взял в свое распоряжение.

Хотя паши и протестовали против такого насильственного ареста их посольского поезда, но Струков отговаривался будто бы полученными им инструкциями и направил их к Скобелеву, который-де разрешит их недоразумение…

Получив обо всем этом донесение от Струкова, Скобелев вполне одобрил его действия и, вместе с тем, приказал, чтобы посольский поезд был прислан в Германлы, где в это время находился Михаил Дмитриевич. Пашей же приказал задержать до тех пор, пока он не получит разрешения от Главнокомандующего относительно пропуска их через наши войска. Конечно, это был только предлог, чтобы возможно дольше задержать их и тем временем захватить побольше неприятельской территории.

Глава VIII

В то время как Струков со своим легким и лихим отрядом так удачно действовал почти под стенами Адрианополя, в тылу его, между Германлы и Хаскиоем, разыгралась маленькая кровавая драма: 5 января с частью сил своего отряда Скобелев

находился в городе Германлы, расположенном на железной дороге и вместе на Филиппопольско-Адрианопольском шоссе. Войска Гурко, овладев Софией и западной частью Болгарии и одержав целый ряд блестящих побед в долине Искера, быстро двигались на восток, преследуя разбитую и деморализованную армию Сулеймана-паши.

Последний, по предположению Скобелева, должен был направиться через Филиппополь на Адрианополь. В Германлы, таким образом, мы преграждали ему путь отступления. Ввиду всего этого, Скобелев выслал драгунов и казаков на запад к городу Хаскиою, а пехоте и артиллерии приказал занять позицию по обе стороны шоссе, фронтом на запад, и усилить ее полевыми укреплениями.

Еще 5-го вечером от разъездов было получено донесение, что близ Хаскиоя и Узунджова показались незначительные конные неприятельские части. 6-го же, часов около одиннадцати, с аванпостов пришло новое донесение, что черкесы и башибузуки показались в довольно значительном количестве, а за ними виднеется и неприятельская пехота. Войска наши между тем подтягивались к Германлы: из Тырново-Сейменли двигалась бригада стрелков, большая часть суздальцев и артиллерия.

Скобелев давно был уже на коне, объезжал и внимательно осматривал позиции Углицкого полка и артиллерии.

– Ваше превосходительство! Турки наступают – аванпосты наши отошли! – торопливо доложил прискакавший с цепи драгун.

– Хорошо! – совершенно спокойно ответил генерал. – Поторопите скорее суздальцев, – обратился он к кому-то из ординарцев.

Драгуны и казаки отошли назад и открыли место для действий нашей пехоты. Последняя встретила метким огнем зарвавшихся при преследовании черкесов и башибузуков,

и несколько десятков их слетело с коней. Остальные марш-маршем ускакали назад и спрятались за свою пехоту; а эта последняя, заняв высоту в расстоянии хорошего ружейного выстрела, открыла по нашим войскам оживленный огонь.

Турок было видно около двух таборов. Скобелев, предполагая, что мы имеем дело лишь с авангардом армии Сулейман-паши и ввиду неполного сосредоточения наших войск, решил действовать пока пассивно. Батарея полковника Куропаткина в ответ на пехотный огонь неприятеля послала ему несколько картечных гранат, и эти последние своими удачными разрывами произвели на турок такое сильное впечатление, что они без попыток даже к наступлению с нашей стороны покинули свою позицию и стали отступать.

Панютин воспользовался этим удобным моментом и двинул вперед свой полк. Угличане дружно бросились на отступавшего врага, который обратился тогда в беспорядочное бегство, провожаемый сильным ружейным и артиллерийским огнем, усеявшим все поле турецкими трупами и ранеными.

Преследуя бегущих турок и спустившись с возвышенности, мы, при повороте шоссе с севера на юг, внезапно были поражены той страшной картиной, которая открылась внизу перед нашими глазами. Дело в том, что турецкие войска, с которыми мы имели только что кровавое столкновение, прикрывали громадный обоз жителей, спасавшийся от войск Гурко и рассчитывавший достигнуть Адрианополя. По своей беспечности, прикрытие неприятельское не приняло должных мер предосторожности и совершенно неожиданно наткнулось на наш отряд. Предполагая, вероятно, что силы наши незначительны, турки вступили с нами в состязание, но увидев, что ошиблись в своем предположении, что у нас есть даже артиллерия, они стали отступать сначала в порядке, а затем, когда мы начали их теснить, бросились врассыпную,

оставив на полный произвол несчастных безоружных жителей с их громадным обозом.

Вот эта-то картина и открылась перед нашими глазами, когда мы стали спускаться с возвышенности. Далеко вдали, в долине, скакали черкесы и башибузуки. За ними, в самом ужасном беспорядке, бежала неприятельская пехота, а вслед за войсками – в паническом страхе бежали мирные жители, женщины и дети, оглашая воздух раздирающими душу криками и страшными воплями.

Громадный обоз, брошенный ими на произвол судьбы и состоявший из нескольких сот всевозможных повозок, запряженных буйволами и лошадьми, в хаотическом беспорядке запрудил все шоссе (лошади и волы стояли в нашу сторону) и не двигался с места. Здесь остались только дряхлые старики, старухи и грудные малютки, покинутые обезумевшими от страха матерями. Некоторые мальчики и девочки, бежавшие за своими родителями, падали от утомления на землю и воплем звали покинувших их близких людей. Некоторых неосторожная русская пуля укладывала навеки на месте.

Невольно каждый из нас остановился и смотрел с ужасом на эту грустную жизненную драму. За что же, думал, вероятно, каждый из нас, страдают эти несчастные безвинные жертвы – эти женщины и дети?! Чувство человека заговорило бы в самом черством, суровом сердце. И солдат наш, который более чем кто-либо отзывается на все доброе, честное и благородное, показал себя и здесь вполне рыцарем и истым христианином.

Позабыв о преследовании бегущего неприятеля, о военной славе, добыче и трофеях, он всецело отдался благородным порывам своего чуткого ко всему доброму сердца и бросился спасать несчастных малюток, защищать беспомощных стариков и старух и возвращать убегавших матерей

к их детям (но не так, как защищало турецкое войско, бросив их на произвол судьбы). Последних солдаты собрали по полю более 300 и притащили обратно к повозкам. Такое поведение наших войск просто поразило этот мирный мусульманский люд, спасавшийся от зверства северных гяуров: они ожидали от них самой лютой смерти, всевозможных мук, истязаний… и вдруг, вместо всего этого, видят самое заботливое попечение о них, теплую ласку к их детям и такое внимание, такое участие, которое едва ли и они сами применяли к ним когда-нибудь.

Когда преследование прекратилось, то старухам солдаты сами стали разводить костры и помогать готовить пищу, детей кормили сухарями, кутали их в свои башлыки, шинели и всячески старались их успокоить. Вспоминались, должно быть, каждому из них своя родная деревня где-нибудь в Черниговской или Тульской губернии, своя семья и дети! Январские морозы и холода давали себя чувствовать, хотя мы были и в долине Марицы. Много юных мусульманских жизней спасли тогда наши солдаты от смерти, которая являлась в лице мороза и стужи!

По окончании дела Скобелев высказал всем нам свое предположение, что, вероятно, это обоз Сулеймана, который сам, наверное, с войсками двигается вслед за ним.

– Он, конечно, не рассчитывает, – прибавил генерал, – что мы так скоро выйдем в долину Марицы и преградим ему путь отступления. Нам необходимо поэтому двинуться немедленно к Хаскиою и с двух сторон ударить на неприятеля: с запада – Гурко, с востока – мы. Сулейману останется тогда только сдаться…

Углицкий полк получил приказание тотчас же двигаться к Хаскиою, и весь отряд потянулся на запад. Движение Углицкого полка сопровождалось громадными затруднениями. До самого города – на протяжении тридцати верст – все

шоссе было загромождено обозом, и солдаты должны были выпрягать волов и лошадей и сталкивать каруцы и другие экипажи во рвы, чтобы иметь возможность как-нибудь пройти. По пути снова приходилось поднимать несчастные жертвы – беспомощных детей, покинутых их матерями и гибнувших, часто в одних рубашонках, от холода и мороза.

Поздно вечером Скобелев, со штабом и Углицким полком, прибыл в город Хаскиой. Тотчас же были направлены разъезды во все стороны, и особенно к Филиппополю, откуда, главным образом, и ожидался противник. Предположения Скобелева, впрочем, не оправдались. Вскоре казачьи разъезды натолкнулись на Филиппопольском шоссе на разъезды отряда Гурко (Лейб-гусарского полка) и от последних узнали, что Сулейман-паша, отрезанный за Филиппополем от Хаскиойского шоссе, отступил к юго-востоку, на город Станимаку, и здесь был окончательно разбит, потеряв всю свою артиллерию. Вскоре в Хаскиой прибыл весь Лейб-гвардии гусарский полк. От офицеров этого полка мы узнали о подробностях поражения Сулеймана и об отступлении его по горной дороге к Эгейскому морю.

Тогда Скобелев решил направиться прежним путем на Адрианополь. Войска, двигавшиеся на Хаскиой, получили приказание вернуться обратно в Германлы. Владимирскому полку приказано было двинуться в Мустафапашу и далее в Адрианополь. На следующий день мы потянулись обратно по той же ужасной дороге, окруженной этим громадным обозом с несчастными жителями, и к вечеру прибыли в Германлы.

Еще ранее мною было упомянуто, что Струков в Мустафапаше задержал поезд, на котором ехало двое пашей – послов от султана – и что этот посольский поезд, по приказанию Скобелева, был прислан в Германлы. По прибытии из Хаскиоя Скобелев поручил начальнику штаба графу Келлеру

распорядиться, чтобы на этот поезд был посажен батальон пехоты с музыкой. Струков доносил о занятии им Адрианополя и просил о скорейшей присылке пехоты, так как из Ямболя, по слухам, двигались неприятельские войска.

На этом же поезде поместился и Скобелев со своим штабом, и около двенадцати часов дня 10 января мы, в самом веселом настроении духа, по турецкой железной дороге и в неприятельских вагонах помчались на парах во вторую столицу Оттоманской империи. Особенно веселы были солдаты. Внутри вагонов и на крышах, где тоже поместились наши воины, слышались самые оживленные разговоры, смех, песни и даже пляска, откуда-то появилась даже гармоника. Как-то особенно ласкали ухо эти звуки русского народного инструмента, выходившие из вагона неприятельского поезда. Так и вспоминалась Россия, родные картины, знакомые лица. Везде счастливые, довольные физиономии солдатиков, оживленные беседы.

– Вот, брат, дождались, – говорит один молодой солдат другому, – покатают нас теперь эти басурмане. Походили-таки порядком по проклятой Туретчине – теперь нехай повозят… А за обувь да за одежу, что обносилась, – это мы с султана деньгами получим!

– Да у него, брат, ничего не осталось, – заметил другой, более солидный.

– Мы, значит, все города у него повоевали, скоро его самого в полон заберем в Константинополе. Повяжем да к нашему батюшке-царю и отправим. Чтобы не бунтовал более!

Между тем послышался свисток паровоза – и поезд медленно тронулся с места. Музыканты, по приказанию Скобелева, заиграли в этот торжественный момент «Боже, Царя храни». Все сняли шапки и с наслаждением, с каким-то особенным теплым чувством прослушали эти дорогие каждому русскому звуки народного гимна.

Все шибче и шибче двигался поезд – музыканты окончили, наконец, игру гимна. «Ура!» – крикнул в это время Скобелев, высунувшись из окна вагона, над которым развевался его красивый белый значок, и обращаясь к солдатам. «Ура, урааа!» – дружно подхватили в вагонах и на крышах, и долина Марицы, вдоль которой несся наш поезд, огласилась радостными криками русских победителей. По мере приближения к станции Мустафапаша мы стали обгонять наши обозы и войска, двигавшиеся по шоссе, и которые выступили из Германлы еще ранее.

Завидя мчавшийся поезд, на одном из вагонов которого развевался значок Скобелева, шедшие по шоссе владимирцы, узнав своих боевых сотоварищей, приветствовали их радостным «ура». Солдатики из вагонов отвечали им тем же и маханием шапок. Музыка, под влиянием такого патриотического настроения, снова заиграла «Боже, Царя храни», и «ура» владимирцев еще более усилилось.

Как раз в это время навстречу нам по шоссе ехали в экипаже те самые паши, которые были посланы султаном в нашу армию для переговоров и которые путешествовали первоначально на этом самом поезде. Теперь, по распоряжению Скобелева, Струков отправил их в экипаже в Казанлык к Главнокомандующему. Шоссе в этом месте пересекало железнодорожный путь. Экипаж их остановился, и паши невольно сделались свидетелями этой счастливой сцены своих победителей. Мне надолго врезались в память эти две фигуры турецких генералов в скромных костюмах и красных фесках, их грустные, серьезные лица и печальное выражение глаз, на которых стояли даже слезы. Они бессильны были задержать наше победное шествие и, конечно, хорошо сознавали, что, пока экипаж их дотащится до Казанлыка, мы будем уже у берегов Мраморного моря и Босфора, под стенами Константинополя. Поезд быстро

промчался мимо этих посланцев султана. Мы высунулись из окон и с любопытством провожали глазами их экипаж.

– Пока эти господа доберутся до Казанлыка, мы будем уже в Константинополе, – заметил, самодовольно улыбаясь, Михаил Дмитриевич.

– А что, ваше превосходительство, займем мы Константинополь или нет? – обратился я к Скобелеву, давно интересуясь этим вопросом.

– Конечно займем! – отвечал генерал. – Ведь у турок почти нет теперь войска. Пока-то они успеют стянуть остатки армии Сулеймана да гарнизоны Шумлы, Варны и из других мест, к этому времени мы, наверное, уже овладеем Босфором и Дарданеллами. Да, наконец, войска эти настолько теперь деморализованы, напуганы, что, конечно, не устоять против наших молодцов.

– Вы посмотрите на этих солдатиков, – продолжал он, указывая рукой на двигавшихся по шоссе пехотинцев, – какими они молодцами высматривают! Сколько у них самоуверенности в лицах, сколько энергии, твердости и энтузиазма! Их теперь ничто не остановит! Мне это выражение хорошо знакомо – это залог полной победы над врагом!.. Я сам, господа, чувствую в себе теперь избыток сил и энергии и твердо верю в удачу, в успех…

Мы вполне согласились с мнением генерала, видя перед собой эти мелькающие, веселые и оживленные лица усталых, но счастливых солдат. Поезд все ближе и ближе приближался к Адрианополю. Солнце спускалось уже к горизонту, в вагоне зажгли свечи… Мы болтали о предстоящих удовольствиях в Адрианополе, о движении к Мраморному морю, о скором заключении мира, о возвращении в Россию и т. п. Скобелев с графом Келлером и адъютантом своим, поручиком Баранком, занялся разбором бумаг, делая разные замечания и пометки на полях их.

Было уже совершенно темно, когда поезд наш вблизи Адрианополя переезжал мост, перекинутый через приток Марицы – Арда. Мост был довольно длинный и при этом деревянный и старый. Поезд двигался очень медленно и на середине моста вдруг остановился. Одновременно мы услышали сильную ружейную трескотню и, высунувшись из окон, ясно увидели вдали знакомые зловещие огоньки, вспыхивавшие в глубоком мраке.

– Что это такое, что это значит? – закричал Скобелев, с беспокойством вглядываясь в темноту.

Все молчали, и частые ружейные выстрелы были только ответом на этот вопрос. Поезд безмолвно стоял на середине ветхого турецкого моста на высоте 20–25 сажен над поверхностью горной быстрой речки.

– Ваше превосходительство! – подбежал в это время саперный офицер, ехавший в поезде (кажется, поручик Иванов). – Позвольте мне осмотреть мост – он очень ненадежный – и разузнать о причинах перестрелки!

– Да, пожалуйста, – живо ответил Михаил Дмитриевич. – Возьмите с собой человек десять солдат и узнайте поскорее, в чем дело!

Стрельба между тем постепенно затихала, и только одиночные выстрелы вспыхивали еще вдали в горах, лежавших к югу от нас. Вскоре вернулся саперный офицер и доложил, что это башибузуки с гор сделали нападение на железнодорожный мост с целью испортить его или сжечь, но казачий пост наш, оставленный Струковым для прикрытая моста, отбил огнем это нападение и заставил турок отступить обратно в горы.

Неприятное впечатление, которое временно овладело нами ввиду неизвестности и возможности провалиться в воду, быстро прошло, поезд медленно двинулся далее и скоро остановился на станции Адрианополь. Скобелев и все мы

разместились в близлежащей гостинице, и я уснул богатырским сном с полным комфортом мирного времени, в большой уютной комнате со всеми удобствами. Не хочу передавать то блаженное состояние, которое испытал я, когда, раздевшись и надев чистое белье, я улегся на мягкий пружинный матрас и, протянувшись, покрылся чистой простыней. Выше этого блаженства для меня не было в то время. Кто испытал невзгоды боевой и походной жизни, кто не снимал сапог по целым неделям, кто не проводил по-человечески ни одной ночи – спокойно, без тревог и вечных ожиданий быть разбуженным ружейной трескотней, тот поймет это блаженное, счастливое состояние. Давно я не спал так хорошо, так крепко и сладко.

Утром я был разбужен кем-то из товарищей, который сообщил, что уже прибыли наши лошади и еще несколько рот пехоты из Германлы, куда поезд наш снова совершил ночной рейс. Одевшись и напившись чаю, мы отправились в номер Михаила Дмитриевича, который был уже на ногах и возился с какими-то бумагами.

– Доброго утра, ваше превосходительство! Как почивали? – приветствовали мы нашего любимого начальника.

– Ничего, благодарю – выспался прекрасно! – отвечал он весело. – Да вот что, господа: будьте готовы – сейчас мы с войсками начнем вступать в город.

Вскоре Скобелев вышел из номера, объехал войска и поздравил их со вступлением во вторую столицу Турецкой империи… Затем музыка грянула марш, и пехота стройно зашагала по шоссе, по обе стороны которого стояла наша конница.

От вокзала собственно до города было довольно далеко – версты четыре. Местность была совершенно открытая, ровная. Город издали представлял очень красивую панораму, над которой в разных местах грациозно поднимались стройные башни белых минаретов. Возле моста через Мари-

цу нас встретила громадная толпа народа, впереди которой находилось духовенство – с крестами и хоругвями и с греческим архимандритом во главе. Тут же были депутации и от других вероисповеданий, несколько мулл от мусульманского населения и представители города с хлебом-солью. Все это встретило Скобелева, ехавшего впереди войск, с благословением и изъявлением полной покорности нашему Государю и Главнокомандующему.

Скобелев любезно принял эти депутации и от имени Его Высочества сказал, что они могут быть совершенно спокойны за порядок в городе и целостность их имущества, что русские войска не только не трогают мирных жителей, но, напротив, защищают их от всяких врагов, что правда и милость всегда сопровождают русское управление – словом, совершенно успокоил и ободрил несколько взволнованное население второй турецкой столицы. Видя перед собой эту симпатичную и красивую фигуру русского генерала, его веселость, любезность и уважение к обрядности врага, даже серьезные муллы стали улыбаться и совершенно добродушно посматривать на оживленные и довольные лица наших маршировавших солдат.

Затем мы двинулись дальше, переправились через мост и с музыкой подошли к конаку, или дворцу прежних знаменитых турецких султанов. Масса разнокалиберного люда в фесках и чалмах, в самых разнообразных пестрых костюмах толпилась на узких и кривых улицах и площадях. Тут были всевозможные народности Балканского полуострова – греки, армяне, болгары, турки, албанцы, жиды…

Православная часть населения города встречала нас с неподдельным, горячим энтузиазмом. То и дело раздавались громкие, радостные крики «Ура! Да живе царь Александру, да живе Россия!». Из окон домов высматривали хорошенькие, смуглые южные черноокие красавицы и, приветливо

улыбаясь, бросали венки и букеты в победоносных северных воинов, причем больше всего цветов приходилось, конечно, на долю симпатичного и популярного «белого генерала». Приятное чувство испытывал каждый из нас при этих овациях, при виде этих хорошеньких фигурок. Но, конечно, каждый дорого бы дал, если бы вместо всех этих незнакомых, совершенно чуждых нам лиц здесь появились наши дорогие соотечественницы, наши матери, сестры, жены, невесты…

С музыкой же вступил наш небольшой, но лихой отряд в просторный двор конака. Здесь Скобелев, приказав предварительно запереть ворота, обратился к солдатам с отеческим наставлением, как следует вести себя в неприятельском городе с многочисленным турецким населением, как честный русский воин-победитель должен относиться к мирному безоружному жителю.

– Помните, братцы! За всякий недостойный поступок – за воровство, буйство, за обиду – я строго взыщу. Пощады и снисхождения никому не будет… Смотрите же, держите себя молодцами! Жалоб чтобы не было на вас!

– Постараемся, ваше превосходительство! – отвечали солдаты, и по выражению их лиц видно было, какое сильное впечатление произвели на них слова генерала.

В конаке оставлен был караул, остальные войска расположились за городом. Для наблюдения же за порядком в городе, для патрулей, разъездов и проч. тоже назначены были особые команды.

Скобелев со своим штабом и конвоем расположился в конаке – большом двухэтажном здании, в роскошных султанских помещениях, где незадолго перед этим жил гроза Адрианопольского санджака[219] турецкий генерал-губернатор.

---

[219] *Санджак* (*тур.*) – административно-территориальная единица в Османской империи.

Мы, ординарцы Скобелева, чтобы не было скучно, заняли одну большую комнату и, немного отдохнув, отправились осматривать здание конака и надворные постройки. Чичероне[220] наш, какой-то услужливый братушка, подробно объяснял нам назначение каждой из комнат. Между прочим он провел нас и в тюрьму, где мы увидели массу всевозможных орудий пыток, которым подвергались преступники и внутренние враги оттоманского правительства.

– Это здание, – сказал наш проводник, – долго было страшилищем и пугалом всего болгарского народа. За самое пустое слово, сказанное неосторожно против турецкого правительства, за недостаточную почтительность к паше несчастного тащили сюда, мучили и истязали здесь самым ужасным, бесчеловечным образом…

Действительно, мы увидели в углу сложенные кандалы, несколько колец, вбитых в стены и потолок, к которым привязывали несчастных жертв и затем вытягивали их; еще несколько железных инструментов, только глядя на которые мороз проходил по коже, и мы с отвращением отворачивались. Слушая рассказы и подробные объяснения проводника о способах употребления этих орудий пыток, невольно воображение рисовало те ужасные картины страдания, те бесчеловечные истязания, которым подвергались здесь эти несчастные жертвы турецкой инквизиции.

– Нет, господа, – сказал кто-то из офицеров, – уйдем отсюда поскорее – ну их к черту, эти ужасы! Только нервы себе расстроишь!

Мы вышли из этого жилища страданий и отправились бродить по городу. Адрианополь хотя и вторая столица Турции – некоторым образом мусульманская Москва – в сущности, та же Мустафапаша, Хаскиой, Германлы и другие

---

[220] *Чичероне* (*итал.*) – проводник.

турецкие города, только в большем, конечно, грандиозном размере. Узкие, грязные улицы, оригинальные, довольно некрасивой для европейского глаза архитектуры дома, отсутствие приличных чистых гостиниц и кафе – все это резко бросается в глаза свежему, приезжему человеку. Словом, действительность не оправдала наших ожиданий, предположений. Все, пожалуй, хорошо, но только в турецком, восточном вкусе. Есть, впрочем, очень богатые дома, хотя с наружной стороны, со стороны улицы, они выглядят довольно невзрачно. Но зато внутри – роскошь и богатство удовлетворят самому прихотливому вкусу.

Одно бесспорно прекрасно: роскошная мечеть Селима со своими стройными минаретами, могущая смело конкурировать, в архитектурном и эстетическом отношениях, с нашим Исаакиевским собором или храмом Спасителя, и великолепные мраморные бани. Сейчас было видно, что османы любят молиться и мыться и не поскупились деньгами на отделку этих мест молитвы и омовения, имеющих притом некоторую религиозную связь. Я долго любовался изящною архитектурной работой внутри громадного мусульманского храма – мечети Селима.

Внутри же города помещается пассаж, т. е. рынок со всевозможною продажей, причем торговцы – греки, армяне и турки – как истуканы сидят, поджав под себя ноги, на столах, посреди своих разложенных и развешенных товаров. На каждом шагу продавцы разных сластей, и особенно халвы, которую жители Востока, кажется, любят так же, как в России орехи и в Малороссии семечки.

В военном отношении, собственно в военно-инженерном, немало интереса представляли устроенные вокруг Адрианополя громадные редуты: расположение их и применение к местности не оставляло желать ничего лучшего. Каждый представлял довольно сильное самостоятельное укрепление,

сооруженное из земли, камня и дерева, со всевозможными траверсами, погребами и землянками и вооруженное притом орудиями громадного калибра. Взять эти укрепления было бы очень нелегко наступающему. Местность между редутами обстреливалась сильным перекрестным огнем, а каждый из них на случай, если бы был взят, обстреливался, в свою очередь, с соседних редутов. И такие укрепления на известном расстоянии были устроены вокруг всего Адрианополя. Для обороны такого громадного укрепленного лагеря требовалось, конечно, немало войск, чего, к нашему счастью, у турок не было. Вообще, редуты эти, выстроенные по приказанию турецких властей несчастными болгарами, были гораздо сильнее плевненских и, если бы были заняты соответствующими силами, потребовали бы от нас громадных усилий для овладения ими.

Между тем войска нашего отряда постепенно стягивались в Адрианополь. С каждым часом на улицах все чаще и чаще встречались русские люди в мундирах всех родов оружия. Офицерство наше запрудило гостиницы и рестораны и щедро сыпало во все стороны свои полуимпериалы, которых накопилось довольно порядочно. Ловкие спекулянты всех национальностей уже расставили здесь свои сети, и добродушный русский воин, отлично понимая даже, что его бессовестно эксплуатируют, без всяких ссор, хотя обыкновенно и с руганью, платил за всё требуемые деньги. «А ну их к черту! Стоит заводить истории из-за каких-нибудь десяти франков!» – улыбаясь, отвечало большинство на предложение некоторых не платить сумасшедших денег.

По приходу пехоты Скобелев приказал всей кавалерии двинуться вперед на Хаскиой, Демотику, Баба-Эски и Узун-Кепри. Часть пехоты была направлена туда же, а остальная заняла адрианопольские редуты на случай внезапного нападения неприятеля.

Желая выразить свои симпатии победоносным русским войскам, вступившим в Адрианополь, иностранные консулы этого города задумали устроить в их честь бал. Уведомленный об этом, Скобелев выразил полное удовольствие и предложил даже для танцев большую залу в занимаемом им конаке. Начались приготовления. Зала была очень красиво декорирована тропическими растениями и цветами. Стены украсились портретами нашего Государя, Главнокомандующего и наследника. В ближайших комнатах устроили дамскую уборную, кабинеты для карточной игры – с зелеными столиками, столовую, буфет и проч. Меня, откровенно говоря, больше всего интересовал последний отдел, так как на паркетном поприще я почти не практиковался, да и не любил его…

Около восьми часов вечера были зажжены люстры и свечи – и зала с соседними комнатами осветилась яркими огнями. Офицерство наше, в самых разнообразных – боевых и походных, пропитанных порохом, – но отнюдь не бальных костюмах, мало-помалу наполнило залу. Впрочем, костюмы эти и длинные, часто с вентиляцией, сапоги, за которые, пожалуй, вывели бы с любого танцевального вечера, ничуть не стесняли их. Все чувствовали себя не в гостях, а как бы дома, все были в самом веселом настроении духа, оживленно болтая о предстоящих танцах, о дамском персонале, об адрианопольских красавицах. Только один Михаил Дмитриевич, раздушенный и безукоризненно одетый, представлял некоторый контраст нашим поношенным костюмам.

Любезные распорядители бала бегали по всем комнатам, суетились, хлопотали и видимо старались доставить нам побольше удовольствия. Изредка, на ходу, они перекидывались французскими фразами с некоторыми из наших офицеров, которых очень интересовало, много ли будет дам, каких национальностей, понимают ли они по-русски и проч.

Наконец, приехали консулы и именитые граждане Адрианополя – болгары, греки, армяне, французы и других национальностей. Приехали с ними и дамы и собрались все в своей уборной. Распорядители предупредили об этом Скобелева и просили открыть бал. Музыка заиграла марш, боковая дверь распахнулась… и дамы – мамаши с дочками в бальных, изящных костюмах торжественно вошли в залу. Скобелев любезно со всеми раскланялся и с любопытством, со своей постоянной улыбкой, рассматривал адрианопольских красавиц. Михаил Дмитриевич считал себя в этом деле большим знатоком и был довольно строгий критик. Барышни видимо сконфузились сначала от множества направленных на них глаз, но скоро оправились и очень грациозно стали отвечать на наши расшаркивания, а затем в свою очередь начали с любопытством рассматривать нашу группу сбившихся в кучу офицеров, почему-то совершенно оробевших перед этими юными созданиями.

За время кампании мы так одичали, так отвыкли от подобной обстановки, что на свежего, постороннего человека производили, вероятно, впечатление не образованных офицеров европейской армии, а каких-нибудь зулусов или туркмен. Жизнь в траншеях, на бивуаках, под огнем, ввиду вечной опасности совершенно закалила наши нервы и заставила позабыть об иной обстановке – мирного времени. Мы привыкли к двоякого рода удовольствиям и неприятностям: радость победы и, изредка, щемящее чувство при неудаче, поражении. Мы как бы позабыли, что есть иные наслаждения, не сопровождаемые ружейной трескотней и пушечным громом, что есть балы, театры, концерты и другие развлечения мирных дней! Да оно и понятно: когда идет вопрос о жизни и смерти, быть или не быть, то все эти мелкие житейские удовольствия естественно кажутся так ничтожны, мизерны.

Костюмы наши за долгий период кампании приняли уж слишком боевой вид и совершенно не гармонировали с

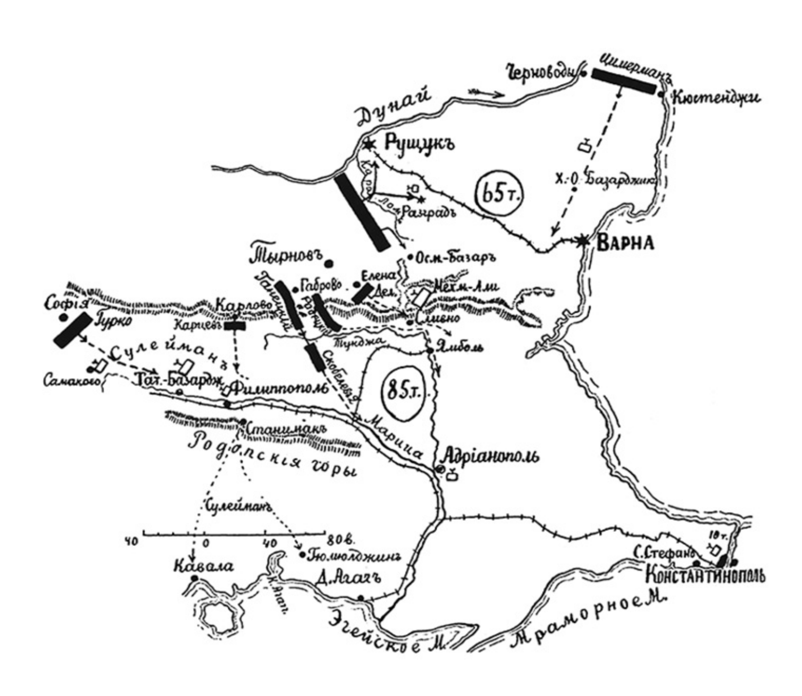
бальною обстановкой, с этими хорошенькими головками в изящных цветных костюмах. Мы с удовольствием смотрели на этот красивый дамский цветник, и самые храбрые и светские из нас чувствовали какую-то робость при виде этой группы брюнеток и блондинок в белых и розовых платьях. Я, по крайней мере, ощущал какое-то странное чувство не то страха, не то неловкости, когда мимо меня прошло несколько пар этих юных созданий и на меня пахнуло от них запахом нежных ароматических духов. Появись внезапно здесь, в зале, вооруженный неприятель, и я, без колебаний выхватив шашку, бросился бы на целый десяток вражьих штыков. А теперь вот, при виде этих хорошеньких, безвредных фигурок, у меня чуть не ушла душа в пятки… «Одичал, брат, Дукмасов, – думал я, рассматривая из-за плеча товарища изящные ножки молоденьких иностранок. – Ведь прежде, на Дону, в станице, этого со мной, кажется, не бывало!» Я взглянул мельком на окружавших меня офицеров и невольно улыбнулся, заметив странное выражение большинства лиц. Оно напоминало мне несколько выражение глаз того хищного, голодного тигра или льва, который из своей клетки посматривает на гуляющего вблизи него ягненка… или, по крайней мере, на умного и опытного сеттера, сделавшего стойку над бедным бекасом. «Пли!» – скомандовал бы Скобелев, и ни одной барышни не осталось бы в зале!

Лакеи обносили десерт и чай. Дамы сидели возле стен, тихо беседовали между собой и внимательно рассматривали нашего брата. Мы тоже перекидывались замечаниями, никак не решаясь, однако, подойти к ним. Но вот раздались нужные звуки вальса – бешеного, увлекательного танца. Мы подталкивали друг друга, но никто, однако же, не решался начинать.

– Иди проси вон ту хорошенькую брюнетку, – говорил какой-то драгун пехотному офицеру.

– Не могу, брат, – отговаривался тот. – У меня сапоги касторовым маслом смазаны. Ступай ты – ты кавалерист!

– Да, кавалерист! – засмеялся тот. – А ты знаешь, что у этого кавалериста в штанах на седалище три латки: Гессен-Дармштадт, Нассау и Мекленбург-Стрелиц! Тоже ведь уважительная причина… Да и позабыл я, ей-богу, упаду еще или шпорами платье порву! Пойдем лучше в буфет!..

Переход через Балканы русской армии в 1877 г.

Наконец храбрейшие отважились подойти к дамам. За ними рискнули покружиться и менее светские, и скоро пары довольно часто замелькали в залитой огнями зале… Затем следовала кадриль, потом полька, опять вальс и т. д. Я тоже поддался общему настроению и немного протанцевал, хотя

больше занимался наблюдениями и приятными разговорами у буфета. Офицеры наши объяснялись со своими дамами по-французски, а некоторые просто на российском диалекте с помощью, конечно, пантомим. Выходило очень забавно, курьезно и весело. Танцами распоряжался ловкий адъютант драгунского полка. Приехало еще несколько дам – их немедленно ангажировали на кадрили. Недостатка в кавалерах не оказалось.

Мало-помалу танцы так оживились, что пустились в пляску даже такие байбаки, такие медведи, которые в России и не помышляли никогда об эстетической гимнастике на паркете. Вероятно, их ободрил несколько буфет, который гостеприимно был открыт для всех. Танцы продолжались до самого рассвета. Все остались, кажется, очень довольны: и дамы, и их кавалеры, и папаши с мамашами. Последние, может быть, уже мечтали, не подвернется ли случайно женишок, русский офицер для возлюбленной дщери! Словом, бал удался вполне, и было уже совершенно светло, когда мы проводили усталых, но довольных дам, а сами разбрелись по своим койкам.

Через несколько дней после описанного бала Скобелев, ожидая Гурко, очистил для последнего конак и перешел со своим штабом в большой дом, принадлежавший какому-то паше и богато отделанный в восточном вкусе.

Со Скобелевым вне выстрелов

Глава I

Отряд наш между тем окончательно сосредоточился в Адрианополе, отдохнул и совершенно оправился после утомительных тяжелых переходов. Вскоре из главной квартиры получено было приказание – двинуться вперед нашему отряду по направлению к Константинополю и Мраморному морю. Радостно забились наши сердца при этом известии, и мы с лихорадочной поспешностью уселись снова на коней после довольно продолжительного отдыха. Несколькими колоннами быстро двинулся отряд Скобелева вперед. Часть сил направилась через города Демотику и Айрополь на берег Мраморного моря – к городу Родосто, а остальные – через Хаскиой, Баба-Эски, Люле-Бургас и Чорлу – к тому же чудному морю в города Эрекли и Силиври. Кавалерия Струкова двигалась впереди, пехота с артиллерией почти не отставали от нее и, форсированным маршем, несмотря на дурную дорогу и грязь, следовали по пятам своей конницы. Хотя войска наши двигались очень быстро, но Скобелев все торопил их, желая, очевидно, захватить до перемирия как можно большее количество неприятельской территории.

В Люле-Бургасе Скобелев получил приказание от Главнокомандующего приостановить движение в Чорлу, который в это время был занят уже кавалерией Струкова. Согласно этому приказанию, конница наша должна была приостановиться, и в этом пункте проходит демаркационная линия. В Люле-Бургасе Скобелев со своим штабом уселся на поезд, и мы снова прокатились по турецкой железной дороге до города Чорлу. Здесь опять уселись на коней и рысью доехали

до Чаталджи[221]. Путь наш от Чорлу до Чаталджи был чрезвычайно утомителен. Дорога отвратительная, попорченная турками, грязь от продолжительных дождей страшная. Проехав по шоссе от Чорлу по направлению к городу Силиври верст 25–30, мы свернули влево на проселочную дорогу и на другой день только вечером добрались до Чаталджи. По пути мы обгоняли двигавшиеся войска, которые с величайшими усилиями спешили вперед. Особенно тяжело было двигаться артиллерии: люди и лошади общими усилиями вытаскивали тяжелые орудия из глубокой грязи и этим сильно утомлялись. Ночь войска проводили тут же, на дороге, в грязи.

Чаталджа – довольно хорошенький городок в чисто восточном вкусе, т. е. с узкими, грязными улицами, но довольно порядочными домами. Скобелеву отвели квартиру в богатом турецком доме с роскошною обстановкой. Мы разместились возле него тоже с некоторым комфортом. Вскоре к Чаталдже подошла и пехота. Таким образом, мы очутились всего в расстоянии нескольких десятков верст от Константинополя – сердца империи оттоманов.

В Чаталдже Скобелев объявил всем войскам о перемирии. Назначена была демаркационная линия с тех мест, где находились наши передовые кавалерийские части. Только благодаря энергии Скобелева и его войск мы овладели с поразительной быстротой таким громадным районом неприятельской земли, встречая на каждом шагу препятствия и затруднения. В Чаталдже нам пришлось пробыть довольно долго. Скобелев получил от Главнокомандующего категорическое приказание не двигаться далее и ни в каком случае не переходить демаркационную линию, которая тянулась от бе-

---

[221] *Чаталджа* – небольшой город в современной Турции, центр одноименного района провинции Стамбул в европейской части страны, на полуострове Чаталджа, разделяющем Черное и Мраморное моря.

рега Мраморного моря у Беюк-Чекмедже вверх по реке Карасу на деревню Киржалы и озеро Деркос до Черного моря.

Река Карасу представляла для турок естественную оборонительную линию – и действительно, на левом берегу ее ясно обрисовывался целый ряд редутов, воздвигнутых на пути нашего наступления. Впрочем, согласно условиям перемирия, турки обязаны были очистить все эти укрепления и отойти за вторую оборонительную линию – за реку Ташлы-дере и расположиться между городом Кучук-Чекмеджи (у Мраморного моря) и деревней Акбу-наром (у Черного моря). Таким образом, полоса земли между реками Карасу и Ташлы-дере должна была оставаться нейтральной. Однако же турки не выполняли условия перемирия, и мы ясно видели на неприятельской позиции за рекой Карасу красные фески турецких солдат и выглядывавшие из редутов дула орудий. Скобелева это ужасно бесило, и спустя дня три по приезде в Чаталджу он решился ехать сам на неприятельскую позицию и заставить турок убраться назад.

– Господа, будьте готовы, – предупредил нас Михаил Дмитриевич, – завтра утром поедем осматривать неприятельские редуты.

И действительно, на следующий день Скобелев, в сопровождении своей свиты, начальника кавалерии отряда генерала Струкова и начальника штаба полковника Гродекова, выехал из Чаталджи по дороге к городу Кучук-Чекмеджи. Всего нас было с казаками человек пятнадцать. Проехали по дороге верст пять, и Скобелеву вдруг пришла фантазия свернуть вправо, и он напрямик поскакал к большому редуту, расположенному за рекой Карасу, на котором виднелось несколько турецких солдат, а из-за насыпи грозно выглядывали два громадных орудия.

Скоро мы спустились к реке, но переехать через нее оказалось невозможным, так как берег в этом месте был очень болотист.

– Черт знает что такое! – сказал рассерженный этим генерал. – Господа, отыщите-ка брод, где бы нам удобнее перебраться на ту сторону…

Несколько человек из нас попробовали было переправиться, но лошади наши грузли, проваливались, и мы должны были отказаться от своих попыток.

– Здесь невозможно перебраться, ваше превосходительство, – сказал кто-то из ординарцев. – Надо ехать вверх по реке версты три – там есть мостик.

– Вы бабы какие-то, а не офицеры! – рассердился окончательно генерал и решительно направил коня прямо в болото. Умная лошадь, чувствуя под ногами нетвердую почву, стала упираться, фыркать и не хотела идти вперед.

Скобелев вспылил, выругался и сильно вонзил шпоры в бока сопротивлявшегося животного. Последнее рванулось вперед, и в то же мгновение передние ноги его провалились в липкую грязь. Не будучи в состоянии вытащить их из этой тины, лошадь медленно повалилась на бок вместе со своим седоком… С трудом вытащили мы сильно сконфуженного и ругавшегося генерала из-под коня. Он в ту же минуту, не дав даже себя очистить от грязи, снова очутился на лошади, не переставая ругаться…

В это время мы увидели, что сотник Хоранов, который тоже отправился отыскивать брод, в некотором расстоянии от нас спустился к реке и, несмотря на почти обрывистый берег, перебрался благополучно на противоположную сторону.

– Ну вот видите, Хоранов нашел же переправу, – сказал Михаил Дмитриевич и поскакал к этому месту.

С громадными усилиями переправились мы вплавь на противоположный берег, причем Скобелев и Гродеков больше всех, кажется, промокли в воде и очутились, таким образом, на нейтральной полосе, где ни мы, ни турки не

имели, собственно, права находиться. До большого редута оставалось еще около полутора верст. Несколько турецких солдат, бывших в редуте, увидя нас, пустились наутек.

– Господа, догоните этих чертей и воротите, – приказал Скобелев – и несколько офицеров с казаками марш-маршем понеслись по турецкой позиции за удиравшими красными фесками. Вскоре мы доехали до редута и туда же привели пойманных и перепуганных османов.

– Скажите им, – обратился Скобелев к переводчику Луцканову, который всегда сопровождал генерала, – что они не смеют показываться здесь, на нейтральной полосе. Пусть они передадут своим пашам, что если еще будет нарушено это условие перемирия, то я со своими войсками немедленно же займу все эти редуты.

Переводчик объяснил требование генерала турецким солдатам, и они, отдав честь, обещали все это в точности сообщить своим начальникам. Затем их отпустили, и мы занялись осмотром турецких укреплений. Редут, на котором мы находились, был расположен на довольно возвышенном и открытом месте и представлял из себя весьма солидную преграду для атакующего и вместе с тем сильное прикрытие для обороняющегося. Два громадных орудия были расположены у исходящих углов и одно на середине фаса. Замков и колец в них не было – их, очевидно, увезли с собой турки. Вокруг редута были устроены в два ряда траншеи, так что атакующие подвергались трехъярусному убийственному огню.

– А что, господа, – обратился к нам Скобелев, осмотрев внимательно эти гигантские сооружения, – нелегко ведь было бы нам брать эти позиции! Укрепления очень сильные, местность открытая, да к тому же перед фронтом река с такими недоступными берегами… Еще хорошо, что мы так близко стоим к этой позиции! В случае неприятельских действий мы успеем раньше турок захватить эти редуты… Ну,

теперь, господа, – продолжал он, – поедем к Мраморному морю, к Беюк-Чекмедже. Кстати, осмотрим и остальную часть позиции.

Крупною рысью направились мы на юг, вдоль течения реки Карасу. Через каких-нибудь полчаса мы уже подъезжали к городу Беюк-Чекмедже. Чудная картина Мраморного моря все явственнее, все красивее обрисовывалась перед нашими глазами. Несколько парусных и паровых судов, маленьких лодочек и баркасов белели и чернели на зеркальной поверхности чудного южного моря. Воздух становился все свежее, все легче и свободнее дышалось. Лошади наши без всяких понуканий сами охотно неслись к этой манящей синей водяной площади.

Вот, наконец, мы подъехали к самой окраине города. Но он был как бы мертвый: все дома и лавки закрыты, на улицах не видно никакого движения… Мы ехали по узким улицам совершенно безлюдного города. И только изредка, заслышав топот наших коней, из калитки выглядывала испуганная физиономия какого-нибудь грека и тотчас же быстро пряталась обратно, а калитка крепко захлопывалась перед нашими глазами.

– Эй, братушка, – кричали мы ему, – где тука илга кофан?

Но калитка не отворялась уже и физиономия не высовывалась. Таким образом мы проехали по улицам всего города и никого не могли расспросить.

У самого моря только мы встретили несколько греков.

– Спросите у них, – сказал генерал Луцканову, – куда подевались все жители?

Греки с удивлением, с некоторым испугом даже смотрели на нас. Луцканов обратился с этим вопросом к старому носатому греку и при этом объяснил, что перед ними находится сам генерал Скобелев. Грек снял феску, почтительно поклонился Скобелеву и начал что-то объяснять переводчику.

– Он говорит, – обратился Луцканов к генералу, – что турецкие власти приказали всем жителям покинуть город ввиду того, что русские войска будут их бомбардировать, и большинство жителей действительно покинули свои жилища. Затем приказано было всем судам частных владельцев тоже прибыть в Константинополь, и для этой цели приезжало несколько турецких пароходов, которые конфисковали все, даже маленькие лодки. В случае невыполнения требования турки угрожали разорить город со стороны моря…

– Передайте ему, – сказал Михаил Дмитриевич, выслушав Луцканова, – что все это чепуха: если русские и займут город, то жителям ничего дурного не сделают. Все их имущество и они сами будут находиться под охраной русских законов. За все же, что у них возьмут, будет уплачено немедленно деньгами. Скажите им, что мы не враги, а друзья их…

Греки просияли, услышав от Луцканова слова Скобелева, и почтительно начали выражать свое расположение к нам. Старый же грек обратился к Скобелеву с просьбой заехать к нему позавтракать. Михаил Дмитриевич изъявил на это полное согласие. Мы, конечно, обрадовались этому еще больше, так как порядком протряслись и сильно проголодались.

Дом грека был почти на самом берегу моря. Мы слезли с коней и поднялись во второй этаж. Несмотря на голод, мы невольно залюбовались с балкона прелестной картиной моря и окрестной береговой полосой Чекмеджийского залива. Несколько судов стояло на якорях под испанскими и греческими флагами.

– Это что же – испанские суда? – спросил Скобелев грека.

– Нет, – ответил последний, – это суда наших же горожан-купцов. Но они, боясь конфискации, ходят под флагами других наций благодаря тому, что капитаны у них иностранцы…

Между тем подан был завтрак с хорошим красным вином, и мы с аппетитом закусили на самом берегу Мраморного моря.

– Вы заплатите ему за завтрак, – сказал Михаил Дмитриевич Луцканову.

Грек сначала отнекивался, не желая вовсе брать платы, но, увидев в кошельке у Хомичевского, который исполнял у Михаила Дмитриевича обязанность казначея, целую кучу блестящих желтеньких монет, он вдруг перестал сопротивляться и быстро спрятал в огромные карманы своих широчайших штанов несколько предложенных ему полуимпериалов. Алчная натура коммерсанта-грекоса сейчас же сказалась! Распростившись с хозяином, мы вышли снова на улицу и уселись на коней.

Сначала мы ехали по Силиврийскому шоссе, а затем свернули вправо и проселком направились к Чаталдже. После плотного завтрака и хорошего вина все были в самом прекрасном расположении духа. По дороге завязался общий разговор о роскошной природе берегов Мраморного моря, о турках, о дальнейшем нашем движении. Затем разговор перешел незаметно на лошадей. Генерал Струков, страстный кавалерист, начал расхваливать английских скакунов, превознося их выносливость и быстроту. Сам он ехал на прекрасной чистокровной английской лошади, очень дорогой, вероятно, чистенькой, изящной и выхоленной.

– Если бы ваш конь, ваше превосходительство, – заметил я генералу, – нес точно такую же службу, как наши казачьи, был так же навьючен, так плохо кормлен и так плохо присмотрен, он, наверное, не вынес бы этих невзгод…

– Да самое лучшее, господа, – прервал меня Скобелев, – давайте скакать и на практике докажем, чья лошадь возьмет!

– Прекрасно, с удовольствием, – согласились все.

Нужно заметить, что большинство офицеров в свите Скобелева были пехотинцы и лошадей имели очень незавидных.

Только у Скобелева, у Хоранова и у меня кони были довольно порядочные. Местность по сторонам дороги лежала открытая, слегка волнистая. Вправо от нас красиво извивалась речка Атчирас. До Чаталджи оставалось еще около семи верст.

– Ну-те-с, господа, приготовьтесь, – продолжал Скобелев. – Раз, два, три!

Шпоры и нагайки впились одновременно в бока наших лошадей, и мы марш-маршем ринулись вперед. Я и Хоранов скоро опередили всех и около версты скакали во главе мчавшейся во весь дух кавалькады в 15 человек. Но на второй уже версте нас обогнал Струков на своем красивом гнедом скакуне, и мы волей-неволей должны были уступить ему пальму первенства. Наконец, после трехверстной бешеной скачки мы снова собрались все вокруг Скобелева и, оживленно болтая, въехали в город.

Эти поездки и рекогносцировки составляли единственное для нас развлечение. Впрочем, из Сан-Стефано приехали как-то две довольно смазливые француженки и по вечерам распевали нам всевозможные пикантные шансонетки. Кроме нас, Скобелева со штабом, их являлась слушать и масса офицерства, полковников, командиров и даже солидных генералов. Особенно была мила одна из этих певиц – мадемуазель Жеди, и к ней очень благоволил Михаил Дмитриевич.

Так тянулась наша жизнь в Чаталдже – мирно, тихо и довольно скучно. В начале февраля пронесся слух, что скоро Главнокомандующий проедет по железной дороге в Сан-Стефано. Действительно, 11 февраля нам приказано было всем собраться на станцию железной дороги, отстоящей от города верст на десять. Сюда же прибыли все начальники частей войск, расположенных около Чаталджи, и депутаты от города с хлебом-солью.

Около семи часов вечера прибыл великокняжеский поезд. На станции Главнокомандующий был встречен Скобелевым, почетным караулом, всеми офицерами и депутацией. Ско-

белев отрапортовал Его Высочеству, вышедшему из вагона на платформу. Николай Николаевич поздоровался со Скобелевым, с высшими чинами, с почетным караулом и любезно принял хлеб-соль от депутации, а затем направился наверх, в отведенные для Его Высочества покои. Генералитет и высшее начальство направилось туда же, а более мелкий люд атаковал шатер, разбитый возле станции, в котором помещался буфет.

В свите у Главнокомандующего было довольно много моих хороших знакомых, и скоро у нас завязался самый оживленный разговор за одним из столиков, на котором, конечно, появилось несколько бутылок вина. Тема была самая животрепещущая – перемирие, Константинополь. Под влиянием выпитого вина я в споре употребил несколько крепких слов, столь свойственных русскому человеку, и совершенно не заметил, что в это время к шатру нашему подошел начальник штаба действующей армии, генерал Непокойчицкий, со своим помощником, генералом Левицким[222]. Меня кто-то толкнул. Я оглянулся, и тогда только заметил, что генералы очень косо взглянули в нашу сторону. Через несколько минут меня потребовал к себе Скобелев, которому сообщили уже о моем поведении.

– Что это вы там распустили язык? – довольно сурово встретил меня генерал. – Извольте сейчас отправиться обратно в Чаталджу, а завтра вы будете арестованы!

Оправдываться было бесполезно, и я, распростившись с боевыми сотоварищами, поехал восвояси. Дорога от вокзала в Чаталджу проходила в объезд болота, через которое напрямик, на протяжении около двух верст, устроен был для

---

[222] *Левицкий Казимир Васильевич* (1835–1890) во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был помощником начальника полевого штаба действующей армии на европейском театре военных действий; в 1878 г. временно исполнял должность начальника штаба Задунайской армии.

пешеходов мостик. «Не попробовать ли переехать через этот мостик?» – подумал я – и направил на него своего коня, хотя ширина мостика была не более $1/2$ аршин. Лошадь моя была спокойная, ловкая, и я за нее ничуть не боялся.

Какой-то пехотный офицер, ехавший тоже с вокзала в город, рискнул взять с меня пример, и горько поплатился за свою смелость. Лошадь его испугалась шедшего навстречу пешехода, шарахнулась в сторону, и всадник с лошадью очутились в болоте, в грязи… С большим усилием несколько человек вытащили их оттуда. Смешно было смотреть на перепуганного офицера, всего в грязи…

На следующий день я еще лежал в постели, как явился ко мне не помню кто из моих товарищей и со смехом объявил мне, что Скобелев приказал арестовать меня на трое суток домашним арестом.

– Домашним арестом на три дня? – удивился я.

– Не веришь, так посмотри! – сказал приятель-вестник и указал на дверь.

Я босиком вскочил с постели, подбежал к двери и отворил ее – в коридоре у порога действительно стоял часовой с ружьем в руках.

– Ну что, поверил? С тебя, брат, магарыч! – зло подшутил он.

– Что ж, это можно. Эй, принести нам вина!

Комната, где я помещался, находилась во втором этаже турецкого дома. Рядом со мной, в соседней комнате, поместился священник какого-то пехотного полка, совершенно мне незнакомый. Поп по целым дням сидел дома и пил чай. Двери моей комнаты и батюшкиной находились, таким образом, рядом. Мне вдруг пришла дикая фантазия переставить часового от своей комнаты к соседней и арестовать, таким образом, попа. Целое утро ко мне являлись товарищи, и я провел время превесело. Хохотали и острили без умолку.

Около часу дня я преспокойно вышел из комнаты, и часовой, не зная моего лица и принимая меня за гостя, беспрепятственно меня выпустил. В это время подошел разводящий, и я его уверил, что арестованный сидит не у той двери, где стоит часовой, а в соседней. Разводящей поверил и приказал часовому передвинуться на два шага вправо. Офицерство, бывшее у меня, хохотало до упаду. Через некоторое время батюшке вздумалось выйти из дому. Но только что он отворил дверь, как часовой солдат остановил его со словами: «Не приказано пущать». Перепуганный поп сейчас же спрятался обратно. Конечно, я объяснил потом разводящему свою шутку и засел снова в свою комнату.

Вечером ко мне зашел Хомичевский и сообщил, что Скобелев меня простил и зовет ужинать.

– За обедом он спросил про тебя, и Лисовский рассказал про твою проделку с попом. Сначала Скобелев ужасно рассердился, но когда ему рассказали, как перепуганный батюшка, выйдя из своей комнаты, увидел часового, который не пустил его со словами: «Не приказано пущать!», Михаил Дмитриевич расхохотался и сказал: «Этот Дукмасов вечно что-нибудь выдумает! Уберите часового от этой обезьяны и притащите его вечером ужинать!»

– Ну нет, брат, шалишь, ужинать я не пойду! – решил я разыграть роль обиженного и, действительно не пошел.

На другой день, за завтраком, Скобелев пожурил меня за поминовение родителей на вокзале и за шутку с попом, и тем дело и кончилось.

Через несколько дней я уехал в Сан-Стефано.

– Ваше превосходительство, – обратился я к генералу, – позвольте мне отправиться в Сан-Стефано!

– Это зачем? – спросил он.

– Дам проводить…

– Каких это дам?

– А француженок ваших… Как же они без кавалера отправятся!

– А вы их не съедите по дороге? Ну, поезжайте. Только, Бога ради, без историй. Да можете, впрочем, и не возвращаться: отряд наш все равно скоро туда двинется.

С некоторыми приключениями добрался я по железной дороге до Сан-Стефано, нанял себе здесь квартиру и по целым дням шатался по улицам или сидел на берегу моря. Русского люда в это время уже было здесь немало: мундиры всех родов оружия попадались на каждом шагу. Из Константинополя наехала масса коммерсантов, разных аферистов и прихвостней, жаждущих наживы, и наперерыв предлагали свои услуги. Рожи этих господ – юркие, плутоватые, антипатичные – принадлежали большей частью к еврейской, греческой и армянской национальностям. С каждым днем улицы Сан-Стефано – обыкновенно тихого дачного городка – делались все люднее, оживленнее. Всевозможные певицы, самой сомнительной нравственности, наводнили Сан-Стефано и своими завываньями в разных кафе-шантанах усердно обчищали карманы русского офицерства… И много русского золота, заработанного тяжелым трудом, лишениями и часто кровью, перешло в карманы этих недостойных, мизерных людишек.

Вскоре прибыл и Скобелев со своим отрядом. Войска расположились в деревнях, ближайших к Сан-Стефано. По заключении же мира Михаил Дмитриевич со штабом перешел из деревни в Сан-Стефано и поместился в том самом доме, где граф Игнатьев подписал мир с турками. Мы с Лисовским и капитаном Генерального штаба Мельницким заняли одну большую комнату также красивого дома, у самого берега моря. К обеду мы все ежедневно собирались у Михаила Дмитриевича, и в той самой исторической комнате, где подписана была наконец свободная жизнь болгарскому

народу, весело проводили время за вкусною трапезой. Так шло время – мирно, праздно, довольно весело, хотя и безалаберно.

Как-то за обедом (в марте месяце) Скобелев объявил нам, чтобы на следующий день мы были готовы сопровождать верхами Великого князя, который поедет с визитом к султану. Около десяти часов утра Скобелев, окруженный своими офицерами, подъехал к красивому дому Главнокомандующего. Площадь вся уже была запружена свитой Его Высочества и свитами других отрядных начальников, которые тоже должны были сопровождать Николая Николаевича. Через несколько минут на крыльце показался Главнокомандующий, поздоровался с конвоем и присутствующими офицерами и уселся на своего красивого бурого жеребца.

Во главе громадной и пестрой свиты офицеров и конвойных лейб-казаков, окруженный блестящим генералитетом, Его Высочество поехал сначала по набережной, а затем в северо-восточном направлении по устью реки Алибей-Су, вливающей свои тихие воды в знаменитый и исторический Золотой Рог[223]. Вблизи Главнокомандующего ехало тоже несколько провожатых турок в своих синих куртках и красных фесках и с ними переводчик главной квартиры – красавец Христи, высокого роста мужчина с громадными, типичными усами, в своем национальном черногорском костюме и маленькой шапочке.

Роскошная погода, легкий, прохладный ветерок с моря, чудная растительность теплого юга и очаровательные виды окрестностей древней Византии – все это действовало особенно благотворно на наше душевное настроение. «Вот бы нам этот чудный уголок!» – невольно думал я, любуясь этою величественною, грациозною панорамой исторического го-

[223] *Золотой Рог* – залив на Босфоре.

рода, потонувшего в зелени садов, над которыми в разных местах резко выделялись стройные минареты мусульманских храмов.

Главнокомандующий ехал то рысью, то шагом и весело беседовал с окружавшими его лицами. Всего до устья Алибей-Су было около 15 верст, и мы проехали это расстояние в час с небольшим. Здесь Главнокомандующего уже ожидали несколько паровых катеров с нашими моряками, на которые пересели Его Высочество с высшими чинами. Нам же разрешено было ехать верхом в европейскую часть города, т. е. в Перу. Переехав по мосту через реку Алибей-Су, я со своими товарищами и в сопровождении проводника направился по улицам Константинополя к «Отель Англетер», куда Скобелев приказал отвести и своего коня.

Заняв номера и пообедав наскоро, мы снова вышли на улицу. В комнате как-то не сиделось, тянуло на воздух, хотелось скорее осмотреть этот чудесный Царьград, который с детства еще, при изучении древней русской истории, при чтении походов Олега и набегов моих предков-казаков, рисовался в моем воображении каким-то мифическим, очаровательным уголком. Ничего особенного, впрочем, не оказалось на самом деле: обыкновенные дома, обыкновенные и довольно грязные для столицы улицы, масса отвратительных собак на каждом шагу и почти полное отсутствие жизни и движения… Вообще, издали Константинополь кажется эффектнее, грандиознее, величественнее… Главное красит его – море, Босфор и Золотой Рог!

Офицерство наше, и конвойные казаки, и драгуны буквально наводнили европейскую часть города и заняли все гостиницы, рестораны. На каждом шагу слышался звон шпор и грохот распущенных сабель по турецким мостовым, слышался оживленный русский говор и веселый смех. Можно было подумать, что этот город уже давно находится во власти северных славян!

И только турецкие солдаты-часовые, торчавшие у разных складов, арсеналов, гауптвахт, убеждали нас, что мы находимся не дома, а в гостях у исторического, религиозного врага. Других турецких физиономий почти не было видно – они точно попрятались куда от нас… Только пронырливые сыны Израиля и длинноносые грекосы шныряли в разных местах, приторно-любезно предлагая свои пошлые услуги (в расчете, конечно, на выгодный гешефт). Мы долго шатались по городу в сопровождении проводника, который подробно объяснял нам все достопримечательности столицы.

Вблизи нашей гостиницы помещалось здание русского посольства. Государственный герб наш – орлы – на воротах посольства были покрыты черною материей. Затем мы вышли на большую площадь, по краям которой находились громадные здания, которые, как объяснил проводник, составляли разные склады, арсенал, казармы и гауптвахту. Здесь же стояла батарея орудий, возле которой медленно расхаживал турецкий часовой. При нашем проходе он стал смирно и довольно неграциозно отдал честь. Здесь мы встретили еще несколько солдат и офицеров, которые очень вежливо козыряли нам. Одежда и вооружение турецких воинов отличались новизной и блеском, особенно по сравнению с нашими боевыми поношенными костюмами. Так что было даже несколько совестно за некоторых из наших офицеров, которые не успели еще обзавестись новой одеждой. Тут повторилось то же явление, как и в Бухаресте, где румынские офицеры окончательно затмили нас блеском и чистотой своих костюмов.

Затем мы направились в городской сад. Все нежные растения юга можно было найти здесь: колоссальные тополи, лавры, померанцы, кипарисы, мирты, платаны и масса ароматичных цветов… Сад спускался террасами к ручью. Посреди него устроена была красивая ротонда с рестораном, несколько беседок, фонтанов и разных украшений. Словом,

устройство совершенно европейское. Гуляющих было очень мало, и преимущественно иностранцы. Отдохнув здесь и полюбовавшись красивым видом, мы направились осматривать Золотой Рог, исходили еще несколько верст, и уже поздно вечером, нагулявшись вдоволь и налюбовавшись видами Стамбула, мы, усталые и проголодавшиеся, вернулись в свою гостиницу.

Войдя в залу, мы застали там Скобелева, который беседовал с первым драгоманом[224] русского посольства, господином Ону[225]. Разговор у них был очень оживленный, и кажется, о политике. Не мешая им, мы прошли в столовую и занялись чаепитием. Часов около одиннадцати Скобелев явился к нам в самом веселом настроении.

– Ну, господа, давайте ужинать! А знаете, – продолжал он, усаживаясь, – я совсем другими представлял себе турок! Право, они высматривают молодцами! Прекрасно одеты, опрятны, в высшей степени любезны, расторопны… Нас приняли так мило, радушно… Я очень ими доволен!

– Да что, ваше превосходительство, вы нас не взяли с собой посмотреть на этих опрятных и любезных османов? – обиженным тоном обратился я к генералу. – Вы там веселились, а мы скучали!

– Вот еще чего захотели – вас брать! – усмехнулся Скобелев. – Тогда бы мы ничего и не увидели: султан и его придворные, наверное, разбежались бы, если бы увидели перед собою такой зверинец! Да, кстати, Дукмасов, вы тут бездельничаете – я вам нашел работу: сейчас после ужина садитесь на коня и поезжайте в Сан-Стефано. Отвезете начальнику штаба (Гродекову) очень важную бумагу.

---

[224] *Драгоман* – переводчик при европейском посольстве или консульстве в странах Востока.

[225] *Ону К. М.* – драгоман российского посольства в Константинополе в 1860–1870 гг.

«Вот тебе и раз, – подумал я, – это в двенадцать-то часов ночи, в такую темень, лупить по незнакомому городу и неизвестной дороге в Сан-Стефано! Удовольствия мало!» И свое горе я начал запивать лафитом. После ужина Михаил Дмитриевич позвал меня к себе в кабинет и передал бумаги.

– Поезжайте сейчас – важное дело!

– Ваше превосходительство, позвольте мне выехать завтра пораньше. Ведь все равно я теперь буду блудить по Константинополю, не зная дороги, и до рассвета не попаду в Сан-Стефано. Наконец, начальник штаба теперь спит и ничего не сделает.

– Ну, пожалуй, – сказал генерал, – только смотрите, завтра пораньше! Ну, убирайтесь, я спать хочу!

На следующий день, в четыре часа утра, я сидел уже на коне и рысцой путешествовал по безлюдным улицам Константинополя. Спустившись с горы, я переехал по мосту через Золотой Рог и очутился в чисто турецкой части города – в Стамбуле. Не зная дороги, я решил держаться ближе к Мраморному морю. Улицы были узкие, кривые, дома большей частью деревянные и ветхие, в два и редко в три этажа. Попадавшиеся мне навстречу турки останавливались и с удивлением и любопытством смотрели на русского офицера, который в такой ранний час забрался в самый центр турецкого населения. В конце одной из улиц я увидел громадное здание и большие своды. «Ага, вероятно, это та знаменитая стена, – решил я про себя, – которая окружала в старину Царьград и защищала его от вторжения варваров. А эта арка принадлежит, должно быть, историческому Семибашенному замку, куда рассерженные султаны сажали послов европейских держав!»

Под аркой стоял турецкий часовой с ружьем и. прислонившись к стене, сладко спал. Я проехал как раз мимо него, лошадь моя даже фыркнула, но часовой не проснулся. Проехав под аркой, я очутился на большой квадратной площади,

которая со всех сторон была окружена сплошным трехэтажным зданием под одной крышей. Площадь была вымощена плитами и совершенно пуста. Напротив виднелась тоже арка.

– Черт возьми! Уж не забрался ли я в султанский сераль[226] – он, кажется, где-то в этом месте.

Я направил коня дальше и въехал во вторую арку. За нею оказалась вторая площадь, поменьше первой, тоже совершенно пустая. С правой и с левой стороны этой площади виднелись снова две небольшие арки. «Куда же ехать? – размышлял я, – как бы ни попасться каким-нибудь фанатикам. Зарежут, канальи, как собаку». Но только что я повернул коня вправо, как услышал позади себя страшный крик. Оглянувшись, я увидел человек десять турок, которые бежали ко мне и, размахивая руками, что-то неистово кричали.

– Вам чего, черти? – обратился я к ним, останавливая коня. Вместо ответа они окружили меня со всех сторон, схватили под уздцы мою лошадь и все вместе что-то загалдели.

– Не сметь трогать лошадь! – закричал я на них и крутым поворотом освободил коня из их рук.

Они подались назад, но, видимо рассерженные, стали орать еще неистовее, жестикулируя сильно руками. Не понимая ни слова по-турецки, я, тем не менее, из чувства самосохранения внушительно погрозил им своею солидною плетью и несколько раз произнес название «Сан-Стефано», показывая рукой по направлениям этого пункта.

Угроза, очевидно, подействовала, потому что они видимо присмирели и более спокойным и вежливым тоном начали объяснять пантомимами, что я должен ехать назад. Я сообразил, что, вероятно, заехал не туда, куда следует, и, поворотив коня, шагом направился обратно, сопровождаемый всей пешей ватагой турок. Два из них побежали вперед, в здание,

---

[226] *Сераль* – дворец в странах Востока, а также женская половина дворца, где располагался гарем.

и скоро из последнего вышел еще какой-то турок, знавший немного русский язык (вроде того, как в наших южных городах говорят по-русски разные восточные люди – разносчики апельсинов, лимонов и проч.). Он объяснил, что я заехал в какой-то гарем, но в какой именно – я так и не мог разобрать.

«Славная штука! – подумал я, – зачем только они меня остановили! Там бы я согласился подольше остаться. Бумаги Скобелева подождали бы! Хорошо, что не поехал ночью, как приказывал Скобелев – эти господа не поцеремонились бы со мною тогда!» Турки проводили меня до первой арки, где стоял часовой. Последний от их крикливого разговора проснулся и с удивлением смотрел на меня. При проезде мимо него он предусмотрительно отдал мне ружьем честь. Раскланявшись с турками, которые объяснили мне дорогу, я крупной рысью направился мимо Семибашенного замка в Сан-Стефано и в шесть часов был уже с докладом у полковника Гродекова.

Глава II

На следующий день к обеду приехал Скобелев и привез нам приятную новость: всем офицерам, которых Скобелев представил к Георгиевским крестам за Иметлийское дело, Государь император, по ходатайству Главнокомандующего, утвердил эти награды. Известие это было действительно радостное. Нужно быть самому офицером, самому участвовать в военных действиях, чтобы понять то чувство, которое испытывает каждый, ожидая этой высшей воинской награды – награды за личную храбрость, за мужество и отвагу. «Теперь никто не посмеет меня назвать трусом, никто не скажет, что я бесполезно служил родной земле и ее властелину». Мысль о белом крестике уже давно не давала мне покоя, хотя я далеко не честолюбив и любил военное дело не из-за отличий и карьеры.

На другой день Скобелев назначил у себя обед исключительно для лиц, получивших Георгиевские кресты за лихой Иметлийский бой. Поручику Узатису, который распоряжался у Скобелева хозяйственною частью, Михаил Дмитриевич приказал устроить обед погастрономичнее и запастись лучшими винами. К двум часам в квартиру Скобелева собрались приглашенные гости. Здесь были полковники Панютин, Лео, Мосцевой (герой Скобелевского редута № 2), барон Меллер-Закомельский, поручик Юрьев, Узатис, я и другие. Стол был накрыт в той самой зале, где Россия подписала мир с Турцией. Все были в самом прекрасном настроении, и Скобелев веселее всех: он радовался, что все его представления прошли без изменений.

У каждого из офицеров на груди красовался уже новый беленький крестик, кроме меня и Узатиса. Скобелев заметил это.

– Что же это вы, господа! Отчего до сих пор не надели крестов? – обратился он к нам.

– Не получили до сих пор, ваше превосходительство, а купить здесь негде, – отвечал я.

– Ну так постойте, я дам вам свой! – И, сняв с себя довольно старый Георгиевский крестик, Скобелев надел его на меня.

Вся компания уселась за столы и с аппетитом занялась истреблением вкусных блюд, запивая их прекрасным вином. После утоления голода завязалась оживленная беседа на тему, исключительно нашу, военную: вспоминали только что пережитую кампанию, в которой было так много лестного для нашего национального самолюбия, хотя, к сожалению, были и мрачные стороны. Велась самая живая беседа с критическою оценкой, высказывалась, не стесняясь, голая правда – наши ошибки, причины наших временных неудач и так далее… Но – конец венчает дело! «Победителей не судят!» – и в этом афоризме мы находили утешение в те скорбные ми-

нуты, когда вспоминали наших дорогих товарищей, геройски павших на Зеленых горах и у подножия Балкан.

Скобелев тоже поддался общему настроению и вспомнил, между прочим, старое золотое время – время своей боевой службы в Туркестанских степях.

– Да, господа, – сказал в конце обеда Михаил Дмитриевич, и умные глаза его, всегда веселые и полные юмора, еще более оживились и заблистали. – Этот белый крестик нелегко достается нашему брату! Я несколько раз заслуживал его по статуту в Хивинской экспедиции, делая самые опасные рекогносцировки за сотни верст и, переодеваясь туземцем, добывая очень важные сведения, постоянно рискуя при этом своей шкурой… Но Кауфман все не представлял меня к кресту. В деле под Махромом я был начальником кавалерии. Видя нерешительность противника, я решил сам его атаковать. Местность была удобная, волнистая, и я приказал направиться в обход на левый фланг неприятеля казачьему полку Головачева, а на правый фланг послал тоже один полк. Сам же с дивизионом остался на месте. Когда, по моему расчету, полки, посланные мной в обход, должны были находиться уже на своих местах, я повел наступление с фронта.

Азиаты держались стойко и не подавались. Но когда на позиции вынеслась наша ракетная батарея и, открыв огонь, несколькими удачными снарядами, разорвавшимися как раз среди неприятельских полчищ, уложила десяток-другой всадников – неприятель не выдержал и стал подаваться назад. Я воспользовался этим удобным моментом и, выхватив шашку, бросился в атаку со своими молодцами. Мы врубились в ряды халатников и произвели на них такую панику, что они верст пять марш-маршем без оглядки неслись от нас по степи. Лошади наши начали уже уставать, люди тоже сильно уморились от этой бешеной скачки и сабельной работы, а между тем я все не видел ни той, ни другой обходных

колонн, которых послал уже давно. Меня это сильно беспокоило.

Расстояние между нами и неприятелем стало понемногу увеличиваться и, наконец, я начал замечать, как убегающие всадники стали время от времени оглядываться на нас и что-то между собою перекликаться… По опыту, господа, я знал, что это оглядывание назад – плохой для нас признак. Это значит, что азиаты соразмеряют свои силы с нашими, и если перевес на их стороне, то они обыкновенно по знаку быстро поворачиваются назад и так же стремительно, как убегали, бросаются навстречу врагу. А потому неудивительно, что я сильно был смущен, заметив эти частые оглядки, видя наши слабые силы и усталость коней (которые уступали в силе и выносливости неприятельским) и не видя своих обходных колонн. Я приказал трубачу подать отбой и сбор. К счастью, неприятель не рискнул броситься на нас, хотя и значительно превышал в силах… Направляясь обратно в сомкнутом строю по полю сражения, усеянному трупами неприятеля, мы встретили генерала Кауфмана, объезжавшего войска. Я доложил генералу о нашем славном деле, о полном поражении неприятеля. Но он и тут не поверил мне, а приказал казакам вынуть шашки, чтобы убедиться, в крови ли они…

Это недоверие меня глубоко оскорбило, хотя, конечно, я и вида не показал. Но сотни неприятельских трупов, разбросанных на протяжении пяти верст, и выпачканные в мусульманской крови острые казачьи клинки были наглядными доказательствами нашего молодецкого подвига. Объехав фронт, осмотрев внимательно поле сражения и убедившись, что я не лгу, Кауфман протянул мне руку, крепко поцеловал меня и, сняв с себя Георгиевский крест, надел его на мою грудь… С этих пор Кауфман стал относиться ко мне с полным доверием, и мы сделались с ним друзьями…

– Вот этот крест, – продолжал Скобелев, выпив стакан вина и показывая на мою грудь, – тот самый, который я получил от Кауфмана за это незабвенное в моей жизни дело…

Взоры всех невольно обратились на меня. Все стали рассматривать этот беленький крестик, украшавший грудь двух знаменитых русских генералов – Кауфмана и Скобелева – и, благодаря капризному случаю, очутившийся теперь у меня. Крест был далеко не новый – эмаль на нем уже сильно стерлась и местами отстала[227].

Долго после того еще тянулась оживленная беседа. Много было выпито вина, много пережито в воспоминаниях хороших минут, много говорено задушевных и горячих тостов…

– Вот что, господа, – обратился я, уже сильно захмелев и отуманенный этими горячими напитками, к сидевшим близ меня товарищам. – Мало нас – офицеров, простых смертных, украшенных этим почетным военным орденом! А сколько между тем в нашей армии действительно есть храбрецов, героев, которые, по разным причинам, не получили этого креста, хотя по всей справедливости и заслуживают его вполне. Выпьем, господа, за здоровье этих славных русских юнаков!

Обед кончился довольно поздно…

Спустя дня два Скобелев хотел отобрать от меня этот крестик.

– Послушайте, Дукмасов, отдайте мне назад мой крест. Он мне дорог как память о Кауфмане. Я его надел на вас тогда так, сгоряча!

– Нет, ваше превосходительство, что хотите со мной делайте, – отвечал я решительно, – но креста обратно вам я не отдам. Для вас он дорог как память о Кауфмане, а для меня – как память о вас. Вы лучший ценитель моих боевых заслуг и первый порадовали меня этой царской наградой. Вы же сняли его со своей груди и надели на меня, сказав при этом,

---

[227] Этот крест П. А. Дукмасов носил постоянно.

что дарите его мне. А слова вашего, ваше превосходительство, вы никогда, кажется, не изменяли! Не отнимайте же у меня, Михаил Дмитриевич, этого крестика, заслуженного мной под вашей командой: он будет для меня лучшим воспоминанием во всей моей будущей жизни!..

– Ну, Бог с вами! – сказал Скобелев, пожимая мою руку. – Пусть будет ваш. Но только смотрите, Дукмасов, берегите его! Достался он нам – мне и Кауфману – не даром. Он стоил жизни многим лучшим русским людям, хотя, правда, еще больше и неприятельским… И, пожалуйста, не поправляйте его – пусть так и останется с выкрошенною эмалью!

Я дал слово, что свято исполню его волю.

Приказом по действующей армии Скобелев назначен был командующим 4-м корпусом, который он должен был принять от генерала Веревкина. Штаб корпуса находился в селении Св. Георгия, куда мы вскоре и переехали из Сан-Стефано. Таким образом, мы находились на левом фланге нашей армии: с правой стороны расположились казаки полковника Желтоножкина, с левой, в деревнях Богаскиой и Арнауткиой – конные гренадеры и лейб-драгуны до самого Черного моря.

Скобелев немедленно выбрал позиции для каждой части войск. Впереди Св. Георгия и вблизи них расположились все лагерем в палатках. Сам Скобелев со штабом тоже скоро перебрался из Св. Георгия в лагерь, который находился впереди Дербента-Хана, перед Райской долиной, при узле дорог из Константинополя в разные пункты. Впереди стояла 30-я дивизия, за нею, уступом, 16-я.

Несмотря на мирный отдых, Скобелев постоянно, вследствие своей живой, энергичной и деятельной натуры, находил себе работу и заботливо хлопотал о лучшем благосостоянии войск, об их пище, помещении, одежде, о сохранении здоровья солдат. Усердно хлопотал и о лучшем устройстве госпиталей, несколько раз объезжал их сам и постоянно гонял нас

за этим. Так как войска за кампанию сильно обносились, то Скобелев приказал отправить от каждого полка по одному офицеру в Одессу для покупки сукна и других материалов на постройку одежды. Затем, с разрешения Главнокомандующего, приказал сделать для всей 16-й дивизии вместо крайне неудобных кепи – фуражки, которые носили только войска гвардии. Солдатики были в восторге и говорили другим, что это Главнокомандующий пожаловал им фуражки в награду за их молодецкую службу, за то, что они – скобелевские…

Вообще солдаты очень любили и боготворили своего корпусного командира за его постоянные заботы об их нуждах, за его ласку и веселый нрав. И действительно, Скобелев почти никогда не пропускал без расспросов встречавшегося ему на пути солдата своего отряда. Встретив какого-нибудь солдатика и поздоровавшись с ним, Скобелев вступал часто с ним в беседу, расспрашивал его о том, что у них делается в роте, как их кормят, не обижают ли. Спросит его про семью, давно ли получал письма с Родины и проч. И странно: в то время, когда обыкновенно в таких случаях у солдатика, что называется, душа уходит в пятки, и от него, кроме автоматичных «никак нет» и «точно так», ничего не добьешься, со Скобелевым, напротив, солдат чувствовал себя совершенно свободно, легко, точно это не генерал, не командир корпуса, а обыкновенный свой ротный, и притом любимый офицер – скорее товарищ, чем начальник солдата.

Встречаться со Скобелевым солдатики не избегали, как обыкновенно бывает, а напротив, старались, испытывая при этом какое-то удовольствие. Нужно было видеть, когда какой-нибудь черниговский карапуз, завидя издали едущего навстречу Скобелева и подбодрившись, становился ему во фронт. Нужно было посмотреть, повторяю, на выражение лица этого солдатика – какое-то любовное, самодовольное, торжествующее… «Здоро́во, молодчина!» – говорил обыкновенно Скобелев, хотя этот молодчина был не более двух с

чем-то аршин росту, и вообще – по фигуре своей совсем не походил на воина. «Здравия желаю, ваше превосходительство!» – кричал молодчина, да таким голосом, как бы желая этим сказать: «Это ничего, что я такой махонький, я постою и за большого».

Неисправных Скобелев обыкновенно журил отеческими наставлениями и брал слово, что в другой раз этого не будет.

– Как же тебе не стыдно, братец! Я от тебя этого не ожидал! Даешь слово, что этого в другой раз не будет?

– Так точно, ваше превосходительство, даю! – и по глазам его, сильно сконфуженным и заморгавшим, видно было, что он действительно употребит все усилия, чтобы исправиться, что это не одна казенная фраза…

Случалось, впрочем, что Скобелев ругался, и ругался шибко, совершенно по-русски. Как-то странно даже было слышать из уст такого образованного, изящного и безукоризненно одетого генерала, от которого всегда, даже в пылу самого горячего боя, несло лучшими английскими духами (которые вместе с пороховыми дымом и трупным смрадом составляли какую-то странную смесь), странно было слышать эту площадную русскую брань. Правда, с ним бывало это очень редко, и исключительно в опасные, тяжелые минуты, преимущественно во время боя. Там не до нотаций и отеческих наставлений – там нужно энергичное, решительное слово, и слово это (большей частью поминание родителей) обыкновенно достигало своей цели…

В мирное время замечательно гуманный, Скобелев в военное делался подчас просто зверем и ничуть не стеснялся сильными выражениями. В мирное время он любил, лелеял солдата, отечески ухаживал за ним, но в военное, вернее, в бою он не жалел его и бросал, когда нужно, тысячи в огонь… И солдаты шли и безропотно, покорно умирали, гибли тысячами, видя живой пример Скобелева перед своими глазами. Что делать – таков уж закон войны: «Где рубят, там и

щепки летят!» Если Скобелев остался жив сам, то это просто счастливое Провидение, чудо!

Но зато в мирное время, под Сан-Стефано, Скобелев чуть не плакал, когда солдаты его корпуса стали болеть разными эпидемическими болезнями. Он, видимо, сам болел душой, видя эти страдания порученных его заботам людей… Он делался в это время раздражительный, нервный, ругал докторов, хотя они несли свои обязанности выше всяких похвал. Особенно любил Скобелев, кроме 16-й дивизии, еще стрелков 3-й и 4-й бригад, которые провели с ним самые трудные, критические моменты войны – моменты, которые так сближают людей самых различных положений, состояний, характеров… Там – перед лицом смерти – все равны, все чувствуют инстинктивную потребность теснее сплотиться друг к другу и грудью стоять за общее, великое дело…

Кроме постоянных забот о своих войсках – солдатах и офицерах – он помогал им нередко и материально из собственного кармана. Впрочем, это Скобелев позволял себе делать потому, что был слишком богат. Не будь у него этих сотен тысяч, он, вероятно, был бы гораздо расчетливее, экономнее.

Жилось в лагере гораздо веселее и, главное, здоровее. Прелестный воздух, роскошная растительность и чудный вид окрестностей – все это было так хорошо, что, казалось, остался бы здесь навсегда. Кроме того, здесь мне жилось куда спокойнее.

В Сан-Стефано у меня выходили постоянные истории с полицией. Натура у меня чисто русская, широкая! Умеренность, аккуратность и благоразумие – для меня та же китайская грамота. Не могу ничего делать наполовину, по-немецки! Воевать так воевать, кутить так кутить! Ну напьешься с боевыми приятелями в каком-нибудь кафе-шантане и перейдешь границу приличия!.. (Трезвый я

никогда ни в чем не попадался.) А тут еще эти француженки, подлые, проходу не дают:

– Cher cosaque, mon ami! Donnez moi seulement un napoleon![228]

Ну, взорвет, понятно, такое нахальство, выругаешься как-нибудь нечаянно трехэтажным словом, а представитель полицейской власти тут как тут. Запишет мою фамилию (а меня там все знали!) и коменданту (генералу Штейну)[229] сейчас и доложит. А Штейн – Скобелеву, а Скобелев – мне нахлобучку! Хотя часто Михаил Дмитриевич мне многое прощал, а нередко даже и потешался моими проказами.

– Послушайте, вы, азиат, – сказал мне раз Скобелев за обедом, – если вы будете еще так вести себя, я прикажу посадить вас в клетку и отправлю на Дон!

– Пожалуйста, ваше превосходительство, – отвечал я, выпивая стакан красного вина, – я давно уже соскучился по своей станице. Очень вам буду благодарен!.

Здесь же, на позиции, полиции не было, и нам жилось гораздо привольнее. Иногда компаниями мы, офицерство, ездили в Константинополь специально покутить. Возвращались оттуда обыкновенно усталые, довольные и всегда с пустыми кошельками.

Постоянные лагерные хлопоты и заботы, естественно, утомляли Скобелева, и иногда, в часы досуга, в виде развлечения он устраивал поездки в Константинополь, Буюк-Дере и окрестности. Чтобы лучше ознакомиться с местностью, поездки эти Михаил Дмитриевич совершал обыкновенно верхом.

Раз как-то мы отправились верхами в Буюк-Дере, где Скобелев имел дело в нашем посольстве. Сопровождали его

---

[228] Дорогой казак, мой друг, дайте мне непременно наполеон! (*фр.*)

[229] *Штейн Константин Львович* (1829–1888) – участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в годы которой состоял начальником полевого комендантского управления действующей армии.

кроме меня еще Марков, Лисовский и четыре казака. После легкого завтрака, верхами направились мы кратчайшим путем через Пиргос в Буюк-Дере. Предстояло сделать около пятидесяти верст. День был жаркий, лошади наши тяжело дышали. Почти все время мы ехали шагом. Дорога была довольно хорошая, и очень часто встречались прекрасные фонтаны, в которых мы утоляли жажду.

Около пяти часов вечера мы выехали на шоссе, которое вело в Буюк-Дере из Константинополя и устроено было в 1840 году султаном Абдул-Азисом[230] для французской императрицы Евгении[231], гостившей в Буюк-Дере… Сплошные сады южных фруктовых деревьев, с их чудным ароматом, тянулись по обе стороны дороги и придавали этому уголку какой-то райский оттенок. Наконец, часов в шесть вечера, мы въехали в Буюк-Дере – довольно хорошенький, хотя и небольшой городок. Остановились все в лучшей французской гостинице. Хозяйка гостиницы, очень веселая, бойкая и хорошенькая француженка, очаровала нас своею любезностью, разговорчивостью и пикантностью. – Да она преинтересная! – сказал Михаил Дмитриевич, который был в самом веселом расположении духа. – Вы пригласите ее с нами обедать, – прибавил он, обратившись к Лисовскому.

Предложение Скобелева, переданное Лисовским, француженка приняла с восторгом.

– Avec grand pleisir, monsieur! – щебетала она. – M-r le general Scobelev – c’est a dire, blanc general – n’est ce pas? C’est le heros de la guerre![232] – засыпала она вопросами Лисовского.

---

[230] *Абдул-Азиз* (1830–1876) – 32-й султан Османской империи, правивший в 1861–1876 гг.

[231] *Императрица Евгения* (1826–1920) – супруга Наполеона III.

[232] С большим удовольствием, месье! Генерал Скобелев – это и есть тот самый «белый генерал», не так ли? Герой войны! (*фр.*)

Умывшись и приведя несколько в порядок свои туалеты, мы собрались в зале, уставленной изящной мебелью и со вкусом убранной цветами. По стенам висели портреты французских императоров и маршалов и несколько военно-исторических картин из периода славных войн Французской империи. Здесь же между прочим рельефно выделялся в большой золотой раме портрет нашего Государя, что, конечно, приятно удивило всех нас.

Михаил Дмитриевич вскоре вышел в залу в чистом кителе, раздушенный, сияющий и любезно предложил руку красивой женщине. Мы отправились в соседний хорошенький кабинет, где уже был накрыт стол на пять кувертов[233], освещенный дорогими канделябрами. Скобелев усадил рядом с собой пикантную француженку и самым усердным образом начал за ней ухаживать. Последняя, в свою очередь, немилосердно кокетничала с ним. Обед проходил очень весело, оживленно. За вторым блюдом Михаилу Дмитриевичу пришла вдруг в голову какая-то мысль. Он подозвал к себе Маркова и что-то шепнул ему на ухо. Тот улыбнулся, кивнул головой и куда-то вышел. Скобелев между тем завязал с хозяйкой разговор о России, о ее обитателях, о казаках… Француженка с интересом слушала его.

– А вот, посмотрите на этого господина, – сказал между прочим Михаил Дмитриевич, указывая на меня. – Вы знаете, кто это такой? Это казак, из самой дикой страны в России.

– Cosaque![234] – произнесла француженка и с любопытством уставилась на меня.

– Да, казак, – продолжал совершенно серьезно Михаил Дмитриевич в то время, когда товарищи мои кусали себе

[233] *Куверт* (*фр.*) – полный набор столовых приборов для одного человека при сервировке стола. Выражение «стол на 5 кувертов» означает «стол, накрытый на 5 персон».

[234] Казак! (*фр.*)

губы, чтобы не расхохотаться. – Это совершенный дикарь, кровожадный зверь. Вы не смотрите, что он в таком костюме… Он ест человеческое мясо и сальные свечи!

Француженка сразу сделалась серьезна и еще с большим удивлением стала рассматривать меня. Посмотрела внимательно на мои руки, на мои зубы, на глаза и, видимо стала в тупик.

– Как же это, он на вид такой милый и совсем не похож на кровожадного дикаря? – сказала она тихо Скобелеву после внимательного осмотра всей моей фигуры.

– Отшлифовался немного, мы его приручили, – отвечал он, пожав плечами, а я в это время усердно терзал цыпленка, прямо руками, без помощи ножа и вилки. – Да вот вы увидите, – прибавил генерал, – с каким аппетитом он будет есть, вместо десерта, сальные свечи. Послушайте, Марков, – продолжал он громко по-французски, – распорядитесь-ка, пожалуйста, чтобы вот ему, вместо десерта, подали сальные свечи.

Марков, засмеявшись, снова вышел. Через несколько минут в кабинет вошли два лакея с десертом. Один из них стал обносить присутствовавших, а другой – подошел ко мне и поставил передо мной на стол глубокую тарелку, накрытую салфеткой. Я спокойно снял салфетку – на тарелке лежало несколько сальных свечей.

– Mon Dieu![235] – испуганно воскликнула француженка, широко открыв глаза и уставившись в мою тарелку.

– Это – сальные свечи – любимое блюдо казаков! – пресерьезно отвечал Михаил Дмитриевич.

Товарищи мои не выдержали до конца своей роли и буквально хватились за животики от смеха. Я же, совершенно хладнокровно и слегка улыбаясь, взял одну из этих свеч и,

---

[235] Бог мой! (*фр.*)

откусив половину с фитилем, с аппетитом стал ее есть (с аппетитом потому, что свечи эти, заранее заказанные Марковым, были сделаны из сахара и сливок, и при этом так ис-искусно, что трудно было отличить их от настоящих).

Француженка чуть в обморок не упала, видя мою прожорливость.

– Mon Dieu, Mon Dieu, que fait il?[236] – кричала она, закрывая себе глаза и делая такие гримасы, точно ее заставили проглотить стакан касторового масла.

В конце концов Скобелев объяснил красавице свою шутку, и она долго заливалась звонким смехом, причем все мы, конечно, усердно вторили ей.

– А ведь я поверила, честное слово, поверила! – щебетала она между смехом. – Мне мать еще в детстве рассказывала про ваших казаков самые ужасные, невероятные вещи!

Обед окончился поздно, и мы, наевшись и насмеявшись до упаду, довольные разошлись около часу ночи по своим комнатам. На другой день мы вернулись в Св. Георгий.

Спустя несколько дней Скобелев поехал верхом в Константинополь. Я в качестве дежурного ординарца сопровождал его. С нами было еще три казака. Рано выехали мы из лагеря и направились к юго-востоку в Константинополь. По дороге Скобелеву вздумалось заехать к Беккеру-паше, который командовал турецкой дивизией, расположенной на позиции против наших стрелков императорской фамилии.

Беккер-паша принял нас очень любезно и сейчас же усадил за завтрак. Это был англичанин лет сорока, довольно высокого роста, с рыженькою бородкой, с выразительною, энергичною физиономией[237]. Паша и Скобелев о чем-то раз-

---

[236] Бог мой, Бог мой, что это? (*фр.*)

[237] Для поднятия боеспособности турецкой армии и флота на воинскую службу приглашались иностранные офицеры, в основном англичане.

говаривали очень оживленно, но, к сожалению, я ничего не мог понять из их беседы, так как происходила она на английском языке, которого я совершенно не знаю. Положение мое было довольно глупое: сидеть, молчать и опорожнять один за другим стаканы прекрасного красного вина, которое Беккер-паша очень любезно то и дело подливал мне. Я не заставлял себя упрашивать и не обижал гостеприимного хозяина. Между прочим в середине разговора я услышал свою фамилию, произнесенную Скобелевым. Очевидно, речь шла обо мне. Паша с удивлением посмотрел на меня и на мои ордена, а Скобелев засмеялся.

У Беккера-паши мы пробыли около двух с половиной часов. Наконец, распростившись с недавним любезным врагом, мы снова уселись на коней и продолжали наш путь к Константинополю. Скобелеву опять пришла фантазия ехать не по дороге, а напрямик, полем.

– Ваше превосходительство, – обратился я к генералу, – ведь так мы заедем еще куда-нибудь! Лучше по дороге ехать!

– Нет, поедем прямо – вот мимо того турецкого лагеря. – И, дав коню шпоры, он пустил его галопом.

Вскоре мы подъехали к задней линии лагеря, как раз к турецким кухням, где солдаты в это время разбирали обед по манеркам. Увидев скачущих всадников, они с удивлением, оставив свое дело, уставились глазами на нас. Некоторые из них вытянулись и отдали честь, другие же просто разинули рты и, расставив ноги, тупо смотрели на «гяуров». Подъехав к кухням, Скобелев, не торопясь, слез с коня и направился к котлам. Картина была презабавная – турки просто ошалели… Скобелев же, ничуть не стесняясь, взял ложку из рук ближайшего низама, сильно смущенного этим, и, опустив ее в котел, вытащил оттуда какую-то похлебку, подул на нее и стал пробовать. В это время один из турецких солдат (вероятно, фельдфебель) бросился со всех ног к зеленой палатке, где находились офицеры.

– Попробуйте, – обратился ко мне между тем Скобелев, подавая ложку, – какою мерзостью их кормят. Наши не стали бы есть этой бурды… А между тем какой все здоровый народ!

Я взял ложку и попробовал. Оказалась какая-то похлебка с бараниной – гадость страшная.

– У нас, ваше превосходительство, на Дону, – заметил я громко, – такой бурдой охотники собак своих кормят!

– Ну, вы – тише, – улыбнулся генерал, – может быть, тут между ними кто-нибудь понимает еще по-русски!

В это время мы заметили, что из зеленой палатки по направлению к нам бежало несколько турецких офицеров. Усевшись на коня, Скобелев поехал им навстречу и обратился к ним с приветствием на французском языке. Офицеры поклонились, но молчали. Очевидно, никто из них по-французски не понимал. Один молодой офицер побежал к ближайшей красивой палатке, из которой вскоре вышел довольно пожилой представительный человек в желтой куртке, вышитой на рукавах и с галунными наплечниками.

– Паша, паша! – обратились офицеры к Скобелеву, указывая на вышедшего человека.

Скобелев подъехал к паше, взял под козырек и назвал свою фамилию. Паша очень радушно пожал протянутую ему руку, и они беседовали о чем-то минут десять. Я в это время молча рассматривал турецких офицеров, которые, в свою очередь, с любопытством смотрели на нас, перекидываясь между собою замечаниями.

– А где здесь ближайшая дорога в Константинополь? – обратился Скобелев к паше, раскланиваясь.

– Вам придется ехать назад! – отвечал паша.

– А по этой тропинке разве нельзя проехать? – продолжал генерал, указывая на дорожку, которая вела через громадный крутой спуск и по которой вдали с Райской долины

поднимались турецкие солдаты. – Я думал, что здесь можно проехать?

– Нет, – отвечал паша, улыбаясь, – здесь с трудом проходят пешие, а верхом немыслимо пробраться!

– Пустяки, – отвечал Скобелев, – попробуем!

И, раскланявшись еще раз с пашой и офицерами, которые что-то загалдели в это время, он рысью направился к обрыву.

– Поезжайте вперед, – обратился он ко мне. – Докажем им, что тут можно проехать – чепуху они городят…

Подъехав к тому месту, где тропинка падала вниз, я увидел страшный спуск – крутой, местами почти обрывистый, по которому тонкою лентой извивалась тропинка пешеходов. Ширина ее была не более аршина.

– Ваше превосходительство, – обратился я к Скобелеву, останавливая коня и опасаясь не столько за себя, сколько за него. – Не лучше ли нам вернуться? Ведь здесь действительно проехать мудрено!

– Ну, поезжайте! – сердито крикнул Скобелев. – Чего вы торгуетесь – еще казак! Я дал слово, что пройду, – и сдержу его!..

Оглянувшись перед спуском назад, я увидел, что турецкие офицеры и солдаты бежали за нами из лагеря, чтобы посмотреть, как это мы будем спускаться и ломать себе шею.

Мы осторожно стали спускаться. Я ехал впереди, за мной Скобелев, далее три казака. Тропинка была настолько узка, что лошадь еле-еле могла проходить. С левой стороны был крутой подъем, с правой – почти отвесный обрыв сажен в 50 глубины; при этом угол подъема был не менее 30–40°. Левую ногу я освободил из стремени, чтобы не цепляться за каменную стену, правая – висела над бездной. Малейший неосторожный шаг лошади – и мы очутились бы на дне пропасти… «Вот чудак, – думал я про Скобелева, – вышел чудом

цел из войны, а тут ни с того ни с сего рискует вдруг жизнью, чтобы порисоваться перед этими турками…» На половине спуска, на одном из поворотов, мы встретили трех турецких солдат, поднимавшихся навстречу нам. Они окончательно ошалели, увидев в таком месте всадников, да еще при этом русских, и в нерешительности остановились.

Разминуться было немыслимо, и я махнул им рукой, чтобы они повернули назад. Турки, поняв меня, быстро стали спускаться вниз. На небольшой площадке, аршина в три, они остановились и прижались к стене, чтобы мы не могли их зацепить. Мы давно проехали уже мимо них, а они все еще стояли, удивленные и пораженные нашим появлением, нашею смелостью.

Наконец мы благополучно спустились в Райскую долину, переехали вброд через маленькую речку Аля-бей-Су и выбрались на дорогу. Я вздохнул свободнее и взглянул на генерала. Он, казалось, тоже был очень доволен благополучным исходом опасного переезда и, улыбнувшись, пустил растяжным галопом своего красивого белого жеребца Шейново.

– Вот видите… Я говорил, что переедем! – сказал он.

Оглянувшись назад, я заметил, что несколько десятков турок все еще стояли наверху и смотрели на нас.

– А турки все на нас поглядывают! – обратился я к Скобелеву.

– Пускай смотрят! Я очень доволен, что мы так удачно перебрались. Действительно, опасно было! А вы все-таки баба, а не кавалерист! – прибавил он.

– Да, баба, – отвечал я обиженно, – а что бы вы сказали этой бабе, если б тропинка так сузилась, что дальше немыслимо было бы ехать – ни вперед, ни назад! Пришлось бы мне слезать вперед, через голову лошади, а заднему казаку – через хвост. А вы так бы и остались!

– Чепуху вы все городите! – отвечал генерал и пустил вдруг коня марш-маршем.

Я еле поспевал за ним, а казаки далеко отстали от нас. Проскакав с версту, он снова поехал шагом.

– Ваше превосходительство, – обратился я к Скобелеву, – что это вы говорили с Беккером-пашой обо мне? Я слышал свою фамилию.

– Он спрашивал меня, – отвечал пресерьезно Скобелев, – где я взял такую обезьяну, как вы…

– Не всем же быть таким красавцем, как вы! – заметил я.

Скобелев засмеялся, и прибавил.

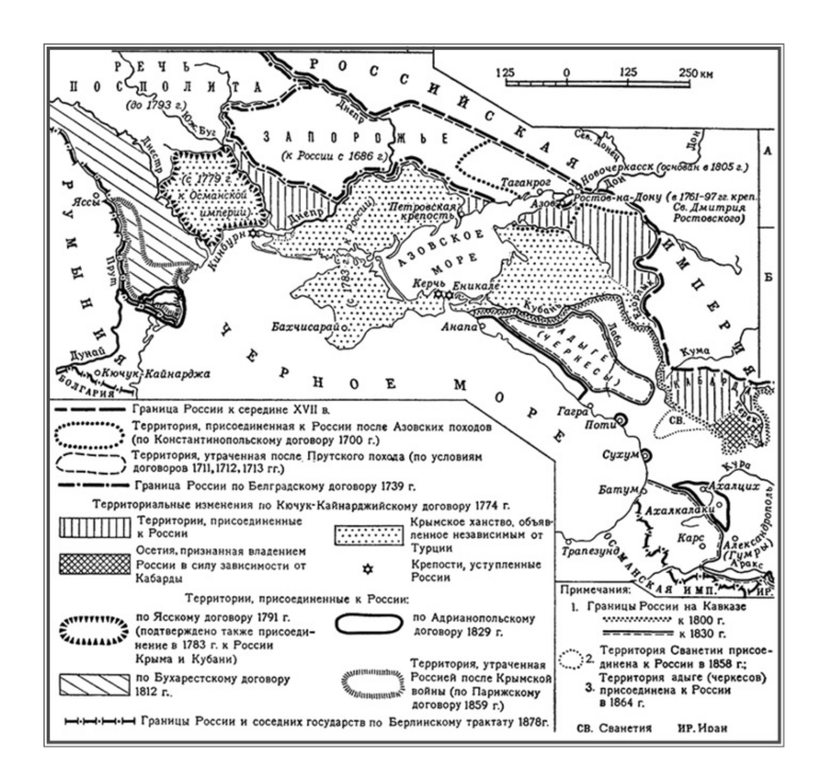
– Он был очень удивлен вашими многочисленными орденами и расспрашивал про ваши подвиги. Узнавши же, что вы казак, еще более удивился и сознался, что он воображал себе казаков совсем другими, более страшными.

– Почему же это я не похож на казака? На кого же я похож?

– Да на обезьяну, я же вам сказал! – снова засмеялся Михаил Дмитриевич.

Скобелев нередко, когда бывал в хорошем расположении духа, подшучивал над нами, ординарцами, и мы ничуть не обижались на него за это. Делал он это совершенно добродушно, и не как начальник, а, скорее, как товарищ. Иногда мы подтрунивали над ним, и он ничуть не был за это в претензии.

Но вернемся к рассказу. Скоро мы доехали до Золотого Рога и оставили лошадей с казаками в ближайшей гостинице. Сами же уселись в маленький каяк; сильные гребцы живо перевезли нас на противоположный берег Золотого Рога, в Галату, откуда, через туннель, мы доехали в «Англетера». Скобелев отправился в посольство, а я бродил по городу. Вечером, вместе со Скобелевым, ходили в английский магазин и покупали разные безделушки. Вечер провели очень весело вместе… На другой день, часа в два, мы уехали обратно в лагерь.

Изменение границ России в результате русско-турецких воин XVII–XIX вв.

Глава III

Спустя неделю после описанного путешествия Скобелев поехал в Буюк-Дере с ординарцем своим, поручиком Марковым, а на другой день я и капитан Мельницкий отправились туда же к нему с бумагами. Исполнив, что нужно было, мы хотели направиться бродить по городу, но Скобелев изменил наши планы.

– Вот что, господа: вы, Мельницкий, останетесь у меня, а вы, Дукмасов, поезжайте сейчас в Св. Георгий и привезите в Буюк-Дере музыкантов Казанского пехотного полка. Главнокомандующий разрешил, султан тоже. Поезжайте, и поскорее, пожалуйста.

Я отправился на вокзал и взял в кассе билет до станции Беюк-Калкалы, откуда на лошадях добрался до Св. Георгия. Здесь, явившись к командиру полка полковнику Лео, я передал приказание Скобелева и просил отправить полный хор музыкантов на подводах на железнодорожную станцию. Затем, побывав у начальника штаба капитана Сахарова и получив от него деньги на перевозку и прокормление 54-х человек музыкантов, я обратно поехал на станцию, где уже были музыканты, и усадил их в вагоны; инструменты были уложены отдельно.

Поезд, на котором мы ехали, шел только до Сан-Стефано, и, чтобы отправиться дальше, в Константинополь и Буюк-Дере, надо было ждать следующего поезда, утреннего. Кроме того, пришлось бы маршировать с командой от вокзала по улицам Константинополя до пароходной пристани, чего мы не имели права делать. Поэтому по приезде в Сан-Стефано мы вышли из вагонов и направились пешком к пристани. Пароход в Константинополь почему-то запоздал с отходом, и мы успели еще усесться на него.

Когда, после резкого свистка, пароход стал отчаливать от пристани, я попросил капельмейстера сыграть марш, и скоро на зеркальной поверхности чудного Мраморного моря раздались громкие звуки прекрасной русской музыки. Масса гвардейских солдат спешила к берегу, недоумевая, что на турецком пароходе, отходящем в Константинополь, поместился оркестр нашей музыки. Никому, конечно, не было известно, что делается это с разрешения Главнокомандующего и султана.

Вслед за маршем я попросил музыкантов сыграть «Боже, Царя храни», и стройные, мелодичные звуки нашего национального гимна еще громче понеслись, покатились с быстро двигавшегося турецкого парохода… А удивленная толпа все еще стояла на берегу и радостно прислушивалась к дорогим и родным звукам, хватающим за душу каждого русского,

особенно на далекой чужбине, вдали от близких людей… Бывшие на пароходе турки видимо морщились, но я не обращал на это ни малейшего внимания. «Горе побежденным!»

По пути к Константинополю пароход три раза останавливался у каких-то станций, и музыка во время этих остановок без умолку играла разные марши, собирая к берегу целые разношерстные толпы народа в пестрых восточных костюмах. В Константинополь мы опоздали приехать своевременно, и было уже около девяти часов вечера, когда пароход наш бросил якорь возле деревянного моста через Золотой Рог. Я очутился в очень затруднительном положении: высадить команду на берег я не имел права, оставаться же на пароходе тоже не мог, так как грек-капитан, ссылаясь на морские порядки, категорически объявил мне, что он не может держать на пароходе пассажиров, рискуя, в противном случае, подвергнуться большому штрафу.

Около того места, где остановился пароход, находились турецкие кварталы и лавки, и никакой гостиницы поблизости не было. Приходилось выбирать одно из двух: или маршировать с командой версты две в Галату и подвергать этим себя разным неприятностям, которые могли явиться со стороны фанатического населения этой части города, или же – не обращая внимания на предложение капитана убираться скорее с парохода – расположиться преспокойно на палубе ночевать.

Сначала я начал вежливо просить капитана разрешить нам переночевать на пароходе, мотивируя свою просьбу тем, что мы не имеем права сойти на берег.

– Ведь вы же сами виноваты, – продолжал я убеждать капитана, – пароход ваш опоздал на целый час, и мы не могли поэтому двинуться далее. Оштрафовать вас все равно не могут, потому что сам султан ведь разрешил провезти наших людей. Пожалуйста, капитан, прикажите открыть буфет,

чтобы солдаты могли закусить и напиться чаю. За все я заплачу…

Но упрямый капитан грекос, несмотря на мою вежливую просьбу, стал кричать на меня и угрожать турецкой полицией.

– Мне решительно все равно, – размахивая руками, говорил он ломаным русским языком, – где бы вы ни ночевали – на мосту или на улице, а на пароходе я вам не позволю оставаться – я позову полицию… Буфетчика же я уже давно отпустил, и вы ничего не получите!

Возмущенный подобным нахальством грекоса, я прикрикнул на него и решил действовать без церемоний, на правах победителя.

– Послушайте, братцы, – обратился я к солдатам, – сложите здесь инструменты и располагайтесь тут же, на палубе, на ночлег. На мост не сметь сходить ни в каком случае… Фельдфебель! Назначь сейчас часового и смотри, чтобы все было в порядке… Будешь отвечать за малейшее упущение!

– Слушаю, ваше благородие! – отвечал молодчина.

– Буфет я прикажу открыть, и можете закусить и напиться чаю.

Я направился за удалившимся капитаном и объявил ему о своем решении. Он и слушать не хотел и по-прежнему начал угрожать полицией. Меня это окончательно взорвало.

– Ну так вот что, черт бы вас побрал! – заорал я на него. – Решения своего я не изменю ни в каком случае. Если же вы не откроете нам буфет, то я прикажу своим солдатам разнести его вдребезги, и за это ни копейки не заплачу… Даю вам слово, что я не шучу! Пять минут вам сроку! – и, повернувшись кругом, я отошел.

Капитан струхнул не на шутку. Куда девались его заносчивость, высокомерие. Он сделался вдруг каким-то жалким, запуганным.

– Послушайте, господин офицер, – догнал он меня. – Вы войдите в мое положение. Ведь я могу лишиться места, меня могут сильно оштрафовать. Вы не знаете наших порядков!

– Ну, ничего, – отвечал я спокойно, видя его таким жалким. – Даю вам честное слово, что ничего не будет! За все отвечаю я. Вы скорее выиграете, чем проиграете!

Волей-неволей капитан сдался. Буфет был открыт, в чайниках появился кипяток, нашлись и водка, хлеб и разная закуска. Пригласив с собою капельмейстера, мы отправились по направленно к «Англетер» (поручив фельдфебелю смотреть за порядком). Подойдя к туннелю (в Галате), мы нашли его уже закрытым.

– Да что мы будем делать в гостинице? – обратился я к капельмейстеру. – Пойдем в какой-нибудь кафе-шантанчик?

– Пожалуй, – согласился тот.

Возле туннеля стоял извозчик фиакр. Мы уселись на него и скоро доехали до кафе-шантана. Здесь было уже несколько русских офицеров, сидевших за столиком, украшенным бутылками. Сейчас нашлись знакомые: ординарец Скобелева, поручик Марков, и моряк, мичман Мореншильд[238]. Мы, конечно, пристроились к ним.

– Ты чего здесь? – спросил я Маркова. – Разве Скобелев в Константинополе?

– Нет, в Буюк-Дере. Я приехал купить ему коляску.

Я рассказал, в свою очередь, о своей миссии, о перевозе музыкантов и о столкновении на пароходе с капитаном греком.

– Послушайте! – перебил меня Мореншильд, выслушав мой рассказ. – Я могу вас выручить из затруднительного положения. Наше судно «Тамань» находится в распоряжении

---

[238] *Мореншильд Владимир Александрович* (1854–?) в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. мичман Черноморского флота; впоследствии градоначальник Севастополя (1906–1909).

посольства и пришло сюда запастись углем. Я сейчас переговорю с капитаном «Тамани» и, может быть, мы поможем вам!

– Сделайте одолжение, голубчик! – обрадовался я.

Моренщильд ушел и минут через десять снова вернулся.

– Все прекрасно устроено, – сказал он, подходя к нам. – Капитан согласен и очень желает с вами познакомиться.

Я встал и направился с Моренщильдом и Марковым к отдаленному столику, за которым сидели два морских офицера, в русских мундирах при кортиках. Один из них, человек лет под 50, в полковничьих погонах, с чисто русским, добродушным лицом, другой – значительно моложе, с тремя звездочками… Первый был капитан 1-го ранга Тимирязев, командир «Тамани», второй – лейтенант Елагин. Мы представились друг другу, и Тимирязев очень любезно предложил нам свои услуги.

– Да сделайте одолжение, господа, – сказал Тимирязев, когда речь зашла о нашем помещении на пароходе. – Вы располагайтесь хоть сейчас в посольских каютах – они все равно никем не заняты. Относительно же ваших музыкантов не беспокойтесь: вы будете еще спать, как мои матросы перевезут их на лодках на «Тамань». Пароход наш нагрузится, вероятно, не ранее как в час дня, а снимется с якоря около половины второго. Мы устроим вам приличный завтрак, а вы нас за это потешите музыкой. Идет, что ли?

Я, конечно, от души поблагодарил гостеприимного и милого моряка за его любезность.

– Ну а пока – до завтрака ведь еще далеко – нужно раздавить бутылочку-другую…

И завязалась оживленная, дружеская беседа. Каждый делился воспоминаниями и впечатлениями, только что пережитой, тяжелой кампании… Мало-помалу офицерство приезжало в кафе-шантан, и так как интересного здесь было мало, то мы решили отправиться в ближайшей театр-буфф, хотя было уже довольно поздно. Нам составилась знакомая

компания человек в пятнадцать, и мы взяли подряд несколько лож. Театр был летний, паршивенький. Ложи в один только ярус; в партере же стояли столики, за которыми публика группировалась компаниями и не столько интересовалась игрой на сцене, сколько расположенными на столах батареями бутылок.

Здесь, в театре, случился маленький эпизодик, в котором я сыграл довольно комичную роль. В зале я встретил своего хорошего знакомого (флигель-адъютанта поручика Дерфелдена), только что приехавшего из Питера. Мы расположились у одного из столиков, потребовали вина и разговорились про общих знакомых, не обращая ни малейшего внимания на какую-то пухленькую певицу (Фани), всеми силами старавшуюся прельстить нас своим визгливым голосом.

Товарищи мои, не видя меня в ложе, принялись отыскивать меня глазами в общей зале и заметили как раз в то время, когда певица окончила свое пение. Несколько голосов из лож крикнуло мою фамилию, приглашая к себе и хлопая при этом руками. Некоторые из публики, предполагая, что вызывают певицу, присоединились к аплодисментам... Занавес быстро взвился, и на сцене появилась сияющая певица, очень мило раскланиваясь с нами. Но офицерство, находившееся уже под сильным влиянием выпитого вина, немедленно ее освистало – и сконфуженная девица стушевалась. Эта комедия продолжалась два раза. Чтобы избавить Фани от таких оваций, я принужден был отправиться в ложу, и тогда офицерство успокоилось.

Просидев еще немного в театре, мы той же многочисленной компанией отправились ужинать в какую-то гостиницу (не помню ее названия). Шумно ввалились мы в общую залу, где за маленьким столиком притулились два рыжих англичанина. Увидя нас, храбрые сыны Альбиона сочли за более благоразумное немедленно удрать, не окончив даже своего

ужина. Признаться, в то время я с удовольствием побил бы, под влиянием вина, этих господ, и только за то, что они англичане. Мое патриотическое чувство сильно возмущено было их более чем двусмысленным поведением в продолжение всей кампании и по окончании ее. Лучше открытый враг, чем тайный!

Заказав ужин, мы уселись за стол и потребовали закуску. Моментально появилась русская водка вдовы Поповой, эмигрировавшей на берег Босфора, в громадном количестве. Под влиянием национального напитка затянули мы громко удалую песнь, за нею другую, третью… и полились могучие, родные звуки через раскрытые окна по улицам турецкой столицы. Воображение перенесло каждого из нас на северные берега Черного моря, в родные, широкие степи…

Боковая дверь залы внезапно отворилась, и из нее вышел русский капитан Генерального штаба. Вежливо поклонившись, он подошел к нашей компании и отрекомендовался.

– Извините, господа, что я прервал ваше пение, – сказал он. – Я явился сюда, чтобы поблагодарить вас от имени генерала N и генерала NN, которые ужинают теперь в соседнем кабинете, за то истинное удовольствие, которое вы доставили им своим пением… Слышать родные звуки в центре мусульманского мира – согласитесь, господа, ведь наслаждение! Нельзя ли еще что-нибудь?

– Отчего же, можно, – закричал я, – только с условием, капитан: вы должны с нами сначала выпить!

Капитан не заставил себя просить и чокнулся со всеми.

– Ну, господа, подтягивайте теперь, – и я начал нашу родную донскую песню:

Всколыхнулся, взволновался
Православный тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв монарха он!

Ужин прошел необыкновенно весело, шумно. Тимирязев, как самый старший между нами, самый благоразумный и меньше всех пивший, не раз сдерживал нашу молодую компанию, которая слишком уже расходилась. Окончился ужин тем, чем обыкновенно кончается в таких случаях… Расплатившись, мы вышли из гостиницы и расселись на извозчиков… Ночь давно уже вступила в свои права, улицы были пусты, и обитатели турецкой столицы спали крепким сном. Некоторые из нас поехали кататься, завернули еще кое-куда, и поздно уже, или, вернее, рано утром, добрались мы до «Тамани».

Я заснул тяжелым, крепким сном на пароходе: снился Константинополь с его чудными окрестностями, садами, мечетями… Но он казался мне не турецким, а русским городом. Вместо полумесяца на мечетях красовались кресты, вместо чалмы и красных фесок везде виднелись русские фуражки, русские лица… Нашему полку назначена была здесь стоянка, и я мечтал уже о приобретении себе домика где-нибудь на берегу Золотого Рога, Босфора или на Принцевых островах.

На следующий день я проснулся около одиннадцати часов и с удивлением осмотрелся. Помещение и обстановка посольской каюты были действительно роскошны: дорогая бархатная мебель, зеркала, всевозможные предметы роскоши – все это походило на кабинет богатого аристократа. Возле меня, раскинувшись в самой живописной позе, храпел Марков. Я его разбудил, мы быстро оделись и вышли на палубу.

Здесь я увидел своих музыкантов, которых покинул на турецком пароходе. Оказалось, что, по распоряжению Тимирязева, их перевезли на «Тамань» уже давно наши моряки. Казанцы принарядились – надели чистые рубахи и вычистили инструменты.

– Здравствуйте, господа, – встретил нас Тимирязев. – Ну как спалось вам на новоселье после вчерашних вакханалий?

– Прекрасно! – отвечал я, здороваясь с ним и с офицерами-моряками. – Да у вас тут такая роскошь, что нашему брату, привыкшему более к землянке, как-то неловко даже чувствуется в таких будуарах. Это какой-то дворец в миниатюре!

Капитан самодовольно улыбнулся.

– Да вы еще ничего не видели – пойдемте, я вам покажу.

Мы прошлись по пароходу и осмотрели его. Везде идеальная чистота, все прочно, красиво, изящно и богато. Мы только удивлялись, а моряки самодовольно улыбались.

– Однако, господа, адмиральский час, – сказал Тимирязев, взглянув на часы. – Пойдемте завтракать.

Тут же, на палубе, был роскошно сервирован стол, уставленный массой бутылок и прекрасными букетами, за который мы и уселись.

Повар «Тамани» оказался мастер своего дела – завтрак вышел на славу. Музыканты заиграли свой полковой марш, потом, немного погодя, марш Скобелева[239]. Звуки нашей музыки произвели известную сенсацию на море и на берегу. На ближайших бесчисленных судах повысыпали на борт матросы, на набережной и особенно на мосту через Золотой Рог столпилась масса народу, приостановившего этим даже езду экипажей, и с жадностью прислушивалась к стройным звукам русской музыки. Даже окна гаремов потихоньку растворились, занавески отдернулись, и покрытые чадрами красивые головки показались у решеток. А музыканты наши, видя то впечатление, которое они произвели своей игрой на население турецкой столицы, еще более старались.

Бокалы между тем у всех были наполнены, и Тимирязев, поднявшись, предложил тосты за здоровье Государя,

---

[239] Оркестр Казанского пехотного полка считался лучшим между частями, стоявшими под Константинополем. Кроме того, это также один из самых боевых оркестров: многие инструменты были пробиты пулями, некоторые музыканты ранены; были и убитые. (*Примеч. автора.*)

наследника и Главнокомандующего… Громкое, радостное «ура» грянуло с парохода и далеко-далеко покатилось оно по зеркальной поверхности Золотого Рога и по красивым берегам его. Кричали офицеры, матросы, музыканты, и этот могучий родной звук как-то особенно действовал на наши нервы. На глазах у каждого выступили слезы, и каждый из нас чувствовал в себе здесь, в эти минуты, в виду этих бесчисленных мечетей и красных фесок, новый прилив сил и энергии для новых испытаний, новой кровавой борьбы…

– «Боже, Царя храни!» – скомандовал Тимирязев, и музыканты стройно, мелодично исполнили наш дорогой, национальный гимн.

Мы все сняли шапки и стоя прослушали его. А затем с новой силой, с новой энергией раздался наш победный крик «ура».

Завтрак продолжался, и музыканты очень искусно исполнили между прочим турецкий марш, который они разучили во время стоянки своей в Св. Георгии, что видимо понравилось толпе. После турецкого марша я предложил тост за здоровье Тимирязева, офицеров-моряков «Тамани», гостеприимно приютивших нас на своем судне. Музыканты проиграли туш и дружно прокричали «ура». Завтрак окончился в два часа, и затем капитан сделал распоряжение сниматься с якоря, так как «Тамань» уже нагрузилась углем. Вообще, я не могу не вспомнить еще раз с удовольствием о том радушии, о том русском гостеприимстве, которое мы встретили на «Тамани» от капитана, офицеров и всей команды.

Музыканты, по распоряжению капитана, получили отличный завтрак с водкой, а когда я предложил уплатить за это деньги, то офицерство положительно воспротивилось.

– Вы и не думайте, – говорили они, – предлагать капитану плату – он наверно обидится! У нас запасы всегда есть – пожалуйста, не беспокойтесь!

Около двух с половиной часов «Тамань» под национальным флагом двинулась по направлению к Буюк-Дере. Проходя мимо султанского дворца (Долма-бахче)[240], музыка снова заиграла «Боже, Царя храни», а затем турецкий марш. При проезде мимо иностранных консульств и мимо селений опять неслись с нашего парохода звуки русской музыки, и везде народ с удивлением смотрел на быстро плывший русский пароход, с которого раздавалась стройная игра. Пространство около двадцати верст против течения мы проехали не более часа.

Подъезжая к бухте Буюк-Дере, мы заметили, что из красивого дома русского посольства, утопавшего в зелени кипарисовых и лавровых садов, вышли два русских генерала. В одном из них я сейчас же узнал хорошо знакомую мне фигуру Михаила Дмитриевича, другой был мне незнакомый.

– Это посол наш – князь Лобанов-Ростовский, – сказал мне Тимирязев. – Надо, однако, им отдать честь, как только пароход остановится. Вы, пожалуйста, распорядитесь музыкой!

Действительно, как только был брошен якорь, капитан скомандовал матросам «по реям!», а музыка в это время заиграла свой полковой марш. Скобелев и Лобанов-Ростовский удивленно смотрели на посольский пароход, недоумевая, как это на нем очутился наш оркестр.

Был спущен катер, и 12 матросов лихо подкатили к пристани, у которой стояли генералы. Скобелев уселся в катер, подъехал к пароходу и по трапу взобрался на палубу.

– Здоро́во, моряки! Здоро́во, казанцы! – поздоровался он по очереди с солдатами. Я подошел к нему и доложил о прибытии и исполнении данного мне поручения.

– Как вы попали сюда? – сказал Скобелев. – Я и князь сильно удивились, услышав музыку на «Тамани».

---

[240] *Долма-бахче* – летний дворец турецкого султана на берегу Босфора.

Я рассказал вкратце о своих приключениях, о любезности Тимирязева, и Скобелев, очень довольный, поблагодарил как меня, так равно и капитана.

Усевшись все вместе в катер, мы подъехали к пристани, где князь тоже поблагодарил меня за доставку музыкантов. Князь предложил мне поместиться в здании посольства, но я, поблагодарив его за любезность, просил позволить мне остаться на «Тамани», так как офицеры-моряки взяли с меня слово, что я буду их гостем. И действительно, я не раскаивался, что остался в обществе моряков. Это были все такие милые, гостеприимные и простые люди, мы постоянно так весело проводили время на палубе роскошного судна, любуясь очаровательными видами и вдыхая здоровый морской воздух, что, казалось бы, никогда не расстался с такой жизнью.

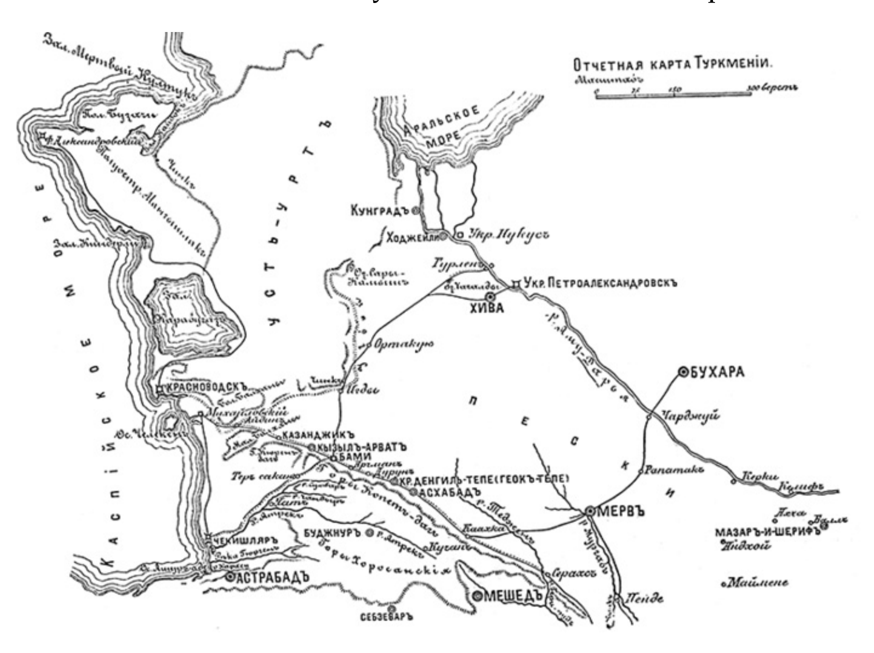
Там, на земле, тоже, кажется, недурно проводили время. В честь Скобелева, между прочим, посольство устроило парадный обед, на котором я не присутствовал. Скобелев, как истый русский хлебосол, не захотел остаться в долгу и решил отплатить посольству тем же – т. е. обедом. Обед этот состоялся в гостинице (не помпою названия), содержателем которой был француз, и сервирован был в прекрасном большом павильоне, обвитом виноградом. Приглашены были, кроме посольства, также бригадные и полковые командиры 4-го корпуса, Тимирязев, Елагин и др.

Пообедав в столовой «Тамани», я сидел с моряками на палубе, распивая прекрасное кипрское вино, как вестовой Скобелева принес мне письмо. Предполагая какую-нибудь новую служебную командировку, я с неудовольствием вскрыл его.

«Дукмасов! – писал генерал, – приезжайте сейчас обедать и пригласите с собой, от моего имени, мичмана Мореншильда. Скобелев».

– Слушайте, мичман, – обратился я к Мореншильду, передавая ему записку, – поезжайте одни и скажите, пожалуйста, что я нездоров. Не люблю я этих парадных обедов…

– Нет, я без вас не поеду ни за что! – отвечал моряк.

Итоговая карта Туркмении. Конец XIX века

Волей-неволей пришлось согласиться. На катере доехали мы до берега и по узкой улице поднялись до гостиницы. Все общество было уже в саду, за столом, в изящном павильоне, с которого открывался прелестный вид на море. Мы сделали общий поклон и уселись на свои места. Лакей подал нам черепаший суп.

– Ты, братец, дай нам вина лучше, а этого не надо!

Скобелев услышал мои слова и обратился к слуге по-французски.

– Не надо ему вина, не давай. Он, кажется, и без того уже пил!

– Ваше превосходительство, мы уже пообедали на «Тамани». Что же я буду снова суп есть. Я не могу…

– Вот неугомонный, – улыбнулся Михаил Дмитриевич. – Ну дай ему лафита[241], да только с водой!

Обед продолжался, и завязался общий оживленный разговор на самую, конечно, горячую, интересующую всех тему. Отдавались должные похвалы нашим войскам, должное порицание дипломатии. Представители последней очень мило и ловко парировали направляемые по их адресу обвинения… Мы, строевики, особенно сетовали, что нам не позволили занять войсками Константинополя, что условия мира далеко не соответствуют нашим победным триумфам, не удовлетворяют нашего национального самолюбия. В разговоре Скобелев, обратившись к первому драгоману русского посольства господину Ону, заметил:

– Да, дипломатия сделала большой промах, что не настояла на том, чтобы русские войска хотя бы прошли через Константинополь, не занимая даже его. Этим наши труженики-герои получили хотя бы некоторое удовлетворение за свои победы, лишения, жертвы… А то у нас вышло какое-то недоконченное торжество, полупобеда. Войска все чего-то ждут, все еще надеются, что их пустят сюда… Чересчур уж мы гуманничаем и прямо во вред себе. Вот немцы не поцеремонились ведь с французами, с этою гуманной, образованной нацией! [242] Они еще раз доказали Европе, что смелостью, энергией, даже нахальством всегда можно больше выиграть, чем с нашим великодушием и гуманностью!

---

[241] *Лафит* (*фр.*) – французское красное вино.

[242] Спровоцированная прусским канцлером О. Бисмарком и начатая формально Наполеоном III, франко-прусская война (1870–1871) закончилась 1 марта 1871 г. полным поражением Французской империи – прусские войска вошли в Париж.

Вообще, если бы пришлось, то в отношении немцев я придержался бы их же тактики – действовал бы без жалости, без сострадания… Вот теперь мы видим результаты этой двуличной политики, эту благодарность за наш честный, благородный образ действий в 70-х годах. Нет, господа, как хотите, а я не верю в эту вероломную, заигрывающую политику немцев! И нам давно следовало бы держаться такой же мудрой, решительной, хотя и эгоистичной немецкой политики! Тогда у нас не было бы таких преград, недоразумений.

Большинство из нас, военных, конечно, вполне согласилось с мнением истинного русского патриота. Дипломаты же только снисходительно улыбались.

– Да, господа, – обратился я к соседям, указывая на чудный вид (Босфор и Мраморное море видны были из нашего павильона, расположенного на возвышенности), – разве место здесь этим многочисленным турецким и иностранным судам? Тут давно уже должен развеваться наш, русско-славянский, флаг, кипеть русская жизнь!

Вино и слова Скобелева совершенно отуманили мою голову. Я говорил что-то очень много и, кажется, больше по адресу дипломатии, потому что Скобелев несколько раз меня останавливал. Но я так расходился, что меня никто не мог унять.

– Ведь вы любите правду, ваше превосходительство? – отбивался я от генерала. – Любите?

– Люблю! – отвечал он.

– Так не мешайте же мне говорить ее! Я воин, а не дипломат!

В конце концов Скобелев махнул на меня рукой, как на безнадежного.

После обеда некоторые уселись тут же, в саду, играть в винт[243]. Я тоже занялся этим любимым русским бездельем. Партнеры мои были генерал Шнитников и полковники Ар-

---

[243] *Винт* – карточная игра.

гамаков и Лео. Мне сильно везла карта, и Шнитников, проигравшись, очень взволновался и сердился на меня. Но когда мы сели с ним вис-а-вис[244] и вдвоем обыграли противников, то генерал сразу повеселел и перешел в самое приятное расположение духа.

После ужина, поздно вечером, я вернулся на «Тамань». На следующий день утром, я получил приказание от Скобелева ехать с ним в Константинополь. По обыкновению мы остановились здесь в «Англетере».

– Вы подождите меня, я скоро вернусь: мне нужно на минутку зайти в английское посольство. А затем мы вместе поедем в Св. Георгий. Его Высочество уезжает на днях в Россию, и новый Главнокомандующий, генерал-адъютант Тотлебен, будет объезжать войска.

В тот же день мы приехали в Св. Георгий, и Скобелев занялся приготовлениями к встрече генерала Тотлебена. Действительно, через несколько дней на наши позиции приехал новый Главнокомандующий в сопровождении огромной свиты, иностранных агентов и нескольких турецких пашей. Тотлебен осмотрел уже гвардию и войска, стоявшие близ Мраморного моря, и теперь прибыл в район 4-го армейского корпуса. Осмотрев подробно лагерное расположение всех родов оружия, позиции и аванпосты, а также хозяйственную часть отряда, Тотлебен остался всем очень доволен и выразил Скобелеву свое полное удовольствие.

Затем Главнокомандующий со всею своею свитой по приглашению Скобелева остался у него завтракать. Об этом Михаил Дмитриевич позаботился еще ранее. Гостей было около 80-ти человек. Высшие чины поместились в палатки, для более юных был устроен рядом очень хорошенький

---

[244] *Вис-а-вис* – транслитерация с французского выражения vis-à-vis, которое произносится «визави» и означает «друг против друга, напротив».

павильончик, обвитый зеленью. Завтрак, конечно, был роскошный: Скобелев вообще отличался гостеприимством и на подобного рода удовольствия никогда не жалел денег. Отборные блюда, лучшие вина были привезены из Константинополя. Два оркестра музыки и солдаты-песенники придавали этой красивой картине военной трапезы на позиции, в присутствии представителей чуть не всех национальностей Европы, еще больший эффект. Особенно турецкие паши пришли в восторг от радушия и любезности Михаила Дмитриевича.

– Господа, – обратился он перед завтраком к нам, ординарцам, – вы на правах хозяев, пожалуйста, получше угощайте гостей и смотрите, чтобы посуда не была пуста!

Мы разошлись по всем столам и усердно исполняли свои обязанности. Много было, конечно, тостов, тушей, сопровождавшихся громким «ура», но я, сидя в павильоне, довольно плохо слышал те речи, которые произносились в палатке. По окончании завтрака новый Главнокомандующий уехал обратно в Сан-Стефано, любезно распростившись со всеми, причем мы проводили его до деревни Икетли.

На следующий день Скобелев, в наказание за то, что во время завтрака я выпил не в меру и сказал что-то лишнее генералу Томиловскому, который за это пожаловался на меня Михаилу Дмитриевичу, приказал мне через своего начальника штаба, Генерального штаба капитана Сахарова – добродушного, милого человека – произвести рекогносцировку пространства к северу от расположения отряда: у Св. Георгия через деревню Богас-Шой до Черного моря у Акбунара и проверить демаркационную линию у Райской долины, которую занимали конно-гренадеры и лейб-драгуны. Получив предписание, планшет и прочие принадлежности, я в семь часов утра с двумя казаками двинулся в путь и приступил прямо к глазомерной съемке, составив предварительно мас-

штаб времени. Около десяти часов я приехал в деревню Богас-Шой, где я должен был явиться к командиру конно-гренадерского полка графу Ламсдорфу[245].

«Он, кажется, очень хороший человек. Наверное, накормит завтраком…» – сообразил я, въезжая в деревню.

– Где живет командир полка? – обратился я к бравому и рослому солдату, шедшему мне навстречу со связкой сена.

– Граф? А вот их квартира, ваше благородие, – отвечал он, указывая на довольно хорошенький деревянный домик.

Я представился графу, объяснил ему свою миссию и показал предписание.

– А, очень рад, очень рад! – отвечал граф, пожимая мою руку. – Ну, вы успеете еще наработаться. Сначала пойдемте в столовую завтракать!

«Однако, я не ошибся: граф действительно премилый человек!» – подумал я и, поблагодарив графа за его приглашение, просил позволения сначала съездить посмотреть посты по Райской долине.

– Ну хорошо, я вас буду ждать к двенадцати часам.

Я со своими казаками направился по течению небольшой речки Манглов-Дере, которая протекает по так называемой Райской долине, и через час доехал до деревни Пиринджикиой, где находился наиболее важный конно-гренадерский пост. Осмотрев подробно красивые окрестности долины, проходящие здесь дороги и сделав кое-какие заметки на своем планшете, я около двенадцати часов дня возвратился в Богас-Шой.

– А, приехали! – встретил меня граф. – Как раз вовремя. Завтрак готов. Пойдемте в столовую!

---

[245] *Граф Ламсдорф Константин Николаевич* (1841–1900) в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командовал Лейб-гвардии Конно-гренадерским полком. Последний чин – генерал-майор (1877).

Выйдя из дому и увидя своих казаков, я хотел распорядиться о них и лошадях, но любезный хозяин предупредил меня.

– Пожалуйста, не беспокойтесь! Я уже приказал: и они, и лошади будут сыты.

Мне оставалось только поблагодарить гостеприимного хозяина.

– Мы устроились кое-как, по-деревенски, – продолжал граф по дороге в табльдот[246].– Всей полковой семьей собираемся к завтраку, обеду и ужину и время проводим довольно весело. Содержатель нашего табльдота из Константинополя, и все продукты мы получаем тоже оттуда.

Вскоре мы подошли к деревянному двухэтажному дому и поднялись наверх, в столовую. Здесь уже было много офицеров, которые все шумно поднялись при входе своего командира. Граф отрекомендовал меня своим офицерам, с некоторыми из которых я был уже знаком. Немедленно приступлено было к выпивке. Все уселись за столы, и завязалась шумная, оживленная беседа. Полковое офицерство видимо представляло из себя тесную, сплоченную семью. Отношения были самые искренние, дружеские, и никто не стеснялся присутствием начальника, который держал себя скорее как старший товарищ, нежели как командир. На улице играла полковая музыка, и под ее стройные звуки как-то приятнее пилось и елось.

– Граф, позвольте мне встать из-за стола и ехать дальше, – обратился я к командиру полка, когда завтрак был уже кончен, и все сидели, болтая, за стаканами прекрасного вина.

– Ах, сделайте одолжение, – отвечал он, – только вы извините меня: я распорядился, что вы пойдете дальше не на своей лошади и не со своими людьми. Конь ваш и казаки

---

[246] *Табльдот* – общий стол.

пусть отдохнут у нас, а вы поезжайте на прекрасной лошади капитана Ломичевского, который предлагает вам ее. С вами же отправятся наши солдаты, а также прапорщик Иваницкий, отлично знающий эту местность. Он вам подробно все объяснит. Надеюсь, вы не будете в претензии на меня за это! А пока приведут лошадей, выпейте-ка еще стаканчик! – продолжал граф.

Оставалось поблагодарить еще раз любезного и доброго хозяина. Вскоре привели мне лошадь, и я, распростившись с радушными хозяевами, в обществе прапорщика Иваницкого, молодого и веселого офицера, и в сопровождении двух конно-гренадер выехал из Богас-Шоя на север и осмотрел всю местность вплоть до самого Черного моря у Акбунара. Здесь, впереди деревни, помещался взвод конно-гренадер под командой прапорщика Демора, к которому в палатку мы без церемонии и заехали. Отдохнув, напившись чаю и закусив, мы через два часа пустились в обратный путь. Было уже совершенно темно, около одиннадцати часов вечера, когда мы прибыли в Богас-Шой, и я заехал прямо на квартиру графа.

– Они ушли в офицерский клуб и просили вас туда же, – сказал человек.

В клубе собрались все почти офицеры.

– А, приехали, милости просим! Ну, рассказывайте, что вы нашли на наших позициях? – встретил меня граф.

Мне подали ужин, появились свежие бутылки. Мало-помалу завязался общий разговор про Скобелева, про боевую его деятельность, про Зеленые горы, Шейновское дело и проч. Офицеры рассказывали мне про сражения, в которых участвовал их полк, про Гурко, про Филиппопольский бой и т. п. Был уже второй час ночи, когда граф встал из-за стола и распростился со всеми, взяв с меня слово, что на следующий день я явлюсь к завтраку. Я тоже хотел было отправиться на покой, но офицеры меня удержали.

– Нет, батенька, как хотите, а мы вас не пустим, – сказал капитан Ломичевский, на лошади которого я в этот день ездил. – Кавалеристу еще рано спать. Отправитесь к нам варить джонку.

Хотя я порядком устал, но отказываться от любезного приглашения было неудобно, тем более что сожители Ломичевского – полковник Кетхудов и Владимиров – тоже стали упрашивать меня. Мы вышли с несколькими офицерами из клуба и по темным улицам направились к квартире упомянутых офицеров, которая помещалась во втором этаже какого-то большого дома. В просторную комнату, куда мы вошли, два гренадера принесли вскоре большой ковер и разостлали его на полу посередине. На него поставили низенький болгарский столик с большой деревянной посудой.

– Господа, с диванов долой! Всем садиться на ковер вокруг этого жбана, – сказал вошедший Ломичевский, все время хлопотавший и возившийся с разными ящиками, – и извольте слушать мою команду: шашки вон! Кладите их сюда, на эту посудину!

Моя боевая казачья шашка, отведавшая уже не раз мусульманской крови, мирно побраталась с громадными стальными клинками конно-гренадер. На скрещенное таким образом оружие Ломичевский поставил голову сахару и затем начал поливать ее из бутылок всевозможными жидкостями. Лилось без разбора: и вино, и коньяк, и ром. Много уже бутылок стояло пустыми, а монстр-жбан все еще не был полон.

– Ну, довольно, – сказал, наконец, Ломичевский. – Теперь, господа, вооружитесь стаканами и тушите огни!

Мы очутились вдруг в совершенной темноте. Но вот кто-то чиркнул спичку и поднес ее к краю посуды. Комната мгновенно осветилась чудным голубоватым огнем и озарила нашу живописную группу, расположившуюся вокруг этого спиртового костра.

– Черт возьми! Мы точно огнепоклонники при совершении таинства! – заметил кто-то при общем смехе.

– Ну-с, пора и на водопой… Черпайте, господа, ваши ведра – джонка готова…

Долго еще продолжалась наша веселая товарищеская беседа. Дружеским тостам и задушевным пожеланиям не было конца, и только около пяти часов утра мы разошлись, сильно покачиваясь, по квартирам. Я отправился на квартиру Иваницкого и с тяжелой головой заснул как убитый на широком, длинном диване, огибавшем стены всей комнаты. Впрочем, проснулся я довольно рано и закончил свою планшетную работу, написав все необходимые сведения. Около двенадцати часов в комнату, где я занимался, вошел громадный конно-гренадер.

– Его сиятельство, командир полка, просят ваше благородие на завтрак в офицерский клуб! – отчеканил он густым басом.

Компаньон мой, Иваницкий, спал в это время в самой живописной позе на своем диване.

– Ваше благородие, а ваше благородие! – начал я его тормошить.

Но его благородие не подавало никакого признака жизни. Пришлось прибегнуть к решительной мере: набрав в рот холодной воды, я его хорошенько вспрыснул. Мера оказала свое действие, и юноша моментально вскочил. Наскоро одевшись, мы отправились в столовую. Офицерство было уже в сборе, и вскоре явился сам граф. В конце завтрака командир полка предложил тост за здоровье Скобелева. Офицеры радостно приветствовали слова графа дружным, продолжительным «ура». Музыка сыграла туш и затем Скобелевский марш. Я ответил тостом за здоровье графа и лихой Конно-гренадерский полк. После завтрака, поблагодарив еще раз любезного графа за его радушие и распростившись с симпатичным, гостеприимным обществом офицеров

конно-гренадер, я уселся на своего коня и выехал из Богас-Шоя. По дороге казаки мои рассказывали мне, как хорошо провели они время за эти два дня и как прекрасно их кормили.

– Лошадям овса сколь хошь давали. А граф нам по серебряному рублю пожаловал. Дай Бог им здоровья и всего хорошего! – закончили они свои рассказы.

Было около четырех часов, когда мы приехали в Св. Георгий. Я отправился прямо к капитану Сахарову, который был у Скобелева начальником штаба.

– Михаил Дмитриевич уехал в Константинополь! – отвечал он на мой вопрос о Скобелеве.

– Ну, в таком случае и я поеду туда же. Получай, брат, мою работу и отпускай меня на все четыре стороны!

– Да поезжай – ты здесь не нужен, – отвечал Сахаров.

Глава IV

Часов в шесть вечера я был уже в Сан-Стефано и отправился на пароходную пристань. Переходя по мостику на пароход, я был остановлен дежурным офицером Гренадерского полка.

– В военной форме запрещено ездить в Константинополь! – обратился он вежливо ко мне.

– Я это знаю, – отвечал я, – но, во всяком случае мне нужно непременно отправиться туда по делам службы к генералу Скобелеву!

– Я доложу об этом начальству.

– Сделайте одолжение! – ответил я и направился на пароход. В это время я услышал, что меня кто-то окликнул позади.

– Господин офицер, подождите!

Я обернулся и увидел какого-то полковника в мундире Лейб-гвардии казачьего полка, который махал мне рукой.

«Вот, еще и этот привяжется», – подумал я, беря под козырек подошедшему полковнику.

– Здорово, братец! – сказал он мне с таким акцентом, каким говорят обыкновенно наши горцы. – Мне так понравился твой ответ, что я еду с тобой в Константинополь тоже в форме. Зачем штатский костюм? Мы – военный народ!

– Очень рад, полковник! – отвечал я, пожимая протянутую мне руку и несколько удивляясь той фамильярности, с какой обращался ко мне совершенно незнакомый человек.

– Пожалуйста, не называй меня полковником, а просто Аргутинским![247] – отвечал он, таща меня за руку на пароход.

Поместившись на палубе и любуясь видами Мраморного моря, мы незаметно проболтали до самого Константинополя, причем князь оказался очень веселым и остроумным собеседником. Приехав в Константинополь и заняв номера в гостинице, мы отправились в ближайшую кондитерскую – любимое место заседаний русского офицерства. Заняли столик, заказали обед и потребовали вина. Сидим и пьем.

Вдруг я слышу, что кто-то окликнул меня, назвав по фамилии. Оглядываюсь кругом – никого нет, кроме двух драгунских офицеров, усердно занятых своими стаканами.

– Что ты, душа моя, смотришь? – обратился ко мне князь, заметив, что я оглядываюсь по сторонам.

– Да кто-то зовет меня, – ответил я, – и голос знакомый, а никого нет!

В это время снова послышалось:

– Дукмасов!

И из-за полуоткрытой наружной стеклянной двери я увидел знакомую фигуру Михаила Дмитриевича, одетого в штатское платье.

---

[247] *Аргутинский-Долгоруков Давид Луарсабович* (1843–1910) – участник подавления Польского восстания и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Последний чин – генерал-лейтенант (1903).

– Вы как сюда попали? – обратился он ко мне.

– Приехал на пароходе, – отвечал я.

– Знаю, что не на воздушном шаре. Я не о том спрашиваю… Как вы очутились здесь, когда я послал вас на рекогносцировку к Черному морю?

– Я окончил свою работу, сдал ее начальнику штаба и последний отпустил меня сюда.

– Воображаю, много вы там сделали! Впрочем, я посмотрю… Затем, почему вы в военной форме? Ведь вам известно, что запрещено являться сюда в таком виде!

– Я казак, ваше превосходительство, и штатского костюма от роду не носил и до гробовой доски не надену, – отвечал я.

– Смотрите, как бы я вас за это не арестовал еще! – отвечал Михаил Дмитриевич, хотя я ясно видел по его глазам, что он шутит.

– Ну, скорее я вас арестую, ваше превосходительство! Ведь вы в штатском платье, а я в военном!

Михаил Дмитриевич от души расхохотался.

– Ну, вот что: кончайте скорее ваш обед и приходите ко мне в Английскую гостиницу. У меня есть к вам дело. Да, пожалуйста, не напивайтесь только!

Скобелев вышел, а я вернулся к Аргутинскому. Выпив еще вина, мы разошлись в разные стороны, условившись к десяти часам вечера явиться в театр. Ложу должен был взять Аргутинский. Скобелев сидел у себя в номере Английской гостиницы и что-то писал.

– А, явились. Ну, прекрасно… Теперь я вас больше и не пущу.

– Как не пустите?! – удивился я.

– Да так и не пущу. Запру двери – вот и все.

– Да мне нужно в театр, ваше превосходительство. Уже ложа взята у нас, – отвечал я.

– Это для меня безразлично. Сказано: не пущу – и никаких разговоров. Безобразничать будете, да еще в форме. Не

пущу… Представьте себе, – продолжал он, обратившись к сидевшему тут же Маркову, – вот этого зверя я поймал в кондитерской, да еще с кем – с Аргутинским! Черт связался с младенцем… Если они вдвоем напьются, то разнесут вдребезги весь Константинополь. А потом отвечай за них. Мы вот лучше поужинаем вместе чинно и ляжем спать в свое время. А пока вот советую заняться книгами: я свежие получил, рекомендую!

– Ну их! – отвечал я. – Лучше вы отпустите меня с Марковым. У меня ведь номер занят уже и ложа взята!

– Не пущу… Не мешайте мне писать! – сказал генерал и начал что-то строчить.

Спустя немного времени мы спустились в столовую, поужинали и затем снова вернулись в номер. Скобелев приказал внести два тюфяка и положить их на пол.

– Вот вам постель, раздевайтесь и ложитесь. А завтра раньше встанем, и я вам дам работу.

Скобелев разделся, улегся на постель и стал читать газету. Мы расположились вблизи на тюфяках.

– Вот что, брат, – обратился я шепотом к Маркову, – как только он уснет – мы оденемся и удерем, а затем под утро вернемся обратно.

– Отлично, – согласился Марков.

Мы укрылись одеялами и притворились спящими. Скобелев почитал газету около получаса, затем вдруг встал, подошел к двери, запер ее на замок и ключ положил себе под подушку.

«Вот тебе и раз! – подумал я, смотря из-под одеяла на принимаемые генералом меры против нашего бегства и толкая под бок своего соседа, – и последняя надежда лопнула!»

– Ваше превосходительство, – чуть не расплакался я, – зачем это вы дверь заперли?

– А чтобы вы не удрали! Народ ведь вы ненадежный, я знаю!

Михаил Дмитриевич улегся и потушил свечу… Несколько минут спустя я подошел осторожно к окну и стал осматриваться.

– Вы чего там смотрите? – слышу в темноте голос Михаила Дмитриевича.

– Смотрю, нет ли тут трубы. Мы по ней бы спустились. К несчастью, не оказывается.

– Ну так прыгайте прямо!

– Покорнейше вас благодарю. Чтобы шею сломать? Нет уж, видно, с вами трудно бороться. Покойной ночи, ваше превосходительство!

– Давно бы так!

Вскоре я услышал храп Михаила Дмитриевича. Мне что-то не спалось, и я долго ворочался на своем тюфяке. Утром я был разбужен от какого-то неприятного ощущения холода и мокроты. Открыв глаза, я увидел стоявшего перед собой в одном белье Скобелева, который из рукомойника преспокойно лил воду на меня и Маркова. Я моментально вскочил.

– Что вы делаете, ваше превосходительство?! – закричал я испуганно.

– Бужу вас! – заливаясь смехом, отвечал генерал, и струя холодной воды продолжала литься на мое тело. Рубашки наши и постель были совершенно мокры, так как Михаил Дмитриевич вылил на нас целый рукомойник и взялся за другой, полный, чтобы продолжать свое невинное занятие.

– Ну нет! – закричал я, бегая в одной рубашке по комнате. – Уж больше вам не удастся нас поливать!

И я, схватившись за рукомойник, хотел вырвать его из рук Михаила Дмитриевича.

– Марков, помоги мне! – кричал я, не будучи в состоянии справиться один.

Во время борьбы рукомойник вдруг полетел на пол, разбился вдребезги, и вся вода очутилась на дорогом ковре.

– Вот так-то лучше! – сказал я, и схватил со стола графин с водой. Скобелев бросился его отнимать, и графин очутился тоже на полу. Все хохотали до упаду, и Михаил Дмитриевич больше всех.

– Вот войдет человек сейчас, – заметил я, вытираясь полотенцем, – и подумает: каков русский генерал, чем занимается с подчиненным!

– Да вы же сами виноваты: спите так, что начальнику приходится вас будить.

– Хорош способ будить! – оправдывался я. – На что мы теперь похожи?!

– Ну не ворчите, давайте мириться. Вон возьмите там в чемодане мое белье и наряжайтесь.

Я и Марков надели его белье.

После завтрака Михаил Дмитриевич ушел в посольство, а около двенадцати часов мы все вместе поехали обратно на позицию в Св. Георгий. Здесь Скобелев получил приятную телеграмму, что скоро к нему приезжает из России его мать с бывшим воспитателем Жирарде. Известие это очень обрадовало Скобелева, и мы, воспользовавшись его хорошим расположением духа, отпросились снова к берегам Босфора. Бесцельно шатался я по улицам Константинополя и, наконец, очутился возле моста через Золотой Рог, на голубой водной площади которого виднелся целый лес мачт с разноцветными флагами всех наций, и между ними по разным направлениям сновала масса маленьких, легких яликов.

«А не проехаться ли в Азию?» – пришла мне вдруг мысль, и, сойдя к берегу, я уселся в одну из этих миниатюрных лодочек, хозяин которой оказался грек.

– А ну-ка, мусью, тащи меня в Скутари! – приказал я ему, едва умостившись в этой лодочке.

Грекос быстро стал грести, что-то тарабаря на своем непонятном мне диалекте, изредка вставляя некоторые болгар-

ские слова, которые были мне знакомы. Всего до азиатского берега было около двух верст. Отъехав немного от моста, грекос развернул на шесте какую-то грязную тряпку, которая изображала из себя парус, и мы поплыли еще скорее. На середине мы едва не перевернулись, потому что я, не предполагая, что душегубка наша так неустойчива, встал на своем месте и едва не полетел в воду, сильно испугав этим гребца.

– Это не можно, не можно! – с ужасом стал он кричать, уравновешивая веслами сильно раскачавшуюся лодочку.

Наконец мы добрались до берега Малоазиатского полуострова. Город Скутари раскинулся на довольно значительном пространстве. Здания и мечети издали казались очень красивыми, но вблизи впечатление совершенно менялось. Довольно широкая полоса воды у берега была загромождена множеством всевозможных судов. На пароходах и барках виднелась масса турецкого люда, преимущественно женщин и детей, спасавшихся из Болгарии, как объяснил мой грек, от русских «казаков». Я был в форме, при орденах, и потому на меня с удивлением посматривали как с набережной, так и с судов. После некоторых лавирований грек мой пристал, наконец, к берегу.

– Ну, братец, как хочешь, а я на твоей раковине обратно не поеду, – объяснил я кое-как своему носатому лодочнику и расплатился с ним. Он ничуть не обиделся, а, напротив, даже помог мне разыскать для обратного путешествия хорошенький катер, хозяин которого, тоже грек, объяснялся довольно порядочно по-русски. Приказав своему новому хозяину ожидать меня версты на полторы к северу от места высадки, я пешком отправился по узким и грязным улицам Скутари, которые были положительно запружены самой разнообразной толпой турецкого люда, преимущественно в бедных, оборванных цветных костюмах с узлами и котомками на плечах.

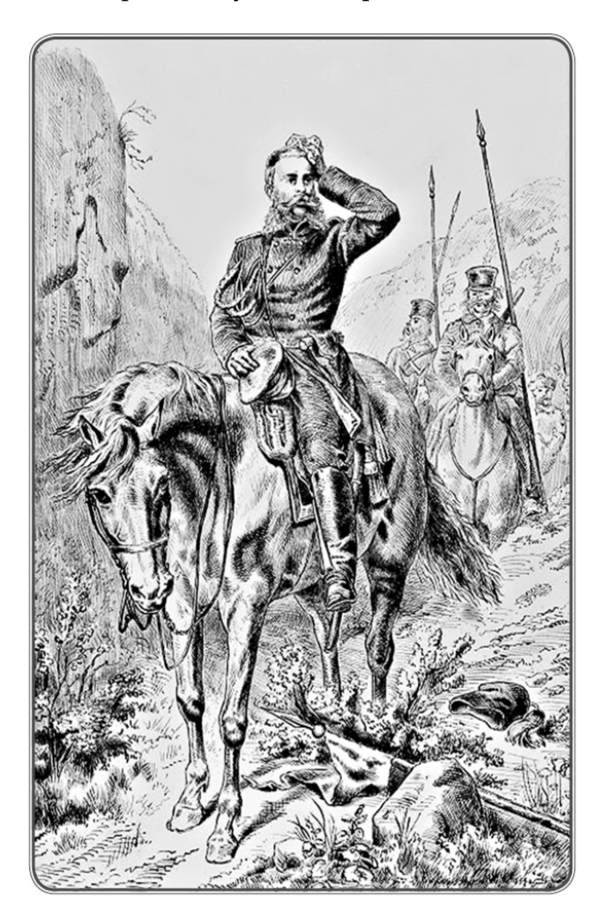
Вообще здесь на улицах народу встречалось гораздо больше, чем в Константинополе. Навьючены, впрочем, были почти исключительно женщины, дети и многочисленные ослы. Мужчины же, большей частью, шли с пустыми руками. Тут были и турки, и греки, и евреи, и чернокожие нубийцы, и воинственные албанцы, и жители Аравии, и даже негры – и все это в своих оригинальных пестрых костюмах с красными фесками и белыми чалмами на головах. Словом, здесь были, кажется, представители со всех вассальных провинций обширной Турецкой империи – представители из Европы, Азии и Африки.

По дороге попадались довольно хорошие двухэтажные дома с балконами, порядочные магазины. Но все это носило характер вполне азиатский, восточный. С трудом протискивался я через эту пеструю толпу, обращая на себя всеобщее внимание своим русским мундиром, своими орденами. «Москов, гяур!» – слышались повсюду восклицания, и на меня все указывали пальцами. Положенье было довольно неловкое, и я направился к набережной, где толпа была значительно реже. Здесь мою фигуру заметил хозяин нанятого мною катера, плывшего вдоль берега, и криком просил меня подойти к пристани.

Вблизи пристани, на спуске к Босфору, помещалась какая-то кофейня. Под навесом стояло несколько столиков. Посетителей почти не было. Я вошел в нее, уселся к одному из столиков и потребовал себе вина. Ко мне подошел хозяин-грек и вежливо поклонился. По-русски он не понимал ни слова и на мои вопросы отвечал мычанием. Вскоре явился хозяин моего катера и служил нам переводчиком. Я усадил их возле себя, и из принесенной бутылки стал наливать в стаканы вино, приглашая греков выпить со мною. Хозяин кофейни, видя, что я хочу его угостить, торопливо подозвал к себе мальчишку, сунул ему бывшую в моих руках бутылку и

что-то быстро заговорил. Мальчик со всех ног пустился куда-то с данною ему бутылкой.

– Что это? – спросил я у своего грека.

Портрет М. Д. Скобелева. Ок. 1873 г.

Последний объяснил мне, что по ошибке мне подали не то вино, какое следует. Я догадался, что меня просто хотели угостить какою-то мерзостью, но, конечно, не показал вида. Вскоре прибежал мальчик и принес другого, довольно хорошего вина. После двух-трех стаканов грекосы развеселились и

начали рассказывать мне, что они, греки, очень довольны тем, что русские войска победили турок; что они с нетерпением ожидают, когда мы займем Константинополь и освободим их от мусульман и проч., и проч. Между тем кофейню мало-помалу стали наполнять посетители, преимущественно греки и болгары. Сначала они сидели поодаль, но вскоре подошли к нашему столику и густой толпой окружили нас. Я предложил некоторым вина, других угостил папиросами, и толпа начала шумно галдеть. Слышались постоянно возгласы «Живио царь Александр, царь Николай!», «Живио генерал Гурко, Радецкий, Скобелев!». Толпа все больше и больше наэлектризовывалась, послышались даже крики «Ура! Живио Россия!..».

«Однако… Это может кончиться очень неприятно для меня, – подумал я, видя возбуждение окружавшей нас толпы. – Как бы еще меня не арестовали здесь… Подумают, что я агитатор какой-нибудь!»

И действительно, через несколько минут в кофейню вошли два турецких офицера в полицейской форме и уселись вблизи нас. Грекосы еще издали их заметили, что-то загалдели, быстро разошлись по кофейне и, расположившись за столиками, стали говорить между собою очень тихо. Я, нимало не стесняясь присутствием полицейских, продолжал свою беседу с греками по-русски, к видимой досаде полицейских чинов (заптиев), ничего, очевидно, не понимавших из моих слов. Наконец один из них – здоровый, смуглый мужчина с длинными, черными усами громко подозвал к себе хозяина кофейни и что-то стал ему говорить, все посматривая на меня. Затем они подозвали к себе и хозяина катера, с которым я беседовал, и тоже долго с ним говорили.

Вернувшись ко мне, грек объяснил, что полицейские все время расспрашивали его про меня: откуда я приехал, зачем, что я им говорил, кто я такой и т. д. По их злобным взорам,

которые они бросали в мою сторону, я решил, что, вероятно, они не особенно дружелюбно ко мне настроены. А потому, во избежание неприятностей, я, расплатившись за вино, отправился на свой катер в сопровождении своего хозяина. Полисмены сочли своей обязанностью проводить меня до самого берега. Усевшись в катер, мы быстро поплыли через Босфор по направлению к Галате. Солнце садилось уже, и скоро весь город засветился бесчисленным множеством огоньков, которые красиво отражались в глубоком водяном пространстве. И эта ночная картина громадного исторического города, отражавшегося в прозрачно-голубых водах Босфора и Золотого Рога; это множество всевозможных судов, тоже сиявших огоньками на поверхности сонных вод; эти роскошные южные сады – кипарисов, платанов, лавров, мирт, померанцев, – тянувшиеся широкими темными лентами по берегам тихих вод, – представляли какой-то фантастический, чудный вид, от которого трудно было оторваться глазами…

Было уже совершенно темно, когда катер наш, въехав в Золотой Рог и полавировав между судами, остановился возле известного нам деревянного моста. Расплатившись с греком, я через туннель попал в европейскую часть Константинополя. Здесь встретил несколько товарищей, и с ними долго еще шатался по разным веселым кафе-шантанам.

На следующий день я вернулся в Св. Георгий.

– А что, Скобелев дома? – спросил я Маркова, с которым помещался в одной палатке.

– Нет, уехал в гости к турецким пашам, собственно к Главнокомандующему – к Фуаду-паше[248]. Скука здесь, брат, ужасная… Отправимся куда-нибудь!

---

[248] *Дели Фуад-паша* (1835–1931) – маршал Османской империи, Главнокомандующий вооруженными силами Турции в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Позднее посол в Австро-Венгрии и России.

– С удовольствием, – отвечал я. – И знаешь куда? Поедем в деревню Макрикиой. Я давно уже туда собираюсь. Говорят, там есть подземные ходы в Константинополь, и даже под морским дном на Принцевы острова!

– Ну, последнее вряд ли! – заметил Марков. – Что ж, пойдем, я согласен.

Не откладывая в долгий ящик, мы через несколько минут собрались уже в путь и отправились на вокзал. До Сан-Стефано доехали по железной дороге, а здесь наняли парусную лодку и Мраморным морем двинулись в Макрикиой. Бывший на пристани дежурный офицер, предполагая, что мы в форме едем в Константинополь, замахал нам платком, приглашая вернуться. Но мы только любезно с ним раскланялись и под парусом быстро понеслись на север. Приблизительно через час лодка наша пристала к берегу у деревни Макрикиой, через которую проходила железная дорога из Сан-Стефано в Константинополь.

– А недурно бы здесь закусить где-нибудь, – сказал Марков, выходя на берег. – Я, по крайней мере, сильно проголодался… Что, есть тут какая-нибудь гостиница? – обратился он к греку, отдавая ему деньги.

Последний отвечал отрицательно, но прибавил, что при вокзале есть небольшой буфет, где можно закусить. Через несколько минут мы были на вокзале и, усевшись за столик, заказали себе завтрак.

«А где же мы проводника найдем для осмотра этих пещер? – соображал я, попивая вино. – Еще заблудимся, пожалуй, да попадем в турецкие лапы!..» В это время в общую залу, где мы сидели, вошли несколько турецких офицеров и поместились за ближайшим столиком.

– Откуда они взялись? – спросил я Маркова, рассматривая фигуры этих турецких сынов Марса.

– А здесь же их лагерь недалеко от вокзала. Они тут стоят на позициях, – отвечал Марков, внимательно вглядываясь в

лица этих офицеров. – А посмотри-ка, Петро, вот на этого офицера, – продолжал он, указывая глазами на симпатичного брюнета, среднего роста, лет сорока пяти, сидевшего ближе к нам. – Ведь это, кажется, тот самый полковник, который, помнишь, приезжал к нам на позиции под Плевной – после сдачи ее – и ночевал еще у нас…

Турки заметили наши пристальные взгляды и, в свою очередь, внимательно посмотрели на нас. Полковник Тахир-бей, на которого указывал Марков, сразу узнал нас и, видимо обрадованный этой неожиданной встречей, весело улыбаясь, быстро подошел к нам.

– Bonjour, messieurs, bonjour! Comme je suis content de vous voir! Qelle rencontre inattendue![249] – говорил он, пожимая наши руки.

Он познакомил нас со своим товарищем Омаром-беем, англичанином, который тоже командовал бригадой в лагере под Макрикиоем. Мы уселись за один столик и потребовали еще вина. Тахир-бей начал с удовольствием вспоминать о своем посещении наших позиций под Плевной, отзывался с восторгом о любезности Скобелева и Куропаткина, об их высоких военных качествах, о поучительных действиях наших войск на Зеленых горах, об их храбрости и т. д. Затем он начал разбирать действия турецких пашей, одних хвалил, других ругал, и все это пересыпая остротами, каламбурами и смехом. Вообще, он оказался очень веселым и умным собеседником. Говорил он преимущественно с Марковым, который совершенно свободно владел французским языком. Я же хотя и понимал почти все, но изъяснялся довольно слабо.

Другой полковник, Омар-бей, преимущественно молчал и, как истый англичанин, хладнокровно потягивал свою ду-

---

[249] Здравствуйте, господа, здравствуйте! Как я рад вас видеть! Вот уж не ожидал! (*фр.*)

шистую сигару и индифферентно посматривал на нас. Узнав, что мы приехали в Макрикиой осматривать пещеры, Тахир-бей стал отговаривать нас от этого, уверяя, что они давно завалены или полны водой, что это не доставит нам ни малейшего удовольствия, и т. д. Затем оба полковника стали упрашивать нас отправиться к ним в лагерь обедать, уверяя, что этим мы сделаем им большую честь и доставим огромное удовольствие. Просьбы их были так настойчивы, что мы не могли отказаться, и, расплатившись в буфете, отправились все вместе в их лагерь, помещавшийся недалеко от вокзала. Встречавшиеся на пути турецкие солдаты становились во фронт своим начальникам и с удивлением посматривали на наш русский костюм. Вскоре мы подошли к лагерю. Несколько офицеров выглянуло из палаток и тоже удивленными глазами провожало нас.

Наконец мы вошли в большую круглую палатку Тахир-бея. Обстановка была довольно скромная, без всякого комфорта, которого можно бы было ожидать в помещении бригадного командира. Железная складная кровать, маленький столик, две табуретки со сложенным на них оружием, чемоданы и ковер на земле – вот и все убранство лагерного жилья турецкого бея. Мы разместились здесь кое-как, и Тахир-бей начал угощать нас прекрасным табаком. Англичанин же, Омар-бей, ушел к себе хлопотать относительно обеда. Вскоре в нашу палатку вошло еще несколько офицеров, с которыми Тахир-бей (хозяин) нас сейчас же познакомил. Между ними два были Генерального штаба и один командир кавалерийского полка (фамилий их не помню). Все были очень любезны, веселы и внимательны к нам. Офицеры Генерального штаба в разговоре между прочим сообщили, что они воспитывались в Париже и окончили курс в университете.

– А что, господа, не пойти ли нам выкупаться перед обедом? – обратился ко мне и Маркову Тахир-бей.

– С удовольствием! – отвечали все, и целая компания офицеров (шесть турецких и два русских) отправилась к берегу Мраморного моря, к красивой просторной купальне.

Долго плавали мы здесь в прозрачных, синеватых водах Мраморного моря, долго на спокойной водной поверхности раздавались веселый смех оживленные русские, французские и турецкие речи вперемежку… Наконец, в самом веселом расположении духа мы вернулись в лагерь, где в палатке Омар-бея уже ждал нас обед. Англичанин устроился совсем не так, как его товарищ, Тахир-бей. Палатка была гораздо больше и убрана даже с некоторым комфортом. Стол накрыт совершенно по-европейски. Обед, доставленный, вероятно, из Константинополя, ничуть не напоминал, что здесь преобладают сыны Магомета.

Вкусный обед, прекрасные вина, отличное шампанское и, в довершение всего, довольно порядочная дивизионная музыка, которая играла во время нашего обеда – все это, конечно, приятно поразило нас. Обед прошел очень оживленно. Все наперерыв нас угощали, и стаканы наши то и дело наполнялись шипучим вином. В конце обеда Тахир-бей громогласно предложил тост за здоровье русского императора, который встречен был громкими криками присутствующих: «Да здравствует Александр! Да здравствует император России!» А я с Марковым дружно прокричал русское «ура». Мы ответили им тостом за султана и осушили до дна наши большие бокалы, что произвело очень приятное впечатление на всех турок, и они горячо пожимали нам руки.

Оркестр в это время заиграл турецкий марш. Затем следовали тосты за вечную дружбу и мир между Россией и Турцией; за здоровье русского и турецкого Главнокомандующих; за русскую и турецкую армию; за всех храбрых обеих армий, причем мне, как имевшему Георгиевский крест, было оказано особое внимание; за здоровье отважных генералов

обеих армий: Скобелева, Гурко, Радецкого, Драгомирова, Османа-паши, Тевфика-паши и др.; за турецкие и русские войска, дравшиеся под Плевной (причем мы успокоили их, что плевненским пленникам живется в России прекрасно); за здоровье, наконец, друг друга… Словом, трапеза наша вышла такая дружеская, такая теплая и задушевная, что трудно было предположить, что это братаются еще недавние заклятые враги, с таким ожесточением, с такой ненавистью истреблявшие беспощадно друг друга на полях и горах Болгарии.

«А, право, турки пресимпатичный народ! – думал я, смотря на их добродушные лица и видя это радушие, эту искренность. – Как-то не верится даже, чтобы они могли обращаться так жестоко и бесчеловечно с братушками».

В конце концов мы все нагрузились так солидно, что многие только лепетали что-то. Было около пяти часов вечера, когда мы всей компанией отправились на вокзал к поезду, шедшему в Сан-Стефано из Константинополя. Хотя турки и упрашивали нас погостить у них еще немного, но мы не могли исполнить их просьб, так как в Св. Георгии предполагался на днях праздник Казанского полка, в списки которого был зачислен Скобелев, который поэтому хотел торжественно отпраздновать этот день, пригласив к нему также турецких начальников. Мы просили наших любезных знакомых приехать на этот праздник (зная, что Михаил Дмитриевич будет этому очень рад) и обещали им на днях прислать приглашение от имени Скобелева. Тахир-бей, Омар-бей и другие турецкие офицеры вошли с нами в вагоны и сердечно пожимали наши руки, соскочив на платформу, когда поезд уже тронулся. Целая толпа турецких солдат смотрела издали на наше дружеское прощание, оживленно между собою разговаривая.

– Ну что, тезка, – обратился я к Маркову, – доволен ты поездкой?

– Очень. А какой, право, прелестный народ эти турки! – отвечал он, все еще не придя в себя от обильных тостов и шампанского. – Право, пресимпатичные люди!

Приехав поздно вечером на позиции, мы узнали, что Михаила Дмитриевича еще до сих пор нет, но что прибыл из Одессы его воспитатель Жирарде, с которым мы познакомились еще раньше под Плевной и которого за короткое время успели горячо полюбить, как умного, благородного и сердечного человека. После взятия Плевны он ездил в Париж, затем был в Санкт-Петербурге и теперь снова вернулся навестить своего любимого питомца и вместе с тем искреннего друга, Михаила Дмитриевича.

– Здравствуйте, господин Жирарде, здравствуйте! – говорили мы, крепко пожимая руку полному человеку, лет пятидесяти, небольшого роста с умной, подвижной, чисто французской физиономией. – Ну как поживаете? где были? что видели? что в России? Рассказывайте скорее всё!

– Подождите, господа, подождите, все скажу. По порядку…

И он нам рассказывал про парижскую жизнь, про выставку…

– Вот, кстати, вам подарки с выставки, – и он презентовал каждому из ординарцев по разной походной принадлежности. (На мою долю достался походный стакан, очень изящно сделанный из французской лакированной кожи.) Рассказывал про Россию, Петербург, про свое путешествие.

– До Одессы я ехал с матушкой Михаила Дмитриевича, с Ольгой Николаевной. Она осталась на время в Одессе по делам Красного Креста, но скоро должна прибыть в Константинополь.

Для Жирарде, которого Скобелев уже давно ожидал, была разбита маленькая палатка рядом с палаткой генерала. Через час приехал Скобелев и очень обрадовался, увидев своего друга-воспитателя. Началась самая задушевная беседа, и мы,

чтобы не мешать старым друзьям, разошлись по своим палаткам.

Спустя два дня по приезду Жирарде, в день полкового праздника Казанского полка, Скобелев назначил смотр всему 4-му корпусу. Кроме начальников других частей, Скобелев пригласил также Главнокомандующего турецкими войсками под Константинополем Фуада-пашу, Беккера-пашу и еще несколько турецких генералов, затем наших знакомых – Тахир-бея и Омар-бея с их адъютантами и других. С Главнокомандующим прибыл и взвод конного конвоя. К десяти часам утра весь корпус выстроился для встречи, причем на правом фланге, по направлению к деревне Икетли, стали Астраханские драгуны и казаки. От казаков же 8-го полка (полковника Желтоножкина) была выслана одна сотня к демаркационной линии для почетного конвоя турецкого Главнокомандующего Фуада-паши и бывших с ним министров.

В десять часов Скобелев объехал войска, поздоровался со всеми и поздравил Казанский полк с его праздником. Вскоре за холмами показалась большая группа всадников в красных фесках и синих мундирах, впереди которой на красивом коне ехал Фуад-паша, представительный и довольно еще молодой человек – лет тридцати пяти, своим ростом, фигурой и даже лицом несколько напоминавший Скобелева. Хотя и говорили, что он природный турок, но по внешности и слегка рыжеватым волосам он больше походил на англичанина. «На караул!» – скомандовал Скобелев и, взяв подвысь, поскакал рапортовать Фуаду-паше, который радушно протянул ему руку. Затем Фуад-паша со своею многочисленною свитой объехал все войска и с каждою частью здоровался по-французски. «Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!» – дружно отвечали ему наши солдатики, ничего, конечно, не понимая из его приветствия на чуждом им языке (музыка в это время играла свои полковые марши). Затем все

войска прошли мимо Фуада-паши церемониальным маршем, причем полки 16-й дивизии, которые Скобелев особенно любил и был даже несколько пристрастен к ним, в своих новых мундирах и фуражках, вместо прежних безобразных кепи, произвели особенно хорошее впечатление и вызвали всеобщие похвалы.

По окончании церемониального марша командир Казанского полка полковник Лео пригласил всех присутствующих начальников частей на полковой праздник. Мы все подошли к месту расположения полка лагерем. На склоне горы были устроены оригинальные столовые для офицеров и солдат. Трудно было придумать что-нибудь более остроумное, более эффектное, чем эта картина празднования братского полкового праздника на самой позиции в присутствии своих недавних врагов: на наиболее возвышенном месте устроен был из нескольких палаток павильон, где в три ряда стояли длинные столы, покрытые белыми скатертями и изящно уставленные приборами, батареями бутылок и разными украшениями (все доставлено было из Константинополя). Это была столовая для офицеров и почетных гостей полкового праздника.

Снаружи шатер был красиво декорирован зеленью, цветами и гирляндами, между которыми рельефно выделялись вензеля Государя, наследника и двух августейших Главнокомандующих (Великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича), а также щиты с названиями тех городов и селений, где лихой Казанский полк проявил свою храбрость, мужество, где увековечил себя геройскими подвигами и отвагой. Затем несколько ниже этого офицерского шатра устроены были оригинальные столовые для нижних чинов: для каждого батальона был вырыт в земле громадный Георгиевский крест. Люди садились с наружной стороны этих крестов лицами внутрь, опуская ноги в канаву около аршина

глубиной, составлявшую наружную ограду крестов. Перед солдатами на крестах стояли простые, но чистые приборы. Еще ниже упомянутых трех громадных Георгиевских крестов, которых вполне заслужили эти три батальона, устроен был в земле же турецкий герб – огромный земляной месяц, куда таким же образом поместился турецкий конный конвой, приехавший с Фуадом-пашой и другими оттоманскими генералами. Между батальонами устроены были дорожки, красиво украшенные гирляндами, флагами и вензелями…

После молебна, совершенного между тремя крестами, все заняли свои места, и нам из офицерского шатра, с высоты, очень эффектно обрисовывались эти громадные русские живые кресты, а ниже их турецкий полумесяц, который особенно выделялся благодаря красным фескам турецких драгун. Всех гостей с офицерами полка было около полутораста человек. Генералитет наш и другие высшие чины разместились вперемежку между турецкими гостями, любезно занимая их и угощая. Скобелев о чем-то оживленно беседовал с Фуадом-пашой и Беккером-пашой. Полковники Лео, Аргамаков, Панютин и другие с чисто русским гостеприимством и радушием ухаживали за остальными сынами Магомета. Особенно своей веселостью, остроумием и находчивостью отличался, как и всегда, Всеволод Федорович Панютин – умный, деятельный и энергичный человек, любимец всех офицеров и солдат.

По русскому обычаю сначала выпили, потом принялись за вкусную закуску. Громкий оживленный разговор на русском и французском языках стоял над этой пестрой, красивой толпой. Во время обеда командир полка, полковник Лео, получил несколько поздравительных телеграмм, между которыми особенно дороги были поздравления от двух августейших Главнокомандующих, причем Михаил Николаевич поздравлял, как шеф, свой славный полк. Телеграммы были

громогласно прочитаны на русском и французском языках (на последнем собственно для турецких пашей) и сопровождались громким единодушным «ура» всех присутствующих офицеров и солдат и звуками народного гимна, исполненного прекрасной полковой музыкой.

После тостов за обожаемого монарха, наследника престола, Главнокомандующих и других лиц императорской фамилии Скобелев предложил выпить за здоровье полка. При этом в умной, прочувствованной речи он вспомнил последовательно все подвиги, совершенные славным полком, все тяжелые невзгоды, выпавшие на его долю в период кампании, высказал, наконец, уверенность, что полк постарается твердо укрепить в себе все эти знания и боевую опытность, приобретенные такими тяжелыми трудами, и не будет почивать на лаврах, как это часто бывает. Что если потребуются новые усилия, новые жертвы, то он уверен, что полк окажется на высоте своего призвания и не пожалеет своих отважных, боевых сынов для защиты царя и родной земли…

– Пью еще раз здоровье молодцов-казанцев! – закончил свою энергичную, сильно подействовавшую на всех присутствующих речь Михаил Дмитриевич.

«Ура, урраaa!..» – долго носилось над офицерской палаткой, над Георгиевскими крестами и даже над турецким полумесяцем, и бокалы офицеров высоко поднимались над столами. Замечательный человек был этот Михаил Дмитриевич! Скажи эту самую речь другой – все выслушали бы ее совершенно хладнокровно, спокойно. Теперь же у редкого человека внутреннее волнение не отражалось на лице, у редкого офицера не стояли на глазах слезы… Речь Скобелева, конечно, не могла быть особенно приятна для наших недавних врагов, высшие военные представители которых сидели между нами. Хотя, по всей вероятности, они, по незнанию русского языка, ничего и не поняли из нее, но по тому впе-

чатлению, которое она произвела на всех, по тем восторженным «ура», которые вырывались из наших грудей, турки, вероятно, догадались, что дело идет о каком-нибудь патриотическом вопросе, что в эти минуты им не следовало бы здесь присутствовать…

Это заметно было по их несколько смущенным лицам… Но Скобелев был великодушен и умел щадить самолюбие врага. Еще не затихли раскаты этого оглушительного «ура», которое вызвала его последняя, дышавшая порохом, речь, как Михаил Дмитриевич снова поднял свой бокал и громко предложил тост за Фуада-пашу и за турецкую армию.

Начались чоканья наши с бокалами недавних врагов… Турки были в восторге… Фуад-паша отвечал очень умной и энергичной речью на французском языке. За ним говорили другие турецкие генералы. Особенно разумную и энергичную речь сказал один из пашей, какой-то бригадный командир. Разбирая вкратце действия наших и турецких войск в минувшую кампанию, он положительно отдавал предпочтение первым, восхвалял русского солдата, удивлялся его мужеству и дисциплине и находил в высшей степени поучительными действия наших генералов. Словом, сделал нам форменный панегирик… Другие паши слегка морщились только, слушая увлекательную речь своего словоохотливого коллеги.

Конвой турецкий (человек тридцать), помещавшийся в небольшом, сравнительно с крестами, полумесяце, был тоже не забыт, и здесь роль хозяев исполняли наши фельдфебели и унтер-офицеры. Здесь дело было гораздо проще, хотя ничуть не скучнее. Не было, правда, никаких тостов, спичей и изъяснений, и господа фельдфебели и унтер-офицеры объяснялись с гостями исключительно на своем родном диалекте с прибавлением разве мимики. Но гости и хозяева, тем не менее, отлично понимали друг друга, и бутылки быстро

опорожнялись. Я несколько раз заглядывал туда и каждый раз возвращался обратно с хохотом.

– Эй, брат Ахметка (или просто: «Ну ты, красноголовый азиат!»), выпьем с тобою, что ли! – приставал какой-нибудь Ковалев или Степанов к здоровому турецкому драгуну, объясняя очень наглядно свое предложение щелчком по воротнику…

И Ахметка, самодовольно осклабясь, сейчас же принимал налитую ему чарку и начинал что-то быстро говорить на своем тарабарском языке.

– Да ты, брат, пей, чего там много разговаривать… Вон еще надо этому долгоносому налить…

И посуда моментально опорожнялась, а затем следовала та же сцена с долгоносым… Словом, праздник вышел на славу, и результат оказался блестящий: далеко за полночь специально наряженной для этого сотне казаков 8-го полка пришлось разводить по домам как господ турецких офицеров, так равно и их конвойных солдат, которых наши солдатики так щедро нагрузили. Верхами несколько неудобно было возвращаться после такого сытного обеда, а потому предусмотрительный Михаил Дмитриевич еще заранее распорядился насчет колясок для отвоза пашей. Я думаю, что все принимавшие в этом празднике участие не забыли до сих пор его подробностей и с удовольствием припоминают эти хорошие минуты.

Глава V

Я забыл упомянуть, что еще в Чаталдже мы всем штабом, со Скобелевым во главе, и с горною батареей снимались у походного нашего фотографа Иванова. Но в то время с нами не было любимца Михаила Дмитриевича – Жирарде. Поэтому, желая, чтобы и его воспитатель принял участие в нашей группе, Скобелев попросил Маркова съездить в Константинополь и привезти оттуда лучшего фотографа.

Дня через два фотограф явился, и мы все снялись перед палаткой Михаила Дмитриевича. Кроме того, Скобелев снялся еще отдельно и дал каждому из нас, своих ординарцев, по портрету.

В августе месяце гвардия наша стала садиться на суда и отправляться в Россию. Завидно было смотреть на этих счастливцев, и невольно думалось: скоро ли и нам удастся поплыть в родные края? Но скоро мечты эти пришлось отложить в долгий ящик. В начале сентября стали носиться упорные слухи, что 4-й корпус остается на оккупацию и что нам придется поэтому двинуться к Адрианополю. Скоро слухи эти окончательно подтвердились. Как ни грустно было в этом убедиться, но приходилось покориться необходимости. Начались приготовления к новому походу, хотя и мирному, но довольно далекому. Скобелев подробно осматривал все части своего корпуса, и ни одна мелочь не ускользала от его опытного внимательного глаза.

Кроме хозяйственного отдела, Скобелев обращал также большое внимание на санитарную часть отряда. Заботливость его о здоровье солдата, о внимательном уходе за больными и ранеными была известна всем в отряде. Мы, ординарцы, получали от него постоянно различные приказания, касающиеся наблюдений и проверок лазаретных порядков. В этом сказывалась еще раз добрая душа Михаила Дмитриевича и его искренняя любовь к солдату. Никогда не забуду, как сильно изменился Скобелев, какой он стал нервный, беспокойный, когда люди в нашем отряде стали болеть тифом и дизентерией. Михаил Дмитриевич обрушивался на докторов, поднимал всех их на ноги, хотя люди эти исполняли свои обязанности в высшей степени добросовестно. Особенно доставалось этим скромным труженикам в жаркий период кампании, когда на полях сражений, сплошь и рядом под неприятельским огнем, им приходилось перевязывать

раны, подвергаясь ежеминутной опасности быть убитым или раненым…

Здесь, под Константинополем, в период затишья, их служба была не легче: эпидемические болезни валили тысячи людей, и многих кости покоились уже в турецкой земле. Тиф безжалостно уносил в могилу многочисленные жертвы, между которыми находилось также много докторов, заразившихся от своих пациентов. Скобелева все это видимо волновало, и он сильно изменился за эти скорбные дни. По целым дням генерал осматривал хозяйство корпуса, по вечерам в своей палатке занимался чтением, что-то все писал и беседовал с Жирарде.

На дворе стоял сентябрь. Погода что-то испортилась, и Скобелев приказал всему штабу перебраться из лагеря в самое селение Св. Георгий. Дни тянулись своим чередом – довольно монотонно. Поездки в Константинополь уже наскучили, приелись. Все было уже знакомо, ничто не занимало… Тянуло домой, на родину, а между тем приходилось снова углубляться внутрь Балканского полуострова, оставаться на эту скучную, бездеятельную оккупацию.

Как-то вечером, недели за две до нашего выхода из Св. Георгия, наша компания собралась в своей палатке. Марков с Хомичевским о чем-то беседовали. Я лежал на кровати и насвистывал любимый мотив Скобелева, который он напевал всегда, когда был в хорошем расположении духа. Слова этого романса или песни приблизительно следующие:

Madame, я вам сказать обязан –
Я не герой, я не герой,
Притом же я любовью связан
Совсем с другой, совсем с другой!

Песня, в сущности, довольно пустая, и я часто удивлялся, откуда это Скобелев, человек, бесспорно, очень умный, образованный, выкопал ее. Скобелев часто начинал ее, но никогда

не кончал. Да, кажется, он только и знал один куплет. Я несколько раз обращался к Михаилу Дмитриевичу с просьбой спеть ее до конца, но всегда получал отказ.

– Ваше превосходительство, пожалуйста, научите меня петь этот романс. Очень уж он мне нравится! – приставал я несколько раз к генералу, который в это время (т. е. когда напевал) бывал обыкновенно в хорошем расположении духа.

– Хорошенького понемножку, – отвечал он. – Учить вас я не намерен, можете сами научиться…

Итак, я, лежа, мурлыкал этого самого «связанного любовью героя», а товарищи мои тихо о чем-то разговаривали. Было около десяти часов вечера. Вдруг дверь нашей палатки открылась и вошел Жирарде.

– А я к вам, господа! Извините, не помешал ли? Скучно стало сидеть одному. Михаил Дмитриевич что-то пишет, спать не хочется… Вышел пройтись по лагерю… Вижу, у вас огонь – вот и зашел…

– Очень рады, очень рады! – заговорили мы все и усадили дорогого гостя на кровать. – Мы вот тоже скучаем… Вы нам расскажите что-нибудь про Париж, про выставку…

И Жирарде очень охотно стал делиться с нами своими впечатлениями последнего своего путешествия по Франции. Рассказывал много интересного про парижскую жизнь, про выставку, затем про детство Михаила Дмитриевича и т. д. Так в оживленной беседе незаметно прошло около двух часов. Я совершенно машинально начал насвистывать «Марсельезу». Жирарде, услышав мотив своего национального марша, который я, по отсутствии слуха, немилосердно коверкал, сейчас же меня остановил и начал поправлять.

– Надо вот как, – сказал он и с чувством засвистел свой родной марш, постепенно увлекаясь им.

Я стал ему вторить, к нам пристроился Марков, и скоро палатка наша превратилась в какую-то концертную залу.

– Господа, да вы разбудите всех в лагере! Михаил Дмитриевич, пожалуй, уже лег спать! – заметил нам Хомичевский, не принимавший участия в нашем пении.

– Вот что, – сказал Жирарде, который сильно увлекся своим маршем, – пойдемте в поле, я вас там научу и словам «Марсельезы».

– Отлично, идем!

Мы вышли из палатки и, отойдя шагов на сто, расположились на холме. Ночь была тихая, лунная. Часы показывали около двенадцати. Здесь мы улеглись на землю и, под управлением увлекательного старика-француза, начали распевать сперва тихо «Марсельезу», а затем незаметно громче и громче.

Вдруг мы услышали невдалеке знакомый голос Михаила Дмитриевича:

– Кто это там по ночам орет? Пожалуйте-ка сюда, господа певцы!

Будь мы только вдвоем с Марковым, мы, конечно, как школьники, удрали бы. Теперь же, в присутствии воспитателя Скобелева, это неловко было сделать.

– Да кто же это? – раздался снова голос генерала уже совсем близко.

– Это мы – компания! – отвечал я.

– А, это компания обезьян! Что вы, с ума сошли, по ночам завывать вздумали!

Но, подойдя ближе и увидев Жирарде, он несколько удивился.

– Ах, это вы! – сказал он. – А я хотел было уже за жандармами посылать, чтоб всех вас, певцов, упрятать в клетку… И все вы, – напустился он на меня, – я вот вас в Третье отделение[250] отправлю!

– За что, ваше превосходительство?!

---

[250] *Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии* – орган политического сыска и следствия (создано в 1826 г.).

– За либеральное направление! Что это вы «Марсельезу» распеваете?!

– Что ж тут такого? Это национальный марш Французской республики, дружественной нам державы.

– Да, там бы вам показали дружественную державу, – улыбнулся Скобелев. – Лучше пойдемте спать. Завтра вставать рано, и надо перебираться в селение. Последнюю ночь проводим в лагере!

И, взяв под руку Жирарде, он направился к своей палатке. Я с Марковым следовал позади.

В конце августа Скобелев отправил в Санкт-Петербург поручика Эйгольца с разными поручениями к своему отцу и другим родным, а также просил его помочь Ольге Николаевне, матушке Михаила Дмитриевича, которая все еще оставалась в Одессе по делам Красного Креста. Эйгольц в точности выполнил все поручения Михаила Дмитриевича и вскоре вернулся обратно из России в Константинополь вместе с матушкой Скобелева – Ольгой Николаевной. О ней мы слышали еще ранее очень много хорошего.

Жирарде рассказывал, что это женщина очень умная, образованная, с добрым, гуманным сердцем, с замечательным тактом и энергией. Как сын приносил громадную пользу государству на ратном поприще, так мать ревностно хлопотала, помимо раненых и больных, о благосостоянии созданного на потоках русской крови юного Болгарского княжества, направляя преимущественно свою деятельность и заботы на разумную постановку женского образования у призываемого к новой жизни болгарского народа. В Константинополе она усердно хлопотала об этом, неоднократно советуясь даже с патриархом.

На другой день после описанного выше ночного концерта Скобелев с Жирарде и дежурным ординарцем Лихардовым отправился в Константинополь встречать свою мать, которая

должна была приехать из Одессы. В Константинополе Михаил Дмитриевич пробыл четыре дня, и мы, ординарцы, ездили туда по очереди дежурить и вместе передавали бумаги от начальника штаба. На четвертый день наступила моя очередь. С тремя казаками и лошадью Скобелева, которую он приказал привести из лагеря, я доехал до Галаты, оставил здесь в гостинице лошадь, переправился на лодке через Золотой Рог и через туннель попал в Перу.

Михаил Дмитриевич был дома.

– Ну, что у нас новенького, все благополучно? – встретил он меня.

Я передал ему пакеты и сказал, что всё слава Богу.

– Ну и прекрасно. Теперь пойдемте, я вас познакомлю со своей матушкой.

Мы вошли в ее комнату. Мать Скобелева – женщина лет пятидесяти пяти, брюнетка, среднего роста, с умным, энергичным и добрым лицом – сидела на диване и читала французскую газету.

– Матушка, – сказал громко Михаил Дмитриевич, – представляю тебе еще один экземпляр из моей орды! Вот с кем ты наговоришься: он очень любит болтать. Только ты, пожалуйста, смотри за ним: это страшный непоседа. Впрочем, находясь в твоем обществе, он этого не посмеет сделать. В дамском обществе он очень деликатен, хоть и казак… Я же с ним ничего не поделаю: чуть от него отвернешься, а его уже и след простыл… Хоть бы ты, маман, привела в порядок мою орду!

– Очень рада с вами познакомиться, – сказала Ольга Николаевна, пожимая мою руку и усаживая возле себя. – Мне Миша много говорил и писал про вас, и я с вами была довольно хорошо знакома еще до настоящей встречи… И за что ты их все бранишь? – обратилась она к сыну. – Все они такие милые, славные. Вот уж сколько ты их мне представил.

– Это они в твоем присутствии такие смирные. А то они все на головах ходили бы. В особенности же этот проказник, – он указал на меня. – Ты, пожалуйста, обрати на него серьезное внимание.

– Хорошо, хорошо, будь покоен, я обращу внимание на все, – отвечала, улыбаясь, Ольга Николаевна. – Да скажите, пожалуйста, – прибавила она, обращаясь ко мне. – За что это он всех вас называет ордой и в глаза всегда бранит, а за глаза хвалит?

– Это гораздо лучше, чем наоборот, – отвечал я. – То есть в глаза хвалить, а за глаза ругать. Генерал не любит нас баловать и иногда, когда бывает не в духе, даже ругает, хотя и не сомневается никогда в нашей безусловной преданности. Ордой же своей он называет нас, я думаю, не потому, что мы какие-то башибузуки, а просто оттого, что съехались мы к нему с разных концов России и между нами есть представители всех родов оружия. Под Плевной штаб Михаила Дмитриевича был еще разнокалибернее.

– Да, да, это совершенно верно, – подтвердил мои слова бывший тут же Жирарде.

– Ну вот, все на меня! – сказал все время улыбавшийся Михаил Дмитриевич. – Я поэтому уйду даже от вас… Кстати, мне нужно в посольство. К завтраку, впрочем, я вернусь. Надеюсь, ты не будешь скучать с этой обезьяной!

– Он у вас всегда такой? – обратилась ко мне, смеясь, Ольга Николаевна, когда генерал вышел.

– Всяко бывает, – отвечал я. – Бывает иногда сердит, не в духе, но большей частью весел и добр. Нередко за обедом он добродушно подтрунивает над кем-нибудь, перебирает нашего брата по косточкам, хотя никогда этого не делает за глаза или с дурной целью. Часто он рассказывает нам про Туркестан, про халатников, про свои дела с ними, и мы всегда с увлечением слушаем эти повествования. А когда бывает

очень весел, то рассказывает про свои проделки в детстве, и мы тогда хохочем до упаду.

– Да, – отвечала, смеясь, Ольга Николаевна, – он был мальчиком ужасный проказник, чего только он ни выдумывал!

– А правда, Ольга Николаевна, что еще ребенком он терпеть не мог немцев? – спросил я.

– Да, это правда, – отвечала она, – немцев он действительно не любил… Впрочем, тогда доставалось всем! Вот только господину Жирарде – нашему старому другу – мы и обязаны, что Миша стал сдерживать свою пылкую натуру. Господин Жирарде сумел привязать к себе ребенка, развил в нем честные инстинкты и вывел его на дорогу.

Радость блеснула в глазах старика-француза, и он несколько сконфузился от этой похвалы матери русского героя.

– Да, Михаил Дмитриевич в детстве был очень умный, бойкий мальчик. Очень самостоятельный, любознательный и любил выводить свои решения!

Мы долго еще беседовали на эту тему. Ольга Николаевна подробно расспрашивала меня про кампанию, про все дела Михаила Дмитриевича, про Куропаткина и некоторых других деятелей нашего отряда и с живым интересом слушала мои повествования.

– Вы, как близкий человек к Мише, знаете все. Расскажите, пожалуйста, без утайки! – просила она меня.

И все, что мне было известно, что сам видел, я подробно передал умной и доброй женщине – матери знаменитого человека.

Около двенадцати часов дверь комнаты отворилась, и на пороге появился Михаил Дмитриевич под руку с секретарем нашего посольства господином Ону.

– Ну что, наговорилась ты с ним? – обратился Скобелев к матери, целуя ее руку. – Вот я привел тебе нового собеседника. Пойдемте, господа, завтракать!

– Очень вам благодарна, мы с вами еще побеседуем! – сказала мне Ольга Николаевна и, взяв под руку Жирарде, отправилась в столовую.

– А где же Миша? – сказала Ольга Николаевна, не видя в столовой сына.

– Он ушел к себе в комнату, – ответил я.

– Пожалуйста, Петр Архипович, позовите его!

Я отправился в комнату Михаила Дмитриевича. Последний стоял перед зеркалом и расчесывал себе баки, сбрызнув щетку духами.

– Вас просит Ольга Николаевна.

– Сейчас иду…

– Ваше превосходительство, дайте мне ваших духов! – попросил я генерала.

– Ну пристали ли к вашей физиономии духи?! Да вы посмотрите на себя в зеркало! – отвечал он, смеясь.

– Ну, не надо! Вам, должно быть, жалко… Вот я пойду на вас жаловаться Ольге Николаевне, – обиделся я и хотел уйти в столовую. Но Скобелев в это время догнал меня, схватил за погон и весь флакон духов вылил на голову.

– Чего вы обиделись – нельзя и пошутить! – говорил он и громко хохотал, видя мои усилия освободить свою голову от его душистой влаги. – Будете теперь на меня жаловаться, успокоились? Ну, давайте мириться и идем есть[251].

---

[251] Вообще, у Скобелева было много странностей. Помню под Плевной такой эпизод. У Скобелева вышли все духи, до которых он был большой любитель (и как-то странно гармонизовалась смесь этих двух запахов – духов и порохового дыма!). «Дукмасов, нет ли у вас духов?» – обратился он ко мне. «Нет, все вышли, ваше превосходительство. Вы мне еще должны два флакона», – ответил я, улыбаясь. «В Константинополе отдам с процентами: за каждый флакон по бутылке». – «Вот розовое масло есть, если хотите», – прибавил я. «Ну, обрызгайте меня, пожалуйста, маслом». Я стал щедро поливать и натирать его голову маслом. В это время подошел Куропаткин. «Что это вы делаете?» – обратился он к Скобелеву. «Да вот Дукмасов розо-

Спускаясь по лестнице, Михаил Дмитриевич все время толкал меня сзади. Со смехом мы вошли наконец в столовую, где нас дожидалась вся компания. На диване, рядом с Жирарде, сидела Ольга Николаевна; против них – господин Ону с прапорщиком Ушаковым, ординарцем, которого я сменил с дежурства; Скобелев поместился рядом с матерью, я – напротив него. Все были очень веселы, разговорчивы. Тема была преимущественно дипломатического характера, так как представитель ее (господин Ону) присутствовал здесь. Разбирались действия нашей дипломатии, отдавалось должное ловкому Бисмарку и хитрой политике Австрии и Англии.

Словом, никто не стеснялся высказывать свои убеждения и мысли. И при этих довольно серьезных беседах меня особенно удивила Ольга Николаевна. Я никак не ожидал встретить в женщине такой высокий ум, такое понимание разных дипломатических тонкостей, такое образование, начитанность, знание истории, международного права и других наук. Она так метко характеризовала поведение этих так называемых дружественных нам держав, их цели и истинные намерения, проявляла при этом такой глубокий патриотизм и делала все это так просто, так наглядно, что я положительно пришел в изумление и восторг. Единственный раз в жизни мне приходилось встречать такую умную и высокообразованную женщину…

Личности Бисмарка, Андраши и других крупных дипломатов Европы вырастали перед моими глазами, как живые. Михаил Дмитриевич большею частью вполне соглашался с мнениями Ольги Николаевны, и оба они – мать и сын – были проникнуты явным нерасположением к немцам, считая их

вым маслом меня натирает – духов нет…» – отвечал весело генерал. «Да у вас от этого все волосы вылезут…» – засмеялся Алексей Николаевич. «Неужели? – испугался Скобелев. – Это черт знает что такое! Этот Дукмасов вечно что-нибудь выдумает… Убирайтесь вы с вашим маслом… Эй, скорей воды – умываться!» (*Примеч. автора.*)

главными виновниками наших неудач на дипломатическом поприще.

– Эти немцы для России – большее зло даже, чем жиды! – говорил не раз патриот-генерал.

На другой день утром мы верхами вернулись в Св. Георгий. Все уже перебрались из лагеря. От начальника штаба, генерала Духонина, Скобелев узнал, что его хотел видеть Главнокомандующий, генерал Тотлебен.

– Приготовь мне скорее сюртук и шпагу! – приказал генерал своему денщику Лею, думая немедленно же отправиться в Сан-Стефано. Но каково же было его изумление, когда, взяв из рук Лея шпагу, он увидел, что все бывшие на ней крупные и очень дорогие бриллианты оказались вынутыми. Михаил Дмитриевич побледнел, страшно рассердился, бросил шпагу и стал кричать на перепуганного Лея.

– Позови Круковского! – кричал генерал.

Явился известный уже читателям комик-денщик. Но и последний не мог ничего объяснить, не зная даже вовсе про существование этих ценных камней.

– Я знать ничего не хочу, чтоб были мне бриллианты, иначе я вас обоих, мерзавцев, в Сибирь отправлю!

Поляк Круковский, чувствуя себя совершенно невинным и будучи человеком горячим, тоже вспылил и стал возражать генералу.

– За что же в Сибирь?! – оправдывался он. – Почем я знаю, кто их взял? Мало ли к вам ходит здесь всяких господ – за всеми ими не усмотришь!

Скобелева эти слова окончательно взбесили.

– Ах ты скотина этакая! – закричал он, со всего размаха ударил по лицу Круковского и выгнал его из комнаты.

Один только намек денщика на то, что это мог сделать кто-либо из штаба Скобелева, заставил его выйти из всяких границ самообладания. Так невероятно казалось это честному, благородному герою! Всю эту сцену мне передавали

после Лей и Круковский. Кроме них, в комнате никого не было. Скобелев этим так взволновался, что отложил свою поездку к Тотлебену до вечера. За обедом, к которому мы по обыкновению собрались все вместе, Скобелев был очень пасмурен, сидел все время молча и ничего почти не ел. Его настроение передавалось и всем. Все сидели в глубокой тишине и недоумевали, что за причина такого угнетенного состояния духа нашего любимого начальника.

– Что это с ним? Отчего он такой? – спросил меня шепотом кто-то из соседей.

– Не знаю, – отвечал я, – по дороге из Константинополя он все время был очень весел. Разве Духонин сообщил ему что-нибудь неприятное!

Круковский и Лей, подававшие обед, тоже были страшно взволнованны, но никому не говорили ни слова об этом эпизоде. Я сидел против генерала и решился с ним первый заговорить.

– Ваше превосходительство! Что это, вы нездоровы? – спросил я генерала, когда он мельком взглянул на меня. – По дороге вы были так веселы, а теперь ничего не едите!

Генерал пытливо посмотрел на меня, что-то сказал и, встав из-за стола, не дожидаясь окончания обеда, ушел к себе в комнату. Вечером уже мы узнали всю эту историю от поручика Хомичевского, которому с плачем рассказал все Лей. Рассказ Хомичевского поразил всех нас. Мы терялись в догадках, на кого подозревать. Несомненно, что ни Лей, ни Круковский не могли этого сделать. Они были для этого слишком честны и, пожалуй, глупы. Несомненно было также, что сделало это лицо, хорошо знакомое с обстановкой генерала, имеющее к нему беспрепятственный доступ и знающее ценность этих камней. Вынуть пять крупных бриллиантов было довольно трудно и требовало значительного промежутка времени. Но кто же, кто?.. Мы перебрали всех

нас, ординарцев, и вольноопределяющихся, бывавших иногда у Скобелева, и даже слабая тень подозрения не могла ни на кого из них упасть… Словом, мы положительно терялись в догадках.

– Ну, во всяком случае, господа, – решили мы все, – об этом будем молчать, будто ничего и не было, а тайно будем производить энергичное следствие.

Лею и Круковскому тоже приказано было молчать, и утешили их, сказав, что все это дело мы берем на себя и непременно найдем бриллианты. Роль главного сыщика взял на себя поручик Марков и энергично принялся за розыск. На другой день он зачем-то отпросился у Скобелева в Константинополь вместе с переводчиком Луцкановым. По дороге он заехал в Сан-Стефано, побывал у всех ювелиров, у всех подозрительных, ловких аферистов, свел знакомство с тайной полицией. Но все было напрасно! Прошла уже неделя, а никаких нитей не находилось. Мы уже приходили в отчаяние и думали, что похититель ловко спрятал в воду все концы.

Но как-то вечером из Константинополя приехал Марков. Лицо его было бледно, взволнованно.

– Ну что, неудача? – спросили мы его. – Нет вора?

– Есть, – отвечал Марков, – и клянусь вам, господа, что вы никогда не догадаетесь, кто это! Этот подлый вор, представьте, из нашей же, ординарческой семьи Скобелева! Понимаете, я убил бы на месте того человека, который посмел бы только подозревать его. И вдруг это оказывается голою правдой!

И он нам рассказал подробно грустную историю. Совершенно случайно на вокзале одной из станций он узнал от начальника станции, что какой-то проезжий молодой человек, в русской военной форме, предлагал ему купить крупный бриллиант. По этому следу он и Луцканов отправились в Константинополь, и здесь окончательно убедились в личности вора, хотя бриллианты не могли уже обратно получить.

Мы были поражены не менее Маркова. Имя этого негодяя, бросившего пятно на всю нашу дружную и лихую семью, я не хочу даже упоминать – оно хорошо известно всем! Их было два брата, и к ним особенно благоволил Михаил Дмитриевич, ценя их храбрость и исполнительность. Ему они и обязаны своими отличиями и наградами. На совете мы решили, чтобы Марков все это подробно рассказал Скобелеву. Как ни тяжело подействовала эта грустная новость на Скобелева, но он сумел сдержать себя. Он только глубоко вздохнул, печально покачал головой и просил Маркова никому об этом не говорить.

– Губить его незачем – он еще так молод. Может быть, исправится, – сказал Михаил Дмитриевич.

В тот же день, ни слова не говоря ему, он отчислил его обратно в полк, равно как и старшего брата, который получил там роту. Этим дело о пропаже бриллиантов и окончилось, камни в шпагу были вставлены новые, и Скобелев просил всех совершенно забыть эту грустную историю. Потом уже, через несколько лет после этих печальных дней, я узнал еще более ужасную новость. Эти братья-разбойники, которых Скобелев облагодетельствовал и вытащил из грязи, отплатили ему самою черною неблагодарностью. В то время, когда он, этот труженик, этот неутомимый честный воин, стяжал новые лавры русскому оружию в Туркменских степях, в Ахалтекинском оазисе, один из этих извергов похитил у него лучший и самый драгоценный бриллиант в мире – бриллиант, который нельзя было купить ни за какие деньги и сокровища – его мать, единственное существо, которое он так любил, так боготворил… Узатис убил в Болгарии мать Скобелева, убил женщину, посвятившую себя всецело святому делу помощи страждущему человечеству, отдавшую все свое состояние бедным и нуждающимся людям юного славянского государства, созданного на потоках русской крови, на грудах русских костей.

Незадолго перед выступлением нашим из окрестностей Константинополя в Адрианополь мы собрались все в Св. Георгии на обед к Скобелеву. Он успел уже окончательно успокоиться с этой бриллиантовой историей и был по обыкновению весел и разговорчив.

– Вот, господа, – сказал он, попивая свое любимое красное вино, – скоро вся гвардия уйдет в Россию и один наш корпус останется против 150 тысяч турецкой армии. Ну что, если турки вдруг вздумают обрушиться на нас? Что мы тогда будем делать?

– Да что – будем защищаться и умирать! Мертвые бо сраму не имут! – отвечал кто-то из нас.

– Это последняя крайность! – возразил генерал. – Нет, мы должны извернуться, возможно сохранить свои силы и победить! Тогда мы будем молодцами! Я хотел бы, чтобы весь корпус мой был искренно проникнут этим желанием, чтоб каждый знал, что ему нужно делать! И мы можем победить при этом условии, хотя турки превышают нас в шесть-семь раз…

И, воодушевившись, Михаил Дмитриевич начал высказывать разные предположения наступления турок и соответствующие действия наших войск.

– Мы должны медленно отступать внутрь страны, и, когда турки, покинув свои излюбленные укрепления и отойдя на довольно значительное расстояние от Константинополя, растянувшись, увлекутся преследованием наших слабых сил, мы в известный момент быстро сосредоточиваемся, своим нападением разрываем их линии, бьем их по частям и, не давая опомниться, занимаем Константинополь! Смелость, быстрота и даже безумная храбрость не раз встречаются на страницах нашей русской военной истории, – говорил, разгорячившись, Михаил Дмитриевич. – Вспомните, господа,

походы Суворова, Румянцева, Дибича[252] и других полководцев, понимавших нашего солдата! Вспомните, с какими ничтожными отрядами они били втрое…вдесятеро сильнейшего противника! Отчего же теперь не может сделать того же тот же русский солдат?

– Я люблю и жалею солдата, – говорил он немного погодя. – Но если надо, я ставлю все ребром и не жалею ни себя, ни вас! И поверьте, господа, что в одно решительное сражение мы потеряем гораздо меньше, чем в несколько нерешительных, уже не говоря о результатах того и другого! Такими действиями, наконец, мы поднимем дух нашего солдата и наведем страх на врага. Я знаю, меня боятся турки, и это потому, что я не люблю нерешительность и смело иду к раз поставленной цели… И как бы ни был хорошо вооружен противник, но быстротой, решительностью и отвагой мы всегда собьем его с толку и наведем даже на него панику, а под влиянием этого состояния целые тысячи бросают оружие и как бараны сдаются в плен горсткам храбрецов…

После короткой паузы Скобелев вдруг обвел всех глазами и громко произнес:

– А что, господа, если бы в самом деле турки внезапно на нас обрушились! Кто из вас тогда согласился бы исполнить одно мое поручение самого отчаянного характера?

Несколько человек ответило, что, конечно, никто не отказался бы исполнить приказание генерала, что каждый с охотой сделал бы это.

– Нет, господа, – сказал Скобелев – и глаза его в это время как-то особенно заблистали, а в голосе послышалась энерги-

---

[252] *Граф Дибич-Забалканский Иван Иванович* (Иоганн Карл Фридрих Антон фон Дибич; 1785–1831) во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. руководил действиями Русской армии. Войска под его командованием преодолели Балканы и вышли к Адрианополю. Один из руководителей подавления Польского восстания 1830–1831 гг.

ческая нотка, – имейте в виду, что то поручение, о котором я говорю, действительно очень опасное, даже ужасное, пожалуй. Наконец, я не решился бы заставить каждого из вас это сделать. И я не ручаюсь даже за себя. Не знаю, исполнил ли бы я сам это, не струсил ли бы в самый решительный момент!

Мы все с недоумением переглянулись, спрашивая друг друга глазами, что это за интересное такое поручение, выполнить которое не взялся бы даже сам Михаил Дмитриевич – этот человек, известный всем своею безумной храбростью. Несколько мгновений все молчали. Скобелев пытливо на всех смотрел.

– Я с удовольствием исполню это поручение, ваше превосходительство, какое бы оно ни было! – сказал я, смотря прямо в глаза генерала.

Скобелев пристально уставился на меня, как бы желая проникнуть в мою душу.

– Послушайте, не забывайте, – сказал он медленно и отчеканивая каждое слово, – что поручение очень опасное. Придется почти наверное пожертвовать своею жизнью для общего дела!..

– Ничего не значит, – отвечал я. – Вся наша жизнь состоит из опасностей… Я заразился, наконец, от турок фанатизмом и верю в предопределение, в судьбу…

Скобелев еще раз внимательно посмотрел на меня и протянул мне руку.

– Давайте вашу лапу, – сказал он. – Я верю вам, что вы сделали бы это. Я знаю вас хорошо, видел в сражениях и не сомневаюсь в вашей дикой храбрости. Поручение сумасшедшее. Я думал, кому бы поручить взорвать все ходы под нашею позицией в случае, если бы турки ей овладели! После того, как наши войска очистили бы ее и турецкие резервы появились на этих возвышенностях, вы должны были бы

взорвать этих господ, похоронив, конечно, и себя тут же. И, откровенно говоря, я останавливался только на вас! Нужно много самообладания, чтобы в эту великую минуту добровольно обречь себя на гибель…

Я начал доказывать генералу, что, напротив, в нашей армии было много подобных примеров, что охотников, крикни только он клич, явятся целые десятки, указывал на пример Архипа Осипова[253], который в Кавказскую войну 1840 года, в укреплении Михайловском, взорвал пороховой погреб и погубил этим целые тысячи горцев… Генерал снова пожал мне руку.

– Еще раз благодарю вас. Теперь я спокоен. Если придется предпринять что-нибудь подобное, я буду смело рассчитывать на вас!

Во время этого разговора все молчали и внимательно слушали слова генерала.

Глава VI

Через несколько дней после упомянутого обеда 4-й корпус покинул свои насиженные позиции под Константинополем и двинулся на запад, к Адрианополю. 16-я дивизия направилась по полотну железной дороги, а 30-я – вдоль берега Мраморного моря. Лошадей своих и наших, штабных, а также большую часть вещей Скобелев приказал отправить с полками. Через два дня после выступления всего корпуса мы с Михаилом Дмитриевичем выехали из Сан-Стефано, послав

---

[253] Участник Русско-персидской (1826–1828) и Русско-турецкой (1828–1829) войн, рядовой 77-го пехотного Тенгинского полка Осипов Архип Осипович (1802–1840), 22 марта 1840 г., во время обороны Черноморской береговой линии в ходе Кавказской войны 1817–1864 гг., взорвал вместе с собой пороховой погреб под Михайловским укреплением после прорыва на него горцев; в результате противник потерял до 3000 человек. Впоследствии на месте бывшего укрепления возникло селение Архипо-Осиповка.

последний привет Босфору и Константинополю, в который так и не удалось проникнуть ни одному русскому штыку.

За Чаталджой мы уже начали обгонять двигавшиеся войска 16-й дивизии, которые растянулись до самого Люле-Бургаса. Приехав в этот город, мы застали уже здесь некоторые части Владимирского полка. По мере углубления нашего в глубь страны, турецкие войска двигались по нашим следам и последовательно занимали покидаемые нами земли. В Люле-Бургасе Скобелев узнал, что город Айрополь занят батальоном турецких войск, которые, таким образом, очутились между 16-ю и 30-ю дивизиями. Скобелева эта новость ужасно возмутила.

– Они не имеют права занимать Айрополь до тех пор, пока мы не отойдем к Баба-Ески. Дукмасов! Поезжайте сейчас с десятью казаками и с Луцкановым в Айрополь и во что бы то ни стало выпроводите оттуда этот батальон. Вслед за вами я пошлю отсюда батальон Владимирского полка, два орудия и сотню казаков. И если турки не захотят добровольно очистить город, то я уполномочиваю вас своим именем употребить силу и с посланными войсками взять его с бою… Вот на этой карте, – продолжал он, развернув передо мной большую карту Европейской Турции, – отмечена демаркационная линия и где находится какая часть. Если по дороге вы заметите отступление с какой-либо из сторон, то прикажите сейчас же моим именем его исправить. Из Айрополя поезжайте в Баба-Ески. Я осмотрю здесь подошедшие полки, а потом тоже отправлюсь туда. Да сообщите туркам, что я написал уже в Константинополь об этих беспорядках. Занимают позиции в тылу наших войск! Ну, с Богом! Я надеюсь, что вы уладите дело мирно. Думаю также, что турки не будут сопротивляться и не заставят нас употребить крутые меры. Иначе им придется раскаиваться!

Через несколько минут я с десятью казаками и с болгарином Луцкановым скакал уже по шоссе в город Айрополь.

Часа через три, проехав около 35 верст, мы были уже в Айрополе. Городовой совет, куда я обратился, сейчас же отвел мне очень хорошую квартиру. Я немедленно отправился с переводчиком к командиру табора, занимавшего город. По улицам нам то и дело попадались турецкие солдаты с ружьями и с удивлением осматривали меня. Командир табора – какой-то низенький, некрасивый подполковник (юс-баши), лет сорока пяти, со смуглым, несимпатичным обрюзглым лицом – принял меня в своей квартире с недоумением. Я через Луцканова отрекомендовался и объяснил цель моего посещения.

– Генерал Скобелев, – сказал я, – очень удивлен, что вы занимаете Айрополь и деревни в тылу наших войск. Он написал уже об этом в Константинополь и требует, чтобы вы немедленно же очистили город.

Турок был сильно этим поражен и начал доказывать, что он никак не может выйти из города, так как в нем находится очень много разных хозяйственных запасов, перевезенных по приказанию его начальства. Словом, турок отказывался исполнить требование Скобелева.

– Как угодно, – отвечал я, – но завтра рано утром сюда приходит наш отряд, и Скобелев приказал мне, если вы не очистите город добровольно, занять его силой. Прошу вас поэтому к завтрашнему утру очистить непременно Айрополь и отойти за пограничную черту. Я рассчитываю на ваше благоразумие, – прибавил я и, откланявшись, вышел из квартиры упрямого и несговорчивого турка.

По дороге, на улице, нас догнал какой-то турецкий офицер и сказал, что его прислал командир, который соглашается очистить только половину города для русских войск.

– Передайте своему начальнику, – отвечал я через Луцканова, – что я не уполномочен генералом Скобелевым торговаться с вами. Мне приказано только передать его требования, и ни в какие компромиссы я не имею права входить. Еще раз

повторяю: если к завтрашнему утру ваши солдаты не очистят город, мы займем его силой!

На следующий день рано утром ко мне на квартиру, когда я еще спал, явился новый гонец от командира табора – какой-то эфенди[254]. Он очень любезно со мной раскланялся и сообщил, что командир просит меня покорно пожаловать в их городской совет, где будет обсуждаться вопрос об очищении города турецкими войсками.

– Да что же нам обсуждать, – отвечал я. – Очистите город – вот и все. Поймите, я не имею права даже согласиться на другое решение – я не уполномочен на это своим начальством…

Эфенди ушел, но вскоре снова вернулся.

– Командир согласен очистить город, – сказал он, – но просит вас принять на сохранение наши казенные вещи.

– С какой стати я буду принимать ваши вещи?! – расхохотался я.

– Ну, пойдемте в таком случае в совет – там поговорите окончательно, – упрашивал меня турок.

– Пойти разве, в самом деле посмотреть, что это у них за совет такой! – И я с Луцкановым и эфенди отправился в их городовой совет.

Мы подошли к большому двухэтажному дому и взошли наверх. В просторной зале, у длинного стола, покрытого зеленым сукном, сидело человек двенадцать городских деятелей, все в красных фесках; физиономии у них были греческие и турецкие. Тут же был знакомый уже мне командир табора. При моем входе они встали, и подполковник познакомил меня со всеми. Затем мы уселись, и юс-баши, через Луцканова, начал держать речь. Он говорил то же, что и раньше: что

---

[254] *Эфенди* (*перс., араб., тур.*) – титул и офицерское звание в Османской империи, примерно соответствующее европейскому званию лейтенанта, далее шли ага, бей, паша.

он не может бросить все казенное имущество на произвол судьбы, что он за это будет отвечать перед самим султаном, что если я приму на себя ответственность за целость и сохранность всего имущества, то он, пожалуй, очистит город, сдав все под мою расписку… Словом, пел все вещи, мне знакомые. Члены совета, во главе со своим председателем – жирным, пожилым человеком с очень добродушною физиономией, внимательно смотрели мне в лицо и при словах подполковника качали головами в знак своего одобрения и согласия. Луцканов перевел мне слова турка.

– Никаких вещей принимать я не стану, и не намерен выдавать вам расписок. Пускай вывозят вещи с собой как хотят!

Турок опять что-то заговорил. Оказывалось, что вещи немыслимо перевезти, так как все подводы ушли в Родосто за другим имуществом, что для этого нужно много времени и проч.

– Вы можете, наконец, все эти вещи передать не мне, а вашему городовому совету. Через три-четыре дня, когда наши войска пройдут и турки снова займут город, вы получите вещи от городового совета. Наши войска ничего не тронут, мы за все платим деньги.

Упрямый юс-баши опять начал что-то возражать. Мне надоела уже эта торговля, и я стал даже волноваться. В это время дверь в залу отворилась, и на пороге появился урядник.

– Ваше благородие! – обратился он ко мне. – Наш отряд уже показался верстах в семи от города.

Я встал и объявил ультиматум:

– Если через два часа турецких солдат не выведут отсюда, мы займем нашими войсками позиции и будем бомбардировать город. Так приказал мне генерал Скобелев!

Затем, вежливо распростившись со всеми, я вышел из залы. Слова мои, когда перевел их Луцканов, произвели видимое впечатление на всех. Лица у членов городового совета сильно вытянулись, и они напустились на подполковника,

упрашивая его поскорее убираться из города и соглашаясь принять на хранение все вещи. Это передал мне Луцканов, когда мы вышли уже на улицу.

– Однако, как вы перепугали их своими словами! – сказал Луцканов. – Вы, конечно, шутили, говоря, что мы будем бомбардировать город?

– Ничуть, – отвечал я. – Правда, это крайняя мера, но они могут довести нас до этого своим упрямством. Таково приказание Скобелева! Сходите, пожалуйста, в совет еще раз и передайте членам, чтобы жители скорее выбирались из города в случае, если турецкие солдаты не выйдут отсюда, так как мы вовсе не желаем наносить вред обывателям… Мы вовсе не хотим ссориться и стоим на законной почве. Во всяком случае, они скорее тогда заставят этот табор убраться отсюда… Да попросите совет, чтобы нашему отряду отведены были квартиры и доставлялось все за деньги.

Через полчаса Луцканов вернулся в сопровождении того же знакомого мне эфенди, который сообщил, что войска их уже уходят, и просил меня поставить только часового к их складу. Но я и от этого отказался.

– Городовой совет может поставить туда своих сторожей.

С эфенди мы расстались приятелями, причем я высказал ему свое удовольствие, что дело уладилось мирно, без порохового дыма.

– Когда я вернулся в совет, – рассказывал мне потом Луцканов, – там я застал ужасный переполох. У входа толпилась масса народа, которая, узнав в чем дело, требовала от подполковника немедленного отступления, опасаясь за целость своего имущества. Члены совета и председатель тоже были очень взволнованны и ужасно вас ругали. «Экий несговорчивый черт, – говорили они, – молодой, а какой упрямый. Мы такого еще никогда не видели!.. Слава Богу, что все так окончилось!» Председатель совета, когда я уходил, успокоился и

просил меня спросить у вас, не нужно ли чего вам? Он все с удовольствием доставит.

– Ничего мне не надо – я все равно тотчас же уеду в Баба-Ески, как только отряд наш займет город.

Через некоторое время какой-то турок принес мне от председателя массу всевозможных закусок и разных сластей. Я дал посланному полуимпериал и просил благодарить председателя. Спустя несколько минут были присланы два мешка прекрасного овса, и посланный передал мне приглашение председателя переехать к нему на квартиру и пожаловать на обед. Я поблагодарил за приглашение и сказал, что уезжаю через полчаса в Баба-Ески. Денег за овес посланный наотрез отказался брать, говоря, что это мне в подарок от его господина. Овес, все закуски и сласти я передал своим казакам и они, конечно, были в восторге. Затем все мы уселись на коней и выехали из города, к окраинам которого уже подошел наш маленький отряд. Я передал батальонному командиру и обступившим меня офицерам обо всем случившемся, а затем, распростившись, направился прямо в Баба-Ески сначала по шоссе, а потом проселком. В Баба-Ески я застал уже Скобелева со всем штабом. Доложил ему подробно о своих пререканиях с командиром табора и советом и получил благодарность от Михаила Дмитриевича за энергию и распорядительность.

Через три дня Скобелев, в сопровождении Маркова, Хоранова и Абадзиева, отправился верхом в Адрианополь. Все же остальные поехали туда по железной дороге. Приехав снова во вторую турецкую столицу, я остановился у Маркова, который помещался через двор от квартиры Михаила Дмитриевича. Адрианополь сильно изменился с тех пор, как мы его покинули. Это был значительно обрусевший уже город, причем русский элемент являлся преимущественно в форме разных чиновников, интендантов, докторов и другого нестроевого люда. Сюда же стеклась масса того темного лю-

да, который и прежде всюду сопровождал армию, эксплуатировал ее и питался за ее счет. Когда гвардия и другие войска направились в Россию, то все эти паразиты, потеряв предмет своей эксплуатации, направились в Адрианополь и с ожесточением накинулись на нас – оккупационные войска. Главный контингент этой армии пиявок принадлежал, конечно, к иудейскому племени, затем следовали греки, армяне и прочие коммерческие и гешефтмахерские нации.

Особенно жаль было смотреть на этих несчастных оборванцев-погонцев[255], которых судьба и нужда закинули сюда, далеко от родины, в центр мусульманского мира, сделав их жертвой обмана и подлой эксплуатации хищников! И на счет этого несчастного, жалкого и доверчивого люда наживаются эти бессовестные нации, у которых, кроме Мамона[256], нет ничего святого, дорогого! Скобелев всею душой своей ненавидел эту подлую расу. После нескольких примеров, когда, еще под Плевной, эта пресловутая жидовская компания (вернее, кагал) Когана и Гурвица снабжала наши усталые, измученные войска гнилью и всякою мерзостью, Скобелев выхлопотал, наконец, себе право возложить все эти хозяйственный операции на сами же войска.

Главным хозяином и поставщиком всего отряда назначен был полковник Владимирского полка Шаров. И, благодаря энергии, распорядительности и честному отношению к делу этого достойного штаб-офицера, весь отряд пользовался прекрасным, свежим хлебом, крупой, сухарями и другими предметами интендантского довольствия (за исключением, впрочем, фуража). Кроме самой глубокой благодарности,

---

[255] *Погонцы* – бродяги, изгнанники, беженцы.

[256] *Мамона* (Маммона) – в значении «имение, богатство, блага земные», поскольку человек на них полагает свою надежду и привязан к ним. В Новом Завете Маммона служит именем злого духа, покровительствующего богатству.

никто из офицеров и солдат ничего не мог ему сказать. Все были сыты, здоровы, веселы и очень довольны, что отделались от услуг этого ловкого для себя, но не для войск жидовского кагала…

Жилось в Адрианополе не скучно, хотя и довольно глупо. Снова от безделья началось шатанье офицеров по разным кафе-шантанам, ресторанам и другим кабакам, число которых еще больше увеличилось и положительно наводнилось различными безголосыми певцами и певицами и невозможными музыкантами… Вся эта мразь, вместе с целою толпой разных мишурисов и аферистов, наехавших с разных сторон, с жадностью набрасывалась на нашего брата и всеми силами старалась вытащить из наших карманов возможно большее число «желтичек». По вечерам мы обыкновенно забирались в одно из таких увеселительных заведений, содержателями которых являлись обыкновенно жиды, и за стаканами вина, большею частью зевая, слушали завывания разных заезжих намазанных красавиц.

В одном из таких ресторанов (если можно так назвать заведения этого рода) у меня вышла с одним господином неприятная история, из-за которой я едва не попал на скамью подсудимых. Войдя вечером в общую залу, я встретил там несколько знакомых офицеров и товарищей и разговорился с ними. В это время в залу из бокового кабинета вышел какой-то генерал с Георгиевским крестом в петлице. Мы были в фуражках, и потому при проходе его взяли под козырек. Генерал, заметив на мне такой же крест, какой был на нем, остановился и спросил, за что я получил эту награду. Я ответил и назвал свою фамилию.

– А, я прекрасно знал вашего батюшку, дядей и братьев и служил с ними на Кавказе, – сказал генерал Н., командовавшей полком в отряде наследника цесаревича, любезно пожимая мне руку.

Во время нашей беседы из кабинета вышел какой-то представительный господин высокого роста, средних лет, с большою русою бородой, в изящном штатском костюме и под сильным влиянием Бахуса. Он держал себя очень высокомерно, толкал всех и ругался, что ему не дают дорогу. Это был, как я уже после узнал, известный московский богач Хлудов[257], составивший себе известность своими миллионами, различными предприятиями и бросанием денег. Движимый патриотизмом ли, честолюбием ли, желанием ли пробрести популярность и ордена или иными какими-либо побуждениями, но только он действительно не жалел своих громадных капиталов на разные полезные дела и много жертвовал, хотя много и сорил. Особенно он известен был в Туркестане своими смелыми предприятиями, ручными тиграми и угощением солдат шампанским.

Во время Сербской кампании он поехал к Черняеву[258] и тоже помогал ему в его хозяйственных операциях. Так и теперь – он явился в действующую армию, бросал бешеные деньги как на разные богоугодные полезные дела, так равно и на кутежи. Знакомство, благодаря своей благотворительности и капиталам, он приобрел в высших сферах, с генералитетом, и смотрел на нашего брата – более мелких деятелей – несколько свысока. Обо всем этом я узнал уже после, когда из-за него чуть не попал на скамью подсудимых.

Проходя мимо нас, Хлудов, сильно покачиваясь, вероятно нечаянно толкнул меня и, вместо того чтобы извиниться, стал ругаться, что ему не дают дорогу. Не желая оставаться в долгу и вспылив, я с силой оттолкнул от себя невежу, который, в свою оче-

---

[257] *Хлудов Василий Алексеевич* (1841–1913) – потомственный почетный гражданин Москвы, купец 1-й гильдии. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял личным адъютантом М. Д. Скобелева, а также на свои средства снаряжал лазареты медикаментами и провиантом.

[258] *Черняев Михаил Григорьевич* (1828–1898) в 1864–1866 гг. воевал в Средней Азии, после чего вышел в отставку и в 1873 г. стал редактором газеты «Русский мир», пропагандировавшей идеи панславизма.

редь рассвирепев, хотел броситься на меня, но был удержан офицерами и выведен из гостиницы. Все офицеры были очень довольны тем, что я хорошенько проучил его и не позволил наступить себе на ногу. Между тем оказалось, что Хлудов отправился жаловаться на меня к самому Главнокомандующему, генерал-адъютанту Тотлебену, и скоро от последнего явился в гостиницу плац-майор, подполковник Вульпиус, которого я знал еще в бытность его ротным командиром в Варшавском юнкерском училище.

– Как грустно, что нам приходится встречаться при таких обстоятельствах! – сказал Вульпиус, когда мы втроем вошли в кабинет и уселись за столик.

Я рассказал ему сначала о своем столкновении с Хлудовым, а затем у нас завязался общий разговор, во время которого генерал Н. рассказывал много интересного про Рущукский отряд.

На следующий день, часов в семь, меня разбудил сожитель мой, поручик Марков.

– Поднимайся-ка, приятель. Тебя требует Скобелев по делам службы. Натворил, уж должно быть, вчера что-нибудь!

Я встал, надел шашку и направился к генералу. В столовой я застал Ольгу Николаевну, которая в это время приехала к сыну в Адрианополь.

– А, Дукмасов, здравствуйте! – любезно встретила она меня. – Куда это вы собрались при оружии?

– Да генерал ваш требует меня чего-то по делам службы, Ольга Николаевна, – отвечал я.

– Вероятно, накуролесили что-нибудь, – улыбнулась она. – Идите в кабинет, там Миша с генералом Духониным.

– А больше никого там нет?

– Нет никого. Раньше только был комендант, генерал Штейн.

«А, вот оно что, значит, уже доложили!» – сообразил я, входя в кабинет.

Скобелев, заложив руки назад, быстро ходил по комнате. У окна стоял начальник штаба генерал Духонин.

– Ну вот – представляю вам обезьяну! – сказал при моем входе Скобелев, обращаясь к Духонину. – Что нам с ним делать?

– Вы меня изволили требовать по делам службы, ваше превосходительство, а теперь смеетесь надо мной… Что прикажете? – спросил я серьезно.

– Я так и знал, что он обидится сейчас, – улыбнулся снова Михаил Дмитриевич. – Ну-с, вот в чем дело. Только что у меня был генерал Штейн и рассказывал, как вы вчера вечером в какой-то гостинице подрались с Хлудовым…

– Это неправда, ваше превосходительство, я не дрался, а только проучил хорошенько и оттолкнул какого-то пьяного господина, который держал себя крайне надменно и дерзко… Генерал Н. может подтвердить это.

– Ну а если бы Хлудов за это ударил вас? – спросил Михаил Дмитриевич.

– На этот случай при мне были шашка и револьвер! – отвечал я твердо. – Я не позволю безнаказанно оскорблять свой мундир, украшенный, тем более, этим крестом!

– Ну что ж – и пошли бы в Сибирь! Никого не удивили бы этим.

– Что ж делать, – ответил я. – Я думаю, что вы, ваше превосходительство, поступили бы точно так же на моем месте…

Скобелев промолчал и только еще скорее зашагал по комнате.

– Что же, однако, с вами делать – я, право, не знаю! – сказал он немного погодя. – И ведь это не первый уже раз на вас жалуется генерал Штейн. Надоело это мне – я упрячу вас на гауптвахту. Может быть, это укротит вас, будете посмирней.

– Как прикажете, только позвольте, ваше превосходительство, не сегодня. У меня дело есть, – попросил я.

– Никаких дел. Сейчас же и извольте отправляться. Это будет для вас полезнее. Поручик Марков отвезет вас в конак. До свидания!

Я поклонился и вышел.

– Ну что? – обратилась ко мне в столовой Ольга Николаевна.

– Упрятали меня, раба Божьего, на гауптвахту. Будьте здоровы, Ольга Николаевна!

– Бедный! Да когда вы будете благоразумнее? – сказала она на прощанье.

Через полчаса я с Марковым отправился в конак, где помещалась гауптвахта.

– Скобелев сказал, что тебе две недели сидеть, – сообщил мне доро́гой Марков.

На следующий день ко мне в комнату арестованного вошел караульный унтер-офицер и заявил, что какой-то «цивильный» господин желает меня видеть.

– Кто такой, что ему надо? – спросил я.

– Не могу знать. Приказали только доложить вашему благородию.

– Ну, проси!

Вошел довольно молодой еще человек и отрекомендовался Мамонтовым.

– Я явился к вам, – сказал он, – по поручению господина Хлудова. Он просил меня выразить вам свое крайнее сожаление по поводу вчерашнего недоразумения, вследствие которого вы попали сюда.

– Мне тоже это не особенно приятно, – отвечал я, – хотя попал я сюда по своей вине – за свою горячность. Начальство находит меня виновным в нарушении тишины в общественном месте. Но, во всяком случае, если господин Хлудов считает себя обиженным, я готов дать ему какое угодно удовлетворение, и всегда к его услугам…

– Ах нет, напротив, – перебил меня Мамонтов, – напротив, господин Хлудов желает лично явиться к вам сюда с извинением, и нарочно просил меня предупредить вас об этом. И если вы позволите, он сейчас же будет здесь. Ему крайне неприятно было, когда он узнал, что вас арестовали за эту глупую историю.

– Передайте господину Хлудову, что я на него не сержусь и готов помириться когда угодно.

Мамонтов ушел, а через час явился снова в сопровождении Хлудова. Мы встретились не как враги, а скорее как приятели, и старались перещеголять друг друга любезностью, предупредительностью и великодушием. Хлудов в чем-то извинялся передо мной, я успокаивал его и старался обвинить себя. Словом, сцена вышла довольно странная, забавная! Так уж, видно, создан русский человек, что чуждо ему злопамятство, и он забывает все при покорности или великодушии врага! Мир был заключен полный.

– Ну, господа, надо справить как следует перемирие! – сказал Мамонтов и неожиданно вынул из карманов две бутылки шампанского. В кармане же у Хлудова оказался коньяк. Затем пришедший с ним человек принес в комнату большой пирог с мясом и тоже вытащил из своих огромных карманов бутылки. Появилась, таким образом, целая батарея. Пробки полетали в потолок турецкого конака, и самая дружеская, веселая беседа долго продолжалась еще с брудершафтами и теплыми пожеланиями.

– Ну, друг, – говорил на прощанье сильно захмелевший Хлудов, – я у тебя еще буду… И непременно попрошу Михаила Дмитриевича, чтобы тебя выпустили…

– Нет уж, пожалуйста, этого не надо, я вовсе не хочу ходатайств. Виноват – ну и отсижу!

Расстались мы вполне приятелями.

На следующий день утром лежу на кровати без сюртука и сапог. Вдруг слышу суету – кому-то вызвали караул (помню,

был от Суздальского полка). Подойдя к окну, я увидел Скобелева, который соскочил с коня и подошел к караулу.

– Здоро́во, братцы! – слышу приветствие.

– Здравия желаем, ваше превосходительство! – раздался громкий и дружный ответ солдат.

«Как бы еще сюда не зашел?» – подумал я и на всякий случай набросил сюртук, не надевая, однако, сапог и оставаясь в туфлях. Действительно, через минуту дверь быстро отворилась, и на пороге появился Скобелев.

– Здравствуйте, буйный узник! – сказал он весело. – Ба! Да вы в этом костюме совсем-таки похожи на обезьяну! – и он, смеясь, посмотрел на мои туфли.

– Да мы все, по теории Дарвина, происходим от обезьяны! Что вы на меня нападаете, ваше превосходительство! – отвечал я в том же шутливом тоне.

– Ну нет – я не согласен! – покачал генерал головой. – Это только к вам относится… Ну, рассказывайте, как вам живется здесь. Не скучаете ли?

– Благодарю вас, ваше превосходительство, прекрасно. Отличный сон, прекрасный аппетит… Немножко скучновато только!

– Это полезно для вас, – сказал Михаил Дмитриевич. – Меня просили, чтобы я простил вас. Но я нарочно буду держать вас в этой клетке, чтобы нервы ваши немножко поуспокоились… Ну-с, до свидания, желаю вам не скучать, быть спокойнее и не буянить.

И Скобелев со смехом вышел на двор, уселся на лошадь, еще раз кивнул мне головой и уехал.

Впоследствии я узнал, что Михаил Дмитриевич был у Тотлебена и имел с ним продолжительный разговор обо мне. Главнокомандующий хотел отдать меня под суд, но Скобелев стал упрашивать его не делать этого.

– Если мы, ваше высокопревосходительство, будем отдавать под суд офицеров за всякую малость, то нам придется

посадить на скамью подсудимых целые сотни, и мы останемся без храбрых офицеров. Пусть они считаются между собой – это их частное дело…

Так, как передавали мне, убеждал Скобелев Тотлебена, и последний в конце концов согласился-таки ограничиться одной гауптвахтой. Этот эпизод характеризует доброе сердце Скобелева и его постоянное старание горячо стоять за интересы своих подчиненных. В последние дни своего заключения я узнал, что меня перевели в Лейб-гвардии казачий Его Величества полк корнетом.

Отсидев положенный срок, я явился к Скобелеву.

– А, заключенный – поздравляю вас со свободой! – встретил он меня, подавая руку. – Теперь, я уверен, будете благоразумнее держать себя, не по-башибузукски! Затем поздравляю с переводом в гвардию. Когда думаете ехать в Петербург?

– Откровенно говоря, не хотелось бы мне уезжать от вас! – сказал я как-то невольно и совершенно искренно.

– Как не хотелось бы! Я вот вас еще как-нибудь упрятал бы на гауптвахту!

– Прячьте сколько угодно, ваше превосходительство, а я все-таки такого начальника, как вы, никогда не найду!

– Ну вы вечно ерунду городите! – сказал генерал и отвернулся. – Убирайтесь-ка домой, а когда поедете – заходите прощаться. Да, пожалуйста, держите себя поскромнее!

Через несколько дней, в последних числах октября, перед отъездом в Россию я явился к Михаилу Дмитриевичу откланяться и попрощаться. Грустно было мне расставаться с этим человеком, к которому я так слепо привязался, которого так горячо любил, глубоко уважал. Не радовало меня повышение по службе – перевод в гвардию и предстоящая карьера. И с большим удовольствием остался бы я на своем опасном посту, при этом умном, благородном и отважном вожде, патриоте и рыцаре.

– Вы чего такой пасмурный? – спросил он меня. – Человек едет в Россию и повесил нос!

– Позвольте поблагодарить вас, ваше превосходительство, за ваше постоянное внимание ко мне, доброту… – отвечал я довольно шаблонной фразой, хотя на самом деле хотелось сказать совсем другое.

– Ну, до свидания, голубчик. Желаю вам от души всего хорошего! Да сдерживайте вы себя, Бога ради. А то настоящей дикарь-азиат… Вот вам на память мой портрет.

– Уж будьте до конца любезны, ваше превосходительство, подпишите, пожалуйста, его, – сказал я, заметив, что карточка была без подписи.

– Ну, давайте!

Скобелев взял обратно портрет и на оборотной стороне написал: «В память Плевны, Шейново и Константинополя сотнику Дукмасову от Михаила Скобелева».

– Я на вас сердит за ваши последние проказы и потому, в наказание, не напишу того слова, которое в начале предполагал написать.

– Какого же это слова? – спросил я.

– «Любящего».

– И без этого слова она будет всегда дорога мне! – ответил я.

– Ну, до свидания! Надеюсь, еще увидимся в Петербурге, – сказал Скобелев, крепко обнимая меня и целуя.

Затем я зашел попрощаться к доброй уважаемой Ольге Николаевне, к некоторым из начальствующих лиц и к товарищам. Со всеми этими людьми мне одинаково тяжело было расставаться. Ничто так не сближает людей, как боевая, полная опасностей жизнь и общая ежеминутная готовность переселиться в другой, неведомый, загадочный мир!

Не с радостным, а скорее с грустным чувством сел я в вагон на Адрианопольском вокзале после сердечных проводов некоторых из более близких мне товарищей. Сжился я с ни-

ми так же, как со своей ординарческой беспокойной жизнью. И жили мы вокруг Скобелева дружно, хорошо и большей частью весело, без всяких интриг, подлостей, злословий. А впереди – серенькая, будничная жизнь с ее мелкими интересами, неизбежными интригами, завистью и грязными делишками… Быстро помчал меня поезд на восток, снова к берегам Босфора. По дороге мелькали все знакомые места, знакомые города, селения, позиции.

На Константинопольском вокзале я высадился и поехал в Перу, в гостиницу. Здесь я случайно встретился со своим хорошим знакомым, мичманом Мореншильдом, который, как оказалось, тоже ехал в отпуск в Россию. Нагулявшись вволю напоследок целых три дня и значительно облегчив наши кошельки, мы уселись наконец на русский пароход и послали последнее прости той страшной земле, где русский народ в продолжение целых столетий хоронит сотни тысяч своих отважных сынов, свои лучшие молодые силы во имя христианской идеи и святого общеславянского дела…

Глава VII

Через 36 часов плавания пароход наш остановился, и мы ступили наконец на дорогую родную землю после стольких испытаний, опасностей, лишений и мук. Впрочем, Одесса произвела на меня не особенно приятное впечатление: масса иностранного элемента, эти нерусские лица и нерусская речь – все это действовало как-то неприятно на нервы…

Через два дня я простился с Одессой и Мореншильдом и поехал в столицу Дона – Новочеркасск. Здесь я встретил самый радушный прием как со стороны начальства – начальника штаба генерала Леонова, бравого и чрезвычайно симпатичного человека и истого казакомана при этом, так равно и всех товарищей, знакомых. Генерал Леонов повез меня в Казачье юнкерское училище, представил юнкерам и

пожелал им быть «такими же молодцами и кавалерами». Видимо, Леонов гордился, как настоящий казак, моими заслугами и орденами. Он торопил меня ехать скорее в Петербург, чтобы иметь счастье представиться Государю Императору во время Георгиевского праздника. Он же выхлопотал мне прогоны, жалованье за год вперед и другие льготы. Вообще я вспоминаю уважаемого и любезного Георгия Алексеевича с благодарностью, признательностью.

21 ноября я переехал с берегов Дона на берега Невы – в Питер и явился к новому начальству, познакомился с новыми товарищами. На Георгиевский праздник 26 ноября меня назначили с взводом лейб-казаков во дворец. Еще ранее я простудился и чувствовал себя теперь не совсем хорошо.

Перед выходом Государя, ко мне подошел бывший августейший Главнокомандующий Николай Николаевич.

– А, здравствуй, Дукмасов! – весело сказал Его Высочество, тотчас же узнав меня. – Ну, как твое здоровье? Ведь ты, кажется, был болен?

– Покорно благодарю, Ваше Высочество, – отвечал я, – теперь немного лучше…

– Ну ничего, у нас поправишься, будешь молодцом. – И Великий князь подошел затем к какому-то генералу.

Через несколько минут после этого я первый раз в жизни имел счастье представиться Государю Императору и удостоиться разговором с великим Царем-Освободителем. Государь изволил милостиво обратиться ко мне и спросить, за что я получил Георгиевский крест. Выслушав внимательно мой ответ, Его Величество сказал:

– Молодец, спасибо тебе за службу!

Затем через неделю я снова представлялся Государю в Михайловском манеже, и снова великий покойный монарх[259]

---

[259] Ко времени, когда были написаны эти воспоминания, императором был уже Александр III, у Дукмасова же речь идет об Александре II.

удостоил меня своим разговором. К одиннадцати часам утра манеж был уже полон. Необыкновенно эффектную картину представляли из себя все эти рослые, увешанные орденами гвардейцы, блестящее генералы и офицеры – лучший цвет нашей армии. Мне пришлось в первый раз быть в манеже, и потому неудивительно, что меня все это так занимало, интересовало. Мне было указано место, но скоро какие-то генералы совершенно оттерли меня, и я очутился позади, и только перед самым приездом Государя дежурный генерал-адъютант перевел меня на правый фланг. Мало-помалу стали приезжать разные начальствующие лица, а затем прибыли наследник цесаревич и Николай Николаевич.

Ровно в двенадцать часов в манеж приехал Государь, сел на прекрасную белую лошадь и, в сопровождении большой свиты, в числе которой находилось несколько представителей иностранных держав, стал объезжать фронт войск. Затем Его Величество подъехал к нам. На мою долю выпала честь представиться первым. Наследник цесаревич, как командир Гвардейского корпуса, назвал мой чин и фамилию. Монарх пристально взглянул на меня своими добрыми и умными глазами, приветливо улыбнулся и сказал:

– А, здравствуй! – И подал свою руку, которую я с благоговением и любовью поцеловал.

Не выпуская руки, Государь продолжал расспрашивать меня, за что я получил Георгия, Владимира и другие ордена, и я с радостью рассказывал великому властелину земли русской о своих скромных боевых трудах в славную войну за освобождение болгарского народа.

– Молодец! Спасибо, спасибо тебе еще раз за службу! – сказал ласково Государь, и эти слова обожаемого монарха-мученика были дороже мне всяких наград в мире.

И теперь нередко с наслаждением, с любовью вспоминаю я их, и хорошее, сладкое чувство невольно испытываю я, тогда и слезы умиления навертываются на моих глазах…

Началась обыкновенная мирная жизнь гвардейского офицера: обычные ученья, разводы, смотры, парады и, в часы досуга, театры, маскарады, концерты, товарищеские беседы, нередко кутежи, тройки, девицы… Все это скоро надоело, приелось, и я стал скучать о своей прежней, боевой, полной опасностей жизни, о незабвенном Скобелеве и прежних ратных товарищах.

Как это ни странно покажется, быть может, читателю, но я говорю совершенную правду и ничуть не рисуюсь! Я действительно скучал и с нетерпением жаждал новой смертельной деятельности… Там, перед лицом смерти, мы все были братья, все равны, все – от Главнокомандующего, генерала до последнего обозного рядового. Пуля или осколок найдут свою жертву, как и куда ни прячься она от них. И подлый трус, укрывающийся в кукурузе или в яме, вместо того чтобы идти вперед, не избегнет ее! А отважный, честный храбрец, гордо поднявший голову и прямо, вызывающе смотрящий в лицо свистящей и завывающей смерти, – сплошь и рядом остается цел и невредим! А теперь, когда замолкли орудийные выстрелы и ружейная трескотня, когда мы вернулись к нашим мирным занятиям и серенькая жизнь с ее будничными интересами вступила в свои широкие права – снова открылось обширное поле для разных мелких интриг, кляуз, сплетен и грязных делишек…

И так день за днем, месяц за месяцем, один хуже другого! То, что во время войны казалось таким ничтожным, пустым, теперь считается, напротив, таким серьезным, важным! И как переменилось сразу обхождение начальников со своими подчиненными. Там, под пулями, оно было братско-товарищеское, здесь – снова олимпийское, высокомерное. Там мы как друзья целовались, здесь – вам едва снисходительно протягивают руку…

В апреле 1879 года в Петербург приехал Скобелев. Мне, конечно, очень хотелось видеть своего прежнего любимого

начальника, и я около полудня поехал на Моховую, где остановился Михаил Дмитриевич.

– Дома генерал? – спросил я в передней лакея.

– Дома, только их видеть нельзя – они завтракают.

– А кто дежурный адъютант?

– Господин Эрдели, – отвечал лакей.

– Попроси его на минутку, скажи – корнет Дукмасов.

С Эрдели я был в хороших отношениях еще с кампании. Он тотчас же доложил обо мне Скобелеву.

– Генерал просит тебя в столовую, он очень рад тебя видеть, – сообщил мне Эрдели через минуту.

Михаил Дмитриевич встретил меня очень радушно, усадил рядом с собой за стол и познакомил с некоторыми из присутствовавших тут генералов. Мой старый знакомый Лей, денщик Скобелева, осклабясь, бежал уже ко мне с прибором и стулом, видимо обрадованный, что встретился с некоторым образом тоже боевым товарищем. Здесь же были мои прежние сослуживцы – Баранок и Абадзиев.

– Ну, рассказывайте, как вам живется в Петербурге и служится в гвардии? Конечно, всем довольны и веселитесь, – расспрашивал меня генерал.

«Не для гвардии я создан, ваше превосходительство, а для армии!» – хотел было я ответить, но постеснялся тех гвардейцев, которые присутствовали за столом. Хотелось вообще многое сказать этому умному, дорогому и простому человеку. Хотелось излить свою душу, спросить у него несколько советов… Но было не время, не место. И я сказал совсем не то, что думал: «Благодарю вас, ваше превосходительство, хорошо, хотя все-таки скучаю о прежней жизни и вспоминаю часто Зеленые горы, Зеленое древо, Шейново, Адрианополь, Св. Георгий, Константинополь и другие места, где находился вместе с вами…»

Разговор невольно перешел на минувшую кампанию, и Михаил Дмитриевич, заметно оживившись, стал рассказывать о наших действиях, разбирать причины временных неудач, чрезвычайно метко характеризовал некоторых из командиров… Словом, беседа приняла вполне товарищеский характер. Между прочим, кто-то высказал свое удивление по поводу той храбрости, решительности и хладнокровия, которые всегда проявлял Скобелев в боях.

– Те качества, которые вы мне приписываете, – отвечал генерал, – легко встретить у очень многих, и, наверное, каждый из вас обладает ими в известной мере. Но кому я завидовал, сознаюсь откровенно, так вот этому господину, – и он указал на меня. – Я бы не поверил даже, если бы кто-нибудь сказал мне, что можно так спокойно, хладнокровно смотреть в лицо смерти и проявлять такую дерзкую отвагу!.. Я давал ему самые смелые, безумные поручения, и он все выполнял в точности и каким-то чудом возвращался целым и невредимым…

Помню, под Константинополем, в Св. Георгии, перед тем как нам пришлось очищать позиции, я за обедом предложил офицерам, не возьмется ли кто исполнить мое поручение, выходящее из ряда вон и сопряженное с крайней опасностью для жизни. И вот он, не колеблясь ни минуты, взялся выполнить его, хотя я и объяснял ему всю рискованность и опасность этого предприятия. И я уверен, что он действительно, если бы потребовалось, исполнил это!.. Откровенно сознаюсь, что в решительные, тяжелые минуты я сам сильно волнуюсь и делаю над собой громадные усилия, чтобы заглушить это чувство!.. Этот же человек, кажется, совсем без нервов и страха!

Долго еще мы с удовольствием слушали оживленные рассказы Скобелева и разошлись от него довольно поздно.

Через некоторое время из Болгарии в Петербург приехала мать Скобелева. Я немедленно навестил ее, и Ольга Николаевна встретила меня по обыкновению очень любезно, просто, как старого знакомого, и просила заходить к ним без церемоний, когда вздумается. Обществом такой умной и образованной женщины я, конечно, очень дорожил и нередко с удовольствием проводил вечера в доме Скобелева.

Помню хорошо, в конце апреля, накануне выезда моего в Красное Село, куда меня командировали в 6-ю Донскую наследника цесаревича батарею с командами от Лейб-казачьего и Атаманского полков для обучения их артиллерийскому делу, я отправился к Ольге Николаевне. Разговор завязался, как это нередко бывало, чисто военного характера. Говорили мы о причинах наших неудач в Закаспийском крае, о предполагаемой новой экспедиции, о том, кого назначать начальником ее и проч.

– Как жаль, – сказал я, – что не назначают людей более или менее опытных в этом деле, хорошо знающих тот край, туземцев, местные условия и проч. У нас такие люди ведь есть: Черняев, Столетов, Куропаткин, Гродеков и др. Все эти опытные офицеры прошли хорошую боевую школу в Туркестане и на берегах Сырдарьи и Амударьи. Кавказские же генералы, при их бесспорной храбрости и опытности, мало знакомы со степью-пустыней и ее воинственными обитателями.

– Вот в том-то и горе, Петр Архипович, – отвечала Ольга Николаевна, – что мы всегда начинаем снова и совершенно забываем про опыты. Спохватимся, да поздно! Вот перед глазами же у нас неудачные экспедиции Маркозова, Лазарева[260], Ломакина…

---

[260] *Лазарев Иван Давидович* (1820–1879) – участник Кавказской и Русско-турецкой войн.

– А знаете что, Ольга Николаевна, – сказал я, – мне почему-то кажется, что Государь непременно назначит начальником предполагаемой экспедиции Михаила Дмитриевича.

– Кого, Мишу? – удивилась Ольга Николаевна. – Что вы, нет, никогда!

– Не знаю уж почему, но я в этом почти уверен! Он, наверное, соберет возле себя таких людей, как Куропаткин, Гродеков, и дело будет выиграно.

– Ах, милый Дукмасов, мне что-то не верится… Это будет уж слишком умно, если назначат Мишу… – И добрая женщина весело рассмеялась.

В это время дверь отворилась, и на пороге появился сияющий Михаил Дмитриевич.

– Э, да вам тут, я вижу, не скучно! – сказал он, подавая мне руку и целуя мать.

– Знаешь, Миша, что Дукмасов пророчит, – перебила его Ольга Николаевна, – он утверждает, будто тебя непременно назначат начальником Закаспийской экспедиции. Мы только что об этом говорили…

Лицо генерала вдруг сделалось пасмурным.

– О пустяках вы все толкуете. Никогда этого не будет! – и он, нахмурившись, быстро зашагал по комнате.

– Ну а если это случится, возьмете меня тогда с собой в экспедицию? – приставал я к нему.

– Никогда этого не будет, повторяю вам! – сурово и нехотя ответил он.

– Ну а если?

– Ах, да отстаньте. Ну конечно возьму!

Слова Ольги Николаевны произвели на генерала какое-то странное, непонятное действие и я, боясь окончательно рассердить его, более уже не обращался к нему, хотя меня все подмывало спросить, отчего он так сразу переменился и из веселого сделался грустным.

Дня через два после этого разговора я отправился в Красное Село, в упомянутую командировку. Ольга Николаевна вскоре ухала тоже в Болгарию (откуда более и не возвращалась), а Михаил Дмитриевич отправился в свой 4-й корпус, в город Минск.

В сентябре 1879 года я подал прошение об увольнении меня по домашним обстоятельствам на льготу, на Дон, и после шумного Петербурга поселился в глухом казачьем захолустье и занялся хозяйством. В феврале 1880 года я прочитал в газетах о назначении Скобелева начальником Закаспийской экспедиции. Предположения мои, таким образом, сбылись, и, помня обещание Михаила Дмитриевича, я написал ему письмо с просьбой взять меня в экспедицию. Но судьба сулила мне иное!

Письмо это, как оказалось потом, в руки Скобелева вовсе не попало, и я волей-неволей остался гнить в своем захолустье. Душа рвалась в бой, снова под пули, к знакомому уже делу… Я внимательно следил по газетам за ходом военных действий, и тяжелое чувство, чувство узника, лишенного свободы, испытывал в это время, сидя в своем родном, тихом гнезде… Наконец, экспедиция эта, покрывшая новой славой русское оружие и новыми лаврами и без того популярного ее начальника, окончилась и Скобелев вернулся в Россию.

В конце 1881 года я по своим делам приехал в Москву. В штабе Гренадерского корпуса я встретился с бывшим начальником штаба отряда Скобелева, графом Келлером, и от него узнал, что Михаил Дмитриевич тоже прибыл в Москву. Это было 31 декабря.

«Вот и отлично, – решил я. – Завтра, в первый день нового года, отправлюсь к нему с визитом. Сильно хочется посмотреть на него. Говорят, изменился за кампанию…»

В тот же вечер я заехал со знакомыми в гостиницу «Эрмитаж» обедать. Часов около девяти в зале между публикой вдруг раздались восклицания:

– Скобелев идет, Скобелев идет!

Действительно, через минуту прекрасный орган заиграл марш Скобелева (это распорядился господин Оливье[261], содержатель «Эрмитажа»), и герой Ахалтекинской экспедиции, в сопровождении графа Келлера и генерал-лейтенанта князя Гагарина, быстро вошел в залу. Вся бывшая в зале публика – военные и штатские – почтительно встала и радостно приветствовала народного любимца. Скобелев любезно отвечал на поклоны и торопливо вошел со своими компаньонами в отдельный кабинет.

«Вот удобный случай представиться генералу, – подумал я. – Кстати, я в мундире при орденах», – и я приказал человеку доложить о себе Скобелеву.

Через минуту лакей вернулся.

– Пожалуйте, генерал просят вас в кабинет!

Скобелев встретил меня не как бывшего подчиненного, а как товарища, даже, пожалуй, друга.

– Очень, очень рад вас видеть! – сказал он, обнимая меня и целуя. – А я, право, думал, что вас нет уже более на свете… Ваше превосходительство! – обратился он к князю Гагарину, который с удивлением смотрел на эту странную, сердечную встречу двух крайних офицерских чинов, корнета и полного генерала[262],– позвольте вам представить моего бывшего ординарца. Ну, с графом Келлером вы ведь знакомы?

– Да, – отвечал я, – я сегодня от графа узнал о вашем приезде и хотел было завтра явиться к вашему высокопревосходительству с многочисленными поздравлениями: с Новым годом, с новым чином, новым крестом…

---

[261] *Оливье Люсьен* (1838–1883) – повар французского или бельгийского происхождения, открывший в начале 1860-х гг. в Москве ресторан «Эрмитаж».

[262] За Ахалтекинскую экспедицию Скобелев получил Святого Георгия 2-й степени и был произведен в генералы от инфантерии. (*Примеч. автора.*)

– Ну, зарапортовался! – перебил меня генерал. – И прекрасно сделали, что явились сегодня, потому что завтра не застали бы меня – я сегодня вечером еду к себе в имение…

Я внимательно между тем всматривался в лицо дорогого человека. Он заметно изменился за тот короткий срок, в который я его не видел: побледнел, пожелтел, как-то осунулся, выражение глаз стало более серьезно, сосредоточенно. Он как будто делал усилие, чтобы улыбаться, смеяться, тогда как прежде это веселье было совершенно естественно и вполне соответствовало его сангвинической натуре. Несомненно, что неожиданная смерть матери, хлопоты и труды в тяжелой степной экспедиции и разные мелкие треволнения и неприятности сильно отразились даже на этой крепкой натуре.

– Ну а вы что здесь делаете? – обратился ко мне Скобелев. – Пьянствуете? Правда ведь, граф? – И, не дожидаясь ответа, он стал говорить про меня князю Гагарину, который все продолжал с удивлением смотреть на нашу приятельскую беседу и на мои ордена. – Отчаянный сорвиголова! – говорил про меня Скобелев князю. – Я всегда удивлялся его храбрости и хладнокровию.

– Генерал хвалит меня, ваше сиятельство, – вмешался я в разговор, – а про себя ничего не говорит. А между тем мы – это может подтвердить и граф Келлер, как бывший начальник штаба – только брали пример с нашего вождя и в его поведении почерпали силу и энергию.

– Ну вы, обезьянка, не скромничайте и не врите! Вы вот лучше скажите, какого вы черта торчите тут, в Москве, и что делаете?

– Ничего не делаю, – отвечал я весело, – да и что может делать казачий офицер, состоящий на льготе! В экспедицию вы меня не взяли, хоть и дали слово.

– Ах да, – перебил меня Скобелев, – я с вами не хочу быть больше знакомым!

– За что такая немилость, ваше высокопревосходительство?

– А за то, что вы, милостивый государь, проспали или пропили Ахалтекинскую экспедицию.

– Я в этом не виноват. Вы еще в Петербурге дали слово, что возьмете меня, в случае если вас назначат начальником. Помните тот вечер, перед отъездом вашим в Минск…

– Да, помню, но я забыл, у меня тогда вот какая была голова, масса хлопот… Вы должны были сами напомнить о себе – написать или явиться ко мне лично.

– Да я это и сделал, ваше высокопревосходительство. Я отправил вам письмо, но ответа никакого не получил.

– Какое письмо? – удивился Михаил Дмитриевич. – Я ничего не получал, даю вам слово. Наконец, вы могли послать мне телеграмму!

– И ее, вероятно, постигла бы та же участь. Наконец, я решил, что вы, вероятно, недовольны мной за что-нибудь или просто не хотите меня видеть. Что же мне было навязываться!

– Что за чепуха! – с досадой в голосе сказал генерал. – Да черт же знал, что вы существуете на свете! Мне даже говорили, что вы совсем испьянствовались, до чертиков, и от водки отправились на тот свет. Теперь я вижу, что все это вранье. Вы такой же молодец, как были на Балканах. Не правда ли, граф? – обратился он к графу Келлеру.

Граф ответил утвердительно и прибавил при этом:

– Я вполне разделяю мнение Дукмасова, что раз он не получил ответа на свое письмо – неудобно было вторично напрашиваться, – и граф, в знак сочувствия, крепко пожал мне руку.

– Э, да вы заодно с Дукмасовым, – сказал, рассмеявшись, генерал, – ну, черт с вами, давайте вашу лапу в знак примирения, – и генерал протянул мне свою руку. – А все-таки, – продолжал он, – вы проспали славную экспедицию!

– Не моя вина, ваше высокопревосходительство! Не судьба, должно быть!

– Да вы просто взяли бы да и приехали ко мне. Так делали многие офицеры. Приезжали без всяких бумаг, предписаний, и я, не зная даже их, принимал к себе. А вас я знал и был бы очень рад. Храбрые офицеры никогда не могут быть лишними на войне, для них всегда найдется работа… Ну, да прошлого все равно не воротишь! Лучше давайте вот ужинать.

– Покорно благодарю, я недавно обедал, ваше высокопревосходительство! Вот вина, если позволите, за ваше здоровье выпью.

– Ну уж это – извините-с. Чего-чего, а вина-то не дам… – И Скобелев торопливо отодвинул от меня бутылки.

– Не дадите – и не надо! – сказал я совершенно спокойно.

– Впрочем, я думаю, бокал-то один ему можно налить, но не более, – обратился, улыбаясь, Скобелев к князю и графу, наливая мне шампанского. – Вот что: ведь вы здесь, в Москве, ничего не делаете? Так поедемте ко мне в деревню встречать Новый год. Вот граф обещался тоже приехать, и еще кое-кто. Я думаю устроить для деревенских детей елку, вот вы мне и поможете. Ну что же, согласны?

– Я с удовольствием куда угодно поеду с вашим высокопревосходительством, хоть на тот свет! – отвечал я, сильно обрадованный встречей со своим бывшим начальником.

– Ну вот и отлично. Теперь десять, поезд идет в одиннадцать, значит, через час мы и покатим вместе.

– Так позвольте мне съездить в гостиницу, переодеться и захватить кое-какие вещи, – сказал я.

– Лишнее – так и поедем. На что вам вещи? Допивайте-ка ваше вино да съездите, пожалуйста, в дом генерала Яковлева, где я остановился, и передайте, что я домой не вернусь, а поеду прямо на вокзал. Поручику Ушакову скажите, чтобы он приказал Лею уложить мои вещи и тоже отправлялся на

вокзал к 11-часовому поезду. Сами же возвращайтесь сюда – вместе поедем. Разобрали, в чем дело?

– Что ж тут не разобрать! – отвечал я. – В кампанию и не такие приказания разбирал…

– Ну, пошел, – прервал меня генерал, – непременно нужно огрызаться… Я замучился с ним в кампанию, – продолжал он, обращаясь к князю, – никак с ним не сговоришься!

– Вероятно, потому вы и не взяли меня с собой в Ахалтекинскую экспедицию, ваше высокопревосходительство, а нашли более сговорчивых…

Все рассмеялись, а Скобелев без церемонии поймал меня за ухо и отодрал, приговаривая:

– Вот вам за это, будете меня помнить… Ну а теперь – марш! Возьмите мою лошадь, кучер знает, куда везти. Я буду здесь вас ждать.

Выйдя к подъезду и усевшись на скобелевского лихача, я помчался к дому генерала Яковлева. Здесь меня встретил домовладелец, которому я отрекомендовался.

– А где же Михаил Дмитриевич? – спросил меня генерал.

– Ужинает в «Эрмитаже». Он просил меня распорядиться относительно его вещей, так как Михаил Дмитриевич не заедет сюда более, а отправится прямо на вокзал.

– Это он всегда так устраивает, экспромтом! – сказал добродушный генерал и распорядился попросить поручика Ушакова.

С Ушаковым – милым, симпатичным офицером – мы встретились радушно, как старые боевые товарищи. Он принимал участие в Ахалтекинской экспедиции, был ранен, заметно изменился и постарел, хотя за то и украсился новыми регалиями. Я передал ему распоряжение Скобелева и затем отправился обратно.

– Пожалуйста, Петр Архипович, поторопи генерала, а то он, наверное, опоздает к поезду. Ты ведь знаешь его: как за-

говорится, так не оторвешь, – говорил мне Ушаков перед моим отъездом.

На обратном пути я заехал на минутку домой и около половины одиннадцатого был уже снова в «Эрмитаже».

– Ну что, все устроили? – спросил меня Скобелев, сидевший по-прежнему в обществе князя и графа.

– Нечего было и устраивать – они все сами без меня устроили. Пора ехать, ваше высокопревосходительство, полчаса осталось до отхода поезда.

– Уедем еще, тут недалеко до вокзала, – отвечал генерал и продолжал свою оживленную беседу с Гагариным и Келлером.

Наконец, минут за десять до отхода поезда, я еле уговорил его ехать.

– Да чего вы суетитесь, точно баба какая… Успеем еще! – говорил Скобелев, прощаясь со своими собеседниками.

С трудом уселись мы вдвоем в узкие извозчичьи санки и помчались на вокзал по отвратительной дороге: снегу почти не было, замерзший лед растаял, и мы неслись то по глубоким лужам, то прямо по земле и камням, с трудом держась друг за друга на узком сиденье. Несмотря на быструю езду, мы все-таки опоздали на четверть часа, но поезд был задержан благодаря распорядительности полицеймейстера, который встретил Скобелева у поезда и проводил до вагона.

Скобелев занял отдельное купе, а я с Ушаковым поместился рядом, в общем вагоне первого класса.

Так как близилась полночь, то Михаил Дмитриевич пригласил нас к себе в купе встречать вместе Новый год.

– А помните, господа, – сказал генерал, – где мы встречали 78-й год! Помните, как переваливали Балканы у Зеленого древа, помните Шейновский бой, пленение армии Весселя-паши, поход к Адрианополю… Хорошее время было, с удовольствием я его вспоминаю! Придется ли еще когда нюхать порох или не судьба уже?..

Скобелев, опустив голову, о чем-то задумался.

Я смотрел внимательно на это дорогое мне лицо, заметно уже постаревшее, осунувшееся, но все еще молодое, красивое, энергичное. «В 38 лет добиться полного генерала, получить Георгия 2-й степени! Какую он службу сослужил России!»

– Ваше высокопревосходительство! – прервал мои размышления Ушаков. – Двенадцать часов: с Новым годом, с новым счастьем!

Мы взглянули на часы – стрелки сошлись на двенадцати.

– Ну, пошли же нам Бог всего хорошего! – серьезно сказал Скобелев и набожно перекрестился. – Что-то нас ожидает в этом году – будем ли живы?

Он горячо расцеловался с нами и от души пожелал нам счастья и здоровья.

А Лей уже держал в руках откупоренную бутылку шампанского и на подносе три стакана. Мы чокнулись, еще раз пожелали друг другу всех благ мира и вскоре разошлись спать по своим местам.

– Смотрите, господа, не проспите, – сказал нам на прощанье Скобелев, – поезд приходит в Раненбург[263] около семи утра. Разбудите меня!

Было ровно семь часов, когда я проснулся. Поезд наш подходил к какой-то станции и вскоре остановился. Я взглянул в окно и на фасаде прочитал: «Раненбург».

– Мишка, вставай скорее! – стал я торопливо будить храпевшего Ушакова. – Иди, буди генерала, а то ругаться будет.

Действительно, через минуту я услышал из купе недовольный голос Михаила Дмитриевича:

– Черт знает, чего ж вы меня не разбудили раньше! Опять из-за нас поезд будут задерживать! Дукмасов, пожалуйте сюда! Вы отчего меня не разбудили?

---

[263] Ныне город Чаплыгин, районный центр Липецкой области.

– Я ваш гость, это не мое дело! – отвечал я, улыбаясь.

– Ну ладно, гость! Вот лучше помогайте мне скорее одеваться.

Поезд был задержан на несколько минут, пока генерал успел собраться. На платформе собралась масса крестьян из окрестных деревень встречать его. И когда он вышел, головы всех сразу обнажились, лица просияли, и простой люд с радостью приветствовал своего любимого народного героя, и вместе помещика.

– Батюшка наш, голубчик, красавец писаный! – говорили с умилением, со слезами на глазах некоторые бабы и низко-низко кланялись ему.

Михаил Дмитриевич зашел в уборную и через несколько минут вернулся обратно в залу.

– Вот что, – обратился он к Ушакову, – так как вещи наши придут со следующим поездом, то вы побудьте, пожалуйста, здесь и позаботьтесь о доставке их в Спасское. Тут останется также господин Голубинцев[264]. Ну а мы с вами, – продолжал Скобелев, обращаясь ко мне, – поедем вместе…

У крыльца станции, куда мы вышли, нас ожидали хорошенькие сани, запряженные цугом[265], одна за одной, тройкой прекрасных серых коней. Меня немало удивила эта оригинальная запряжка.

– Отчего ты запряг их так, по-польски? – обратился я к молодцу-кучеру, служившему у Скобелева еще в действующей армии.

– Иначе нельзя, ваше благородие, – отвечал он, радостно улыбаясь мне, как старому знакомому, – потому у нас снег очень глубокий, а дорога мало накатана. Мужички ездят все в

---

[264] Главный контролер имений Скобелева. (*Примеч. автора.*)

[265] *Цуг* (*нем.*) – вид упряжки, в которой лошади идут гуськом или парами, друг за другом.

одну лошадь, так не то что тройкой, а и парой в ряд нельзя проехать…

– Ну, трогай, да получше поезжай! – сказал Скобелев, усевшись между тем в сани.

Добрые кони быстро повезли нас по плохо укатанной дороге. День был серенький, небо сплошь покрыто было тучами. Ветер постепенно усиливался, поднимая целые тучи снежной пыли, которая почти совершенно заносила дорогу. Меня начал пробирать холод, так как одет я был очень легко. Скобелев молчал и о чем-то думал.

– А у вас, ваше высокопревосходительство, и здесь все напоминает действующую армию! – обратился я к своему соседу.

– Что же именно? – повернул он ко мне свою голову.

– Да как же: тот же кучер Петр, те же серые боевые кони, та же быстрая езда…

– Да, вот это! – улыбнулся он. – Ну, до действующей армии, положим, далеко еще! А вы знаете, я двух своих белых верховых кобылиц поставил в конюшню – как маток. Вот я повезу вас в свой конный завод в Златоустове. Кстати, посмотрите пару рысистых жеребцов, которых я подарил князю Дондукову-Корсакову[266] – прекрасные лошади… Я очень рад, что поймал вас, вы поможете мне в хозяйстве, а то я, откровенно сознаюсь, плохой хозяин…

– Ну а я еще хуже! – отвечал я, смеясь, – и вряд ли могу быть вам чем полезен.

– Ничего, все-таки присмотрите, кого нужно подгоните, а то все у меня страшно распущены и мало заботятся о моих интересах… Вы знаете, я ведь привез из Турции несколько

[266] *Александр Михайлович Дондуков-Корсаков* (1820–1893) – князь, русский военачальник и государственный деятель, участник Кавказской (1817–1864), Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войн.

верблюдов и мулов, а из Закаспийского края прекрасных быков – это у меня отдел иностранцев. Я вам все покажу…

Между тем метель все более и более усиливалась, и скоро дорога была совершенно занесена. Мы ехали прямо по полю, лошади постоянно проваливались в глубоком снегу.

– Однако мы сбились с дороги, куда это ты нас завез? – сказал Скобелев, увидав, что мы подъезжаем к какой-то незнакомой деревне.

– Виноват, ваше высокопревосходительство, сбился… Сами изволите видеть, как метет, никак невозможно! – отвечал сильно сконфуженный Петр.

– Ах ты скотина этакая! – рассердился Скобелев. – Кругом виноват да еще оправдывается. Я вот для Нового года прикажу отодрать тебя на конюшне… Не будешь тогда ворон ловить!..

– Да помилуйте, ваше высокопревосходительство, чем же я виноват… – начал было снова оправдываться кучер, но Михаил Дмитриевич вторично на него заорал:

– Ну уж лучше молчи! Вот как выпорю тебя, так вперед не будешь блудить… Ужасно распустились они здесь! – продолжал он, обращаясь ко мне. – В кампанию никогда этого не было…

– Э, пустяки, – старался утешить я генерала, – пять-шесть лишних верст не беда… Ведь действительно метель сильная. Посмотрите, как крутит снег!

И чтобы успокоить генерала, я укутал его в шинель, а Петра дернул за полушубок, давая ему этим понять, чтобы он молчал и не оправдывался.

Наконец мы добрались до Спасского, пробыв в дороге около пяти часов. Михаил Дмитриевич заметно повеселел, привстал в санях и стряхнул с себя снег. На широкой улице деревни нам попалось навстречу несколько мужиков, которые, узнав своего «янарала», с радостными лицами низко ему кланялись.

– Здравствуйте, здравствуйте! – приветливо отвечал Михаил Дмитриевич на их поклоны и уже совсем повеселел.

Мы проехали мимо довольно красивой церкви, возле которой находился большой новый дом.

– Это не училище ли ваше? – обратился я к генералу.

– Да, это наш университет, – отвечал он, улыбаясь, – мое произведение некоторым образом.

Вскоре сани наши въехали в ворота большого двора и остановились у деревянного флигеля.

– Вот мы и дома! – сказал Михаил Дмитриевич, вылезая из саней.

На крыльце его встретила какая-то пожилая дама (оказавшаяся экономкой) и несколько человек прислуги. Поздоровавшись со всеми и раздевшись, мы вошли в столовую, где был уже приготовлен стол с закуской и с шипящим самоваром. Я отправился в кабинет генерала и занялся осмотром его, а Михаил Дмитриевич ушел к себе в спальню и через несколько минут вернулся оттуда переодетый, умытый и по обыкновенно раздушенный.

– Ну-с, идемте чаировать! – обратился он весело ко мне, и мы направились в столовую, где нас ожидала упомянутая экономка. С ней генерал вступил в беседу, расспрашивая про хозяйство, про деревенские новости и проч.

В это время приехал какой-то господин, сосед Скобелева по имению, а вслед за ним появился и священник села Спасского, отец Андрей, он же и преподаватель Закона Божьего в школе.

– А, отец Андрей, здравствуйте, очень рад вас видеть. С Новым годом! – говорил Михаил Дмитриевич, видимо обрадованный его приходу.

– Здравствуйте, здравствуйте, ваше высокопревосходительство! С новым счастьем! – отвечал священник, очень симпатичный и довольно молодой еще человек.

Завязался общий разговор про хозяйство, школу, охоту и проч. Вскоре приехали Ушаков и Голубинцев с вещами, и компания наша еще более оживилась. Пообедав все вместе, мы разбрелись по разным местам усадьбы. Генерал отправился к себе в кабинет, а Ушаков ушел в училище хлопотать относительно елки.

На следующий день Михаил Дмитриевич потащил меня с собой осматривать хозяйство. Все оказалось в порядке, и генерал остался вполне доволен осмотром своих владений, хотя, насколько я мог заметить, понимал он в агрономии и хозяйственном деле довольно мало. Впрочем, когда мы подошли к иностранному отделу, т. е. к верблюдам и мулам, привезенным из Турции, и быкам из Закаспийского края, то Михаил Дмитриевич очень рассердился на управляющего, найдя всех этих животных в очень плохом виде.

– Извольте все это привести в порядок – иначе всем будет на орехи! – сказал он, выходя из скотного двора.

Глава VIII

На третий день Скобелев пригласил меня ехать с ним в Златоустовское имение, где находился его конный рысистый завод. Видимо, Михаил Дмитриевич очень любил это дело, и дорогой он все время рассказывал о лошадях. Завод, действительно, был прекрасно устроен. Матки и плодовые жеребцы содержались очень заботливо, помещаясь в отлично устроенных денниках, где чистота и порядок были образцовые.

– А вот и Плевна моя! – сказал весело Скобелев, останавливаясь перед красивою белой кобылицей. – Интересно, какое от нее получится потомство – я скрестил ее с прекрасным рысистым жеребцом… Помните, Петр Архипович, как под Плевной во время дела я полетел в овраг!

Я припомнил, что, действительно, под Плевной, при атаке Скобелевских редутов 30 августа Михаил Дмитриевич, спеша на позицию, упал в овраг, который лошадь не могла

перепрыгнуть вследствие дождя, грязи и глинистого грунта. Генерал, весь выпачканный, выскочил из оврага, уселся на лошадь поручика Маркова и поскакал снова к редуту, увлекши за собой заколебавшихся и уже отступавших солдат. Казаки вытащили тогда же из оврага скобелевскую кобылицу и привели ее генералу в редут, где он находился. С тех пор эта знаменитая лошадь все время находилась под Скобелевым и, несмотря на страшный огонь и постоянные опасности, ни разу не была ранена.

– Прекрасная лошадь, – сказал Михаил Дмитриевич, смотря на нее с любовью. – Я очень люблю ее: сильная, легкая, быстрая и смелая… А вот посмотрите на эту матку, – продолжал он, останавливаясь перед другою белою кобылой, – я приобрел ее у конно-гренадер. Тоже добрый конь!

– Да у вас, ваше высокопревосходительство, – сказал я, смеясь, – получится порода чисто боевых лошадей. Дети унаследуют от своих матерей воинскую опытность и инстинкты… Вы бы мне одного жеребеночка подарили!

– Ну нет, жеребенка не дам! Вот из взрослых какую угодно берите, – отвечал он.

Затем мы осмотрели пару жеребцов, которых Михаил Дмитриевич подарил князю Дондукову-Корсакову. Отдав несколько распоряжений управляющему и попросив его смотреть как можно бдительнее за лошадьми, Скобелев уселся в сани, и мы вернулись в Спасское.

На четвертый день моего пребывания в Спасском, утром, во время чая, Скобелев обратился ко мне:

– Петр Архипович! У меня к вам просьба (кстати, вам делать нечего): посмотрите, пожалуйста, как исполняют мои приказания относительно содержания в исправности моих любимчиков – верблюдов, быков, мулов. Особенно обратите внимание на последних: я хочу из них составить тройку упряжных. Вы заодно выберите теперь же их, а потом вместе посмотрим.

– Хорошо, – отвечал я, допивая стакан чая, и поднялся, чтобы идти.

– А где же ваш крест? – спросил Михаил Дмитриевич, заметив, что у меня на груди не было Георгиевского креста.

– Он прикреплен к колодке, а другого нет, – отвечал я, собираясь уходить.

– Нет, так нельзя. Лей! – крикнул генерал, – принеси-ка скорее мой крест с сюртука. Крест был принесен, и Скобелев собственноручно надел мне его в петлицу.

Выйдя в переднюю, я набросил на себя шинель.

– Это что же вы в шинель нарядились? Разве можно в таком костюме по скотным дворам ходить!

– А в чем же я пойду – у меня другого ничего нет! – отвечал я.

– Нет, так нельзя, – снова произнес генерал. – Лей, подай мое пальто! Извольте его надевать!

И как я ни отнекивался, ни сопротивлялся, Скобелев почти насильно нарядил меня в свое пальто, и я, произведенный на время в чин генерала от инфантерии, отправился ревизовать скотный двор…

– Ну что, как? – спросил меня Михаил Дмитриевич, когда через полчаса я вернулся обратно из своей командировки.

– Все благополучно, – ответил я, разоблачаясь. – Ваши любимчики шлют вам привет…

В этот же день вечером назначена была в училище елка для деревенских детей. Еще с утра Спасское оживилось. Из окрестных деревень съехалось много крестьян с женами и детьми, и сани их запрудили всю площадь у церкви. Мужики, бабы, девушки, дети толпились целый день возле церкви, училища и у ворот Скобелевского дома. Все они горели нетерпением увидеть своего любимого «богатыря», «батька». Но Михаил Дмитриевич почему-то не показывался и весь день почти просидел у себя в кабинете. Вечером приехало

несколько интеллигентных гостей – окрестных помещиков со своими семействами. Отец Андрей и Ушаков на правах хозяев любезно всех встречали. Наконец, когда все было готово, распорядитель елки, поручик Ушаков, послал сказать Скобелеву, и последний, пригласив меня с собой, отправился в училище.

Посреди просторной залы устроена была красивая елка, блиставшая яркими огнями. Три больших стола были нагромождены разными подарками для детей – полушубками, рукавицами, шапками, книгами, сластями и проч. Михаил Дмитриевич любезно поздоровался с гостями, а затем подошел к стоявшим тут же, у елки, детям.

– Мне очень приятно, – сказал он весело, – что вы прилежно занимаетесь и хорошо ведете себя… Все это я с удовольствием узнал от отца Андрея и вашего учителя. Надеюсь, что и на будущее время вы порадуете меня и ваших родителей и будете так же стараться. Детские лица еще более оживились после этих милостивых слов, и они радостно, шумно заговорили все разом:

– Будем стараться, постараемся, покорно благодарим…

– Ну что ж, теперь, я думаю, можно и подарки раздать, – продолжал он, обращаясь к Ушакову. – Да, пожалуйста, Михаил Иванович, займитесь гостями и не обращайте на меня внимания. Я ведь свой человек, не гость!

Ушаков попросил двух дам взять на себя труд раздавать подарки, а сам вызывал учеников по успехам их в науках. Восторгам детей не было конца, когда они возвращались на свои места с полушубками, шапками, конфетами, книгами и проч. Ценность подарка соответствовала успехам мальчиков. Присутствовавший тут же отец Андрей снабжал каждого своего питомца каким-нибудь замечанием, советом. Родители (отцы, матери), толпившиеся тут же, тоже сияли от удовольствия и благословляли генерала за его доброту и внимание к их детям.

Во время процедуры раздачи подарков Михаил Дмитриевич беседовал с некоторыми из мальчиков, которые с любопытством рассматривали мощную, красивую фигуру заслуженного генерала. Он сам раздавал наиболее бойким и разумным разные вещи и сладости и весело шутил с ними. Затем дети очень стройно спели, под управлением отца Андрея, народный гимн «Боже, Царя храни!».

– Однако свечи на елке уже догорают! – сказал Михаил Дмитриевич. – Ну-ка, дети, на штурм ее!

И толпа ребятишек с радостным криком «ура» стремглав бросилась на украшенную орехами, яблоками и конфетами елку, и своим пылом, энтузиазмом, вероятно, напомнила хоть отчасти генералу его лихие атаки на Зеленых горах, в поэтической долине Тунджи, в песчаных равнинах Турана… В мгновение ока неприятель был повергнут на пол, и через минуту, после ожесточенной рукопашной схватки, от красивой, блестящей елки остался лишь один жалкий остов. Михаил Дмитриевич с улыбкой смотрел на эту живую сцену детской атаки, и всегда доброе его лицо приняло еще более симпатичное выражение.

– Михаил Иванович! Я уйду домой, – обратился Скобелев к Ушакову, – а вы распорядитесь, пожалуйста, относительно угощения для гостей. – И, раскланявшись со всеми, он ушел к себе в кабинет.

Я проводил его домой, а затем возвратился обратно в училище. Вечер прошел очень оживленно, все были довольны и благословляли Скобелева. На другой день после елки Ушаков уехал по своим делам в Москву, и я остался один с генералом. Граф Келлер, хотя и обещал приехать, но почему-то не явился.

Лишившись компании, Скобелев почти безвыходно засел в своем кабинете, стал хандрить и все время занимался либо чтением, либо писанием. Обычная его веселость стала проявляться все реже и реже. Чело его большей частью

оставалось нахмуренным. Вообще, Ахалтекинская экспедиция заметно изменила его характер и из сангвиника переделала почти в ипохондрика. Минуты лишь он был весел, оживлен, а часы, дни – задумчив, молчалив. Я большей частью проводил время в его кабинете, читал газеты, книги и изредка только обращался к нему с какими-нибудь вопросами. Иногда, впрочем, Михаил Дмитриевич оживлялся, покидал свою обычную хандру и много говорил на излюбленные им темы – об отношениях России и Германии, о немцах, о войне с ними и проч.

Как-то вечером я сидел в его кабинете. Погода была скверная, ветер уныло завывал в трубе. Михаил Дмитриевич сидел в своем уютном кресле у письменного стола и что-то писал, временами бросая перо и о чем-то задумываясь. На столе лежала развернутая тактика Драгомирова[267] (последний выпуск), и на полях ее я увидел несколько заметок рукой Скобелева. Меня очень заинтересовали эти заметки, и я взял книгу, чтобы просмотреть их.

– Знаете, Петр Архипович, – обратился ко мне в это время генерал, – о чем я только что думал?

Я поднял голову и посмотрел на него вопросительно. Лицо генерала было пасмурно, серьезно. Глаза потеряли свой обычный блеск, свою жизненность и смотрели как-то тускло…

– О чем же вы думали? Вероятно, новый план наступления на Берлин! – заметил я иронически, предполагая, что его занимают обычные думы.

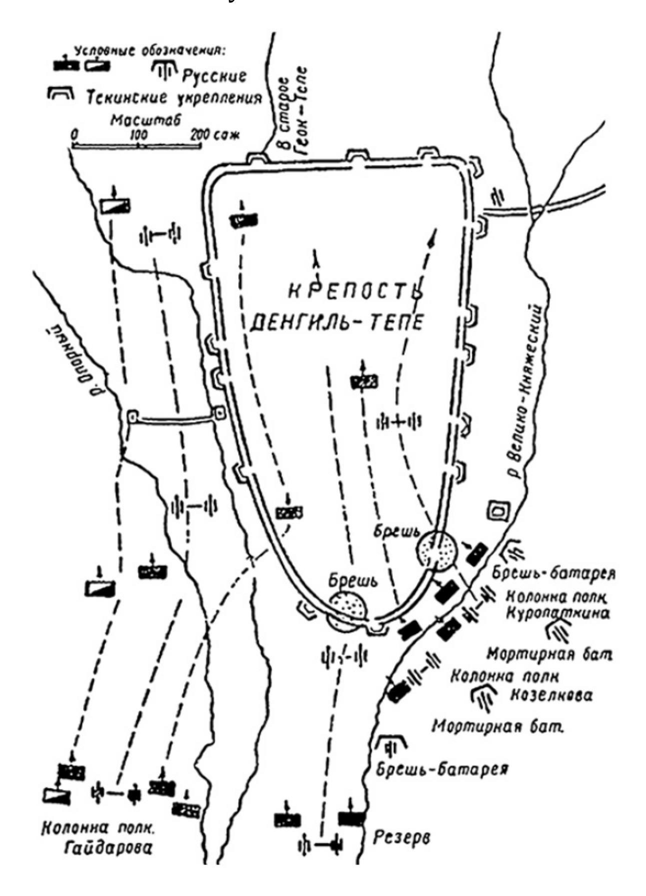
– Нет, не об этом… Я вот смотрю на все эти книги, рукописи, – он указал при этом рукой на шкафы, – и думаю: кому все это достанется после моей смерти, и будут ли когда-нибудь обнародованы все мои труды и заметки…

---

[267] *Драгомиров М. И.* Учебник тактики. СПб., 1879.

– Что это у вас такие грустные думы! – возразил я. – Вы еще будете жить да жить… Помирать вам нельзя – вы нужны для армии и России…

– Нет, – перебил он меня, – я предчувствую, что проживу недолго… И что тогда будет с ними?

Штурм крепости Геок-Тепе

– А ваши сестры! В случае, не дай Бог, вы умрете – все это, конечно, будет ими обнародовано. Это в их же интересах… Да, впрочем, что об этом говорить преждевременно. Вам придется еще долго прожить!

– Нет, не говорите – я, наверное, скоро умру! – снова задумчиво и тихо проговорил генерал.

– Это у вас такие мысли лезут в голову от сидячей жизни да от деревни! – сказал я.

– А знаете, что я думаю, – перебил меня Михаил Дмитриевич. – Я думаю совсем поселиться в деревне.

Я невольно рассмеялся.

– Не с вашей натурой, ваше высокопревосходительство, в деревне жить. Наконец, что же вы будете делать здесь?

– Как что – буду хозяйничать!

– Да какой же вы хозяин! Ведь вы сами же говорили, что ничего не понимаете в хозяйстве! Разве, как Суворов, станете петь на клиросе и звонить в колокола…

Михаил Дмитриевич снисходительно улыбнулся.

– Ничего, похозяйничаю – научусь!

Затем разговор перешел незаметно на немцев…

– Терпеть я их не могу, – говорил Михаил Дмитриевич. – По-моему, они хуже жидов! Меня больше всего бесит наша уступчивость этим колбасникам. Даже у нас, в России, мы позволяем им безнаказанно делать все что угодно. Даем им во всем привилегии, а потом сами же кричим, что немцы все забрали в свои руки… Конечно, отчего же и не брать, когда наши добровольно все им уступают, считая их более способными… А они своею аккуратностью и терпением, которых у нас маловато, много выигрывают и постепенно подбирают все в свои руки… Право, я бы их перевешал всех! А все-таки нельзя не отдать им справедливости, нельзя не уважать их, как умных и ловких патриотов: они не останавливаются ни перед какими препятствиями, ни перед какими мерами, если только видят пользу своего фатерланда[268]. Наша нация этим истинным и глубоким патриотизмом не может похвалиться!

---

[268] Родина (*нем.*).

Нет у нас таких умных людей, таких истинных патриотов, как, например, Бисмарк, который высоко держит знамя своего отечества и, в то же время, водит на буксир государственных людей чуть не всей Европы… Самостоятельности у нас мало в политике! Ненавижу я этого трехволосого министра-русофоба, но, вместе с тем, и глубоко уважаю его, как гениального человека и истого патриота, который не задумывается ни перед какими мерами, раз идет вопрос об интересах и благе его отечества… Вот бы нам побольше людей с таким твердым, решительным характером!

На другой день, часов около одиннадцати, Скобелев позвал меня к себе.

– Пойдем в церковь и помолимся Богу за моих покойных родителей, – сказал генерал.

Мы вышли из дому и через минуту вошли в церковь. Обедня уже началась, народу было довольно мало. Церковь была довольно просторная, прекрасно устроена, изящно, даже богато. Видимо, Михаил Дмитриевич не жалел денег на украшение храма в своем селе. Отец и мать Скобелева были похоронены рядом в зимнем отделе церкви. По окончании обедни отец Андрей начал служить панихиду перед могилами родителей знаменитого русского генерала. Михаил Дмитриевич был серьезен, сосредоточен. Он опустил голову на свою могучую грудь, и какая-то тяжелая дума лежала на этом умном, задумчивом челе, на глазах виднелись даже слезы.

Под грустную молитву священника и монотонное пение певчих невольно задумался и я. Вспомнилась мне симпатичная личность покойницы (Ольги Николаевны) и те хорошие минуты, которые я проводил в ее обществе в Константинополе, Адрианополе и Петербурге. Промелькнула в моей памяти и отвратительная личность ее убийцы – моего соратника, сотоварища. Воображение невольно рисовало ту страшную картину, когда этот добрый гений пал под удара-

ми кинжала ею же облагодетельствованного изверга, пал в центре Болгарии, среди признательного народа, за счастье и свободу которого с таким самоотвержением дрался ее доблестный сын… Покойного Дмитрия Ивановича я знал мало, и потому все мысли мои во время заупокойной молитвы были сосредоточены на матери дорогого мне человека. Наконец панихида кончилась, мы приложились к кресту.

– Пойдемте, Петр Архипович, – обратился ко мне Скобелев, – я вам покажу место, которое я приготовил себе для вечного упокоения…

Ничего не подозревая, я последовал за генералом. Мы вошли в летнее отделение церкви и подошли к левому клиросу. Недалеко от стены в полу устроена была каменная плита.

– Поднимите-ка ее! – обратился генерал к двум сторожам, указывая на плиту.

Последние с трудом приподняли тяжелый камень…

– Вот и моя могила! – произнес печально Скобелев, заглядывая в темный, холодный склеп. – Скоро придется мне здесь покоиться!

– Ну, положим, далеко еще не скоро! – отвечал я, немало удивленный этими мрачными мыслями генерала, которые, впрочем, он высказывал уже не раз по приезде в Спасское.

– Нет, дорогой Петр Архипович, – ответил генерал, все продолжая упорно смотреть внутрь этого страшного, мрачного жилища, – я чувствую, что это скоро будет. Скоро мне придется лежать в этой тесной могиле… Какой-то внутренний голос подсказывает мне это!

Это постоянное напоминание о смерти Михаилом Дмитриевичем крайне дурно действовало на меня, и я даже несколько рассердился на генерала.

– Что это вы все говорите о смерти! – сказал я недовольным голосом. – Положим, это участь каждого из нас, но вам

еще слишком рано думать о могиле… Только напрасно смущаете других. Ведь никто вам не угрожает смертью!

– А почем вы знаете. Впрочем, все это чепуха! – прибавил он быстро.

– Конечно чепуха! – согласился я.

В это время к нам подошел отец Андрей.

– Батюшка, – обратился я к нему, – вот Михаил Дмитриевич показывал мне свою могилу, которую приготовил спозаранку. Это, положим, ничего еще. Но грустно то, что генерал очень часто говорит про свою смерть!

Священник, видимо не ожидавший последней фразы, посмотрел удивленно и внимательно на Скобелева, а затем медленно ответил:

– Что ж, все мы под Богом ходим, на все Его святая воля. Невозможно знать, что будет через час, не то что завтра! На все Его воля!

– Так, отец Андрей, так, – живо сказал Михаил Дмитриевич, – я с вами вполне согласен… Ну а как нравится вам церковь, Петр Архипович? – продолжал он, очевидно желая переменить тяжелую тему разговора.

– Прекрасная, очень изящная, красивая, – отвечал я.

– Да, – заметил отец Андрей, – благодаря щедротам и усердию ваших покойных родителей, ваше высокопревосходительство, она украсилась так хорошо. Да и ваших забот тут немало!

Осматривая церковь, я заметил с левой стороны у стены, близ устроенного для себя Скобелевым склепа, его боевые значки. Михаил Дмитриевич подошел тоже к ним.

– А вы ведь не видели, Дукмасов, этого значка, – сказал генерал, указывая на красивый новый значок. – Он был со мной в Ахалтекинской экспедиции…

– Не правда ли, – обратился я к отцу Андрею, – какая удобная цель для неприятеля. Эти значки постоянно ведь

находились при Михаиле Дмитриевиче на полях сражений и облегчали, вследствие своего яркого цвета, возможность стрелять в него. Да если прибавить к этому белую лошадь и массивную фигуру генерала, то, действительно, надо удивляться, как это он вышел целым из этих опасностей…

Между тем Скобелев, не слушая моих разглагольствований, внимательно рассматривал свои боевые значки, с которыми связано было столько славных воспоминаний из его прежней опасной деятельности на Балканском полуострове и в степях Турана.

– Знаете, господа, о чем я думаю теперь? – обратился к нам генерал. – Я думаю, что прошло уже безвозвратно славное время этих значков! Не придется больше им развеваться на полях сражений! А между тем я чувствую, что не за горами новая страшная война. Должен решиться наконец наш спор с немцами: кому первенствовать – им или нам. И я уверен, что кровавая борьба эта решится в нашу пользу, хотя, конечно, много жертв, много жизней и денег она поглотит! Но мне не придется видеть всего этого, не придется этим значкам развеваться в предстоящей борьбе славян с немцами!

– Вот видите, отец Андрей, – сказал я недовольным тоном, – какое мрачное настроение у генерала! Это невозможно…

Я отошел к иконостасу и стал его рассматривать, оставив Скобелева с отцом Андреем. Через несколько минут Михаил Дмитриевич подошел ко мне и взял меня за руку.

– Ну, идемте завтракать! Ишь, надулся как! – Это он на меня так рассердился, – продолжал, улыбаясь, Скобелев, обратившись к священнику, – за то, что я все говорю о своей смерти! Ему хочется, чтобы было так, как ему нравится…

– Зачем же вы напускаете на себя такие дурные мысли, – ответил я. – Я, напротив, твердо верю, что в предстоящей войне с немцами Государь непременно назначит вас Главнокомандующим…

– Ну ладно, – перебил меня Скобелев, – пусть будет по-вашему!

– Видите, как он предан и расположен к вашему высокопревосходительству! – говорил отец Андрей, когда мы вышли из церкви.

После завтрака я ушел к себе, оставив генерала вдвоем со священником.

На другой день утром Скобелев получил из Петербурга какую-то телеграмму, которая крайне дурно подействовала на него. Он сделался сумрачен, раздражителен и за обедом ровно ничего не ел и все время молчал. Вечером того же дня он отослал ответную телеграмму и явился к ужину уже более веселый. Дня через два получена была новая телеграмма – от военного министра[269], в которой сказано, что Государь Император изволил утвердить награды для тех лиц, которых Скобелев дополнительно представлял за Ахалтекинскую экспедицию. В телеграмме сообщалось также, что Михаил Дмитриевич назначен Государем председателем Комиссии по восточным делам. Министр же вызывал его в Петербург.

Михаил Дмитриевич позвал меня к себе в кабинет и показал эту телеграмму[270].

– Я очень, очень рад, – говорил он, весело улыбаясь, – что Его Величество утвердил эти награды! Где льется кровь, там, конечно, должно быть и щедрое вознаграждение! Ведь я не за себя хлопотал, а за этих честных тружеников! Слава Богу, что они получили должное за свои труды!

– Теперь вот что, – продолжал он, немного погодя, – у меня есть к вам, Петр Архипович, просьба. Завтра я заеду в

---

[269] Речь идет о Ванновском Петре Семеновиче (1822–1904), который в 1881–1898 гг. был военным министром России.

[270] Первую телеграмму и ответ на нее Скобелев тоже дал мне прочесть. (*Примеч. автора.*)

Москву и хочу просить вас проконтролировать все дела в моих имениях. Вам все равно нечего делать в Москве, здесь гораздо здоровее и полезнее… Так как же – могу я вас об этом просить?

– С величайшим удовольствием, – отвечал я. – Только откровенно сознаюсь, что в этих делах я совершенный профан!

– Э, пустяки – это не бог весть какая премудрость! Я вам передам сметы, которые мне представлены из разных имений, вы побываете в этих деревнях, посмотрите, как ведется хозяйство, проверите шнуровые книги у управляющих и проч. Пожалуйста, обратите внимание на все. Торопиться нечего – времени достаточно…

– Еще раз повторяю, ваше высокопревосходительство, что я мало сведущ в хозяйстве и бухгалтерии…

– Да ну, нечего скромничать. Ведь, небось, на Дону у себя хозяйничаете! Я уверен, что вы сделаете все отлично, так же, как исполняли мои приказания в бою! – польстил мне генерал. – Я выдам вам бумагу, в которой уполномочу своим именем произвести ревизию. Оставайтесь у меня полным хозяином. Все лошади и прислуга к вашим услугам. Я буду ожидать вас в Москве.

Затем Михаил Дмитриевич написал приложенное в конце настоящей книги предписание в Ивановскую и Златоустовскую конторы, скрепив его своей подписью и черною печатью.

– Вот вам и карт-бланш, – сказал он, передавая мне документ.

– С удовольствием сделаю все, как сумею, – ответил я. – Припомню свои слабые познания по агрономии, которые приобрел на льготе в станице…

– Ну, спокойной ночи! Пожалуйста, распорядитесь, чтобы завтра утром мне были готовы лошади. Я поеду не на станцию, а в город, в Раненбург – там у меня есть дело, а оттуда уже в Москву.

На другой день я проводил Скобелева. С ним вместе поехал отец Андрей, которому тоже нужно было в город.

– Ну, трогай, – сказал генерал кучеру, усевшись рядом со священником и завертываясь в шубу. – До свидания, Петр Архипович! Буду вас ждать в Москве…

Сани быстро выехали на улицу.

В тот же день я принялся за совершенно новое для меня дело, которое поручил мне генерал. И сознаюсь, что исполнять все его приказания в бою, под свинцовым дождем и перед лицом смерти было для меня гораздо легче, чем возиться со всеми этими головоломными счетами, конторскими книгами, разными сметами и прочей скучной материей. Впрочем, благодаря известному терпению и помощи спасского управляющего и его письмоводителя, которые подробно объясняли мне все, я скоро привык к своей контролерской обязанности и стал отличать кривду от правды, злоупотребление от правильности.

На другой день вернулся из города отец Андрей и привез мне письмо от Скобелева, в котором последний просил меня не торопиться и подробно обратить внимание на все. За обедом мы условились с отцом Андреем вместе ехать в деревню Михалково – одно из имений Скобелева.

Быстро домчали нас добрые скобелевские кони по прекрасной санной дороге в Михалкове. По пути отец Андрей, оказавшийся очень веселым и остроумным собеседником, сообщил мне много полезных и необходимых сведений относительно злоупотреблений некоторых управляющих, об их ловких проделках. Сами же управляющие, видя мою любезность, простоту и неопытность, неосторожно пробалтывались о своих темных делишках и значительно облегчали этим мою миссию. Некоторые же, будучи в контрах друг с другом, просто выдавали своих товарищей по профессии, что называется, топили их. Мне все это было на руку. За неделю я

успел окончить возложенное на меня дело. Побывав в различных деревнях обширных имений Скобелева (Златоустово, Иванково и проч.) и составив обо всем подробный отчет со своими замечаниями, я распростился со Спасским, с любезным отцом Андреем и уехал на вокзал, а оттуда, через Рязань, в Москву.

На другой день, кажется 15 января, я явился к Скобелеву. Он помещался в гостинице «Славянский Базар» и был дома.

– А, здравствуйте, казак! – встретил он меня весело. – Ну что, как, окончили?

– Окончить-то окончил, только не знаю, угодил ли! Однако в ваших владениях, ваше высокопревосходительство, злоупотреблений порядком-таки! Очевидно, господа управители изрядно эксплуатируют вашей добротой и доверчивостью!

– Знаю, батенька, знаю, – отвечал, добродушно улыбаясь, Скобелев, и махнул только рукой, как бы говоря: «Бог с ними!».

Затем я сообщил генералу просьбу его крестьян, переданную мне, относительно их некоторых нужд. Скобелев принял ее очень горячо и близко к сердцу.

– Непременно, непременно я это сделаю, я всегда рад им помочь… Спасибо вам большое, голубчик, за все! – и он крепко поцеловал меня.

Это была наша последняя встреча: вскоре после этого Скобелев уехал в Петербург, а я отправился домой, к себе на Дон. Более мне не суждено было видеть этого знаменитого русского вождя!

Как громом поразила меня, как и каждого русского, пять месяцев спустя после отъезда моего из Москвы ужасная весть о смерти Скобелева. Сначала я плакал как ребенок, потом целые дни ходил как помешанный, точно потерял что-то самое близкое, дорогое для себя…

«И зачем непременно тебя, а не кого другого, – думалось мне в те скорбные минуты, – похитила эта лютая смерть?

Мало ли миллионов людей на Руси, менее нужных, менее полезных, чем ты! За пять месяцев ты чуял уже кончину, указывал на свою могилу и смеялся над моим скептицизмом…» Вообще, известие о смерти Скобелева страшно тяжело подействовало на меня. Я почему-то твердо верил в его звезду, верил, что ему придется играть видную роль в истории России, что в предстоящей войне с немцами он окажет еще громадные услуги Отечеству своим знанием, смелостью и патриотизмом… И вдруг – все это разом рухнуло, кануло безвозвратно в вечность!

Уверен, что моих боевых сотоварищей не менее меня поразила и огорчила весть о смерти Скобелева. Они так же искренно были преданы покойному богатырю, так же не чаяли в нем души и готовы были всегда исполнять его любое, хотя бы самое безумное приказание…

* * *

В один из вечеров, когда в палатку к Скобелеву собралось несколько человек молодежи, Михаил Дмитриевич рассказал нам о своем участии в Хивинской и Кокандской экспедициях, о которых я до этого имел очень смутное представление.

«Хива, господа, – начал Скобелев, развернув на столе небольшую карту Турана, – представляет из себя, как вам известно, незначительное ханство по нижнему течению Амударьи с населением около 400 тысяч. Само по себе ханство это, конечно, не страшно было для России, и справиться с ним было бы нетрудно, если бы оно не имело надежного союзника, а для нас опасного врага – безлюдных и страшных пустынь, отделявших этот оазис от наших владений – Кавказа, Оренбурга, Туркестана. Попытки наказать Хиву два раза кончалась неудачей для России (1717 и 1839 годов), и эти неудачи вселили в хивинцев убеждение в неуязвимости их страны.

Даже успехи русского оружия в Бухаре, в долине Зеравшана, и завоевание Самарканда в 1868 году не изменило положения дел, и Хива упорно отказывалась признать нашу власть, продолжая наносить нам чувствительный вред в наших торговых сношениях с Туркестаном, поддерживая партию недовольных, агитируя соседнее, подвластное нам население кочевников-киргизов, покровительствуя аламанщикам[271], нападавшим на торговые караваны и проч. Представления туркестанского генерал-губернатора – вести себя спокойней, освободить наших пленных, не возбуждать оренбургских киргиз – ничуть не действовали, и Хива не изменила своего надменного, задирательного тона. Итак, повторяю: противник, по своим боевым качествам, для нас не был страшен. Наш главный враг был пустыня, безводье, жара, лишения…

Путей в Хиву из наших владений было несколько: 1) из Туркестана – от Ташкента, Самарканда, Перовска, Казалинска; этот путь 700–800 верст; 2) из Оренбурга и Уральска вдоль западного берега Аральского моря; этот путь почти вдвое длиннее (1400–1500 верст); 3)со стороны Каспия несколько путей: от форта Александровского, от залива Киндерли, от Красноводска, от Чигишляра; из них наиболее длинный первый (до 1000 верст), а последние три – 750–800 верст.

Все эти караванные пути проходят почти исключительно по пустынной местности, кое-где покрытой колючкой саксаулом, с почвой солончаковой, песчаной или глинистой. На известном расстоянии находятся колодцы, но число их неодинаково и расстояние между ними тоже. В некоторых местах они находятся на расстоянии дневного перехода, в других – на расстоянии двух-трех дней пути. Эти последние безводные переходы особенно тяжелы и страшны… В неко-

---

[271] *Аламанщик* (*туркм.*) – грабитель, разбойник.

торых колодцах вода довольно хорошая, в других – плохая, соленая, горькая, иногда просто отвратительная на вкус (в одном колодце, помню, мы нашли на дне двух дохлых баранов, но это открытие произошло уже после того, как вся вода была нами выпита и дно ведра ударилось в труп животного).

Иногда на пути находится один только колодец, иногда их несколько. В некоторых воды много, и ее может хватить на значительный отряд, в других, напротив, мало, или вода скоро иссякает и требуется много времени, чтобы она снова наполнила колодец. В некоторых колодцах вода находится на незначительной глубине, и воду из них извлекать нетрудно, другие колодцы, наоборот, очень глубоки и требуют много времени и разных приспособлений для извлечения воды. Возле некоторых колодцев есть вблизи корм для верблюдов, возле других – нет его или он очень далеко… Вообще, условий чрезвычайно много, и нужно много навыка, знания местных условий, опытности, чтобы пускаться в этот опасный путь, чтобы решить, какой силы отряд можно двинуть, какие можно взять с собой перевязочные средства и проч.

Лошадей, овец и верблюдов ведь тоже надо кормить и поить в пути, хотя последние и могут обходиться без воды дня два-три. Вообще, в этих степных, вернее пустынных, экспедициях верблюд – это почти все. Недаром его назвали кораблем пустыни! Корабль пропал – и все погибли!.. Вот почему верблюжий вопрос – это самый важный в этом походе. На роту требовалось не менее 25 верблюдов, на сотню – 75. Они везли в бурдюках воду, продовольствие для людей (сухари, крупу) и лошадей (овес), патроны, котлы, медикаменты и проч.

Итак, в 1873 году решена была экспедиция против Хивы, население которой составляют юмуды, киргизы и туркмены (последние наиболее воинственны). Со стороны Оренбурга

направлен был отряд генерала Веревкина[272], со стороны Туркестана двигался Кауфман – главный начальник всей экспедиции, и со стороны Кавказа двинулось два отряда: южный – полковника Маркозова, из Красноводска и Чигишляра, и северный – полковника Ломакина, от залива Киндерли. В этих двух отрядах войска́ были исключительно кавказские. Южный отряд, Маркозова, не дошел до назначения вследствие страшной жары и безводья и вернулся с половины пути обратно к Каспийскому морю. Северный же отряд, Ломакина (или так называемый Мангышлакский), при котором находился и я в качестве офицера Генерального штаба (тогда я был подполковник), успешно выполнил свою задачу, т. е. дошел до Хивы. Все отряды – Туркестанский, Оренбургский и Кавказские – должны были появиться в начале мая в Хивинском оазисе, но каждый из них был настолько силен, что мог действовать и самостоятельно.

Нам предстояло пройти около 800 верст по пустыне Устюрт и вести борьбу с природой, со всякими невзгодами – жарой, безводьем и проч. Приготовления к этой трудной экспедиции через пески заняли довольно много времени. Главная забота составляла добыть верблюдов, без которых немыслимо переходить пустыню. Покупка, наем, реквизиция – все это применялось. Мне тоже пришлось поработать для этого дела. С командой казаков я отбил у киргизов близ колодцев Он-Каунды 60 верблюдов и доставил их Ломакину. В апреле началось движение войск эшелонами (войска, как я сказал, были переведены морем из Кавказа)[273]. Сначала я находился при одной из колонн и исполнял разные поруче-

---

[272] *Веревкин Николай Александрович* (1820–1878) – участник Крымской войны 1853–1856 гг. и Туркестанских походов.

[273] Всего наш отряд имел около 2000 человек (18 рот 21-й дивизии, 10 орудий и 6 сотен кубанцев и терцев). (*Примеч. автора.*)

ния. У колодцев же Биш-Акты мне поручено было командование отдельной небольшой колонной. Подвигались вперед мы медленно, испытывая страшные лишения.

Жара доходила до 45°, духота и сухость воздуха были невыносимы. Кругом, куда ни бросишь взор, – безжизненная пустыня, бесконечные пески, пески… Вода в колодцах была большей частью скверная, солоноватая, колодцы глубоки – иногда до 30 сажен, и доставать воду при таких условиях было очень трудно, а эта операция производилась крайне медленно. Иногда воды недоставало не только для лошадей, верблюдов, овец, которые сопровождали отряд, но даже для людей…

Наконец мы поднялись на Устюрт. Сухость воздуха и духота еще увеличились, было несколько песчаных ураганов… Словом, мы вступили в царство настоящей пустыни… Вообще, весь этот поход – это непрерывная борьба с природой. О неприятеле – ни слуху ни духу! Пищу люди получали более чем скромную, горячего почти не было вследствие недостатка топлива. Двигались утром и вечером, днем же отдыхали, или, верней, мучились, пеклись на солнцепеке, так как палаток у нас не было (брали только самое необходимое).

Бывали случаи, когда люди окончательно падали духом, приставали во время похода, и приходилось прибегать даже к крутым мерам, чтобы их подбодрить. Раз я одну роту провел под барабан и «на плечо» верст пять, чтобы поднять в них энергию. Особенно тяжелые сцены приходилось наблюдать у колодцев при раздаче воды. Люди превращались тогда чуть не в зверей, и только благодаря офицерам порядок установлялся. Мы выбивались из сил, чтобы водворить порядок между измученными от усталости, жары и жажды людьми. Десятки манерок опускалось в колодец, солдаты отнимали воду у пивших верблюдов, лошадей, в воздухе стояла ругань людей, вой животных… Таким образом мы медленно подвигались вперед – через колодцы Ильтедже, Байчагир – к Ибытаю.

Вблизи этого последнего колодца я имел стычку с киргизами. Выступив 5 мая от колодцев Мендали, я с небольшим авангардом на рысях поехал вперед и оставил далеко позади свой отряд. За одним из песчаных холмов мы вдруг совершенно неожиданно наткнулись на караван киргизов верблюдов в тридцать. Верблюдовожатые были застигнуты врасплох и без сопротивления сдались нам. Отправив сдавшихся с несколькими казаками назад, навстречу двигавшемуся отряду, я с тремя офицерами и восемью казаками поехал еще дальше, к колодцам Ибытай, где, как нам передавали сдавшиеся киргизы, двигался еще больший караван. Действительно, через несколько верст мы увидели в стороне от дороги огромный караван, верблюдов в триста, при которых находилось несколько десятков вооруженных киргизов.

Я подскакал к каравану и потребовал сдачи. Киргизы, видя нашу небольшую группу (10–12 человек), не обратили никакого внимания на мое предложение и стали гнать верблюдов в обратную сторону, очевидно намереваясь уйти. Мне оставалось одно: или спокойно смотреть на ускользавшую из рук добычу или попробовать счастья русского оружия, помня, что «смелым Бог владеет!». Я решился на последнее. «Шашки вон!» – скомандовал я горсти своих всадников. – Марш-марш!..» – и десяток русских кавалеристов врубился между убегавшими в беспорядке навьюченными верблюдами, и златоустовские клинки стали добросовестно работать по чалмам и халатам детей пустыни. Показалась кровь, послышались отчаянные крики, ругань, рев верблюдов, раздались ружейные и пистолетные выстрелы… Убегавшие и опешившие киргизы стали инстинктивно защищаться пиками, шашками, револьверами…

Последовала горячая рукопашная схватка… Между тем мой отряд, за которым я послал, уже спешил на выстрелы. Пехота бежала несколько верст по страшной жаре и довершила нашу победу. Правда, часть киргиз с верблюдами

успела-таки удрать, но все-таки до двухсот верблюдов с вьюками (около 800 пудов крупы) остались в наших руках. Эти трофеи нам были очень кстати, и солдаты вознаградили себя за долгий пост. В этой стычке некоторые офицеры и казаки были ранены. Я тоже получил несколько сабельных ударов, не мог сесть на коня и улегся в арбу. Но и киргизы недешево отделались. Десятка два тел валялось на песке с порубленными черепами, в окровавленных халатах, раненых оказалось тоже немало… Как видите, господа, наш смелый, дружный натиск увенчался полным успехом! Затем мой отряд направился к колодцу Алан, присоединился к другим колоннам, и все продолжили дальнейшее движение.

Вскоре мы спустились с безжизненного Устюрта в Хивинский оазис, в плодородную долину Амударьи (Оксуса), и подошли к городу Кунграду, который был уже занят частью войск Оренбургского отряда генерала Веревкина, следовавшего с севера по западному берегу Аральского моря. Немного южней, у города Еарабайли, наш отряд, т. е. Ломакина, присоединился к отряду Веревкина и поступил под его команду. Соединенный отряд был силой до 4500 человек. Это было в первой половине мая. Продолжая двигаться левым берегом Амударьи, мы заняли почти без сопротивления города Ходжейли и Мангит.

После незначительного дела, бывшего у Мангита, генерал Веревкин приказал мне с двумя сотнями и ракетной командой[274] преследовать бежавшие неприятельские шайки и попутно разорять туркменские аулы за сочувствие и помощь жителей войскам хана. Поручение свое я выполнил в точности, предал огню и мечу несколько селений, порубил немало настигнутых хивинцев, захватил много всякой добычи. Не

[274] Боевые ракеты использовались Русской армией в боевых действиях со второй четверти XIX в.

раз, увлеченные преследованием, мы натыкались на превосходные силы противника и от наступления переходили к обороне… Я не буду останавливаться на различных мелких эпизодах этой своей командировки. Скажу только, что в ней было много интересного и поучительного. Затем я присоединился снова к отряду и получил благодарность от Веревкина за хорошую работу казаков.

Во время движения соединенных отрядов из Мангита в город Китай мне поручено было командовать прикрытием всего обоза – верблюжьего и колесного. Азиаты вообще очень любят нападать на обоз, рассчитывая главным образом на захват добычи (верблюдов, скота, вещей) и на относительную легкость удачи. Защищать же обоз – дело вообще нелегкое и требует от прикрытия, которое обыкновенно бывает довольно незначительное, большой бдительности, сноровки и стойкости. Мне приходилось несколько раз отбивать нападения хивинцев ружейным огнем и даже картечью из орудий. Все попытки неприятеля кончались неудачей, хотя раз им и удалось захватить двух верблюдов и три арбы. Потери в наших войсках за все это время были ничтожны.

При дальнейшем движении отряда к городу Кяту я получил другое назначение – командовать авангардом. Двигаясь во главе Оренбургского и Кавказского отрядов, я с казаками по пятам преследовал отступавшие к своей столице неприятельские полчища. Хивинский арьергард старался портить дорогу, разрушал и жег мосты через арыки… Вообще всеми силами затруднял наше движение. Мне приходилось несколько раз буквально наскакивать на них и мешать им разрушать или жечь мосты, портить дорогу… С поднятыми шашками, с гиком бросались мои казаки на хивинцев, и последние, бросая работу, поспешно отстреливались, садились на коней и улепетывали во всю прыть. Некоторые поломки мы быстро чинили (один мост, впрочем, помню, исправляли

целую ночь), и отряд беспрепятственно подвигался вперед. 25 мая я с авангардом подошел к городу Кош-Купырь, который находится верстах в тридцати от Хивы. Заметив, что несколько человек хивинцев зажигают мост с целью не допустить нас войти в город, я с казаками карьером понесся к мосту. Хивинцы бежали к садам и оттуда открыли огонь. Вслед за тем мы подошли почти к самой Хиве и остановились от городских стен верстах в пяти-шести.

Хива – это обыкновенный азиатский город, обнесенный высоким земляным валом, за которым располагалась неприятельская пехота. В некоторых местах выглядывали дула больших орудий, конечно довольно примитивного устройства. Стрельба из таких орудий была для нас почти безвредна. Да вообще, боевым качествам нашего противника нельзя было позавидовать. Повторяю, как военная сила Хива не представляла для нас ничего страшного. Наши потери в эту экспедицию были самые ничтожные, хотя трудов и лишений всем пришлось перенести немало. И в европейских войнах, на культурных театрах войны, борьба с природой, с лишениями, невзгодами часто бывает гораздо страшнее борьбы с противником и его усовершенствованным оружием.

В этом, впрочем, я думаю, вы сами убедились, господа, из опыта настоящей кампании. Сколько у нас больных было после перехода через Балканы, сколько людей расстроило себе здоровье этой бивачной жизнью на снегу, в сырости, на ветру! Всю жизнь будут помнить многие из нас эти не столько боевые, сколько походные, бивачные дни! Ревматизмы, катары, плевриты и проч. и проч. – все эти «награды» раздаются более щедро нашему брату, чем чины и ордена. На Азиатском же театре войны и подавно борьба с природой страшней борьбы с врагом! Нужно много опытности, знания театра войны и различных местных условий… Нужно позаботиться обо всех, по-видимому, мелочах, которые порой

играют громадное значение… Нужно предусмотреть всевозможные случайности, различные комбинации, чтобы не попасться впросак, чтобы не погубить правильно и хорошо начатого дела… Однако я отвлекся от своего рассказа.

Итак, отряд расположился бивуаком верстах в шести к северу от Хивы. Веревкин поджидал Туркестанский отряд, который двигался к Хиве с юга и должен был скоро подойти. 26 мая мне поручено было с двумя сотнями продвинуться еще ближе к Хиве и произвести рекогносцировку окрестных городских стен. Двигаясь вперед с цепью наездников по довольно пересеченной местности, я заметил несколько хивинских всадников, разрушавших мост через арык. При нашем появлении они бросили свое дело, поспешно сели на коней и стали уходить, а я со своими казаками преследовал их по пятам. При этом нам пришлось двигаться между двумя садами, обнесенными стенками.

Так проскакали мы с версту. Боясь, чтобы не зарваться и не попасть в засаду, я приказал прекратить преследование и начал медленно отходить к отряду. Неприятельские наездники, подкрепленные густыми конными толпами, видя наше отступление и объясняя его, вероятно, нашей трусостью, стали довольно энергично наседать на моих казаков. Пришлось спешить два взвода и усиленным огнем прикрыть отступление остальных через дефиле. К счастью, в главных силах услышали нашу перестрелку, и нам в подмогу были присланы две сотни, которые помогли моим казакам спокойно отойти назад. Отделались мы очень счастливо и потеряли только трех казаков, хотя хивинцев легло несколько десятков от наших пуль и шашек.

Вернувшись на свой бивуак – в авангард всего отряда – мы с аппетитом поужинали жирной бараниной после хорошей военной прогулки и улеглись спать. Но на следующей день опять пришлось обнажить сабли. Рано утром хивинцы огромной массой – тысяч до полутора (тут был всякий

сброд – пешие и конные туркмены, киргизы) – под прикрытием садов тихо обошли бивачное расположение нашего отряда и внезапно ударили на левый фланг, где паслись целые сотни наших верблюдов. Нападение было неожиданно для нас и удачно для противника. Отбив штук 400 верблюдов, хивинцы быстро погнали их к городу.

Услыхав тревогу и пальбу на левом фланге, я посадил две сотни на коней и поскакал с ними и с ракетным станком из авангарда на выстрелы. Через несколько минут мы увидели столбы пыли, сотни бегущих верблюдов и торопливо погонявших их конных хивинцев. «Шашки вон – марш-марш!» – скомандовал я – и последовала обычная картина лихой кавалерийской атаки. Казаки действовали молодцами, и скоро с помощью прибывших еще трех сотен Леонтьева все верблюды были отбиты, а на месте побоища остались сотни две хивинских трупов. Во время преследования нами конных азиатов, угонявших верблюдов, пешие неприятельские стрелки заняли сады и открыли по нам огонь. С прибытием Леонтьева я пустил в атаку свои сотни на эту пехоту, и скоро казаки заставили ее очистить сады и удалиться. Вообще этот денек был для наших казаков очень счастлив и приятен! Казаки лихо работали шашками и потеряли только десять своих товарищей…

В тот же день мне приказано было выдвинуть авангард на новую позицию, еще ближе к городу и вперед версты на две. Сначала я произвел рекогносцировку, выбрал наиболее удобное место, имел довольно сильную перестрелку с хивинскими всадниками и, наконец, вечером перевел на новую позицию свой авангард, который состоял из трех родов оружия. На следующий день Веревкин двинул весь отряд вперед с целью произвести усиленную рекогносцировку ближайших окрестностей города. Наши орудия выехали на позицию и открыли огонь по городу. Хивинцы отвечали нам тоже артиллерийским огнем с городских стен. Наша пехота

тоже стреляла по крепости, откуда и к нам летели пули. К вечеру все войска отошли от города и расположились на позиции моего авангарда. Наконец было получено известие о Туркестанском отряде, и 29 мая Кауфман вступил в Хиву с южной стороны. Экспедиция была окончена, враг был смирен и изъявил полную покорность!

Затем, в июне, мне пришлось участвовать в экспедиции против туркмен-юмудов, которые кочуют в окрестностях Ильялы и Кизик-Такир. Это наиболее беспокойная и храбрая часть населения Хивинского ханства, и ее-то нужно было наказать. Я не буду останавливаться на этом набеге. Скажу только, что выполнен он был вполне успешно и мы навели на население изрядную панику (для азиатов это главным образом и требуется).

В августе я с одним проводником произвел очень рискованную рекогносцировку путей от Змукшира до колодцев Нефес-Кули (близ Ортакую). Дело в том, что, как вам известно, отряд полковника Маркозова должен был двигаться из Красноводска по Узбою через колодцы Игды на Хиву и прибыть в оазис почти одновременно с тремя остальными отрядами. Но Маркозов прошел только полпути – до Ортакую, а затем повернул назад, к Красноводску. Страшная жара, безводье, падеж верблюдов – все это не позволяло двигаться далее. Об этом неудачном походе тогда много говорили в наших военных кругах, и очень многие обвиняли во всем Маркозова, находя, что ему следовало идти далее, а не возвращаться. Меня очень интересовал вопрос: мог ли отряд Маркозова дойти до Хивы или он совершенно погиб бы, если бы двинулся дальше? В последнем случае благоразумие повелевало, конечно, вернуться, пока не поздно.

И вот я, переодевшись туркменом, проскакал от Емукшира до Нефес-Кули и обратно, т. е. сделал около 600 верст. Несколько раз мы блудили с проводником, несколько раз чуть не пропали от жажды и невозможной духоты, которая

особенно чувствительна в августе. Раз даже едва не попались в лапы кочевников-туркмен, этих степных волков. Невольно рука хваталась за рукоятку кинжала или револьвера. Конечно, во сто раз лучше умереть, чем очутиться в плену у этих чертей! А удрать от них в этом безбрежном песчаном море от их быстрых, красивых степняков – довольно мудрено! Не раз становилось очень жутко, когда сознавал свое бессилие, свою беспомощность в борьбе с этой страшной безжизненной природой, с этими кочующими двуногими волками.

Да, господа, только в молодости, в эту счастливую пору жизни, пору силы, энергии, отваги – и можно пускаться в такие опасные предприятия! Мой спутник, проводник, человек, сжившийся с пустыней, привыкший с детства к всевозможным лишениям, невзгодам, более, чем я, конечно, способный переносить и жару и жажду – и тот едва не погиб во время этой поездки. Страшно усталый, но вместе с тем довольный своей удачей, вернулся я в Змукшир. Из своей рекогносцировки я вынес то убеждение, что Маркозов поступил вполне правильно, повернув обратно свой отряд от Ортакую. Иначе, при дальнейшем движении до Змукшира, он легко мог совсем погибнуть от безводья и зноя. Водой этот путь очень беден, колодцы находились на большом расстоянии, вода большей частью отвратительная, да к тому же ее и мало. В августе наш Мангышлакский отряд выступил из Хивы в обратный путь и в половине сентября был снова на берегу Каспия, в Киндерли.

Теперь, господа, я вам вкратце расскажу о своем участии в Кокандской экспедиции. В 1865 году Россия овладела Ташкентом и Ходжентом и очутилась таким образом в соседстве с Кокандским ханством, занимавшим богатую, плодородную долину верхнего течения Сырдарьи. В семидесятых годах в ханстве началось брожение, явилось несколько партий, недовольных правлением хана (Худояра) и производивших беспорядки в стране.

Летом 1875 года я был командирован из Ташкента в Кашгар. До Коканда я отправился вместе с дипломатическим чиновником Вейнбергом, который от лица Кауфмана должен был выразить Худояр-хану свое неудовольствие по поводу беспорядков в его владениях. Нас сопровождал конвой казаков. Приехав в Коканд, мы увидели, что волнение жителей (особенно кипчаков) приняло широкие размеры и что положение Худояра очень непрочно. Ввиду таковой опасности мы и уговорили хана покинуть его владения и отправиться в Ташкент. Не без затруднений двинулись мы в обратный путь и благополучно добрались до Ташкента.

Из своей командировки я извлек большую пользу. Произвел маршрутную съемку, набросал кроки наиболее важных попутных позиций и окрестностей Коканда, собрал много необходимых статистических сведений, которые впоследствии пригодились нашим войскам, и вообще ко всему внимательно присмотрелся. Между тем враждебность жителей ханств к русским стала обнаруживаться все более и более. Шайки кокандцев (преимущественно кипчаков) вторгались в наши владения (в долину реки Ангрена), агитировали подвластное нам магометанское население, портили пути сообщения, угоняли скот и проч. Тогда решено было примерно наказать кокандцев, и мы стали готовиться к экспедиции.

Во время этих приготовлений я имел маленькую командировку. Генерал Кауфман поручил мне с двумя сотнями и ракетным дивизионом очистить от неприятельских шаек северо-восточную часть Курамского уезда. В два дня я прошел 175 верст, но шаек нигде не встретил – они успели уже удрать – население везде было спокойно. В августе месяце 1875 года наши войска несколькими колоннами выступили из Ташкента к Ходженту[275]. Я находился при главной колонне.

[275] Всего отряд был силою около 4000 человек (16 рот пехоты – Туркестанские линейные и стрелковые батальоны, 20 орудий и 8 сотен казаков). (*Примеч. автора.*)

Подходя к Ходженту, мы получили известие, что значительная неприятельская партия находится на границе, у кишлака Самгара. На меня снова возложено было поручение рассеять эту партию.

С двумя сотнями и ракетным дивизионом я двинулся к Самгару, но не застал уже там неприятеля – он отошел к Махраму. Кажется, 20 августа мы выступили из Ходжента, перешли кокандскую границу и двинулись по дороге к Махраму – неприятельской крепости. Кауфман поручил мне командовать кавалерией отряда (тогда я был в чине полковника Генерального штаба), т. е. восемью сотнями. Отряд медленно подвигался вперед в боевом порядке несколькими параллельными колоннами по совершенно ровной местности, причем правую колонну составляли мои лихие сотни (оренбуржцы, уральцы, сибирцы). Конные толпы кипчаков и каракиргизов неоднократно пытались атаковать нас, и только огнем конных орудий и контратаками я останавливал их. Наконец, 22 августа, мы подошли к городу Махраму, и здесь произошел знаменитый для нашего оружия бой.

Надо вам сказать, господа, что крепость Махрам, обнесенная высокой глиняной стеной с передним рвом, находится на левом берегу Сырдарьи в некотором расстоянии от кишлака того же имени, причем от последнего до крепости тянулся непрерывный земляной вал, из-за которого выглядывало 24 неприятельских орудия. Брать эту позицию с фронта, в лоб что называется, под огнем нескольких десятков орудий, по болотистой местности было, конечно, довольно рискованно, и потому Кауфман решил обойти ее с юга, чтобы затем ударить в тыл и фланг. Обход произведен был очень искусно, и наша пехота, после незначительной артиллерийской подготовки, бросилась в штыки, выбила неприятеля из-за вала, овладела 24 орудиями, и по пятам отступавших ворвалась в крепость, где тоже взяла 26 пушек. Бегство противника, охваченного паническим страхом, было полное. Вот

в этот-то удобный момент я и бросился с сотнями преследовать бегущих. Лихо работали шашками мои казаки, и под их ударами много легло пеших и конных халатников. Мы захватили два орудия и несколько бунчуков. Увлекшись преследованием, мы наскочили на громадное полчище, и только благодаря ракетной батарее нам удалось отступить без потерь.

Впрочем, об этом деле я вам уже рассказывал, господа, и говорил, каким образом мне достался вот этот беленький крестик, принадлежавший прежде Кауфману, а теперь Дукмасову. Лошадь моя была убита, один кипчак полоснул меня шашкой по колену, а ехавший рядом со мной хорунжий Хорошкин (Уральского войска) был убит наповал. Но все-таки наши потери были самые ничтожные, хотя мои казаки порубили несколько сот человек. Словом, поражение неприятеля было полное.

Без боя наши войска вступили в столицу ханства Коканд, а затем заняли и другой важный пункт – Маргелан. Но часть населения, предводимая неким Абдур Рахманом, несмотря на махрамское поражение, не хотела покориться и продолжала оказывать сопротивление. Для преследования отступивших в горы шаек Кауфман сформировал особый летучий отряд и приказал мне двинуться с ним в погоню за Абдур Рахманом. Форсированным маршем (пехота ехала на арбах) мы двинулись по отвратительной горной дороге за неприятелем. Через урочище Мин-Тюбе мы дошли до города Оша, причем авангард моего отряда имел несколько лихих стычек с бежавшими халатниками, захватил несколько орудий и много разного оружия. Выполнив возложенное на меня поручение, я вернулся в Маргелан и представил отчет начальнику экспедиции о своем набеге.

Первая часть кампании была окончена, все города изъявили покорность, и земли по правому берегу Сырдарьи отошли по договору к России. Наши войска заняли город

Наманган. Но оказалось, что это было только начало конца. В конце сентября в городе Андижан вспыхнуло восстание, жители признали власть нового хана (Фулата), и вооруженные толпы конных и пеших кипчаков и каракиргизов сгруппировались вокруг него. Для наказания жителей Андижана двинут был туда довольно сильный отряд (до полутора тысяч человек) из Намангана под командой генерал-майора Троцкого[276]. Начальником штаба отряда был назначен я. Троцкий поручил мне произвести рекогносцировку окрестностей города и выбрать место для вагенбурга[277] всего отряда.

На рысях только с полутора сотнями двинулся я к Андижану, отыскал северней садов, окружавших город, удобное место для бивуака и затем узкой долиной ручья направился к самому городу. Но оказалось, что мы слишком увлеклись и совершенно неожиданно попали под сильный огонь, открытый против нас из сакель… Мы остановились в нерешительности… Вдруг выскочили целые тучи конных халатников и стали энергично на нас нападать. Пришлось медленно отступать, цепляясь за каждое прикрытие. Тем не менее бывшие со мной топографы быстро сняли кроки местности, а я наметил позиции для наших батарей. Так, отстреливаясь, мы медленно отступали и в два часа отошли едва полверсты. Наконец нас выручил полковник Борх[278], который из авангарда прискакал на выстрелы. Без него нам пришлось бы плохо – силы были слишком неравны.

---

[276] *Троцкий Виталий Николаевич* (1835–1901) – участник Крымской войны 1853–1856 гг. и Среднеазиатских походов Русской армии.

[277] *Вагенбург* – укрепление из повозок военного обоза.

[278] Граф Борх Юрий Александрович (1836 – после 1906) в 1870-х гг. состоял в распоряжении командующего войсками Туркестанского военного округа. С 1884 г. генерал-лейтенант. Автор воспоминаний о М. Д. Скобелеве (*Борх Ю. А.* Воспоминания о М. Д. Скобелеве (Отрывок из записок) // Исторический вестник. 1908. № 9. С. 946–950).

На следующий день, 1 октября, произведен был штурм города. После артиллерийской подготовки мы несколькими колоннами направились на штурм, ворвались в город и, разрушая на своем пути баррикады, завалы, устроенные жителями на улицах, добрались до главной площади, где находился ханский дворец. Я командовал одной из колонн, и моим солдатам пришлось немало поработать штыками. Кокандцы стреляли в нас из ружей, пистолетов, пушек, прячась за стенами, в саклях, мечетях. Разгромив город, произведя во многих местах пожары, истребив изрядное количество противника, войска наши с площади двинулись обратно к вагенбургу, находившемуся за городом. Штурм этот нам обошелся очень дешево – мы потеряли не более 50 человек. Неприятелю же был нанесен чувствительный урон.

Исполнив свою задачу, т. е. наказав жителей за вероломство, отряд двинулся в обратный путь, к Намангану. Во время этого отступления неприятель был особенно назойлив, дерзок. Я командовал арьергардом всего отряда и на своих плечах выносил всю тяжесть отступления. При входе в дефиле я принужден был, ввиду их назойливости, броситься в атаку с сотней сибирцев. Несколько десятков халатников пало под ударами наших шашек, но и я потерял тоже семь казаков – потеря довольно чувствительная. Чтобы не оставлять тела на поругание противника, я спешил казаков, и, благодаря подоспевшей во время пехоте, все тела были подобраны. Благодаря таким постоянным задержкам наше отступление было очень медленно.

Хорошее дело было при Муласы. Этот кишлак заняли кипчаки и своим огнем очень беспокоили наш отряд, расположившийся бивуаком. Две роты пехоты посланы были, чтобы выбить оттуда кипчаков. Я и Меллер-Закомельский, вооружившись ружьями, тоже поместились в рядах этих рот, чтобы принять участие в штурме. Кипчаки были выбиты, и

мы стали их преследовать, но, увлекшись последним, мы неожиданно наткнулись на конные толпы неприятеля, которые бросились на нас… Но наши солдатики не растерялись. Они быстро сомкнулись в кучки и встретили эти конные толпы дружными залпами. Затем мы спокойно отошли, не тревожимые более противником. 5 октября ночью мы сделали нападение на неприятельский бивуак, который находился от нашего расположения в нескольких верстах.

В два часа ночи я тихо выступил с двумя сотнями (сибирцев и оренбуржцев) к неприятельскому бивуаку. За мной следовал с пехотой Меллер-Закомельский. Безмолвно подошли мы к безмятежно и крепко спавшим сынам Магомета и неожиданно с громким криком «ура» врубились в середину бивуака. Никаких мер охранения неприятель не принял для ограждения себя от всяких случайностей, и потому мы обрушились на них, как снег на голову. Невозможно передать картину хаоса, который наступил в неприятельском бивуаке вслед за нашим нападением. Крик панического ужаса проснувшихся кипчаков, бегство и фырканье сорвавшихся с коновязи лошадей, отдельные ружейные и пистолетные выстрелы, воинственные крики наших казаков, характерные звуки сабельных ударов по головам и плечам азиатов – все это слилось в какой-то дикий концерт разрушения и смерти! Эта картина ночного боя, вернее, бойни, достойна кисти хорошего баталиста!

Сколько мы порубили кокандцев, сколько взяли оружия, значков и других трофеев – я уж, право, не помню. Неприятельский отряд был силой около двух с половиной тысяч, что обнаружилось утром по числу оставшихся на бивуаке чалм, которые магометане, ложась спать, снимают с головы. Вообще, это было лихое дело, в котором лавры разделили казаки с пехотой. Нравственное впечатление этой ночной победы было настолько сильно, что отряд мог спокойно отходить, уже ни разу не тревожимый противником.

Мы вернулись в Наманган. Я был произведен в генералы, зачислен в свиту Его Величества и назначен начальником Наманганского отдела. Инсуррекционное движение[279], однако, не утихло. Недели через две мне донесли, что Батырь-Тюря, один из претендентов на ханский престол, со своей шайкой занял город Чует и возбуждает население против нас. С небольшим отрядом я выступил из Намангана, рассеял шайку и занял Чует. Воспользовавшись моим отсутствием в Намангане, кипчаки возмутились, напали на оставшиеся в этом городе войска и принудили их очистить цитадель. Но я уже спешил на выручку и освободил от кипчаков, которые три дня осаждали лагерь, в котором наши молодцы защищались после очищения цитадели. Затем я бомбардировал город и взял его штурмом. Мои войска потеряли около 40 человек, потери же неприятеля были громадны.

Вскоре мне пришлось разорять новую шайку кипчаков, которая собралась на левом берегу Сырдарьи, у города Балыкчи. Совершенно неожиданно напал я на беспечных халатников, разбил их наголову, уничтожил большие склады продовольствия, заготовленные жителями, и вернулся снова в Наманган. Потери моего отряда были самые ничтожные. Однако же кипчаки, эти буйные сыны Ферганы, не хотели смириться и продолжали свою враждебную агитационную деятельность. На мое представление о необходимости нанести решительный удар кипчакам – разгромить их селения-зимовки в горах – последовало разрешение Кауфмана, и я стал готовиться к новой зимней экспедиции. Зимний поход для нашего казака-солдата не страшен, особенно если снабдить его всем необходимым. Русский человек привык к холоду, морозу, снегу – это его союзники, друзья. Для жителей же

[279] То есть антиправительственное.

юга (каракиргизов, кипчаков) это, напротив, самый лютый враг, особенно если принять во внимание их неподготовленность к зимним операциям.

Отряд я сформировал довольно сильный (до двух с половиной тысяч) из всех родов оружия и тщательно снабдил его всем необходимым. Под Рождество мы выступили в путь по отвратительным горным дорогам и принялись за вандальское разрушение местности Эки-Су-Арасы между реками Нарын и Карадарья. Несколько кишлаков было сожжено, разорено, несколько шаек уничтожено, паника распространилась на население далеко за пределы нашего марша. Между тем один из главных агитаторов восстания, Абдур Рахман, стянул к себе значительные силы кипчаков (до 20 тысяч), занял город Андижан и возмутил жителей, которые решили упорно обороняться. Тогда я вторично подошел с войсками к Андижану.

Два раза я посылал в город с предложением жителям сдаться, но оба раза они отказались. Волей-неволей пришлось прибегнуть к крайним мерам. Я выдвинул батареи на позиции, бомбардировал город и затем двинул пехоту на штурм. Город был занят, и Абдур Рахман со своими полчищами бежал в город Ассаке. Не давая ему опомниться, я преследовал его форсированным маршем до Ассаке, где он со своими кипчаками занял сильную позицию на высотах близ города. Здесь снова произошел бой, который окончился для нас блистательной победой. Кипчакам нанесено было решительное поражение. Абдур Рахман, Батыр-Тюря и другие руководители восстания сдались в плен. Разных трофеев – орудий, ружей, холодного оружия, лошадей и проч. – была взята масса.

Наша победа при Ассаке имела огромное нравственное значение, и вся восточная часть ханства сразу изъявила полную покорность, изо всех городов явились немедленно

депутации. В западной половине ханства брожение, впрочем, продолжалось. Оставался еще один враг, некто Фулат-бек, который со своей шайкой удрал в Алайские горы и занял укрепленный кишлак Учь-Курган. Честь разбития этого последнего принадлежит всецело полковнику Меллер-Закомельскому и его храброму, разумному помощнику – капитану Куропаткину (Алексею Николаевичу). Посланный мною отряд из семи сотен под командой Меллер-Закомельского в Алайские горы напал ночью на шайку Фулата и нанес ей жестокое поражение. Захвачено было пять орудий, масса разного оружия, бунчуков, амуниции и проч.

Эта славная победа была триумфом наших военных действий в долине Сырдарьи. С соизволения Государя Императора решено было присоединить ханство к российским владениям. Со своими войсками я занял столицу ханства – Коканд и объявил жителям о состоявшейся воле «белого царя». При этом я прибавил, что всякая новая попытка к восстанию поведет за собой самые суровые, репрессивные меры с нашей стороны. Я дал слово, что разгромлю край, не оставлю камня на камне, виновных перевешаю. С этими господами нужно быть великодушным, гуманным – раз они изъявляют покорность, кладут оружие, и суровым, безжалостным – если они нарушают данное слово, прибегают к коварству. И в этом последнем случае надо действовать по-тамерлановски[280].

Народы Коканда увидели, что я с ними не шучу, что, в случае надобности, я не задумаюсь прибегнуть от угроз к делу… Скрепя сердце, они покорились печальной необходимости, т. е. изъявили полную покорность и вернулись к своим мирным занятиям. К русским они стали относиться с боязнью и уважением!.. Плодородный уголок с трудолюби-

[280] То есть крайне жестоко.

вым населением еще более увеличил и без того обширные владения России! Государю Императору угодно было назначить меня начальником новой, Ферганской области.

Вот, господа, вкратце я изложил вам сущность двух экспедиций, в которых я принимал участие и о которых сохранил самое светлое воспоминание. Мой рассказ очень неполон, сжат и, конечно, не удовлетворяет вас, военных людей. Я выбросил все специальные сведения – названия войск, число их, состав колонн, фамилии начальников, различные подвиги единичных лиц и целых частей, боевые заслуги каждого рода оружия и проч. и проч. Более подробно я расскажу вам когда-нибудь в другой раз. А теперь – спокойной ночи, господа, – я спать хочу!»

* * *

Заканчивая свои воспоминания, я позволю себе сказать по поводу их несколько слов. Я никогда не думал, что мне придется когда-нибудь делиться с публикой своими воспоминаниями о пережитом прошлом, и потому весьма вероятно, что при своих описаниях я впал в некоторые незначительные погрешности, неточности.

Извиняюсь заранее перед благосклонным читателем и прошу его снисходительнее отнестись к моему труду. Я не задавался трудной целью писать строгое описание военных действий, воспроизводить перед глазами читателя картины боя и подвиги русских людей в единицах и массах… Я просто хотел поделиться с ним своими впечатлениями о пережитых десять лет тому назад боевых днях и хоть немного познакомить его с симпатичной личностью Скобелева – этого рыцаря XIX столетия, который блеснул таким светлым метеором на горизонте русской жизни…

И если я доставил читателю хотя бы маленькое удовольствие своим рассказом, который взят целиком из жизни, в котором нет ничего выдуманного, преувеличенного, – я буду считать себя счастливым.

город Новочеркасск

Приложения

Д. Д. Оболенский
Воспоминание о последних днях М. Д. Скобелева

Последние несколько недель перед смертью Скобелева мне приходилось много его видеть. Михаил Дмитриевич часто приезжал в Москву и останавливался в «Славянском базаре» или у Ивана Ильича Маслова, управляющего Московской удельной конторою. И. И. Маслов был крестник ещё деда Скобелева, Ивана Никитича, генерала от инфантерии и военного писателя, чуть ли не воспитывался вместе с его сыном, будущим генерал-лейтенантом Дмитрием Ивановичем, и был этой семье всем обязан. Он без памяти любил Михаила Дмитриевича, говорил ему «ты» и «Миша». Скобелев доверял Ивану Ильичу, который вел все его дела, бесконечно. Он же держал все деньги Михаила Дмитриевича, словом, был полным хозяином его состояния, которое было очень солидным. Отправляясь в дальние походы, Михаил Дмитриевич был полностью спокоен за свои гражданские дела.

В начале июня 1882 года я несколько раз завтракал со Скобелевым в «Славянском базаре» и наслаждался его беседою. Он не верил в продолжительность мира на Балканах и твердил, что там опять неминуемо начнётся смута. Как-то раз я зашел к нему в «Славянский базар», где он занимал внушительное помещение, ранее обыкновенного. «Генерал в ванне», – сказал мне его денщик. Я прошел в ванную комнату, где застал М. Д. читающим газету.

– Ты читал известия из Болгарии? – спросил он меня.

Я ответил, что нет.

– Турки нарушили границы, уже были стычки. Если это верно, то я там буду недели через три, и тогда посмотрим. У

меня есть такой план обороны Болгарии, за который бы англичане сотни тысяч заплатили, – пошутил он.

Пока я проглядывал статью, Михаил Дмитриевич одевался, меня поразила дряблость его 39-летнего тела…

Этот день он был в духе и всё время повторял, что если только известия из Болгарии верны, то он через две-три недели будет там.

– Но надо взять с собою много денег, – добавил он. – Я все свои процентные бумаги реализую, всё продам. У меня на всякий случай будет миллион с собою. Это очень важно…

Мы продолжали завтракать… Вынув карандаш, М. Д. тут же на скатерти чуть ли не целую карту нарисовал. Видно, он был очень увлечен своим планом.

Через несколько дней я встретился с Михаилом Дмитриевичем в Петербурге и зашел к нему. Я застал его в распоряжениях о продаже бумаг, облигаций, золота, акций и проч.

– Всё взято из Государственного банка, всё продано – собирается около миллиона. Да из Спасского (Рязанское имение его) хлеб продастся, он в цене, – вот и соберется миллион. Всё это будет препровождено Ивану Ильичу, который положит деньги в Государственный банк на текущий счет.

Затем я встретил М. Д. у одного нашего общего приятеля, который нуждался в деньгах. Он был очень близок со Скобелевым и в свое время не раз выручал его. Но теперь, когда он попросил у Скобелева 5000 рублей на несколько дней, тот отказал.

– Не могу дать никоим образом, – объяснил М. Д. свой отказ. – Я должен собрать миллион и дал себе слово до начала войны (очевидно, на Балканах) не тратить ни копейки из этого миллиона. Миллион будет у меня наготове, если придется ехать в Болгарию…

Эта будущая война на Балканах и надобность зачем-то иметь миллион, никак не меньше, занимала все его мысли.

Прошло еще несколько дней. Около 23–25 июня я снова был в Москве и в том же самом «Славянском базаре» встретился со Скобелевым. М. Д. был сильно не в духе: не отвечал даже на вопросы, а если и отвечал, то как-то нехотя, отрывисто, словно через силу. Видно было, что думал он совсем о другом.

– Ну, что же, будем завтракать?

Он отказался, но прошел за мной в отдельный кабинет, даже выпил бокал шампанского. Потом начал взволнованно ходить взад-вперед. Когда же метрдотель «Славянского базара» Делопре предложил ему какую-то необыкновенную яичницу, он рассердился и сказал, чтобы тот не приставал к нему со своими глупостями.

– Да что с вами наконец? – спросил я. – Сердитесь по каким-то пустякам… Вам, должно быть, нездоровится?

Скобелев ответил не сразу. Потом сказал, продолжая мерять шагами небольшой кабинет, словно лев в клетке:

– Все мои деньги пропали… Весь миллион.

– Как так? – ужаснулся я.

– Да я и сам ничего понять не могу… Представьте себе: Иван Ильич реализовал по моему приказанию все бумаги, продал золото, хлеб и… сошел с ума! Я не знаю теперь, где деньги. Сам он невменяем, ничего не понимает. Впал в полное сумасшествие. Я не знаю, что теперь делать…

Я был так поражен его словами, что не знал, что же посоветовать. Наконец, сказал:

– Так ведь миллион – это такая сумма, что ее нельзя похитить незаметно. Дайте знать по всем банкам, наведите справки.

– Да я всё это и делаю. Но ни в одном банке не оказалось моих денег…

В этот день Михаил Дмитриевич много пил, всё больше портер пополам с шампанским. Видно, хотел залить свое горе…

На следующий день я опять сидел в ресторане вместе со Скобелевым и его родственником, моим большим приятелем, графом А. П. Барановым. Граф, как мог, старался отвлечь М. Д. от мрачных мыслей, но напрасно. Видя, что он много пьет, я пытался остановить. М. Д. огрызнулся:

– Оставь, что тебе за дело. Мне жить осталось, я это знаю, каких-нибудь два-три года. Я и хочу прожить их всласть, как мне хочется…

Но, увы, судьба судила ему прожить не два-три года, а два с небольшим дня. Михаил Дмитриевич Скобелев скончался от сердечного приступа в ночь с 25 на 26 июня.

Узнав о внезапной его кончине, я прибежал в московскую гостиницу Дюссо, где он умер, и застал его почти, можно сказать, теплого. Он точно спал… Тут же был и граф А. П. Баранов, который присутствовал при вскрытии тела. Сердце 39-летнего мужественного красавца Скобелева оказалось настолько дряблым, что почти расползалось. С таким сердцем нельзя было жить. Дни его и так были сочтены, а отчаяние из-за исчезнувшего неизвестно куда миллиона усугубило безнадежное его положение и приблизило роковую развязку.

Мне невольно вспомнились слова Михаила Дмитриевича о смерти:

– Нет людей, – говорил он, – которые не боялись бы смерти. И если тебе кто скажет, что не боится, – плюнь тому в глаза: он лжет. Но есть люди, кои имеют достаточно силы воли этого не показывать, тогда как другие не владеют собою и бегут с поля боя – бегут от смерти, от которой не убежать. Я имею силу воли не показывать, что боюсь; но происходит внутренняя борьба страшная, и она ежеминутно отзывается на сердце.

Да, очень может быть, что внутренняя борьба довела сердце Скобелева до разрыва. Такого раннего, такого неожиданного…

Перед высоким трагизмом смерти этого человека вопрос о пропаже его капитала в миллион с лишним рублей – такой сравнительно незначительный, но он создает таинственность вокруг последних дней его жизни. Словно какая-то злая сила лишила его материальных знаков существования, чтобы тут же отнять и саму жизнь.

На похоронах М. Д. Скобелева среди множества венков был один с особенной надписью: «*От русского Генерального штаба – Суворову равному*».

О. Ф. Гейфельдер
Воспоминания врача о М. Д. Скобелеве (1880–1881)[281]

I

В понедельник на Светлой неделе 1880 года я получил от начальства из Тифлиса телеграмму следующего содержания: «Приезжайте на курьерских, устраните все препятствия, даже завалы». Я тогда занимал место главного врача грозненского военного госпиталя. Сдав госпиталь и собрав необходимые вещи, я выехал на другой же день в полдень. Нигде не отдыхая ни минуты, я проскакал чрез Владикавказ ночью и остановился только на несколько часов на первой станции Военно-Грузинской дороги. Я ничего не знал о завалах в горах и других препятствиях пути, о которых телеграф успел известить Владикавказ и всю Россию. Рано утром, радуясь, что станция пуста и, сверх ожидания, никакой задержки не представляется, я сел на тройку и прибыл на следующую станцию Ларс. Здесь ожидало разочарование. Содержатель станции доложил мне, что доехать до третьей станции нельзя, по причине земляного обвала и что еще выше на перевале дорога завалена громадной снежной лавиной.

---

[281] Этот отрывок печатается по изданию: Воспоминания врача о М. Д. Скобелеве // Русская старина, № 10. 1886 г.

Я все-таки спросил лошадей и опытного ямщика, и без особых препятствий доехал я до половины станции. Но здесь, за мостом, все шоссе было завалено грудами камней и земли. Ямщик отправился за верховыми лошадьми в какой-то не видный в тумане аул, оставив меня на тележке. Через полчаса привели двух тощих оседланных лошадей. Я сел на одну из них, а на другую взобрался денщик с чемоданом впереди. Вслед за проводником-горцем мы перебрались на правую сторону оврага и по старой дороге достигли Казбека. Отсюда до Коби шоссе было свободно. Без отдыха мы проехали это расстояние по-курьерски.

Смотритель станции Коби был крайне удивлен и обрадован, увидев, после нескольких дней одиночного заключения, человека. Он предостерегал меня от всякой попытки отправиться далее, в Годоур, ввиду того, что, начиная уже со второй версты от станции, дорога скрыта под снежным завалом, доходящим до высоты дома. Нечего было делать, я подчинился своей судьбе и, подкрепившись закуской, обратился к обычному спутнику моему, английской книге. Вдруг вижу работников, идущих с Годоура, и слышу, что некоторые из них собираются на следующий же день идти обратно туда же, где многие сотни рабочих за хорошую плату заняты раскопкой дороги от снежного завала. Если эти люди рискуют за деньги, то я мог сделать то же самое ради чести. Я нанял их в проводники. Они просили только, чтобы мы пустились в путь в сумерки, так как днем поверхность снежного пласта разрыхляется и подтаивает от палящего солнца, и опасность провалиться на несколько сажен под лавину уменьшается только ночью, когда снег твердеет.

Мы вышли в два часа утра и стали перебираться через снежный перевал в следующем порядке: впереди шел рабочий, потом я, после меня рабочий с чемоданом, потом мой денщик, а за ним опять рабочий. Веревок, крючков или па-

лок, как бывает у швейцарских или тирольских проводников, с ними не было. Тяжело было в военном мундире и теплом пальто, в военных галошах, тащиться по узким тропинкам. Далеко под ногами скрывались в снегу телеграфные проволоки. Над нами высились крутые голые скалы и обрывы гор. Кругом все бело, воздух холодный и редкий, дыхание учащалось и стеснялось. Приходилось беспрерывно останавливаться для передышки, но всякая остановка вызывала протесты проводников: «Скорее и скорее вперед, чтобы успеть перебраться через снежную лавину до восхода солнца».

Тяжело дыша, грузно передвигая ноги, мы шли дальше. Крупные капли пота падали со лба. Иногда подъем был так крут, что можно было взбираться только при помощи рук. Вдруг, из расселины гор, показались первые лучи раннего солнца. Скоро рассеялась ночная тень, и вся снежная лавина ярко заблистала. Мы удвоили усилия, но с каждым шагом стали замечать, как снежная кора все более и более утрачивала свою упругость. Ноги наши вязли все чаще и глубже. То один, то другой из нас проваливался по колено в снежную массу и требовал помощи. Проводники понукали к возможной поспешности: «Еще немного усилий, – уверяли они, – и мы спасены». Уже последние силы наши, казалось, истощились, как вдруг – небольшой спуск, потом поворот вправо и мы очутились у каменного моста, – мы были у цели. У моста кончался завал. Рабочие бросили на землю чемодан, шубу, лопатки и, опираясь о перила моста, сказали: «Теперь, барин, ты можешь отдыхать, сколько хочешь. Можешь есть и пить, и нам что-нибудь дашь». Как этот отдых был сладок, как вкусно мы закусили!..

Остаток пути до станции не представлял уже никакой опасности. Сначала мы шли по каменистому грунту, прикрытому слабым слоем тающего снега, а потом по расчищенному уже шоссе между высоких снежных стенок, около

которых копошились сотни рабочих рук. В Годоуре я не хотел отдыхать и, взяв свежую тройку, беспрепятственно доскакал до станции Млеты. На южном склоне гор уже снега не было, – все в зелени и в цветах; по обе стороны дороги с высота струились прозрачные ручейки снежной воды. Тут уже ни земляные, ни снежные обвалы не преграждали пути.

В красивом Млете меня встретило известие, что дальше ехать нельзя, потому что шоссе перед Пассанауром залито водою. Я все-таки не хотел уступить. Ни лавина, ни земляной обвал не задержали, надо и воду одолеть. Я только обещал лошадей и ямщика не подвергать опасности и возвратить их, если дальше ехать нельзя. Мы пустились по этой хорошо устроенной и хорошо содержимой дороге. Благодаря таянию снега в горах, дорога эта теперь беспрерывно пересекалась быстрыми потоками воды. Мы переехали маленький, потом большой ручей и, наконец, целый водопад. Следующий горный поток, вылившийся с гор через дорогу, был такой быстрый, что тройка с трудом тащила пустую телегу, а мы шли пешком по реке выше до мельницы, где по доскам и камням переправились через нее. Еще 2–3 версты проехали хорошо. Перед следующим горным водопадом ямщик объявил, что переезд невозможен, и был отправлен назад. Какой-то геркулес, в образе местного жителя, сначала перенес меня, потом денщика и, наконец, несчастный чемодан, и провожал меня дальше. Пришлось идти вброд, прыгать по камням, но мы шли охотно и радовались потом успехам.

Недалеко от Пассанаура с обрыва неслась широкая, быстрая река. На том берегу мы видели множество людей: дамы, офицеры, задержанные в пути, инженеры и рабочие, которые защищали берег от наводнения. Они послали ко мне еще трех человек в помощь к моим двум. Самый сильный из них взял меня на плечи, двое поддерживали с обеих сторон, а остальные шли впереди и сзади. С противоположного берега

протянули к нам длинные шесты, затем радушные руки схватили и вытащили нас на берег, где встретило нас дружное «ура!». Со всех сторон посыпались вопросы: «Откуда вы? Разве переход через горы уже возможен?» Любопытство это было вполне понятно: все эти путешественники были задержаны в Пассанауре и нетерпеливо ждали возможности переехать через Кавказский хребет. Триумфально ввели меня в Пассанаур, угощали и просили рассказать о моем пути. Я хотел ехать далее, но встретил серьезный протест со стороны инженера дистанции. Часть шоссе была оторвана водою, ехать было опасно, тем более что уже вечер приближался. Инженер обещал до следующего дня сделать новую дорогу, повыше разрушенной, и обещал сам заехать и проводить меня до безопасной дороги. Что делать? Остался и гостил первый раз после двух суток. В 11 часов утра инженер пришел. Мы отправились на нововырубленную дорогу и оттуда я доехал, уже без особых препятствий, до Тифлиса.

Там я нашел Скобелева, который назначен был временно командующим войсками Ахалтекинского отряда. Я застал Скобелева в совещании с помощником наместника, князем Меликовым. Мне предложили должность отрядного врача. Это переворачивало все мои планы и семейные расчеты, но в службе нельзя признавать отказа. Я представился генералу Скобелеву. Молодой герой и на меня, как на всех, произвел сильное впечатление; гораздо охотнее, нежели думал, вступил я в разговор о походе. В заключение Михаил Дмитриевич объявил: «завтра отправляюсь в Владикавказ, через неделю надеюсь быть в Закаспийском крае».

– Завтра? – спросил я с удивлением. – Завтра невозможно: дорога еще не отрыта. Вам нельзя ехать…

– Вы все-таки приехали? – перебил он.

– Да, но я пешком шел, вброд переходил реки.

– Что вы могли, то и я могу! – вскричал молодой генерал и полушутя-полусерьезно посмотрел на меня.

Сам не знаю, как это случилось, что я молодому герою не доверил и заподозрил, чтобы он в состоянии был перенести те самые чрезвычайные физические тягости, которые я сам только что перенес. В этом сомнении, очевидно, сказалось невольно сложившееся заключение, созданное под влиянием первого впечатления, произведенного на меня Скобелевым, как на врача. Должно быть, я не доверял, чтобы эта странная, элегантная фигура, этот человек с аристократическою внешностью и с прекрасными, но все-таки уже поблекшими, потертыми жизнью чертами лица, мог находить в себе силы и выносливость, достаточные, чтобы совершить рискованный, утомительный, прозаический, вовсе не эффектный переход через реки, горы и снега. Следовательно, Михаил Дмитриевич мне, как врачу, не делал впечатления сильного организма, он не отвечал идеалу здоровья, крепости и выносливости натуры.

Мысль эта долго занимала меня. Я старался уяснить себе причину, как мог я, при первом свидании храброму и мною уважаемому генералу высказать такое, почти обидное, сомнение в его силе и энергии. Правда, что я представлял себе молодого героя совершенно иначе: более плотным, суровым и воинственным. Но внезапно составившееся во мне сомнение, в крепости организации Скобелева и его способности переносить большие труды и продолжительные тягости, вполне оправдалось потом во время экспедиции его частыми заболеваниями и, к сожалению, его раннею смертью. Я вовсе не хочу сказать (даже допустить), что все это сложилось в самом начале моего знакомства со Скобелевым и было так же ясно и понятно мне, как теперь. Но факт приведенного разговора существует, и о нем, может быть, помнит черногорец доктор Гвозденович, живший со Скобелевым в гостинице «Лондон», в Тифлисе.

II

7 августа 1880 года я приехал в Закаспийский край в сопровождении доктора Яшина, секретаря канцелярии отрядного врача. Скобелева мы не нашли ни в Красноводске, ни в Чикишляре. Я, осмотрев госпитали и выработав доклад о причинах болезненности между войсками отряда, 12 августа выступил с оказией из Чикишляра по атрекской линии. Первый ночлег был в крепости Кара-Джа-Батыр, второй – в Ягли-Олуме. Я нашел эту военную дорогу уже хорошо организованной, приемные покои в порядке, только эвакуация больных на арбах мне показалась неудовлетворительной и была предметом одного из моих первых рапортов командующему войсками. Скобелев телеграфировал из Терса-Кан в Оглы-Олум ждать его там, потому что он уже на обратном пути. Ночью в два часа он прискакал, окруженный казачьим конвоем. Пока он закусывал, мы сидели с ним в кибитке и говорили о деле, между тем, он несколько раз прерывал разговор, спрашивая у меня:

– Что говорят на Кавказе о нашей рекогносцировке, 6 июля, до стен Геок-Тепе? Что говорят в Тифлисе? Что сказал Великий князь?

Я не мог удовлетворить его, так как приехал не из Тифлиса, но отвечал, что военные, с которыми я встретился в пути, назвали эту рекогносцировку очень рискованным делом, которая, слава Богу, счастливо обошлась. После часу отдыха, Скобелев сменил лошадь, поскакал в Чикишляр, куда и я должен был возвратиться вслед за ним.

Этот раз я нашел Михаила Дмитриевича загорелым и более мужественного вида. Уже одна полевая форма и высокие сапоги увеличивали воинственное впечатление, но меня поражала его нервная раздражительность и поспешность, с которою он говорил, спрашивал, ел, пил и собирался к отъезду.

Приехавши в Чикишляр, я нашел Михаила Дмитриевича в постели. Вследствие усиленной верховой езды у него появилось сильное геморроидальное кровотечение. Генерал пролежал семь дней в постели, отчасти по причине общей слабости, отчасти из осторожности, чтобы не вызвать новое кровотечение. Наружное и внутреннее употребление льда и железные препараты достигли мало-помалу устранения патологических явлений.

При этом случае я первый раз исследовал Скобелева, как врач. Он был высокого роста, стройного телосложения; скелет скорее мелкий, чем крупный, широта плеч не особенно развита (что при погонах или эполетах не так бросалось в глаза). Мускулатура не так была сильно развита, как это бывает у людей, занимающихся с малолетства фехтованием, гимнастикой, верховой ездой и т. д. Я удивился, что musculi bicepsiet deltoideus – относительно мало выдавались. Лицо, десны и соединительная оболочка глаз были бледны; кожа суховатая, желтовато-белого цвета, мало обросшая волосами. Он показал мне два незначительного объема рубца, на правом боку и на бедре, которые остались после ранений в Туркестане и на Дунае.

Он пояснил, что об этих ранениях, как неважных, он не заявлял и вообще не любил о них говорить. Вот каким образом могло установиться мнение, что он никогда не бывал ранен. Подкожный жировой слой у него почти не существовал. Живот был несколько втянут, печень, в особенности левый лоскут печени, представлялся увеличенным и при надавлении немного чувствителен. Череп у Михаила Дмитриевича был замечательно регулярного овала; лобные бугры выдавались; голова была покрыта густыми волосами темно-русого цвета; борода также густая, но светлее волос головы. Глаза, которые m-me Adan и г-н Немирович-Данченко описывают голубыми, имели переменный цвет: светло-коричневого или

желтоватого оттенка. Радужница (Iris) около зрачка обрисовывалась темнее.

Если генерал сердился, то из глаз сверкали фосфорические искры, и они получали зеленый вид, «как у тигра», говорил часто один из преданных ему офицеров. Когда он был спокоен и в хорошем расположении духа, то взгляд принимал очень мягкое выражение и под тенью темных и длинных ресниц мог производить впечатление темно-серого цвета. Когда Михаил Дмитриевич был болен и в упадке духа, лежал иногда с полуоткрытыми и безжизненными глазами, в такие минуты лицо его принимало тот вид, который представляла потом снятая с него посмертная маска.

Во время болезни в Чикишляре аппетит у него был уменьшенный, пищеварение замедленное. Оказалось, что Скобелев уже годами употреблял слабительное, и что еще со времени туркестанского пребывания периодически страдал печенью и желудком. Дыхательные органы, напротив, были удивительно здоровые, и везикулярное дыхание происходило у него так, как будто он никогда не страдал катаром.

Кроме расширения геморроидальных вен, он страдал также расширением вен семенного канатика (varicocele), от которого уже в 19-летнем возрасте лечил его известный в Петербурге врач Б. Сравнительно с ростом и летами, пульс у Скобелева был слабоват и мелкий, и соответственно тому деятельность сердца слаба, и звуки сердца, хотя и чистые, но глухие. Этот результат аускультации и пальпации, состояние всех вен и артерий, насколько они доступны наружному осмотру, вместе с патологическим состоянием вен, дали мне основание заключить о слабо развитой сосудистой системе вообще и в особенности о слабой мускулатуре сердца. Я считал своею обязанностью не скрывать перед Михаилом Дмитриевичем своего заключения, остерегал его от усиленной верховой езды и обратил его внимание на то, что его телосложение более деликатное, нежели крепкое.

В разговоре я себе позволил спросить:

– Отчего вы вообще так много ездили, по 120 верст в день и три дня подряд, когда никакой надобности в том не было?

Молодому герою показалось смешно, что ему могли задать такой вопрос.

– Хотя дело не идет ни о жизни, ни о победе, но все-таки ежеминутно следует показать и себе и другим, что мы в состоянии перенести, – ответил он.

– На этот раз вы себе и мне доказали противное. У вас сделалось сильное кровотечение, вы лежите и едва в состоянии заниматься, а от вашего здоровья зависит слишком много, – судьба экспедиции и нас всех. Вам следует избегать всего, что может вредить вашему здоровью. Du reste votre organisme est plutot delicat que vigoureux. Vous n'etes nullement aussi fort, que vous supposez[282].

При этих словах, еще за минуту перед тем чуть не замертво лежавший, Скобелев разом вскинулся и, обратившись ко мне, метнул один из тех своих взглядов, которые искрили его глаза зеленоватым цветом. На мгновение вся усталость исчезла с его лица:

– Je suis d'une tres grande force, j'ai bien supporte des fatigues extraordinaires[283].

– Oui, mon general, a force d'energie morale et pourtant pas inpunemen[284]. (См., впрочем, его собственный взгляд на этот пример в его приказе по 4 армейскому корпусу (1881–1882 г.) № 16: «Известно, что на войне нравственный элемент относится к физическому, как 3: 1», и т. д.)

Разговор перешел на другие предметы. Тем у нас всегда была тысяча и одна; кроме нашего главного дела, нам пред-

---

282 Впрочем, ваш организм скорее нежный, нежели крепкий, вы не так сильны, как вы предполагаете.

283 Я замечательно сильный, я перенес необыкновенные тягости.

284 Да, ваше превосходительство, благодаря нравственной энергии, и то не совсем безнаказанно.

ставлялся благоприятный предмет для обмена мыслей: и Петербург, и Европа, и политика, и литература, и даже древние классики. В конце описанного свидания Михаил Дмитриевич, возвращаясь опять к началу нашей беседы, сказал на прощанье:

– Что касается верховой езды, то не вмешивайтесь в нее никогда, если мы должны оставаться друзьями.

После перенесения главной квартиры из Чикишляра в Красноводск, мне все-таки удалось регулировать образ жизни Михаила Дмитриевича, и в этот более спокойный период времени он согласился соблюдать известные правила и допускал до некоторой степени мое вмешательство. Было необходимо что-нибудь сделать, потому что пищеварение у него было замедленное, неправильное, язык был редко совсем чист, очень часто после обеда являлось давление под ложечкой и даже тошнота. Всякий раз, когда появлялись эти припадки, у Михаила Дмитриевича обнаруживался упадок духа, он становился раздражителен и хандрил. Верховую езду он бросил совсем, сидел, писал, диктовал и читал по целым дням.

Он, так сказать, голодал до 5–6 часов, а за обедом ел на целые сутки – и слишком скоро, и слишком много; особенно он услаждался закускою. Такой образ жизни я не мог, понятно, оправдывать. Я просил генерала делать прогулки, хотя изредка ездить верхом и уговаривал его ходить во время диктовки, а не сидеть. Я предлагал ему, кроме обеда, назначать еще завтрак, хотя бы самый незначительный. Потребовав, чтобы мне ежедневно показывали menu, я велел прибавить овощей, фрукты, желе, к постному мясо и уменьшить соления и пряные блюда. Сидя за одним столом рядом со Скобелевым, я сам наливал ему вино в умеренном количестве и воздерживал его от неумеренного потребления льда.

Скобелев, страдая постоянно жаждой, пил много сельтерской и содовой воды, лимонад и предпочитал шампанское всем другим напиткам. Этим питьем, содержащим углекислоту, он поддерживал искусственным образом желудочный катар и ненормальную жажду, вызывавшую позыв опять к тем же напиткам. Он сам не отвергал, что прежде иногда крепко кутил. Но я свидетелем, что Скобелев, во время экспедиции, к водке не прикасался и пил вино весьма умеренно. Не мешает добавить, что Скобелев не курил и не играл в карты. Его привычки были эстетические; относительно одежды, белья и тела он соблюдал чрезвычайную чистоту и опрятность. В этом отношении самый взыскательный гигиенист мог быть доволен Михаилом Дмитриевичем; но его диета и образ питания, как уже сказано, были против всех правил гигиены. Или он ел раз в сутки – и тогда слишком скоро и слишком много, или несколько дней вовсе не ел, а потом вдруг опять начинал с жадностью есть все, что ни попало. Его пристрастие к неудобоваримой пище и к шампанскому было крайне вредно, но неискоренимо.

Когда я предлагал ему для завтрака, по крайней мере, мясное блюдо и рюмку хересу или мадеры, Скобелев возражал, что ни того, ни другого вина он не любит. Я предлагал портвейн, капвейн, малагу, токайское, он на все отрицательно качал головою.

– Du viey Macon, qu Lafitte, du Larose?

– Je ne prends pas de vin rouge[285].

– Может быть, рюмку старого рейнвейна? Это оживляет пищеварение и вызывает аппетит.

– Не хочу, это кисло, я люблю только шампанское.

Так я вынужден был согласиться, чтобы на завтрак ему подавали бифштекс или кусок сырой ветчины с бокалом

---

[285] Я не пью красное вино.

шампанского. Только этой уступкой я выговорил более равномерное потребление пищи.

Впрочем, в заключение подобных отговорок, я как-то сказал, шутя, генералу:

– Кто достиг 40 лет и еще не знает, что переносит его организм и что ему вредно, тому нельзя помочь.

Михаил Дмитриевич захохотал и отвечал:

– Это самое говорил императору Вильгельму его лейбмедик доктор Лауер; только он говорил о 80 летах, а вы о 40!

Режим этот оказался очень удачным, и за все время, что я знал Скобелева, он никогда не был так здоров и доволен, как в эти 5 недель, проведенные в Красноводске.

По поводу эвакуации больных и приспособления к этой цели казенного парохода «Наср-Эддин-Шах», я уехал на несколько дней в Баку, где имел дело с адмиралом Свинкиным, интеллигентным и предупредительным человеком. После трех– или четырехдневного отсутствия, возвратившись в Красноводск, я поспешил в кабинет Михаила Дмитриевича справиться о его здоровье.

– Не спрашивайте, – отвечал он, – я такая обезьяна, что, пользуясь вашим отсутствием, ел и пил все, что вы мне запретили, а теперь я опять болен.

И действительно, у него опять лицо было желтое и усталое, пищеварение опять неправильное. Мы возобновили прежнюю диету и лечение. Для избежания углекислых напитков, мы обращались к употреблению эссентукских лепешек, мятных и др. лепешек, которых генерал во все время экспедиции истреблял в невероятном количестве.

В ноябре месяце в укреплении Дуз-Олум Скобелев начал опять хворать. Недоставало ежедневного морского купанья, которым он пользовался в Красноводске и Чикишляре; меню изо дня в день становилось однообразнее, аппетит у него уменьшился; к этому прибавилось еще его нетерпение, которое росло с каждой неделей, с каждым днем.

Доставка боевых припасов и провианта, окончание железной дороги, перевозка войск с западного берега не так быстро совершались, как он желал. Кроме того, осенние дожди стали частенько падать и превратили глиняный грунт нашей стоянки в мягкую скользкую массу. У Скобелева расположение духа и нравственные впечатления всегда действовали на нервную систему и на пищеварение, и наоборот.

Опять появилось давление в правой подреберной области, тошнота после кушанья; я опять мог констатировать, что левый лоскут печени увеличен и давил на желудок, когда тот выполнялся и начинал работу пищеварения. В дополнение внутреннего лекарства, я посоветовал согревающие компрессы на область печени. После этого Михаил Дмитриевич чувствовал значительное облегчение. Но когда он узнал, что эту процедуру придется проделывать несколько дней, может быть даже несколько недель, он закричал:

– Вы меня не знаете, если вы предполагаете, что я соглашусь каждый вечер подвергаться одной и той же мере! Выдумайте что-нибудь другое.

Тогда я помазал ему область печени tinctura jodi. Когда йод стал щипать и жечь, то Скобелев остался очень доволен, говорил, что это средство хорошее, что действие его сейчас заметно, и просил побольше намазать. Я строго запретил повторение этого средства в мое отсутствие и обещал на следующее утро зайти и узнать об успехе. Не успели наступить сумерки, как Михаил Дмитриевич входит ко мне в кибитку. Голос у него слаб и дыхание как-то прерывисто.

– Доктор, – сказал он, – помогите, я опять сделал глупость: вопреки вашему распоряжению, я велел себя еще раз хорошенько намазать йодом, но теперь у меня невыносимая боль.

Мы пошли к нему. При осмотре я нашел намазанное место темно-коричневого цвета, пропитанное йодом, а кругом кожу ярко-красную, воспаленную, чувствительную. Я велел

поскорее обмыть йод тепловатой мыльной водою, потом налить миндальное масло и прикрыл все обожженное место ватою от доступа воздуха. При этом больной лежал в горизонтальном положении, судорожные стягивания пальцев и лицевых мышц показывали жестокость боли, конечности у него стали холодеть, лицо бледнело, и я вторично мог констатировать ненормальную чувствительность периферической и центральной нервной системы. Уже одно прикосновение тепловатой воды, обмывание излишнего йода, изолирование воздуха уменьшили боль до некоторой степени; но я сидел до полуночи у постели пациента, который после припадка лежал бледный и изнуренный, с закрытыми глазами, и в первый раз вызвал у меня как бы призрак умершего.

На следующее утро, после глубокого сна, Скобелев встал бодрый и веселый, его экстренное и самовольное лечение, видимо, имело хорошее влияние на печень. Впрочем, у него была такая эластическая натура, что от всех впечатлений он весьма быстро поправлялся. Но этот успех форсированного лечения только подлил масла в огонь. Скобелев соглашался в теории с моими гигиеническими советами, а на практике знать их не хотел.

– Такие предписания, регулирующие всю жизнь, деморализуют меня как военного. Я хочу жить так, как мне угодно и как придется, а если заболею, дадите лекарство, чтоб я или разом выздоровел, или же издох.

На такие героические средства я, конечно, не соглашался и не переставал убеждать, требуя рационального образа жизни и говоря ему, что человек не должен форсировать натуру и обязан не только признавать общие физиологические законы, но и сообразоваться с пределами своих собственных физических сил, своей выносливости. Я и теперь убежден в справедливости моих советов и уверен, что при

таком режиме Скобелев мог бы жить до сих пор. Но случилось иначе, наши отношения несколько охладели. Скобелев стал иногда добывать для себя слабительные и другие лекарства через других врачей. Смешно было только то, что нередко эти врачи брали эти снадобья все-таки у меня.

III

27 февраля 1881 года мы имели нашу последнюю частную и конфиденциальную беседу. Она происходила на персидской территории. Между другими, совсем частными, разговорами я убедительно просил генерала, когда он только будет свободен, пользоваться серьезно минеральными водами. Я советовал, по приезде в Петербург, подвергнуться консультации, для чего я его снабдил историей болезни и письмом к петербургскому знаменитому врачу. Со своей стороны, я предлагал ему Эссентукские воды, которых источник № 17 отвечал бы вполне состоянию его желудка и печени, и советовал потом отдохнуть в Кисловодске от тягостей похода.

– Ба, там скучно!

– Если хотите, вы можете ехать в Карлсбад, – отвечал я. Но он возразил:

– Прежде всего, еду в Париж, мне надо освежиться после этой скуки. Нельзя ли потом выбрать французские минеральные воды?

Я указал на возможность пить воды в Виши и потом купаться в море, близ Биаррица. Это уже более нравилось молодому генералу, но все-таки видно было, что он не очень серьезно думал о своем лечении.

– Не поступите, – сказал я, – как царь Фараон, который сейчас же забыл 10 казней, когда они прошли; сделайте что-нибудь серьезное для вашего здоровья. Вы еще в летах, когда болезни вылечиваются.

Не помню, при этом случае или ранее, он говорил мне:

– Вы слишком теоретически, слишком систематически поступаете, вы все хотите рассчитать на несколько месяцев вперед.

Скобелев не исполнил ни одной меры из тех, которые я советовал; не лечился минеральными водами, отдыхом не пользовался. То возбуждение и расстройство нервной системы, которые остаются после войны у каждого, даже далеко не так тонко организованного человека, как Скобелев, он хотел победить постоянными переездами, работою, речами и кутежами. Он только увеличивал это расстройство и этим путем изнурил слишком рано свой организм, и без того не очень выносливый.

Правда, что для него и его памяти лучше, что все это кончилось смертью, а не параличом или патологическим состоянием нервов, как я иногда боялся. Но для меня, как врача и его знакомого, остается вечное скорбное сознание, что катастрофа была бы предотвращена, если бы в его слишком бурной и подвижной жизни явился успокоительный элемент и регулятор, в виде семейства или врача-друга.

О. Ф. Гейфельдер, доктор медицины

Главные вехи Военной карьеры генерала от инфантерии М. Д. Скобелева

1862 – произведено в портупей-юнкера.

1863 – произведен в корнеты.

1863–1864 – добровольцем участвовал в подавлении Польского восстания. Награжден орденом Св. Анны 4-й степени. Произведен в поручики.

1866–1868 – учился в Николаевской академии генерального штаба. Произведен в штабс-ротмистры.

1872 – назначен в подполковники.

1873 – участвовал в Хивинском походе. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

1874 – произведен в полковники, назначен флигель-адъютантом с зачислением в свиту Его Императорского Величества.

1875–1876 – участвовал и руководил операциями по присоединению к России Кокандского ханства. Награжден орденами Св. Георгия 3-й степени и Св. Владимира 3-й степени, золотым оружием «За храбрость». Произведен в генерал-майоры.

1877–1878 – участвовал и руководил различными операциями в Русско-турецкую войну: форсирование Дуная, штурм и осада Плевны, овладение Ловчей, зимний переход через Балканы, сражение у Шипки-Шейново. Награжден золотым оружием «За храбрость». Произведен в генерал-лейтенанты, назначен генерал-адъютантом к императору России

1880–1881 – руководил Ахалтекинской операцией и осадой крепости Геок-Тепе с целью присоединения Ахалтекинского, Мервского и Пендинского оазисов Туркмении к Российской империи. Награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. Произведен в генералы от инфантерии.

Награды М. Д. Скобелева

Российские

Орден Святой Анны 4-й степени за храбрость (1863)

Орден Святого Георгия 4-й степени (1873)

Золотая сабля «За храбрость» (1875)

Орден Святого Георгия 3-й степени (1875)

Золотая шпага «За храбрость» с бриллиантами (1876)

Орден Святого Владимира 3-й степени с мечами (1876)

Орден Святого Станислава 1-й степени с мечами (1877)

Золотая шпага «За храбрость» с бриллиантами за переход через Балканы (1878)

Орден Святой Анны 1-й степени (1879)

Орден Святого Георгия 2-й степени (1881)

Иностранные:

Прусский орден Красного Орла 2-й степени с мечами (1874)

Прусский орден Pour le Mérite (1878)

Сербский орден Таковского креста 1-й степени большой крест (1878)

Черногорская медаль (1878)

Сербская золотая медаль за храбрость (1878)

Румынская медаль за воинскую доблесть (1878)

Румынский Крест «За переход через Дунай» (1878)

Прусский орден Красного Орла 1-й степени с мечами (1879)

Содержание

С. Л. Марков. Памяти М. Д. Скобелева 1
Письменные распоряжения М. Д. Скобелева, написанные им незадолго до смерти, опубликованные П. А. Дукмасовым 32
Приказы Скобелева 1877–1878 годов 32
Приказы по 16-й пехотной дивизии за 1877-й год 36
Приказы по авангарду действующей армии за 1878 г. 100
П. А. Дукмасов. Со Скобелевым в огне. Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов и о М. Д. Скобелеве его ординарца Петра Дукмасова 122
Предисловие к первому изданию 122
С полком 132
Со Скобелевым в огне 237
Со Скобелевым вне выстрелов 407
Приложения 585
Д. Д. Оболенский. Воспоминание о последних днях М. Д. Скобелева 585
О. Ф. Гейфельдер. Воспоминания врача о М. Д. Скобелеве (1880–1881) 589
Главные вехи Военной карьеры генерала от инфантерии М. Д. Скобелева 606

Стою за правду и за армию!

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Е. Романова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru